

Achtung! Partisanengefahr!

ВНИМАНИЕ! ОПАСНОСТЬ-ПАРТИЗАНЫ!

К[redacted] Владимиру

В честь окончания школы № 49

Родители

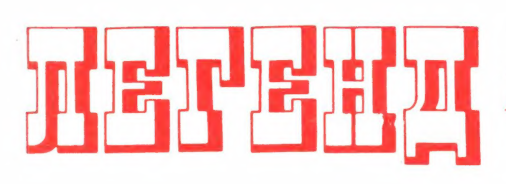
1975 г.

ЛЮДИ ЛЕГЕНД

Издательство
политической
литературы
Москва · 1975

ЛЮДИ

Очерки о партизанах и подпольщиках Героях Советского Союза

Выпуск пятый

«Всенародная партизанская война населения Украины и Белоруссии, Смоленщины и Брянщины, всех временно оккупированных областей повергла в прах надежды наших врагов на то, что Советская власть не выдержит обрушившихся на нее испытаний. Эта борьба показала, как дорожат советские люди своей народной властью».

Л. И. Брежнев

9(С)277
Л93

Составители:

В. В. Павлов,
И. П. Селищев.

В. Ванькович,
И. Селищев

ЕСЛИ ВЕРЕН РОДНОМУ КРАЮ

(Об Алексонисе Ю. Ю. и Чепонисе А. М.)

Юозас Алексонис и Альфонсас Чепонис... Кто теперь не знает этих героев в Прибалтике! Да и не только в Прибалтике. Их именами названы улицы и площади в городах, колхозы и школы, корабли и пионерские дружины.

Они были хорошими друзьями, хотя и редко встречались. Знакомство произошло не в школьные годы, а несколько позже и отнюдь не в спокойной обстановке. Разумеется, каждый из них имел свой характер, свои привычки, свои достоинства и свои недостатки. Одно их роднило, что явилось и главной причиной дружбы между ними,— это вера в счастливое, светлое будущее, во имя которого они поклялись не пожалеть своих жизней. И свою клятву сдержали. Они погибли в жестоких схватках с фашистскими палачами.

Ни Алексонис, ни Чепонис не оставили о себе и о своей трудной работе в подполье каких-либо записок или писем. Скудны и архивные материа-

лы. Мало осталось в живых и свидетелей тех событий, которые связаны с именами молодых героев. Однако авторам этого очерка все же удалось разыскать факты, дающие возможность представить себе облик патриотов-подпольщиков.

Юозас Алексонис

Юозас подошел к окну и тихо открыл створки. В комнату ворвалась волна свежего воздуха, шум городских улиц. Вдали виднелся острый шпиль крепостной башни. Ее контуры были хорошо знакомы Юозасу. В 1938 году старый коммунист подарил Юозасу снимок площади этого города. С тех пор он не расставался с дорогой реликвией, бережно хранил ее вместе с комсомольским билетом, который носил с 1936 года.

1938 год... О, какой это памятный год!

Юозас сел на подоконник, задумался. Кажется, с тех пор минуло немного времени, а сколько воды утекло, сколько произошло событий. И каких событий! Да, для Алексониса тот год был действительно незабываемым. В Литве свирепствовал реакционный режим. Слежка, аресты, пытки, тюрьмы — вот что сопровождало прогрессивно настроенных людей, не говоря уже о коммунистах и комсомольцах. И в этот период Алексонис, юноша с беспокойным сердцем, становится подпольщиком. Он прекрасно сознавал, на что идет и что ожидает его в случае провала. Он жаждал борьбы, горячей, активной, с теми, кто заставил его и тысячи ему подобных с малых лет вдоволь хлебнуть горя, кто принудил его жить впроголодь, работать до седьмого пота за гроши.

Юозас выполнял различные поручения: проводил беседы с молодыми рабочими и студентами Каунаса, устанавливал связи с подпольными группами районов города, распространял нелегальную литературу, листовки о жизни в Советском Союзе, особенно молодежи. Горячее было время... Не каждый юноша решался в пору злейшей реакции стать членом подпольной комсомольской организации!..

Алексонис провел рукой по голове, встал перед распахнутым окном. Его радовало, что и древняя площадь, и возвышающиеся над крепостной стеной башни совсем рядом, и он любил почти каждый день смотреть на них.

Юозас Алексонис знал, что близок день, когда ему

придется покинуть школу. Родина призвала его стать на борьбу с ненавистным врагом, обрушившим на города и села Страны Советов огненный смерч. И он откликнулся на этот призыв не задумываясь, ибо так велел ему долг патриота, воина и комсомольца. Юозас понимал, что сражаться придется с еще более беспощадным и коварным врагом, нежели это было в годы подполья. Юноша с жадностью читал сведения о том, как в фашистском тылу с каждым днем все ярче разгорается пламя партизанской войны, как все чаще и чаще среди холмов Литвы взлетают на воздух вражеские эшелоны, а меткие пули народных борцов разят гитлеровцев на каждом шагу. И вот он, комсомолом призванный,— в школе специального назначения, готовится для борьбы с врагом в его глубоком тылу.

Юозас еще долго стоял у открытого окна, любуясь вечерним городом. Затем подошел к столу и склонился над томиком сочинений А. С. Пушкина. В свободную минуту его всегда видели с книгой великого русского поэта. Особенно неравнодушен был он к стихам, воспевающим свободу, равенство и братство. Юозас стремился хорошо овладеть не только техникой радиста, но и русским языком. А кто же лучше Пушкина мог помочь ему в изучении русского языка!

Учеба в школе отличалась большой напряженностью. Много надо знать и уметь будущим партизанам. Теоретические занятия перемежались с практическими. Вот и вчера курсанты совершили большой марш-бросок по пересеченной местности. Надо было пройти ночью свыше пятидесяти километров, ориентируясь только по звездам. Задача оказалась не из легких: на путь отводилось строго определенное время, а финишировать надо было точно в указанном месте. Усталость ребят валила с ног, однако никто не просил и минуты отдыха. Даже чуть-чуть медлительные и не всегда разговорчивые Янкунас и Мартинайтис были в ту ночь по-особому веселы и жизнерадостны. Лишь когда пришли в указанный пункт и услыхали похвалу инструктора, все в изнеможении опустились на землю...

Сейчас ребята отдыхают. Юозас вглядывается в их лица и старается представить себе, как комсомольцы будут действовать в тылу врага. Выдержат ли? Не подведут ли? Ведь он старше их по возрасту, у него есть опыт подпольной борьбы, и друзья нередко обращаются к нему за советом. В такие минуты Юозас был откровенен.

Юозас знал многое о том, что происходило в Литве. Он следил за сообщениями печати, старался встретиться с соотечественниками, которым удавалось вырваться из лап фашистов. Ему стало известно, что на первом этапе партизанского движения в Литве многие отряды распались, а бойцы приняли мученическую смерть. Алексонис не удивлялся этому. Прибалтика не Белоруссия. Советская власть здесь только-только вступила в свои права. Именно на это рассчитывали гитлеровцы и их верные прислужники — литовские националисты.

Фашистской пропаганде, поддержанной националистами, в большинстве выходцами из «бывших», удалось все же сыграть свою роль в судьбе некоторой части литовской молодежи. Но эта роль оказалась роковой, что обнаружилось очень скоро.

Слышал Юозас о напряженных боях частей Красной Армии под Шяуляем, в которых самое активное участие приняли рабочие батальоны, а также о боях за города Алитус, Зарасай, Ионаву...

Дошли до него сведения о подвиге вооруженного отряда рабочих города Рокишкис. Отряд попал в окружение. Только неимоверными усилиями он прорвал смертельное кольцо, уложив на поле битвы десятки фашистов и захватив солидные трофеи. С глубоким волнением Алексонис выслушал рассказ о зверской расправе в Каунасской дубовой роще, учиненной над подпольщиками Альфонсасом Вилимасом и Альбертасом Слапшисом.

За последнее время все чаще и чаще приходили сведения об успешных действиях партизан Каунаса, Шяуляя, Укмерге, Утены...

Алексонис охотно делился полученными сведениями с товарищами по школе. Частенько между курсантами завязывались продолжительные беседы, споры. С радостью встречались сообщения о партизанских победах. Поток этих событий непрерывно расширялся.

* * *

Курсанты были все в сборе.

— Пятнадцать минут на ужин, а затем в класс,— объявил Юозас.

Он подошел к друзьям и с легкой грустью в голосе произнес:

— Завтра, ребята, с вами расстаюсь.

Комсомольцы с завистью посмотрели на своего друга. Вот счастливец! Он скоро увидит родной край, старых товарищей по подполью.

— Вы не огорчайтесь,— с улыбкой успокаивал друзей Алексонис,— скоро встретимся. Знаю, сердца ваши уже там. А это все.

— Если бы ты знал, каким я горю желанием хоть на один день очутиться среди каунасских комсомольцев,— с жаром проговорил Альфонсас.— В сущности, настоящая наша жизнь, Юозас, началась там. Верно? — Глаза его просветлели и наполнились большой невысказанной гордостью.

— Верно, мой друг, верно. То, что мы тогда не успели сделать для Родины, постараемся сделать теперь.

— Очень хотелось бы встретиться с Губертасом Борисом,— с волнением проговорил Чепонис.

— И мне,— заключил Юозас. Беседа прервалась, подошло время ужина.

Но на следующий день Алексонис не уехал. Он попросил доктора, чтобы ему сделали операцию. На его лице было родимое пятно, а это лишняя примета. Кто знает, что его ждет на родной земле, занятой врагами.

* * *

...Враг отброшен от стен Москвы, наголову разбит у волжских берегов под Сталинградом. Над многими тысячами городов и сел страны взвилось алое знамя победы. Но фашистский зверь был еще грозен и опасен. Шел 1943 год. В Литве по-прежнему хозяйничали оккупанты. Из громкоговорителей, со страниц буржуазной печати грязным нескончаемым потоком лилась ложь о силе немецкой армии и ее непобедимости, клевете на советский строй, на Коммунистическую партию.

Гитлеровцам, как мы уже говорили, помогали предатели литовского народа — буржуазные националисты. Свое гнусное предательство они пытались прикрыть личиной патриотизма.

В авангарде борьбы с ненавистным врагом стояли комсомольцы. С верой в победу советского народа и Советской власти в Литве, не щадя жизни, они вели отчаянную борьбу с гитлеровцами. В неравной схватке с врагом падали одни, но на смену погибшим вставали новые и новые герои-

комсомольцы. Фашистская пропаганда всячески пыталась убедить население Каунаса, что с коммунистами покончено. Это была ложь. И когда однажды после очередной порции лжи умолк голос диктора, в радиоприемниках послышался спокойный голос:

— Внимание! Внимание! Говорит радиостанция «Голос правды».

Затаив дыхание, слушали жители Каунаса таинственный голос, который сообщал о событиях на фронте, призывал к борьбе с фашистскими оккупантами. Затем, сделав небольшую паузу, тот же голос прочитал дерзкие частушки, в которых высмеивались Гитлер и его приспешники.

«Дойчланд, дойчланд юбер аллес...»
Что же с Гитлером там сталось?
Побледнел и похудел,
Хоть все сало наше съел...

Много раз подпольная радиостанция выходила в эфир. Население с нетерпением ждало ее позывные. Радиостанция методично сообщала правдивые сводки с фронта, рассказывала о партизанских вылазках, о зверствах, чинимых новым правительством над беззащитным населением, предупреждала жителей об очередных провокациях, которые готовили фашисты и их прихвостни. Много людей спасла радиостанция от немецкой неволи и мучительной смерти.

Кто же был этот смельчак — хозяин таинственного голоса? То был голос пламенного комсомольца Юозаса Алексониса.

Закончив курсы радистов, он прибыл в родной край в самое тяжелое время, летом 1943 года. В застенках гестапо погибли многие товарищи. Пали смертью героев Сергей Петраускас, Феликсас Ветринас, Дмитрий Путилов, бессмертный подвиг совершили Меерис Лурье и Файвелис Парадас. Юноши работали на складе боеприпасов в пятом форту. Чуть ли не каждый день комсомольцам удавалось принести что-либо из оружия для подпольной организации. Но немцы стали замечать пропажу и установили тщательнейшее наблюдение. И тогда ребята решили взорвать склад.

Однажды ночью огромной силы взрыв потряс город. Под бетонными обломками нашли себе могилу десятки гитлеровцев.

Юозас Алексонис знал многих погибших комсомольцев-подпольщиков. Но как бы ни тяжела была утрата друзей,

он не падал духом. В эфир посылались на восток ценнейшие сведения. По его сообщениям советская авиация совершила несколько успешных налетов на военные объекты противника.

Неожиданно фашисты обнаружили подпольную радиостанцию. Лишь по счастливой случайности никто из комсомольцев, в том числе и Юозас, на этот раз не попал в лапы гитлеровцев. Через некоторое время Алексонис получил другую рацию.

— Где думаешь установить станцию? — спросил связной.

Алексонис немного помедлил с ответом, а затем сказал:

— Станция будет работать в районе Верхний Шанчяй, на улице Лентварю.— Заметив недоумение на лице связного, решительно добавил: — Установим прямо над тоннелем. Я облюбовал там хороший домик. Из его окошка железнодорожная станция видна как на ладони. Думаете, опасно? Нет, фашистам и в голову не придет, что аппарат находится у них под самым носом.

— Тебе видней, смотри. Штаб просит соблюдать предельную осторожность.

— Передай, приму все меры.

В январе 1944 года Красная Армия прорвала блокаду Ленинграда и повела решительное наступление. Гитлеровцы бросали на север все новые и новые подкрепления, но многие вражеские железнодорожные эшелоны с техникой и людьми взлетали на воздух от умело заложенной партизанской мины или же попадали под смертоносный груз советских бомбардировщиков. Все чаще Каунасский железнодорожный вокзал окутывался пламенем и дымом. Радист Алексонис смотрел на море огня и радовался метким бомбовым ударам советских летчиков.

В один из вечеров связной сообщил, что на улице появились подозрительные субъекты. Сомнений быть не могло: гитлеровцы что-то пронюхали. Быстро свернув радиостанцию, Юозас под покровом ночи скрылся.

Через несколько дней комсомолец обосновался в доме коммуниста-подпольщика Обелениса. Теперь Юозас лишен был возможности наблюдать за движением вражеских эшелонов. Успокаивало его то, что новое место оказалось весьма надежным. Тихий переулок Шешупес на Раудондварском шоссе вполне устраивал радиста. К тому же за последнее время была создана широкая сеть связных. Особенно

хорошо проявили себя комсомолки Стасе и Ванда Обелените. Девушки каждый день приносили ценные сведения. И снова, как неделю назад, за линию фронта полетели радиограммы.

Фашисты поняли, что против них работает опытный и дерзкий партизан-радист. На этот раз разведка гитлеровцев действовала осторожнее. Медленно, шаг за шагом она сжимала кольцо вокруг домика в переулке Шешупес.

В один из дней, когда Юозас Алексонис готовился к очередной передаче, он по привычке бросил взгляд в окно: по переулку, окружая дом, с автоматами наизготовку бесшумно двигались гитлеровцы. Юозас схватил аппарат и с пистолетом в руке выскочил на веранду. Несколько одиночных выстрелов разорвали вечернюю тишину, а затем громко застучала дробь автоматов.

Юозас метнулся к заборчику, вскочил на него, но тут же упал. Когда гитлеровцы приблизились, они увидели комсомольца, к груди которого был крепко прижат аппарат, а рядом лежал пистолет с пустой обоймой.

Альфонсас Чепонис

Если вам когда-либо придется посетить Каунас, побывайте в Шанчяе. Центральная улица этого района города примыкает почти к берегам Немана. К ней, словно ручьи в весенний паводок, сбегаются улицы и переулки.

В любую пору года здесь прекрасно. Весной склоны оврагов одеваются в белую пену цветущих вишневых садов, а летом все утопает в гуще зелени. Удивительно красивы эти места и зимой. Обнаженные деревья словно напоказ открывают ряды небольших домиков, выстроившихся вдоль горбатых улиц. А те, что примостились на склонах гор, кажутся одиноко парящими птицами над Неманом.

В январе 1944 года в Шанчяе разыгралась трагедия. Было тихое зимнее утро. Выпавший за ночь снег шапками лежал на деревьях, крышах и мостовых улиц. Однако к десяти часам потеплело, и с крыш обильно закапало — в здешних местах это не удивительно. Вдруг тишину нарушили захлебывающийся стук пулеметов и дробь автоматов, изредка заглушаемые взрывами гранат. Жители привыкли к стрельбе. Как правило, она длилась недолго. Но на этот раз стрельба продолжалась четыре с лишним часа. Это Альфонсас Чепонис вел с врагом свой последний бой.

* * *

Альфонсас родился в семье рабочего-железнодорожника. Рос, как все его сверстники. В школьном музее, носящем имя партизана, среди других экспонатов имеется несколько ученических тетрадок, в которых детской рукой четырехклассника написаны нехитрые стихотворения.

Любил он и спорт. Особенно манила мальчишку голубизна неба. Едва Альфонсасу исполнилось шестнадцать лет, он становится курсантом школы планеристов. На пожелтевшем от времени листке среди других тридцати трех имен юношей, кто успешно выдержал экзамены по теории планеризма, написано и имя Альфонсаса Чепониса. Но самое знаменательное событие у Альфонсаса произошло на год раньше. В 1939 году он вступил в подпольный Союз коммунистической молодежи Литвы.

Это был год начала второй мировой войны. Реакция, царившая в Литве, жестоко расправлялась с теми, кто пытался обличить ее, рассказать правду народу о господствующем классе буржуазии. Тысячи коммунистов и комсомольцев томились в концентрационных лагерях и тюрьмах. По заданию городского и уездного райкомов комсомола Чепонис разносит политическую литературу, участвует в печатании листовок, призывающих народ к свержению власти капиталистов и помещиков.

В 1940 году в Литве была восстановлена Советская власть. Юноша с жаром включился в новую жизнь. Теперь он был уверен, что все его планы осуществятся.

1941 год прервал мирную жизнь советского народа. Чепонис с присущей ему пылкостью приступил к организации боевых дружин из самых активных комсомольцев, понимая, что его долг — быть там, на переднем крае борьбы с ненавистным врагом. Однако понадобилось еще много времени, прежде чем комсомолец лицом к лицу встретился с фашистскими оккупантами.

Подавляющая масса литовской молодежи не поддалась на ложные приманки геббельсовской пропаганды, всячески отказывалась от вступления в фашистские легионы. Сотни и тысячи молодых патриотов уходили на восток. С грустью расставались они с родным краем. Не всем удавалось уйти незамеченными. В коротких стычках с гитлеровцами гибло немало молодых литовцев. Смерть друзей еще больше ожесточала ребят, звала к мщению.

Первое время Альфонсас трудился на оборонных предприятиях в тылу страны. Затем по призыву Центрального Комитета комсомола Литвы он поступил в школу радистов. Здесь Альфонсас, как мы уже писали, и встретил своего товарища по подполью Алексониса. К сожалению, мы не располагаем точными данными о работе Альфонсаса Чепониса как радиста. Нет точных сведений, встречался ли он в тылу врага со своим другом. Известно лишь, что во время пребывания комсомольца в Каунасе над железнодорожной станцией и над другими важными военными объектами много раз появлялись советские бомбардировщики.

Чепонис не однажды принимал участие в боевых операциях против оккупантов. Он не мог сидеть сложа руки на конспиративной квартире. Юноша рвался в гущу событий, стараясь заразить своим примером, мужеством и отвагой подпольщиков-комсомольцев.

В декабре 1943 года Каунасский подпольный горком Коммунистической партии Литвы принял решение помочь партизанам, действовавшим в близлежащих районах. Было создано четыре группы, в которые вошли испытанные бойцы. Перед ними стояла задача: соединившись с партизанами, разработать план дальнейшей борьбы против фашистов. Важно было и другое — установить постоянную связь с партизанами. В городе в это время действовала группа коммунистов и комсомольцев, которая вела пристальное наблюдение за передвижением войск противника.

Одну из групп возглавил Повилас Штарас. В нее входил и Альфонсас Чепонис. Комсомольцы благополучно миновали заставы гитлеровцев и в установленных пунктах соединились с партизанами.

Группе Повиласа Штараса предстояло провести ряд диверсий на отрезке железной дороги Каунас—Ионава. Это было трудное задание. Здесь фашисты несли охранную службу особенно тщательно. К тому же возле железнодорожного полотна местность была открытой, а в ближних деревнях и хуторах немало обосновалось буржуазных националистов.

Партизанам в ту ночь повезло. Метель не переставая бушевала круглые сутки, быстро заметая следы. Чепонис, как более опытный, шел впереди. За плечами висел мешок с минами. Скоро путь партизанам преградила изгородь из щитов. Сомнений быть не могло — рядом железно-

дорожная насыпь. Альфонсас раздвинул щиты, прислушался. Никаких подозрительных звуков, лишь по-прежнему завывала вьюга.

— Давай, Альфа, приступай,— сказал Повилас Штарас.— Устроим фашистам зимний концерт.

Альфонсас махнул друзьям рукой и подполз к полотну. Он развязал мешок, вынул мину и разгреб снег. Через несколько минут заряд был уложен и тщательно замаскирован.

Ребята с нетерпением ожидали возвращения товарища. Большинству из них еще не приходилось участвовать в подобных операциях. И вот уже Альфонсас среди друзей.

— Надо замаскироваться. Метель вроде пошла на убыль. Да и ждать, видимо, придется долго,— сказал Повилас Штарас.

Партизаны дружно принялись за работу. Вскоре глубокая яма скрыла всю группу. Комсомольцы плотно прижались друг к другу, прислушиваясь к каждому звуку.

Время тянулось медленно. Кое-кого стало клонить ко сну. Шум народился незаметно. Ребята подняли головы. Но это оказался не тот поезд, который они ждали. Альфонсас не ошибся. Еще в детстве отец научил сына по звуку определять, какой идет состав. Нередко, когда они вместе рыбачили на Немане, отец вдруг спрашивал:

— Ну, а этот паровоз что тащит: пассажирские или грузовые вагоны?

Альфонсас прислушивался к перестуку колес, к дыханию локомотива и отвечал:

— Пассажирский...

Постепенно светало. Метель угомонилась, низкие облака уплыли на восток. Приближался день. А нужного поезда все еще не было. Утро сменилось морозным ветреным днем. Он прошел в томительном ожидании. И только когда снова наступил вечер, до слуха Альфонсаса донесся тяжелый перестук колес. Вот уже из-за поворота начал выползать длинный состав. За паровозом шел пассажирский вагон, в окнах которого мерцал свет, а за вагоном — платформы, на них отчетливо чернели танки, пушки. Это было то, что так настойчиво ждали партизаны...

Взрыв потряс землю. Паровоз неуклюже подпрыгнул, а затем, клонясь на бок, рухнул под откос. За ним, громоздясь друг на друга, с оглушительным скрежетом и лязгом полетели тяжелые платформы.

Партизаны, не мешкая, двинулись в обратный путь. Неожиданно над белым полем ярко вспыхнула ракета и тут же ударил пулемет. Партизаны вначале решили не отвечать, но, когда поняли, что гитлеровцы заметили их, залегли и открыли огонь из автоматов.

Едва погасла ракета, диверсанты вскочили и бросились вперед. Но стоило вспыхнуть другой, они опять свалились в снег и дали несколько очередей. Так повторялось несколько раз, пока партизаны не перевалили через бугор. Теперь им был не страшен огонь врага. Впереди маячила темная полоса леса. Двигались ускоренным шагом. Вслед прозвучало еще несколько одиночных выстрелов, но от преследования противник, видимо, отказался.

Лес встретил партизан настороженной тишиной. Альфонсас устало опустился на ствол упавшего дерева и тихо обронил:

— Товарищи, я ранен в ногу. Помогите перевязать.

Нелегким был обратный путь в Каунас. Неоднократно вступали в стычки с фашистскими наймитами. Через сутки удалось доставить Альфонсаса в предместье города Жалакальнис и поместить в квартире связной Альге Девайтите. Она позвала знакомого врача, который оказал раненому первую помощь, сделал перевязку. Уходя, врач сказал:

— Больной слишком много потерял крови. Ему нужен покой. Только это спасет ему жизнь. Если здесь опасно, постарайтесь найти другую квартиру. Предупреждаю: больному нужен покой.

Комсомольцы понимали, что оставлять Альфонсаса на квартире Альге Девайтите нельзя. Решили отправить Чепониса к матери. Иного выхода не было.

И опять длинный, опасный путь, теперь через весь город. К счастью, все обошлось благополучно.

Мать бережно уложила сына в постель и села рядом на стул. Думала ли она, что спустя два с лишним года после расставания она вот так встретится с ним? С той поры старая женщина не знала покоя ни днем ни ночью. Больше всего ее тревожило то, что ее любимого сына обнаружит гестапо. К сожалению, Альфонсас поправлялся слишком медленно. Только через две недели он смог подняться с постели. Первые шаги давались с большим трудом.

А когда ложился снова на кровать, рука невольно тянулась под подушку — там были спрятаны гранаты и пи-

столет. Тут же у изголовья, прикрытый полотенцем, стоял автомат. Больше всего угнетала Альфонсаса его беспомощность. В такие минуты он любил вспоминать о своих друзьях, близком детстве.

Наступило утро 24 января 1944 года. Альфонсас лежал на кровати и ждал прихода матери. Она каждое утро ходила на базар, чтобы обменять что-либо на продукты. Неожиданно до его слуха донесся шум моторов. Чепонис вскочил и глянул в окно: в узкой улочке стояло несколько грузовиков. В черных шинелях эсэсовцы выпрыгивали из автомашин и разбегались по соседним дворам. «Окружают»,— мелькнула мысль.

Вот уже кто-то ворвался в дом. В коридоре застучали кованые сапоги. Чуть приоткрылась дверь. Альфонсас метнул гранату и дал из автомата длинную очередь. Фашисты отпрянули. Чепонис подбежал к окну и полдиска разрядил по гитлеровцам, столпившимся у подъезда. Каратели ответили огнем. Со всех сторон трещали автоматы, пулеметы, винтовки. Альфонсас упал на пол, стараясь понять, откуда ведется самый сильный огонь. Пули прошивали деревянные стены насквозь и с визгом ударялись в кирпичную стенку печи.

На верхнем этаже дома находились жильцы с детьми. Они умоляли фашистов выпустить их.

Через несколько минут выстрелы утихли и со двора послышалось:

— Партизан, сдавайся!

Альфонсас молчал. Длинная очередь ударила по дому, и снова наступила тишина. Через некоторое время черные фигуры снова стали приближаться к дому. Чепонис, подождав минуту, бросил в зияющий проем окна гранату, а затем вскочил и стал расстреливать гитлеровцев.

И снова со всех сторон загремели выстрелы. Фашисты установили на балконе противоположного дома пулемет, и теперь пули впивались в пол рядом с героем. Альфонсас отполз к печи и укрылся за шкафом. Прошло еще несколько минут неравного поединка. Казалось, партизан погиб. Но стоило эсэсовцам приблизиться к дому, как оттуда вновь раздавались выстрелы.

Кто-то подсказал фашистам, что среди жильцов дома находится сестра Альфонсаса Онуте. Они выпустили их, тут же схватили Онуте и приказали ей уговорить брата сдаться.

Онуте вошла в комнату Альфонсаса. Брат выслушал требование гитлеровцев, поднялся с пола, обнял сестру и сказал ей:

— Передай им, что комсомольцы живыми не сдаются. Поцелуй маму. Передай нашим, что час расплаты наступит скоро. Я погибаю не зря.

Альфонсас слушал, как удалялись шаги Онуте. Он подошел к печи и ножом на штукатурке стал выцарапывать свое имя. Когда появилось пять букв «Альфа», опять загремели выстрелы. Партизан понял, что наступили последние минуты жизни. Диск автомата был уже пуст. Осталась лишь граната и пистолет с одним патроном.

Чепонис запел «Интернационал». Его услышали фашисты. Они усилили огонь, стараясь заглушить пение мужественного патриота. Потом снова устремились в дом.

В тот же миг раздался взрыв гранаты, а затем одинокий пистолетный выстрел...

Гитлеровцы вошли в дом. В углу комнаты лежал молодой бесстрашный партизан.

Так боролись и погибли во имя Советской Родины славные сыны литовского народа, члены Каунасского горкома и укома комсомола Альфонсас Чепонис и Юозас Алексонис. Они удостоены высокого звания Героя Советского Союза посмертно.

И. Борисов,
А. Суслов

ПОД ПСЕВДОНИМОМ БЫСТРЫЙ

(О Бычке О. С.)

В тылу врага мало кто знал его настоящую фамилию. Знали только псевдоним — Быстрый, который он принял перед тем, как покинуть Большую землю. Это была обычная конспиративная предусмотрительность: родные Олега Сергеевича Бычка жили на захваченной врагом Черниговщине.

Гитлеровцы боялись Быстрого. Партизанский отряд имени Дзержинского, которым он командовал, появлялся всегда неожиданно для них и так же неожиданно исчезал, оставляя обломки пущенных под откос эшелонов, пожарища складов, взорванные мосты и электростанции...

Военная биография Олега Бычка началась в 1940 году. Накануне войны он окончил пехотное училище. На фронт юного лейтенанта не отправили, хотя он и просился. Наконец повезло: зачислили в чекистский отряд, который с особым заданием направлялся в тыл врага.

26 сентября 1941 года под Смоленском отряд перешел линию фронта. Именно здесь, на Смоленщине, Бычок участвовал в первых партизанских боях: в разгроме фашистского гарнизона в деревне Красный Луг. Чекисты уничтожили семь грузовых автомашин, одну легковую, броневик, три миномета и захватили важные штабные документы. Тогда Олег участвовал и в других боевых операциях.

Отряд чекистов прошел сотни километров по Смоленской, Витебской и Калининской областям. В этом походе по тылам противника лейтенант Бычок проявил себя храбрым, волевым командиром. Бойцы полюбили его за то, что, несмотря на молодость, он действовал всегда трезво и расчетливо, мужественно и отважно.

В ноябре 1941 года, выполнив боевую задачу, отряд вернулся на Большую землю. А через несколько дней дивизионный комиссар К. Ф. Телегин от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил награжденным ордена и медали. Лейтенант О. С. Бычок был удостоен ордена Ленина.

Прошло несколько месяцев. Разгромив отборные части фашистов, Красная Армия отбросила врага от Москвы. Лейтенанта Бычка, который находился в резерве, вызвали в штаб.

— Читал ваш рапорт,— сказал генерал.— Проситесь в действующую армию. Что ж, хорошо. Только на фронт мы вас не отправим. Ваше дело отныне — партизанское. Думаем назначить вас комиссаром отряда. Справитесь?

Бычок смутился — не ждал такого назначения. Потом сказал:

— Постараюсь, товарищ генерал!

Будущие партизаны размещались в пригородном лесу. Среди кандидатов для отправки в тыл врага был и Григорий Гулевич. Этот черноволосый широкоплечий здоровяк сразу приглянулся Быстрому.

Как-то утром, во время физзарядки Олег увидел Гулевича. Он шутя играл двухпудовой гирей.

— А ну, давай попробуем, кто сколько раз выжмет,— предложил лейтенант.

Олег выжал гирю одиннадцать раз, Григорий — тринадцать.

— Силен, чертяка! — с восхищением сказал Бычок и похлопал богатыря по крутому плечу.

Вечером они встретились в бильярдной. Сыграли несколько партий. Олегу понравилось, что Григорий ловко владел кием.

Вышли из клуба поздно. Под ногами поскрипывал снег.

— Ты откуда родом-то? — спросил Бычок у Гулевича.

— Из Белоруссии. Работал в Молодечно участковым милиционером.

— Опасная работенка?

— Случалось всякое.

— На фронте был?

— А как же. Во второй Пролетарской дивизии. Недавно из госпиталя. А теперь получил назначение сюда. Сидим в резерве, в бильярдик поигрываем. Надоело!

— Хочешь в тыл врага?

— А мне хоть в тыл, хоть на фронт, лишь бы фашистов бить.

— Я назначен комиссаром спецотряда чекистов. Могу зачислить тебя в мою команду,— предложил Олег.

— Конечно, товарищ комиссар! — обрадовался Гулевич.— Лишь бы в дело поскорей!

Внимательно присматривался Быстрый к каждому новому бойцу. Люди подобрались зрелые, бывалые, такие, как Григорий Гулевич и минчанин Филипп Сергеенко. Одни побывали в тылу врага, другие на фронте и не раз, как говорят, смотрели смерти в глаза. А были и совсем молодые парни и девчата: Володе Буданцеву и Жене Ступникову едва исполнилось по семнадцать. Оба из Тамбова, добровольцы, друзья, окончили по девять классов. А Саша Татаренкова и Аня Тюленева — совсем еще девчонки. Никто из них пороху и не нюхал. Как поведут они себя в бою? Но Олег верил им так же, как и себе. Ведь и у него был первый бой и первая радость победы...

Наконец отряд сформировался, прошел подготовку, получил снаряжение.

Теплой апрельской ночью чекистов подняли по тревоге и на машинах повезли к фронту. Проехали Калинин, Старую Торопу. Здесь еще только-только налаживалась жизнь: большинство зданий разрушено, люди жили в подвалах, в землянках. Не доезжая до станции Усвяты, машины отправили назад, а сами пошли к переднему краю. В этом районе, как докладывала армейская разведка, на стыке двух немецких армий был коридор шириной километра в три-четыре.

Фронтовые разведчики без единого выстрела провели чекистов через линию фронта. Комиссар шел впереди растянувшейся цепочки. Иногда останавливался и, пропуская отряд, вглядывался в лица бойцов.

Глядя на Бычка, даже самые уставшие подбадривались: комиссар, хотя и навьючил на себя, пожалуй, самый тяжелый вещмешок, шел бодро и уверенно. Немало весила и объемистая сумка с литературой. Быстрый знал, что в фашистской неволе людям не менее, чем хлеб, требуется правдивое партийное печатное слово. Поэтому и набрал с собой листовок, свежих номеров «Правды» и «Красной звезды».

Отшагав сотни километров, отряд без потерь достиг места базирования. Предстояло действовать в весьма важном для противника районе: Полоцк — Витебск — Орша — Лепель. Через железные и шоссейные дороги, которые здесь проходили, фашисты питали армейские группы «Центр» и «Север».

Учитывая прошлый опыт, решили действовать небольшими группами. Группа комиссара Быстрого стала лагерем вблизи станции Дретунь и «обслуживала» железную дорогу между Невелем и Полоцком. Неподалеку от станции Оболь базировался Николай Братушенко со своими бойцами. Под Молодечно ушла группа Григория Гулевича.

И везде у отряда были надежные помощники — связные, подпольщики. Быстрый умел находить нужных людей. В окрестных селах, где он постоянно бывал, у него появлялись надежные друзья. Опытным проводником и умелым подрывником показал себя стрелочник Опанас Васильевич Зеньков, работавший на станции Оболь. Важные сведения о враге поступали из Орши от Прасковьи Григорьевой. Но настоящей находкой для отряда оказались однофамильцы Ивановы из деревни Порубье — бывший учитель Алексей, работник кирпичного завода Василий и самый молодой — Владимир. Владимир Иванов, как и Опанас Зеньков, работал на железной дороге и не один раз ходил проводником с Быстрым. Однажды комиссар рассказал Владимиру, что и его отец был железнодорожником — машинистом на паровозе.

— А я-то думал, что ты сам работал на железке,— сказал Владимир.

— С чего это ты взял? — спросил Бычок.

— Да уж больно хорошо знаешь железнодорожную службу!.. Все сигналы, огни... определяешь, с чем поезд, откуда идет!

— Это, брат, у меня наследственное,— усмехнулся Быстрый.

Комиссар отряда и Володя Иванов слыли среди товарищей-подрывников специалистами по железным дорогам. Любое, самое опасное предприятие на стальных путях получалось у них удачно.

Однажды они решили пустить под откос эшелон у родной деревни Ивановых — Порубье.

— А что, если минировать днем? — предложил Владимир.— Немцы привыкли, что мы ходим к железке ночью...

— Согласен,— поддержал его Олег,— хотя есть и риск: уж больно близко от гарнизона.

Через два дня, когда Владимир Иванов разузнал все необходимое об охране участка, комиссар приказал готовиться к операции. В ней кроме группы Быстрого принимала участие и группа Гулевича.

Вышли из лагеря утром. К часу дня подошли к дороге, залегли в придорожном кустарнике. Быстрый еще раз напомнил каждому боевую задачу:

— Ставить мину будем мы с Владимиром Ивановым. Гулевич с Алексеем Ивановым держат охрану слева, Корчемах и Пономарчук — справа.

Как только по шпалам прошагал патруль, подрывники, словно ящерицы, поползли к полотну. Олег копал яму для мины, а его напарник проворно собирал землю в мешок. Поставив заряд, аккуратно заровняли это место, осторожно скатились с насыпи и спрятались в кустах.

Ждать пришлось недолго. Вскоре гулкое лесное эхо принесло далекие вздохи паровоза.

— Идет из Полоцка. К фронту! — обрадовался Быстрый.— Ну, будет дело!

А поезд все ближе. Вот уже явственно слышится перестук колес... Вот из-за поворота показывается тяжелая громада паровоза. Бычок привстал:

— Неужто не сработали?!

И тут грянул взрыв. Паровоз, подбросило, развернуло поперек пути. Со скрежетом и треском полезли друг на друга вагоны, снова загремели взрывы — начали рваться боеприпасы...

Когда охрана и солдаты, уцелевшие в эшелоне, опомнились, открыли огонь, подрывникам уже ничего не угрожало.

Вечером, когда друзья вернулись в отряд, захотелось посидеть у костра, спеть песню. Ее, как обычно, начал комиссар. Голос у Олега был звучный, красивый:

«Мы шли на дело ночкой темной
Громить коварного врага...»

Песню подхватили Володя Буданцев, Григорий Гулевич, Валя Ларькова. Подошел отрядный баянист Фадеев, слепой. В свое время он закончил музыкальное училище. Его не хотели брать в отряд, но Фадеев доказал командиру, что баян в его руках может заменить винтовку. И действительно, песни под баян сплачивали партизан, звали в бой.

Взрывы в районе действия отряда имени Дзержинского гремели один за другим. Когда кончился тол, стали выплавлять его из невзорвавшихся снарядов и бомб. Пошел в ход и аммонал, который, как выяснилось, Владимир Иванов спрятал еще до прихода гитлеровцев неподалеку от смолокурни. Под самым носом у гитлеровского коменданта станции Дретунь этим аммоналом был взорван железнодорожный мост.

В Центр сообщали:

«...На железной дороге Полоцк—Двинск пущены под откос два эшелона. Один с танками, другой — с автомашинами...»

«...Взорван мост на большаке Невель — Борковичи...»

«...В боях за деревни Котляны и Борисовка убито 28 солдат противника...»

«...На железной дороге Полоцк — Невель возле разъезда Алеща пущен под откос эшелон с живой силой...»

В июне 1943 года приказом Центра Быстрого назначили командиром отряда, который к тому времени насчитывал уже около трехсот бойцов.

Связные сообщили, что на станции Дретунь, в деревне Порубье и в других окрестных населенных пунктах появились объявления. Тому, кто доставит живого или мертвого партизанского командира Быстрого, местный комендант сулил крупную сумму денег и землю.

Но предателей не нашлось. Быстрый по-прежнему появлялся в самых неожиданных местах. Наиболее сложные и опасные операции командир отряда возглавлял сам.

Однажды во время операции на железной дороге группу Федора Москалева гитлеровцы обнаружили и начали окружать. Партизаны, отстреливаясь, отходили, стараясь оторваться от противника. Один из бойцов — Василий Кулыгин «оторвался» не только от фашистов, но и от партизан. К вечеру, когда все уже были в сборе, он появился в лагере.

— Как же это случилось, Кулыгин? — спросил Быстрый.

— Виноват, товарищ командир,— опустив голову, ответил боец.— Боялся, как бы второй раз к врагу в плен не попасть, вот ноги сами собой и понесли меня от них.

— Кем работал до армии?

— Кузнецом.

— Эх ты, кузнец, рабочий человек, а повел себя совсем не по-рабочему.

— Больше такого не будет. Поверьте, товарищ командир.

«Поверить ли? — Бычок задумался.— Кулыгин оробел. В фашистском плену побывал, вот и оробел. Можно поверить, но пусть его судьбу решает весь отряд».

Разговор получился откровенный, строгий. Быстрый хотел, чтобы сам Кулыгин и каждый боец поняли, как важно в любой обстановке сохранять хладнокровие, не поддаваться панике.

Кулыгин сдержал слово, данное отряду, и впоследствии стал одним из лучших подрывников. Он участвовал в подрыве шестнадцати вражеских эшелонов, взорвал восемь автомашин с гитлеровцами, а главное — больше ни разу не сплоховал.

...Апрель разбуди лес к жизни. Распустила свои длинные серые сережки ольха, золотистыми соцветиями покрылась ива. Тонкий аромат цветов и молодой травы плавал в воздухе.

Быстрый радовался: с приходом весны станет легче. Каждый куст приголубит, ночевать пустит. И как только отряд соединится с советскими войсками, Олег обязательно поедет в родные Бобровицы, на побывку к матери... Не стыдно будет смотреть в глаза родным и знакомым. Есть о чем доложить и руководству: у дзержинцев немалый боевой счет...

В один из весенних дней Быстрый и парторг отряда Иван Кухтинов готовили представления к наградам наиболее отличившихся партизан.

Начали с Буданцева. Быстрый коротко зачитал все, что числилось на счету отважного комсомольца: пятнадцать вражеских эшелонов, участие во взрыве двух железнодорожных мостов, склада с продовольствием. Кроме того, Буданцев лично уничтожил несколько гитлеровцев, в том числе офицера.

Представление на Григория Гулевича получилось самым большим. Отмечалось, что этот смелый, волевой командир своим личным примером обеспечивал успешное выполнение многих боевых операций. На счету его группы тридцать один вражеский эшелон, железнодорожный мост, несколько автомашин.

В тот же день были оформлены материалы на Владимира Иванова, Николая Шеха, Романа Фролова, на Василия Кулыгина.

— Впрок пошел Кулыгину тот разговор,— напомнил Кухтинов.

— Да,— согласился командир,— и я очень рад за него.— Он немного помолчал, задумался, потом сказал: — Все как будто хорошо, только одно тревожит: взрывчатка кончается.

Радировали в Центр. Оттуда обещали прислать. Но сначала отряд вел крупные бои. Потом испортилась погода, и самолеты не летали. Словом, ничего не получили.

Когда Быстрый узнал, что неподалеку, вблизи хутора Куренец, приземлилась партизанская группа «Буря» во главе с Н. А. Михайлашевым, он сразу же поспешил к «новоселам».

Николай Афанасьевич Михайлашев много слышал о дерзких боевых операциях, об отчаянной храбрости командира дзержинцев. И вот перед ним Быстрый. На нем вылинявшая, но чистая гимнастерка. Густые курчавые волосы над высоким лбом. Из-под кустистых бровей смотрят умные, немного усталые глаза. В уголках губ — улыбка.

Быстрый коротко рассказал о своем отряде, о соседях, познакомил Михайлашева с обстановкой. И вздохнул:

— Одна заковыка: взрывчатка кончилась. Приближается Первомай. Надо бы как следует отметить праздник, а мы сидим на голодном пайке...

— Много дать не могу. Так, килограммов с тридцать...

— Тридцать килограммов! — Олег даже подскочил от радости.— Как отблагодарить тебя, дорогой? Знаешь, Николай, бери на память вот эти часы.— Олег начал растегивать ремешок.

— Нет, Олег, это ты зря. Не возьму,— обиделся Михайлашев.

Быстрый смутился, умолк. И вдруг вблизи раздалось ржание.

— Знаешь что? Возьми в подарок моего коня. Лихой жеребец, трофейный. Я сам с него автоматной очередью срезал немецкого офицера!

Михайлашев вырос на Кубани, знал толк в лошадях, не хотел обижать товарища, который ему понравился, и принял подарок.

Новыми боевыми операциями встретили дзержинцы Первомай. Построив отряд, Быстрый поздравил своих соратников с праздником и, огласив первомайский приказ Верховного Главнокомандующего, коротко рассказал об успехах Красной Армии.

— Подумайте, время-то какое! Приближается освобождение Белоруссии! Надо нам, товарищи, усилить операции на железной дороге...

И усиливали. Почти каждый день возвращались с победой. Но вот возле станции Алеща не повезло: эшелон, правда, подорвали, да Григория Гулевича ранило пулей в правую ногу.

Быстрый сбросил с себя вещмешок и, передавая его Николаю Шеху, крикнул:

— Прикрой! Я Гришу сам вытащу.

Он тянул его под пулями метров триста, потом еще минут двадцать нес на руках.

— Спасибо, командир,— говорил позже Гулевич.— Ты мне жизнь спас. Я этого никогда не забуду.

Когда рана зажила и Григорий снова смог ходить на «железку», он никогда теперь не оставлял Быстрого одного. Да и Олег не хотел расставаться с другом.

В мае 1944 года отряд имени Дзержинского базировался неподалеку от деревни Липово, на Мядельщине. Ежедневно на боевые задания уходили боевые группы.

Однажды Быстрый вместе с Гулевичем отправился на очередную диверсию: связные сообщили, что на станцию Зябки гитлеровцы пригнали путеразрушительную машину. Ее требовалось уничтожить во что бы то ни стало.

Минировать путь решили на рассвете. Быстрый взял мину, кивнул Немкову и пополз к полотну. Вот и стальной путь.

Гулевич видел, как командир приподнялся, вытащил мину... И тут раздался взрыв, затрещали автоматные очереди. Засада! Бычок упал. Рядом со стоном повалился Немков.

— Огонь, ребята! — что было силы крикнул Гулевич, бросаясь к раненому командиру.

У Олега были оторваны кисти рук, растерзана осколками грудь. Он умер на руках своего друга Григория Гулевича.

Лейтенанту Олегу Сергеевичу Бычку было всего двадцать два года. Он удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

Г. Некрасов,
участник партизанского движения в Литве

ИСТОКИ ПОДВИГА

(О Витасе Ю. Т.)

Жизнь Юозаса Томовича Витаса примечательна. Она представляется мне дорогой, пролегающей то по неизведанной земле, то по горному кряжу, изобилующему отвесными спадами, то по лесной чащобе, а то и по равнине. Впрочем, равнинные участки в его жизни встречались редко, как солнечные дни глубокой осенью. Если подробно рассказывать, как Витас шагал по своей дороге жизни, то для этого потребуется не короткий очерк, а большая книга. Поэтому я остановлюсь только на последнем этапе его жизненной дороги.

* * *

Он не сразу вошел в дом Винцаса Лабанаускаса, присел на скамейке около глазной больницы.

Необычно пустынно было на улице. Прошла женщина с ведром, устало прошаркал стоптанными башмаками старик в замасленной спецовке, часто оглядываясь, торопливо

простучала каблучками девушка. Вот показался Лабанаускас, осмотрелся, плотно прикрыл ставни.

— Вы? — удивленно и в то же время обрадованно спросил он, когда Витас вошел в квартиру.

— Я, а ты что, не узнал?

— Нет. Вижу, сидит человек у больницы, сюда посматривает. Уж не шпион ли, думаю. Всякое в голову лезет.

— Давненько мы не виделись, Винцас. Ну, как поживаете?

— Какое там житье. Известное дело — оккупация. Когда-то псы-рыцари были, да куда им. Вот эти псы, так псы. Чего мы на кухне стоим. Проходите. Скоро жена с дочкой придут.

С Лабанаускасом Витас познакомился еще до войны. Он хорошо разбирался в политике. Год назад на предложение Витаса вступить в подпольную организацию Винцас сразу дал согласие.

— Каково настроение у людей?

— После Сталинградской битвы ожили, повеселели. Думали, не поднимется, а теперь... приуныли многие. Такую силу стягивает. Тут кругом железнодорожники живут, рассказывают, да и сам вижу.

— Пускай. Надо, Винцас, подбирать больше надежных людей, машинистов, составителей. Мы должны знать, куда и что везут. Мы все должны видеть и слышать. Понимаете, Винцас, как это важно?

Витас подошел к Лабанаускасу, положил ему руки на плечи.

— Где ваши люди?

— Ну, чего вы горячитесь,— с улыбкой сказал Лабанаускас.— Завтра же будут люди. Скоро мои придут. Как вас рекомендовать? Доктор Юозас?

— Нет, увольте,— рассмеялся Витас,— доктором я уже побыл. На одном хуторе как повалили женщины с ребятишками! Да это и понятно: больницы — только для немцев, медикаментов нет. Еле выкрутился. И вот что странно: многим помогли мои средства. Прописал отдых, прогревание... Люди поверили и стали выздоравливать.

Витас снова зашагал по комнате.

— Если человек верит, ему легче. Больной выздоравливает, пассивный приобретает смысл жизни, становится полезным обществу, только надо человека убедить, разъяснить нашу задачу. Жене и дочке скажите, что я учитель,

приехал из Тракая, погощу денька два-три. Так с чего мы начнем? Коротко расскажи о ваших людях.

— Юозаса Симанавичюса не помните?

— Что-то не помню.

— Увидите — вспомните. Он перед войной работал директором уездной конторы по заготовке скота. Эвакуироваться не успел. Отправил жену на хутор, а сам в городе. У меня часто бывает. Ему можно верить. При буржуазном режиме сидел в тюрьме три года. Есть в городе Юозас Пожера и Антанас Кучас. Люди надежные.

— Это хорошо. Сегодня можем их разыскать?

— Сегодня поздно. Уже наступил комендантский час. Завтра договорюсь о встрече. Симанавичюс на Пилесе живет, в старом городе. Квартира подходящая. Но вам по городу не следует разгуливать, хотя вы и председатель горсовета.

— Значит, сидеть, как мышь в норке,— сказал Витас.— Не за тем я пришел, дорогой Винцас. Я знаю, что в городе есть подпольная организация, есть и партизанские группы. Небольшие, правда.

— Надо думать, что есть. Находят по утрам убитых. Не сами же они стреляются. У нас на электростанции недавно появилась листовка. Небольшая, на машинке напечатана, на польском языке.

— Где она, дай посмотреть.

— Дома не держу, но завтра достану. Мне люди доверяют. Кажется, мои возвратились.

В комнату вошли хозяйка с дочкой. Познакомились.

* * *

...Долго в этот вечер не мог уснуть Витас. Он думал о прожитом, вспоминал, анализировал и приходил к одному выводу: если бы нужно было повторить все сызнова, он без колебания пошел бы именно по этому пути. Ярко вставали картины детства: бедный хуторок под Алитусом, босоногий пастушок торопился расти, мечтал уехать в большой город, стать рабочим, скопить денег на велосипед. Он мечтал заработать денег и купить отцу землю, о которой тот вздыхал всю жизнь. Тогда Витас еще не подозревал, что у богачей нужно землю забрать силой и передать беднякам. Это он узнал позже и за это стал бороться.

Промелькнуло детство, за ним юность. Витас подался

в город, но денег не скопил. Однажды ему дали сапоги, серую шинель и послали на войну. Там в сырых окопах он узнал, в какую сторону надо повернуть штык.

Потом гражданская война. 1919 год. Витас в рядах добровольцев. Лихие атаки, смелые красногвардейцы, командиры из народа, комиссары, умеющие пламенными речами зажигать сердца людей, полуголодных, разутых и раздетых, вести их в бой. В том же году Витас стал коммунистом, навсегда связал свою судьбу с партией.

Отец получил землю от Советов, засеял, но собрать урожай не успел: нагрянули черные силы Антанты. И снова бои, бои... Витас командует партизанским отрядом, поднимает бедняков против поработителей. Однако силы неравные, пришлось испытать горечь поражения...

1920 год. «Великодушные» победители простили Витасу его «заблуждения», призвали в армию. А Юозас и не думал менять свои убеждения. Не для того он вступил в ленинскую партию. В седьмом пехотном полку он организовал партийную ячейку. Вскоре его схватили, и... состоялся суд, нет — судилище. Три холеных офицера в мундирах из английского сукна читали ему смертный приговор, а он улыбался, не верил и не хотел верить в смерть. Он верил только в жизнь и в злобной ненависти палачей видел свою победу.

«Смерть над коммунистами не властна»,— вспомнил он слова любимого комиссара. Накануне казни солдаты-единомышленники напали на гауптвахту, освободили своего вожака. Снова глубокое подполье, преследования, переход через границу с путевкой Компартии Литвы.

Москва. 1921 год. Он поступает в Коммунистический университет.

Трудно было с четырьмя классами сельской школы учиться в университете. Бессонные ночи над книгами. Чего не сделает человек, если уверен в успехе, если в сердце живой огонь.

Потом Ленинград, годы учебы в электротехническом институте, и Витас с отличием защитил диплом инженера-электрика...

«Надо уснуть. Надо обязательно уснуть»,— думал Витас, но сон уплывал. Мысли снова уносили его в Ленинград — город чудес, город первой любви. Там Юозас встретил девушку с голубыми глазами, светло-каштановой косой, добрым сердцем и заботливыми сильными руками.

Витас не сразу поверил в свое счастье, оно казалось недосягаемым, и воспринял его как награду за долгие годы скитаний. Кончилось одиночество. Рядом верный друг — Саша. С ней хорошо и просто идти по жизни, она все понимает, поддерживает и выручает в трудную минуту.

«Как-то они там, в Алитусе,— подумал Витас,— не легко им, да кому теперь легко из советских людей».

А дорога жизни продолжалась.

...Работа в городах Ярославле, Туле, Ленинграде. Наведываясь по делам в Москву, Юозас часто заходил в представительство Коммунистической партии Литвы при Исполкоме Коминтерна.

В 1940 году, после свержения фашистского режима в Литве, Ю. Витас спешит в родной край. Здесь ему доверяют пост председателя Вильнюсского горисполкома.

Витас работал самозабвенно, не жалел сил и времени, оперативно решал неотложные вопросы. Он выезжал на заводы и фабрики, выступал на рабочих собраниях и митингах, разъяснял людям политику Коммунистической партии и Советского государства, призывал к трудовым свершениям во имя победы коммунизма. Он говорил о светлом будущем Литвы, о планах на ближайшие годы.

Иной становилась жизнь, город зашумел новостройками, студенты вернулись в учебные заведения, появились новые школы и больницы, впервые были открыты пионерские лагеря и дома отдыха...

Война круто повернула дорогу Витаса. Отправив семью в Алитус к родственникам, он вернулся в Вильнюс и по собственной инициативе начал собирать силы для борьбы с оккупантами. Это был очень смелый шаг. В городе его отлично знали. Малейшая оплошность — расстрел.

* * *

Сон пришел незаметно, когда сквозь ставни пробились тонкие пыльные полоски утренней зари.

Проснулся Витас часа через два. Легкий морозец посеребрил молодую траву, набухающие почки яблонь. На старых кленах истошно орали грачи. Винцас уже ушел на работу.

Витас оделся, подошел к зеркалу. «Чем не учитель,— подумал он, любуясь черной бородкой и очками с простыми стеклами.— Сам себя не узнаю». И вдруг вспомнил

вчерашнюю встречу со шпиком. «Черт бы его побрал. Значит, слежка за мной ведется. Видимо, кто-то донес, что я остался».

Пешком и на велосипеде ему не раз приходилось добираться до явочных квартир, расположенных в городе и его окрестностях, до партизанских отрядов, действовавших в лесных районах.

Вчера Витас побывал в одном из молодых партизанских отрядов.

На подходе к Вильнюсу его встретил шпик и потребовал документы. Сильным ударом в подбородок Витас «успокоил» шпика.

...В семь часов вечера, как условились, Витас и Лабанаускас пришли на улицу Пилес и постучали в резную дверь. Их встретил невысокий, сухощавый мужчина лет тридцати пяти, молча провел по узкому коридорчику.

В квартире со сводчатыми потолками и двумя маленькими окнами царил полумрак, свет заслоняла высокая стена костела.

— Кажется, мы когда-то встречались. Только не припомню...— Витас снял очки и протянул руку хозяину.

— Довелось бывать у вас в горсовете. Земельный участок просил под строительство комбината.

— Вспомнил, вспомнил.— Лицо Витаса просияло улыбкой.— Славное время было. А теперь... Впрочем, не о том я говорю. К делу. Мне квартира нужна. Не поможете?

— Отчего же. Есть знакомый помещик — Гедрайтис. У него целый особняк пустует, комнат семь. Просил присмотреть. Сам-то он в деревню перебрался. Я там иногда ночую.

— Я бы и у вас не прочь, боюсь с помещиками связываться.

— Какой он помещик. Сам землю пашет, да и земли-то у него кот наплакал. Один фасон. Если нравится моя обитель — перебирайтесь. Тут мы вдвоем с дворником, тишина.

— Тут, кажется, двери замурованы? — спросил Витас, внимательно осматривая стены.

— Черный ход прямо в монастырский двор. Здесь раньше монахи жили. Внизу старинные подвалы. Однажды забрался — так еле выпутался. Настоящие катакомбы.

— Лучшего и желать не нужно,— сказал Витас.— Значит, уступите?

— Что за сомнения. Хоть сегодня ключи передам.

Когда Витас с Лабанаускасом вышли на улицу, было уже поздно.

— Винцас, расстаемся до завтра. Будь осторожен.

Не доходя до Кальварийского базара, Витас вошел во двор деревянного домика, постучал в окно.

— Могу ли я видеть господина Стражницкаса? — спросил он у молодой женщины, открывшей дверь. Та подозрительно посмотрела на него, стала неторопливо расспрашивать и, может быть, долго еще бы не пропускала в квартиру, но за ее спиной появился хозяин.

— Вы? Проходите.

— Разве не ждали? — спросил Витас, когда Стражницкас провел его в комнату и плотно закрыл дверь.

— Вайтекаускас предупредил, что вы зайдете, но время не указал.

— Тут у вас, как в деревне: домики, огородики,— осматриваясь, сказал Витас.— Как вы живете?

— Теперь лучше...

Витас насторожился.

— Немца бояться перестаем. Люди тут собрались хорошие, радио слушаем, новости знаем, с партизанами связь наладили.

— Кто ваши друзья? Что за люди?

— Люди надежные, большинство строители. Скоро пасха. Все соберутся.

— Есть коммунисты?

— Двое.

— А вы?

— Заявление перед войной подал, но партбилета получить не успел.

— Вступить и теперь не поздно... Кстати, запретный час уже наступил. Может быть, я у вас переночую?

— Пожалуйста.

В тот вечер Витас до подробностей расспрашивал о людях, с которыми придется нести тяготы борьбы с оккупантами.

В десять часов Стражницкас принес с чердака радиоприемник, подключил антенну, ловко замаскированную под обоями. Москва передавала последние известия.

...Так постепенно Витас собирал вильнюсское подполье. Он не жалел себя, никто не ведал, когда он спит. Зато близкие товарищи знали, где можно было его найти в любой час дня и ночи. Его берегли, о нем заботились, он

расплачивался с друзьями тем же. Первые месяцы борьбы Витас испытывал особенно большие затруднения. И главная трудность заключалась в отсутствии постоянной связи с Большой землей, приходилось действовать на свой страх и риск.

* * *

Торжественно звонили колокола. Утренняя служба еще не началась, еще был задернут белой шелковой занавесью образ богоматери. Он висел на уровне второго этажа, обращенный в сторону узкой мощеной улицы. Перед иконой — балкончик, огороженный перилами, предназначенный для ксендза. Перед тем как ему появиться, служитель раздвинул занавес. Увидев темный лик богоматери, молящиеся опустились на колени.

Витас стоял у колонны и наблюдал за людьми. Тут были бородатые старики, чиновники в старомодных пальто с вытершимися плисовыми воротниками, молодые девушки, подростки, но ни на одном лице праздничной улыбки, только слезы и следы страданий.

Вот Александр Мажуц продвигается вдоль стены. Он почти не изменился, так же аккуратно причесаны русые волосы, только прямой нос заострился, да на красивом, открытом лице следы усталости и напряжения. Витас часто встречался с начальником отдела кадров треста «Водоканал», уважал его за смелость суждений и честность поступков.

Уловив еле заметный кивок головы, Витас двинулся следом. Они прошли под аркой и свернули в узкий переулок, образуемый старинной городской стеной и такими же древними домами.

У входа на кладбище Расу стоял Макар Корабликов с веточками хорошо распустившейся вербы. Он хотел казаться торжественно серьезным, но улыбка готова была засветиться в его карих глазах, сорваться с плотно сжатых губ. Ему было за тридцать, высокий лоб прикрывали каштановые волосы. Среди сослуживцев он слыл добряком, и не случайно строители Вильнюса единодушно избрали его председателем профсоюзного комитета.

— Здесь не опасно? — не поворачивая головы, спросил Витас.

— Мертвые не подслушивают,— ответил Корабликов и первым вошел в кладбищенскую калитку.

— Рад, что так скоро отыскал вас,— сказал Витас, когда они присели на серую плиту, поросшую мхом.— Ну, ближе к делу. Нужно поднимать народ, создавать сильную организацию. Оружие у вас есть?

— Немного,— ответил Мажуц.

— У немцев одолжили,— добавил Корабликов.

— Подожди, Макарик, не до шуток. В Вильнюсе живет Ян Пшевальский. Настоящий коммунист-подпольщик, он возглавляет Союз польских патриотов. Мы знакомы давно, еще при пилсудчиках в одной тюрьме сидели, только у него срок был побольше и дело покрупнее. Перед войной он работал в горкоме города Гродно, пытался вместе с женой эвакуироваться, но поезд разбомбили. Живут они оба нелегально с чужими паспортами. У жены здесь родители. Она тоже работала в подполье, сидела в тюрьме.

— Вы меня с ними свяжите,— попросил Витас,— будем собирать патриотов.

Договорились о дальнейших встречах, разошлись в разные стороны.

Витас забрался в самый отдаленный уголок, хотелось побыть одному среди кладбищенской тишины. Он сел на скамейку. Вспомнил первый день войны. Можно было уехать на восток, как уехали многие, работать на электростанции где-нибудь за Уралом. Он приходил бы домой усталый, его встречала бы дочка Веруська, голубоглазая, как и мать, Александра Васильевна. Так могло быть.

«Нет, так не могло быть и не должно. Все получилось правильно. Так велит мое сердце. Именно здесь, в зоне огня, мое место. Правда, семья тоже постоянно в зоне огня, но они укрыты, пусть живут там у родственников».

Витас достал из кармана плохонькую любительскую фотографию, снятую перед самой войной, и до мельчайших подробностей вспомнил тот день. Внизу блестела река Нерис, с высокого берега были видны холмы, поросшие соснами. В воде отражалось единственное облачко. Рожь уже цвела, ветер гнал по ней широкие волны.

На фоне этой ржи они и сфотографировались. Он держал на руках двухлетнюю Веруську, рядом сидела Александра Васильевна, повернув к нему счастливое, улыбающееся лицо. Сзади стояла Альбина и вплетала в волосы матери голубые васильки и белые ромашки. Сынишка Марат забрался в рожь, он хотел набрать много цветов и всем сплести по венку.

«У Шляхтича четыре сына,— вспомнил Витас быстроногих мальчишек,— у Лабанаускаса дочь Бируте, постоянно рядом, помогает, а я один. Завтра попрошу Зигмаса Жилинскаса заехать в Алитус и привезти Альбину. Ей уже четырнадцать лет. Будет у меня связной и разведчицей. Таких много в партизанских отрядах».

* * *

В трудные годы борьбы с оккупантами я не раз встречался с Юозасом Витасом. Он обладал каким-то удивительным обаянием. Его красивое, энергичное лицо, зоркие карие глаза врезались в память навсегда. Когда было особенно тяжело, когда подпольщиков преследовали неудачи, он сохранял спокойствие, может быть переживал, но вида не показывал.

Недалеко от города был сбит советский самолет. Два летчика спаслись и спрятались у местных жителей. Витас поспешил к ним, чтобы узнать положение дел на фронте и выяснить, жив ли радист и не удалось ли спасти рацию.

Гестаповцы схватили и расстреляли связных — двух братьев и сестру. Витас разыскал старушку мать, как мог утешил ее, затем по его предложению ей была оказана помощь из партизанских фондов.

Юозас Витас сыграл большую роль в развитии партизанского движения в Литве. Он объединил разрозненные группы антифашистов и создал вильнюсское подполье, установил связь с Союзом польских патриотов, возглавляемым Яном Пшевальским, и с антифашистской группой гетто, которой руководил И. Витенбергас.

В начале мая 1943 года Ю. Витас созвал совещание коммунистов — представителей антифашистских групп и организаций. Был создан руководящий орган — Вильнюсский подпольный горком КП Литвы. В состав горкома вошли Юозас Витас (первый секретарь горкома), Ян Пшевальский, Макар Корабликов, Александр Мажуц, Софья Пшевальская, Софья Мадейскерите.

В работе подполья начался новый этап. Теперь Витас располагал крепкой опорой, большим активом стойких патриотов-интернационалистов, расширил связи и координировал действия с подпольщиками других городов и с партизанскими соединениями.

Антифашистские организации, руководимые горкомом партии, развернули широкую пропагандистскую работу. Были созданы подпольные типографии, в которых печатались воззвания на литовском, польском, немецком и русском языках, выходили газеты «Тевинес фронтас» — редакторы Ю. Витас, А. Булота; «Штандарт вольносци» («Знамя свободы») и «Звензковец» («Профсоюзник») — обе газеты редактировал Я. Пшевальский.

Активизировали свою деятельность боевые тройки. Бесстрашные патриоты истребляли гитлеровцев, устраивали диверсии. В некоторых операциях принимал участие и сам Витас.

Витас часто думал о пройденном, как бы отчитывался перед собственной совестью. Уже были созданы партийные группы на основных предприятиях, налажена устойчивая связь с подпольщиками Каунаса, Алитуса, Паневежиса, Укмерге, с большинством партизанских отрядов. В городе создана комсомольская организация под руководством бесстрашных девушек Сони Мадейскерите и Любы Градской. Координируются действия с группой коммунистов из гетто. Корабликов организовал группу разведчиков на железной дороге, и отпала необходимость считать эшелоны с переходного моста.

* * *

Наступило лето. После обильных дождей и гроз установилась хорошая погода. Небо было голубое и чистое. Витас смотрел в сад через открытое окно. У самого забора, вероятно, порывом ветра была повалена старая сирень. От корней бурно поднимались молодые побеги, спеша заполнить брешь в зеленой стенке.

«Не так ли и мы, подпольщики? — подумал Витас.— Налетит шквал, свалит одних, а на смену им встанут новые и заполнят ряды. Правое дело не умирает. Такова диалектика жизни».

...Члены горкома пришли без опозданий. Витас встал и открыл заседание.

— Начнем, товарищи,— у нас много вопросов. Прежде всего, разрешите сообщить: вторым секретарем Вильнюсского подпольного горкома Компартии Литвы утвержден товарищ Пшевальский.

Все обернулись к Пшевальскому, поздравили.

— Благодарю,— тихо сказал он,— доверие постараюсь справдать.

— В этом мы не сомневаемся, дорогой Ян Казимирович. Заслушаем информацию членов комитета, рассмотрим заявления о приеме и утвердим план дальнейших действий. Возражений нет?

Все молча согласились:

— Есть предложение принять в ряды Коммунистической партии Стражницкаса Виктора (кличка Петров), Юозаса Симанавичуса (кличка Павел), Геннадия Некрасова (кличка Максим), Ионаса Кучиса (кличка Черный). Прошу голосовать.

Все единодушно подняли руки.

— Растут наши ряды. Шестьдесят пять коммунистов и тысячи беспартийных поведем мы в бой с фашизмом. Ваша информация, товарищ Корабликов.

— Есть одна новость. Появились особо важные литерные поезда. Идут под надзором гестаповцев. Поездные бригады из Германии. Местным не доверяют.

— Пускай,— твердо сказал Витас,— будем рвать, зная, что наши машинисты и кочегары не пострадают. Дайте задание узнать график. Как взрывчатка, Александр Михайлович?

— Прислали от Ивана Ивановича шесть магнитных мин и около десяти килограммов тротила.

— Не густо. Есть предложение одновременно взорвать несколько подстанций и телефонных киосков. Свет жителям не дают, телефоны отключены. Пусть фашисты посидят в темноте и помнят, что мы живы и умеем кусаться.

— На улице Театральной,— начал Пшевальский,— собраны архивы. Два года они лежали без движения, а теперь их срочно разбирают, и это плохо. Сторож — наш человек, хочет уйти в лес и может помочь организовать хороший поджог. Этим надо воспользоваться. Более удобного случая не представится.

— И мы не откажемся. Надо использовать каждую возможность.

— И еще одно: очень активизировались газеты «Гонец Цодзенный» и «Белорусский голос». Такая грязь, такая клевета. Нужно, мне кажется, предупредить редакторов Анцеревича и Алехновича, и если не успокоятся»...

— Правильно,— Витас шагнул к окну.— Поручим Александру Михайловичу с его боевиками «успокоить» зарвавшихся лакеев. Будем закругляться.

— Минуточку. А вот это,— с горячностью начала Соня Мадейскерите, вытащив из кармана в несколько раз сложенный лист бумаги,— приказ фон Рейтельна. Тут все запрещено: ходить по тротуарам, хранить оружие, слушать радио, говорить, мыслить. А в заключение этот «фон» пишет, что им взяты заложники — шестьдесят евреев, двадцать поляков, двадцать литовцев. «Если мой приказ не будет выполняться, заложники будут расстреляны. Оставляю за собой право пополнить число заложников». Вы понимаете? Он может расстрелять тысячу, десять тысяч людей только за то, что они родились евреями или поляками.

— А может, есть возможность спасти их. Давайте подумаем.— Витас обвел взглядом присутствующих...

Заседание закончилось обсуждением плана действий на ближайшие дни. В этот план было внесено и предложение о спасении заложников.

* * *

Лабанаускас не пришел в назначенный час. Не пришла и Альбина за новыми листовками. Витас всю ночь не сомкнул глаз. С тревогой он подходил к знакомому дому. Но что это? Калитка распахнута, на окне не стоит условный кактус.

У ворот глазной больницы — знакомый привратник. Витас подсел рядом:

— Здравствуй, дедуля. Глаза вот заболели. Может, доктора уже есть?

— Где там. Время-то половина седьмого. На всю больницу один доктор остался. Может, и он не придет. Кои сбежали, коих арестовали. Говорят, заложниками взяли.

— Как арестовали? За что? — с нарочитой наивностью спросил Витас.

— А так, за здорово живешь. Вона тут,— указал он клюшкой на другую сторону улицы,— бухгалтер один жил, хороший человек, а вот тоже...

— Что то же? — чуть не вскрикнул Витас.

— Вчера окружили, весь дом перетрясли. Взяли всю семью и племянницу. Из деревни была, аккуратная такая. Мне все было видно. Посадили в машину, а главный-то говорит: «Гросс политишен».

— Спасибо, дедуля,— заторопился Витас.

— А как же насчет глаз...

Витас не дослушал, свернул за угол больничной ограды и быстро зашагал прочь. Впервые он почувствовал, как сердце опустилось в груди и заныло тупой болью, в глазах замелькали красноватые мушки. Он шел все быстрее, все дальше от места печальных событий, но от себя убежать не мог. Перед глазами стояла Альбина, круглолицая, с большими черными глазами, восхищенно глядящими на мир. «Она была так похожа на меня,— прошептал Витас и вздрогнул от неожиданности, словно по телу прошел ток высокого напряжения.— Была? Неужели была?!»

Постепенно вернулось самообладание. Нужно предупредить товарищей. Лабанаускас и Альбина не выдадут, но их могут пытать, они могут назвать адреса и фамилии в полусознательном состоянии. Как быстро летит время! Может быть, гестаповцы уже мчатся в Алитус, что для них сотня километров. Неужели Саша и младшие дети тоже попадут в лапы фашистов?

На улице Паупио Витас дождался Стражницкаса. Здесь он всегда в одно время проезжал на велосипеде.

— Виктор Антонович,— торопливо начал Витас,— у вас в Алитусе родители. Отпроситесь — и быстро в дорогу. Предупредите Александру Васильевну, пусть немедленно перебираются на хутор к Богаченку. Я скоро туда доберусь, но теперь не могу. Я должен быть здесь.

...Пшевальский был дома.

— Может быть, временно прекратим боевые операции? — осторожно спросил Пшевальский, когда Витас рассказал о случившемся.

— Что? — сорвавшимся голосом спросил Витас.— Вы предлагаете замолчать? Нет, Ян Казимирович. Мы — коммунисты и останемся ими до конца. Кровопролитие можно остановить только кровью фашистов. Сами они нас толкают на это. Боевые операции не отменяются,— более спокойно продолжал Витас.— Передайте Мажуцу — поднять всех боевиков, привлечь комсомольцев, владеющих оружием. И я пойду на взрыв поезда.

...Моросил мелкий теплый дождик. От разогретой земли поднималась испарина, еще больше сгущая темноту июньской ночи.

— Пошли,— сказал Витас и первым шагнул в темноту, но его сразу же опередил Мажуц. Он с детства знал здесь

каждую тропинку. Шествие замыкал Корабликов с тяжелым свертком. Миновали пушкинскую дачу с обширным парком из могучих кленов. Начались холмы, густо поросшие орешником.

— Все-таки вы напрасно пошли, зря рискуете,— сказал Корабликов во время минутной передышки.

— У меня с фашистами особые счеты,— сквозь зубы процедил Витас.

— И нам есть за что расплатиться. Мой сын, Илюша, с пеленок сирота. Его мать расстреляли в сорок первом, а у Саши брата-комсомольца недавно в подвалах замучили.

— Здесь,— прошептал Мажуц. Еще накануне он выбрал самое подходящее место: с одной стороны холмик, поросший кустарником, с другой обрыв, а внизу быстроводная Вильняле прыгает по каменистым перекатам.

Вдали послышались голоса. Говорили по-немецки. Затаились в кустах, пока не прошел патруль.

— Пора, только бы не ошибиться,— прошептал Витас.

— Не спешите. Сначала они пускают дрезину, потом паровоз с порожняком, а затем уже литерный.

Корабликов остался на страже. Витас и Мажуц спустились на пути, быстро выкопали ямку между шпалами, заложили заряд и протянули за холмик два тонких провода.

Время текло медленно. Где-то полусонно квакали лягушки. Вот рельсы уныло запели, шум нарастал со стороны города, и вскоре показалась дрезина. Еще через несколько минут прогрохотал паровоз с порожняком, выхватывая из темноты мокрые деревья и две узкие полоски рельсов.

Затемненный, с притушенными прожекторами и сигналами, тяжелый состав вышел из-за поворота. Наступили тревожные секунды ожидания. Друзья плотно прижались к земле. Витас резко крутнул ручку индукционной катушки, и в ту же секунду раздался оглушительный взрыв.

— Бегом! — скомандовал Витас, увлекая друзей, а сзади слышались крики, беспорядочная стрельба. По небу метнулись блики пожара...

* * *

Под руководством Юозаса Витаса деятельность вильнюсских подпольщиков принимала все более широкий размах. К середине 1943 года антифашистские организации

Вильнюса насчитывали свыше пятисот человек, в том числе сто двадцать коммунистов.

Ю. Витас был полон веры в победу над фашизмом и для этого не жалел сил. Но радость победы ему не пришлось пережить. 29 июня 1943 года свершилось гнусное предательство. Его схватили, зверски пытали. Витас молчал. Он погиб, не назвав своего имени. Только спустя несколько месяцев местная фашистская газета сообщила о «выявленной тайной коммунистической организации в Литве», которую возглавлял «дядя Юозас», и о том, что «под этой кличкой скрывался бывший председатель Вильнюсского горисполкома Юозас Витас».

Вскоре был убит Александр Мажуц, гестаповцы выследили и замучили Макара Корабликова. Были арестованы и уничтожены И. Витенбергас, В. Лабанаускас, В. Казлаускас. Всего за два месяца до освобождения Вильнюса погибли от рук палачей Ян Пшевальский, Соня Мадейскерите, Гесе Глезерите.

Велики были потери, но это не остановило литовских патриотов. Борьба продолжалась до победного конца.

Ю. Витас не раз говорил:

— Если попадусь, знайте, от меня они ничего не добьются. Организация должна существовать и продолжать наше святое дело. Смерти не боюсь. Одно прошу, кто останется жив,— не забудьте меня в день светлой Победы.

Родина не забыла и не забудет верного сына. Он посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. В Алитусе ему поставлен памятник, его именем названа школа, в Вильнюсе имя Витаса носят крупное меховое объединение и улица.

Истоки подвига Ю. Т. Витаса — в его безмерной любви к Родине, к народу, в его преданности делу Ленина, в его жгучей ненависти к фашизму.

В. Милюха

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

(О Волковой Н. Т. и Щербаке А. М.)

Вчетверо сложенный лист бумаги, истертый на линиях изгиба. На нем — список партизанского отряда с графами: «Фамилия, имя и отчество, год и место рождения, должность, имеет ли награды, состав семьи, примечание». Ее фамилия стоит в этом списке последней. Только фамилия, имя и отчество. Под остальными графами — прочерк. Лишь в примечании сказано: «Погибла в бою». Список этот был составлен сразу же после освобождения Волчанска и долго хранился в районном комитете партии. И вот надо заполнить пустующие графы.

Ее звали Надей, Наденькой, Надеждой. У нее обыкновенная биография, обыкновенной девочки нашего необыкновенного времени. Родилась в Харькове в 1924 году. Училась до пятого класса в 6-й школе. Любила книги, была хорошим товарищем. Восхищалась героизмом чапаевской Анки-пулеметчицы.

— Ты только подумай, мамочка, одна против сотни врагов. И не растерялась. Вот это герой!

Ее мама, член партии с 1917 года, участница гражданской войны, говорила, вспоминая минувшее: «Время было такое, Наденька!»

В июне 1941 года Наде Волковой исполнилось семнадцать. Впервые день рождения в семье не праздновали. На два дня раньше началась война.

Они жили тогда в Конотопе. Когда враг подходил к городу, всей семьей эвакуировались в Инсары Мордовской АССР. Отсюда ушел на фронт отец, а Надя поступила на курсы медсестер и после их окончания работала в госпитале. Здесь видела много крови, изувеченных вражьими пулями людей, своих соотечественников...

Ее очень любили раненые и врачи. Дома она почти не жила, целыми днями в госпитале. В свободное от дежурства время часто выступала в концертах для раненых. Хороший, чистый и звонкий голос был у нее. Когда на импровизированной сцене появлялась эта высокая, стройная девушка с большими выразительными глазами, теплели улыбками лица бойцов. Еще и петь не начала, а зал уже гремит аплодисментами.

Надя любила популярную в те годы простую, немножко грустную песенку о платочке:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь...

Она сама носила такой платочек. Но вскоре ей довелось сменить его на пилотку бойца.

Однажды Надя узнала, что в одной специальной школе готовят разведчиков для работы в тылу врага. Это было как раз то, о чем она мечтала. Не теряя времени, она подала заявление и через несколько дней уже была в школе.

В школе Надя Волкова познакомилась с Галей Пархоменко. Попали они с ней в одну роту. Надя стала бойцом шестого взвода, Галя — седьмого.

Дни учебы пролетали быстро. В первых числах октября 1942 года с группой партизан она выехала на ближайший аэродром. А незадолго до этого состоялось решение Центрального Комитета комсомола Украины. Вот этот документ:

«Утвердить Харьковский подпольный обком комсомола в таком составе:

Александр Щербак — секретарь обкома комсомола.

Надежда Волкова — связная секретаря обкома комсомола.

Федор Синько — ответственный организатор обкома комсомола.

Галина Пархоменко — ответственный организатор обкома комсомола».

Это был состав второго подпольного обкома. Первый обком комсомола во главе с Александром Зубаревым и Галиной Никитиной фашисты расстреляли в феврале 1942 года. Теперь им четверым предстояло продолжать дело, начатое мужественными предшественниками. На аэродроме все четверо встретились с партизанами из отряда Моисея Васильевича Синельника, которых тоже готовили к переброске в тыл врага. Комсомольцы были прикомандированы к отряду.

Темной октябрьской ночью самолет на большой высоте пересек линию фронта. Ночь за окном. Под крылом родная украинская земля. Земля, которую топчет враг. Дана команда: «Приготовиться!»

В бездну ночи шагнула Надежда. Кто-то раньше ее уже летел к земле, кто-то еще оставался в самолете. Приземлились все, как было условлено, в Волчанском лесу. Но случилось несчастье. Парашют Александра Щербака зацепился за дерево. Желая освободиться от него, Александр ножом обрезал стропы. Думал, до земли рукой подать. Упал, ударившись ногами о землю. Сгоряча мгновенно вскочил и тут же снова упал, глухо застонав от боли. Обе ноги сломаны. Идти он не мог. К месту сбора отряда товарищи несли его на руках. Приземляясь, сильно поранила руки и Галина Пархоменко. Но все уже были на земле. И враг находился рядом, сразу за лесом.

* * *

В первое время члены подпольного обкома комсомола принимали участие в боевых действиях отряда: совершали диверсии, взрывали мосты. Но главная их задача заключалась в том, чтобы организовать молодежь Харьковщины, возглавить ее борьбу с заклятым врагом.

Федор Синько ушел в Ольховатку. В Великий Бурлук направилась Галя Пархоменко. Накануне Александр Щербак проинструктировал их. Ночью они вышли из леса. Старались пройти как можно больше. Днем, чутко прислушиваясь, лежали в бурьянах. Вечером снова в путь. Далеко от села Приколотное их пути разошлись. Крепко обнялись на прощание, поцеловались.

— До скорой встречи, Галка!

— До свидания, Федя!

А встретиться им не довелось.

Федя без осложнения дошел до Ольховатки и работу успел развернуть, привлек для борьбы с оккупантами верных людей. Он действовал бесстрашно, но слишком неосторожно. Никто не знает подробностей его гибели. Одни говорят, что Федю враги расстреляли где-то под Волчанском, другие утверждают, что его задушили газом в машине-душегубке. Из отчета Харьковского обкома комсомола, составленного в 1945 году, известно, что, когда избитого, окровавленного Федора фашисты водили по Ольховатке, требуя назвать имена сообщников, он, ругаясь, говорил громко, чтобы слышали все: «Ничего вы от меня не добьетесь, гады! Я не предатель! Мститель я!».

* * *

В Великом Бурлуке немецкий гарнизон был небольшой. Галина Пархоменко пришла на территорию колхоза имени Петровского, где до войны работала учительницей. Полицейские стали допрашивать ее, где была, что делала. К ответам на такие вопросы Галю подготовили еще в школе. Она сказала, что во время эвакуации попала в окружение, работала на рытье окопов и после долгих мытарств наконец вернулась в родное село. Хочет спокойно жить и работать. Устала, измучилась.

Народ в селе дружный. Когда-то, еще до организации колхоза, здесь была коммуна. Работа в коммуне, а затем в колхозе спаяла людей. Они хорошо знали молодую учительницу и уважали ее. Все это облегчило положение Гали.

В своем отчете обкому партии она впоследствии писала, что вступила в земельную общину, выполняла разные работы. На первых порах решила присмотреться, переждать. Спустя некоторое время начала действовать. Ее друзья помогали ей распространять листовки, которые она привезла

из школы, расклеивала их на телеграфных столбах. Затем Галина начала писать листовки сама. Особую роль сыграла листовка, которую Галина прикрепила к колонке, где брали воду. «Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Украины и украинского правительства к народу Украины», вывешенное на колонке, читали все. И светлели глаза у людей, и крепла вера в победу над врагом.

* * *

Партизанский отряд со всех сторон окружали враги. В лесу будто на острове действовали горсточка партизан-патриотов и центр комсомольского подполья Харьковщины. Но нет, патриотов была не горсточка. В селах и городах оккупированной территории томились в тревоге многие тысячи юношей и девушек, готовых бороться за свободу и счастье, не щадя жизни. К ним по заданию Александра Щербака приходила Надежда Волкова, связная обкома комсомола. Александр все еще не мог ходить. Но и лежать не было у него уже сил. С помощью товарищей он сделал себе костыли, кое-как двигался.

Надя уходила из отряда чаще всего одна. Перед уходом долго беседовала с Александром. Он давал ей подробные инструкции. Она побывала и в Волчанске, и в Щебекино, и в Охочем. Это была отважная девушка.

Сейчас нет возможности установить, с какой из подпольных групп успела связаться Надя и успела ли?

Иногда она ходила в разведку с партизаном, ставшим затем начальником штаба отряда, Борисом Григорьевичем Дьяченко. В Харьковском областном партийном архиве хранятся его воспоминания. Он пишет: «Я ходил с Надей в разведку в Щебекино, Волчанск и другие села. Она распространяла листовки. Вместе с ней мы проводили беседы с жителями временно оккупированных сел. Очень убедительно умела она говорить с людьми. Молодежь слушала ее, затаив дыхание, и очень верила ей.

Я был с ней во многих местах. Нелегкое это дело разведка. Не говоря уже о том, что каждую минуту нас могли схватить фашисты и расстрелять. Об этом не думалось. А вот о том, что два дня во рту маковой росинки не было, напоминал желудок. Есть хочется, холодно, грязь непролазная, а Надя не унывает. Вообще, она не унывала никогда. И скажу по совести, многих мужчин-партизан под-

держивала, воодушевляла. А ведь сама девочка еще, ну сколько ей там было, каких-нибудь девятнадцать лет...»

Случилось так, что кто-то донес врагу о месте расположения отряда. Фашисты начали готовить карательную экспедицию против народных мстителей. 26 ноября они подтянули свои силы к селам Старица, Терновая, Рубежное. Окружили гитлеровцы отряд ранним утром 27 ноября.

Несколько сотен врагов против семнадцати партизан... Отходить было уже поздно. Пришлось принимать бой. Горсточка храбрецов против хорошо вооруженных фашистов.

Партизаны разделились на две группы. Большая группа стала прорываться с боем, а вторая во главе с Александром Щербаком прикрывала своих товарищей. Надя Волкова осталась во второй группе. Она сказала, что, как связная секретаря обкома, не имеет права оставлять его.

Остался дневник Александра Щербака, который хранится в Харьковском историческом музее. Александр вел его во время учебы в разведывательной школе. Приведем несколько выдержек из этого дневника:

«Суровое время сейчас. Нашей стране угрожает смертельная опасность. Многие погибнут в этой войне. Но они погибнут для того, чтобы жили миллионы...

Если бы в 1917—1921 годах не погибли многие лучшие сыны народа, не было бы Советской власти, не было бы свободной, счастливой жизни...

И теперь уже погибло много, но они погибли за Родину, за будущую жизнь своих детей, за жизнь нашей страны, Страны Советов...

Смерть страшна. Но она в тысячу раз страшнее, когда ее боишься. Смерть не страшна, если у меня и у каждого из нас горит любовь к Родине и великая ненависть к врагам. Ненависть к врагам сильнее смерти. В борьбе всегда выйдет победителем тот, кто не боится смерти, кто презирает смерть, бьет беспощадно врага.

Чтобы бить врага, необходимо умение. Я немного подучусь, а там, в деле, всегда яснее. Недавно я прочитал статью Довженко «Ночь перед боем». Здорово написано. Я буду биться до последней капли крови. Если погибну, я буду честен перед Родиной, партией Ленина как сын Родины и партии».

После того как была написана последняя фраза, Александр Щербак прожил восемьдесят дней. Он лежал на влажной от дождя земле, левым плечом прижимаясь к большо-

му стволу векового дуба, и вел огонь из своего автомата. Редкой, недружной цепью шли на него фашисты. Падали, некоторые вновь поднимались и шли на него, поливая свинцом. Вражья пуля пробила ему грудь. Слабеющими руками он поднял свой автомат и успел дать последнюю очередь по врагу.

«Если погибну, я буду честен перед Родиной, партией Ленина...»

Он был честен.

«Я буду биться до последней капли крови».

Он бился до конца.

Надя Волкова вела огонь из землянки. Все ближе и ближе немцы. Тесным кольцом они окружили ее. Уже 15 убитых фашистов валялось на земле. Еще очередь — и еще двум оккупантам пришел конец. Надя быстро меняла диски. Их много лежало под рукой — автоматные диски погибших товарищей.

Бой продолжался. Враги, видимо, решили взять бесстрашную партизанку живой. Все туже и туже затягивалось вокруг нее кольцо. Уже последний диск вложен в автомат. Снова длинная очередь. Пауза. В диске остались еще патроны. Короткое дуло автомата Надя направила на себя...

Надя Волкова и Саша Щербак погибли, но благодаря им большая часть отряда пробилась. Потом партизаны провели еще немало боевых операций в тылу врага и немало уничтожили фашистов.

Родина не забыла отважных и честных патриотов: Александру Щербаку и Надежде Волковой в 1965 году посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В городе Волчанске на могиле Нади Волковой и Александра Щербака установлен памятник. К нему приходят пионеры и комсомольцы и в торжественной тишине клянутся не забывать тех, кто отдал свои жизни за советскую Родину.

Л. Прокша

ТОВАРИЩ АНДРЕЙ

(О Волынце А. И.)

Врач колебался. Он не мог отказать мне в просьбе навестить больного и не хотел бы, чтобы его тревожили.

— Может быть, мне приехать, когда Андрей Иванович будет чувствовать себя лучше?

Врач покачал головой:

— К сожалению, не могу вам этого обещать. Потом может быть и хуже...

— Он так плох?

— Что же вы хотите, годы, проведенные в тюрьмах, раны, полученные во время Отечественной войны, напряженная работа — все это дало о себе знать. Да ну ладно,— наконец решил он и, обращаясь к сестре, сказал: — Дайте, пожалуйста, халат и отведите товарища в палату к Андрею Ивановичу Волынцу.

Было прекрасное утро. Палата, залитая весенним солнцем, сияла чистотой. За окном, в роще с набухшими почками, щебетали птицы. А он лежал бледный, худой...

— К вам пришли,— сказала сестра.

Больной открыл глаза. Он кивнул в ответ на мое приветствие и даже сделал усилие улыбнуться. Я присел на стул и рассказал Андрею Ивановичу о цели моего прибытия.

— Эх, если бы я мог встать и вместе с вами пройти по боевым путям нашей бригады, встретиться с людьми...

Я хотел сказать больному какие-нибудь слова утешения, но понял, что они не нужны коммунисту-подпольщику, бывшему командиру партизанской бригады. Он понимал свое тяжелое положение и мужественно ожидал своего часа.

— Вы поговорите с людьми,— сказал через некоторое время Андрей Иванович.— В Вилейке в больнице работает врачом-рентгенологом бывший партизан Николай Коркотский. Там же работает в милиции Александр Ахрем... Они были в моей бригаде, они все знают, все расскажут.

...Две недели спустя я увидел бледное и спокойное лицо Андрея Ивановича в гробу, усыпанном цветами. Бывшего командира партизанской бригады «За Советскую Беларусь» Героя Советского Союза Андрея Ивановича Волынца хоронили с почестями. За гробом шли тысячи жителей города Молодечно, где он жил и трудился последнее время, а среди них и его боевые друзья. Они и рассказали мне о своем командире, его делах и людях, о тех суровых днях.

* * *

Бумаги были сложены. Оставалось позвонить в район, спросить, как поступать дальше. Иван Васильевич снял трубку, покрутил ручку:

— Алло, прошу райисполком...

В комнату вошел черноглазый юноша.

— Ты из Вилейки, Алесь?

— Да, папа. Все уезжают.

Иван Васильевич жестом показал сыну, чтобы помолчал, потому что на другом конце провода кто-то взял трубку.

— Говорит секретарь Боровцовского сельсовета Ахрем Иван... Кто... со мной?..— Иван дернул от уха трубку, словно его ударило током: в ней раздалась незнакомая речь.— Вот какое дело...

— Что тебе сказали, папа? — спросил Алесь.

— Там уже фашисты. Будем жечь бумаги, сынок.

Не хотелось Ивану Васильевичу Ахрему уничтожать документы о добрых делах сельской власти. Недолго крестьяне были хозяевами на своей земле. Только распрямили плечи после панского гнета, а уже с ярмом нагрянул новый, еще более жестокий угнетатель.

...От огня корчилась бумага. Вот запылал список крестьян, получивших помещичью землю, список учителей, многодетных матерей, смета расходов на образование... Все улетало с дымом.

Иван Васильевич поворошил палкой костер. Черные хлопья поднялись кверху.

— Эх, черт! — вдруг выругался Алесь. Резко крутнув ручку телефонного аппарата, крикнул:

— Райисполком?

В трубке зашипело, засвистело, потом послышался голос.

— Кто это? — спросил Алесь по-немецки.

— Оберштурмбанфюрер Граве.

— Мне нужен председатель райисполкома, законный представитель власти, а не какой-то обер Граве.

— Я здесь власть. Другой здесь власти нет и больше не будет. Свинья!

Алеся взорвало. Подобрать немецкие слова для ответа он не мог и крикнул по-белорусски:

— Сам свинья. Плюем мы на вашу власть. Кто вас сюда звал? Убирайтесь вон! — и бросил трубку.

— Что же будем делать дальше?

Отец ответил не сразу.

— С Андреем надо встретиться. Андрей скажет, что делать.

Андрея Ивановича Волынца знали все крестьяне. Сам он был членом Коммунистической партии Западной Белоруссии. Три года сидел в тюрьме. 17 сентября 1939 года вышел на свободу, стал работать директором торфяного завода в Желтках. В годы подполья Андрей Иванович бывал в Уречье на хуторе, где жила семья Ивана Васильевича Ахрема. Любил поговорить с его отцом Василием, бывшим путиловским рабочим.

— Андрей не пройдет мимо нашего хутора,— с надеждой сказал Иван Васильевич. Он поворошил в последний раз палкой сгоревшие бумаги и добавил, вздохнув:

— Ну все, пошли.

* * *

Верно, Андрей Волынец не минул хутора. Он зашел в дом старого Ахрема. По деревне уже рыскали гитлеровцы, а на хуторе было не очень опасно: в случае чего — в окно и в лес. Говорили о войне. Всех волновал один вопрос: что будет?

— Будет, что и было уже не раз: не ходить оккупантам по нашей земле.— Андрей Иванович говорил убедительно. На вопрос, что делать, ответил коротко:

— Всеми силами и средствами будем громить врага в тылу. Не дадим ему покоя на нашей земле.

«Братка Андрей», «дядька Андрей», «товарищ Волынец», «Андрей Иванович» — так радостно приветствовали его в каждом доме, куда он заходил.

— Неужели фашисты в Москве? — спрашивали люди.

— Брехня. Не верьте,— отвечал уверенно Андрей.

Людям становилось легче на душе. Только такому человеку, как Андрей, они могли верить.

И вдруг разнеслась весть: Волынец убит. Другой слух опровергал: не убит, а ранен и где-то скрывается, пока заживет рана. И это было так.

Ранили Андрея Ивановича в Вилейке. Шел он по опустевшим улицам. Внимательным взглядом старого подпольщика изучал жизнь города, прислушивался к разговорам, знакомился с настроением людей. Навстречу ему попадались горожане. Те, кто его знал, приветствовали украдкой или делали вид, что не знают, если это было опасно. И Андрей чувствовал, что вокруг него друзья. Но были и враги. Один из них сидел в кузове машины вместе с гитлеровцами.

— Вон директор! — крикнул предатель и начал стучать рукой по кузову.

Машина сбавляла ход. Двое гитлеровцев на ходу соскочили и бросились к Волынцу. Андрей Иванович подпустил их ближе, а затем, резко повернувшись, в упор из пистолета уложил обоих и бросился бежать.

Остальные гитлеровцы с машины открыли по Волынцу беспорядочную стрельбу и ранили его в ногу. Однако Андрей ушел, а надежные люди приютили его и вылечили.

* * *

На станции продавали билеты на Москву. По предположению гитлеровцев это должно было убедить население,

что столица Советского государства пала и новый порядок утвердился здесь навсегда. Опровергнуть ложь могла сводка из Москвы.

Приемник был. Он хранился в Бильцевичах у Владимира Нехвядомика, мужа сестры Волынца. Но приемник требовалось починить. Кто бы смог это сделать? И тогда вспомнили про неутомимого радиолюбителя Николая Коркоцкого.

— Он же все время с радио возился,— сказал Владимир.— Надежный хлопец. Комсомолец. Родители тоже надежные.

Позвали Коркоцкого. Андрей Иванович принес из укрытия приемник.

— Вот тебе, Коля, первое задание. Почини. Все люди добрые будут тебя благодарить.

Николай осмотрел приемник, улыбнулся:

— Выполню, Андрей Иванович...

Приемник парень починил быстро. Теперь Москву слушали регулярно.

...Население Западной Белоруссии стояло за Советскую власть, хотя при ней ему довелось пожить мало. В короткое время, с 17 сентября 1939 года по июль 1941 года, сделано много хорошего во всех областях жизни.

Волынец, приступая по заданию обкома партии к организации партизанского отряда из местного населения, говорил друзьям по подполью:

— Партизанами могут быть все. Но всех мы не сможем вооружить. Население — наш актив. Чтобы этот резерв сознательно помогал нам и пополнял наши ряды, с ним нужно работать.

Рискуя жизнью, Волынец сам шел в населенные пункты, вел откровенные беседы с крестьянами, устанавливал связь, организовывал конспиративные звенья, давал задания.

Дом Ивана Ахрема был очень удобен для подпольщиков. Он стоял рядом с лесом. Сюда и перенесли радиоприемник. Вся семья втянулась в опасную работу. Дед Василий исполнял обязанности связного. Он часто ходил по селениям, собирал сведения о расположении фашистских частей и подразделений. Разные задания выполнял и его сын Иван. Женщины тоже помогали подпольщикам и партизанам. Активным комсомольцем-подпольщиком стал и Алесь. Старый конспиратор Андрей Иванович настойчиво передавал свой опыт молодежи. Все комсомольцы в дерев-

нях были разбиты на тройки. Члены тройки не знали друг друга, а лишь только своего руководителя. В случае провала могли пострадать двое: руководитель и один из членов. Комсомольская организация имела большое влияние на молодежь.

* * *

Второе задание Николай Коркоцкий получил более сложное. Встреча состоялась за деревней в бане. Волынец пришел не один — с девушкой, секретарем подпольного горкома комсомола.

Комсомольцы пожали друг другу руки.

— Гитлеровцы,— сказал Волынец,— хотят обмануть нашу молодежь. Они создают учительскую семинарию, втягивают юношей в союз белорусской молодежи, которая должна быть чем-то вроде «гитлерюгенд». Твоя задача, Николай,— поступить в семинарию и вести работу с молодежью. Из семинаристов надо подготовить партизан... Все остальное узнаешь от товарищей.

Волынец попрощался и ушел.

В тот же вечер Андрей Иванович побывал на хуторе у Ахрема. Прислонившись спиной к печке, он сначала рассказал о положении на фронтах, а потом перешел к практическим делам местных подпольщиков. Говорил горячо, словно слушала его не одна семья, а большая группа людей.

Умолкнув на минутку, Волынец посмотрел на Алеся голубыми проницательными глазами:

— Хочешь учиться? — неожиданно спросил он.

Алесь улыбнулся:

— Где?

— Городская управа открывает учительскую семинарию.

— Научат они ребят на собак брехать,— включился в разговор дед.

— Вот именно, а туда поступать все же надо,— отрезал Андрей Иванович.

— Да что ты, Андрей? — забеспокоилась бабка Аделя.

— И надо поступать сразу на второй курс, где ученики постарше,— продолжал спокойно Волынец.

— Не выдержу экзамены,— усомнился Алесь.

— Выдержишь... при помощи бабки.

Бабка непонимающе посмотрела на Андрея:

— При моей помощи?

— Да. Снесешь пану инспектору корзину яиц и попросишь за внука.

Бабка все поняла. На следующий день она выполнила это задание. Алеся Ахрема взяли на второй курс семинарии. По заданию горкома комсомола в Вилейскую семинарию поступили учиться комсомольцы Желтко Леонид, Желтко Алексей, Желтко Арсений, Малиновский Петя, Илькевич Николай. Так в семинарии образовалась комсомольская группа, секретарем которой стал Николай Коркоцкий.

* * *

Каждая весточка, прилетавшая из партизанского леса, окрыляла население Вилейки: «Хлопцы Андрея пустили эшелон гитлеровцев под откос. Не доехали грабители на фронт». «Волынец разгромил вражеский гарнизон». Отряд Волынца охранял крестьян на уборке. «Пока не убрали урожай и не спрятали его в лесу, гитлеровцы боялись нос показать». «Граве послал отряд карателей. Хотел уничтожить партизан. Партизаны их так встретили, что каратели еле унесли ноги».

Начальник виленского СД оберштурмбанфюрер Граве неистовствовал. По его указанию сжигали деревни, а людей расстреливали, вешали. Но даже с мирным населением он не всегда мог расправиться, как это ему хотелось бы. Люди, почуяв беду, уходили к партизанам или сообщали в отряд, и партизаны устраивали засаду, громили карателей.

Почувствовав, что партизан невозможно уничтожить в открытом бою, Граве стал засылать в отряд своих агентов. Прошло некоторое время, и он объявил, что скоро «покончит с Волынцом и его отрядом».

За хутором Лески в лесу над Нарачанкой расположилась база партизан. Люди здесь были разные: и друзья Андрея по борьбе в подполье, бывшие члены Коммунистической партии Западной Белоруссии Александр Игнатьевич Крутько, Иван Андреевич Широчин — опытные и закаленные конспираторы, и горячие юнцы вроде Петра Киселя. Отец этого парня работал железнодорожником. Каратели налетели на дом, где они жили. Один Петя спасся, выскочив в окно. Все были убиты и сожжены. Как же Пете

не рваться в бой? Он хотел отомстить гитлеровцам за смерть отца, матери, братьев и сестер. Петю сдерживали командиры, Волынец.

— Погоди, придет день, рассчитаемся и с Граве.

Были удивительно хладнокровные ребята вроде Евгения Кухты, которые не терялись в любой обстановке. И каждого из них Волынец знал хорошо. Это и помогало ему доводить задуманное до конца.

* * *

Агенты Граве доносили: «В семинарии во время перерыва кто-то кладет в тетради учеников листовки. Семинаристы читают их, но не отдают наставникам... Жена командира бригады Волынца Андрея Ивановича живет с детьми в деревне. Жители деревни Желтки скрывают ее... Житель хутора Уречье Василь Ахрем — партизанский связной. Завтра он должен прийти в Вилейку по заданию Волынца».

Граве усилил наблюдение за семинаристами. А вот посланные схватить семью Волынца гитлеровцы вернулись с носом. Анна Варфоломеевна с детьми, предупрежденная друзьями, благополучно перебралась в деревню Лески.

Хуже было с дедом Василием. Не знал он, что его предали. Шел по дороге, как ходил уже не раз, выполняя задания, и вдруг:

— Хальт!

Не успел старик шевельнуться — скрутили руки.

Допрашивал деда Василия сам Граве. Он хотел сломить его подкупом, запугать угрозами. А дед Василий смотрел на захватчика спокойными глазами, в которых можно было прочесть: «Петрушка ты гнусная. Скоро сойдешь со сцены. А народ наш будет жить...»

Не выдержал палач, взревел:

— Пытать! Расстрелять!

И пытали, и расстреляли, и сожгли вместе с такими же, как он, крестьянами.

* * *

Коркоцкий подал скомканную бумажку Волынцу.

— Весточка из тюрьмы от Леонида,— и, вздохнув, добавил: — Запоздалая.

На бумажке было несколько строк, написанных наспех: «Я нахожусь там, откуда мне выхода другого нет, кроме смерти. Мне перед вами не будет совестно. Выдержал все пытки, никого не выдал. Передайте родителям — пусть уходят в отряд. Будьте осторожными. Будет усиленная слежка...»

Записку эту Леонид Желтко выбросил из окна тюрьмы. Ее поднял крестьянин, который привез в тюрьму торф. В то время, когда записка попала в отряд, два члена подпольной комсомольской организации в семинарии — Леонид Желтко и Петя Малиновский были повешены, а их родителей, братьев и сестер живыми сожгли в сарае.

За что же казнили Леонида Желтко и Петю Малиновского?

Неожиданно в Вилейку приехала на отдых и пополнение воинская часть. Офицеры пришли в семинарию, осмотрели помещение.

— Хорошо! — сказал старший.— Здесь сцена, это будет зал для офицерского собрания.

Семинаристам приказали немедленно очистить здание. Куда? Это гитлеровцев не касалось. Мало ли сараев.

К удивлению своих наставников, семинаристы очень охотно и дружно взялись выносить во двор скамейки, приготавливать помещение для господ офицеров. В это время Леонид Желтко и Петя Малиновский положили под сцену мины, доставленные Николаем Илькевичем из партизанского отряда, и бачки с керосином.

Мины должны были взорваться после того, как офицеры расположатся в помещении на отдых. В тот же день Коркоцкий дал команду семинаристам уходить в лес.

Все шло по плану. Но в заданное время взрыв не произошел. Леонид Желтко и Петя Малиновский решили вернуться и проверить, в чем дело. И тогда, когда они подходили к городу, мощный взрыв потряс воздух. Юношей схватили и отправили в тюрьму...

— Это письмо,— сказал командир отряда,— надо поместить в боевом листке. Пусть все знают о стойкости и мужестве комсомольцев Лени и Пети. И будем бдительными...

— Есть! — Коркоцкий вышел из землянки.

Семинаристы, как и он, были уже в строю. Выходили на задание. Волынец присматривался к ним. Николая Коркоцкого он назначил политруком роты разведки, Александ-

ра Ахрема — политруком первой роты. Когда Волынец вызвал его и объявил о своем решении, Алесь Ахрем растерялся:

— Ведь там, товарищ командир, люди постарше меня.

— А ты семинарию окончил,— улыбнулся командир.— Что ж зря мы тебя туда посылали? Корзинку яиц за тебя бабка потратила...

— Шутите, товарищ командир.

— А чего шутить? В разведке ты показал себя отлично. Едем, подумай по дороге, что сказать личному составу роты.

В этот же день Андрей Иванович представил роте нового политрука.

* * *

Мальчишка вбежал в дом и крикнул партизанам Ахрему и Говорову, которые только что сели за стол перекусить:

— Немец!

Партизаны недоуменно переглянулись. Прежде, чем зайти в деревню Шведы по пути из разведки, они проверили и убедились, что фашистов в деревне нет.

— Один? — спросил Алесь.

— Один. Вооруженный.

Говоров был в немецком мундире, Алесь в пальто.

— Ну что ж, пойдем проверим,— сказал политрук.

Окруженные ватагой мальчишек, партизаны вышли со двора. Увидев их, немец вдруг шмыгнул в кусты.

— Он точно искал партизан? — переспросил Алесь ребят.

— Да. Мы увидели его, хотели бежать, а он задержал меня и сказал: «Не бойся, я ищу партизан».

В этот момент немец вышел из кустов и подошел к партизанам.

— Меня зовут Иоганн,— сказал он.— Я пришел воевать вместе с вами.

Иоганн рассказал, что он бежал из воинского эшелона в Молодечно, который отправлялся на фронт.

— Гитлер принес всем горе,— сказал немец.— Война, которую он развязал, разрушила и мой дом. В Берлине в развалинах погибли жена, мать, дети.

Долго беседовал командир отряда с унтер-офицером. Когда беседа закончилась, Алесь спросил немца:

— Скажи, Иоганн, а почему ты там, в деревне, спрятался от нас в кусты?

— Я подумал, что один из вас гитлеровец, другой — полицейский. Но потом увидел, что дети вас не боятся, и понял, что вы партизаны. И я вышел из укрытия.

Иоганна зачислили в отряд, и он до освобождения Белоруссии храбро сражался против гитлеровцев, которые были такими же врагами его родины, как и его собратьев по оружию.

* * *

Недалеко от Вилейки, в деревне Шаладичи, находилась скотоводческая ферма. Ее охранял гарнизон вражеских солдат. Сюда часто приезжал Граве со своей любовницей. Партизаны проследили, в какое время он совершает свои прогулки. Мастер минных дел слесарь Шефер приготовил мины, а Петя Кисель ловко замаскировал их на дороге.

— Хватит и Граве, и его охране,— сказал Петя, когда все было готово.

Отошли в лес. Стали ждать. Вот на дороге появилась охрана. Первая машина проскочила мину. На второй ехал сам Граве. Неужели и она? Машина приблизилась к роковому месту. Еще секунда... Взрыв — и лоскутья от штанов оберштурмбанфюрера повисли на сосне...

В открытом бою, во внезапном налете, в атаке из засады, в «рельсовой войне» партизаны отряда «За Советскую Беларусь» уничтожили много гитлеровцев. Командир отряда лично принимал участие и командовал отрядом в 26 крупных боях, в 48 мелких и 59 диверсиях. На личном счету Андрея Ивановича 9 пущенных под откос эшелонов с гитлеровцами и вооружением, 18 автомашин и немало уничтоженных гитлеровцев. В боях с фашистами Андрей Иванович был трижды ранен, но, залечив раны, снова возвращался в строй.

Коммунист Андрей Иванович Волынец увел в лес небольшую группу единомышленников, а вывел из леса на площадь Свободы в Вилейке, где произошла летом 1944 года встреча наступающих частей Красной Армии с партизанами, бригаду в составе 410 человек.

За ратный подвиг, за личную отвагу, за организацию людей на борьбу с врагами Андрей Иванович Волынец был удостоен звания Героя Советского Союза.

* * *

В треугольнике населенных пунктов Баровцы — Цинцевичи — Нарочь, в лесном урочище Ломы, возле болота, среди которого было озеро Ула, находилась когда-то первая база отряда Андрея Волынца. Сейчас здесь нет болота, нет озера. На торфяниках колосятся хлеба совхоза «Любань». Но здесь бывшие партизаны часто вспоминают, как защищали родную землю от гитлеровских захватчиков. И много добрых слов при этом они говорят о бывшем командире отряда Герое Советского Союза Андрее Ивановиче Волынце, который в суровые годы испытаний вел их в бой за Советскую Белоруссию.

Г. Шевела,
А. Щербаков

БЫЛ ЛАВСКИЙ БОЙ...

(О Дроздовиче В. И.)

В ту скованную свирепым декабрьским морозом и напряжением предстоящего боя ночь их товарищ, штурман 750-го бомбардировочного полка дальней авиации старший лейтенант Николай Тертычный рассказывал им об Испании. Он рассказывал о героическом сопротивлении республиканцев, в войсках которых сражался более полугода, о мужестве бойцов интернациональных бригад, о доблести своих товарищей — советских добровольцев: летчиков, моряков, танкистов...

В хате было тепло. Солома, брошенная на пол, чтоб всем хватило места сесть и даже прилечь, еще хранила аромат августовского поля. И они, слушая рассказ и пытаясь, наверное, представить себе знойное небо Гвадалахары, видели белорусские хлебные поля в пору жатвы, жаворонков, трепещущих в звонкой выси, запах спелых колосьев, белые рубахи косцов, широко и дружно размахивающих косами... А рассказчик вел их

по окопам в притихших пригородах Мадрида, по аэродромам, где приземлялись возбужденные боем летчики, по грохочущим артиллерийским позициям... И они как будто слышали свист бомб и стоны раненых, ощущали жар раскаленных пулеметных стволов, видели цепи наступавших мятежников... А думали о своем. О том, что принесет им эта ночь, о том, как выдержат они то, на что сегодня добровольно, не колеблясь, пошли.

Их командир Викентий Дроздович время от времени вставал с лавки, надевал свою зеленую фуражку пограничника с прикрепленными к ней наушниками из серого кроличьего меха и выходил из хаты — то менять посты, то просто вслушаться в тревожное безмолвие студеной ночи. Возвращаясь к ним, он как будто заново разглядывал каждого, думал о них, пришедших с ним сюда, в Клетище, чтобы выполнить самый, может быть, нелегкий за последние невероятно трудные месяцы приказ командира бригады. Какие они похожие в своем порыве помочь бригаде выиграть ответственнейшую операцию! И какие непохожие по характерам, опыту прожитых лет, путям, приведшим их в партизаны.

Володя Качановский. Ему всего пятнадцать. Он ни разу еще не был в бою. И так просился в группу, что Викентий не смог отказать ему. Теперь он, правда, казнил себя, что взял мальчишку сюда, и все больше утверждался в мысли, что ошибся, подвергнув Володину жизнь такому риску, что ошибку надо исправить, послать на рассвете Качановского с донесением в штаб бригады и написать туда, чтоб обратно его не пускали. А другая мысль теснила ту, первую: Володя предан и храбр и в любом бою не подведет, не оплошает, не бросит.

Николай Тертычный по сравнению с Володей — бывалый, обстрелянный, всего повидавший солдат. Рос на Украине, учился в ФЗО, в аэроклубе, потом в летном училище; в тридцать седьмом дрался в Испании, вернулся оттуда с орденом Красного Знамени. А в эту войну стал сразу летать бомбить глубокие тылы фашистов. В июле сорок второго самолет Тертычного сбили далеко за линией фронта. И в личном деле старшего лейтенанта появилась запись: «В бою за социалистическую Родину, верный присяге, проявил геройство и мужество, не возвратился с боевого задания». Запись оказалась ошибочной в своей концовке. Он выпрыгнул из горящей машины и возвратился с того боевого зада-

ния. Хотя возвращаться пришлось несколько месяцев. Но он упрямо шел на восток, голодал, отстреливался, прятался в лесной глухомани. Шел, пока не встретил партизан и не был зачислен пулеметчиком в отряд.

Его приказали переправить на Большую землю, но началась блокада партизанской зоны, и самолеты оттуда перестали прилетать. Он задержался. Дроздович понимал, что там, в действующей армии, очень нужны опытные авиаторы, и в то же время радовался, что Николай рядом с ним.

Он радовался и тому, что рядом Костя Шитыко, его ровесник, друг с детства, настоящий коммунист, прошедший в свое время службу в Красной Армии, работавший в Западной Белоруссии, попавший в первые дни войны в окружение. Викентий часто вспоминал слова, которые как-то сказал Костя своей матери: «В бою все может случиться... Нас еще не так много, а фашисты рыщут целыми полчищами. Но что бы ни случилось, я им не сдамся никогда».

Неразлучные Дмитрий Титко и Павел Лыч — первый и второй номера лучшего в отряде пулеметного расчета. Они вместе учились в школе, вместе работали в колхозе, вместе играли в колхозном духовом оркестре и вместе пришли к партизанам.

Рядом с Алешей Королем Дима Титко прямо былинный богатырь. У Алеши туберкулез, и его из-за этого долго не брали в отряд. Он был связным и так много сделал для партизан, что ни у кого из командования не хватило духа лишить его права перейти на суровое лесное житье. Алеша ходил в разведку и приносил ценнейшие сведения. В бою он не был ни разу, и тут Дроздович не хотел его брать, щадя больной его организм. Алексей не настаивал. Сказал: «Я прошу вас не как партизан командира, а как комсомолец коммуниста. Хочу быть равным со всеми. Вы должны взять меня...» В больших Алешиных глазах светились мольба, надежда и вера в чуткое сердце командира. И командир не устоял, взял Алешу.

Гриша Никанович, немного стеснявшийся почему-то признаваться, что любил до войны играть на скрипке и до сих пор мечтает учиться, теперь уже после войны, в консерватории; Эдуард Петрашевский, удивительно быстро повзрослевший после того, как в двенадцать лет остался без отца — самый старший из пятерых детей в семье; двое неугомонных и деятельных сельских активистов — Миша Десюкевич и Ваня Тумилович, кончившие перед войной школу, соби-

равшиеся поступить в институт и воевавшие теперь, чтоб скорее осуществить свое желание; Вася Астрейко, яростно рвущийся в бой, чтобы отомстить за мать — партизанскую связную, замученную фашистами на глазах у всей деревни; твердые, прошедшие рабочую закалку перед войной Саша Ясюченя, Франц Климович, Коля Якимович, Коля Синевич — все они под командой Дроздовича — в этом он ни секунды не сомневался — готовы к самой серьезной, самой отчаянной проверке боем.

Они готовы. А он? Сумеет ли он проявить себя настоящим командиром. Ведь такого сложного и ответственного задания он, пожалуй, еще не получал. От его командирского умения, от его храбрости, выдержки, авторитета у подчиненных зависела в огромной степени судьба многих сотен людей, судьба всей партизанской бригады.

Командирское умение... За него он волновался больше всего. Ведь военного образования не получил, а практика... Практика складывалась долго, точнее можно сказать, все годы самостоятельной жизни.

...С малолетства он втянулся в крестьянский труд, с детства подружился с пограничниками: до тридцать девятого года граница проходила совсем рядом с Новоселками. Подростком он уже помогал пограничникам и, как память о дружбе с ними, до сих пор носил зеленую фуражку, которую подарил ему начальник заставы после того, как он, деревенский смекалистый парень, помог задержать нарушителя границы.

Отслужив в армии, Викентий вернулся в колхоз, потом работал в милиции, а осенью тридцать девятого года, когда Западная Белоруссия снова вошла в состав Советского Союза, его направили в Клецкий район и избрали там председателем Межно-Слободского сельсовета.

22 июня 1941 года Дроздович спешит в райвоенкомат, чтобы попроситься на фронт. Но райком партии предлагает ему остаться пока на месте, помочь проводить мобилизацию в армию. А через два дня район оккупировали немцы. Дроздович с намерением догнать фронт и взяться за оружие уходит из родных мест на восток.

В лесу за Любанью ему встречаются вооруженные люди в гражданской одежде — партизаны из группы Пашуна. Они говорят, что надо объясниться с Вадимом Ивановичем. Вадим Иванович оказался на самом деле секретарем Минского обкома партии Иваном Денисовичем Варвашеней. Они

знали друг друга, и Варвашеня сразу повел разговор о деле:

— Ты коммунист, так слушай приказ партии: воевать здесь, в тылу у оккупантов. Задание такое: возвращайся домой, собирай вокруг себя надежных людей, копите оружие. Готовьтесь к борьбе долгой и упорной. Будем с тобой поддерживать связь.

Викентий вернулся в Новоселки. Первый раз в жизни он пробирался к своему дому тайком. Жена вышла на его стук...

— Как вы тут?

— Пока ничего. Сынок здоров.

На вопрос о немцах ответил младший брат, Николай:

— Наезжают часто. Но долго не задерживаются.

...Группу Дроздович сколотил быстро. Еще дорогой после встречи с Варвашеней Викентий обдумывал, на кого можно рассчитывать в Новоселках и в окрестных деревнях. Прежде всего, конечно, на Костю Шитько — закадычный друг, коммунист... Еще один — Константин Король... Ждановичи, отец и сын, Савельев, Курзанов...

По договоренности в определенные дни они собирались у «святой сосны», обсуждали обстановку, подсчитывали собранные оружие, боеприпасы. Весной сорок второго в Копыльском районе начали действовать партизанские отряды Тарховича (Дунаева) и Еременко, а вскоре сформировалось соединение — бригада под командованием кадрового командира Красной Армии майора Филиппа Филипповича Капусты. В отряд к Еременко и вступили тогда Дроздович и Шитько. Викентий тут же получил назначение на должность командира взвода.

Партизанская война экзаменовала строго и бескомпромиссно. Бригада Капусты почти беспрерывно вела бои с гитлеровскими карателями. Фашисты, естественно, не могли примириться с тем, что партизанское движение в Белоруссии принимало все больший и больший размах, парализовало их коммуникации, нарушало организацию тыловой службы, мешало наводить «новый порядок», заставляло терять силы, отвлекая их с фронта. Бригада же Капусты была самым крупным и самым активным партизанским формированием на западе Минской области, и немцы, обеспокоенные и разозленные, часто бросали карателей против бригады, стремясь если не полностью уничтожить ее, то по крайней мере обескровить и распылить.

20 июля в бою у деревни Раевка партизаны уничтожили около семидесяти карателей, захватили две автомашины, полсотни винтовок, миномет, шесть пулеметов, обоз с награбленным у местных жителей имуществом. В начале октября гитлеровцы не приняли встречного боя у деревни Братково и повернули в Слуцк. 6 ноября тысячи три гитлеровцев двинулись к Старицкому лесу, имея, судя по всему, намерение рассчитаться с бригадой. Две недели партизаны отбивали оголтелые атаки. Выстояли. Но понесли большие потери и нуждались в солидной передышке.

Взвод Викентия Дроздовича во всех этих боях держался геройски, а командир проявил отличные качества — смелость, умение быстро оценивать обстановку и принимать решения, увязывать действия взвода с целями отряда, с задачей бригады.

Настал декабрь. Разведка сообщила, что девять батальонов карателей стянуты в Клецк, Копыль, Красную Слободу, Несвиж, Узду. Не иначе, готовится новая операция против бригады... Девять батальонов... Около семи тысяч штыков да еще техника — танкетки, бронемашины да пушки, минометы. У Капусты бойцов в семь раз меньше, нет такого вооружения и к тому же скована маневренность: взял бы и увел бригаду в глубь Налибокской пущи, но как уведешь, если в Лавах развернули госпиталь — раненых десятки, вдобавок народ из деревень и поселков стекся в бригаду, с детьми, со скотиной, попробуй тут маневрировать или двигаться стремительным маршем.

Комбриг со своим штабом, с командирами отрядов долго размышлял, какое же принять решение. Приемлемым нашли одно: выделить на все опасные направления силы, чтоб завязали бои с карателями на подступах к Лавскому лесу. Если станет ясно, что не сдержат, под прикрытием заслонов эвакуировать лагерь, госпиталь, тылы — уходить.

Группы для заслонов комплектовали самыми боеспособными подразделениями. Когда определяли, кому прикрыть направление Клетище — Лавы, сошлись на мысли: группе Викентия Дроздовича. Это направление определили как самое опасное, потому что именно по дороге мимо Клетищенского кладбища на Лавы из Осово, Логвина, Телядович ожидалось продвижение главных вражеских сил. Остановить их у Клетища значило почти наверняка обеспечить успех оборонительной операции всей бригады. Капуста вызвал в штаб командира ударного взвода Дроздовича:

— Доверяем тебе засаду у Клетища. Думаю, там будет очень жарко. Предлагаю поэтому отобрать только добровольцев. Имей в виду, у нас народу мало, так что человек двадцать, больше не бери.

— Есть!

— Действуй!

Первым, кого Дроздович хотел бы видеть рядом в бою, был Тертычный, следом за ним — Шитыко. Они, безусловно, сразу же вызовутся на это задание. Ну и Титко, без сомнения, с Лычом, Тумилович, Петрашевский, Десюкевич, Никанович...

В Клетище отправилось девятнадцать бойцов. Троим, во главе с командиром отделения Иваном Жигалковичем, предстояло занять позицию на окраине деревни, командир группы давал им пулемет и ставил задачу помешать противнику сразу войти в деревню, дезориентировать его, не позволить тут же обнаружить основную позицию засады. Остальные готовили оборону на кладбище и вступали в бой тогда, когда каратели, не зная о расположении ядра группы, подойдут к нему на максимально выгодное для обороняющихся расстояние.

...Рассказ об Испании в натопленной хате прервал связной от командира отряда Еременко. Обнаружено движение противника из Копыля и Узды в сторону Лав. Дроздович быстро вышел на улицу. Красным сполохом где-то над Лотвиным чиркнула по небу ракета, пулеметная очередь рассекла на миг морозную тишину. Ясно: противник близко. Дроздович построил группу, еще раз объяснил задачу, напомнил об ответственности каждого за судьбу бригады, о великой битве под Сталинградом, о бессмертном подвиге его защитников.

— Пошли готовиться...

Разделились. Жигалкович с двумя Сергеями — Духановым и Петкевичем — зашагали к одному краю деревни, Дроздович с шестнадцатью бойцами — к другому.

Рассвет полз медленно. И в серой рассветной стыни обозначились сперва очень неясно, а потом совсем четко, со злой неотвратимостью войны фигуры развернувшихся цепью гитлеровцев. Они с трудом шли по глубокому снегу, шли во весь рост, охватывая Клетище полукольцом, не стреляя, не разговаривая, не выдавая ни своей смелости, ни своего страха перед тоже молчавшей деревней.

Жигалкович, лежавший у старого сарая, выждал, пока

немцы приблизились, оглянулся на товарищей и кивнул: «Огонь!»

Цепь на секунду замерла, чуть-чуть поредела и двинулась дальше, но уже шумно, стреляя на ходу из автоматов и винтовок. Тут же в дело вступили вражеские пулеметы и минометы, мины начали рваться возле сарая, а цепь солдат, все редея, подходила к деревне. Жигалкович понял, что дальше им здесь не удержаться, и решил отвести группу к позициям на кладбище.

Поднялись и, прячась за домами, побежали от сарая. Остановились у одной избы и тут увидели серо-зеленые шинели немцев, бегущих с другого конца деревни. «Значит, вошли оттуда, от Осова, значит, через деревню к Дроздовичу не прорваться... Надо обходить лугом, там кустарник, легче укрыться от огня...» А гитлеровцы стреляли почему-то в другую сторону. В сторону кладбища? Однако группа Дроздовича еще не обнаружила себя...

Жигалкович узнал позже, что немцы вели огонь по двум партизанам из отряда имени Буденного — по Саше Ждановичу и Саше Харитоновичу, заночевавшим после задания в Клетище и уходившим, когда началась перестрелка, из деревни. Но тогда Жигалкович не знал, что два Саши тоже вступили в бой, что они, прикрывая друг друга по очереди огнем, прорываются к кладбищу, что Харитонович прорвется и станет семнадцатым бойцом в группе Дроздовича, а восемнадцатый — Саша Жданович погибнет, немного не дойдя до группы, погибнет на глазах у Дроздовича, и у того сердце замрет от боли и ярости — Викентий ведь знал и любил Сашу, привлек его тогда, в сорок первом, к подготовке к сопротивлению оккупантам, и Саша с отцом привезли потом в отряд целую повозку оружия.

Жигалкович со своими ребятами не пробился к основной группе и переменил направление отхода — к отряду, чтобы доложить обстановку в Клетище и вернуться сюда с подмогой.

А немцы, не вызвав ответного огня с кладбища, прекратили стрельбу, посчитали, видно, что с засадой покончено и что дорога на Лавы свободна. Большой колонной, кто на подводах, кто пешком, они потянулись от Клетищ к лесу — как раз по той дороге, что шла мимо кладбища. Настала очередь действовать группе Дроздовича.

Под деревьями у ограды кладбища они оборудовали себе надежные позиции и ждали теперь команды начать

бой. Колонна была перед ними как на ладони, они видели солдат с поднятыми воротниками тощих шинелей, пар от часто дышавших лошадей, слышали скрип саней и чужеязыкие фразы, которыми перебрасывались немцы. И ждали команды «огонь!». И Дроздович подал ее.

Колонна остановилась и тут же снова пришла в движение — заметалась, смешалась, лишилась управления и беспорядочно ринулась назад к деревне. Наступило короткое затишье. Потом из Клетищ разноголосо заговорили станковые и ручные пулеметы, их поддержал хор минометов. Обстрел кладбища длился около получаса, а затем каратели цепью поднялись в атаку. Их поддерживал огонь, но он не помог: огонь с кладбища оказался сильным, метким и дружным. Атака сорвалась.

Немного погодя началась другая. Теперь уже при поддержке орудия. Снаряды разметывали сухой снег, комья мерзлой земли осколками срезали сучья, сшибали темные, растрескавшиеся от времени кресты. Растревоженные боем галки с криком носились в стороне... Минут через двадцать захлебнулась и вторая атака.

В третью гитлеровцы пошли редкой цепью, но растянули ее далеко, намереваясь захлестнуть позиции группы Дроздовича петлей. Оборонявшиеся заранее предусмотрели такой тактический маневр врага и пулеметным огнем по флангам остановили движение цепи, не дали ей замкнуться. Третья атака не принесла успеха карателям.

Тем временем командир отряда имени Котовского выделил на помощь Дроздовичу группу, усиленную тремя пушками. Но ей не удалось выйти к Клетищенскому кладбищу, потому что гитлеровцы начали прорывать оборону бригады со стороны Язвина и Костешей, ввели в действие новые подразделения с танкетками. Опасность, возникшая там, потребовала бросить на то направление свежие резервы. Дроздович помощи не получил.

А из Клетища каратели предприняли четвертую... пятую... шестую попытку штурмовать позиции державшихся на кладбище партизан. Но партизаны не подпускали их к себе.

О чем думали они, друзья Викентия Дроздовича, с утра лежавшие на снегу и не знавшие, когда наступит развязка, видевшие, как смерть вырывает оружие то у одного, то у другого их товарища, и понимавшие, что им нельзя уйти отсюда, потому что здесь, у Клетища, они, только они, дол-

жны остановить врагов, и для них это так же обязательно и важно, как если б тут решалась в этот обычный день судьба всей войны. Может, они вспоминали рассказ об Испании, о палящем солнце над траншеями, защищенными надежным каменным бруствером... Может, слышали заново слова своего командира о сверхчеловеческой стойкости защитников Сталинграда... Володя Качановский, который ни разу в жизни не успел сфотографироваться... Саша Харитонович, который 21 июня сорок первого года получил аттестат зрелости, а 22-го, узнав о нападении фашистов на Советский Союз, попросился добровольцем на фронт... Григорий Никанович, который велел дома пуще всего беречь его скрипку...

Седьмая атака... Восьмая... Четвертый час схватки на исходе. Бойцам Дроздовича нечем стрелять. А каратели уже замкнули кольцо и готовятся к новому броску... Четыре часа семнадцать партизан сражались против по крайней мере батальона врагов. Сколько их было, пробивавшихся из Клетища к Лавам? Полтораста... Двести... Не меньше... И мощная поддержка огнем. А тут семнадцать... А после восьми отбитых атак осталось шесть. И они продолжают лежать с оружием в руках. Ждут последней, скорее всего, команды своего командира. И он командует: идти на прорыв, идти в рукопашную. И шестеро встали. Бросились на ошеломленного их самопожертвованием и дерзкой решимостью противника.

Упал, не дойдя до вражеской цепи, Костя Шитыко; пулеметной очередью убит на бегу Викентий Дроздович, а Дима Титко, Павел Лыч, Гриша Никанович и Харитонович Саша добежали, сошлись в рукопашной, чтоб нанести еще по удару, чтоб, погибая, уничтожить еще одного врага.

...Гитлеровцам не удалось разбить бригаду Капусты. Четыре часа держалась засада под командой Дроздовича у Клетища, ведя жестокий бой с врагом. За это время командование бригады смогло перегруппировать силы, эвакуировать госпиталь и тылы и не пустить карателей в Лавский лес. Бригада воевала с фашистами до 1944 года, до освобождения Белоруссии Советской Армией.

...За четыре без малого года войны было много боев. В один из 1418 дней, 3 декабря 1942 года, был Лавский бой. Именами героев, его выигравших, он остался в истории Великой Отечественной войны, как тысячи других боев, из которых в сорок пятом родилась наша Победа.

К. Слободин

В ДОМЕ ПО УЛИЦЕ АРТЕМА

(О Зубареве А. Г.)

В воскресенье 2 ноября 1941 года, на девятый день после того, как вошли гитлеровские войска в Харьков, в старом трехэтажном доме по улице Артема, 23, праздновали свадьбу. Скромная, тихая свадьба в городе, захваченном врагом.

— А что остается делать? — подкачивая примус, говорила Анна Ивановна соседкам на кухне.— Больше года встречались... Я мечтала — хорошая пара выйдет!.. Петя — учитель. Галинка моя — инженер-плановик. Это она только сейчас вышиванием подрабатывает. А тут на тебе: война! Решили подождать, что оно дальше-то будет? А получилось — она здесь сидит, за него переживает. Петя дома мается — как бы с нею чего не произошло! Встретиться где на улице и то страшно, сами знаете, какое ныне время... На той неделе приходят к нам двое... Вы небось видели — солдаты немецкие.

Петя как раз здесь был. «Кто такой? — спрашивают.—

Документы?» Проверили. «А ну,— говорят,— ком». И толкают Петю-то. Мы с Галинкой как вцепимся! Куда, говорим, «ком»? Да вы что, господа хорошие, ни с того ни с сего? Комендантский час еще не настал... Что ж он сделал противозаконного? Еле отбили!

— Чего ж ваш Петя в армию-то не пошел?

— Зрение у него плохое,— вздохнула Анна Ивановна.

Пока на кухне жарилась картошка и шел неторопливый разговор, в комнате Никитиных, стоя, разговаривали трое.

«Жениха», невысокого парня с серыми, близоруко щурящимися за стеклами очков глазами и русой курчавой бородкой, звали Петр Коваль. Второго, тоже небольшого роста, но пошире в плечах, коренастого и черноволосого,— Терентий Климчук. Третьей была Галина Никитина. В батистовой кофточке собственной вышивки, с раскрасневшимся от возбуждения лицом и пышными белокурыми локонами, она и впрямь была похожа на невесту.

— Очень рад познакомиться,— сказал Петр, обращаясь к Терентию.— Ну, друже, рассказывай, как устроился и, вообще, как настроение?

Обняв за плечи Галю и Терентия, Петр отвел их в самый дальний угол комнаты.

Терентий доложил, что квартирует у своих сестер по фамилии Глущенко. Выдает себя за мужа младшей — Нины. Сестры определились рабочими в столовую, где питаются немецкие солдаты. Сам Терентий тоже «пошел по этой части» — устроился в столовой для чиновников городской управы, что в центре города, на Бурсацком спуске.

— В городе меня мало кто знает, так что с этой стороны все в порядке,— неторопливо рассказывал Терентий.— А работы много. Столовая частная, хозяин копейки не упустит. Вот и гоняет меня в хвост и в гриву: я и грузчик, и дворник, а ежели на кухне надо подсобить — тоже я. Словом, Фигаро — здесь, Фигаро — там... Но зато позиция хороша. Фашистские холуи разговаривают о делах за обедом... Кое-что интересное можно подцепить.

— Что ж, для начала неплохо,— сказал Петр и, кивая на стол, продолжал: — Ну а мы, как видишь, женимся, вот... Так будет надежней.— Петр Коваль на минуту задумался и, помолчав, добавил:

— Будем понемногу разворачиваться...

Однако и Терентий, и Галя поняли, что Петр Коваль как бы подвел черту под трудным для каждого из них

периодом «вхождения» в роль и дал приказ приступать к делу, ради которого все они остались во вражеском тылу.

— Да, можно понемногу разворачиваться,— повторил Коваль.— С чего начать? Во-первых, проверить связи, разыскать наших людей. Во-вторых, будем информировать население о положении на фронте и о том, что творит враг здесь, в тылу... Фашистские агитационные радиомашины разъезжают по городу, орут о своих победах и о скором разгроме Красной Армии... Газету начали выпускать, приказы развешивают... Всю вражескую брехню мы обязаны разоблачать.

— Верно говоришь,— поддержал Терентий.

— Я тоже «за»,— сказала Галя.

В коридоре послышались шаги.

— Итак, единогласно,— понизил голос Петр.— Условимся так: Анна Ивановна отныне пусть будет твоей теткой, Терентий. Ясно? Это дает тебе возможность навещать нас по воскресеньям.

Скрипнула дверь, на пороге появилась Анна Ивановна. В руках сковорода жареной картошки.

— К столу, к столу!..

Анна Ивановна достала из шкафа бутылку домашнего вина, наполнила стопки.

— Ну что ж, дорогие. За ваше благополучие. За удачу!..

Никто не кричал «горько», никто не высказывал пожеланий на будущую супружескую жизнь... И никто из присутствующих не собирался исправлять эту «странность». Все знали: не для свадьбы собрались.

Конечно, Анна Ивановна, мать Галины Никитиной, не подозревала, что «жених» — вовсе не Петр и не Коваль, а бывший секретарь Орджоникидзевского райкома комсомола Александр Гордеевич Зубарев и что ее новоявленный «племянник» Терентий Климчук совсем еще недавно был Петром Артемовичем Глущенко и возглавлял Ровенский обком комсомола. И конечно, не догадывалась, что два парня и ее Галинка составляют Харьковский подпольный обком комсомола. Зато Анне Ивановне известно главное: Галя оставлена для подпольной работы и все, что здесь происходит, и все, что будет происходить, пока они находятся в тылу врага, подчинено этому главному отныне в жизни дочери. Потому-то она и старалась, как могла, помочь Гале и ее товарищам. «Свадебный обед» — дело ее рук. И раз-

говор на кухне с любопытными соседками — тоже ее изобретение.

— Анна Ивановна, вы наша служба госбезопасности,— шутил Петр Коваль.

Она не обижалась, считая, что молодежь на то и молодежь, чтобы шутить, а житейский опыт — он, что ни говори, никогда не во вред, а только на пользу.

Сейчас, подкладывая на тарелки закуску, Анна Ивановна как бы невзначай сказала:

— Теперь уж, зятек, хочешь не хочешь, придется тебе тещу мамой величать. Такой обычай!

— Ну, это само собой,— отозвался Коваль.

— Смотри-ка какой послушный! — прыснула Галя.

За столом повеселело.

— Есть тост! — поднялся Петр.— До седьмого ноября, друзья мои, остается пять дней. Мы не сможем в этом году по-настоящему отметить праздник. Поэтому предлагаю воспользоваться случаем и поднять бокалы за двадцать четвертую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. За Родину нашу.

Все встали. Негромко звякнули стопки.

* * *

Зима в тот первый военный год выдалась ранней и на редкость суровой.

По утрам, надев старое зимнее пальто и закутавшись в платок, Галина отправлялась в путь. Поначалу поиски людей результатов не дали.

Одни из тех, кто был оставлен для связи, погибли. Другие по неопытности попали в руки гестапо. Третьих просто не удавалось найти. И не мудрено: часть домов, в которых находились явочные квартиры, лежали в развалинах. За Харьков шли упорные бои, в городе много разрушений. Попытки установить связь с секретарем подпольного обкома партии И. И. Бакулиным не дали результатов.

Но Галя не теряла надежды. День за днем обходила она город, стараясь найти своих... И всякий раз приходила усталой и расстроенной.

— Нет,— односложно говорила она, тяжело опускаясь на стул.— Нет, сегодня не нашла... Завтра пойду снова.

Однажды Галина не вернулась из очередного похода до наступления комендантского часа.

Всю ночь Петр и Анна Ивановна не сомкнули глаз, прислушиваясь к шагам проходящих мимо патрулей, к выстрелам, что время от времени гремели на улице, к реву проносящихся мимо военных грузовиков — ко всем страшным ночным звукам и шорохам оккупированного города.

А утром Галя явилась. Оказалось — попала в облаву, но благодаря счастливому случаю удалось вырваться и убежать. На беду, как раз наступил комендантский час, домой нельзя — арестует первый же патруль. И чтоб опять не попасть в лапы гитлеровцев, Гале пришлось заночевать у школьной подруги.

— Что делать будем, Петя? — растерянно спросила Галя, когда Анна Ивановна вышла.— Столько ходила, рисковала... И все, выходит, зря... Никого.

— Во-первых, будем ходить вдвоем. Да, да, не спорь. Как-никак к мужу и жене больше доверия. А во-вторых, сегодня же надо написать и распространить листовку. Нельзя допустить, чтобы эти сволочи спали спокойно.

— Но о чем писать? Что мы знаем?

— Вот, читай,— Коваль вынул из бокового кармана газету.— Вчера купил.

— Что это? «Нова Украина»? — Галя непонимающе переводила взгляд с газеты на Петра.

— Читай, читай. Оказывается, нас вешают, и грабят, и втаптывают в грязь, и травят собаками ради нашего же блага. А если кому это не нравится, так потому, что мы, видишь ли, не доросли до понимания прелестей «нового порядка». Что делать, «низшая раса»!..

Петр ходил взад и вперед по комнате и говорил, говорил. Все, что до сих пор копилось в душе, сейчас выплескивалось наружу.

— Вот об этом, Галя, мы и напишем. Ответим на эту подлую брехню. Только они свою газетенку в киосках продают, а мы свой ответ на стены повесим!

Петр сел к столу, достал бумагу и принялся за листовку. Вдвоем с Галей написали полсотни экземпляров. Перед рассветом листовки забелели на ближайших улицах.

— Начало есть! — потер руки Петр, когда они с Галей благополучно вернулись домой.— Пока начнем получать настоящую информацию, придется выворачивать наизнанку вражеские сообщения... Бить врага его же оружием!

Скоро к ним присоединился Терентий Климчук. Теперь они переписывали листовки втроем. Часть скрученных в

трубочки листовок хранилась до утра в Галином чемоданчике среди мотков ниток. Как только кончался комендантский час и занимался поздний зимний день, Петр и Галя отправлялись в центр, на Конный рынок, безлюдный еще в это время, расклеивали и разбрасывали листовки. Остальные Терентий забирал с собой и распространял на Благовещенском базаре...

Когда Петр и Галя возвращались домой, в поход отправлялась Анна Ивановна. Она шла на Бурсацкий спуск — убедиться, что Терентий на работе и что у него все в порядке.

Петр и Галя по-прежнему старались установить связь с товарищами. Наконец на станции Основа улыбнулась удача: хозяйка квартиры, где должен был жить оставшийся в подполье комсомолец Володя Коновалов, сказала, что действительно такой у нее проживает. Только сейчас его нет дома, ушел на работу. Придется прийти в другой раз...

Далеко пешком до Основы. Но если бы было и вдесятеро дальше, разве смогло бы это остановить Петра и Галю?

В дом, где жил Коновалов, Галина вошла одна. Петр ждал ее на улице. Через некоторое время Галя вернулась. Петр беспокойно оглянулся — кругом ни души.

— Ну? — взволнованно прошептал он.

— Все очень хорошо... Понимаешь, очень,— тоже волнуясь, отозвалась Галя.— Володя на месте. Работает электромонтером в депо. Он, оказывается, подобрал группу хороших ребят... Листовки-то я ему передала. Обещал размножить и распространить в Основе, Жихоре и Безлюдовке... Приемника у них пока нет. Но, говорит, в скором времени будет и приемник...

В следующее воскресенье, как всегда, в гости к «дорогой тетушке» пришел Терентий. Со свойственным ему спокойствием выслушал информацию Петра. Одобрил: «Молодцы». Потом, выдержав паузу, сказал:

— А теперь послушайте мои новости. На квартире у меня поселился солдат-шофер. Но не немец, а чех. Звать — Юзеф Тирлица. У него есть приемник. Когда квартирант уходит — можно слушать... Теперь я это делаю регулярно.

— Неужто Москву слушаешь? — еще не веря, что правильно понял, переспросил Петр.

— Конечно. А ты думал что? Берлин?..

— Так рассказывай, рассказывай же!..

— Плохо, брат... Наши войска оставили Клин и Солнечногорск. К самой Москве фашисты подбираются!

— М-да... Подбираются — это, конечно, плохо. И все-таки не так плохо, как оккупанты изображают: по их-то сообщениям, они уже давно по Москве разгуливают. Не верили, конечно, мы в эти басни. А на душе все же скребло. Скребло ведь?

— Ясно, скребло, — хором отозвались Галя и Терентий.

— А теперь расскажем мы людям об истинном положении. Это сейчас самое важное!

В этот день было написано листовок вдвое больше, чем обычно. А в них радостные слова: Москва наша, Красная Армия стойко сдерживает натиск фашистских войск. Большая советская земля трудится, отдает все для фронта, все для победы.

Вслед за Коноваловым отыскались связные Екатерина Кутовая и Александра Скляренко. Они взяли на себя часть работы по установлению связей с молодыми патриотами, оставленными на Харьковщине и заждавшимися посланца обкома, чтобы согласовать свои действия с работой всего комсомольского подполья.

Подпольный обком комсомола расширял свои связи. Его усилиями из разрозненных, разбросанных по большой территории и законспирированных групп незаметно для постороннего глаза формировалось постепенно единое целое, имя которому — областная подпольная комсомольская организация.

* * *

...Большая коммунальная квартира, в которой обосновались Петр, Галина и Анна Ивановна, живет обычной для оккупированного города жизнью.

Не работает центральное отопление, все топят наскоро сложенные печи. У Анны Ивановны печь немилосердно дымит, приходится открывать дверь. Едкий дым ест глаза, а от холода все равно стынут ноги. К тому же и с топливом стало очень трудно. То Петр оторвет где-то доску, то Анна Ивановна вместе с соседками добудет ведерко угля.

За водой приходилось шагать к проруби на Журавлевку: два километра плюс двести восемьдесят ступенек вниз, а потом столько же вверх с полными ведрами. Дубели руки, болела спина. Эту каторжную работу Анна Ивановна взяла на себя: «Нельзя вам без надобности лишний раз судьбу испытывать!»

Каждый житель квартиры, как умеет, зарабатывает на хлеб насущный. Одни шьют, другие варят «конфеты», третьи торгуют. Жить-то надо! Галя тоже принимает заказы. Вышитые ею вещи пользуются кое-каким спросом.

Время от времени кто-нибудь из обитателей, собрав пожитки, отправляется в село — на «менку». Те, что дома, собираются на общей кухне: кто похлебку варит, кто шьет, а кто и в картишки играет, чтоб убить время. Здесь потеплей.

Жизнь течет настороженно: ведь в душу друг другу не влезешь. И не угадаешь, кто есть кто...

Петр Коваль не пренебрегает обществом, может и в «подкидного дурака» составить компанию. Играет со всей серьезностью, будто нет у него других забот, кроме как выиграть. Тут же в сторонке пристраивается и Галя со своей вышивкой. Иногда поет негромко чистым, высоким голосом. Петр, не отрываясь от игры, тихонечко подпевает. Соседям нравится, как поют «молодожены» в два голоса. Все умолкают, слушают.

Спи, моя радость, усни.
В доме погасли огни...

Но никто, кроме Гали, не знает, что Петр думает совсем не о картах, не о песнях...

Что там у наших? — вот что беспокоит Зубарева. Небось Володька Коновалов уже пристроил антенну, покрутил лампы и сквозь треск и свист слушает заветное: «Говорит Москва!» ...Терентий тоже скоро придет с работы и пристроится к наушникам. А Нина Глущенко, наверное, уже в Богодухове. Может, в данный момент стучится к секретарю Богодуховского подпольного райкома комсомола Федору Ситнику... Вот бы здорово! Если все благополучно, размышляет Петр, в Богодухове через день-другой появятся наши листовки... Потом, в зависимости от обстоятельств, можно будет приняться и за боевые операции... Беспокоит секретаря обкома долгое отсутствие Кати Кутовой и Саши Скляренко. Они тоже на задании. Катя доложила, что установила связь со Змиевским подпольным райкомом комсомола, и теперь отправилась туда снова с инструкциями секретаря обкома. А Скляренко ушла в Изюм. Уже неделя прошла — от нее никаких известий. Что-то с ней?..

Петр оторвался от карт, глянул на Галину: Молодец, нашла-таки ребят с электромеханического и с паровозо-

строительного. Теперь надо связаться с комсомольцами тракторного... Опять придется идти Гале. Больше некому... В Дергачи пойду сам: надо повидаться с подпольщиками райкома, — решил Коваль. — Пока все идет как надо... Не хватает одного, но самого важного: связи с подпольным обкомом партии...

Звонкий хлопок по столу оторвал Коваля от дум.

— Ты что, зевнул? — сердито спросил партнер по «подкидному».

— Ах, вы нас валетом испугать хотите? — улыбнулся Петр.— Убьем валета.

— А короля?

— И на короля управа есть!

— А туз? Каково?

— Туз молодец, да только против овец. Сдавай-ка... А ты, Галюня, запевай. Наша берет!..

* * *

Есть серьезные основания считать, что, хотя связь между А. Г. Зубаревым — Петром Ковалем и секретарем подпольного обкома партии И. И. Бакулиным по каким-то причинам первоначально нарушилась, контакт в конце концов все-таки был установлен. Ведь группа Володи Коновалова действовала под непосредственным руководством секретаря Основянского подпольного райкома партии А. И. Мотылевского, который входил в состав подпольного обкома партии. Ясно, что через Коновалова и Мотылевского И. И. Бакулин должен был неизбежно связаться с Зубаревым, взять под свое руководство обком комсомола. Должен... К сожалению, документально этот факт пока не установлен. Но как бы там ни было, действия комсомольского подполья отчетливо вписываются в общую картину борьбы, направляемой из единого центра. Этим центром был подпольный обком партии.

— Мы должны решительно срывать затеи оккупантов, — говорил Петр Коваль товарищам. — Сегодня они вербуют молодежь в Германию. А мы скажем: «Не верьте фашистам, вас отправляют на каторгу!» Они заставляют сдавать теплую одежду для «доблестной армии фюрера». А мы: «Харьковчане! Ничего не давайте оккупантам! Пусть мерзнут, собаки. Этим вы поможете родной Красной Армии!»...

Листовки. Они уже не только отдушина, через которую можно поговорить с народом, но и своеобразная инструкция подпольного обкома местным комсомольским организациям, ибо в каждой из них — разъяснение, что и как следует предпринимать в данный момент.

«К молодежи!», «Организовывайте саботаж на фабриках и заводах!», «Не давайте зимней одежды захватчикам!», «О зимнем наступлении Красной Армии!» — вот названия некоторых листовок, составленных и распространенных подпольным обкомом комсомола.

И каждый раз, получив очередную весточку от своего обкома, подпольные комсомольские организации принимались за дело, за разъяснительную работу, устную и письменную, призывая население уклоняться от фашистских мобилизаций, укрывать от оккупантов все, что может им понадобиться...

Как подсчитать, сколько юношей и девчат, ищущих возможности принять участие во всенародной борьбе с заклятым врагом, под воздействием горячих слов Петра Коваля и его товарищей ушли в партизаны или просто, всеми правдами и неправдами, избежали отправки в Германию, уклонились от работы на врага? Какой мерой измерить великое самопожертвование харьковчан, которые, голодая, терпя многочисленные лишения, с риском для жизни, выходили, выкормили, обули и одели тысячи раненых советских воинов? И в то же время, опять-таки смертельно рискуя, сделали все, чтобы народное достояние не досталось ненавистному врагу? Для скольких из них этот подвиг начался с маленького листочка с небольшим рукописным текстом?.. Этого никто никогда не узнает, никто никогда не подсчитает. Но люди не забудут этого.

* * *

...Связная Нина Глущенко благополучно добралась до Богодухова, нашла секретаря райкома комсомола Федора Ситника, передала директивы подпольного обкома комсомола.

— Федька-то как Нину сначала напугал, — рассказывал Петру и Галине Терентий. — Она ему: «Где живет Тоня?» Не реагирует. Оперся на свои костыли (Федя — инвалид), уставился на нее и — ни звука. Нина еще раз: «Где живет Тоня?» Никакого впечатления. С третьего раза только

отозвался: «Село большое, не видно». Можете себе представить Нинино состояние? Вся, говорит, аж взмокла от волнения. «Почему, — спрашивает, — сразу не ответил?» — «Да я, — говорит, — никак не мог подумать, что такую девчонку пришлют! Просто опешил от неожиданности».

— Ишь ты! Девчонка!!! А какое должно быть комсомольское подполье? Старики да старухи? Так, что ли, он думает? — возмутилась Галя.

— Не надо, Галочка, — усмехнулся Коваль, — понять Ситника можно: виданное ли дело, чтобы в такую дальнюю и опасную дорогу, да в этакий морозище такую махонькую девчонку посылать! Вот и удивился!

— Очень ждали богодуховские комсомольцы весть от обкома, — продолжал рассказывать Терентий. — Без этого чувствовали себя, как на острове. Теперь они будут действовать в соответствии с нашим общим планом... Федор сообщил, что у них есть неплохой актив в самом городе и в Гутах, в Губаревке. В состав подпольного райкома входят Митрофан Кириленко и Миля Подолянко. Они же — руководители комсомольских подпольных ячеек в селе Полковая Никитовка. Наша листовка Федору нравится. Говорит — размножим и распространим по всему району...

— Молодцы! — обрадованно воскликнул Петр. — Значит, говоришь, райком и пять первичных организаций! Ну молодцы!..

— Точно, райком плюс пять... Да, еще комсомольцы Губаревки раненых красноармейцев по хатам спрятали.

— А много раненых? — спросил Петр.

— Ситник говорил — человек пятьдесят!

— Ого! Честное слово, молодцы! — повторил Петр. — А ты, Галя, все Ситника ругаешь!.. Надо срочно передать в Богодухов, чтобы одной пропагандой не ограничивались. Пусть начинают решительные действия — диверсии, саботаж, нападение на гитлеровских начальников. Сил у них, как я понимаю, на это хватит.

* * *

Володя Коновалов не зря обещал в скором времени добыть приемник. С тех пор как стал мастером радиомастерской для немецких офицеров, он не только получил возможность ежедневно слушать Москву, но и организовал коллективное слушание, на которое приходили рабочие

Основянского паровозного депо. Население Основы стало получать правдивую информацию о положении на фронтах.

Член группы Коновалова Виктор Чубенко оделся под железнодорожника и пробрался к воинскому эшелону, готовому к отправке... В пути в эшелоне вспыхнул пожар: Виктор засыпал в буксы песок.

Сам Володя Коновалов вместе с секретарем Основянского подпольного райкома партии А. И. Мотылевским подготовил взрыв фашистского склада боеприпасов в Безлюдовском лесу. Диверсия эта удалась блестяще.

Члены группы Коновалова, рабочие депо, тоже не сидели сложа руки. Они так «ремонтировали» паровозы, что, едва появившись на линии, они тут же выходили из строя.

Получив указание Петра Коваля, развернул боевую работу и Богодуховский райком комсомола. Богодуховские комсомольцы систематически нарушали телефонную связь. На станции Купьеваха они уничтожили вражеский патруль и освободили несколько десятков односельчан, которых гнали в Германию.

В начале декабря, после прихода связных подпольного обкома комсомола, активизировалось комсомольское подполье на Изюмщине, Змиевщине, Валковщине, Великобурлукщине. В этих районах комсомольцы широко распространяли листовки, портили линии связи, вели разведку...

Члены группы Александры Руденко, действовавшей в Великобурлукском районе, освободили сорок шесть военнопленных, снабдили их поддельными документами и помогли благополучно выбраться за пределы района. Комсомольцы Бычко и Шапка хорошо «поработали» на шоссейных перекрестках — перепутали и переставили указатели, колонны гитлеровских грузовиков сбивались с маршрутов, никак не могли взять нужное направление...

Многое знал и умел Петр Коваль. Но главное — умел он находить слова, которые брали людей за сердце, укрепляли их веру в победу, заставляли ежедневно и ежечасно спрашивать себя: «А что еще могу я сделать, чтобы ускорить приход своих?»

И ребята старались.

На паровозостроительном заводе, где оккупанты попытались организовать ремонт автомобилей, комсомольцы группы Яковлева систематически похищали дефицитные части, сливали горючее, ломали отремонтированные и под-

готовленные к отправке машины. В конце концов врагу пришлось отказаться от своей затеи.

Немало автомобилей вывели из строя и комсомольцы завода «Серп и молот» — Кириченко, Сазонов, Дадышева. Молодые рабочие электромеханического — Гаврилов, Песчанский, Гришко похитили и спрятали немало важных приборов и аппаратов.

Группа комсомольца Шульги, действовавшая в депо «Октябрь», как и подпольщики Основы, специализировалась на порче паровозов и вагонов.

Слесари — комсомольцы Абраменко, Задорожный, Кирюкин с Харьковского тракторного завода испортили станки, привезенные немцами для восстановления механического цеха...

Но Коваль был недоволен. С некоторыми районами связи все еще не было. Что там? Уцелели ли товарищи, оставленные для работы? Если да — чем занимаются? Обком должен знать...

25 декабря Галя собрала кое-какие вещички, купленные накануне Анной Ивановной для такого случая, немного табаку, спичек, мыла, и проводила своего «благоверного» на «менку».

Целую неделю отсутствовал Петр. Новый, сорок второй год Галина и Анна Ивановна встретили одни...

Наконец Петр пришел — усталый, но радостный.

— Все идет отлично. Дергачи, можно считать, взялись за работу. Люди золотые. С такими горы можно сдвинуть... Недельки через две снова пойду: обещал.

— Я с тобой, — сказала Галя. — Не пущу одного.

— Ладно, — улыбнулся Петр.

16 января Галя и Петр расклеили листовки, посвященные Дню памяти Ленина. А на следующий день ушли в Дергачевский район...

* * *

Через три дня после их ухода к соседям, куда зашла погреться Анна Ивановна, кто-то постучал. На пороге стоял молодой парень в ушанке.

— Вы не скажете, когда бывает дома Галина Алексеевна из девятнадцатой квартиры?

— Нет ее, ушла на «менку». Но вот ее мать,— отозвалась хозяйка дома.

— Жаль, — вздохнул молодой человек. Отозвав Анну Ивановну в сторону, он негромко сказал: — Понимаете, я хотел бы заказать вышивку аппликациями.

— Да нет же сейчас Гали. И мужа ее нет. Приходите через пару деньков.

— Я здесь ненадолго, — сказал молодой человек, понизив голос. — Из Купянска я, должен идти дальше. Зайду послезавтра в три. Ладно?

Анна Ивановна не знала, что город Купянск, районный центр Харьковской области, находится по ту сторону фронта и что там находится Харьковский обком партии. Поэтому она лишь пожала плечами: «Из Купянска так из Купянска».

Вслух же повторила:

— Заходите.

Но когда парень ушел, на нее напали сомнения. «Странный какой-то парень. Видать, неспроста приходил...» — решила Анна Ивановна.

Одевшись, она отправилась к Терентию, и он, выслушав ее, обещал прийти в назначенное время.

Однако на следующий день вернулись Петр и Галя. Новость взволновала: шутка ли! Посланец Большой земли! Давно ждут они человека, желающего заказать «вышивку аппликациями». И вот завтра он будет здесь!..

«На всякий случай Терентия все-таки надо предупредить. Не надо ему являться... Мало ли что...» — подумал вдруг Петр. Эта мысль возникла у него сама собой, интуитивно. Но, родившись, прочно засела в голове. Опыт подпольщика подсказывал: Терентию на первую встречу являться не стоит.

— Галюня, а ты как думаешь?

И, как не раз бывало, Галя без всяких объяснений поняла его.

— Пусть ждет, — решительно ответила она. — Мама предупредит.

Незнакомец явился в назначенное время. Петр и Анна Ивановна ушли к соседям. Галя встретила его одна, сидя за вышиванием.

Парень назвал пароль и, получив отзыв, сообщил, что прибыл из Купянска.

— Обком интересует расположение немецких штабов в Харькове. Можете установить?

— Постараемся, —ответила Галя.

Откуда могла она знать в тот момент, что перед нею предатель, подставной агент врага...

Парень ушел незадолго до комендантского часа. Понимал — Петр и Галя теперь-то уж никуда не денутся...

А на рассвете раздался стук в дверь. Галина еще спала. Анна Ивановна спозаранку отправилась за печником, чтобы хоть чуть поправить печь. Петр, сидя на кухне, молол в кофейной мельничке пшеницу.

Услышав стук, он в три прыжка очутился в комнате — прежде всего надо уничтожить документы.

Но — поздно. Под ударами прикладов дверь сорвалась с петель. Ворвались гестаповцы...

Когда Анна Ивановна возвратилась домой, она ахнула. Все было перевернуто вверх дном. Посредине возвышались сваленные в кучу вещи, книги... В дальнем углу спиной друг к другу сидели Галина и Петр.

Гестаповец в штатском грубо схватил ее за руку.

Едва передвигая отяжелевшие ноги, Анна Ивановна с трудом добралась до стула и села рядом с дочерью.

* * *

Их истязали на Сумской, в доме номер 100. Допрашивали и били. Снова били и снова допрашивали. Измученных и обессиленных увели в тюрьму.

Вначале все трое сидели в разных камерах, иногда встречались по утрам, когда выносили параши. Затем, видимо рассчитывая, что встреча с матерью сделает дочь более покладистой, Галину перевели к Анне Ивановне. Ничего не добившись, снова рассадили.

Через три недели после ареста Анну Ивановну выпустили. Против нее у гестаповцев не было никаких улик: на пароль, названный агентом, не отозвалась, на его сообщение о Купянске не реагировала. А о листовке, что при обыске гестаповцы обнаружили под подкладкой старого Галиного пальто, Анна Ивановна сказала — нашла на базаре. К счастью, этот экземпляр был написан Терентием. Сличив его с теми, что писали Петр и Галя, гестаповцы поверили Анне Ивановне.

14 февраля Анна Ивановна принесла в тюрьму передачу. Издали она видела Петра и Галю и даже получила от дочери записку: «Мамочка, дорогая! Поздравляю с днем рождения, желаю долгой, хорошей жизни. Рада и довольна

за тебя. Ой, а что будет с нами? Что бы ни было, крепись, дорогая, надейся, что, может быть, еще встретимся. Каждый раз буду тебе писать, так что ты будешь знать, получила я или нет. Спасибо за передачу. Что дома? Целую крепко. Передай карандаш».

На другой день передачу не приняли. Сказали: «Коваль и Никитина уведены на допрос».

Долго еще Анна Ивановна обивала порог тюрьмы, обращалась в жандармерию... Ответ один: «Таких нет».

Наконец переводчик следователя с Сумской, 100, «смилостивился»:

— Не ходи зря, бабка, расстреляли твоих...

А еще через несколько дней знакомый дворник рассказывал Анне Ивановне, что он видел сквозь раскрытые ворота дома по улице Чернышевского, 76, как в большую черную машину-душегубку втолкнули высокую русоволосую девушку и парня с кудрявой бородкой. Оба еле держались на ногах. Это было 15 февраля 1942 года.

...Всего три месяца действовал подпольный обком комсомола — Петр Коваль, Терентий Климчук, Галина Никитина. За это время ими было написано и распространено 12 названий листовок общим тиражом 600 экземпляров. К моменту ареста Петра и Галины в Харькове и области действовало уже 23 подпольных райкома комсомола и 456 первичных комсомольских организаций.

А комсомольский вожак Александр Зубарев и его боевая подруга Галина Никитина перед лицом врага держались стойко и погибли, как герои. Ни одного имени не узнали от них гестаповцы. И потому до самого освобождения от оккупации продолжала действовать созданная ими и после их гибели возглавленная Терентием — Петром Глущенко разветвленная сеть комсомольского подполья Харьковщины.

Петру Артемовичу Глущенко и многим из тех, кого А. Г. Зубарев и Г. А. Никитина уберегли от ареста, посчастливилось активно участвовать в изгнании ненавистных фашистов с родной земли, встречать Красную Армию, а после войны вместе со всем советским народом восстанавливать разрушенное...

* * *

Шумливая детвора заполняет сквер Победы. На чистую гладь фонтана роняют листья плакучие ивы. На Аллее героев-комсомольцев, у подножия памятников, пламенеют

цветы. Отлитые в бронзе, навечно застыли здесь Александр Зубарев и Галина Никитина. Такие, какими были они в сорок первом...

На белокаменной стеле, словно солдаты, выстроились слова:

«Герої полягли за батьківщину, але живуть у нинішніх ділах, і вічно буде комсомольська зміна тримати їхній прапор у руках».

Именами Александра и Гали названы улицы, школы, пионерские отряды. Мемориальная доска на доме номер 23 по улице Артема напоминает о том, что здесь в годы Великой Отечественной войны работал Харьковский подпольный обком комсомола.

А в дни празднования двадцатилетия победы советского народа над фашистской Германией руководителю комсомольского подполья на Харьковщине Александру Гордеевичу Зубареву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В. Павлов

РОЖДЕНИЕ КОМАНДИРА

(О Карасеве В. А.)

Тарутино... Этому селу, что лежит в семидесяти километрах от Москвы на старой Калужской дороге, выпала мировая слава. Здесь кончилось отступление русской армии перед войсками Наполеона. Здесь Михаил Илларионович Кутузов начал подготовку к контрнаступлению и изгнанию французов с земли русской. Отсюда, из-под Тарутино, русские нанесли сокрушительный удар по наполеоновскому авангарду, отбросили его и поставили Наполеона в критическое положение...

А пока шла подготовка к контрнаступлению, бесстрашные русские конные и пешие отряды, которыми командовали Денис Давыдов, старостиха Василиса Кожина, Непейцын, Чернышев, Бедряга и десятки других патриотов, отбивали у врага обозы, уничтожали его квартирьеров, брали в плен французских солдат и офицеров... Словом, вели жестокую народную войну против захватчиков.

В ознаменование первой победы над наполеоновскими войсками крепостные крестьяне графа Румянцева, которому в те времена принадлежало Тарутино, воздвигли на месте сражения памятник....

А сто двадцать девять лет спустя, в годы Великой Отечественной войны, в тылу гитлеровских захватчиков в лесу под Тарутино действовали отряды советских партизан, которые приумножили славу своих предков.

30 ноября 1941 года в газете «Правда» было напечатано сообщение Совинформбюро о том, что сводный партизанский отряд под командованием товарища «К» совершил дерзкий налет на штаб гитлеровского армейского корпуса в районном центре Угодский Завод.

За таинственной буквой «К» тогда скрывался молодой лейтенант-пограничник Виктор Александрович Карасев. В будущем Карасеву, ныне Герою Советского Союза, предстояло пройти многие сотни и даже тысячи километров по вражеским тылам, бить врага под Москвой, на Брянщине, на Ровенщине и на Волыни, за пределами Родины — в Польше, в Венгрии, в Чехословакии. Отрядам и соединениям, которыми он командовал, предстояли куда более сложные, трудные и ответственные боевые операции. Да и не первый раз в Угодском Заводе пришлось лейтенанту Карасеву схватиться с врагом: первый бой он принял вместе со своими пограничниками и бился с врагом долгих тринадцать дней и ночей...

И все-таки Виктор Александрович и по сей день ясно и остро, будто отгремел он только вчера, вспоминает бой в Угодском Заводе. Потому, что для него — это первый партизанский бой, первое крупное и сложное задание во вражеском тылу. И еще потому, что именно в том бою как бы родился прославленный в будущем партизанский командир.

В моей старой записной книжке записано несколько рассказов об этом бое самого В. А. Карасева и его товарищей. Эти записки вы сейчас и прочтете.

1. В райцентре появляется штаб

(Рассказ Виктора Карасева)

30 сентября, когда стало ясно, что Малоярославец и Угодский Завод, в котором я был командиром истребительного батальона, не удержать, пришел приказ начать организацию партизанских баз...

Первым долгом мы начали завозить продукты и боеприпасы на Тарутинскую базу, расположенную возле самого памятника русским солдатам, которые одержали здесь первую победу над Наполеоном...

С опушки леса на фоне тревожного багрового заката был хорошо виден огромный холм, увенчанный гранитным силуэтом обелиска. На полированной боковой грани постамента блестели золоченые буквы... Я знал эту надпись наизусть: «На сем месте российское войско под предводительством фельдмаршала Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу»...

— Опять враг до Москвы добрался! — вздохнул кто-то из бойцов, копавших яму для базы.— История повторяется!..

— Обязательно повторится! — откликнулось сразу несколько голосов.— Добраться-то он добрался, да тут ему и конец!..

С того самого момента, как мы заложили Тарутинскую базу, наш истребительный батальон прекратил свое существование. Теперь я был командиром Угодско-Заводского партизанского отряда, в подтверждение чего в шве нижней рубахи у меня было зашито удостоверение, отпечатанное на белом шелковом лоскуте...

К 20 октября, когда немцы уже заняли Угодский Завод, Боровск, Малоярославец и мы оказались в тылу противника, весь наш только что сформированный партизанский отряд собрался в лагере...

Нам предстояло вести жизнь в самой толще боевых порядков немецких войск. В любую минуту можно было ожидать нападения. Поэтому лагерь мы построили так, чтобы можно было не бояться никаких неожиданностей. Каждая землянка представляла собой дзот, с амбразурами вместо окон, с несколькими расходящимися усами тоннелями — выходами и подземными ходами сообщения...

Но как это часто бывает на войне, труды наши пропали даром: нам не пришлось обороняться в укрепленном лагере. В нашу задачу не входило ждать. Партизанская война оказалась подвижной, наступательной.

В ноябре по первому снегу мы — я и еще пять человек — отправились в разведку в Угодский Завод. Нужно было выяснить, стоит ли в местечке немецкий гарнизон, а заодно захватить нашего проводника Яшу Исаева. Яша был лесником, читал следы в лесу, как книгу с крупным шриф-

том, и в самую темную ночь мог сориентироваться на ощупь, по деревьям... А по нашим несовершенным картам, которых к тому же не хватало, мы частенько блуждали и из-за этого попадали в сложные переплеты. Словом, Исаев был нам нужен до зарезу...

Домик лесника стоял на самой окраине местечка, в каких-нибудь трехстах метрах от опушки. Подошли мы к нему ночью, с огорода. Прислушались сквозь стенку — тихо. Мы к двери — замок.

— Что ж,— решил я.— Откроем окно, влезем внутрь и будем ждать. Не мерзнуть же на дворе!

Это была ошибка, едва не стоившая нам жизни. Конечно, по-настоящему следовало бы дождаться утра на опушке леса, понаблюдать, послушать. Тем более, что, как это позже выяснилось, сам Исаев отправился к нам, в лагерь, и мы просто-напросто разминулись по дороге. Но в то время только у меня был небольшой боевой опыт — тринадцать дней боев на государственной границе (я был пограничником). Больше никто из моих товарищей по отряду пороху еще не нюхал, и уж, конечно, все мы плохо себе представляли, как нужно действовать в тылу врага...

Мы забрались в дом, перекусили сухарями и холодными мясными консервами из неприкосновенного запаса, опустили ушки у шапок, чтобы было теплее, и улеглись на пол спать...

Утром я проснулся не то от шума, доносившегося снаружи, не то от чьего-то сдавленного возгласа.

— Ну что там? — спросил я, потягиваясь и зевая.— Что у вас стряслось?

— Смотри, командир!..

Я отодвинул белую занавеску на окне, да так и присел. Улицы местечка, хорошо видные из дома (он стоял на пригорке), кишели немецкими солдатами. То и дело, вздымая снег, проезжали тяжелые грузовики, хлопая на ветру брезентом, закрывавшим их кузова. Немецкие связисты тянули провода куда-то в сторону Малоярославца...

А рядом с «нашим» домом дымила походная кухня. Вокруг толпились немцы с котелками. Получив свою порцию, они пристраивались завтракать кто где мог: одни на штабеле бревен, сваленных около забора, другие — на ящиках, груда которых высилась рядом с кухней, третьи — прямо у нас под окнами на завалинке...

Стоило кому-нибудь из этих немцев повнимательнее посмотреть в окно, и мы пропали бы.

Я чувствовал, что все взгляды товарищей устремлены на меня: «Что делать, командир? Решай!..»

— Может, попытаемся прорваться? — неуверенно предложил Алексей Новиков.— Все лучше, чем сидеть и ждать!

И он был по-своему прав — на войне нет хуже, чем сидеть и ждать. Нет, я не принял его предложения. Пробежать триста метров по открытому полю на виду у целого батальона немцев (возле дома их было никак не меньше), разумеется, означало верную гибель. В запертом доме все-таки оставалась какая-то надежда, что враг не обнаружит нас...

Да, на этот раз нам привалило капризное партизанское счастье: нас так никто и не заметил. Но этого мало. Наблюдая сквозь щели в занавесках за врагом, мы обнаружили, что в местечке расположился какой-то крупный штаб. На центральной площади у большого каменного дома, в котором до войны помещался райисполком, царило небывалое оживление. Подъезжали и отъезжали легковые машины с чопорными немецкими генералами в фуражках с высокими загнутыми тульями. Озабоченно сновали офицеры. В разные стороны тянулись ниточки телефонных проводов...

Словом, все признаки штаба были налицо. И когда с наступлением темноты нам удалось незамеченными выбраться из дома и укрыться в лесу, мы поняли, что сделали важное открытие, о котором нужно немедленно поставить в известность командование. К вечеру наша разведка подтвердила: да, в Угодском Заводе действительно расположился штаб 16-го армейского корпуса врага. В ту же ночь бывший старший оперуполномоченный НКВД, а теперь начальник штаба нашего отряда Николай Лебедев отправился в Москву с донесением...

2. Платок с монограммой

(Рассказ бывшей разведчицы Марии Коньковой)

Мое дело было маленькое. Почти и рассказывать-то не о чем... Наш командир Карасев сказал мне:

— Собирайся, Маша! Да торопись, надо успеть засветло!

Идти так идти. Такая наша работа. Правда, до этого в разведке мне бывать не приходилось, если не считать единственного рейса в село, в котором и немцев-то не оказалось. Но воевать я пошла добровольно, по комсомольскому набору, в отрядных списках — это я сама видела — против моей фамилии значилось «разведчица», и я любила свою новую профессию.

К тому же я знала, что на Угодский Завод готовится налет, и понимала, как важно для наших знать точное расположение врага.

А собираться мне недолго. Скинула брюки, натянула чулки, надела юбку, повязала платок на голову. Вывернула карманы стеганки — не дай бог, завалится в уголок патрон или взрыватель от гранаты. И — пошла...

На опушке леса минутку постояла. Не то чтобы страшно, а как-то непривычно: в Угодском Заводе полно немцев, видно, как машины по улицам взад и вперед ездят, моторы гудят, а я туда сейчас пойду совершенно одна, да еще безоружная...

Но тут уж стой не стой, а ничего сделать нельзя — надо идти...

Пошла.

На окраине местечка, у обочины дороги,— пост с пулеметом, окопы в полный профиль, немцы расхаживают, курят, о чем-то говорят.

Я иду как ни в чем не бывало — нельзя виду показывать, что все-таки побаиваешься как-никак... Заподозрят еще!

Немцы на окраине меня ни о чем не спросили. Даже не посмотрели в мою сторону.

Иду, замечаю: тут орудия во дворе. Здесь минометная батарея. Около клуба — танкетки...

Чтобы не забыть, бормочу мысленно, заучиваю.

Подхожу к нужному мне дому, в котором жила связная — жена одного нашего партизана, смотрю, перед ним строй немецких солдат стоит. Идет перекличка. Виду не подаю, а внутри неспокойно. «Какого черта они тут выстроились? А вдруг подвох?!»

Беспокоилась я напрасно. Дело, оказалось, в том, что в этом доме жил командир немецкой роты. И каждый день устраивал вечернюю поверку...

Но это я после узнала. А пока, хоть и кошки по сердцу скребут, поднимаюсь по ступенькам на крыльцо, вхожу в

кухню. За столом немцы. Тут же и хозяйка, я ее в лицо знала.

— Здравствуйте! — говорю и ей киваю: можно, мол, на минутку?

Она мне вполголоса:

— Подожди. Здесь говорить нельзя. Я выйду, а ты посиди с ними немножко, потом выходи следом.

И улыбается, будто что-то веселое мне рассказывает.

Я, конечно, тоже улыбаюсь в ответ. А на душе камень: что мне с этими немцами делать?

Хозяйка вышла, а я как ни в чем не бывало уселась за стол, налила немцам чаю, себе нацедила в кружечку, сижу, сахаром похрустываю, слушаю, что мне немцы говорят, и развожу руками: не понимаю, мол, по-вашему.

А немцы все говорят. Один встал, да и хотел меня схватить. Я брови нахмурила, пальцем погрозила — мол, нельзя рукам волю давать. Встала и вышла из комнаты. Слышу — смеются. «Ну, думаю, лишь бы вслед не увязались!»

На дворе хозяйка мне все быстренько рассказала, а потом и говорит: сходи за речку к такой-то. У нее офицеры стоят, она поболе моего знает. И называет мне фамилию еще одной нашей связной...

А я и сама понимаю, что сходить к ней обязательно нужно. Только идти неудобно: надо через мост, а на мосту часовой.

«Ничего, думаю, переберусь»...

К мосту я подошла медленно, так, чтобы перейти как раз в тот момент, когда часовой тоже двинется на другую сторону и окажется ко мне спиной. Как только я оказалась на другой стороне, вижу, из-под моста идет девочка с ведром воды. Изогнулась всем телом, еле несет. Я к ней.

Девочка поставила ведро, посмотрела мне прямо в глаза.

— Что же,— говорит,— тетя. Помогите, коли вам хочется. А сама улыбается. И вижу, что она догадалась, кто я такая.

Но я, конечно, ничего ей не говорю, и идем мы молча. Доходим до дома, в который мне надо, и я уж начинаю придумывать предлог, чтобы от нее уйти, как вдруг она сама говорит:

— Теперь отдавайте ведро, тетя. Вам сюда!..

Я прямо вздрогнула:

— А ты откуда знаешь?

— А вот и знаю!

Больше я у нее расспрашивать не стала, а после выяснилось, что эта девочка тоже партизанская дочка.

Вошла я в дом, а там офицеров полно. Старуха, к которой мне надо, на кухне вместе с денщиками по хозяйству хлопочет. Я к ней, а она недослышит. Кричать никак нельзя. Показываю ей условный платок с монограммой — он у нас вместо пароля служил. Позвала дочку. Та и передала мне сведения — сколько у них офицеров, о чем они говорят, куда в штаб ходят и где батареи и пулеметные точки по эту сторону реки расположены...

Запомнила я, что она сказала, и давай скорее домой, в лагерь. Вот и все, больше ничего особенного не было...

3. Сигнал — взрыв гранаты

(Рассказ бывшего командира Высокиничского партизанского отряда полковника Д. Каверзнева)

Как только в Москве получили донесение Карасева, нам с комиссаром Бабакиным — в этот момент мы были еще в советском тылу — поручили разработку плана налета на немецкий штаб в Угодском Заводе.

Выяснилось, что всего в нашем отряде и в отряде Карасева насчитывается около девяноста человек. Для налета на хорошо охраняемый штаб этого маловато. Решили на месте объединить несколько партизанских групп, действовавших в районе Угодского Завода, в сводный отряд. В него, кроме нашего партизанского отряда и отряда Карасева, вошла еще армейская группа капитана Жабо. Нас теперь стало двести сорок. С таким количеством бойцов, принимая во внимание внезапность нападения, можно было рассчитывать на успех.

Тем временем от Карасева поступили новые сведения: захваченный ими штабной немецкий офицер показал, что в ближайшие дни гитлеровское командование решило наступать по Варшавскому шоссе.

Теперь удар по штабу корпуса в Угодском Заводе приобретал особенное значение. Надо было торопиться.

Днем 23 ноября Машу Конькову послали в местечко во второй раз — уточнить расположение тех огневых точек гитлеровцев, которые она не заметила накануне.

Как только разведчица вернулась и принесла недостающие сведения, выступили к Угодскому Заводу.

План налета был несложен: весь сводный отряд разбили на восемь групп по числу объектов, которые надо было уничтожить или захватить. Каждая группа занимала к определенному времени исходное положение и по взрыву гранаты, который служил сигналом, начинала наступление. Чтобы в темноте не ошибиться и не принять своих за врагов, каждый партизан обернул шапку марлевой повязкой и такую же повязку надел на рукав. Установили пароль — «Родина» и отзыв — «Москва».

Командовать операцией назначили Карасева. Это и понятно: никто лучше, чем он, не знал расположения Угодского Завода и всех объектов, на которые был нацелен удар партизан. В двенадцать ночи боевые группы заняли исходные позиции. Той группе, которой командовал я, предстояло напасть на здание, в котором находилось офицерское общежитие. Ночь выдалась темной и тихой. В тишине было отчетливо слышно, как скрипел снег под ногами часовых. Где-то на другом краю лениво перебрехивались собаки...

Я лежал на снегу, прижавшись щекой к прикладу автомата, держал палец на спусковом крючке и напряженно ждал. Сигнала все не было. Чтобы как-то скоротать бесконечно тянувшееся время, я пробовал считать, но все время сбивался со счета. У меня пересыхало во рту. Я скатывал шарики снега и принимался их сосать...

Я ждал... И все-таки взрыв гранаты грянул неожиданно, как гром среди ясного неба. Взрыв раздался где-то на мосту в центре местечка. За ним прострочила автоматная очередь. Тишина раскололась. Будто прорвалась плотина, сдерживавшая до поры страшный шум боя. Пулеметные и автоматные очереди, отдельные выстрелы, щелчки минометов слились в сплошной рев. Тяжелое уханье взрывов сотрясало воздух — с крыш глыбами сыпался снег... В нескольких местах сразу вспыхнули пожары. Заметалось багровое пламя. Стало светло, как днем...

Мы ринулись к офицерскому общежитию... Около штаба, где был Карасев, дело оказалось сложнее — жечь нельзя, пока не захватили документы.

А мы забросали гранатами и подожгли. Как только офицеры начали выскакивать из окон — встретили их очередями... Только и всего.

В общей сложности мы перебили четыреста гитлеровцев, сожгли около двухсот автомашин, несколько легких танков и броневиков и еще два склада — с горючим и боеприпасами...

А если б удалось перекрыть дорогу на Малоярославец и задержать танки и бронемашины, которые пришли к немцам на подкрепление, так мы б и не то еще сделали!..

4. Портфель из коричневой кожи
(Продолжение рассказа В. Карасева)

...Не успели мы занять исходный рубеж — исчез Илюшка (фамилию его, к большому моему горю, забыл). На глазах. Шепнул мне:

— Я сейчас! Ждите.

И исчез. Я ему шепотом:

— Стой! Куда? Вернись!

Какое там!.. Дожидаюсь сам не свой. На часы поглядываю — вот-вот сигнал. А Илюшка исчез... «Ну, думаю, что теперь будет?» И вдруг он появился рядом со мной. Вылез из темноты, как из погреба.

— Вот, пожалуйста,— шепчет Илюша и протягивает винтовку и каску.— Я часового снял. Путь свободен!..

Я, конечно, для порядка пожурил парня за такое нарушение дисциплины, но внутренне у меня даже сердце екнуло от радости — теперь захват штаба здорово облегчался.

В тот момент на мосту рванула граната и раздалась очередь. Мы вскочили, метнули гранаты в окна, ринулись к двери. А дверь крепкая, дубовая. Мы ее колошматим прикладами, плечами нажимаем — не открывается, и все тут...

А ведь нам каждая секунда дорога. Меня так и сверлит:

«Очухаются немцы и все документы пожгут!»

Тут Вася Домашев сзади кричит:

— Разойдись, ребята! Взрывать буду!

Отскочили мы в стороны. Под дверью ка-ак рванет! Дверь вышибло, будто ее и не было. Мы бросились внутрь здания. Но немцы все-таки, пока мы у дверей возились, чуточку пришли в себя. На первом этаже никого, а с лестничной площадки стреляют. На улице полыхают пожары. Рядом со штабом горит склад бензина. Сквозь выбитые окна отблески пламени освещают помещение, в котором идет

Алексонис Ю. Ю.

Чепонис А. М.

Волкова Н. Т.

Щербак А. М.

Бычок О. С.

Волынец А. И. с сыном

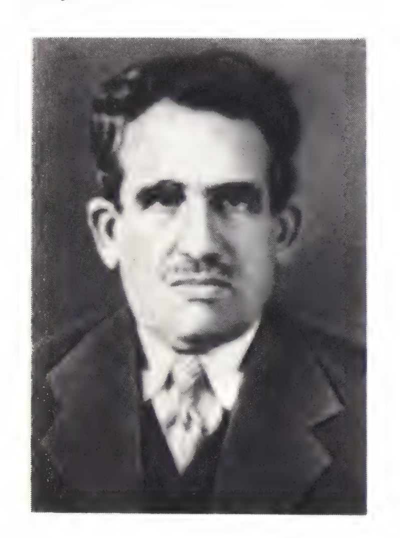

Витас Ю. Т.

Дроздович В. И.

Клумов Е. В.

Королев Н. Ф.

Кулик И. А.

Кузин И. Н. (слева)
показывает товарищу,
как ставить мину

бой. И в этом багровом, дымном мечущемся свете мелькают фигуры моих ребят...

Так и стоит у меня перед глазами эта картина.

Я один диск автомата разрядил, второй тоже. Перезаряжать некогда... Трех немцев на лестничной клетке мы положили. Я схватился за маузер.

Тут со второго этажа на меня бросился какой-то полуодетый немец в кителе, но без штанов... Я вытянул руку с маузером, взял его на мушку. И тут меня по руке что-то ударило, и она повисла. Боли я сразу никакой не почувствовал, только искры... Какие там искры! Целые огненные стрелы из глаз полетели!

Сзади раздалась очередь, и немец покатился вниз по лестнице. Смотрю — уже на втором этаже мои ребята!.. Победа!..

Хотел и я на второй этаж бежать, а из руки кровь фонтаном. Меня подхватили — не то, наверное, упал бы...

— Стойте! — кричу.— А документы? Штабные документы взяли?

— Тут документы! — крикнул Илюша.— Все в порядке!..

Я посмотрел — на спине у него, как мешок с картошкой, громоздился огромный портфель из коричневой кожи...

В это время снаружи раздались гром и лязг, заглушившие звуки боя.

— Танки, командир! — крикнул кто-то.— Бери его, ребята!

Меня вывели на улицу.

— Сюда! — крикнул Илюша. Он уже успел передать портфель другому и сидел за рулем черного штабного «Опель адмирала».

И тут раздался взрыв. «Опель» перевернулся. Илюша — герой боя в Угодском Заводе — был убит наповал...

Что это был за взрыв? Шальной снаряд? Или затаившийся где-нибудь немец швырнул гранату? Этого мы так и не узнали.

Но нам некогда было раздумывать. Танки были уже рядом. Они осторожно двигались по центральной улице, прощупывая пулеметным и орудийным огнем каждый закоулок.

Я понял, что дорогу на Малоярославец оседлать не удалось, и, с трудом ворочая языком, приказал дать красную ракету — сигнал отхода...

В. Давыдова, А. Симуров,
А. Щербаков

МЯТЕЖНЫЙ ПРОФЕССОР

(О Клумове Е. В.)

Раненому с каждым часом становилось хуже. Мучил жар, рана гноилась и нестерпимо болела. Нужна была медицинская помощь. Срочно. Иначе старшему лейтенанту конец. Друзья пообещали врача.

Мария Герасимовна Пилипушко только что вернулась из больницы домой. Не успела перекусить — стук в дверь. Она открыла. Незнакомый мужчина сразу, с порога назвал ей цель своего прихода.

— Вы врач Пилипушко? Я из отряда Ничипоровича. Тут, в городе, на одной из наших квартир лежит партизан. Ранен. Я за вами. Сможете пойти со мной?

Мария Герасимовна, уже несколько месяцев связанная с подпольем, успела привыкнуть к подобным вызовам на конспиративные квартиры к раненым или захворавшим. «На провокатора не похож»,— подумала она об ожидавшем ее человеке. Ответила ему: «Я сейчас»,— и стала одеваться.

В небольшом домике недалеко от Червенского рынка их ждали. Пока Мария Герасимовна снимала пальто, женщина, должно быть хозяйка, зажгла лампу и открыла дверь в чулан. Мужчина, обросший, с ввалившимися глазами, лежал на узкой металлической койке и курил толстую самокрутку.

— Здравствуйте,— он облизал сухие губы, потушил самокрутку и, сделав усилие, сел на койке.— Старший лейтенант Грачев. Худо мне. Вся надежда на медицину.

Мария Герасимовна попросила опустить лампу пониже и осмотрела рану. Черная шершавая корка, а от нее лиловый с желтым окаменевший разлив — огромная опухоль. Только хирург в состоянии остановить приползшую в темный чуланчик смерть. «Клумов. Придется просить его»,— думала Мария Герасимовна, обрабатывая рану. Грачев следил за ее движениями и пытался прочесть мысли.

— Ну что, медицина бессильна? — Он попробовал улыбнуться, но потрескавшиеся губы не послушались его.— Больше ничего не сделаете, доктор?

— Я нет. Но я сегодня же приведу к вам хирурга. Золотые руки. Профессор.

Грачев снова попробовал улыбнуться:

— Шутите, доктор! Где теперь сыщете профессора, а найдете, разве он пойдет к раненому партизану?!

— Этот пойдет. Я вам обещаю.

На обратном пути она размышляла о профессоре Клумове. Имеет ли она право рисковать его жизнью? Если немцы узнают про посещение им конспиративных квартир... Но она же не потянет его силой, она только попросит его. Пусть сам решает, идти ему или не идти.

Клумов выслушал Марию Герасимовну, встал с табуретки, переспросил:

— Запущенная рана?

— Очень.

— Идемте, идемте немедленно!.. Раз положение серьезное.

— Евгений Владимирович, но я хочу вас предупредить: это рискованный визит...

— Не смейте, слышите, не смейте мне намекать на опасность! Не забывайте, дорогая моя, что вы имеете дело с врачом, который обязан при любых условиях помогать людям... Сейчас я соберу инструмент, и вы поведете меня к этому командиру.

Он направился к двери, но остановился, повернулся:

— Вот что, голубушка, если кто-либо спросит — я иду к больной хозяйке того самого дома. Может же профессор-гинеколог согласиться на визит к больной женщине?! Запомните, пожалуйста, мы идем к больной...

Она заметила, что он искренне обрадовался придуманной им легенде.

Дорогой, то ли для того, чтобы отвлечься и не думать о возможных неприятностях, то ли потому, что нахлынули воспоминания, он начал рассказывать Марии Герасимовне о прошлом.

— Военной хирургией не занимался больше двадцати лет. И уж не думал, что когда-нибудь снова придется прикасаться к солдатским ранам... В первую мировую войну меня поставили к операционному столу. Кровь, гной, ампутации, смерти — прикасался ко всему и не верил, что такое может повториться... А тут гражданская, я уже сам предложил услуги Красной Армии. Опять рваные раны, перебитые осколками кости, пули, засевшие в позвоночниках... Был старшим ординатором, главным врачом и старшим хирургом Минского госпиталя Красного Креста и фронтового полевого госпиталя... Случалось, сутками не выходил из операционной... Кончилось. Думал — все. Нет же, видно, с военной хирургией до конца жизни... Не дают нам мирно жить.

За разговором дошли незаметно. Постучались. Профессор сразу приступил к делу. Мария Герасимовна помогала. Клумов вскрыл и вычистил рану, Пилипушко наложила повязку.

— Теперь, молодой человек, будете на попечении Марии Герасимовны.— Профессор подал старшему лейтенанту руку.— Поправитесь, заживет ваша рука — с фашистами еще повоюете и до ста лет потом жить будете. Больше бодрости! Бодрость духа заменяет все лекарства!

Обратно Клумов шел один. И продолжал думать о превратностях судьбы, о сложных, часто головокружительно крутых поворотах истории. Он предчувствовал, что войны с фашизмом не избежать, но не предполагал, что она начнется так скоро и сразу обернется для советских людей такой чудовищной стороной.

Дом, в котором квартировали они с женой, сгорел во время бомбежки, погибло все имущество, и главное — то, чем он жил: его научные записки, труды, медицинская

библиотека, любимые книги. Не успели прийти в себя после бомбежки — тут новая страшная весть: фронт прорван, гитлеровцы совсем близко, не сегодня-завтра займут Минск. Надо было принимать решение. И он принял:

— Уходим, милая, здесь больше нет смысла оставаться, пойдем на восток, где-нибудь попытаемся сесть на поезд.

Жена согласилась. Утром они тронулись в путь и скоро слились с толпой беженцев, выбравшей своим путем к спасению Могилевское шоссе.

Этот путь к спасению, увы, оказался ненадежным. Немецкие самолеты появлялись то с одной, то с другой стороны. Летчики не могли не различить, что по шоссе движутся беженцы, но, несмотря на это, снижались и, словно наслаждаясь своей безнаказанностью и пьянящей возможностью убивать, расстреливали безумно мечущиеся толпы из пулеметов.

Клумовы не дошагали немного до Марьиной Горки, когда стало известно, что немецкие войска уже впереди — в Осиповичах, Бобруйске, дороги на восток перерезаны и попытки выйти к своим бессмысленны. Пришлось искать пристанища в деревне.

Жизнь сельского врача... Ее Евгений Владимирович знал великолепно. Около десяти лет в земских больницах в Суткове и Лоеве на Гомельщине посвятили его во все стороны этой трудной, но благородной жизни. Стоило только вернуть память к тем годам, и перед глазами вставали крестьянские подводы у коновязи, народ в приемном покое, ожидающий от него, лекаря, волшебного исцеления. Сложные были операции. Молодой врач решался на них, потому что риск в тех условиях часто был единственным шагом, способным спасти человеческую жизнь.

Земский врач делал тогда все: лечил болезни сердца, чахотку и ревматизм; зашивал случайно распоротые вилами бока и вырывал зубы; принимал роды, удалял аппендиксы, отодвигал наступление слепоты... Пожалуй, он никогда не чувствовал свою нужность людям так, как тогда там. Не успей он приехать — и никто бы не спас кормильца семьи, молодую мать, единственного ребенка. Он спасал, поднимал на ноги, возвращал к труду. Его уважали и любили. Правда, его уважали и любили и потом, когда он волею судьбы оставил земскую больницу и лечил в городе. Однако такой любви и такого уважения, какими награждали его полесские крестьяне, Клумов больше не знал.

Земская больница оставила в сердце Клумова самую счастливую зарубку. Вот почему вернувшаяся — опять-таки волею судьбы! — возможность лечить крестьян, даже в той гнетущей, трагической обстановке не удручала его.

...Письмо из Минска пришло совершенно неожиданно. Ему предшествовала такая история. К профессору обратился житель соседней деревни.

— Жена вторые сутки животом мается, криком кричит. Помоги, пожалуйста, больше идти не к кому.

Клумов осмотрел больную. Нужна операция. Но хирург без инструментов не хирург, да и условий тут никаких. Потому и посоветовал:

— Вот что, голубчик, вези-ка ее в Минск, если там больницы работают, попроси, чтоб приняли, от моего имени тоже попроси, скажи, профессор Клумов смотрел и настаивает на операции. Так и скажи: настаивает Клумов!

От пациентки из Пуховичского района в 1-й клинической больнице и узнали, что Клумов жив и застрял совсем недалеко от Минска. Конечно, тут же было предложено написать ему письмо от всей клиники и просить, требовать, чтобы он вернулся в Минск.

Письмо сочинили за один присест. Сообщали в нем, что оккупанты все городские больницы заняли под свои госпитали, только 1-ю клиническую отдали минчанам. Там собралось большинство оставшихся в городе медиков. Делают все, что могут. А дел много, и обстановка трудная. Раненые советские бойцы, больные горожане, беженцы; проблемы медикаментов, питания, топлива, белья; сложности взаимоотношений с теперешней администрацией... Словом, профессор должен вернуться в Минск, он нужен попавшему в беду городу, нужны его руки, опыт, знания, репутация, его умение влиять на всех, с кем он соприкасается, нужно, в конце концов, просто его, Евгения Владимировича, присутствие.

И старый профессор вернулся.

Гитлеровцы знали, что в 1-й клинической лежат раненые советские бойцы и командиры. Время от времени больницу посещали представители фашистских властей и увозили поправившихся военных. В обязанности персонала больницы было вменено готовить списки выздоравливающих. По списку и брали, а сам список, как документ, подтверждающий передачу, с распиской представителя оккупантов оставался в больнице.

Над одним из таких списков и сидела Вера Михайловна Гуринович, когда в ординаторскую зашел Клумов. Клумов знал Веру Михайловну как человека честного и надежного, а поэтому не скрывал от нее своих мыслей.

— Составляете скорбные списки? — Он заглянул в листок.

— Да,— вздохнула Гуринович,— завтра должны явиться, пишу вот, и сердце сжимается, своих людей зверю в лапы отдаем.

Евгений Владимирович кивнул головой, отошел к окну и вдруг резко повернулся к Вере Михайловне:

— Нерасчетливо, голубушка, расходуете бумагу...

— Не понимаю вас, Евгений Владимирович...

Он подвинул листок к себе.

— Не кажется ли вам, что списочек можно бы и вот тут оборвать, а подписи заделать пониже. Несколько строчек осталось бы в нашем распоряжении. А строчечка — человек. А?

С тех пор так и делали. В списках выгадывали по нескольку строчек, немцы черкали внизу свои подписи, а потом в этот же список вносили выздоровевших бойцов. Они, таким образом, считались увезенными немецкими представителями. На самом же деле их провожали или в партизанский отряд, или в распоряжение подполья. «Рецепт» Клумова спас десятки людей, способных владеть оружием.

Как из песчинок со временем может вырасти стена, так из бойцов — человек к человеку — собралось минское патриотическое подполье. Вышедшие из окружения и вырвавшиеся из плена военные, железнодорожники, студенты, служащие, рабочие пущенных оккупантами предприятий, вчерашние школьники... Уже оперировали в городе такими понятиями: «комаровская группа», «группа железнодорожников», «группа в гетто»...

Осенью сорок первого года сформировался единый партийный центр, руководивший всей деятельностью подполья — пропагандистской и агитационной, диверсионной, направлявший действия по связи с партизанскими отрядами в Лагойском, Руденском, Дзержинском районах... Минская организация, разворачиваясь в борьбе, налаживала свое большое и сложное хозяйство — типографское, оружейное, паспортно-пропускное, медицинское.

Медицинские нужды, разумеется, нельзя было удовлетворить без участия самих медиков. И подпольщики искали

надежных людей в больницах, в аптеках, на складах медикаментов, в отделе здравоохранения городской управы. Одним из таких людей стал профессор Клумов.

Поначалу он даже не предполагал, какое удовлетворение принесет ему подпольная работа. В нем клокотали не только чувства патриота, ненавидевшего чужеземцев, которые принесли рабство, в нем бурлил азарт бойца, ожила, воскресла молодость, студенческие годы, когда бунтарь Женя Клумов, студент Московского университета, был непременным участником студенческих митингов, манифестаций и дважды — в 1898 и в 1900 годах — высылался из Москвы за враждебные царскому режиму действия.

Он никогда не задавал вопроса: «Что я могу сделать для подполья?» Он делал все, что мог, на что хватало его сил, выдумки, азарта, организаторской одаренности. Посланцы партизанских отрядов встречались с профессором, излагали ему нужды лесных госпиталей, и он обычно тут же предпринимал все возможное, чтобы удовлетворить эти нужды,— оформлял от имени клиники заказы и получал на складе марлю, вату, йод, ихтиолку, реванол. Грузы с помощью надежных людей разными путями переправляли в отряды.

Приходилось изощряться, принимать порой прямо-таки невероятные решения, искать выходы из сложных положений, чтобы выиграть невидимый поединок с врагом.

На прием пришла пожилая женщина:

— У меня к вам разговор по поручению подпольного центра.

— Слушаю,— Клумов медленно вытирал белоснежным полотенцем сильные руки.— Чем могу быть полезен?

— Одну девушку — она очень нужный подполью человек — послезавтра должны увезти в Германию. Может быть, вы поможете ее спасти; ее необходимо оставить в Минске.

— Она прошла медицинскую комиссию?

— Да, признали годной к труду, записали в список...

— Что же вы раньше не предупредили, что ее вызывают на комиссию? — Профессор имел в виду участие врачей и свое личное участие в медицинской комиссии при отборе молодежи с целью отправки в Германию. Там удавалось воспользоваться печатью и чистыми бланками, которые заполнялись потом по усмотрению подпольщиков.

Женщина развела руками.

— Не успели. Она уходила из города. Вернулась и совершенно неожиданно была вызвана на биржу труда.

— Да, задача не из простых.— Он прошелся по комнате, постоял у окна.— Что-то надо предпринимать... Что-то обязательно придумаем... Вот что: придется положить ее в больницу... Именно положить... Пусть сегодня же вечером приходит и... готовится к операции.

— К операции?

— Да, да... Хирург Сырников оперирует ее по поводу аппендицита.

Женщина ушла. Клумов пригласил к себе Сырникова.

— Григорий Алексеевич, дорогой, есть просьба. Только, голубчик, не удивляйтесь. Речь идет об одной девушке-подпольщице. Надо сегодня вечером сделать ей операцию. Ложную, понимаете ли. Она поступит с острым приступом аппендицита. Так вы зафиксируете... А дальше... Да мне ли вас учить?! Вы сами не хуже меня все знаете. Не так ли?

В конце недели немцы затеяли очередную проверку больницы, ходили по палатам, просматривали истории болезни. Очередь дошла до пациентки Сырникова.

— С аппендицитом,— Григорий Алексеевич попросил сестру поднять повязку.— Только что сняли швы.

— Гут,— немецкий медик слегка нагнулся над розовым швом.— Зер гут.— И повернулся к следующей койке.

...Евгений Владимирович не мыслил ограничивать медициной свое участие в подполье. Он искал любую возможность приложить силы к борьбе. Стоило ему узнать, что Вера Михайловна Гуринович может слушать у соседей радио, он тут же принялся ее расспрашивать, как и что...

— К соседке зашла, а у нее приемник говорит. Какой-то немец разрешил пользоваться — она у него переводчицей работает. Я возьми и спроси: а Москву нельзя послушать? Пожалуйста, говорит, слушайте. Я и включила. Дождалась сводки.

— Ну-ну, что же наши передали?

Вера Михайловна пересказала сообщение Совинформбюро.

— А почаще к этой самой соседке заглядывать нельзя?

— Думаю, можно.

— Ну и прекрасно. Знаете, это весьма кстати. Вы уж, голубушка, не забывайте соседку, а утром — ко мне.

С тех пор по утрам Вера Михайловна первым делом заходила к профессору. Он уже ожидал ее.

— Ну-с, что Москва? — И делал какие-то пометки карандашом на узких полосках бумаги.

Куда шли потом пересказанные ею сводки, Вера Михайловна не спрашивала. Скорее всего, профессор заботился о том, чтобы правда из-за фронта проникала и в ординаторские, и в больничные палаты. Он знал цену этой правде.

...Из комнатки Клумовых в коридор пробивались аппетитные довоенные запахи, пахло тушеной картошкой, жаренной с луком свининой, каким-то пряным соусом. Предстоял традиционный клумовский обед. Галина Николаевна и Евгений Владимирович «учредили» эти обеды для своих друзей и для наиболее нуждавшихся сотрудников больницы. Время стояло голодное, пайками не насытишься, рыночные цены большинству не по карману, менять в деревне мог не всякий. Зная все это, Клумов принимал «гостинцы», которые привозили деревенские больные, как плату и знак благодарности за помощь. Кусок свинины, ведерко картошки, брусок сала, несколько пригоршней муки — все это поступало в особый фонд, которым ведала Галина Николаевна, а потом — на стол в дни «званых обедов».

Когда собирался народ, в комнатке Клумовых становилось тесно, не хватало мебели: скромным было профессорское жилье. Клумовым отдали помещение дежурной сестры, а вся обстановка состояла из коек, стола и табуреток— больничного инвентаря, большего предложить не могли, а Клумовы на большее и не претендовали.

«В тесноте, да не в обиде» — это выражение подходило к клумовским обедам как нельзя лучше. За столом завязывался живой разговор, шутили, вспоминали довоенные дни, мечтали. И всегда терпеливо ждали, пока придет артистическое вдохновение к хозяину. Оно приходило обычно в конце обеда. Евгений Владимирович вставал, потирал красивые руки, вскидывал голову и начинал:

Я мало жил, и жил в плену,
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог...

Все знали, что Лермонтов его любимый поэт и он помнит наизусть очень много лермонтовских строк. Он читал из «Мцыри», из «Демона», из «Купца Калашникова», чи-

тал «Парус», «На смерть поэта», «Три пальмы». Потом замолкал и тут же сам нарушал тишину:

— Как жаль, что нет рояля, руки тянутся к Бетховену, к Листу!

Потом он пел, некоторые вещи на итальянском языке. Пел арию Канио из «Паяцев», Радамеса из «Аиды».

Обед у Клумовых прошел вчера. А сегодня случилось неприятное, пожалуй, самое неприятное за все время с момента возвращения Евгения Владимировича в Минск. Профессора пригласили зайти в СД. Не арестовали, не вызвали, а именно пригласили. Но Клумов чувствовал, что за этим приглашением таятся недоброе намерение, вежливая злость, скрытая угроза. Узнали о подпольной деятельности? Тогда почему такая вежливость? Желание завербовать? Тогда почему открытый вызов в СД? Нельзя же сразу раскрывать карты!

Галантный немец встретил его, провел в кабинет, осведомился о здоровье, спросил, как работается. Затем начал разговор о трудностях, с какими сталкиваются немецкие власти в России, о том, что люди, проживающие на землях, занятых германской армией, должны быть лояльны к ней, о том, что долг истинных интеллигентов помочь народу понять смысл нового порядка. «...Заходит издалека,— подумал Евгений Владимирович, наблюдая за холодными, бесцветными глазами фашиста, в которых нельзя было прочесть ничего, кроме желания полюбоваться своей жестокой силой.— Видно, туго живется этим «хозяевам», коль пускаются в дипломатию». А офицер продолжал:

— Мы знаем профессора Клумова как выдающегося врача, и нам хотелось бы верить, что профессор правильно понимает свою миссию теперь, когда мы освободили Белоруссию от большевиков и помогаем белорусам избавиться от большевистского наследия.

— Мне кажется, я правильно понял свою миссию и доказываю это своими делами.

Гитлеровец сделал вид, что пропустил мимо ушей слова профессора, и продолжал излагать свое. Он признался, что германские представители очень недовольны тем, что в городе находятся элементы, мешающие проводить в жизнь идеи, ради которых фюрер послал в Россию своих солдат.

— Профессору, я надеюсь, известно, что мы успешно очищаем Минск от этих элементов. Нам будет очень жаль, если профессор позволит себе заблуждаться насчет един-

ственно возможного исхода борьбы, и мы будем вынуждены вмешаться, чтобы спасти его от этих заблуждений.

Немец замолчал, закурил сигарету и спросил:

— Профессор имеет мне что-нибудь сказать?

— Нет, нет!

— Очень хорошо! Я не смею вас больше задерживать. Желаю успешной работы.

Клумов вышел из СД с тяжелым, тягостным чувством. Конечно, оккупанты знают что-то о его участии в подполье и вызов в СД своеобразное предупреждение. А дальше... Он знал, что может быть дальше. Город уже пережил два крупнейших провала подполья. Клумов видел виселицы, знал о сотнях людей, замученных, уничтоженных в застенках, знал о вывезенных в концлагеря, об искалеченных во время пыток... Фашисты что-то узнали о нем. И если он не порвет своих связей с подпольем, они «будут вынуждены вмешаться, чтоб спасти его от заблуждений»... Они предоставляют ему выбор, не желая сразу применять репрессии, чтобы не признать свою неспособность привлечь на свою сторону крупного ученого. А он... Он отвергает эту милость выбора. Он уже сделал выбор. И если там, в СД, не поняли до сих пор этого, тем хуже для них. Он успеет еще отдать подполью хоть часть того, что решил отдать, когда выбирал для себя этот путь.

Жене он не стал передавать содержание разговора в СД. А на ее тревожный вопрос: «Ну, что там?» — ответил: «Да так, всякие справки насчет клиники, в общем ничего серьезного».

Жизнь шла своим чередом. На связь с Самариным (так именовали Евгения Владимировича в подполье) по-прежнему выходили представители партизанских отрядов, групп, работающих в городе, и Самарин добывал медикаменты, оформлял нужные медицинские документы, оказывал лечебную помощь, содействовал распространению вестей из-за фронта.

...Руководитель подпольной группы Александр Андреевич Маркевич в целях конспирации поселился в квартире Устиньи Даниловны Жогло. На улицу не показывался: довоенного работника республиканской прокуратуры слишком многие знали в городе. А свидания с Клумовым он ждал давно. Устинья Даниловна, придя на работу в клинику, передала профессору: Маркевич привет прислал, ждет не дождется встречи. Только идти не рискует...

— А что же вы, дорогая моя, раньше мне не сказали? Вечером отведете меня, раз дело требует — я пойду.

Они встретились. Маркевич советовался с профессором насчет организации еще нескольких лесных госпиталей, о их снабжении, персонале. Профессор оживился, положил собеседнику на колено ладонь.

— Отличный есть народ! Превосходный! Я, знаете, тут при клинике студентов мединститута собрал. Занимался с ними — не ждать же, пока институт вновь откроется. Могу несколько человек смело рекомендовать. Жаждут деятельности и делу нашему преданы.

— А как вы сами? Нет желания уйти к партизанам?

— Ну что вы, голубчик! В лесу теперь народу и без меня много, а если нас тут не будет, то партизанам туго придется. Так что я уж свою службу тут дослужу.

А дослуживать с каждым днем становилось все сложней и опасней. В конце лета 1943 года в Минск переехало смоленское СД, успевшее прославиться лютой жестокостью и дикой изощренностью в расправах с непокорными. А тут как раз убийство гауляйтера Кубе и волна кровавых репрессий в ответ. Минск снова, как весной и осенью сорок второго года, истекал кровью. Усилился надзор и за клиникой. Однако, когда семья Веры Михайловны Гуринович оказалась под угрозой, как и все семьи, жившие неподалеку от резиденции гауляйтера, Клумов, не задумываясь, предложил ей перебраться в больницу и переждать там самое опасное время.

— А будет проверка?..— Вера Михайловна представила, что может стать с Евгением Владимировичем, если оккупанты убедятся, что он разрешил скрываться в больнице не весьма благонадежной семье.

— Полно вам, ей-богу! Зачем думать о худшем? Переселяйтесь и живите. И не извольте осуждать решения начальства! — Он улыбнулся своей обаятельной улыбкой.— Уже скоро семь десятков лет судьба милостива ко мне, я верю в нее. Тем более — слыхали, разумеется,— наши наступают. Фронт все ближе. Вот-вот и освобождение придет, и наша общая судьба счастливо устроится.

Но ему не суждено было дождаться освобождения. Слишком большое желание помочь всем, кто нуждался в его помощи, обернулось против Клумова, он почти открыто шел навстречу людям, и враги не могли не видеть этого. Подпольщики предупреждали Самарина: «Вы рискуете,

надо осторожнее...» Он соглашался, но поступал как и раньше, по-другому не мог.

— Ко мне обращаются за содействием, а я отвернусь... Нет уж, увольте,— оправдывал он себя,— я не имею права уйти от своего долга.

Он вспомнил, как недавно к нему на прием привезли немку, жену важного чиновника. Она знала, с кем имеет дело, и, чувствуя себя хозяйкой положения, предложила:

— Переезжайте к нам в Германию. Зачем вы сидите в этих развалинах? У нас вы будете жить во дворце.

— Мне эти развалины дороже дворцов! — так он ответил тогда надменной представительнице «высшей расы», потому что не умел заигрывать с врагами и считал ниже своего достоинства бояться их.

А у них, у врагов, скопилось уже достаточно фактов, подтверждающих причастность профессора Клумова к борцам против оккупантов, причем к борцам самым активным.

Они арестовали профессора и его жену.

Лагерь на Широкой улице. В бывших конюшнях сотни заключенных. Отсюда, из лагеря, для большинства из них две дороги: либо на каторгу в Германию, либо на смерть в Тростенецкий лагерь. Есть третий путь. Можно пойти к врагам, стать на колени и вымолить прощение за действия против Германской империи и поступить в услужение к ним, тем самым помогать им делать зло на земле. Нет, нет! Для профессора Клумова, старого русского врача, честного советского ученого, третьего варианта не существовало. В его понятие «жить» не укладывалось понятие «предательство». И когда старых и больных заключенных стали вызывать из строя и произнесли фамилию Клумовых, Евгений Владимирович распрямился, поднял голову, взял под руку жену:

— Идем, родная,— и шагнул к машине, в которой ожидала смерть.

Стоял март 1944 года. До дня полной расплаты с врагом оставалось чуть больше года.

А. Суслов

СЛАВЫ ОН НЕ ИСКАЛ

(О Королеве Н. Ф.)

Лет с шести начал Коля зарабатывать свой кусок хлеба.

— Вставай, миленький, пора уже,— будила на рассвете мать.

Мальчик выпивал кружку парного молока с краюхой круто посоленного ржаного хлеба и бежал догонять стадо. Нехитрые обязанности подпаска требовали зоркого глаза и быстрых ног. За день, бывало, так набегается пастушонок, что, не дождавшись ужина, заснет прямо за столом.

Шли годы. Не всегда же быть пастухом. Семнадцатилетним пареньком ушел Николай на станцию Гродянка, устроился там сначала рабочим на лесоучастке, а потом стал ремонтником на железной дороге. Отсюда призвали его в Красную Армию. После демобилизации два года работал на лесозаводе «1 Мая».

В 1932 году в числе двадцатипятитысячников направили Николая Королева председателем колхоза. Здесь-то и

раскрылись его недюжинные организаторские способности. Он вывел из отстающих сначала одно хозяйство, затем другое. Его избрали председателем сельсовета, затем заместителем и, наконец, председателем Осиповичского райисполкома.

На этом посту и застала Королева война. Было ему в ту пору тридцать пять. За плечами опыт руководящей работы, умение держать ответ не только за себя, но и за других.

В первые военные дни начальник гражданской обороны района забыл, что такое сон и отдых. Он создавал отряды народного ополчения, выезжал на строительство оборонительных укреплений, мобилизовывал людей и транспорт, эвакуировал в тыл склады, оборудование, гражданское население.

Когда с бобруйского направления фашисты ворвались в местечко Свислочь и телефонная связь с областным центром была нарушена, Королеву пришлось уехать из Осиповичей. Из Кличева с большим трудом дозвонился до секретаря Могилевского обкома партии Вовнянко. Секретарь сообщил, что ЦК КП Белоруссии принял решение оставить Королева и еще нескольких партийных и советских работников в тылу врага для организации партизанского движения.

Николай Филиппович воспринял это известие спокойно и стал выполнять задание партии с сознанием долга. Никто лучше его не знал здешних мест, местных людей. Как коммунист-депутат, Королев и в эти тяжкие дни был с народом. Он имел воинское звание — старший политрук...

Вместе с Королевым во вражеском тылу остались секретари Осиповичского райкома партии Р. Х. Голант и А. В. Шиенок, заведующий отделом И. Б. Гнедько, работники районного отделения НКВД С. А. Мазур, И. М. Стельмах, К. А. Рубинов, С. С. Сумченко, И. М. Барбаков, И. И. Лебедев.

На первом же собрании созданного партизанского отряда командовать поручили Н. Ф. Королеву.

— Спасибо за доверие,— поблагодарил старший политрук товарищей по оружию.

Трудно, не имея опыта конспиративной работы, создавать подполье, враг тоже не дремал. Но бывший предрика знал людей в районе. Старые, проверенные связи с местным населением имелись и у остальных партизан. Именно это

Пироговский А. И.

Кудряшов В. И.

Лавринович Э. В.

Линьков Г. М.

Лисицына А. М.

Мелентьева М. В.

Малышев М. Г.

Марков Ф. Г.

Мачульский Р. Н.

Морозов С. Г.

Никитин И. Н.

Орлов Н. С.

Плохой В. П.

Порик В. В.

Резуто Д. М.

Романов П. М.

немаловажное обстоятельство и предрешало успех отряда на невидимом фронте борьбы с коварным врагом.

Поддержка народа — вот главное оружие лесных солдат.

Вскоре после организации отряда фашистам удалось каким-то образом засечь расположение партизан. Готовилась карательная экспедиция. Об этом стало известно колхознику Николаю Клементьевичу Семко. Темной осенней ночью, с риском для жизни, через вражеские посты, добрался патриот до партизанского лагеря, предупредил Королева о надвигавшейся опасности. Партизаны снялись, перебрались на другое место. А карателям достались в качестве трофеев только пустые шалаши...

В конце первого военного лета состоялась встреча отряда Королева с красноармейцами-окруженцами, которыми командовал Дмитрий Шрейн.

Эта встреча чуть было не обернулась ссорой.

— Я кадровый военный! — горячился Шрейн.— Наш долг перед Родиной — вернуться в строй, на фронт!

— Да пойми ты, чудак человек,— убеждал Николай Филиппович.— Здесь ведь тоже воевать кому-то надо. В Осиповичах почти тысяча гитлеровцев, в Лапичах — резервный танковый полк, в Свислочи — гарнизон человек триста, в Липени — около сотни. Жгут деревни, расстреливают ни в чем не повинных людей.

— Что же ты предлагаешь?

— Действовать. Давай для начала совместными силами разгромим гарнизон в Гродянке.

В разведку решил идти сам Королев. Он взял с собой двух боевых друзей — И. Гнедько и А. Шиенка. Партизаны обулись в лапти, накинули на себя домотканые свитки и, спрятав под одежду оружие, под вечер вошли в местечко.

Никто из гитлеровцев не обратил внимания на трех невзрачных мужичков. А они не спеша прошагали мимо школы, где размещался гарнизон, рассмотрели, где установлен пулемет, и направились из местечка к лесу.

У крайней хаты сидели на бревнах, щелкая семечки, несколько женщин. Одна из них узнала бывшего предрика:

— Бабоньки! — крикнула она.— Это же Король сейчас по улице прошел. Ей-богу, Король!

Фашисты, находившиеся поблизости, услышали ее слова, смекнули в чем дело и открыли огонь по смельчакам. Но поздно. Друзья успели скрыться в лесу.

Ночью к партизанам пришел связной Иван Близнец.

— Ну и наделали вы переполоху, Николай Филиппович,— рассказывал он Королеву.— Теперь всю ночь немцы спать не будут.

— Да,— пожалел командир,— придется отложить операцию.

— Чего это? — забеспокоился связной.— Они к утру притомятся. А моя очередь завтра стадо выгонять. Подниму хозяек чуток раньше обычного.

— А мы,— подхватил идею связного Королев,— к тому времени к местечку подтянемся. Есть у фашистов посты на улицах?

— Патрули, бывает, ходят. Да только возле казармы. На окраинах не показываются.

Тут же в деталях разработали план действий.

Под прикрытием стада партизаны подошли к самой школе, метким выстрелом сняли часового, дежурившего у пулемета, и бросились на штурм казармы. Фашисты не успели опомниться, как все уже было кончено. Начальника гарнизона Кубица захватили в постели. Только один из гитлеровцев успел скрыться. Партизаны же потерь не понесли.

— Спасибо тебе за смекалку, Иван,— благодарил Николай Филиппович связного.

— Не за что,— ответил Близнец.— Пытались меня фашисты допрашивать. А я дурачком прикинулся: мол, моя хата с краю, ничего не знаю. Самого, мол, лесные бандиты чуть не укокошили.

После этой удачной вылазки группа Шрейна всегда стала выходить на боевые задания с партизанами отряда Королева.

— Ну что, Митя,— шутил над Шрейном Королев,— нашлось и здесь для тебя подходящее дело, а?

— Что ж, неплохо получается,— чуть смущенно отзывался Шрейн.— Даже очень неплохо.

В сентябре, когда желто-красный ковер опавших листьев покрыл землю, в Осиповичских лесах появились четырнадцать десантников под командованием старшего лейтенанта Григория Пыжова.

— У вас есть тол, мины, запалы, специалисты-подрывники. А у нас — местные люди, отлично знающие подходы к железным дорогам. Давайте-ка объединим усилия,— предложил Королев командиру десантников.

Силами теперь уже трех групп совершили первую крупную диверсию. Общее руководство было единодушно поручено Королеву. Он же разрабатывал план. Во главе каждой группы пошли местные партизаны. В одну ночь, почти в одно и то же время, взлетели на воздух два моста на шоссейных дорогах через реку Свислочь. А на участке Верейцы — Талька пошел под откос первый эшелон противника.

Увы, почти все подрывные средства в этой операции были израсходованы. Пришлось потом долго ходить на железную дорогу с гаечными ключами и ломиками разбирать пути...

Первая военная зима. Немцы неоднократно крупными силами блокировали партизан, выгоняли их из теплых землянок под открытое небо. Маневрируя в лесу, минируя вероятные подходы к лагерям, нанося внезапные удары по гитлеровцам, лесные солдаты выходили из этих переделок с минимальными потерями.

Весной 1942 года разрозненные партизанские группы, выполняя решение Осиповичского подпольного райкома партии, объединились в партизанский отряд № 210. Командиром назначили Н. Ф. Королева.

Николай Филиппович не переставал напоминать:

— Наша сила — в тесной связи с населением.

Для такого утверждения были веские основания: если в отряде к тому времени насчитывалось сорок восемь человек, то подпольщиков, которые поддерживали с ними самую тесную связь,— свыше шестисот. Они регистрировали движение гитлеровских войск по железным и шоссейным дорогам, давали партизанам точные сведения о системе укреплений противника. С их помощью проводились наиболее удачные операции.

Постоянную связь с отрядом поддерживали житель местечка Липень Марк Кунько и его родная сестра Римма. Однажды Марк прибежал в лагерь ночью, потребовал командира.

— Подожди до утра,— сказал пареньку дежурный.

— Утром будет поздно,— настаивал Кунько.

Королев, внимательно выслушав связного, поднял отряд по тревоге. Партизаны устроили засаду.

Фашисты, ничего не подозревая, ехали на подводах в деревню Базок. Их подпустили почти вплотную. Семнадцать гитлеровцев нашли себе здесь могилу. Кунько, участ-

вовавший в засаде, сразу вернулся в местечко, чтобы не навлечь на себя подозрений.

Вскоре брат и сестра пришли в отряд. Римма возглавила группу девушек-подрывников, а Марк стал «охотником» — так в ту пору называли партизан, которые охотились за фашистами. Находчивости юноши завидовали многие. Он переодевался то в немецкую форму, то в женское платье и вместе с такими же, как и он, удальцами проникал во вражеские гарнизоны. Иногда Марк даже днем устраивал засады. Из любых переплетов выходил невредимым. Партизаны прозвали паренька «неуловимый».

За счет таких вот людей, беззаветно преданных Советской власти, рос партизанский отряд. В мае 1942 года к Королеву присоединилось тридцать пять рабочих стеклозавода «Неман», а летом в лес пришли из ближайших деревень все мужчины, способные носить оружие.

Все ощутимее становились удары лесных солдат по врагу. Диверсии на железных и шоссейных дорогах, обломки паровозов, вагонов, автомашин, трупы гитлеровцев под обломками — все это как нельзя лучше доказывало силу партизан, поднимало их авторитет среди населения.

Беспокоило Королева одно: отсутствие постоянной связи с Москвой. Об осиповичских партизанах по ту сторону фронта тогда знали немногие. А воевать без помощи Большой земли трудно. Не было тола, мин, приходилось беречь каждый патрон.

Посоветовавшись с начальником штаба Степаном Сергеевичем Сумченко, Королев решил послать за линию фронта своих представителей. Вызвали в штаб Шрейна.

— Слушай, Митя,— начал Николай Филиппович издалека,— в свое время, помнится, ты все за линию фронта рвался.

— Не понимал значения партизанской войны, товарищ командир,— признался Шрейн.

— А теперь понимаешь?

— На все сто процентов!

— И за линию фронта идти не хочешь? — улыбнулся Королев.

Шрейн, не поняв шутки, даже рассердился:

— Что это вы меня, товарищ командир, допекаете? Или я плохо фашистов бью?

— Бьешь хорошо,— вступил в разговор молчавший до

сих пор Сумченко,— а за линию фронта мы решили послать именно тебя. Потому что верим — дойдешь.

— И обратно вернешься,— добавил Королев.— Доложишь в Москве о наших делах, получишь рацию, радистов и назад. Путь через вражеский тыл нелегкий. Но дойти надо. Это приказ.

— Слушаюсь, товарищ командир! — ответил Шрейн.

— Вы назначаетесь старшим,— сказал Сумченко. — Подберите в группу еще троих. Таких, кому доверяете, как самому себе.

Посланцев в Москву провожали с почестями. По этому случаю 10 августа созвали даже отрядный митинг. Дмитрий Шрейн дал клятву партизанам, что выполнит наказ и обязательно вернется.

Поздней осенью 1942 года из Москвы пришла первая весточка: Королева вызвали на Большую землю.

Вместо себя Николай Филиппович решил оставить Сумченко. Королев был уверен, что этот волевой и грамотный командир справится с поставленной задачей.

— Главное сейчас, Степан,— развитие партизанского движения,— наставлял Королев друга.— Надо усилить приток в партизаны, создавать новые отряды, объединить их в бригаду.

В Москве Николая Филипповича принял командующий Западным фронтом И. С. Конев. Он расспросил Королева о положении в тылу врага, а потом предложил выступить перед политработниками и пропагандистами, побывать в прифронтовой полосе.

Состоялась встреча также с начальником Центрального штаба партизанского движения, секретарем ЦК КП Белоруссии П. К. Пономаренко. Пантелеймон Кондратьевич представил Королева К. Е. Ворошилову. Климентий Ефремович вручил партизанскому командиру именные часы за № 52201.

Конечно, все эти знаки внимания были весьма приятны. Но тревожила судьба отряда. И Николай Филиппович все время стремился назад. Хотелось поскорее встретиться с боевыми друзьями, рассказать им обо всем. Но в штабе партизанского движения Королеву сказали:

— Не волнуйся. Группа, посланная тобой в Москву, оснащена всем необходимым и на днях возвращается обратно. Сегодня встретишься со Шрейном. А ты сейчас нужен здесь.

Вечером в номере гостиницы «Москва» состоялась встреча. Чуть ли не до утра проговорили друзья. Шрейн подробно рассказал Королеву о том, как пробирался через фронт, познакомил комбрига с радисткой, с инструкторами-подрывниками, которые были включены в его группу.

Распрощались тепло, по-братски.

— Передай Сумченко,— наставлял Королев,— пусть усилит диверсии на «железке». Тол и мины расходуйте с расчетом. Сразу, как придете, готовьте аэродром и вызывайте самолет. Постараюсь и я прилететь.

Но вылететь Королеву в немецкий тыл опять не разрешили.

В конце ноября состоялась встреча партизан с Михаилом Ивановичем Калининым. «Всесоюзный староста» первому из всех присутствующих вручил Королеву орден Ленина и сам прикрепил его к гимнастерке партизанского командира.

На другой день Николай Филиппович поехал в Центральный Комитет партии. Снова просил отправить в отряд. А его послали на московские предприятия рассказать рабочим о борьбе белорусского народа против оккупантов, попросили выступить на районных партийных и комсомольских конференциях, командировали в Казань, организовали встречу с учеными.

В конце февраля 1943 года состоялся V пленум ЦК КП Белоруссии, обсудивший вопрос об усилении всенародной партизанской борьбы в тылу врага. Королев и целый ряд других партизанских командиров приняли участие в его работе.

После окончания пленума П. К. Пономаренко пригласил на беседу руководителей партизанского движения, выдвинул идею проведения «рельсовой войны». В один день и час все отряды должны были выйти на железную дорогу и толовыми зарядами взрывать полотно.

Первую вылазку в качестве разведки боем предложили сделать бригаде Королева. С этим ответственным заданием в начале марта 1943 года Николай Филиппович вернулся в Осиповичский район.

После теплой радостной встречи Королев и Сумченко уединились в штабном шалаше. Долго и тщательно разрабатывали план операции: набросали схему подхода к «железке», наметили, кому рвать полотно, а кому обеспечить

фланги и тылы, чтобы противник не мог во время операции окружить бригаду.

Эксперимент удался. Задание Центрального штаба партизанского движения было выполнено.

24 июля 1943 года ЦК КП Белоруссии принял постановление «О разрушении железнодорожных коммуникаций противника методом рельсовой войны».

Гитлеровцы, видимо, каким-то образом узнали об этом. В местах вероятных подходов партизан они сделали лесные завалы, организовали засады. Кое-где железнодорожное полотно приходилось брать штурмом, блокировать вражеские доты, вступать с фашистами в рукопашные схватки.

Но зато доложить в Москву было о чем. Только в августе партизаны Осиповичского района перебили 4624 рельса, взорвали и сожгли станцию Брицаловичи, уничтожили два каменно-бетонных моста, пустили под откос 98 вражеских эшелонов.

Усилили свои действия и подпольщики. Со всех сторон к командиру Осиповичского соединения, теперь уже генерал-майору Н. Ф. Королеву, стекались донесения:

«В ночь с 23 на 24 октября с помощью магнитной мины сожжен Осиповичский маслозавод».

«В ночь с 27 на 28 октября диверсионная группа Бобруйска в деревне Киселевичи взорвала помещение, в котором размещался штаб гитлеровцев. Убит офицер — начальник штаба, три унтер-офицера и солдат».

«19.IX—43 г. подпольная группа Бобруйска с помощью магнитной мины взорвала бензохранилище и заправочную колонку на аэродроме. Сгорело 16 тонн бензина».

«3.XII—43 г. в Бобруйске взорвано бензохранилище центральной ремонтной мастерской. Сгорело 8 тонн бензина, 52 автомашины, 3 танка, 12 орудий и здание мастерской со всем оборудованием».

На каждую диверсию партизан и подпольщиков гитлеровцы отвечали массовым террором, карательными экспедициями. Крупные воинские подразделения с артиллерией и танками блокировали лесные массивы, прочесывали их квадрат за квадратом.

Во время прорыва одной из блокад был убит шестилетний сын Королева — Игорь.

Не утихла боль от этой раны, как пришло новое известие — в неравной схватке с врагом погиб Степан Сумчен-

ко. Небольшую группу бойцов фашисты окружили в доме лесника. Партизаны, отстреливаясь, стали отходить к речке Синей. Почти все погибли, а Сумченко, одетого в командирское кожаное пальто, фашисты решили взять живым. На опушке леса из засады на него набросились шесть гитлеровцев. Степан Сергеевич выхватил гранату и подорвал себя и врагов.

Имя Сумченко было присвоено комсомольско-молодежному партизанскому отряду. Уже через несколько дней после гибели начальника штаба на участке Талька — Верейка партизаны пустили под откос воинский эшелон.

Оккупанты все чаще вынуждены были направлять против партизан регулярные воинские части, следовавшие на фронт.

Партизанский генерал, как правило, заранее узнавал о планах карателей. Кроме того, он всегда учитывал тактическую слабость гитлеровцев — формальное отношение их к выполнению боевых задач. Немецкая пунктуальность оборачивалась иной раз против фашистов, а партизаны умело уклонялись от открытой схватки с превосходящими силами противника.

Случалось, однако, что отходить было некуда. Королевцы принимали открытый бой. И тогда они проявляли не только беспримерное мужество и отвагу, но и умели хитрым маневром обмануть врага.

Однажды, прорвав оборону соседних партизанских бригад, гитлеровцы обошли боевые порядки королевцев и повели наступление на штаб соединения, где размещался также госпиталь. Над сотней раненых бойцов нависла смертельная опасность. Все, кто мог держать в руках оружие, приготовились к последней схватке.

— Слушай меня внимательно,— сказал Королев командиру роты Шрейну.— Займи оборону на опушке этого леса, подпусти фашистов вплотную. Потом отступи вглубь метров на двести, вот за эту полянку. Немцы за тобой сунутся, а мы их артиллерией накроем.

«Максим» работал безотказно, накаляясь докрасна. Гитлеровцы обрушили на партизан артиллерийский огонь. Пришлось отходить раньше намеченного срока. Но партизанские артиллеристы были уже готовы к приему незваных гостей. Фашисты, не ожидавшие такого удара, в панике отступили, оставив на поляне около сотни убитых.

В январе 1944 года из Москвы по рации передали Указ Президиума Верховного Совета СССР. За беспримерное мужество и отвагу Н. Ф. Королеву присваивалось звание Героя Советского Союза. Боевыми орденами и медалями была награждена большая группа бойцов и командиров Осиповичского соединения. Эта высокая оценка воодушевила партизан на новые подвиги. Они усилили удары по вражеским коммуникациям.

С приближением фронта обстановка усложнилась. Оккупанты, очищая прифронтовую полосу, жгли деревни, угоняли гражданское население на запад. В лесных лагерях партизанского соединения скопилось свыше двадцати пяти тысяч беженцев — старики, женщины, дети. Защищая их, приходилось стоять насмерть. Партизаны уничтожили все мосты, заминировали проезжую часть дорог, устроили лесные завалы. Осиповичская группировка фашистов была отрезана от основных сил под Бобруйском. Лесные солдаты сорвали строительство оборонительных укреплений, которые враги пытались возвести, помешали наведению понтонного моста через Березину в районе деревни Якшицы.

Фронт подходил вплотную. Группе фашистских войск удалось прорваться из-под Бобруйска в деревню Погорелое. Враги пытались по проселочной дороге продвинуться на Пуховичи и потом на Минск. Но в районе Погорельского разъезда, на опушке леса, их ждали отряды Дмитрия Шрейна и Григория Пыжова. Бой был коротким, но жестоким. Сотни захватчиков нашли здесь свою могилу, много сдалось в плен.

Однако ударная группа, состоящая примерно из ста гитлеровских офицеров, и на этот раз вырвалась из кольца. У деревни Логин фашистов ожидал новый партизанский заслон. В короткой схватке большая часть прорвавшихся была уничтожена. Оставшиеся в живых подняли белый флаг. Среди вражеских трупов партизаны обнаружили убитого гитлеровского генерала.

Так взаимодействовали с частями Красной Армии лесные солдаты партизанского генерала Н. Ф. Королева. Они помогли наступающим советским воинам в освобождении Осипович, местечек Свислочь и Липень. Командующий 48-й армией генерал-лейтенант П. Л. Романенко прислал партизанам благодарность.

А когда советские солдаты ушли дальше на запад, Н. Ф. Королев был избран председателем Могилевского гор-

исполкома. Десять послевоенных лет проработал он на этом ответственном посту. Потом Николая Филипповича направили в глубинный Хотимский район первым секретарем райкома партии. Два ордена Трудового Красного Знамени — так оценила Родина мирный труд партизанского генерала.

Бывший деревенский пастушонок не искал славы и почестей. Он просто верно служил любимой партии, родному советскому народу.

Алексей Палажченко

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

(О Кудряшове В. И. и Пироговском А. И.)

Киевский орденоносный электровагоноремонтный завод имени Январского восстания широко известен в нашей стране своими революционными, боевыми и трудовыми традициями. Заслуженным ветеранам труда и недавно пришедшим на завод восемнадцатилетним юношам о славном прошлом родного предприятия постоянно напоминают мемориальные доски, прикрепленные у проходной и на стене заводского клуба. Установленные в разное время и посвященные различным событиям, они дополняют одна другую и составляют все вместе героическую летопись одного из старейших и крупнейших предприятий города-героя.

Первая мемориальная доска говорит о победной забастовке в вагонных мастерских против капиталистов в 1869 году. Вторая сообщает, что здесь в начале первой русской революции состоялась мощная забастовка рабочих-железнодорожников. На третьей

сказано о том, что в 1921—1922 годах на заводе работал помощником электромонтера и секретарем комсомольской организации юный герой гражданской войны, а потом известный советский писатель Николай Островский.

А четвертая мемориальная доска посвящена В. И. Кудряшову и А. И. Пироговскому. О них, мужественных руководителях киевского подполья в годы Великой Отечественной войны, и рассказывается в этом очерке.

* * *

Фашистские войска рвались к Киеву. На его окраинах уже слышалась артиллерийская канонада. По улицам города к фронту проносились груженные боеприпасами и снаряжением машины, шагали только что сформированные батальоны ополченцев. А в ЦК КП(б) Украины в это время проходило совещание первых секретарей райкомов и горкомов партии Киевской области. Руководивший совещанием секретарь ЦК КП(б)У М. А. Бурмистенко говорил о развертывании подпольной борьбы на случай гитлеровской оккупации. Потом он и другие руководящие партийные работники беседовали с каждым из присутствующих, давали советы, ставили конкретные задачи.

После этого совещания были созданы основной и запасной подпольные горкомы партии. Большую работу по формированию сети подпольных организаций в Киеве провел секретарь горкома партии К. П. Ивкин. Потом он ушел на фронт.

Секретарем основного подпольного горкома утвердили М. Г. Рудешко, его заместителем — В. И. Хохлова. В первые дни оккупации Рудешко выехал из города и был арестован фашистами. Горком возглавил В. И. Хохлов. Руководителем запасного горкома назначили С. Г. Бруза, который до войны работал в Белой Церкви, поэтому его почти никто не знал в Киеве.

Членом основного подпольного горкома утвердили начальника колесного цеха Киевского паровозовагоноремонтного завода Владимира Исидоровича Кудряшова. Хороший организатор производства, скромный и жизнерадостный, простой и общительный, чуткий к товарищам по работе, он пользовался среди рабочих завода уважением и доверием. Будучи человеком большой силы воли и неиссякаемой энергии, беззаветно преданный Коммунистической партии,

готовый в любую минуту даже ценою собственной жизни выполнить ее наказ, Кудряшов воспринял свое новое назначение в этот тяжелый для Родины час как большую честь, оказанную рядовому коммунисту.

Руководить подпольным партийным комитетом Железнодорожного района горком партии поручил Александру Исидоровичу Пироговскому, который длительное время работал на железнодорожном узле, а за несколько лет перед войной стал бухгалтером и возглавил партийную организацию на лесозаводе имени Первого мая. Участник гражданской войны, член партии с 1927 года, Пироговский имел большой опыт работы с массами, всегда с присущим ему прилежанием и настойчивостью делал любое дело. В связи с хронической болезнью горла Пироговский редко выступал на собраниях и городских активах. Поэтому в городе его мало кто знал.

* * *

Восемьдесят три дня героически обороняли столицу Советской Украины соединения Красной Армии и отряды киевских ополченцев, сковав у стен города много вражеских дивизий и сорвав таким образом планы быстрого наступления гитлеровцев. Однако в результате неблагоприятной обстановки, сложившейся к началу первой военной осени на фронтах, нашим войскам пришлось оставить Киев и перейти на левый берег Днепра. С 19 сентября 1941 года начались долгие черные дни и ночи фашистской оккупации Киева, жуткий период невиданного террора, грабежа и насилия...

Но ни угрозы, ни самые жесточайшие меры, на которые были способны гиммлеровские головорезы, не смогли поставить на колени киевлян, сломить их волю к борьбе. Это гитлеровцы почувствовали в первые же дни оккупации. Когда в город по улице Артема стала вползать колонна немецких танков, с окон пятиэтажного дома в нее полетели бутылки с зажигающей жидкостью. Не успели фашисты еще как следует расположиться в захваченном городе, а на вокзале, вызвав огромную панику, запылал склад с боеприпасами. На Бессарабке, в самом людном районе города, чья-то мужественная рука содрала приказы гитлеровского коменданта и вместо их наклеила листовки, призывающие население к борьбе против захватчиков. Каждая листовка

оканчивалась словами «Клятвы», написанной выдающимся украинским поэтом Миколой Бажаном в первый день разбойничьего нападения фашистов на нашу Родину:

Ніколи, ніколи не буде Вкраїна
Рабою німецьких катів!

— Да, товарищи, Украина никогда не будет рабою немецко-фашистских захватчиков! — этими словами «Клятвы» Бажана открыл В. И. Хохлов первое заседание подпольного горкома.— Наши люди, как видите, уже начали борьбу против оккупантов.— Он поднял в руке свежую листовку.— И я считаю, что в этот начальный период нашей деятельности важнейшей задачей подпольных организаций является дальнейшее развертывание политико-массовой работы среди населения и разоблачение лживой фашистской пропаганды, особенно их демагогии о «разгроме» Красной Армии.

Заседание утвердило план работы горкома и признало необходимым расширять связи с населением, как можно больше вовлекать его в борьбу, организовывать новые подпольные группы на предприятиях и в учреждениях оккупантов. Горком партии создал штаб диверсионно-подрывной работы во главе с членом подпольного горкома В. И. Кудряшовым, который уже показал себя мужественным борцом против фашистских захватчиков.

...В первый же день войны В. И. Кудряшов выступил на митинге рабочих и служащих Киевского паровозовагоноремонтного завода, на котором тогда более двухсот человек заявили о своем желании добровольно уйти на фронт.

— Вам, второму поколению комсомола, придется грудью столкнуться с проклятием человечества — фашизмом,— напомнил Кудряшов на митинге вещие слова Николая Островского.— Так вот, наступил этот час, товарищи! — горячо говорил Владимир Исидорович.— Многие наши товарищи уйдут с оружием в руках громить зарвавшихся фашистов, а оставшиеся на местах будут с еще большей энергией трудиться на предприятии, работающем для нужд фронта. Я предлагаю, не сбавляя темпов выполнения плана, в неурочное время построить на нашем заводе бронепоезд и назвать его именем писателя-бойца Николая Островского.

Кудряшова единодушно поддержали. Вскоре бронепоезд «Николай Островский» был построен и, когда фашисты на-

чали приближаться к Киеву, вышел на оборону подступов к столице Украины. Вместе с бронепоездом на обороне города мужественно действовал батальон ополченцев, в котором политруком был смелый и неутомимый В. И. Кудряшов.

Потом Кудряшова направили в специальный отряд киевских коммунистов, который перешел линию фронта и совершил рейд по ближайшим тылам врага. Бойцы отряда нападали на тыловые колонны и мелкие подразделения фашистов, портили связь, громили склады, в районе Овруча пустили под откос несколько эшелонов с живой силой и техникой противника.

Возвратившись в Киев, Кудряшов с головой окунулся в подпольную работу. Вот почему подпольный горком поручил ему руководство штабом диверсионно-подрывной работы.

В состав штаба вошли боевые друзья Кудряшова, члены подпольного Железнодорожного райкома Г. И. Левицкий, И. М. Сикорский, а также отважные комсомольцы Таня Маркус и А. Горобец.

Диверсанты-боевики не теряли времени даром. Подпольный горком партии вынес смертный приговор профессору Ржевуцкому, который оказался фашистским шпионом и с приходом гитлеровцев начал открыто с ними сотрудничать, выступил в газете с призывом к интеллигенции следовать его примеру. Приговор предателю привели в исполнение В. И. Кудряшов и его боевые товарищи.

Потом подпольщики уничтожили старосту Труханова Острова, выдававшего гестаповцам коммунистов и комсомольцев. Оккупанты и их прислужники не могли спокойно спать. Им постоянно мерещилась грозная фигура неуловимого народного мстителя Цыгана, как прозвали Кудряшова, появлявшегося, казалось бы, в самых неожиданных местах.

Деятельность подпольщика всегда полна приключений и непредвиденных неожиданностей. Однажды Кудряшов, о котором среди киевлян уже ходили легенды, случайно попал в облаву и угодил в концлагерь на Керосинной улице.

«Что делать? Как выручить товарища?» — узнав об этом нелепом происшествии, забеспокоились боевые друзья Кудряшова. Начали подбирать нужных людей, устанавливать связи с охранниками лагеря... Но Владимир Исидорович,

не ожидая помощи извне, на десятый день после ареста совершил побег и снова стал водить на задания своих боевиков.

Оккупанты старались в первую очередь восстановить железнодорожный узел и мост через Днепр. И подпольщики развернули на этом участке настоящую партизанскую войну. Для массовых диверсий не хватало взрывчатки. «Как добыть тол, аммонал?» — неоднократно спрашивал у друзей Кудряшов. Кто-то вспомнил, что наши войска при отходе затопили на Днепре баржу с толом. Но где? Как ее найти?

— Так это же клад! — радовался Владимир Исидорович.— А добыть его поручим спасалке. Там работает мой давнишний друг. Такой парень, что черта с морского дна достанет!

Действительно, через некоторое время баржа с толом была найдена и поднята на поверхность. Нашлись и другие источники, снабжающие подпольщиков взрывчаткой.

...В ночной тьме небольшая группа диверсантов тихо пробиралась к локомотиву депо станции Киев-Пассажирский. Еще днем там была спрятана взрывчатка, которую удалось доставить при помощи надежных людей. Чтобы взрыв был более разрушительным, по предложению Кудряшова под фундаменты станков и в котельной заложили несколько снарядов и авиационных бомб, накануне тайно доставленных сюда железнодорожниками.

Во избежание жертв среди рабочих решили, что сигналом к взрыву будет авария на поворотном круге. Так и получилось. Когда утром идущий на ремонт паровоз свалился в яму и все рабочие собрались около него на совет, как устранить аварию, в здании один за другим прогремело несколько мощных взрывов. Паровозное депо на длительное время вышло из строя.

Через несколько дней вспыхнул пожар на станции Киев-Товарный, прогремели взрывы в основных цехах паровозовагоноремонтного завода, в некоторых корпусах фабрик имени Горького и Розы Люксембург, были разрушены водокачки на пассажирской и товарной станциях, мосты на Соломенке и Воздухофлотском шоссе... В конце сентября отважные диверсанты взорвали здание военной комендатуры, гостиницы, в которой разместилось гитлеровское командование, баню, кинотеатр для фашистских солдат и офицеров.

Гестаповцы, используя весь свой опыт и самые изощренные методы, с ног сбивались в поисках подпольных организаций. В октябре им удалось напасть на след подполья. За очень короткое время фашисты арестовали многих членов подпольных райкомов и горкома партии, разгромили материально-техническую базу и часть конспиративных квартир, нарушили связи.

Но полностью уничтожить подполье было невозможно. Чтобы поудобнее было держать связь с организациями, А. И. Пироговский, отпустивший рыжеватую бородку и длинные усы, устроился курьером на ликеро-водочном заводе. Теперь с большим желтым портфелем в руках, туго набитым разными пакетами, он мог свободно разъезжать не только по всему городу, но и по области. Александр Исидорович похудел, осунулся, отчего выглядел намного старше своих сорока четырех лет. Поэтому подпольщики прозвали его Стариком. Кроме этой Пироговский имел еще две подпольные клички — Зализняк и Береза.

Однажды Старик с неразлучным портфелем появился на заводе «Ленинская кузница». Войдя в цех, где была намечена встреча с нужным человеком, он заметил, что рабочие были чем-то взволнованы. Оказалось, накануне в цехе гитлеровский пропагандист утверждал, что вот-вот падет Москва.

В портфеле Пироговского на этот раз были припрятаны свежие листовки, в которых сообщалось о переходе советских войск в решительное контрнаступление под Москвой, приводилось количество захваченных трофеев, назывались освобожденные от захватчиков населенные пункты.

— Ну и холод же на улице, замерз окончательно,— обратился Старик к знакомому рабочему.— Не найдется ли у вас хотя бы кружки кипятку?

— Почему же? — ответил подпольщик.— Мы всегда очень рады «немецкому курьеру»,— протянул ему кружку и пригласил к баку.

Набирая горячую воду, Пироговский незаметно сунул своему знакомому пачку листовок, и через некоторое время радостная весть о победе под Москвой облетела рабочих.

Через несколько месяцев Пироговскому в силу сложившихся обстоятельств пришлось распрощаться с работой курьера и уйти в глубокое подполье, но он по-прежнему часто бывал в организациях, среди рабочих и с радостью

замечал, что киевляне не склонили голову перед фашистами, не сложили оружия.

Поздней осенью в Киев прибыл вышедший из окружения К. П. Ивкин и немедленно включился в борьбу против оккупантов. Возглавленный им горком партии на протяжении ноября—декабря возобновил деятельность семи подпольных райкомов и нескольких первичных партийных организаций, установил связь с запасным горкомом.

Продуманно и смело действовали подпольщики железнодорожного узла, рабочей Чоколовки и Димеевки, где борьба не прекращалась ни на час все двадцать пять с половиной месяцев фашистской оккупации. Боевая дружба А. И. Пироговского и В. И. Кудряшова — этих двух организаторов и руководителей подпольной борьбы в столице Украины — давала хорошие результаты.

Штабом подпольщиков Железнодорожного района стал в это время домик под номером 7 по Садовой улице в Первомайском поселке. По заданию А. И. Пироговского его арендовала подпольщица Е. Н. Ярая, которую Александр Исидорович очень хорошо знал до войны. Находясь на углу двух улиц и как бы прячась в садах и огородах, этот домик был неприметным для чужого глаза и очень удобным для конспираторов. В его подвале, почти незаметном снаружи и имевшем тайный выход в сад, патриоты прятали оружие, продовольствие, одежду, убегавших из концлагерей узников, которых потом переправляли к партизанам. В этом домике проводились совещания подпольщиков, намечались планы и выбирались объекты новых ударов по врагу. Отсюда невидимыми нитями тянулись связи со многими подпольными организациями и группами, с партизанскими отрядами.

На конспиративной квартире по Садовой улице райком партии еще в начале оккупации установил радиоприемник и пишущую машинку. Сюда ночами часто пробирались Пироговский, Кудряшов, Сикорский и другие подпольщики, слушали Москву, записывали и размножали радиопередачи, составляли листовки. А утром на Соломенском базаре появлялась невысокого роста, ничем не приметная проворная торговка с переносным лотком, наполненным самодельными конфетами и папиросами. Это была хозяйка конспиративной квартиры Евдокия Никитична Ярая. Вот к ней приблизился в рабочей спецовке железнодорожник и, осторожно посмотрев вокруг, спросил:

— Нет ли у вас папирос особой марки?

— Таковых не имеем.

— Тогда давайте пару самодельных.

— С «Казбеком» или «Руно»? — интересовалась продавщица.

— Давайте с «Дорожным»,— улыбнулся рабочий.— Это самый лучший табак.

Женщина охотно подавала покупателю две длинные папиросы. В одной из них было сообщение Советского информбюро, во второй — воззвание подпольного горкома о развертывании диверсий на железных и шоссейных дорогах. А еще через день эти листовки, отпечатанные в подпольной типографии, появлялись на паровозах, вагонах, будках стрелочников, на базарных рундуках и даже на здании полицейского участка.

* * *

Маленькая, но дружная семья Пироговских жила недалеко от железнодорожного полотна на Тарасовской улице в небольшой квартире на четвертом этаже. Жена Александра Исидоровича Надежда Антоновна, узнав, что ее муж остается по заданию на оккупированной территории, наотрез отказалась эвакуироваться. «Никуда я с девятилетним сыном не поеду, буду рядом с тобой!» — решительно заявила мужу и осталась в Киеве.

Условия подполья требовали строжайшей конспирации, но Пироговский иногда заходил домой, проведывал семью. Он верил жене и как с самым близким и надежным другом делился с ней своими сокровенными думами, рассказывал о борьбе против гитлеровцев. И Надежда Антоновна делила с мужем его нелегкую участь, оказывала ему всяческую помощь, оберегала от чужого глаза.

Условный, только для нее понятный стук — и она тихо открывала дверь. На случай неожиданного визита гестаповцев в квартире был другой выход — на чердак, а оттуда — на улицу прямо к обрыву ручья.

...На этот раз Александр Исидорович задержался дома дольше обычного. Поговорив с женой о новостях и неотложных делах, он сел за шахматную доску с сыном Игорем, долго и упорно обдумывал каждый ход. Однако, наблюдая за игроками, Надежда Антоновна догадалась, что муж напряженно обдумывал не только ходы шахматных фигур...

Пришло время расставаться. Александр Исидорович положил перед женой на стол листовку с призывом к железнодорожникам не пропускать к фронту гитлеровские эшелоны, всячески срывать работу железнодорожного транспорта.

— Эти небольшие листики имеют большую силу,— сказал Александр Исидорович.— На их призыв очень активно откликаются железнодорожники. На прошлой неделе наши ребята в формировавшемся эшелоне так поменяли на вагонах бирки, что снаряды пошли в тыл, а вагоны с металлоломом — на фронт.

— Ой, берегись, Саша, прошу тебя, берегись,— тревога зазвучала в голосе Надежды Антоновны.

— Ничего, не беспокойся,— обнял на прощание жену Пироговский.— Все будет в порядке.

Перед тем как расстаться с мужем, Надежда Антоновна внимательно осмотрела коридор, двор. Потом пошла вслед за ним до конца улицы. А когда фигура подпольщика исчезла за обрывом ручья, прошептала вслед: «Щастя йому, доле»...

И Александру Исидоровичу Пироговскому долго сопутствовало счастье, трудное, но захватывающее счастье борьбы.

* * *

Выполняя ответственные поручения подпольного центра, В. И. Кудряшов неоднократно бывал в ближайших сельских районах. И всегда он возвращался оттуда веселым, энергичным, удачливым.

— Ты знаешь, Александр Исидорович,— вернувшись с очередной поездки в село, рассказывал Кудряшов своему другу Пироговскому,— не только в городе, но и в деревне народ дружно поднимается на борьбу против гитлеровцев. Люди с каждым днем все больше и больше ненавидят оккупантов, и эта ненависть испепелит на нашей земле проклятых фашистов!

— Все это хорошо, Володя,— тихо ответил всегда сдержанный и спокойный Пироговский.— Я не представляю себе борьбы без тесной связи с патриотами, проживающими в селах. Без этого мы были бы, мне кажется, какими-то однорукими. Их помощь только продуктами питания чего стоит! Связи с селом будем крепить и дальше. Это наша задача на весь период борьбы. А сейчас нам необходимо

подумать, как еще больше усилить диверсии на коммуникациях. Этого требует горком партии.

— Знаю об этом,— ответил Кудряшов.— Мои ребята уже минируют железку и на этой и на той стороне Днепра. В депо Киев-Московский ремонтников возглавил Афанасий Тимощук, а на строительстве железнодорожного моста на Днепре мы с Куликом устроили Николая Сороку. А это такие ребята, что не будут сидеть сложа руки.

...С каждым днем ширилось руководимое коммунистами патриотическое движение против фашистских поработителей. Начальник боевого штаба В. И. Кудряшов одно за другим получал донесения от командиров диверсионных групп: отремонтированный на судоверфи пароход потоплен подпольщиками-комсомольцами; организованная Сорокой на строительстве моста нелегальная группа освободила советских военнопленных, которых благополучно переправили в партизанский отряд; остановившиеся на станции Киев-Товарный эшелоны с хлебом не довезут зерна в Германию: двери вагонов приоткрыли, в полу просверлили дыры, и зерно убежит по дороге; приговоры, вынесенные горкомом партии отъявленным изменникам Родины, приведены в исполнение; партизанские отряды и группы, охватившие своим влиянием около двадцати ближайших районов Киевской, Житомирской и Черниговской областей, действуют успешно; бесстрашная Таня Маркус лично уничтожила несколько десятков фашистов...

В начале лета 1942 года горком партии организовал партизанский отряд. Сто киевлян готовились выйти в лес. Командиром отряда назначили В. И. Кудряшова, который с присущей ему энергией и настойчивостью принялся за подготовку партизан к боевым действиям.

Но как раз в это время по городу покатилась новая волна массового террора. На помощь гитлеровцам пришли отъявленные враги украинского народа — буржуазные националисты. Они выследили секретаря запасного горкома партии Семена Бруза. Приведенные предателем гестаповцы ворвались в квартиру подпольщика. Тремя из четырех пуль, которые были в пистолете Бруза, он уложил троих врагов, последнюю оставил для себя.

Во время выполнения боевого задания в районе завода «Большевик» был смертельно ранен секретарь основного горкома К. П. Ивкин. Гитлеровцы схватили подпольщика в тяжелом состоянии, доставили в гестапо, где он вскоре и

умер. Через некоторое время после этого были арестованы члены горкома С. А. Пащенко, Ф. Ф. Ревуцкий, связная А. И. Хохлова.

Настоящую охоту гиммлеровские ищейки начали и за В. И. Кудряшовым. За его голову была назначена баснословная сумма германских марок. Объявления с его портретами появились на многих улицах.

«...Как попала в гестапо фотокарточка? — неотступно мучил вопрос Кудряшова.— Ведь ту, на печатных афишах, увеличили еще с довоенной миниатюрки. Одну увезла с собой в эвакуацию жена Роза, вторая у него, а кому подарил третью — никак не мог припомнить. А возможно, изъяли негатив у фотографа, которого уничтожили в Бабьем яру еще в первые дни оккупации? Возможно. Сейчас все возможно... Надо быть поосторожнее с явками, особенно с провокаторами»...

А провокатор, который лично знал Кудряшова и принес в гестапо негатив его фотографии, уже делал свое черное дело. Целыми днями и ночами слонялся по городу этот гнусный тип в сопровождении переодетых ищеек, пока наконец не столкнулся с Кудряшовым у Соломенского моста. Когда Владимир Исидорович понял, что попался в ловушку, было уже поздно. На него набросились несколько человек, связали руки... Это случилось накануне намеченного выхода отряда из Киева.

Мужественного патриота бросили в застенки гестапо. Он знал, что выхода оттуда не будет, и держался, как подобает настоящему коммунисту-ленинцу. На допросе Кудряшов отказался отвечать на вопросы гестаповцев. А когда во время очной ставки выдавший его провокатор посоветовал не упорствовать, ибо, мол, и так уже все известно, Владимир Исидорович плюнул в глаза предателю. Тогда палачи жестоко избили подпольщика. Все его тело было изувечено, покрыто глубокими ранами и ссадинами. Товарищи по камере разорвали свое белье, перевязали ему кровоточащие раны.

Вскоре от Кудряшова пришла весточка. Его отцу Исидору Тимофеевичу какая-то девочка, даже не назвавшая своего имени, принесла письмо, написанное на лоскутке материи. Подпольщик заверял, что он выдержит пытки, не выдаст товарищей, беспокоился о жене и сыне, о родителях, призывал оставшихся на воле бороться с фашистами, сообщил фамилию предателя.

Письмо пошло по рукам подпольщиков.

Тридцать восемь дней фашисты пытали Кудряшова, но не добились от него ни слова. Вот что рассказал один из бывших заключенных, которому чудом удалось вырваться из гестаповского ада: «Когда я впервые увидел Кудряшова в камере номер 67, он был худой и бледный, ни кровинки на лице. Но внешне в самые тяжелые минуты оставался мужественным и спокойным. Мне никогда не приходилось видеть такой человеческой стойкости. До последнего своего дыхания он сохранял веру в победу над врагами».

Это подтверждает второе письмо Кудряшова, которое незадолго перед его казнью принесла та же девочка. На маленьком лоскутке рубахи герой писал: «В казематах гестапо я держал себя, как подобает коммунисту. Я умру с непоколебимой верой, что освобождение от ненавистного фашизма наступит скоро и что советский народ будет торжествовать победу. Привет всем, кто с нами работал, помогал и жил надеждой на освобождение в священной борьбе против фашизма. Передайте моему сыну Саше, чтобы он рос честным для народа и чтобы врагов ненавидел, как его отец».

Подпольщики сняли копию письма Кудряшова. По указанию Пироговского его размножили и разослали в организации. Вместе с оружием и боеприпасами подпольщики получили письмо своего отважного товарища. Читали его как клятву, как присягу на верность Родине, как мужественное завещание будущим борцам за коммунизм. А оригинал письма зашила в воротник своего платья связная Зина Сыромятникова и летом 1942 года доставила в ЦК КП(б) Украины.

Забегая вперед, хочется отметить, что сын героя с честью выполняет завещание своего отца. Окончив десятилетку и став курсантом военного училища, Александр Владимирович Кудряшов писал своей матери: «Чем чаще я перечитываю письмо, тем глубже понимаю смысл наказа отца. Сегодня я принимал присягу, и мне казалось, что приношу клятву не только на верность Родине, народу, партии, но и отцу. Его чести я не посрамлю».

* * *

Пироговскому нездоровилось. Он лежал в конспиративной квартире и напряженно думал о делах подполья. Тяжелые мысли овладели им. Один за другим выходят из строя

испытанные в борьбе боевые друзья. В начале года потеряли потомственных железнодорожников Ивана Сикорского и Георгия Левицкого. Теперь вот Кудряшова... Почти одновременно с ним гестаповцы схватили секретаря Московского райкома партии В. И. Артамонова, секретаря Октябрьского райкома И. Ф. Дудинова, секретаря Шевченковского райкома Н. С. Ухо и многих других руководителей подпольной борьбы.

Александр Исидорович был гораздо старше своего друга Кудряшова.

...Бедная рабочая семья в небольшом городке Гайсине Винницкой области. Когда Саше Пироговскому пошел одиннадцатый год, умерла мать. Через год не стало отца. Пятерых оставшихся сирот разобрали родственники. Александра и меньшего брата Гришу приютил опекун, но через несколько месяцев отдал их воспитанниками в музыкальную команду пехотного полка.

В годы империалистической войны юные музыканты Пироговские очутились в запасном понтонном батальоне, который располагался в Киеве, неподалеку от знаменитого Арсенала. В музыкальной команде этого подразделения служило немало солдат — участников революционных событий 1905 года. Они-то и рассказали Александру Пироговскому о большевиках, о Ленине, о войне, затеянной буржуазией, о земле, в которой нуждаются крестьяне...

Морозным февральским днем 1917 года возле казармы понтонного батальона остановилась большая колонна солдат и рабочих-арсенальцев. В казарму вбежало несколько человек. Приколов на груди каждому музыканту красный бант, они предложили идти на демонстрацию и стать впереди колонны. Вместе со всей командой пошел и молодой солист духового оркестра Александр Пироговский. И когда оркестр, ставший под красными знаменами, грянул «Марсельезу», ее подхватили рабочие и солдаты.

С этого времени оркестр понтонного батальона начали приглашать на все митинги и собрания, так часто проходившие в те времена в Киеве.

И другая картина вспомнилась Пироговскому. В январе 1918 года понтонный батальон первым поддержал рабочий Арсенал, восставший против буржуазной Центральной рады, которая захватила власть в Киеве. И Александр Пироговский вместе со своими товарищами, которых научили не только играть на духовых инструментах, но и оказывать

первую помощь раненым, надев на рукава повязки санитаров, пошел на баррикады перевязывать раненых красногвардейцев. А в это время в рядах рабочих Главных железнодорожных мастерских, которые с оружием в руках спешили на помощь восставшим арсенальцам, рядом со своими старшими братьями бежал черноглазый шустрый Володя Кудряшов.

...В начале 1919 года Александр Пироговский пошел добровольцем в Красную Армию, служил в прославленной Днепровской военной флотилии. Вместе с ее матросами Пироговский освобождал Киев от белополяков, участвовал в разгроме банд Зеленого в районе Триполья.

Когда краснофлотец Пироговский продолжал службу в армии, школьник Кудряшов, часто забегавший на завод, где трудились его отец и старшие братья, с любопытством присматривался к станкам и людям и все больше загорался желанием самому стать рабочим. Однажды он принес на завод обед отцу. В это время худощавый стройный парень с рассеченной бровью вдохновенно рассказывал рабочей молодежи о походах 1-й Конной армии. Володя прислушался, подошел поближе. Так произошло знакомство с вожаком заводских комсомольцев Николаем Островским...

А когда Пироговский возвратился в Киев и устроился на железнодорожном узле стрелочником, комсомолец Кудряшов учился в профессионально-техническом училище железнодорожного транспорта, потом, начав работать на заводе слесарем, вырос до мастера, начальника цеха...

«Комсомол, партия вырастили и закалили таких людей, как Кудряшов,— мысленно рассуждал А. И. Пироговский.— А фашисты передают из Киева в Берлин, что им «удалось уничтожить нелегальную партию и нелегальную комсомольскую организацию». Дураки и безумцы! Разве можно уничтожить партию, воспитавшую таких героев? Правда, в этой тягчайшей обстановке нужно реально смотреть на вещи — разгромлены горком и многие подпольные райкомы, но разве нам, оставшимся в живых коммунистам, отчаиваться, опускать руки?»

Александру Исидоровичу вспомнились слова секретаря ЦК КП(б)У М. А. Бурмистенко, произнесенные на совещании будущих подпольщиков: «На случай провала не останавливаться ни перед какими обстоятельствами, не ожидать указаний свыше, а сразу же создавать заново подпольные

группы и организации». «Да, не останавливаться ни перед чем, ни перед какими препятствиями! — как клятву, повторяет Пироговский.— Еще глубже уйти в подполье, понадежнее замаскироваться и действовать осторожно, решительно»...

Посоветовавшись с уцелевшими членами райкома, А. И. Пироговский немедленно приступил к организации подпольной работы в других районах города.

«Вскоре после прокатившихся гестаповских арестов,— вспоминает подпольщик Г. С. Куцан,— среди нас опять появился П. Н. Калач.

— Не унывайте, товарищи, подпольный центр действует,— бодро сообщил связной и, улыбаясь, вынул из тайника листовки.— Вот вам от него подарок».

Через несколько дней фашисты схватили связного. Кадровому рабочему Калачу они придумали чудовищную казнь. Вместе с двумя другими арестованными его привезли к Бабьему яру, поставили у куста, облили бензином и подожгли...

Сообщая об этом на очередном совещании подпольщикам, Пироговский говорил взволнованно:

— Фашистские палачи стараются сжечь не только наши города и села, но и людей. Однако настоящих советских патриотов, таких, как Кудряшов, рабочий Калач и тысячи им подобных, не запугать никакими пытками, не сжечь в огне. Когда-то, в юношеские годы, мне пришлось услышать древнюю легенду о неопалимой купине — чудесном, горящем, но никогда не сгорающем кусте терновника. Такой неопалимой купиной мне сейчас кажется наше подполье, наш изувеченный фашистскими варварами, но непокоренный Киев, вся Украина, пылающая неугасимым пламенем всенародной борьбы. И это пламя испепелит гитлеровских завоевателей!

Да, борющаяся Украина действительно напоминала тогда беспрерывно клокочущую огнем неопалимую купину. Из тяжких мучений и крови народной, из руин и пепла, из огня сердец тысяч борцов рождалась победа. Вместо одной разгромленной подпольной организации возникали десятки новых, вместо погибшего патриота вставали сотни его братьев по борьбе.

Особенно оживилась работа подпольщиков, когда в Киев прибыли связные ЦК КП(б) Украины Надежда Шейко и Зина Сыромятникова. Одобрив действия Железнодорожного

подпольного райкома, Центральный Комитет требовал усилить работу по укреплению существующих и созданию новых подпольных организаций, диверсии на путях сообщения и предприятиях, помогать партизанам оружием, боеприпасами и медикаментами, создавать боевые резервы, всей своей деятельностью поднимать народ на активную помощь Красной Армии.

Железнодорожный райком во главе с Пироговским оперативно организовал подпольщиков на выполнение этих указаний. Были созданы и утверждены на заседании райкома первичные подпольные организации на судоверфи, в больнице на Воздухофлотском шоссе, на железнодорожном и водном транспорте, на ТЭЦ и КРЭС, на фирме «Ганибек», на заводах имени Первого мая, «Ленинская кузница», «Транссигнал», кабельном и на многих других предприятиях. Усилили свою деятельность организации и группы, уцелевшие во время массовых репрессий в начале лета 1942 года. Члены Железнодорожного райкома подобрали людей во вновь возрожденные райкомы партии. К началу 1943 года в Киеве уже действовало около семидесяти подпольных партийных организаций и боевых групп, объединявших сотни самоотверженных бойцов невидимого фронта.

Наиболее широко развернула свою деятельность подпольная организация на Чоколовском лесозаводе имени Первого мая, организованная А. И. Пироговским. Члены этой организации М. В. Блюков, Б. Г. Жембровский, П. И. Коротков, А. Т. Малойчин, А. С. Малышов, И. Ф. Мосейчук, Л. Я. Фещук и другие проводили диверсионную работу не только на лесозаводе, но и на Жулянском аэродроме, в бывшем совхозе «Совки», в мастерских сельскохозяйственного института. Большое постоянное внимание организация уделяла агитационно-массовой работе, распространению листовок, сообщений Совинформбюро, приказов Верховного Главнокомандующего.

Образцом бесстрашного и неутомимого агитатора был член этой организации беспартийный патриот, учитель истории и незаурядный поэт Н. Е. Могильный, подписывавший свои листовки кличкой Микола Киевский. Сперва Могильный действовал в одиночку. А в марте 1943 года с ним познакомился Пироговский и привлек его в подпольную организацию лесозавода. Пламенный поэт-агитатор написал много листовок и воззваний, 16 антифашист-

ских брошюр тиражом 250 экземпляров. Их быстро распространяли среди киевлян члены организации.

Чаще всего листовки писались в стихотворной форме. С особенной силой и жгучей ненавистью Микола Киевский клеймил украинских буржуазных националистов — верных псов германского фашизма. Вот одна из листовок, написанная рукой этого отважного патриота.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Смерть немецким оккупантам!
Украина будет советской!

Товарищи киевляне! Фашистская газета «Нове українське слово» известна среди вас как насквозь лживая газета, утратившая веру даже среди старательных фашистских чоботолизов. Главные борзописцы этой газеты — профессор Штепа и доцент Дудин.

Есть у Києві писака:
Він брехливий, як собака,
Жалюгідний недотепа,
Ім'я рек — професор Штепа.
Трохи меншої породи,
Однії ж буде вроди:
Ім'я рек цій чуді —
Запроданець Дудін.

Прочитай и передай товарищу! Микола Киевський».

Микола Киевский был не только агитатором, но и смелым связным. По заданию Железнодорожного райкома он несколько раз пробирался в Киевский партизанский отряд, а также осуществлял связь с другими подпольными организациями. В июле 1943 года Микола погиб смертью храбрых при выполнении очередного боевого задания.

Немало хороших дел было на счету и у членов второй подпольной организации, действовавшей в районе Чоколовки,— «Киевский рабочий». Подпольщики изготовили стеклограф, на котором систематически массовым тиражом печатали листовки «Советская Украина». Ответственным за выпуск листовок был комсомолец В. Е. Токарев. Инвалид, потерявший обе ноги, он стойко переносил все тяготы и лишения; воззвания и сводки Совинформбюро всегда выходили вовремя. Большую помощь в этом оказывал мужественному подпольщику его отец — простой рабочий Е. П. Токарев.

В этой организации активно работал, выполняя различные поручения, самый младший ее участник — одиннадцатилетний связной Женя Вихрович. Особенно он отличался в распространении листовок.

Известны и другие имена юных участников киевского подполья. Это двенадцатилетний Володя Федоров, боевая связная Подольского райкома партии пионерка Тамара Билян, шестнадцатилетний связной горкома партии Саша Казак.

В партийных документах о деятельности подпольных организаций зафиксировано множество фактов, когда подпольщикам помогали всем, чем могли, целые семьи простых советских людей. Примером в этом может служить рабочая семья Ярых. Ежечасно рискуя жизнью, Иван Карпович и его жена Евдокия Никитична Ярые с первого и до последнего дня оккупации содержали штаб-квартиру подпольщиков, доставали для них продукты питания, ремонтировали одежду и обувь, выполняли много самых ответственных поручений подпольного центра.

От своих смелых родителей не отставал и их шестнадцатилетний сын Николай. Будучи на вид взрослым и хорошо владея немецким языком, он по заданию А. И. Пироговского устроился на работу в организацию оккупантов, обслуживавшую аэродромы, и целыми партиями доставал там оружие, боеприпасы, обмундирование, добывал ценные разведывательные сведения. А когда на землю опускалась ночь, отважный комсомолец вместе с партизанами Кудряшова и Пироговского ходил на выполнение боевых заданий.

Однажды после исчезновения со склада большой партии оружия фашисты схватили юного патриота и осудили на вечную каторгу. Но по дороге в Германию Николай бежал и присоединился к житомирским партизанам. В 1944 году в одном из жестоких боев Николай Ярый погиб смертью героя.

Так же как Ярые, всю себя отдала борьбе и семья старого коммуниста В. Д. Шишкина. Выполняя самые опасные поручения А. И. Пироговского, Шишкин втянул в подпольную работу свою жену Любовь Васильевну, дочь комсомолку Виту и сына пионера Игоря, которые на протяжении всей оккупации отлично справлялись с обязанностями связных Железнодорожного райкома и многих партийных подпольных организаций.

Ожидавшие скорого освобождения киевляне замечали, что с аэродрома группами поднимаются самолеты и уходят на восток. Причем эти самолеты ниоткуда не прилетали, они словно вырастали из зеленого поля аэродрома.

Изучив донесения подпольщиков, сопоставив факты и свои наблюдения, Пироговский пришел к выводу, что самолеты прибывают в Киев в разобранном виде, отправляются на склад, а оттуда поступают на аэродром, где их собирают. Посоветовавшись с руководителями подпольных групп железнодорожного узла и высказав им свое предположение, он поставил задачу обнаружить склад с частями самолетов и уничтожить его.

— Особенно советую обратить внимание на старое здание склада на пустыре возле Телички, — обратился Пироговский к представителю подпольщиков, действовавших на станции депо Киев-Московский.— Это, так сказать, на вашей территории. Склад как будто бы пустой и заброшенный, но почему-то усиленно охраняется.

На ноги были поставлены все члены подпольной организации, даже их дети. Через некоторое время наблюдатели донесли, что склад бывает мертвым лишь днем, а ночью он оживает: там до самого рассвета копошатся солдаты, приходят и уходят крытые грузовики. Но что там делается, обнаружить трудно, так как на каждом углу ограды и у ворот стоят часовые, а между ними курсируют патрули.

— А ну-ка, ребятки, погуляйте на пустыре, посмотрите, что там за оградой складывают, — попросил своих сыновей живший невдалеке подпольщик Георгий Андреевич Тоичкин.

Ребята несколько дней шныряли по пустырю, рвали бурьян для кролей, собирали всякий хлам. Они познакомились, а потом и «подружили» с одним пожилым охранником, который при удобном случае, по-видимому вспоминая своих детей, угощал их. Ребята уже точно знали, когда будет дежурить их знакомый, и смело шли к складу.

Однажды дети Тоичкина прибежали домой возбужденные.

— Папенька, узнали! — радостно закричал меньший.

— Что узнали?

— На складе хранятся пропеллеры!

— Не только пропеллеры, но и моторы, крылья и другие части для самолетов, — добавил старший.

Ребята были правы. Таинственный склад оказался авиационным. И когда вскоре после этого открытия наша авиация сделала ночью налет на военные объекты в Киеве, Георгий Тоичкин бросился на пустырь. Вокруг было видно как днем от повисших осветительных ракет, часовые попрятались в укрытие. Георгий приблизился к складу, притаился в овражке и торопливо начал давать сигналы электрическим фонариком. Самолеты гудели над головой. Стреляли зенитки, строчили пулеметы.

«Неужели не заметят?» — волновался подпольщик. Но вот через несколько минут самолеты пронеслись почти над головой и зашли вторично. Раздался пронзительный свист, а потом один за другим оглушительные взрывы. Вздыбилась земля, в разные стороны полетели деревянные обломки, куски железа. Две крупные бомбы угодили прямо в здание склада.

Самой значительной из всех операций подпольщиков был взрыв железнодорожного моста на Днепре, мастерски произведенный днем на глазах у многих советских людей. Нарастающие и с каждым днем усиливающиеся боевые действия киевских подпольщиков и партизан укрепляли в сердцах людей веру в скорое освобождение от гитлеровского ига, приближали час окончательной победы над врагом.

* * *

Доблестные советские войска, освобождая украинскую землю от фашистской нечисти, в сентябре 1943 года широким фронтом от Лоева до Запорожья вышли к Днепру, во многих местах с ходу форсировали могучую реку и начали подготовку к битве за Киев.

Киевские подпольщики во главе с А. И. Пироговским все свои усилия направляют в это время на всемерную помощь советским воинам. Разведывают вражескую оборону, ведут активную пропаганду среди венгерских и итальянских частей противника, проводят советских бойцов в тыл гитлеровцев, передают в наши штабы сведения о скоплениях фашистских войск в районах Киева. Особое внимание райком партии обращает на вооружение подпольщиков и формирование новых партизанских отрядов.

...Осенней ненастной ночью двадцать человек во главе с А. И. Пироговским, переодетые в немецкую форму, шли откапывать спрятанное оружие. Тайник находился в саду

невдалеке от артиллерийского училища и был известен одному лишь Александру Исидоровичу. Откопав восемнадцать винтовок и несколько ящиков с патронами, патриоты двинулись в обратный путь. Осторожно пробирались глухими переулками. Вдруг в густой тьме послышалось:

— Стой! Кто идет?

Планируя операцию, Пироговский предвидел такую встречу. Поэтому в ответ на окрик хорошо владевший немецким языком партизан уверенно ответил по-немецки:

— Идет охрана города!

Удовлетворенные ответом, гитлеровцы пропустили партизан, и они к утру были уже на своей базе в Голосиевском лесу.

Советские воины с каждым днем приближались к Киеву. Уже были освобождены Дарница, Труханов Остров... Под вечер 30 октября Пироговский забежал на конспиративную квартиру на Садовой, передал для связных указания и, наскоро перекусив, направился к двери.

— Вы никуда бы не ходили, Александр Исидорович, — умоляющим голосом остановила его у порога хозяйка квартиры Ярая. — Весь город наводнен гитлеровцами. Поберегите себя, ведь не сегодня-завтра придут наши. Не хотите здесь ночевать — я сведу вас в более надежное место, в землянку к родственникам...

— Вы что же, Евдокия Никитична, думаете, что меня здесь оставили в землянках сидеть? — возбужденно отозвался всегда тихий и неторопливый Пироговский. — Нам сейчас надо, как никогда, гитлеровскую банду громить! — и, тихо приоткрыв дверь, скрылся, словно растаял в ночной мгле.

Сердце Евдокии Никитичны в каком-то нехорошем предчувствии сжалось от боли.

Той ночью, за несколько дней до окончательного освобождения, гестаповцы схватили Пироговского и 5 ноября расстреляли его на окраине города.

6 ноября 1943 года, в канун 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, над Киевом заалело знамя Победы. Непокорившиеся жестокому врагу киевляне со слезами радости на глазах встречали своих освободителей. В этот день друзья и соратники по борьбе нашли на окраинной Полевой улице труп секретаря подпольного Железнодорожного райкома партии А. И. Пироговского. Все его тело было изувечено во время пыток...

Вот об этом беспримерном подвиге несгибаемых коммунистов, верных сынов Страны Советов В. И. Кудряшова и А. И. Пироговского, которым Указом Президиума Верховного Совета СССР посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, о величии и бессмертии их духа постоянно напоминает людям четвертая мемориальная доска у входа в Киевский электровагоноремонтный завод.

Трудящиеся Киева, города-героя, где боевая слава переплелась со славой трудовой, свято чтят память борцов, отдавших свою жизнь за счастье народа. Имена В. И. Кудряшова и А. И. Пироговского присвоены двум новым улицам. Имя Героя Советского Союза В. И. Кудряшова присвоено также городскому профессионально-техническому училищу железнодорожного транспорта № 17. В Железнодорожном районе одна из новых площадей между улицами Урицкого и Толстого названа площадью Героев подполья.

Б. Тагунов,
бывший командир Волоколамского партизанского отряда № 1

В ПОДМОСКОВНЫХ ЛЕСАХ

(О Кузине И. Н.)

Первая встреча

На дальнем посту, у развилки грунтовых дорог, что вели к деревне Таксино и хутору Яшки, стоял часовым Иван Михайлович Чубатый. Чубатый — это прозвище, а настоящая фамилия — Белов. Это был человек лет сорока, небольшого роста и с несоразмерно длинными руками. Мало кто в партизанском отряде мог сравниться с ним в силе.

Ночь выдалась холодная. Чубатый сильно промерз. Под утро чуть потеплело, а когда пригрело солнце, его потянуло ко сну. «Надо покурить, — решил он, — сон разогнать, а там, гляди, и смена придет». Иван сел на пенек, прислонился спиной к дереву, вынул кисет, задумался о чем-то и... задремал. Вдруг сквозь дрему он услышал мелодию знакомой песни:

Молодые капитаны
Поведут свой караван...

Песня сперва звучала глухо, чуть слышно, потом стала

приближаться, и вот она совсем близко, рядом с ним. Чубатый открыл глаза и, пораженный, вскочил на ноги. Перед ним, улыбаясь, стоял молодой парень, невысокого роста, в синей ватной куртке, в сапогах и в шапке-ушанке.

— Стой! — крикнул Чубатый и, попятившись назад, поднял винтовку.

— Давно стою, папаша, песни тебе пою, а ты спишь. Да ты не волнуйся, я свой. Ты партизанский часовой, наверно? Придремнул малость? Ничего, я не скажу твоему командиру. На вот бумагу-то, почитай. Двое нас, вон еще мой кореш, Костя.

К посту приближался еще один молодой человек в гражданской одежде. Чубатый пригляделся к обоим повнимательней. В голосе стоявшего перед ним парня было столько дружелюбия, во взгляде серо-голубых глаз столько спокойствия и какой-то детской наивности, простоты, что он тоже попробовал улыбнуться.

— Положи документ на пень, а сами отойдите вон туда, на тропку, и не шевелитесь, — приказал Иван. — У нас такой порядок установлен.

— А если мне в ухо муха заползет? Терпеть? — с улыбкой спросил первый незнакомец.

— А то как же? — в тон ответил Белов.

В документе сообщалось, что минеры-подрывники Кузин Илья и Кофман Константин командируются в Волоколамский и Лотошинский районы в распоряжение партизанских отрядов для прохождения службы...

Прибытие саперов меня и моих помощников здорово обрадовало. До сих пор в отряде только два человека прилично знали подрывное дело.

— В нашем полку прибыло! — радостно воскликнул начальник штаба А. Д. Слепнев.

— Вот это подарок! — отозвался комиссар отряда В. П. Мыларщиков.

Прибывшие представились мне по всей воинской форме. После короткого разговора я сказал ребятам, что ночевать они будут в штабной землянке, а сейчас могут пойти пообедать.

Впечатление, которое произвел при первой встрече Илья Кузин, было для него невыгодным. Ростом не удался — ниже среднего, фигурой неказист. Рядом с Костей Кофманом, высоким, атлетически сложенным юношей, он казался в полумраке землянки подростком. Однако мнение мое

поколебалось, когда Илья толково и ясно доложил о том, кто они, кем и куда посланы. Чувствовалось, что этот совсем еще молодой человек многое видел в жизни, многое испытал, держался с достоинством, спокойно, уверенно. Да и внешность его преобразилась, как только он разделся, отогрелся, оттаял у печки. Я видел уже не узкоплечего и хрупкого подростка, а плечистого, с крепкой грудью, с бугристыми бицепсами на руках парня. Было ему тогда двадцать два года. Лицо Ильи не выделялось ничем, но располагало с первого знакомства. В тоне разговора с нами, новыми для него партизанскими начальниками, чувствовалась твердая самостоятельность и трезвость высказываемых мыслей.

Передо мной сидел человек с чистой душой и, несмотря на свою молодость, с цельным, сложившимся характером, с непреклонной верой в правоту борьбы, которую вел советский народ. С любовью говорил Илья о своей военной специальности.

Вот ведь как может подвести первый взгляд на человека.

Весть о том, что пришли люди, которые партизанили в смоленских лесах, быстро распространилась по лагерю. Вечером в штабную землянку собралась наша молодежь посмотреть на бывалых людей и послушать их.

У нас в отряде был заведен такой порядок: каждый вновь прибывший рассказывал о своем прошлом. С комиссаром Мыларщиковым и начальником штаба Слепневым мы решили оставить у себя Кузина. Поэтому я и предоставил ему первому слово. Вот что мы узнали об Илье Николаевиче в этот вечер.

...Родился он в 1919 году в деревне Санниково Конаковского района Калининской области. Все детские годы были связаны с Волгой. С пяти лет научился плавать, в семь лет — ловить рыбу. К двенадцати годам стал неутомимым гребцом и мастерски управлял лодкой. Мечтал стать таким же ловким и сильным волгарем, каким был его старший брат Николай, тогда работавший бакенщиком на Волге. С малых лет покорила Волга Илью и, конечно, наложила свой отпечаток на его характер.

С рождением Московского моря мечты Кузина изменились. Он поехал в Ленинград поступать в школу капитанов дальнего плавания. Но медицинская комиссия поставила заслон. В детстве Илья упал с крыши и повредил

правую ногу. Легкая хромота осталась на всю жизнь. Кузин не пал духом. Менее строгими оказались члены комиссии речного техникума. За год до войны Илья получил диплом о его окончании. Работал штурманом и помощником капитана на пароходе «Мария Виноградова», который плавал по каналу имени Москвы. Вступил в комсомол. На канале и застала его война.

Несмотря на то что с воинского учета он был снят, Кузин пришел в райвоенкомат с просьбой отправить его на фронт. Но медицинская комиссия забраковала подчистую. Не мог Илья согласиться с отказом. Гитлеровские войска быстро продвигались. Любимый красавец канал стал казаться узкой клеткой, из которой вроде и нельзя вырваться.

Однажды Кузин узнал, что московская комсомольская организация объявила набор для пополнения рядов партизан и подпольщиков. Здесь ему не отказали, а послали на курсы подрывников. Учился добросовестно. Перед отправкой за линию фронта повстречал райвоенкома.

— Теперь я согласен с вашими словами, — сказал ему Кузин, — буду действовать в тылу, только не в своем, а в тылу врага. Поздравьте, товарищ военком: окончил саперные курсы. Два брата моих уже сражаются с фашистами на фронте. Возьмем врага в клещи.

Военком, ветеран гражданской войны, похвалил:

— Молодец, Илья, я бы тоже на твоем месте так поступил. Там такие, как ты, ох как нужны!

Прощаясь, военком обнял его и пожелал всяческих успехов.

Настал день, и Кузин с группой комсомольцев столицы перешел линию фронта. Влились в один из партизанских отрядов недалеко от Смоленска. Приняли их с радостью. Делал то, что делали все. Вместе с товарищами совершил несколько диверсий на железнодорожной магистрали, по которой идет снабжение группы вражеских войск «Центр».

Крупным успехом группы, которую возглавлял Кузин, был взрыв железнодорожного полотна на протяжении трехсот метров. За эту операцию получил благодарность от командира. Целый немецкий батальон в течение недели восстанавливал дорогу. Вскоре опять он пошел с товарищами на эту дорогу. На этот раз им удалось пустить под откос эшелон с гитлеровцами.

В конце октября Кузина срочно вызвал командир:

— Вот, Илья, есть одно трудное дельце. Смотри на карту. Здесь деревенька, в ней немцы. Здесь хутор, в хуторе большой склад боеприпасов. Охраняет его рота гитлеровцев. Восточнее хутора — заболоченный лес. Только оттуда и можно подойти к хутору. Вдоль леса тянется шоссе. Надо уничтожить охрану вместе со складом. Отходить придется тем же путем. Даю тебе под команду усиленный взвод.

В сумерки вышли. Трудна была дорога, шли на ощупь. Через ямы, кочки, бурелом, иногда по пояс проваливались в холодную жижу. Но вот кочки и ямы позади. Вступили на твердый берег. Где-то рядом хутор. Илья выслал трех разведчиков. Остальные присели. Прошло не более пяти минут. Вдруг совсем рядом началась стрельба. Вверх полетели ракеты. Разведчики побежали обратно.

— Что там? — спросил Илья.

— Напоролись, прямо на охрану вышли, слишком вправо забрали.

Кузин повел партизан к шоссе. Немцы заметили их и ударили из минометов. Пришлось повернуть к болоту. По горло в воде, теряя силы, едва успели до рассвета добрести до островка, заросшего камышом и редким ивняком. Здесь партизан застал рассвет. Сидели весь день. На другую ночь опять штурмовали болото. У Кузина совсем отказала больная нога. Товарищи вынесли его на руках. Затем отправили на Большую землю. Отлеживался недолго. После госпиталя зашел в Московский комитет комсомола, где и получил путевку в наш отряд.

Не каждому бойцу удавалось быстро войти в коллектив отряда. Иногда этот процесс затягивался. На войне дружбу товарищей языком не приобретешь. Ее нужно заслужить честным ратным трудом.

Подрывник Кузин как-то сразу сдружился с партизанами. Казалось, что он не новичок в отряде. Я также проникся к нему доверием с первого дня.

Борьба продолжается

...Еще до рассвета меня разбудил часовой:

— Товарищ командир, немцы больно здорово шумят, вы велели разбудить в случае чего.

Я оделся, вышел из землянки. Было около четырех часов утра, самая глухая пора осенней ночи. Небо на западе и северо-западе светилось переливающимся неверным

светом, как будто там, далеко, бушевали пожары. В воздухе стоял сплошной гул. До передовой было километров двенадцать — пятнадцать. Линия фронта тянулась вдоль неширокой, но полноводной и глубокой реки Ламы. До ее левого берега дошла немецкая армия во время октябрьского наступления на Москву. Я имел связь с передовыми подразделениями наших частей, расположенных в районе действий отряда, знал о готовящемся ноябрьском наступлении немцев, потому мне был ясен смысл артиллерийской стрельбы. Значит, немцы перешли в наступление. Интенсивная орудийная пальба продолжалась весь остаток ночи, а с рассветом гул выстрелов передвинулся к востоку. Вероятно, противник перенес огонь в глубину нашей обороны и форсирует Ламу. Часам к десяти стрельба переместилась еще дальше, и я понял, что Ламу враг перешел, бой перекинулся в соседний, Высоковский район. Все население лагеря высыпало из землянок и напряженно вслушивалось в происходящее на передовой.

Неподалеку от лагеря с западной стороны послышался новый шум. Казалось, что там началось движение каких-то механизмов. Шум этот то нарастал, то стихал, но совсем не прекращался. Я заглянул в штабную землянку. Там застал Мыларщикова, Слепнева и разведчика штаба Черноусова. Они что-то «колдовали» над картой. Я присоединился к ним. Пока мы думали, что делать дальше, в землянку вошли представители подпольного окружкома партии Щербаков Михаил Петрович и Кидин Александр Николаевич. Мы обрадовались. Я вкратце доложил обстановку и передал слово Черноусову.

— Километрах в трех от лагеря, — заговорил Черноусов, — проходит зимняя дорога, называемая Свистуновской. Она идет напрямик через болото и является кратчайшим путем из Лотошинского района в Высоковский. Дорога эта соединяет деревню Грибаново Лотошинского района с деревней Свистуново Высоковского района. По ней немцы могут выйти в тыл нашим частям, обороняющим «пяток» [1]. Как известно, где нет кошки, там резвятся мыши. Нам надо показать немцам, что и в лесу есть кошки.

После обмена мнениями решили выслать две разведки: одну на север, в сторону «пятка», чтобы уточнить линию

---

[1] Пять деревень Высоковского района.

фронта, вторую — в сторону Свистуновской дороги. Первую задачу я взял на себя, прихватив Ткаченко. Вторую — Кидин, Щербаков, Мыларщиков, Слепнев и Кузин. Провести вызвался Слепнев. Он взял с собой карту и компас. При движении к дороге карта не потребовалась: шли прямо на шум. По мере приближения все явственней стал различаться звук автомобильных моторов и мощный рокот не то тягачей, не то танков.

Наконец вот она, дорога. Непроезжая летом, она после сильных морозов последней недели могла выдержать любой вид транспорта.

Прокравшись в густой ельник, партизаны утвердились в своих предположениях. Сплошным потоком по дороге двигался немецкий транспорт. Были тут и грузовики с военным имуществом, и крытые автомашины с солдатами. Чтобы лучше рассмотреть, что за грузы везут фашисты, Слепнев и Кузин залегли почти у самой дороги. Немцы чувствовали себя вне опасности, весело перекликались, распевали песни. Над дорогой висел непривычный для этого векового леса чужой многоголосый гам, металлический лязг и грохот. Этот хаос звуков сверлил уши, отдавался в груди, вызывал чувство бессильной злобы и тоски. Слепнев невольно брался рукой то за гранату, то за наган.

— Дорогу надо заминировать, и немедленно, возможно, даже в ближайшую ночь, — сказал Щербаков.

Группа двинулась обратно.

Мой поход с Ткаченко тоже вполне увенчался успехом. Уточнив линию фронта, мы с Ткаченко с помощью местных активистов узнали месторасположение большого немецкого склада боеприпасов.

«Надо рассчитаться»

Еще до моего прихода комиссар и начальник штаба составили группу для проведения операции на Свистуновской дороге. Склад боеприпасов, о котором мы с Ткаченко узнали, располагался вблизи этой дороги. Поэтому я предложил совместить эти две операции.

— Товарищ командир, — вмешался в разговор молча сидевший в углу землянки Кузин, — разрешите мне взорвать склад. Верите, в Смоленске не успел осуществить такую операцию. Надо рассчитаться. Дайте мне еще двоих,

да вот Костя пойдет со мной, ему, кажется, по пути — в Лотошинские леса здесь ведь дорога.

Честно говоря, я и думал послать на это задание Кузина.

С Ильей пошли подрывник Потапов, Костя Кофман и Чубатый. Последний не без гордости заявил, что первый познакомился с Ильей и первый хочет ударить с ним по немцам.

К месту прибыли перед рассветом. Подул теплый южный ветерок, почва отмякла, лист не шуршал под ногами. С рассветом ветер усилился, в лесу стало шумно.

Неслышно подобрались к большой круглой поляне, в середине которой высились какие-то нагромождения, покрытые брезентом. Это был, видимо, временный склад. Осмотрелись. Склад охранялся двумя часовыми. Они двигались от края поляны к складу, в центре сходились и обратно следовали опять поодиночке. Кузин думал недолго:

— Ты, Чубатый, берешь левого часового, так, чтобы не пикнул. Ты, Костя, — правого. Твоя задача — до смерти не бить, «язык» нужен. Ясно? В охапку его и в лес, силы у тебя хватит. А мы с Потаповым складом займемся.

Чубатый и Кофман поползли. У конца тропки, по которой ходил часовой, рос небольшой можжевеловый куст. К нему-то по-пластунски пробирался Чубатый.

Страха у него не было, был азарт да злоба на подлого врага, оторвавшего его, домовитого хозяина, от семьи, от любимой работы, от своего дома, сада, где в густом вишеннике (Белов частенько вспоминал об этом) стоял стол — прибежище задушевных, приятельских бесед за чашкой чая. Ползти можно было, только когда часовой шел к складу. Когда он возвращался, Чубатый замирал, приникнув к земле. Вот и куст. Эх, только бы Костя не наделал шума с «языком».

Чубатый присел на четвереньки. Часовой подошел вплотную к самому кусту и, ничего не подозревая, повернул обратно. Чубатый вскочил и обрушил на фашиста страшный удар...

Не так гладко получилось у Кости. Он решил напасть у края склада из-за ящиков. Обойдя лесом поляну, Костя пополз. Сначала все шло хорошо. До склада осталось каких-нибудь пятнадцать шагов. Вдруг под его коленкой хрустнул сучок. Костя замер, тело обдало волной жара.

Часовой остановился, посмотрел в сторону звука и, взяв автомат наизготовку, нерешительно направился обратно. Шаг, два, три — и немец увидел партизана, притаившегося за бугорком. Костя похолодел. Вот она смерть, неожиданная, бесславная, глупая. В отчаянной решимости он вскочил и бросился на часового. Тот поднял автомат и, не целясь, спустил курок... Но вместо выстрела прозвучал глухой металлический стук. Осечка! Костя не сразу пришел в себя. Часовой воспользовался секундной паузой, бросил автомат и кинулся со всех ног по тропинке, оглашая лес криком. Он бежал так быстро, что Костя понял: не догнать. Догнала фашиста граната, ловко брошенная партизаном.

Костя остановился, в этот миг сзади что-то ослепительно вспыхнуло и одновременно раздались раз за разом два пронзительных свистка — сигнал быстрого выхода из боя. Обернувшись, он увидел, что в центре поляны разгорался гигантский костер. В складе оказались канистры с бензином, ими и воспользовались Кузин и Потапов.

В глубине леса сошлись. Огонь, видимо, подобрался к ящикам с боеприпасами — начались взрывы. Мощное пламя вздымалось все выше и выше.

Движение немецких войск по Свистуновской дороге надолго прекратилось.

Позже нам стало известно, что группа Кузина уничтожила на складе около 350 тысяч винтовочных патронов, 100 авиабомб, до 300 артиллерийских снарядов, 30 ящиков с гранатами, несколько тонн бензина и другое военное имущество.

Характер

Авторитет Кузина рос и креп изо дня в день. К его чести, сам он об этом совершенно не заботился. Красноречием Илья не обладал, о подвигах своих распространяться не любил. Прост был в обращении с товарищами, неутомим в труде. Я редко видел Кузина без дела. Он обязательно чем-то занимался. Возился ли он с минами, чистил ли оружие, беседовал ли с неопытными партизанами — по лицу его блуждала чуть заметная улыбка.

На заданиях Илья преображался. Предельная сосредоточенность, точный расчет, никакой растерянности. Не так уж много было в отряде людей, которым бойцы спешили

подражать. Среди этих немногих был Илья Кузин. Начальник штаба Слепнев, комиссар Мыларщиков (бывший секретарь Волоколамского райкома партии) и я при разработке операций внимательно выслушивали мнение Ильи Николаевича. Конечно, не всегда его мнение было решающим и безупречным. Но факт остается фактом: Кузин подходил к выполнению любой задачи с полной ответственностью.

Пусть не поймет меня читатель так, будто комсомолец Кузин всегда действовал безошибочно. Война не таблица умножения. Сплошь и рядом она задает чертовски сложные головоломки, на разгадку которых отпускает считанные минуты, а порой и секунды. Как же тут не ошибиться?

Да, Кузин ошибался, но редко. Выручали природная сметка, самообладание, умение сдерживать себя от необдуманных шагов.

Порой казалось, что чувство страха ему было неведомо. Приходилось слышать и такое, что Кузин нередко отдается во власть слепой отваги. Но если быть объективно точным, то надо сказать: свои действия Илья подчинял точному расчету, быстро реагировал на изменения обстановки, стремился во что бы то ни стало выполнить задание. Имя Кузина знали и враги.

Успехи группы Кузина воодушевляли партизан других взводов. В отряде развернулось настоящее соревнование: кто нанесет врагу больший урон. Ежедневно на наших минах подрывалось несколько фашистских машин, гибли вражеские солдаты и офицеры. Конечно, соревноваться с комсомольцами было нелегко. Наши парни буквально рвались в бой. А об их вожаке и говорить нечего.

Подмосковные партизаны отдавали все силы тому, чтобы вместе с частями Красной Армии остановить, обескровить, а затем и разгромить врага на подступах к столице.

Через несколько дней немецкие войска взяли город Клин. Наш отряд оказался в глубоком тылу.

Перед уходом из отряда работники окружкома партии Щербаков и Кидин приказали собрать командиров подразделений и наиболее опытных партизан. Беседа была короткой.

— Товарищи! — начал Михаил Петрович Щербаков. — Обстановка усложняется. Никогда не забывайте: за вами Москва — сердце нашей Родины. Я хочу напомнить вам слова листовки, выпущенной Московским комитетом партии:

«Никогда фашистам не удастся сломить волю народов, которые временно попали в их лапы. Никогда не станут рабами народы, которые изведали свободную жизнь. Мужественный отпор дает советский народ гитлеровским разбойникам... Все сильнее разгорается и с каждым днем должно усиливаться пламя партизанской войны.

Советские партизаны!

Разверните борьбу с немецкими захватчиками, беспощадно истребляйте живую силу вражеской армии, уничтожайте немецкие танки и автомашины, взрывайте мосты и дороги, нарушайте пути подвоза боеприпасов и продовольствия, рвите телефонную и телеграфную связь врага, поджигайте склады и обозы немецких захватчиков».

Затем заговорил Александр Николаевич Кидин:

— Ваша первейшая задача — срывать снабжение немецких войск, имеющих целью охват Москвы с севера. Не давайте фашистам ни дня передышки.

Исходя из этого указания, командование отряда в каждом подразделении создало группы из пяти-десяти человек, которые ежедневно наносили удары по гитлеровцам в радиусе до тридцати-сорока километров.

Комсомольцы сформировали свою постоянную дружину во главе с Ильей Кузиным. В нее вошли секретарь комсомольской организации Владимир Беденко, Евгений и Сергей Бриллиантовы, Евгений Щучкин, Николай Краюшкин и Александр Краснов. К группе молодежи примкнул партизан средних лет Василий Васильевич Филимонов. Он стал помощником Кузина по подрывному делу. И характер у Василия Васильевича был под стать молодежи, такой же горячий. Комсомольское подразделение в дальнейшем оправдало наши надежды.

Однажды группе Кузина дали важное задание.

По сведениям разведчиков, в деревнях Свистуново и Глухиново в ожидании горючего скопилось около трех десятков немецких машин. Решено было не дать им заправиться.

С вечера все приготовили для похода. В пять часов утра разбудили Кузина. Потягиваясь и позевывая, Илья сел к столу, внимательно еще раз со Слепневым обсудил характер задания, наметил маршрут. Через полчаса группа выстроилась около центральной землянки. Крепкий мороз быстро согнал сон. Бодрые шутки, приглушенный говорок. Смеялись над прожженным во многих местах и не по росту

коротким халатом Жени Бриллиантова, над очками Володи Беденко — прежде чем стрелять в немцев, он их протирает рукавицей, над большим носом Жени Щучкина — он его, когда лежит в засаде, прячет в снег, чтобы не отморозить.

Я подошел к ребятам, убедился, что задача всем ясна, дал команду — в путь.

Заскрипели лыжи. Комиссар проводил группу до заставы.

В назначенное место партизаны пришли задолго до рассвета. Залегли среди кустов у дороги. Несколько часов лежали в снегу. Наконец разведчики доложили о приближении трех автоцистерн. Быстро поставили мины в заранее заготовленные ямки. Первой подорвалась головная машина. Объезжая ее, попала на мину вторая. Залп бронебойно-зажигательными пулями поджег третью... Горят машины, горит снег, горят водители. Далеко на многие километры виднелось огромное зарево. Партизаны скрылись в глубине леса.

В дальнейшем ни одна из попыток немцев подвезти горючее по этой дороге не увенчалась успехом. Группа Кузина стойко выдерживала характер.

«Отомстим за Таню!»

В начале декабря в лагерь пришел секретарь подпольного окружкома Анатолий Григорьевич Жуков. Не торопясь, он обошел все землянки, по-хозяйски осмотрел склады, кухню, расспросил нас, командиров, про дела и планы, поговорил с рядовыми бойцами. Потом велел собрать нашу молодежь. В этот день мы впервые услышали о подвиге партизанки Тани в деревне Петрищево. Говорил Анатолий Григорьевич спокойно, тихо, без громких слов, изредка поглаживая свою черную бородку. Но спокойный тон давался ему нелегко. Рассказ подействовал на присутствующих вдохновляюще. Иначе не могло и быть. Ведь речь шла о героической гибели юной комсомолки, о подвиге, в котором, как солнце в капле воды, отразились бесстрашие и несгибаемость советского народа, его дочерей и сынов.

Жуков умолк. Поднялся Илья:

— Вот что, друзья мои, не знаю, как вы, а у меня каждая жилка дрожит. Давайте завтра же махнем туда, где немцев погуще. Отомстим за Таню.

Остаток дня комсомольская группа посвятила подготовке к походу. Мы решили послать комсомольцев на шоссе между Клином и Волоколамском. Здесь шло оживленное движение фашистских войск.

На другой день, часов в двенадцать, молодые партизаны во главе с Кузиным отправились в путь. Место головного, как всегда, занял лучший лыжник отряда Женя Бриллиантов.

До деревни Кузьминское шли прямо по дороге, выслав вперед дозор. От Кузьминского свернули в лес. Благополучно миновали деревни Чащь, Родионово, Стеблево. От них рукой подать до крупного населенного пункта Теряево, разместившегося вдоль магистрали Клин—Волоколамск. В минутах ходьбы от Теряева к шоссе примыкает Утишевский лесной массив. К нему-то и спешили комсомольцы. Часам к семи вечера они добрались до шоссе на участке между Теряево и совхозом «Стеблево». Здесь начиналась полоса густого кустарника. Случайно ребята наткнулись на две полуобвалившиеся землянки, забрались в них и часа два отдыхали.

На ночь движение по шоссе прекратилось. Отдохнув, партизаны приступили к работе. Кузин и Филимонов устанавливали мины, остальные по очереди долбили кирками мерзлую землю. Всего поставили десять мин. Потом опять забрались в землянки, выставили часовых и стали дожидаться утра.

Долга зимняя ночь. Промерзли, измучились ребята. С началом рассвета вылезли наружу и залегли в кустарнике.

Шум моторов послышался со стороны совхоза. Партизаны увидели, как несколько крытых машин, мигая в предутренней мгле подфарниками, катили по дороге. Ближе, ближе. Передняя подошла к минному полю — и оглушительный взрыв потряс воздух. Идущие сзади машины остановились, с них посыпались солдаты. Раздались слова команды. Фашисты рассредоточились, заняли удобные позиции. Принимать бой с многочисленным противником было неразумно, и Кузин приказал незаметно отходить. Партизаны ползком перебрались через поляну, а достигнув леса, направились в сторону деревни Харланиха. В этот момент раздался еще взрыв. Это взлетела на воздух вторая вражеская машина, шедшая со стороны Теряева. Гитлеровцы открыли сильный огонь по кустам, но партизан там уже не было.

Параллельно шоссе, в трех километрах от него, тянулась грунтовая дорога. Вступив на эту дорогу, партизаны обнаружили свежие следы машин.

— Стой, ребята! — поднял руку Кузин. — Здесь тоже пошумим. У нас еще две мины остались.

Разделение труда оставалось прежним: одни выполняли роль дозорных, другие долбили ямки, а Кузин и Филимонов принялись закладывать мины. Но работу пришлось прервать на второй мине. Послышался рокот моторов. Оставив мину незамаскированной, Кузин отскочил за дерево с другой стороны дороги, к товарищам в сосняк перебежать не успел.

Из-за поворота выкатил автобус. Первую мину заложили в колею. Колесом ее выдавило из ямки в сторону, и она не взорвалась. Другую мину, не засыпанную, шофер заметил, объехал ее, при этом автобус чуть не задел передним крылом за дерево, скрывавшее Кузина. Дальнейшее произошло за считанные минуты.

Прямо перед собой Илья увидел испуганное, побледневшее лицо немецкого водителя, глаза его напряженно всматривались в дорогу. Рядом сидел офицер. Кузин выстрелил из пистолета шоферу в лицо. Голова его упала на руль, машина круто завернула вправо и стукнулась радиатором в дерево, в десяти шагах от Кузина.

Офицер выскочил из кабины, а еще четыре фашиста выпрыгнули из автобуса через заднюю дверь. Их сразу прикончили партизаны, засевшие в сосняке. Больше из автобуса никто не показывался. Кузин хотел было подбежать к машине, запустить внутрь гранату, но его товарищи палили по автобусу не переставая. Пришлось без задержки убраться в глубь леса. Поступил он правильно, так как вскоре к фашистам подоспело подкрепление. Партизанам пришлось отступить, они углубились в чащу. По пути захватили оставленные утром в ельнике лыжи. Гитлеровцы не преследовали: страшен для них был молчаливый и угрюмый подмосковный лес.

«Отомстим за Таню!» — с этими словами наша комсомольская группа провела еще ряд успешных операций. Подвиг партизанки Тани комсомольцы отряда крепко хранили в сердце. Когда приходилось слишком трудно, они говорили себе: «Ей было трудней».

* * *

О Кузине Илье Николаевиче можно рассказывать долго. Но я хочу поставить точку, успокаивая себя тем, что всего не расскажешь.

16 февраля 1942 года И. Н. Кузин был удостоен звания Героя Советского Союза.

После войны он много лет работал на разных стройках. Однако раны войны давали себя знать. В 1967 году И. Н. Кузин умер.

С. Качиков

ВСЕГДА ТЫ БУДЕШЬ ЖИВЫМ ПРИМЕРОМ...

(О Кулике И. А.)

Где-то невдалеке еще раз с грохотом разорвался снаряд, прострекотала автоматная очередь, и все стихло. В огромной больничной палате, население которой перевалило в последние дни за тридцать, наступила настороженная тишина. Каждый чувствовал, что фашисты в городе, где-то совсем рядом, что с минуты на минуту они могут появиться и здесь...

Илюша Кулик не боялся встречи с оккупантами и все же не мог унять трепета сердца, прыгавшего в груди так, что, казалось, его удары разносятся по всей палате. Осторожно уложив на табурет перевязанную ногу, юноша примостился у окна, через которое можно было наблюдать за больничными воротами.

Да, все получалось так глупо! Вместо того чтобы защищать родной город с оружием в руках, он вынужден беспомощно ожидать прихода врагов. Еще два месяца назад ему и во сне не могло приви-

деться такое. Комсомольский вожак школы, прекрасный спортсмен и лучший стрелок, он строил на будущее самые оптимистичные планы. Когда 21 июня на выпускном вечере одна из десятиклассниц спросила его о выборе профессии, он, не задумываясь, ответил: «Поступлю в военно-морское училище». Да, он любил море, любил корабли, был полон сил и энергии. А уже на следующий день все перемешалось...

Вместе со своими школьными друзьями Женей Пасечником и Мишей Осадченко в первые же дни войны Илюша Кулик отправился в военкомат. Входя в кабинет военкома, ребята браво выпячивали грудь, шире расправляли плечи, стараясь выглядеть внушительнее и старше. И все-таки их не взяли: семнадцать лет мало для армии!

Тогда они пошли к Ладычуку, председателю Херсонского городского Совета. Александр Карпович был шефом школы, хорошо знал Илью. Может, он замолвит словечко в военкомате. Но и здесь друзей постигла неудача. Ладычук сказал, что нарушать закон не вправе, что воевать с фашизмом можно и нужно не только на фронте.

— Ты бы, Илюша, лучше организовал комсомольскую дружину противовоздушной обороны, — посоветовал Александр Карпович. — Охраняйте школу и соседние с ней кварталы от вражеских зажигалок, следите за светомаскировкой. А придет время для других заданий — обещаю: о тебе и твоих друзьях мы вспомним.

Поручение председателя горсовета ребята выполняли усердно. В созданную ими дружину записались десятки комсомольцев. Но что от этого толку, если фронт неумолимо приближался к Херсону. Илья снова и снова заходил к Ладычуку, но неизменно слышал одно и то же: терпение, время еще не пришло. Тогда ребята сами стали проявлять инициативу: незадолго до прихода в город оккупантов раздобыли оружие и решили спрятать его в плавнях по ту сторону Днепра.

Теплым августовским утром, нагрузив лодку винтовками и патронами, Илья Кулик, Женя Пасечник и Миша Осадченко стали переправляться на левый берег. Лодка бесшумно скользила поперек реки. Недалеко от берега Илья заметил какую-то крестовину, плывущую по течению. От нее под воду тянулась туго натянутая проволока.

— Поплавок! — догадался Женя. — Давайте посмотрим, что там к нему привязано? Может, пригодится...

Миша сделал разворот и направил лодку к крестовине. Но едва она стукнулась о странный поплавок, как раздался взрыв, оружие быстро пошло на дно, а не успевшие смекнуть, что к чему, ребята оказались в воде.

— Дураки, не распознали мины! — с досадой плюнул Женя. — Айда на берег!

— Ребята, кажется, меня ранило, — тихо проговорил Илья и стал медленно погружаться в воду...

* * *

Дверь палаты с треском распахнулась, на пороге появилась фигура толстого фельдфебеля с автоматом наперевес.

— Встать! — заорал он на ломаном русском языке. — С вами разговаривайт официр!

Фельдфебель шагнул в сторону, и в палату вошел щеголеватый обер-лейтенант в до блеска начищенных высоких сапогах. Объявив о вступлении в силу «нового порядка», он спросил, есть ли среди больных коммунисты, комсомольцы, военнослужащие и евреи? Таких «не нашлось». Пригрозив, что он все равно узнает, офицер приказал никому не покидать палату и вышел.

— Передай, пожалуйста, ребятам, пусть придут за мной с тачкой, — попросил Илья знакомую медсестру Дусю Кручину, когда та зашла в палату. — Да пусть поторопятся, а то потом отсюда не выберешься.

Под вечер Женя Пасечник с Мишей Осадченко незаметно вывезли Илью Кулика из больницы на двухколесном «такси». А через несколько дней он уже мог передвигаться самостоятельно.

Дождливыми осенними вечерами у Илюши собирались ребята. Они приносили безрадостные вести: оккупанты расстреливают ни в чем не повинных людей, угоняют на каторгу в Германию, забирают скот, птицу, домашние вещи. А однажды стало известно о гибели за Днепром в Цюрупинске Ладычука и его товарищей — партизан из отряда Емельяна Гирского. Окруженные гитлеровцами, они отбивались до последнего патрона, но живыми в руки врагу не попали.

— Теперь ждать сигнала неоткуда, — вздохнул Илья. — Нужно самим браться за дело, отомстить проклятым фашистам за Александра Карповича и за других советских людей.

— Правильно! Хватит сидеть сложа руки! — поддержали Илюшу его друзья.

— А с чего же начинать? — спросила Шура Таран, одна из трех девушек, присутствовавших здесь.

— Я думаю, с клятвы, — ответил Кулик. — Я вот набросал ее текст, может, по форме что и не так, но дело не в форме.

— Тогда читай, а мы повторять будем, — сказал Коля Букин, сержант Красной Армии, оставшийся в Херсоне из-за ранения.

— Я, сын трудового народа, — начал Илья, и молодые голоса дружно подхватили его слова. — Клянусь быть отважным и смелым партизаном, ненавидеть гитлеровских убийц и грабителей, не щадя жизни своей, уничтожать их...

Приступили к выборам. Командиром единодушно назвали Кулика, а заместителем — Букина.

— Спасибо за доверие, постараюсь его оправдать, — взволнованно произнес Илья и после минутной паузы, уже спокойно, по-деловому добавил: — По-моему, прежде чем предпринимать что-либо серьезное, надо хорошенько присмотреться к оккупантам, понадежнее устроиться. Надо идти работать, кто куда сумеет. Таких фашисты не тронут, бездельников же в первую очередь возьмут на подозрение, а то и в Германию упекут...

— Было бы хорошо, — добавил Букин, — если бы у нас появились свои люди в полиции, на бирже труда, в типографии.

— Раз надо — пролезем в любую щель, — сказал Осадченко и, посмотрев на товарищей, понял, что выразил общее мнение.

Прошло не больше месяца. Почти все друзья Кулика уже «усердно трудились» на «новый порядок». Миша Осадченко устроился в паровозном депо, Володя Зарескин стал монтером телефонной станции, Коля Букин, ловко подделавший чей-то паспорт, был принят истопником в немецкий госпиталь. Даже девушки не остались дома: Клава Поддубиенко записалась на агрокурсы, а Клава Шаповалова — в медицинскую школу. Но удачнее всех сложилась «карьера» у брата Жени Пасечника — Ивана. Его приняли в полицию и даже выдали форму.

Такая расстановка сил позволяла Кулику и Букину постоянно быть в курсе всех городских событий, своевременно узнавать о наиболее значительных шагах оккупационных властей.

Миша Осадченко узнал, что в районе вокзала имеется продовольственный склад без специальной охраны. За ним присматривал часовой соседнего пакгауза. Неосмотрительностью оккупантов ребята немедленно воспользовались. В одну из безлунных ночей Илюша со своими друзьями подобрался к складу, разобрав черепичную крышу, проник внутрь. Итог операции: несколько мешков с консервами, шоколадом, медикаментами, а также комплект офицерского обмундирования, обнаруженный на одном из стеллажей в самую последнюю минуту.

Вскоре после этого случая Илья встретил Дусю Кручину, медсестру из больницы. Расфранченная и размалеванная, она стояла у входа в парикмахерскую и кокетничала с немецкими офицерами. «Неужели?!» — У Ильи невольно сжались кулаки. Но спустя несколько минут в тихом переулке Дуся догнала Кулика и сообщила важную новость: в больницу привезли трех раненых командиров Красной Армии. Как только они чуть-чуть подлечатся, ими займется гестапо.

— Спасибо, что-нибудь придумаем, — шепнул в ответ Илья и, не удержавшись, добавил: — А ты чего вырядилась, словно на бал?

— Так надежнее, — улыбнулась Дуся.

На следующий день Илья уже вел осторожные переговоры с врачом Алимовым, с которым познакомился, когда лечился в больнице. Корыстолюбивый Алимов, назначенный оккупантами начальником лазарета, всячески стремился извлечь из своего нового положения максимум выгоды. Поняв, о чем идет речь, он сразу же заявил, что потребуются деньги, и притом немалые. Кулик в принципе согласился, но попросил несколько дней отсрочки.

Деньги! Где же их раздобыть? Но ведь от этого зависят жизни трех советских патриотов! Надо достать, достать хоть из-под земли. Илья обсудил ситуацию с товарищами. Выход подсказал Миша Осадченко:

— Предлагаю «обратиться» в кассу нашего депо. Как раз утром кассир-немец ездил в банк, завтра он выдает получку. Так что сегодня вечером...

В сумерках ребята приблизились к депо. Первым к про-

ходной подошел Осадченко. Показав постовому пропуск, он скрылся за воротами. Затем появились Илья и Женя. На Кулике ладно сидел офицерский мундир, захваченный в пакгаузе, а Пасечник вырядился в форму полицейского, взятую у брата. Часовой почтительно вытянулся перед офицером, но тот даже не удостоил его взглядом. У входа в контору Кулик жестом приказал своему спутнику остановиться, а сам небрежно толкнул дверь ногой.

В кассе все произошло быстрее и проще, чем предполагалось. Увидев зловещее дуло пистолета, кассир покорно поднял руки. Илья приказал ему лечь на пол, связал руки и ноги, заткнул рот носовым платком. Затем спокойно набил карманы пачками ассигнаций. Вся операция заняла не более трех минут.

Возвращаясь назад в хорошем настроении, офицер угостил часового у проходной сигарой.

А на следующее утро состоялась сделка с Алимовым. Еще через день трех командиров удалось занести в списки умерших. Вместе с настоящими покойниками их вывезли на кладбище и там передали в распоряжение друзей Ильи Кулика.

«Мертвецов» поселили в Водогонном переулке на квартире у тети Клавы Шаповаловой — Елены Никифоровны Дзюбенко. Добрая заботливая женщина, она приняла незнакомых воинов, как своих родных: устроила им баню, раздобыла чистое белье, накормила и напоила. В завязавшейся затем беседе командиры рассказали о себе. Самым старшим по возрасту и званию оказался военврач 2-го ранга Семен Карпович Конотоп, до войны работавший в Запорожье. Он попал в плен под Севастополем во время аварии транспортного самолета. Второй назвался лейтенантом Корениным, а самый молодой — старшиной флота Лютым. Оба попали в лапы гитлеровцев, будучи тяжело раненными.

Продовольствие и медикаменты, добытые во время налета на склад, сослужили добрую службу. Не прошло и месяца, как советские командиры, снабженные документами, ловко подделанными Букиным, двинулись на восток, к линии фронта.

* * *

Этот хмурый мартовский день был для Илюши, пожалуй, самым радостным за все время оккупации. Сколько ни пытался раньше Кулик нащупать нить к партизанам,

ничего не получалось: казалось, она навечно оборвалась с гибелью Ладычука. И вот неожиданная удача: родственник Андрюши Агеенко, муж его сестры Яковлев, член партии, работавший до войны начальником военизированной охраны одного из херсонских заводов, пообещал связать ребят с подпольщиками. Правда, дальше обещания дело пока не пошло. Но это и неважно. Главное — они не одиноки, рядом борются старшие товарищи, коммунисты.

Вот почему на очередную операцию — обрыв телефонной линии между городом и пригородным селом Антоновкой, где немцы пытались навести мост через Днепр, Илюша шел в приподнятом настроении. Еще накануне Женя Пасечник разведал местность вокруг «мостостроя», приметил, где проходят провода. Теперь он уверенно вел Кулика и Букина к этому месту.

Миновали консервный завод, стеклотарный. Потянулась голая степь. Резкий ветер гнал навстречу колючую поземку, слепил глаза, непрошенно забирался под одежду. Но друзья не замечали непогоды. Поскорее бы!

— Здесь! — уверенно остановился Женя и стал разгребать снег ногами. Вскоре его ботинок зацепился сразу за несколько проводов. Щелкнули кусачки. Потом Илья осторожно вытащил из-за пазухи мину, полученную от Яковлева, и замаскировал ее на месте обрыва линии.

— А теперь ходу, пока нигде никого не видно!

Вечером прибежал Володя Зарескин и рассказал о ЧП на АТС. Неожиданно прервалась связь с «мостостроем» и несколькими заводами. Полдня провозились оккупанты на коммутаторе, проверили все контакты, но неисправности так и не нашли. После обеда послали на линию солдат. Те наскочили на мину: один убит, несколько ранено. Дальше идти не решаются: ждут саперов из Николаева...

— Что ж, — улыбнулся Илья, — первая рекомендация вроде бы получилась неплохой. Теперь, пожалуй, товарищи из партийного центра доверят нам и более серьезные вещи.

Но случилось неожиданное. Прочитав в местной газетенке заметку о работе маслозавода, Илья задумал устроить на нем диверсию. Темной апрельской ночью группа ребят пробралась на территорию предприятия, разоружила и связала охранника, взломала двери склада, где находились штабеля ящиков с маслом, приготовленные к отправке в Германию, с нескольких концов подожгла их. Зарево

пожара всполошило врагов! На обратном пути смельчаки наскочили на патруль. Илья и Женя были арестованы.

Недолго, однако, томились друзья в заключении. Под вечер, когда на дежурство заступил брат Жени — Иван, в подвал, где временно поместили ребят, бросили передачу. В колбасе Илья обнаружил напильник. На все остальное потребовалось не так уж много времени. Когда подвыпившие охранники (попойку под предлогом именин организовал Ваня) заглянули в камеру, там уже никого не было.

И все же положение заметно осложнилось. Илье и Жене нельзя было возвращаться домой, так как их квартиры полиция взяла под наблюдение. Кулик поселился на Монастырской слободке у Ольги Семеновны Базилевой, а Пасечник — на Пионерской улице, в квартире, где жил Букин.

Тем временем стало известно, что гитлеровцы готовят к отправке в Германию большую группу молодежи. В связи с уходом эшелона в воскресенье на привокзальной площади должен был состояться митинг. Илья и его товарищи тоже стали готовиться к этому событию. В воскресенье утром многие члены организации пришли на вокзал с букетами цветов. Заметив это, комендант города Вайзер самодовольно улыбнулся. Не забыл Вайзер о цветах и в своей напутственной речи.

— Цветы — это хорошо! — изрек комендант. — Это символ лояльных отношений, установившихся между населением города и оккупационными властями! Успехов вам в труде на благо Великой Германии! Счастливого пути!

Молодежь стали подталкивать к вагонам. Когда посадка подходила к концу, в раскрытые двери теплушек полетели букеты сирени. Один из них рассыпался на лету, и из него полетели листовки. Началась паника, во время которой друзья Кулика исчезли.

Одну из листовок подали коменданту. Текст ее гласил: «Братья и сестры! Вас везут на каторжные работы в Германию. Вас ждет там голодная смерть и рабство. Своими руками вы будете укреплять фронт врага и делать снаряды против тех, кто рвет ваши цепи. Уходите в лес к партизанам, бейте фашистов всюду. Смерть немецким оккупантам!»

— Ах, вот какие цветы! — злобно закричал Вайзер. — Как это у русских говорят: сначала цветики, потом — ягодки! Немедленно разыскать зачинщиков!

Но никого из возмутителей спокойствия выявить не удалось. А подпольщики тем временем действовали все актив-

нее и смелее. Особенно поразила коменданта и его коллег дерзость юных партизан, напавших в самом центре города на колонну военнопленных. Перебив охрану, они освободили около ста человек.

И уже совсем потерял покой господин комендант после того, как 22 июня 1942 года, в первую годовщину войны, на перегоне Херсон—Снигиревка неизвестный мальчишка в матросской тельняшке, развинтив рельсы, пустил под откос целый воинский эшелон. Правда, виновника крушения удалось задержать и повесить, но сколько их осталось еще не пойманных и непокоренных?

* * *

...Приближалась вторая военная зима. Своим недружелюбным пронизывающим дыханием уже дохнул в нетопленные херсонские домики хмурый ноябрь. Особенно сыро и холодно было в погребе Шуры Таран, где собрались юные подпольщики. Обсуждался очень серьезный вопрос. Фашисты готовились к пуску железнодорожного моста через Днепр. Это намного сокращало путь вражеских эшелонов к фронту. Как помешать этому? Взорвать мост, взорвать во что бы то ни стало! Но там сильная охрана и совсем открытые подступы. Успеха можно достигнуть только хитростью, например переодевшись в немецкую офицерскую форму, как тогда в депо.

— Идти к мосту должно не меньше десяти человек, — сказал Букин. — Чтобы раздобыть для них фашистскую форму, предлагаю за городом напасть на машину.

Его поддержали Осадченко и Кулик. На следующий день, надев офицерский мундир и поверх него плащ-накидку, Илья незаметно выбрался за город. У поворота дороги за консервным заводом он остановился. Место подходящее: безлюдное, рядом — лесная посадка, где можно в случае чего быстро скрыться.

Вот показалась большая грузовая машина. В шоферской кабине сидело трое солдат, а из крытого брезентом кузова доносился нестройный, но довольно многочисленный хор, вовсю горланивший популярную немецкую песню. Не подходит: слишком много фашистов. Поэтому, когда шофер, заметив на обочине офицера, начал притормаживать, Илья небрежно помахал рукой: проезжай!

Снова заурчал мотор, и к повороту подкатил черный приземистый «мерседес» с открытым верхом. Кроме води-

теля — два офицера. Этот годится! Илья неторопливо, с достоинством поднял руку. Не успела машина остановиться, как грянули меткие выстрелы. Толстый майор мешком сполз под сиденье, а высокий обер-лейтенант, наоборот, приподнялся, вытянулся, даже успел расстегнуть кобуру, но затем камнем плюхнулся на бок. Шофер, бросив баранку, пустился наутек в лесопосадку.

Подпольщик не стал преследовать беглеца. Спокойно и деловито забрал он у убитых пистолеты, потом принялся за китель обер-лейтенанта. Но тут на дороге показалось сразу несколько машин. Не мешкая более, Илья скрылся в кустарнике, густо покрывавшем днепровские склоны...

Утром его разбудил неожиданный резкий стук в дверь. Очевидно, стучали прикладом.

— Тетя Оля, — шепнул Илья, вскакивая с кровати, — зажгите в кухне свет, отворите, а сами быстренько в сторонку!

Базилева зажгла коптилку, подошла к дверям:

— Кто там?

— Открывай, полиция!

Хозяйка отодвинула засов. В кухню ввалились два полицая. Грянул выстрел, и один фашистский прислужник упал. Следующим выстрелом Илья скосил второго непрошеного гостя. Третий, стоявший в дверях, перепуганно отпрянул назад. Наступила пауза. Воспользовавшись замешательством, Кулик надел хозяйкину юбку, повязал голову косынкой, схватил на руки плачущую Иринку и смело двинулся к выходу.

— Где этот бандит? — спросил один из полицейских, спрятавшихся за углом хаты.

Илья жестом показал на окно спальни и, поглаживая девочку, засеменил к яру, который начинался в конце двора и вел прямо к Днепру.

...По всему городу запестрели плакаты с фотографией Кулика. За его голову оккупанты обещали десять тысяч марок. Начались аресты.

— Семь бед — один ответ! — махнул рукой Илья, когда накануне праздника встретился с Женей и Николаем на квартире тети Клавы Шаповаловой. — Пока ищейки рыщут, давайте выпустим к Великому Октябрю новую листовку.

Он протянул ребятам листок бумаги. Поздравляя херсонцев с праздником, листовка звала их на борьбу с оккупан-

тами и заканчивалась известными словами Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»

Это было последнее, что успели сделать молодые патриоты. Аресты усилились. Гестаповцы схватили Зарескина, Агеенко, Шаповалову, Таран. В погребе у Шуры они обнаружили тол и пишущую машинку. Еще через неделю врагам после кровавой стычки, стоившей им нескольких человек, удалось взять тяжелораненого Букина.

Илья в эти тревожные дни подолгу не засиживался на одном месте. В конце ноября он еще раз сменил место жительства — поселился на квартире Зинаиды Будняк, недалеко от кондитерской фабрики. О его местопребывании знал лишь пятнадцатилетний соседский мальчик Гриша Матвеев, которому Кулик поручил раздобыть лодку для переправы на левый берег.

И наверное он бы успел переплыть в плавни, если бы не случайность. Неожиданно Гриша был задержан. Гестаповцы сделали вид, что поверили в его невиновность, и отпустили. Матвеев на радостях помчался прямо к Илье, а гитлеровцы — по его следу.

В Щемилевский переулок, где скрывался Кулик, наехало столько фашистов, сколько хватило бы для боя с целым партизанским отрядом. С гранатой за поясом и пистолетом в руке Илья пробрался во двор, оттуда — в соседский сад. Но тщетно: всюду мелькали ненавистные грязно-зеленые мундиры. Заметив в глубине двора сарайчик, Кулик кинулся туда: авось не увидят! Но фашисты увидели. Плотным кольцом окружили они ветхое строение.

— Сдавайся!

— Комсомольцы не сдаются! — последовал ответ, и в осаждающих полетела граната, загремели пистолетные выстрелы патриота. Когда же гитлеровцы ворвались в сарай, они увидели распростертое тело юноши: последнюю пулю вожак херсонского комсомольского подполья послал в висок себе...

Есть в Херсоне, в молодом парке имени Ленинского комсомола, гранитный памятник. Мужественное лицо, открытый взгляд, умный высокий лоб, непокорная прядь волос. Здесь не увядают цветы, часто звучат слова пионерской и комсомольской клятвы. Нет, не умер Герой Советского Союза Илья Александрович Кулик. Он навечно остался в сердцах благодарных потомков.

А. Кейзаров

ИСПЫТАНИЕ ВЫДЕРЖАНО

(О Лавриновиче Э. В.)

Шумит лес монотонно, протяжно и глухо. Сорвется листок, затрепещет в воздухе и тихо ляжет на траву. И трава поникла, прибили ее дожди и холодное дыхание осени.

Эдуард Викторович сидит в шалаше. Через треугольник лаза видит он комель толстой березы, шагах в двадцати зеленые еловые ветки. Самой ели не видно. Она в стороне от шалаша. Дальше мелколесье: сосенки, березки, а чуть ниже, к болоту, толпится тонкий олешник над зарослями побуревшей крапивы.

Медленно падают листья...

Когда Лавринович впервые пришел сюда с отрядом, лист еще держался. Тогда их было четырнадцать: и совсем молодых, и средних лет, и уже в годах. Ребята попались хорошие, смелые, с крепкими характерами. Всех он знал поименно, со многими трудился на полях колхоза.

Накануне ухода в лес Лавриновичу сказали, что недели через две, а может быть и раньше, к ним придет истре-

бительный отряд, который и снабдит его группу всем необходимым для диверсионной борьбы. Но минул назначенный срок, а отряд не показывался и вестей о себе не подавал.

— Что же, ребята, — обратился командир к своим воинам,— подождем еще недельку-другую, а потом решим, что предпринять. Харчи пока есть.

— Подождем, — согласились ребята.

Разумеется, группа не сидела сложа руки. Лавринович посылал разведчиков по всему району, выяснял, что творят фашисты, какие создали они склады и как их охраняют. Нередко и сам совершал подобные «прогулки».

Время летело быстро, быстро пустели и продовольственные мешки. Но об отряде — ни единого звука. Настроение у людей заметно падало. И Лавринович решил временно распустить людей. Отпуская, наставлял:

— Если немцы спросят, откуда пришел, отвечай: вырвался, мол, из окружения.

И вот он один. Остальные разошлись по домам, в свои деревни, до особого вызова. Конечно, лучше бы не распускать людей, но где взять продовольствие и оружие? Напасть на фашистский гарнизон с голыми руками — значит в самом начале погубить дело. Да и население зря пострадает. Эдуард Викторович хорошо помнит инструктаж, полученный в райкоме: «Не удастся быстро создать боеспособную группу — переходи на легальное положение, войди в доверие к оккупантам».

Распустив людей, он не порывал с ними связи, регулярно встречался. Его навещали друзья и родственники, сообщали новости.

Недобрые вести приходят из района. Оккупанты за каждым жителем установили надзор, «начальниками» ставят злобных врагов Советской власти, большую часть урожая забирают и отправляют в Германию...

* * *

Три года прожил в районе Лавринович. Срок небольшой, но за это время он успел неплохо изучить людей, познакомиться с обстановкой.

Родился он в деревне Кулаково на Витебщине. Там прошли детство и юность. Оттуда призвали в армию.

В 1932 году был послан на ликвидацию последствий кулацкого саботажа в станицу Красноармейскую Краснодарского края. Работал учетчиком в колхозе, потом техническим секретарем при политотделе МТС, затем инструктором райкома партии. В апреле 1938 года переехал в Буда-Кошелевский район, на родину жены, работал председателем колхоза «Перамога». В начале войны получил задание: если фашисты оккупируют район, остаться для подпольной работы и создать диверсионную группу...

Задание Лавринович выполнил. Но отряда все не было, и он решил легализоваться.

* * *

Два дня Лавринович живет в поселке Городище. Новые «власти» не обращают на него внимания. А что, если пойти к семье, в Липиничи? Там он работал председателем колхоза. И вот он в Липиничах. Надо делать вид, что соскучился по работе. Решил пойти на болото накосить травы для матраца... Сидит под навесом, отбивает косу. Вдруг послышался немецкий говор. Поздно: не спрятаться. Эдуард бьет и бьет молотком по жалу косы.

— Вы задержаны! — кричит немец-переводчик. — В хате будет обыск.

Оккупанты вваливаются в дом. Ворошат одежду, постели. Но жена Лавриновича Дарья надежно припрятала все, что могло бы скомпрометировать мужа перед «новым порядком».

Спрятано-то все, кроме... пистолета. Он в кармане. Сейчас не выбросить. Защищаться тоже нет смысла: погибнет и сам, и семья...

Ведут по улице. Детишки и старухи выглядывают в окна. Мужчин почему-то не видно... Нет, вон и они. Ведут их — Ивана Козлова, комсомольца, и Кондрата Ткачева, кандидата в члены партии, секретаря сельсовета. Медленно шагают мужчины.

Посадили в машину. Немцы вокруг, автоматы лежат на коленях. А у него в кармане пистолет. Если бы наган — одной рукой в кармане можно было бы взвести курок... Пока же выхватишь пистолет, второй рукой отведешь затвор — резанет автомат.

Привезли на станцию, впихнули в пустой вагон. Бессонной была ночь. Иван уговаривал бежать. Лавринович

согласился, а Кондрат наотрез отказался. Решили ждать утра.

На рассвете вывели из вагона, конвоиров человек десять. О побеге и думать нечего. Подошли к бронепоезду, в нем размещалась комендатура. В вагоне — комендант и переводчица, бывшая буфетчица железнодорожной станции. Улыбается Лавриновичу, как старому знакомому, потом переводит:

— Комиссар? Партизан?

— Нет. Как председателя колхоза, в армию не взяли.

— Мы знаем, в районе должен быть отряд ополченцев. Где он и где оружие?

— О том не ведаю...

Пересохло во рту. «Нашлась сволочь, донесла», — мелькнула мысль. Не готов он к таким вопросам.

— Разрешите закурить? — надо как-то оттянуть время, сосредоточиться.

Вытаскивая непослушными пальцами сигарету, Лавринович бросил взгляд на большой лист, лежавший перед комендантом. «Заявление. Дарьина рука! Значит, жена за ночь собрала подписи о «благонадежности»»... С наслаждением закурил сигарету.

Подписи бывших колхозников помогли. Лавриновича отпустили.

Вскоре он встретился с Ниной Курленковой. Муж ее был заведующим Струковской школы. Теперь в армии. До войны их семьи дружили. Теперь Нина жила в школе, в стороне от деревни. Здесь рассчитывал Эдуард Викторович организовать одну из явок. Нина Степановна его обрадовала:

— Есть приемник. У немцев стащила, с машины...

Батареи достали в Бронницкой школе. С тех пор они регулярно принимали сводки Совинформбюро. Переписывали от руки Дарья, ее сестра, Курленкова с сестрой, Татьяна Крепостнова и Валентина Блохина. Сводки разносились по ближайшим населенным пунктам.

Это была «тихая» борьба, далеко не та, к которой стремился Лавринович. А фашисты распоясались вовсю. От станции отходили эшелоны с хлебом, картофелем, скотом. Надо помешать... Дал задание верным людям, работавшим на складе. В зерно подлили жидкость из огнетушителя с примесью керосина. Удалось! А когда стали возить зерно на станцию из других складов, где не оказалось верных

людей, Лавринович сам вызвался на эту работу. Немец-приемщик только на въезде определял, куда ссыпать зерно. Огнетушители в отсеках тоже были. А бутылки с керосином Лавринович прихватил с собой. Все обошлось хорошо.

Никаких вестей об истребительном отряде не поступило. Видимо, что-то с ним стряслось. Как же жить дальше? Нельзя же ограничиваться мелкими уколами.

Лавринович собрал свой актив.

— Друзья, сколько можно отсиживаться? Сотни, тысячи советских воинов гибнут на полях сражений. А мы...

— Эдуард Викторович, агитировать нас нечего,— перебил Дмитрий Аверьянов.— Давай команду, а мы готовы. Так я говорю, мужики?

— Так, так...— раздались голоса.

— Ежели так, тогда слушайте. Оружия нам на первый случай хватит. И боеприпасов. Уверен, потом добудем еще. У нас есть свои люди везде, а вот в полиции нет. Там больше, чем где-либо, нам нужен свой глаз. Предлагаю Дмитрия Аверьянова.

Аверьянов вскочил, тряхнул головой, Эдуард Викторович не дал ему раскрыть рта.

— Подожди, не горячись,— пояснил, почему он остановился на Аверьянове.

Дмитрий Аверьянов слыл толковым, рассудительным и хозяйственным мужиком. Жил он в поселке Зеленая Роща. В начале коллективизации попал под суд. Вернулся из мест заключения в колхоз и через некоторое время стал работать счетоводом. Лавринович знал: Аверьянов не таил зла на Советскую власть. Понесенное наказание он считал справедливым. А немцы, конечно, этого не знали.

Дмитрия Федосовича не пришлось долго уговаривать. Через день по пути в Буда-Кошелево он показал заявление: обижен, мол, Советской властью, готов строить «новый порядок»...

Приемник перенесли в дом Татьяны Крепостновой, в Липиничи. Поторопились. В центре района листовки появлялись раньше, чем в других селах: без труда немцы проследили, откуда тянутся нити. Над Лавриновичем нависла опасность.

Оставаться дома было нельзя. Ночевал у соседей или прятался в ближайшем поселке. Помогали свои люди. Они вовремя предупреждали его об опасности.

Группа постепенно увеличивала запасы оружия, взрыв-

чатых веществ. В каждом поселке завели наблюдателей, в Викторинском лесу создали базу, вырыли землянки, склады, построили шалаши.

Все чаще и чаще стали раздаваться взрывы мин, выстрелы винтовок и автоматов. «Теперь можно и в лес»,— решил Лавринович. Посоветовался с ребятами. Те с восторгом одобрили решение.

Беспокоила Лавриновича судьба своей семьи. Как ее обезопасить? Пошел к бургомистру Шеверневу. Бургомистр принял радушно, видно, был в хорошем настроении. Эдуард Викторович пожаловался, что, дескать, не дают жизни в Липиничах, угрожают бывшие его колхозники и поэтому он хочет пойти в Дриссу («все-таки там родня»). Но бургомистр отрезал:

— Пропуска не дам.

— Не дадите — сам уйду. Пускай лучше в дороге убьют, чем здесь, на глазах у семьи...

На другой день он подался «на родину». Дарья на всю улицу «проклинала» своего мужа-неудачника, а потом и вправду заголосила, запричитала, по-бабьи тоскливо и протяжно... Он взвалил на плечи мешок с сухарями и гранатами и быстро зашагал по улице. В кармане — пистолет на боевом взводе. Не тот, который был с ним, когда арестовали,— другой. Прежний так и остался в печке вагона-теплушки...

В то утро из окрестных деревень и поселков тоже уходили люди. Одни, как и Лавринович, шли «к родственникам». Некоторых из окруженцев повесткой вызвал «в полицию» Дмитрий Аверьянов. Это чтобы семьи, в которых они проживают, не отвечали за своих «квартирантов».

Было 22 апреля 1942 года. Солнечно. В лесу — птичий гомон, подснежники и первые пролески. На поляну врывается теплый ветер, шевелит волосы. Золотом горят косы Лизы Воробьевой. У обеих Нин — Курленковой и Месиянцевой — толстые косы, и только у висков шевелятся небольшие прядки. Эдуард Викторович тоже снимает шапку:

— Опыт у нас есть, хоть и невелик. Оружие тоже. Правда, мин недостает, да что-нибудь придумаем... Плохо с продуктами, но есть мельницы, зерно имеем. Да и народ поможет.

— Поможет!..— как эхо повторило несколько голосов.

Этот погожий весенний день стал днем рождения диверсионной группы.

* * *

Холодный туман накрыл землю. Сырость пронизывает до костей. Одежда за ночь набрякла, хоть выжимай. Лавринович с ближайшими помощниками ложится поздно и встает ни свет ни заря. Забота одна — найти наиболее простой и верный способ взрывать мину натяжного действия. Вчера просидел с Павлом Бартоховым целый день. Пробовали взрывать при помощи шнура. Получалось неплохо. Но ведь шнур не всегда применишь.

Сегодня с утра к работе подключились Василий Воробьев и Алексей Демченко.

— Товарищ командир, а если попробовать ручку гранаты? — Воробьев вопросительно посмотрел на Лавриновича. Тот пожал плечами:

— Поясни толком.

— Толком объяснить не можем,— добавил смущенно Демченко.— Это заявка.

— В этой заявке что-то есть,— подал голос Василий Павлов, беря гранату.

Наступило молчание, задумались. Граната пошла по рукам. Завязался спор. Обсудив несколько предложений, решили пружину поставить на боевой взвод, а между головкой гранаты и ручкой вставить деревянный клинышек. При нажатии клинышек выскользнет — и пружина сработает...

Испытания дали хорошие результаты. Отошли подальше от лагеря. И тут все поняли, как опасно установить эту самодельную мину. Малейшее неточное движение — грянет взрыв.

Первое испытание провел сам Лавринович. Опыт удался. Все обрадовались. Ну а то, что установка мины таит в себе большую опасность, ничего не поделаешь. Опасность подстерегает диверсанта на каждом шагу.

Пока мужчины изобретали мину, разведчица Нина Воробьева прошла по маршруту первой операции, намеченной Лавриновичем.

Под вечер из лагеря ушли трое: Нина Воробьева, Василий Павлов и Лавринович. Тол в условленное место, километров за семь от лагеря, отнесла Дарья. Добрались к железной дороге в полночь. Нина осталась в дозоре, а Лавринович с Павловым подползли к насыпи. Саперной лопаткой командир копает под рельсами. Жесткий гравий ссыпает на палатку: нужна маскировка.

Тяжелая связка — килограммов четырнадцать тола и граната — еле умещается в яме. Заряд нужно подвести под рельс так, чтобы нажатием выбило клинышек и в то же время не ослабило удара пружины. Иначе взрыва не будет...

Клинышек крохотный, конический. Ежели он соскользнет — смерть...

Дрожь в пальцах проходит, он снова наклоняется к заряду. Маленький клинышек послушно становится на свое место. Он ощупывает расстояние между рельсом и миной. Тихонько шуршит балласт — мина замаскирована.

— Готово! — шепчет он Василию и берется за плащ-палатку.

Тот легонько отталкивает командира: отходи, мол, и взваливает ношу с песком себе на плечи. Лавринович тяжело вздыхает. И правда, будто за плугом день ходил или косой вымахал полгектара.

Уже в Галах запели вторые петухи, им откликнулись из Потаповки. Надо спешить. Но, как назло, нет поезда, тихо на перегоне. А хочется, ох как хочется посмотреть, что сделает их первая мина!

В лагерь возвращаются медленно, даже вполголоса не разговаривают: боятся проворонить взрыв.

Но взрыва так и не услышали.

Мину днем обнаружили немцы. Она почему-то не сработала. Вторую мину постигла та же участь...

Что же произошло?

И командир начал практические занятия в лагере. Наглядные пособия — жерди и площадка, на которую специально насыпали крупный песок, чтобы учиться маскировать мины в темноте. Минеры с завязанными глазами, на ощупь ведут минирование и маскировку. Тренируются... И тут обнаруживаются многие погрешности в маскировке, в закладке зарядов. Главный дефект в том, что клинышки из сырого дерева, поэтому они не выскакивают во время нажатия, а медленно выползают. Боек не ударяет по капсулю, а лишь касается его.

И вот теперь, кажется, все учтено, проверено. Снова Эдуард Викторович повел группу к железной дороге. На этот раз дело пошло быстрее. Дожидаться поезда опасно: невдалеке охрана.

Прошли уже добрый километр, когда раздался гудок, послышался мерный перестук колес. Поезд шел на фронт! Неужели снова неудача?..

И вдруг тряхнуло землю. Столб огня взметнулся над леском, загремело, заскрежетало...

* * *

Теперь диверсия следовала за диверсией. Один за другим взлетали на воздух эшелоны с вражеской техникой и живой силой. Фашисты усилили охрану дороги, пускали перед гружеными составами порожняк, увеличили гарнизоны в населенных пунктах, при малейшем подозрении подвергали мирных граждан жестоким пыткам.

Группа Лавриновича предпринимала все доступные ей меры для спасения арестованных. Верные люди, работавшие в органах управления и в полиции, передавали командиру сведения, которые помогали ему действовать наверняка.

В одной деревне группа освободила приговоренных к расстрелу, в другой — отбила обоз с хлебом, в третьей — разогнала, частично уничтожила гарнизон...

Фашисты злобствовали, проводили облаву за облавой.

В группе Лавриновича теперь насчитывалось несколько десятков человек. Фашисты решили разом покончить с партизанами. Однажды ночью они вошли в лес. Но эта карательная экспедиция не принесла им желаемого результата. Лавринович, извещенный заранее, увел группу из-под удара.

Гитлеровцам удалось арестовать жену Лавриновича — Дарью Ивановну. Они объявили, что если Лавринович явится в комендатуру, то жену отпустят. Вместе с Дарьей схватили партизана Якова Гутмана, сестер Воробьевых — Марию, Нину, Сашу, их старушку мать, семидесятилетних Ивана Тупкова и Софона Силина с сыном Тимофеем.

Лавринович сделал попытку спасти арестованных — не вышло. Всех расстреляли, в том числе и Дарью Ивановну. Погибли, выданные предателем, юные помощники диверсантов Алеша и Володя Сорокины.

Всю ночь просидел в шалаше Эдуард Викторович, не сомкнув глаз. Он командир, значит, в ответе за всех. И за тех, кто погиб, и за тех, кто сейчас неспокойно ворочается на еловых ветках, и за тех, кто живет среди врагов и снабжает его необходимой информацией...

Борьба идет смертельная. Конечно, очень хочется, чтобы потерь было меньше. Но ведь на земле бушует жестокая война, победа в ней без жертв не придет.

Июльский рассвет 1942 года не развеял его тяжелых мыслей. И бойцы старались не мешать своему командиру. Молча возились с пакетами тола Берин и Рыжов, готовили заряд для очередной диверсии. Луч солнца скользнул по верхушкам деревьев. Лавринович, будто вспомнив что-то, шагнул к ребятам:

— Поход откладывается, немцы перерезали все дороги. Не торопитесь. Лучше все проверьте.

Только через неделю сделали первую вылазку из нового лагеря. Эшелон слетел под откос против деревни Кострище. Большую роль в этой операции сыграла бесстрашная патриотка жительница деревни Губичи Ефросинья Антонова. Она указала место, где можно заложить мину.

21 июля снова ушли к «железке». Стоял ясный день. Диверсанты залегли в кустах недалеко от полотна. Грохнуло так, что загудела земля. Куски рельсов и шпал разлетелись по сторонам, вагоны громоздились один на другой.

— Давайте еще одну мину к ночи подсунем,— загорелся Берин.

— Ее надо иметь,— ответил Лавринович.— Дальнейший наш план будет таков. Отойдем в лес, передохнем чуток и, не заходя в лагерь, проберемся к связному Шульченко. У него для нас припасены минные заряды и продукты. Пойдут со мной Мостовой, Павлов и Берин.

До связного добрались благополучно. Обратно шли не торопясь. Где-то на полдороге сделали привал. Залегли во ржи.

Ветер шуршал среди несозревшей ржи. Ночь подходила к концу. Небо слегка посветлело.

И вдруг издали послышался собачий лай. «Неужели кто-то нас заметил? — обожгла догадка Лавриновича.— Лает не деревенская собака». Он высунул голову изо ржи. На открытой поляне, что отделяла деревню от ржаного поля, мелькали черные силуэты людей.

— Каратели!..— обронил он шепотом.— Спокойствие, друзья. Отходить будем на восток, здесь ближе кусты. Приготовим гранаты.

Снова залаяли овчарки, теперь уже ближе и с двух сторон.

— Обходят, сволочи.

— Сдавайсь! — закричали каратели.

По сигналу Лавриновича четыре гранаты полетели в ту сторону. Вслед за разрывами послышались крики, стоны,

собачий визг. Еще разрывы и выстрелы. Лавринович оглянулся. Берин опустился на колени и, прижимая левую руку к груди, как-то странно клонился набок. В правой руке он держал гранату.

— Брось, ложись!..— только и успел крикнуть командир.

Когда Лавринович открыл глаза, Володя уже лежал ничком на земле без признаков жизни.

Вдруг что-то серое навалилось на Лавриновича, рвануло за фуфайку. Выстрелил под руку. Овчарка, визжа, отползла в сторону. Командир метнул еще гранату.

До кустов метров пятьдесят. Ошарашенные каратели в первую минуту не могли понять, куда бросились партизаны.

Опять появилась овчарка и сбила Лавриновича с ног. Снова выстрел из-под руки. Над головами засвистели пули. Последний рывок — и рожь кончилась, впереди кусты.

— За мной!

Не успели враги преградить путь героям...

* * *

Дальнейшие события развивались так. Фашистам удалось снова выследить партизан, но, заранее предупрежденные, они и на этот раз ускользнули. Однако по доносу шпиона каратели схватили в деревне Губичи шестерых патриотов. Схватили и разведчицу Ефросинью Антонову. Арестовал Прусов, новый бургомистр райцентра. На одном из допросов в немецкой комендатуре она «призналась», что Прусов сам партизан отчаянный. Недавно он ездил в лагерь партизанский и жив остался.

Немцы решили проверить показания женщины. Тем временем диверсанты не сидели без дела. Лавринович собрал своих помощников.

— Надо выручить Ефросинью. План такой: переходим «железку», минируем и оставляем письмо. Письмо другу. Нет, не Прусову, а другому фашистскому холую — Марченко. О Прусове скажем только вскользь. Надо во что бы то ни стало доказать, что Прусов — наш человек...

Письмо должно быть торопливым, чуть зашифрованным. И вот текст готов:

«Здравствуй, уважаемый друг и товарищ Марченко! Сообщаю, что мы живы и здоровы. Одновременно сообщаем о незабываемой утрате боевого друга Володи, который погиб

от рук фашистов. И одновременно прошу тебя сообщить фамилию предателя, поставившего в известность о нашем появлении в поселке Муровей, для принятия соответствующих мер. Прошу тебя как можно быстрее составить план охраны райцентра с указанием численности гарнизона. Особое внимание прошу обратить на секретные посты и правильно нанести их на карту. Прошу любой ценой достать питание к радиоприемнику и новый аккумулятор для рации. Еще одна просьба: передай Прусову, чтобы ускорил ремонт станкового пулемета и передал обещанный немецкий автомат. Все это прошу передать тов. Жаранкову Гавриле, и пусть он доставит к А.В.Д. Пока до свидания, желаю успеха в твоей работе. С приветом Устрицев».

Вместе с письмом кладется записка. В ней указаны даты выдачи тола в килограммах, патронов, называются фамилии бойцов (конечно, вымышленные), уходивших на задание.

...Лежат партизаны возле «железки». Второй час ночи. Начало августа, а ветерок уже дышит осенью. Ноги промокли от росы. Лавринович вместе с Борисом Мостовым минируют полотно: огромный заряд, килограммов восемнадцать, закладывают в насыпь... Теперь надо «потерять» письмо с запиской.

Обратно домой — знакомой дорогой. Впереди — Шарибовка. Замаячил домик связного Михаила Авдашкова, по кличке Кисель. Больше месяца не были они здесь, на заборе — старая тряпка. Значит, все в порядке, врагов нет.

— Ну, а кисель есть? — грубовато шутит Борис.

— Чтобы у Киселя да не было киселя? — Авдашков рад встрече и тоже смеется, ставит на стол полную тарелку душистого меда.

...После взрыва и крушения поезда фашисты нашли подметное письмо. Марченко и Прусов были арестованы. Первого отправили в Гомель, в гестапо. Прусова расстреляли, потому что «показания» Ефросиньи Антоновой совпали с изложенным в «письме». Но самой Ефросинье Ивановне ничем не могли помочь. Ее расстреляли на рассвете...

* * *

Кружится и падает на пожухлую траву желтый березовый лист. Длиннеют ночи, холодно, зябко у «железки». Пролежать два-три часа теперь удается с трудом. Осень. А скоро зима... Как в негустых, оголенных лесах провести ее?

По следам легко найти лагерь. Отправились в Брянские леса.

И здесь партизаны-белорусы совершили много славных дел. А в начале марта 1943 года группа возвратилась в родные места и примкнула к 1-й Гомельской партизанской бригаде, где ее пополнили. Теперь она стала взводом. Через несколько дней взвод отправился в Буда-Кошелевский район для диверсионной работы на железной дороге. Основной базой стали Чечерские леса. 1-я Гомельская бригада к тому времени уже держала связь с Москвой. На партизанский аэродром приземлялись самолеты, доставляя все необходимое, увозя тяжелораненых.

Местом постоянной прописки взвода, как и прежде, был Викторинский лес. Начинался новый этап борьбы с оккупантами.

О том, что творится на Будакошелевщине, лучше всех мог знать старый связной Дмитрий Аверьянов. И Лавринович с Василием Павловым прежде всего отправились к нему. Встретились, как родные братья.

— А я что говорил?! — ликовал Дмитрий.— Чтобы наши хлопцы да пропали?!

Трудно «нести службу» Дмитрию, однако он не жалуется. Правда, похудел, осунулся. В районе сейчас действует большой партизанский отряд имени Кутузова. Командует им Петр Ефремович Матюшков. Во многих деревнях восстановлена Советская власть.

В течение недели основные связи были возобновлены, за Сож отправлено донесение. А 10 марта уже взлетел на воздух очередной эшелон.

Однажды Лавриновича вызвали за Сож. В землянке уполномоченный ЦК КП(б)Б Поляков, комбриг Балыков, командиры отрядов.

— Центральный Комитет партии и Центральный штаб партизанского движения поставили перед нами задачу большой важности,— начал Поляков.— Нужно одновременно взорвать на большом расстоянии железку и тем самым парализовать подвоз к фронту живой силы, техники, вооружения. Подготовку минеров возлагаем на вас, Лавринович.

Для выполнения этой задачи был создан большой отряд. Заместителем командира по минированию и подрыву железнодорожного полотна назначили Эдуарда Викторовича.

* * *

Сколько было заданий, больших и малых! Разумеется, обо всех не расскажешь. Только железнодорожных эшелонов диверсанты Лавриновича пустили под откос пятьдесят четыре. Каких усилий, какого мужества потребовала эта работа! А что стоила одна из последних операций! Дали задание взорвать водокачку на реке Липа, охраняемую сильным фашистским гарнизоном. Водокачка взлетела на воздух, но одновременно диверсантам пришлось выдержать напряженный бой.

* * *

Памятник. На нем изображены трое: женщина, партизан и солдат. Он напоминает о тех, кто погиб за счастье будущего, за счастье живущих. Секретарь райкома называет фамилии, имена и отчества погибших. Минута молчания...

Герой Советского Союза Эдуард Викторович Лавринович стоит среди боевых друзей в глубокой задумчивости. Ему есть что вспомнить. Он с честью выдержал испытание.

А. Бринский,
Герой Советского Союза

БАТЯ

(О Линькове Г. М.)

Впервые о Бате мы услышали в сентябре 1941 года. Обстановка была тяжелая. Мы не имели связи с Большой землей, и еще окончательно не решили, где будем зимовать — в деревнях или в лесу.

В это время до нас и дошли слухи, что где-то недалеко от Орши приземлились советские парашютисты и ушли в Березинские леса, к озеру Палик. Потом эти сведения подтвердились.

Мы выслали несколько групп партизан на поиски. И вот одна из них встретилась с парашютистами, которых возглавлял капитан Архипов — начальник штаба Бати. Мы присоединились к этой группе и вместе с ней пришли в лагерь Бати.

Одетый в синий ватник парашютиста, он сидел на толстом бревне, согнувшись и опираясь локтями о колени, грел над огнем руки. Мне показались его руки необыкновенно длинными и цепкими. Сам он в неровном мигающем

свете костра выглядел пожилым, почти старым, да я, по правде сказать, и ожидал увидеть его именно таким, ведь он — Батя. Даже удивился, что у него нет бороды. Когда он поднялся нам навстречу, я отрапортовал:

— Гурецкий партизанский отряд прибыл в ваше распоряжение.

— Здравствуйте, садитесь, расскажите, что у вас за люди? Как вы очутились в тылу врага?

Со всеми подробностями я рассказывал Бате о своей службе на одном из участков западной границы, о том, как мы встретили врага, о героизме наших воинов в первые дни войны.

Беседа затянулась. Батя говорил о Большой земле, о наших задачах, о своем отряде. Рассказал и о себе. Он действительно не молод — пятый десяток идет. Григорий Матвеевич Линьков был родом из Оренбургской области. Член партии с 1918 года, по специальности военный инженер, партизанил в гражданскую, любитель леса, заядлый охотник.

Григорий Матвеевич рассказал, как неудачно выброшен был отряд, не там, где намечалось. При этом погиб начальник связи, у которого был шифр для радиопередач. В результате все радиостанции отряда только принимали вести с Большой земли, а работать на передачу не могли.

— Значит, не все мы предусмотрели, когда собирались лететь, — закончил Батя. — Нельзя было давать шифр только одному человеку. Не предусмотрели. А для партизана каждая упущенная мелочь может стоить жизни.

Слушая Линькова, я проникся к нему большим уважением.

— Кажется, мы заговорились,— сказал он в заключение беседы и распорядился, чтобы вызвали Сашку Волкова. Так и назвал.

Явился совсем еще юный круглолицый десантник.

— Будешь у майора адъютантом, а сейчас подготовь место для отдыха.

Лагерь затих, костры догорали, партизаны давно уже спали, кто в шалаше, а кто просто, свернувшись калачиком, возле костра.

С этого дня наш Гурецкий отряд вошел в состав 1-го Белорусского партизанского отряда особого назначения. Я был назначен заместителем Бати. Комиссаром был Кеймах, начальником штаба — Архипов.

Вскоре после нашего присоединения к отряду Бати он сказал мне:

— Завтра вечером организуем народное ополчение в Липовце. Надо продумать текст присяги для ополченцев.

Наша разведка еще днем сообщила, что немцев в Липовце нет, а старосту, которому заранее было поручено собрать людей, партизаны знали как надежного человека. И все-таки мы двигались к деревне тихо, скрытно окружили ее, выставили заслоны со стороны Краснолук и Лепеля.

Моросило. Стояла непроглядная темнота — ни огонька, ни звездочки. Но деревня полна была приглушенных звуков: шаги, скрип калитки, тихие неясные разговоры.

Когда мы вошли в дом, там было полно народу. С трудом протиснулись к столу.

Григорий Матвеевич окинул взглядом собравшихся и сразу начал с рассказа о войне, о положении на фронтах, о том, что фашисты рвутся к Москве, но столица превратилась в неприступную крепость. Всего месяц назад он сам был там и видел, как создается народное ополчение. Тысячи людей взялись за винтовки. Тысячи женщин и подростков идут с лопатами, топорами строить вокруг города доты, дзоты, копать противотанковые рвы, окопы, сооружать непроходимые линии надолб. Под огнем и под бомбами они выполняют свое патриотическое дело.

Жители оккупированных немцами областей не могут оставаться в стороне от этой всенародной борьбы. По примеру жителей Москвы и Ленинграда они должны создавать группы народного ополчения. Все мужчины призывного возраста обязаны активно участвовать в их работе, а остальные — по мере сил помогать им. Вот и в Липовце создается группа народного ополчения.

— Не надо думать, — сказал Батя в заключение, — что гитлеровцы кошки, а мы мышки и нам нужно от них спасаться. Наоборот, мы — хозяева, мы на своей земле, а они — разбойники, воры, и пусть им будет жутко на нашей земле, пусть они ожидают смерть от каждого куста, от каждого дома! Бейте их, вредите им, и они будут вас бояться!

Люди слушали, затаив дыхание. Лица их были строги, внимательны и тревожны. Чувствовалось, что они понимают всю сложность и трудность положения.

Потом Батя предоставил слово Черкасову. Тот зачитал приказ, в котором говорилось, что все граждане призывного

возраста являются военнообязанными и должны находиться в партизанских отрядах или в группах народного ополчения и вести активную борьбу против гитлеровских захватчиков и их пособников, что в деревне Липовец создается группа народного ополчения. Командиром группы назначается Булай Виктор Васильевич...

В наступившей тишине Батя спросил:

— Ясно, товарищи?

— Ясно! — раздалось сразу несколько голосов.

— Теперь прошу покинуть помещение. Остаться только тем, кто решил вступить в отряд ополчения.

Недолгая толкотня у дверей. Шарканье ног. Потом опять тишина. В хате остались будущие ополченцы и мы.

— Товарищи ополченцы, — сказал Батя, — сейчас вам зачитают присягу и примут ее от вас. После принятия присяги получите первое боевое задание... Товарищ Бринский!

Я вышел на середину хаты.

— Встать! Повторяйте все. — И начал читать медленно, с остановками. Казалось, что голоса, повторявшие слова присяги, не вмещаются в комнате. Головы были обнажены, лица торжественны и суровы. Люди знали, что, давая клятву, они включаются в тяжелую борьбу с сильным и жестоким врагом. И они особенно твердо повторяли: «Я клянусь, что буду до конца предан своему народу. Я клянусь, что буду мстить врагу за честь своей Родины, за слезы матерей, жен и детей...»

Когда затихли слова присяги, ополченцы все еще стояли с непокрытой головой. Батя объявил, что в эту же ночь группа должна уничтожить телефонную связь между Холопеничами и Краснолуками, подпилить сваи мостов на дороге Краснолуки — Столбец.

Так мирные жители лесной белорусской деревни вместе с партизанами активно вступили в войну против оккупантов.

Такие же группы народного ополчения мы создавали и в других деревнях.

Активность партизан нашего отряда с каждым днем нарастала, захватчики все острее, все больнее ощущали их удары. Каждый день партизанские группы выходили на боевые операции. Телефонно-телеграфные линии регулярно выводились из строя. Ряд мостов на Эссе и Березине были уничтожены. Засады на дорогах Борисов—Лепель отучали оккупантов свободно разгуливать по советской земле, а

иногда и значительные силы противника на этих дорогах подвергались нападениям партизан. Так, наш отряд отбил у фашистского конвоя колонну военнопленных, отряд Щербины устроил засаду на колонну гитлеровцев в Гороховском лесу, в результате более двухсот неприятельских солдат и офицеров были убиты, многие ранены. Да и в населенных пунктах фашисты уже не могли чувствовать себя спокойно — партизаны обстреливали их гарнизоны, делали налеты на них.

Нам стало известно, что в село Велевщина прибыл из Лепеля карательный отряд гитлеровцев и что утром они пойдут в облаву в Нешковский лес, где находились наши отряды.

Вечером Батя сказал:

— Пойдем погоняем фашистов в Велевщине, чтобы не повадно им было появляться в наших местах. Кстати, новичков проверим.

Накануне к нам прибыло около пятидесяти человек, еще не испытанных в деле.

Было подготовлено три группы, и ночью, пройдя более двенадцати километров, мы еще затемно подошли к Велевщине. Основательно прозябли. На рассвете послышался шум в селе, немецкая речь, звон котелков. Потом стало видно, как немцы ходят по селу.

Вскоре показалась группа немецких велосипедистов. Они ехали по два в ряд по дороге, проходившей возле нашего ельника. Батя приказал приготовиться, но без его команды огня не открывать. Фашисты приближались к нам, ничего не подозревая. Напряженное ожидание. И только тогда, когда расстояние сократилось до тридцати примерно метров, Григорий Матвеевич дал первую длинную очередь. По этому сигналу открыли огонь и остальные. Гитлеровцы валились с велосипедов или спрыгивали с них, ища укрытий на обочинах дороги, но ответного огня не открывали.

Новички держались отлично, а один из них, сержант Сарычев, с криком «ура!» кинул гранату и сам бросился преследовать врагов.

Оставшиеся в селе фашисты развернулись в цепь и, стреляя на ходу, двинулись на наш ельник.

Григорий Матвеевич приказал отходить в заболоченный лес. Немцы добежали только до его опушки, дальше не осмелились. А мы обошли Велевщину лесом и вышли се-

вернее села, где сидела в засаде группа капитана Черкасова.

Фашисты подобрали убитых и раненых, погрузили на подводы и поспешно покинули Велевщину. Но едва только они подъехали к лесу, мы обстреляли их снова. Оккупанты вернулись в село, выбрались на Лепельскую дорогу, но опять попали под огонь группы капитана Архипова...

Гитлеровцы отказались в этот день от облавы, с большими потерями вернулись они в Лепель.

Батя был доволен операцией и, объявив благодарность ее участникам, подчеркнул, что вот так всегда надо — лучше самим нападать, нежели ждать нападения.

Конечно, мы знали, что фашисты не оставят нас в покое. Они бросили на борьбу с отрядами Бати пехотный полк, усиленный танками, бронемашинами и минометами. Батя был доволен этим и говорил:

— Это хорошо, одним полком будет меньше на фронте.

Даже под угрозой такой мощной карательной экспедиции Григорий Матвеевич не хотел прекращать боевых операций. Наши партизаны должны были отойти в глубь Белорусского государственного заповедника, в чащи лесов, в лабиринты болот — ближе к Березине.

Сначала наш штаб расположился в поселке Нешково — центре заповедника. Отряды заняли подступы к Нешкову, вырыли окопы, оборудовали огневые точки.

— Конечно, мы понимаем, — сказал Батя, — что нам тут долго не удержаться, но бой примем, чтобы заставить врага уважать нас. Пусть он боится леса. Без боя нам все равно не уйти...

На рассвете начался бой. Трещали пулеметы, рвались мины и гранаты, на дорогах тарахтели танки. Мы держались до обеда, дольше не могли, и Батя приказал отходить. Отходить не по дорогам, а прямо по лесу, через трущобы и болота.

Немцы, пытавшиеся преследовать нас, вскоре отстали, но нам нелегко было продолжать движение по осенней распутице и бездорожью. Мокрые, холодные, голодные выбрались мы на островок в болоте и устроили там привал. Зажгли костры, сушились, отдыхали. Люди буквально падали от усталости.

Батя тоже пристроился возле одного из костров, но он не только сушился и грелся, он воспользовался привалом, чтобы собрать коммунистов и предупредить их: если сейчас

трудно, то будут моменты еще труднее; коммунисты должны помнить это и всеми мерами поддерживать бодрость партизан, дисциплину и сплоченность.

Двое суток мы осторожно двигались по лесам и болотам без отдыха и без еды — ни в один населенный пункт нельзя было показываться, в них — фашисты.

К утру остановились недалеко от села Островы. Выбрали сухое место для дневки, разложили костер, грелись, как могли, и опять голодные, настроение подавленное.

Вероятно, и Батя чувствовал себя неважно. Но как только рассвело, он встал, сбросил ватник и, оставшись в одной рубашке, не обращая внимания на погоду, принялся за свою ежедневную гимнастику. Он занимался так, будто бы ничего в отряде не случилось, будто это обыкновенный день на партизанской базе. Бойцы невольно оборачивались на него, сначала нехотя и даже с удивлением, а потом, когда Батя, окончив гимнастику, снял рубаху и начал умываться по пояс, многие партизаны вспомнили, что и они — закопченные, грязные после боев и походов — давно не умывались. Один за другим потянулись люди к неширокой осушительной канаве и начали приводить себя в порядок. А Батя, как ни в чем не бывало, продолжал туалет. Вынул бритву, кисточку, мыльницу, зачерпнул в котелок воды. Брился он без зеркала, сидя на бревнышке и устремив куда-то в пространство сосредоточенный взгляд. И брил не только бороду, но и голову — спокойно, аккуратно, не торопясь. Левая рука медленно двигалась по голове, а за ней следовала правая — с бритвой. Никаких порезов, никаких раздражений.

Я не раз наблюдал, как он бреется, но теперь это производило особое впечатление. Невозмутимое спокойствие Бати невольно передавалось другим. И казалось, что, смывая с себя грязь и копоть, соскабливая со щек мыльную пену и щетину, люди и внутренне очищаются, освобождаются от усталости, подавленности и сомнений, которые мучили многих после вчерашнего тяжелого дня. Все это создавало уверенность бойцов в своем командире и доверие к нему.

* * *

Первая партизанская зима была для нас особенно трудной. Кругом вражеские гарнизоны, частые облавы на нас, и не было еще связи с Большой землей.

Наши отряды действовали на территории трех районов: Лепельского, Чашникского и Хлопеничского. Центральная база (так мы именовали штаб, возглавляемый Батей) находилась в гуще лесных массивов, среди березинских болот. Там каждую ночь жгли костры, ждали самолетов из Москвы. Надеялись, что нас будут искать и дадут нам связь. Надеялись потому, что через линию фронта ушло несколько групп партизан, чтобы сообщить о нас на Большую землю. А когда к нам возвратились Кеймах и Щербина, а с ними прибыли радисты с рациями, не было предела нашей радости.

К маю отряды Бати значительно выросли и своими действиями охватывали огромную территорию. Куклинов оперировал под Полоцком, Щербина, Черкасов и Ярмоленко — под Молодечно. Я находился между Борисовом и Оршей. Центральная база оставалась на старом месте.

Мы были не одни. Активно действовали отряды Заслонова, Воронова, Кузина и несколько других партизанских групп. Зная их работу, Григорий Матвеевич считал, что они и без нас здесь справятся. А нам, хорошо снабженным взрывчаткой и связанным по радио с Большой землей, уже тесно становилось в этих местах.

— В Полесье такие же непроходимые места, как и здесь, но зато сколько там железных дорог! — говорил Батя, развертывая карту. — Барановичский узел. Брестский. Лунинец. Калинковичи. — Он водил пальцем по карте и останавливался на маленьком голубом пятнышке севернее Пинска. — Вот куда надо идти...

Перед выходом Батя собрал коммунистов на лесной поляне, недалеко от лагеря, и беседовал с ними о сложности и трудностях предстоящего пути. «Сотни километров лежат перед нами, — говорил он. — Пойдем мы лесами, болотами, стараясь никому не попадаться на глаза, будем обходить населенные пункты. Каждый должен будет нести не менее двадцати килограммов груза».

* * *

21 мая наша колонна под командой Бати двинулась по азимуту, строго на юг, к Березине, через моховые болота, широко раскинувшиеся впереди. В густых коврах мха, под которыми ощущалась еще не оттаявшая твердая почва, партизаны вязли по щиколотку, по колено, спотыкались,

но упрямо шли за Батей. А он, казалось, не знал, что такое усталость, и с легкостью, удивительной для его возраста, шагал или даже прыгал по кочкам, которые по форме похожи были на большие муравейники и краснели от прошлогодней подснежной клюквы.

На другой день пришлось идти по пояс в болотной воде, под проливным дождем. Но никто не отставал. К половине дня выбрались на сухой островок недалеко от Березины, где стоял когда-то хутор Лубника, а теперь было место черного пожарища. Тут устроили привал перед переправой через Березину.

Ближе к реке идти стало еще хуже. Талая вода затопила луга, кустарники, берега исчезли. Вооружившись длинными шестами, мы нащупывали перед собой дорогу. Вода достигала пояса, иногда подымалась и выше.

В этой трудной обстановке Батя также оказался на высоте. У нас были водные лыжи, но ими почти не пользовались. Да и вообще у нас в стране водными лыжами редко кто увлекался. Вероятно, изобретатель их и специалисты-спортсмены даже не предполагали, что мы будем пользоваться их лыжами в боевых условиях, что они пойдут на вооружение партизан — разведчиков и подрывников. По способу Бати на них партизаны переправлялись через Неман, Днепр, Припять, Буг, Вислу и через другие реки.

Первоначальное испытание этих лыж на Домжерицком озере и на реке Эссе несколько разочаровало. Человек становился на лыжи, прикреплял их к ногам и... переворачивался вниз головой в воду. Григорий Матвеевич придумал свой способ пользования этими лыжами. Палками скрепляли их по три лыжи, получалось нечто вроде плотика, достаточно устойчивого и способного выдержать тяжесть любого человека. Спереди и сзади к этому плотику привязывали парашютные стропы, плот превращался в небольшой паром: оставалось только переправиться на нем на ту сторону реки, а потом перетягивать плотик взад и вперед столько раз, сколько потребуется.

Трудность представлял первый рейс, и его Батя решил сделать сам. Было это на реке Березине. Отдав одному партизану конец веревки, сел на плот, а потом, для большего удобства, улегся на нем и, гребя руками, медленно поплыл через реку. В этом месте река не особенно широка, но беспокойная весенняя вода сильно затрудняла перепра-

ву. Течение сносило плотик, поворачивало его, а у пловца не было ни весел, ни руля. Партизаны, не отрываясь, следили за каждым движением Бати, за легким покачиванием удалявшегося плотика.

— Доплыл!.. Вылезает!.. Готово!..

Все облегченно вздохнули.

* * *

Уже упоминалось, что Батя был знатоком леса. Он умел видеть и слышать в лесу много такого, чего не видят другие, и не раз удивлял нас этим умением. Зимой 1942 года мы ехали на встречу с подпольщиками в деревню Липовец. Вдруг Батя остановил ездового, вышел вперед, стал внимательно прислушиваться. Над лесом закружились вороны, каркая, они пролетели недалеко от дороги.

— Сворачивай, поедем в Ковалевичи, в Липовце немцы, — сказал Батя, — вороны зря не летают, их кто-то напугал.

Потом выяснилось, что в Липовце действительно дожидались нас каратели.

В половине мая 1942 года я был вызван из-под Борисова на центральную базу, которая тогда находилась на лесном островке среди Березинских болот, в четырех километрах от большака Бегомль—Лепель. С опушки леса были видны мост на большаке, охрана на нем и движущиеся по дороге немецкие машины. А в пяти километрах, севернее базы, в селе находился гарнизон оккупантов.

Часовых мы встретили не более как в полутораста метрах от лагеря.

— Вы очень беспечно живете, почти без охраны, — сказал я Бате.

— Почему без охраны? — ответил он. — Видишь вон журавлиное болото, оно нас и охраняет... Гляди!..

А чего там глядеть. Журавлей я видел много раз. Видел, как они серо-бело-черными стаями по сотне и больше птиц дремали, поджав одну ногу и спрятав клюв под крыло. Около каждой стаи нетерпеливо, с расстановкой, внимательно оглядываясь вокруг, прогуливался длинноногий часовой.

Батя понял, что я принимаю его слова за шутку, подозвал одного партизана.

— А ну-ка подойди к журавлям.

Боец пошел. Но едва он добрался до открытого места, караульный журавль из ближайшей стаи остановился, вытянул шею, курлыкнул что-то, и вся стая зашевелилась, заговорила на своем непонятном языке.

— Ну как? — спросил Батя.

— Да, — признался я, — охрана надежная.

Так вот и теперь получилось после переправы через Березину. Западный берег оказался не лучше восточного. Остаток ночи мы шли по лужам, и казалось, конца им не будет. А мы так устали, так хотелось выйти на сухое место, отдохнуть, обогреться, перемотать портянки.

Батя по-прежнему шел с шестом впереди. И вдруг где-то вправо от нас закуковала кукушка. Батя остановился.

— Слышите? — заметил он. — Пойдем на голос кукушки, она живет на сухом месте и недалеко от людей.

Вскоре мы и в самом деле вышли на сухой островок, устроили привал и обсушились.

Наш рейд на запад, продолжавшийся полтора месяца, был закончен. Мы вышли на Полесье. За это время наши отряды взорвали на железных дорогах тридцать два эшелона, уничтожили несколько вражеских заготовительных пунктов, баз и складов. Большая работа была проведена партизанами среди населения западных областей Белоруссии, в результате в пройденных нами местах возникло несколько новых партизанских отрядов.

Я командовал самым западным из наших отрядов, базировавшимся около того самого Выгоновского озера, к которому по первоначальным нашим планам должно было выйти все наше соединение. Работу там я продолжал до осени 1942 года, когда Григорий Матвеевич вновь вызвал меня на центральную базу. Он получил приказ Московского центра передать все хозяйство своему заместителю Черному (Банову) и вернуться в Москву. А я, как потом выяснилось, должен был уйти в западные области Украины, чтобы там создать такой же центр партизанского движения, каким являлся Батин центр в Белоруссии.

С небольшой группой партизан в ноябре я прибыл на центральную базу. Здесь меня радостно встретил Батя.

Мы сидели в землянке. Он раскинул передо мной большую, во весь стол, склеенную из нескольких листов карту. На ней красным карандашом были нанесены жирные круги, линии, стрелы.

— Вот здесь мы начинали, — сказал Батя, показывая на красные кружочки на Лукомльском озере, под Лепелем, в Березинских лесах. — Мы оттуда ушли, но там оставили наши отряды: капитана Бутенко, Ермакевича и группу лейтенанта Сутушко. А вот под Полоцком, недалеко от станции Ветреное, находится отряд Куклинова. Под Минском — бригада Щербины и Меймаха, под Молодечно — бригада Черкасова. Возле железнодорожного узла Калинковичи находился Садовский. Под Пинском, Барановичами ваши отряды. Кроме того, наши рейдовые отряды действуют под Бобруйском, Столпцами. И на Украине мы уже имеем три отряда: Сазанов под Олевском, Насекин и Картухин под Ковелем.

Батя показывал нам с Черным эти кружочки и линии. Мне и без объяснений все они были понятны и памятны, но только сейчас, глядя на эту карту, я живо представил себе всю широту охвата его организаторской работы. Отряды Бати разбросаны были от Полоцка до Луцка и от Днепра до Западного Буга.

Заканчивая демонстрацию карты, Батя сказал:

— Надеюсь, что без меня этих кружочков станет еще больше...

Вскоре Григорий Матвеевич улетел на Большую землю. Но его отряды так и продолжали называть отрядами Бати. Крючков линий, как он и предполагал, стало еще больше. Наши отряды находились на Висле, дошли до Одера, побывали в Чехословакии.

Батя улетел, но мог ли он, такой беспокойный и деятельный человек, долго оставаться на Большой земле? Недаром в начале войны он сам для себя выбрал наиболее опасную и наиболее трудную работу. Он должен был к ней вернуться. И действительно, в мае 1943 года под Брестом появился командир партизанских отрядов полковник Льдов. Фамилия не знакома, но по делам, по почерку, как говорится, узнали мы возвратившегося в тыл врага Григория Матвеевича Линькова — партизанского Бати.

Геннадий Фиш

КАРЕЛЬСКИЕ ДЕВУШКИ

(О Лисицыной А. М. и Мелентьевой М. В.)

I

На третий день своего пути по лесу они дошли до родника, пробивавшегося, казалось, из-под самых корней старой ветвистой березы.

— Здесь было условлено, в дупле,— сказала Аня и подошла к дереву.

Марийка стояла рядом, не сводя своих голубых глаз с подруги.

Аня вытащила из дупла сложенную, как конверт, бересту и развернула ее. Внутри лежала записка. Обе головы — Анина, с гладкими, тонкими косичками, которые так смешно подпрыгивали, когда она играла в волейбол, и Марийкина, тоже светлая, но с подстриженными, вьющимися, точно всегда взлохмаченными волосами,— склонились над запиской...

— Вот тебе и раз! — опечалилась Аня, прочитав две лаконичные строки.

Сказала она это по-вепсски, но Марийка поняла ее

разочарование. В записке были только две фразы: «Нас здесь нет. Дома вас ждут».

Фраза эта означала, что партизанский отряд Ивана Власовича, который посылал девушек в длительную разведку в родное село Ани — Шелтозеро, оккупированное врагами, ушел в другие места. Это означало еще и то, что, если девушкам удалось получить важные сведения, они должны немедля доставить их через линию фронта к своим.

А сведения действительно были очень важные. Аня и Марийка шли, радуясь тому, что они смогут на карте точно указать места, где расставлены орудия неприятельских гарнизонов в окрестных деревнях и их численность. Они поименно знали также и всех предателей в районе и могли рассказать партизанам о тех жестокостях, которые в своем неистовстве совершали белофинны. И наконец, они несли подлинные документы финской администрации и командования. Каждый день «командировки», длившейся почти месяц, каждый час ее, каждая минута, угрожали девушкам смертью...

И вот теперь, после трех дней ходьбы по лесу, без еды, с одним только маленьким пистолетом, они стояли у старой березы и перечитывали записку, предписывавшую им дальнейший одинокий путь. Отсюда, из глубокого финского тыла, до линии фронта по прямой было восемьдесят километров.

— Ну что ж, пойдем,— сказала Аня и посмотрела на циферблат финского компаса, прилаженного, как часы, на правой руке.

— Пойдем,— повторила Марийка,— пусть Иван Власович не пожалеет, что отправил нас.

Иван Власович был учителем в той школе, в которой до войны училась Аня. Еще совсем недавно ему и в голову не могло прийти, что он будет командовать партизанским отрядом, а его бывшая ученица придет в отряд как рядовой боец.

— Так я на вас рассчитываю,— сказал он, беседуя с девушками перед тем, как они отправились в «командировку».— Помните партизанскую присягу? — И сердце его сжалось, когда он вдруг подумал о том, что грозит им, если они попадут в руки врага... Немного помолчав, Иван Власович вдруг строго спросил у Ани:

— Лисицына, можно ли тебе доверить такое дело? Дисциплина у тебя в школе хромала, к тому же ты никогда

не сознавалась, когда не знала урока. Помнишь, я как-то спросил у тебя, где находится Красное море, а ты ответила: «У нас в Карелии. Раньше оно называлось Белым, а после революции его переименовали»? — Иван Власович улыбнулся.

Марийка прыснула со смеху, а Аня покраснела.

— Так ведь то когда было? А теперь я взрослая — через неделю восемнадцать лет стукнет...

После этого разговора прошло уже больше месяца. И сейчас, возвращаясь обратно, Ане было приятно думать, что Иван Власович будет доволен их работой.

«Я расскажу ему про нашу школу»,— думала она, отмахиваясь от надоедливых комаров.

В ту школу, где совсем еще недавно училась Аня, сейчас прислали учителя из Финляндии. Учитель этот бьет детей линейкой по рукам и по ушам. Он избил Володьку Полубелова, который всего на два класса был моложе Ани, за то, что тот ответил ему на какой-то вопрос по-вепсски.

— Про племя вепсов,— говорил еще в школе Иван Власович,— наверно, мало кто знает, и от каждого из нас зависит прославить его на весь мир...

II

Они шли целый день без отдыха, на ходу грызли хрустящие на зубах сухари, которые казались им самым изысканным яством.

Вокруг стоял пестрый карельский лес. Ровная гладь тихих прозрачных озер у берегов покрыта была золотым ковром листьев, опавших с берез. Осины трепетали всем своим разноцветным оперением при малейшем дуновении ветерка. Шли они всю ночь и только перед рассветом часа на два забылись неуютным лесным сном. Спали полусидя, прислонившись спинами друг к другу, чтобы было теплее, потому что при таком сне раньше всего холодеет спина.

Утром траву покрыл иней. Девушки пошли дальше. Они радовались, что все было спокойно и никто не пересек их пути. Над лесом стоял зыбкий утренний туман. Подруги пробирались, видя перед собой всего на несколько шагов.

Солнце было уже высоко, когда туман разорвался, и Аня вдруг увидела, что они идут по совсем черной земле.

Земля и стволы сосен были совершенно черные, и только хвоя — оранжевая, цвета апельсиновой корки.

Это был тот самый лес, который в июле подожгли партизаны, чтобы выгнать врагов на дорогу. Всего в нескольких шагах от девушек быстро прошла, раздвигая кусты, лосиха с двумя телятами...

— Жаль, ружья нет!

— Все равно нельзя стрелять,— отозвалась Аня, но при мысли о жареном мясе у нее засосало под ложечкой.

Потом земля стала мягкой. Следы наливались водой.

Аня остановилась у ели перемотать портянки и вдруг услышала всплеск и легкий вскрик. Она быстро сунула ногу в тяжелый яловый сапог и поспешила вперед, к подруге, перескакивая с кочки на кочку, прошла метров тридцать и остановилась. Шагах в десяти перед ней в трясине барахталась Марийка. С каждой минутой она погружалась все глубже и глубже. Аня растерянно оглянулась, не зная, в первый момент, что же делать, чем помочь. Увидев Аню, Марийка поднесла к шее руку и стала развязывать шнурок, на котором был кисет с бумагами, добытыми в финском штабе.

«Аня их доставит»,— подумала Марийка.

Невдалеке стояло сухое, тонкое мертвое деревцо.

Аня, не разбирая дороги, скользя по мшистым кочкам, падая и снова поднимаясь, подбежала к деревцу. Сухое, оно легко поддалось ее усилиям. Она подтащила легкий ствол к тому месту, где была ее подруга. Трясина доходила Марийке уже чуть ли не до груди. Аня протянула ей деревцо. Марийка не могла до него дотянуться. Аня подтолкнула деревцо вперед.

— Клади его поперек! — закричала она.

— Тише ты! — негромко отозвалась Марийка и дотянулась наконец до сучковатого ствола. Упершись грудью в него, она подтянулась на руках, и, уже совсем изнеможенная, выбралась из трясины. Когда Аня увидела, что подруга в безопасности, она сразу как-то неожиданно ослабела и, чтобы не упасть, прислонилась к колючему можжевеловому кусту.

Марийка, выйдя на сухое место, выжала юбку, и девушки двинулись дальше в путь.

— Это я в кино видела, как человек из болота спасся. Доску поперек себя положил, оперся на нее и выполз,— говорила Аня, останавливаясь около брусничной россыпи.—

Вот так и я с тобой сделала,— продолжала она, опрокидывая в рот полную ладонь вкусных, чуть горьковатых ягод.

— А ты так ловко с елкой управилась,— сказала Марийка,— как настоящий лесоруб. Ты кем собираешься быть? — спросила она вдруг и сама удивилась, что, познакомившись и подружившись в отряде, они об этом до сих пор не разговаривали.

— Я очень платья разные люблю, материи цветные. Хочу после войны в текстильный институт пойти, по окраске материй работать. А ты?

— Я? Я в позапрошлом году летчицей собиралась быть. Даже с парашютом прыгала. Потом решила, что буду морским капитаном... Но началась война. Мне еще два класса оставалось... Мы в Пряже жили.... Я сначала хотела вместе с другими эвакуироваться, чтобы продолжать учиться. Но знаешь, в июле ребятишки играли на улице, копались в пыли — и вдруг налетели финские самолеты. Что тут было!.. Они из пулеметов расстреливали детишек. Соседскую девочку — шестилетнюю — убили. Я ее на руках в комнату внесла. Такая хорошая девочка была, умница. Мать ее с ума сошла... В тот день я решила, что нет, не буду эвакуироваться, не будет мне спокойствия, пока...

— Понимаю,— прервала ее Аня,— понимаю.

III

К вечеру девушки вышли на берег широкой быстрой реки.

До наших оставалось не больше двадцати километров. Но надо было перебраться на противоположный берег. Лесистый и обрывистый, он чернел в каких-нибудь двухстах метрах от того места, куда вышли из чащобы девушки.

На другом берегу горели костры. Видно было, как черные фигурки суетятся около огня, подбрасывают хворост, подвешивают к треноге котелок. Девушки прошли вниз по реке метров двести.

— Ох, погреться бы у костра, попить горячего чаю и надеть тапочки,— мечтательно сказала Аня.

— Тоже мне вояка! — снисходительно улыбнулась Марийка. И ей, особенно после болота, хотелось погреться у костра, но она боялась сознаться в этом.

Близ реки лежало несколько сухих тонких деревьев.

Видно, кто-то из окрестных крестьян еще в прошлом году заготовлял себе дрова да, застигнутый бедой, так и оставил их валяться на берегу.

Девушки стали вязать плотик. Пошли в ход и косынки, и пояса, и гибкие ивовые ветви...

Через час плотик был готов.

— Аня! — тихо сказала Марийка.— Если что-нибудь со мной случится, передай, пожалуйста, в Беломорск, Васе, что я очень много о нем думала...

— Передам.— И Аня столкнула плот на воду.

Марийка стояла на коленях, отталкиваясь от берега суковатой длинной палкой. Река была широкая и быстрая. Нескладно, наскоро сделанный плот уже метрах в десяти от берега стал распадаться, косынка развязалась, стволы уходили из-под ног, холодная вода подобралась к щиколоткам. А до противоположного берега еще далеко. Скоро плот совсем распался. Уцепившись за бревна, девушки добрались обратно к тому берегу, от которого только что отплыли.

— Плаваешь? — спросила Марийка у Ани.

— Конечно!

— Тогда надо переплывать. Холодновато, но зато к утру обогреемся уже у наших. Наедимся в четыре горла.

Девушки не торопясь разделись, оставив на себе только трусики. Марийка положила финские бумаги и компас себе в берет и приладила его на голове. А платья девушки связали в узелок, в который уложили и пистолет.

— Я поплыву с ним,— сказала Аня, решительно тряхнула головой, так, что кончики косичек подпрыгнули выше затылка.

Ступня ее ощутила прикосновение, мелкого, бархатистого, рассыпчатого песка, холод почти ключевой воды.

— Ох,— сказала она, сделав шаг вперед, и погрузилась по горло в воду.

Марийка тоже вошла в реку. Она оттолкнулась ногами от дна и, глубоко вдохнув воздух, поплыла к противоположному берегу. От холода заныло все тело. Плыла она, как говорят мальчишки, по-лягушечьи: выкидывая вперед руки и разводя их.

Аня плыла быстрее, чем Марийка, но она была тоненькая, и ее скорее охватил пронизывающий холод.

Она взглянула вперед. Перед ней поднимался крутой лесистый берег. Отдельные деревья в темноте были нераз-

личимы. Лес стоял плотной, темной, непроницаемой стеной. До этого берега было сейчас дальше, чем до оставленного позади. Аня плыла и слышала ровное дыхание немного отставшей Марийки и плеск разрезаемой телом воды. Вдруг судорогой свело ее левую ногу. И сразу же, испугавшись, она стала плыть, загребая руками теперь вразнобой. Рот ее полуоткрылся, и она хлебнула немного холодной невкусной воды. Слева Аня видела дробящееся в воде, зыбкое отражение пламени костров. Оттуда раздавались громкие голоса.

«Вот крикну — и спасут!» — мелькнула мысль, сразу как-то успокоившая ее. Она стала дышать ровнее и попробовала, может ли двигать левой ногой. Но режущая боль судороги подобралась и к правой ноге.

«Если закричу, спасут!» И вдруг она страшно испугалась того, что она действительно закричит. Сбегутся от костров враги и, вытащив из воды, схватят ее и Марийку, и все, что они узнали, вся работа пойдет прахом. А Иван Власович тихо скажет себе:

— Напрасно я понадеялся на этих девчонок.

И она вспомнила лицо Ивана Власовича, родное, трогательное и немножко смешное, когда он хочет казаться строгим. Нет!

— Марийка,— задыхаясь, спросила Аня,— ты доплывешь? Доплывешь, Марийка?

— Доплыву.

— Ты все помнишь: и про батареи, и про гарнизоны?

— Помню.

Берег был уже не так далек. Течение очень сильное, и казалось, что берег быстро плывет им навстречу. Аня снова глотнула воды.

«Ой, закричу!»

Костры горели по-прежнему. И тогда, больше всего на свете боясь, что она закричит, Аня закусила правую руку повыше кисти и почувствовала на языке солоноватый вкус крови.

Марийка, подплывая к ней, услышала последние слова подруги. Она увидела, как голова Ани ушла под воду и снова вынырнула, увидела знакомые блестящие глаза, закушенную руку. Подплыв к Ане, Марийка ухватилась за кончик косички и потянула ее к себе, но от чрезмерного усилия сразу потеряла дыхание и сама чуть не захлебнулась. Холод колол ее тело тысячью острых каленых иго-

лок, и она поняла, что если еще хоть минуту промедлит, то и сама не выплывет... Марийка подняла руку к голове. Берет был совсем сух. Под ним топорщились бумаги. Часто и прерывисто дыша, чувствуя, что сердце бьется где-то у горла, Марийка подплывала к берегу. Она ухватилась обеими руками за выступавший высоко над водой узловатый корень старой сосны, подтянулась, выползла на берег и встала. Тело ее дрожало непрерывной мелкой дрожью. Разглядывая гладь реки, Марийка даже не заметила, что зубы ее стучат.

Вода была темной.

— Аня,— тихо сказала Марийка,— так вот ты какая!

Не замечая времени, она стояла на берегу, разглядывая реку, зная, что некого ждать, и все же еще сердцем не веря в гибель подруги.

Потом она сняла берет, проверила, на месте ли документы, положила шуршащую бумагу обратно, натянула на голову берет и вдруг вспомнила, что ей не во что одеться.

Сверток с платьем утонул.

Голодная, в одних трусах Марийка упрямо шла по лесу, изредка проверяя направление по компасу. Ветви царапали тело в кровь, но она шла, не обращая внимания на царапины. Тело ее посинело от холода. Густыми тучами носились вокруг комары. Сначала она веткой отмахивалась от них, но потом перестала: все равно не отобьешся! Все тело казалось одной большой зудящей раной.

Днем, надергав мха с кочек и покрывшись им, девушка забылась коротким, тревожным сном, пригреваемая косыми лучами солнца.

На другой день, когда Марийка отдыхала, прикрывшись мхом, она услышала финскую речь... Невдалеке, по дороге, прошел неприятельский патруль. Потом проехал автомобиль. Ей не хотелось вставать. Была такая слабость, что, казалось, нет большего наслаждения, чем лежать так, без движения, без дум... Но вдруг словно электрический ток прошел по телу. Марийка вскочила и пошла. Ей вспомнилось милое лицо, голубые глаза и какой-то незнакомый мотив вепсской песенки, которую любила напевать Аня...

Теперь она шла уже не нагибаясь, чтобы сорвать ягоды: когда она нагибалась, ее тошнило, кружилась голова, и потом трудно было снова определить, в какую сторону надо идти... Так добрела до большого завала, который тянулся влево и вправо на несколько километров.

«Здесь пройду»,— решила Марийка и стала переползать через бревна. Сучья царапали ее, приподнять ногу казалось непосильным трудом... Она ложилась всем телом на бревно и затем медленно переваливалась на другую сторону. Ей надо было несколько минут отдыхать, прежде чем снова повторить движение. Два или три раза она засыпала среди деревьев, а проснувшись, не помнила, утро сейчас или вечер. И взяв в рот сухую горькую кору, снова начинала переползать через поваленные деревья со вздыбленными ветвями...

Лежавшую без чувств девушку нашли около завала наши разведчики.

Через три часа Марийку, укутанную в одеяла, уже отпаивали крепким горячим чаем. У нее пересыхали губы, и глаза тоже были сухие. И только через несколько дней, рассказывая медсестре об Ане, она вдруг вспомнила веселую косичку и робкий голос:

— Доплывешь?

Вспомнила руку, закушенную, чтобы не закричать, и залилась слезами...

Через некоторое время вражеские гарнизоны и батареи, о которых сообщила Марийка, были уничтожены партизанами. И это было лучшим лекарством для лежавшей в госпитале девушки.

Месяц спустя она написала в Кемь, своей подружке-однокласснице Пане Савватьевой, что ее наградили орденом. И среди воспоминаний о том, как они вместе ходили гулять на «горку любви» в Пряже, как разговаривали о пушкинской Татьяне, были такие, написанные разбросанным, еще не выработавшимся почерком строки: «Если бы не было войны, то сейчас мы с тобой учились бы уже в десятом классе... Вот было бы хорошо!»

IV

На всю жизнь в памяти Даши Дудковой осталась эта минута, это прощание в предрассветной полумгле, когда Марийка, торопливо обняв, поцеловала ее в щеку, а затем повернулась и зашагала к лесной опушке. Пройдя шагов двадцать, она обернулась, помахала рукой подруге и, уже не оглядываясь, перескакивая с кочки на кочку, скрылась за деревьями. Уже давно исчезла в глубине чащи ее невысокая плотная фигурка, уже солнце поднялось над лесом,

а Даша все еще стояла, глядя в ту сторону, куда ушла Мария Мелентьева.

Весь вечер перед этим Марийка начинала писать какую-то записку. Но, видимо, ей никак не удавалось написать задуманное, потому что она рвала бумагу на мелкие клочки, снова писала и снова разрывала.

— Даша! — наконец сказала она.— Ты ведь все знаешь! Помоги, а то я очень волнуюсь, и у меня ничего не получается.

И впрямь, было от чего волноваться Марийке.

Выздоровев, она стала требовать, чтобы ее отправили назад, в партизанский отряд.

— Я там нужнее, чем здесь! — говорила она.

Просьбу Марии удовлетворили. Ее решили послать для связи в один из партизанских отрядов, действующих далеко в тылу врага.

Весь день она заучивала наизусть то, что следовало передать в отряды, а вот теперь, вечером, перед уходом, хотела написать письмо Василию, с которым они вместе учились в школе, которого она любила...

«Ну вот, Василий,— писала она,— через несколько часов я буду очень далеко от тебя, и ты совсем не вспомнишь ту девушку, которая любила тебя. Для тебя это не новость...— Тут у Марийки перехватывало дыхание и карандаш начинал дрожать в руке.— Видишь ли, Вася, когда мы шли по лесу с Аней, мы много говорили о жизни и о любви... Я говорила ей о тебе...»

С помощью Даши письмо было дописано поздно вечером.

— Отдай ему через несколько дней,— попросила Марийка, ложась спать. Она приподнялась, чтобы еще что-то спросить, но Даша пригнула ее голову к подушке.

— Все равно разговаривать с тобой не буду. Спи... Рано вставать надо...

Всю ночь Даша не спала, сидя у изголовья подруги. Она должна была разбудить Марийку на рассвете и боялась проспать.

V

Уключины были обмотаны тряпками и не скрипели. Ночь стояла темная, холодная. В нескольких метрах впереди и позади нельзя было разглядеть ничего. Кроме

Марийки в лодке было еще трое разведчиков, фамилии которых она не знала и, по закону разведки, даже не спрашивала. Одного из них — в шерстяном вязаном подшлемнике — звали Ваня, другого, не промолвившего ни слова за весь путь,— Саид, у третьего же было странное прозвище — Пламенный привет.

— Почему его так зовут? — тихо спросила Марийка у сидевшего рядом на скамье Вани.

— Солнце взойдет — сама увидишь! — отозвался он, и Марийке послышались в его ответе смешливые нотки.

«И правильно,— укорила она себя,— не надо спрашивать».

Позади шла еще одна лодка. В ней сидело восемь бойцов с легким пулеметом. Им было поручено во что бы то ни стало провести Марийку и ее спутников через линию фронта, а самим возвратиться. Озеро было огромное. Гребли по очереди. Начав переправу в шесть вечера, к четырем ночи приблизились к противоположному берегу.

Финны не спали. То и дело над берегом взлетали в черное небо и медленно опускались к сырой земле ракеты, на много верст освещая все вокруг ровным, немигающим зеленоватым светом. Луч прожектора шарил по кучевым плотным облакам и вдруг опускался вниз, на гладкую, словно застывшее масло, воду. И когда он подходил близко к лодке, сердце Марийки опускалось, как бывает у человека на самолете, быстро теряющем высоту. Но, уже почти доходя до лодки, луч внезапно ускользал вправо. Потом светлое пятно бежало по сизым облакам. И тогда от сердца отлегало, и пригнувшиеся гребцы снова распрямляли спины. Вдруг блуждающий луч набрел на первую лодку, прошел по ней влево и снова вернулся, точно поймав ее. И прежде чем Марийка успела что-нибудь сообразить, она почувствовала толчок и сразу очутилась в холодной, пронизывающей воде.

Вода доходила Марийке до груди. Это Саид рывком перевернул кверху дном лодку — люди очутились в озере, и неприятельским наблюдателям черная, просмоленная лодка, с поднятым кверху килем могла показаться одним из многих прибрежных валунов. Сразу поняв, что надо делать, бойцы в лодке, шедшей позади, открыли стрельбу, привлекая внимание к себе. С берега послышалась ответная стрельба. Луч прожектора поймал вторую лодку и застыл на ней. Дрожа от пронизывающего все тело холода, Ма-

рийка стояла, подогнув колени так, чтобы над поверхностью воды осталась только одна голова.

Ваня тронул Марийку за локоть.

— Давай выбираться на берег! — тихо сказал он. И, пользуясь тем, что внимание врага было приковано ко второй лодке, они вышли из воды.

Быстро пробравшись в прибрежный лесок, Марийка, выжимая платье, не отрывая глаз смотрела, как отходит лодка с товарищами обратно к тому берегу, где было сейчас все, что дорого ее душе. Рядом с лодкой, почти у самого борта, то и дело подымались вверх сверкающие в свете ракет зеленые фонтаны от разрывов мин.

Ухнул орудийный выстрел. Снаряд лег далеко впереди лодки.

Где-то неподалеку дробно строчил пулемет.

«Уйдут ли?» —с тревогой подумала Марийка.

— Уйдут, теперь это не твоя забота,— сказал Ваня, словно угадав ее мысли.— Твоя забота теперь — свое дело как следует делать. Пойдем!

И они пошли в глубь леса, на запад.

Если бы не холод от облегавшей тело мокрой одежды, то идти по этому лесу было бы нетрудно, потому что шагали налегке: заплечные мешки утонули и не было времени разыскивать их на дне озера. Осталось лишь по нескольку сухарей в карманах. Только у одного Пламенного привета был автомат с диском, у других — пистолеты.

— Ничего, дойдем! — подбодряя других, сказала Марийка.— И то счастье, что комаров уже нет!

Когда солнце поднялось высоко, разведчики легли отдыхать, зарывшись в мох. Устраиваясь поудобнее, Пламенный привет снял шапку и положил ее под голову. У него была густая, ярко-огненная шевелюра. Марийка никогда не видела таких рыжих волос. Поймав ее взгляд, он улыбнулся и произнес:

— Спокойной ночи! Привет!

«Теперь понятно, почему его так прозвали»,— подумала Марийка. Они спали, согревая друг друга теплом своих тел. Дежурили по очереди. Укладываясь поудобнее, Марийка вспомнила Дашу. «Она, конечно, уже встала и пошла на работу, а письмо передаст Василию только завтра...» С этой мыслью девушка заснула, и плечо товарища казалось ей мягче, чем маленькая подушка на кровати в комнате в Беломорске.

VI

Так шли они, обходя стороной редкие, обезлюдевшие деревушки. Ели крупную багряную бруснику, сладковато-горькую рябину и кое-где еще сохранившиеся ягоды гоноболя. У одного глухого маленького озерка Ваня бросил в воду двухсотграммовую шашку тола, и через несколько минут они собрали штук двадцать щучек, окуньков, линьков. Марийка поджарила рыбу днем на маленьком костре из сухих сучьев, предварительно содрав с них кору, чтобы не было дыма. И хотя не было ни щепотки соли, рыба показалась им чудесной.

На четвертые сутки такого блуждания по лесу, когда уже было пройдено больше чем полпути, они приблизились к деревушке Топорная Гора.

Было решено, что Ваня, не заходя в деревню, пойдет дальше и в десяти километрах остановится, чтобы подождать остальных.

— Если через десять часов не догоним тебя, иди дальше один,— сказала Марийка.— Значит, нам не удалось достать ни хлеба, ни соли или еще того хуже пришлось...

Марийка одна из всей группы говорила по-карельски и по-фински.

— Я пойду в деревню! — сказала она товарищам.— А вы меня здесь, за околицей, ждите.

— Ну нет, не на таких напала. Мы тебе защитой будем,— грубовато сказал Пламенный привет.

Так и сделали. Ваня пошел дальше, а двое разведчиков с Марийкой притаились среди кочек в леске около деревни и, наблюдая за тем, что происходит на деревенской улице, дожидались сумерек.

Солнце садилось далеко за озером, и маленькие окна бревенчатых изб, украшенные резными наличниками, горели, отражая дальний пожар заката...

Ослабевшая за несколько голодных суток, Марийка с трудом поднялась по крутым ступенькам высокого скрипучего крыльца и, потянув щеколду, вошла в тесные сени. За нею, нагибая голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, вошел Саид. Пламенный привет шел позади, держа палец на спусковом крючке автомата. Из горницы доносились громкие голоса. Марийка вошла в комнату и окинула ее взглядом.

Несколько женщин, сидя на лавочке и суча нитку кудели, вели между собой оживленную беседу. Два старика с окладистыми седыми бородами сидели молча около окошка. Девушка с толстой косой налаживала чадившую лампадку. Когда Марийка вошла в комнату и следом за ней появился Саид, беседа сразу прервалась. Девушка отставила в сторону лампадку, повернулась к Марийке и радостно воскликнула:

— Ты от наших?

И не успела Марийка промолвить слово, как все повскакали с мест, обступили ее, стали расспрашивать:

— Ну как там? Да как ты решилась прийти? Здесь и без всякой вины в беду попадешь! Где наши сейчас стоят?

На эти и еще на десяток других жадных вопросов Марийка должна была сразу же ответить. И так радостно было ей говорить правду этим запуганным, обездоленным людям!

Все они слушали ее с напряженным вниманием, и никто не заметил, как из горницы вышла кривая старуха. В сенях она увидела разведчика, стоявшего у дверей. Старуха знаками показала, что ей надо в отхожее место, которое было тут же, в коровнике, и отделялось от сеней невысокой дощатой перегородкой.

В горнице девушка с толстой косой подошла вплотную к Марийке:

— Родная! Возьми меня с собой, прошу тебя! — взмолилась она.— Все что угодно буду там делать. Только вызволи отсюда.— И она опустилась на колени перед растерявшейся Марийкой.

— Ой, женки,— вдруг спохватилась хозяйка избы, — а куда же Петровна скрылась?

Все переполошились.

— Не иначе, как к финнам побежала.... У нее сын еще в двадцать втором году в Финляндию скрылся. Недавно нашла его. Посылку прислал ей... Быть беде! — быстро, перебивая друг друга, затараторили женщины.

— Голубушка, что ж ты стоишь, иди скорее! — торопили они Марийку.— Иди, прячься...— Говоря это, они совали ей в руки куски хлеба. Хозяйка вытащила из печи котелок с картошкой и, обжигая пальцы, стала запихивать в карманы Марийке и Саиду горячие, дымящиеся картофелины.

— Эх ты, Пламенный привет, что ж ты ее выпустил! — с упреком сказала Марийка, выходя в сени.

— Да не выпустил, она здесь! — весело ответил разведчик и, с силой выдернув задвижку, распахнул дверь в уборную.

Она была пуста. Две большие доски были отодвинуты в сторону.

— Ах ты, сволочь! — выругался Пламенный привет и выскочил на крыльцо вслед за Марийкой.

Вместе с Саидом она уже шла по улице. Сбегая по ступенькам, Пламенный привет вдруг увидел, что из-за угла, навстречу Марийке, вместе с кривой старухой вышло несколько финских солдат, один из них держал на поводке повизгивающих собак. Пламенный привет поднял автомат и дал длинную очередь. Несколько солдат упало. Другие забежали за угол двухэтажной избы.

Марийка быстро повернула к баням, стоявшим у ручья, за которыми начинался лес на болоте. Пламенный привет большими, размашистыми шагами побежал туда же... Несколько выстрелов раздалось им вслед.

— Ну, вот и попались! — тихо сказал Саид, проверяя, сколько патронов осталось в обойме его пистолета.

— Уйдем! — уверенно бросил Пламенный привет.

Но в эту минуту они услышали заливистый лай собак.

— Не уйдем! — прислушиваясь к лаю, сказала Марийка и, помолчав, добавила: — Надо идти назад, в другую сторону, чтобы не подвести Ваню.

Они пошли, перескакивая с кочки на кочку, проваливаясь в болото, обратно, на восток.

Собачий лай раздался совсем близко. И не успела Марийка перескочить еще несколько кочек, как в подол ее юбки вцепилась зубами овчарка. Марийка остановилась и выстрелила. Раздался жалобный вой, собака разжала челюсти.

Марийка пробежала еще несколько шагов, но с другой стороны также послышался лай. Слышны были голоса и грубая ругань на финском языке.

Марийка остановилась.

Навстречу из леса шли солдаты с собаками. Саид лег в болото. Рядом с ним — Пламенный привет. Марийка тоже опустилась на сырую землю.

— Товарищи! — тихо сказала она.— Товарищи!

— Не надо говорить, ничего не надо говорить, Марийка, мы все знаем! — отозвался Саид.

Раздалась длинная очередь из автомата.

Пламенный привет работал точно. Человек шесть финнов упали как подкошенные. Послышались стоны. Потом все смолкло, и только слышно было, как жалобно чавкает болотистая почва и повизгивают сдерживаемые собаки. Солдаты подползли к кочкам, между которыми притаились разведчики. Потом финны открыли сильный огонь, Марийка плотнее прижалась к холодной, сырой земле.

«Последнюю пулю сберегу»,— решила она.

Снова раздалась очередь из автомата. Пламенный привет бил безостановочно.

— Чего ты торопишься, экономь! — крикнул Саид.

Но тот продолжал стрелять: Пламенный привет был убит, в предсмертной судороге он нажал на спусковой крючок автомата. Палец его не распрямился и после того, как окончился диск.

Еще автомат его продолжал стрелять, когда в двух шагах от Марийки выросла фигура солдата. Марийка прицелилась и выстрелила. В то же мгновение что-то тяжелое обрушилось сзади на нее и вдавило ее в зыбкую землю. Теряя сознание, она успела еще крикнуть:

— Смерть захватчикам!

И услышала гортанный голос Саида, кричавшего, очевидно по-татарски, проклятия.

Очнулась она на рассвете в холодном темном подвале. Голова ныла. Рассеченная нижняя губа кровоточила, мокрое платье было разодрано.

Рядом во тьме стонал человек.

— Саид? — окликнула Марийка.

— Ты жива? — спросил Саид.— Лучше бы ты уже умерла!

Они лежали молча на холодной, влажной земле. В наступившей тишине только и слышны были шаги часового, ходившего взад и вперед около дома. Время тянулось в молчании, продолжавшемся, может быть, несколько минут, а может быть, и несколько часов.

— Марийка,— окликнул ее вдруг Саид.— Спасибо тебе за те слова, в болоте. Тогда я сказал: не надо говорить, сам знаю. Это правда. А все-таки спасибо, что сказала!

— Послушай,— промолвила Марийка,— сколько мог пройти Ваня? Мы десять часов лежали у деревни. Потом

разговор — час, да бой — час. Теперь, наверное, утро наступает. Сколько времени мы здесь?

И они стали шепотом подсчитывать, далеко ли успел уйти Ваня. То, что он был теперь, вероятно, ближе к условленному месту, чем к деревушке, в подвале одной из изб которой они были заключены, успокаивало их и радовало сейчас больше всего на свете. Захотелось есть. Марийка вытащила из кармана две картошки и протянула одну Саиду. Картошка была вкусная, рассыпчатая, и только из-за рассеченной губы было больно откусывать... Над головой заскрипели доски, застучали сапоги. Послышались голоса. И среди других фраз Марийка услышала:

— Посмотри там, очнулась она или нет. Если пришла в себя, тащи сюда. Девушка будет сговорчивее, чем этот чертов татарин!

Со скрипом поднялся квадрат люка. Яркий свет ударил в глаза Марийке. Она застонала. Спустившийся в подполье солдат толкнул ее в бок ногой. Она не шевельнулась. Солдат поднес к лицу девушки карманный фонарик. Веки ее были плотно сжаты. Солдат прикрикнул:

— Вставай!..

Она не ответила. Тогда он, кряхтя, полез наверх и с силой захлопнул крышку люка.

— Для чего ты так сделала? — спросил Саид.— Муки боишься? Все равно не уйдешь, для чего же тянуть?

— Ване каждая лишняя минута дорога!

Прошло еще несколько часов, прежде чем их вытащили из подвала, вывели на деревенскую улицу и поставили около плетня поблизости от большой избы.

Недавно прошел дождь — дорога была грязная и вязкая, но небо было уже синее, и в большой луже перед домом отражались бегущие по нему облака. Марийка оглянулась. Будто вся деревня вымерла. Лишь вблизи стояло несколько солдат. Саид едва держался на ногах. Взглянув на него, Марийка содрогнулась: лицо его было неузнаваемо — сплошная кровоточащая рана.

«Неужели и у меня так будет?» — подумала Марийка, и ей, так недавно печалившейся из-за нескольких веснушек на лице, стало страшно.

— Ну, девушка,— вежливо сказал финский офицер,— ты мне сейчас ответишь на вопросы.

Он говорил по-русски. Марийка ответила по-фински, чтобы все стоящие поблизости солдаты понимали разговор.

— Смотря какие вопросы будешь задавать.

— Так ты финка! — удивился офицер.— Ну, тогда другой разговор!

— Я карелка.

— Это тоже неплохо. Одним словом, твоя жизнь в твоих руках. Откуда вы пришли?

— Мы — народ. Мы — здешние!.. А если бы мы на минуту раньше из деревни вышли, так вы ни за что бы не взяли нас! — вдруг добавила она.

Офицер посмотрел на ее бледное, худое лицо, на синюю, рассеченную губу, на оборванное платье и засмеялся.

— Ну, нет! Я за вами с собаками от самого берега шел. Минута-другая тут роли не играет!

И Марийка поняла, что офицер ничего не знает про Ваню, что они остановили погоню и приняли ее на себя. И от этого сознания ей стало легко и радостно, словно не смерть ее ждала сейчас, а большая удача. Лицо ее просветлело. Голубые глаза засияли.

Удивленно глядя на нее, офицер продолжал допрос:

— Сколько вас было? Трое?

— Ну нет! Нас больше, чем тебе кажется!

— Не обманешь! — усмехнулся офицер.— Один из вас в болоте лежит,— значит, осталось двое, а теперь,— он вытащил из кобуры пистолет и выстрелил прямо в лоб Саиду,— а теперь ты одна осталась!

Саид упал навзничь. Он лежал в грязи у ног Марийки. Девушка покачнулась, слезы подступили к глазам. Она ухватилась рукой за неровные жерди косого плетня. Переводя дыхание, взглянула на облака, бежавшие по высокому голубому небу. И перед ней возникло лицо Ани, когда она спросила: «Доплывешь?»

— Доплыву,— прошептала Марийка и заплакала.

— Вот плачешь,— сказал офицер, довольный произведенным впечатлением,— а если будешь хорошо вести себя, мы дадим тебе возможность и порадоваться!

— Я и сейчас радуюсь! — громко, чтобы слышали солдаты, сказала Марийка.— Я и сейчас радуюсь тому, что порученное мне задание выполнено, а плачу я от злости, что не могу убить тебя, фашистскую собаку!

И в ее широко открытых глазах, наполненных слезами, глядящих на него в упор, офицер увидел такую ненависть, что содрогнулся. Подняв пистолет, он отвел в сторону глаза и, не целясь, выстрелил в Марийку...

Ваня дошел до отряда и выполнил то, что было поручено. Жители деревни похоронили девушку и ее погибших товарищей. Рассказы крестьян о том, как умерла Марийка, были подтверждены показаниями взятого в плен финского солдата, который присутствовал при последнем допросе и был свидетелем последних минут жизни Марии Мелентьевой.

Гудят в карельских лесах электропилы. Яркими огнями отражается, дробясь в бесчисленных озерах, свет сельских электростанций, построенных после войны. Видны эти огни и из широких окон школы имени Марии Мелентьевой в Пряже. Вспыхивает яркий свет лампочек в длинные зимние вечера и в избах колхоза имени Анны Лисицыной на берегу Онежского озера, в селе Шелтозеро. Знает и любит своих героев советский народ и свято бережет память о них.

А. Доманк,
М. Сбойчаков

КОМАНДИР РАЗВЕДЧИКОВ

(О Малышеве М. Г.)

Партизанский отряд только что образовался, а командир соединения генерал-майор Сабуров уже поставил перед ним задачу уничтожить гитлеровцев на станции Аврамовская, разрушить путевое хозяйство и водокачку. Соединение, совершая рейд по Правобережной Украине, проводило операцию по разгрому крупного вражеского гарнизона в Хойниках. Налет на Аврамовскую лишит фашистов возможности получать подкрепления.

Командир отряда Иван Иванович Шитов и комиссар Иван Евменович Скубко задумались. Успех налета во многом будет зависеть от разведки. Кого послать в разведку? Шитов остановил выбор на командире отделения Михаиле Малышеве из эскадрона Якушенко.

Вызвали Малышева. Комиссар внимательно оглядел его. Невысокого роста, плотно сбитый парень. Выслушав задание, Михаил попросил уточнить некоторые вопросы.

Сразу было видно — боевой партизан, недаром он один из первых в отряде награжден медалью «За отвагу».

Отправившись в разведку, Малышев сумел добыть ценные сведения. Он узнал, что личный состав гарнизона живет в казарме. Станцию охраняет одно подразделение фашистов. Враг не ожидает нападения.

Тщательно изучив разведданные, партизанский отряд Шитова внезапно напал на фашистский гарнизон и разгромил его. Вместе с разведчиками сражался и комиссар. Выпустив последнюю пулю из трофейного пистолета, Скубко сунул руку в карман за запасной обоймой, но перезарядить пистолет не успел — из комнаты выскочил фашист и прицелился в комиссара, но выстрела не последовало — раздалась короткая автоматная очередь. Это разведчик Малышев вовремя подоспел на помощь комиссару и сразил врага.

После боя Малышев пришел в штаб, принес комиссару трофейный автомат. Разговорились. Михаил рассказал о себе. Родился и рос в селе Дерябино Варнавинского района Горьковской области. Работал трактористом. В 1938 году призвали в Красную Армию. Служил механиком-водителем танка на Дальнем Востоке, окончил школу младших командиров, участвовал в боях у озера Хасан. Отечественная война застала его на западе на одной из военных баз. Попал в окружение, пробиться к фронту не смог и в декабре 1941 года вступил в Середина-Будский партизанский отряд. Когда было создано соединение под командованием А. Н. Сабурова, перешел в роту автоматчиков, которая преобразовалась в отряд под командованием Шитова.

— Хорошо стреляешь, Михаил. Опоздай на секунду — срезал бы меня вражина.

— Отец научил. Еще мальчишкой на охоту с собой брал, не только стрелять — следы читать, лес понимать. Пригодилась отцовская наука.

— Наука хорошая. Скоро она тебе еще больше пригодится.

К ноябрю 1942 года соединение генерал-майора Сабурова, закончив рейд на Правобережье Украины, расположилось в лесных районах Житомирской области. Партизаны разгромили многие вражеские гарнизоны, пустили под откос немало фашистских эшелонов.

Внимание командования партизанского соединения привлек крупнейший железнодорожный узел Шепетовка, че-

рез который шел большой поток грузов и живой силы врага. Здесь действовал партизанский отряд имени Михайлова под командованием А. З. Одухи, причем действовал, надо прямо сказать, весьма успешно.

Отряд Шитова, насчитывавший к тому времени уже около шестисот хорошо вооруженных бойцов, получил задание выйти в район Новоград-Волынского и Шепетовки, оседлать Шепетовский железнодорожный узел, шоссе Ровно — Новоград-Волынский — Житомир, уничтожать мелкие и блокировать крупные гарнизоны оккупантов, создать условия для развития в этих районах массового партизанского движения, организации местных партизанских отрядов, активизации деятельности антифашистского подполья.

Отряд должен был выступить в начале декабря 1942 года. Началась подготовка, значительно прибавилось работы разведчикам, которые собирали сведения о вражеских силах по маршруту движения, знакомились с местностью.

Накануне выхода в рейд командир и комиссар обошли подразделения, побеседовали с бойцами. Шитов с политруком роты разведчиков П. К. Мироновым подошли к костру, где расположилось отделение Малышева. Уже издалека услыхали приятный высокий голос, выводивший «В чистом поле под ракитой».

— Это Гриша Харитоненко,— сказал политрук.— Парню всего семнадцать, но старшим бойцам ни в чем не уступает. Малышев его особенно охотно берет с собой.

— Послушаем, Петр Кузьмич,— предложил Шитов.

Командир и политрук остановились в стороне. У костра заиграла гармоника, озорной голос с характерным горьковским оканьем затянул шуточную частушку.

— Это сам Малышев поет. Он же и автор таких частушек.

— Вот как! Ну молодец! — похвалил командир.

Постояв минут пять, командир и политрук подошли к костру:

— Здорово поете, хлопцы, ничего не скажешь. А как врага бить будем?

— До сих пор били не хуже, чем пели, товарищ командир,— ответил Малышев.— Постараемся бить еще лучше.

Харитоненко, Петрунин, Валовой, Зубков и другие бойцы дружно поддержали командира.

На другой день отряд двинулся в далекий путь на санях. Предстояло преодолеть охраняемую железную дорогу

Сарны — Белокоровичи, чего нельзя было сделать без боя. Местом перехода определили район разъезда Дровяной пост. Но когда прибыла разведка, стало ясно, что от этого плана придется отказаться: Малышев, Зубков, Глотов и Сидорко подорвали здесь вражеский эшелон.

Отряд успешно форсировал «железку» недалеко от станции Сновидовичи. Фашистское командование направило к месту боя бронепоезд, патрулировавший на участке Сарны — Белокоровичи. Но он успел сделать лишь три выстрела из пушки и полетел под откос, подорвавшись на мине, заложенной командиром диверсионной роты Николаем Чеботаревым. Вслед за этим разведчики передали приказ подразделениям, занявшим оборону, сниматься и догонять основные силы отряда.

Такой крупный партизанский отряд, как отряд Шитова, который в дневное время шел через села, население Емельчинского района видело впервые. Партизан встречали как долгожданных освободителей. Жители села Черное вышли навстречу с красным флагом, преподнесли хлеб-соль командиру.

Как-то Малышеву сообщили, что в одном из сел остался ночевать немецкий офицер. Понадеявшись на то, что в селе есть полицаи, гитлеровец не принял мер предосторожности и поплатился за это. В руки Малышева и Харитоненко попала офицерская планшетка с картой, на которой четко прочерченная красная линия тянулась от Винницы на запад. Михаил вопросительно взглянул на Харитоненко, тот пожал плечами. Хозяин дома, молча наблюдавший за разведчиками, робко заговорил:

— Хлопцы, то, наверно, кабель, который фрицы прокладывали.

Малышев загорелся:

— Можешь показать, дед?

— Можно то можно, только трудно найти под снегом.

С помощью хозяина разыскали место, где должен был находиться кабель. Принялись копать. Промерзшая земля плохо поддавалась. Несмотря на чувствительный мороз, разведчики вспотели. И только на третьем месте, когда Малышев уже совсем решил плюнуть на эту затею, лопата звякнула о металл.

Кабель был заключен в бронированную оболочку. К счастью, у разведчиков оказались четыре толовые шашки. Кабель подорвали в двух местах.

Когда Михаил доложил командиру роты, а тот командиру отряда о кабеле, Шитов обнял разведчика:

— Молодцы! Судя по всему, это тот кабель, что связывает гитлеровскую ставку с Германией. Отличную инициативу проявил, Михаил, и впредь так действуй!

Разведчики отряда побывали в районном городе Ровенской области Людвиполе и узнали, что фашисты согнали там в лагерь больше тысячи «неблагонадежных» местных жителей. Всех их ожидал расстрел. Командование отряда решило разгромить людвипольский гарнизон и освободить смертников.

В ночь под новый, 1943 год отряд сосредоточился на восточном берегу реки Случ. Разведчикам было приказано захватить мост и обеспечить переправу отряда на западный берег. Роты напряженно ждали: вот-вот ударят автоматные очереди, разорвутся гранаты — тогда надо немедля бросаться на помощь разведчикам и с боем врываться в город.

Но все было тихо. А вскоре командир эскадрона разведчиков Н. Якушенко доложил, что отделение Михаила Малышева бесшумно сняло часовых у моста и обезвредило остальных охранников в караульном помещении. Путь в город был открыт. Командование отряда на ходу поставило подразделениям новые задачи: роте Т. Котлярова уничтожить охрану лагеря, роте С. Ландыша — атаковать казармы, разведчикам — комендатуру, гестапо и гибитскомиссариат.

Бой начался одновременно. Трудней всего досталось разведчикам. Противник отчаянно сопротивлялся, дело зачастую доходило до рукопашной. Лишь к утру были уничтожены последние очаги сопротивления. Отряд захватил богатые трофеи, но больше всего радовало партизан, что удалось спасти от расстрела советских людей в Людвиполе.

11 января 1943 года партизанские отряды Ивана Шитова и Леонида Иванова сосредоточились на окраинах районного центра Житомирской области Городницы, чтобы одновременным ударом разгромить вражеский гарнизон в городе. Началась снежная пурга. Но партизаны были довольны: пурга способствовала скрытности сосредоточения и внезапности нападения. Незадолго до атаки разведчики Малышев, Харитоненко и Глотов привели на командный пункт пьяного фашистского офицера, который, поняв, куда попал, моментально протрезвел. От него узнали, что комендант города и многие офицеры гуляют на свадьбе в доме лесничего, а солдаты без командиров находятся в казармах.

Этим партизаны немедленно воспользовались. Взводы Малышева и Федора Кота окружили дом лесничего. Михаил заглянул в окно и шепнул Федору:

— Аккордеон — загляденье! Беру его на себя. А твоя забота — комендант. Он слева от музыканта. Брать живым. Начали!

Малышев распахнул дверь и встал на пороге с гранатой в руке.

— Кончай свадьбу! Музыку на стол.

Гости бросились ко второй двери. Малышев не препятствовал: всех выбегавших из дома обезоруживали, сопротивлявшихся уничтожали. Комендант пытался отбиться, но Федор Кот, самый сильный человек в отряде, уложил его в снег ударом кулака. Вскоре он пожалел об этом: привести в чувство фашиста не удавалось. Может быть, он притворялся. Малышев, смеясь, спросил:

— Что будем делать, Федя? Приказано отходить, место сбора в полутора километрах. Придется тащить на себе этого бугая.

Федор с ожесточением сплюнул и, крякнув, взвалил коменданта на плечи...

В этой операции партизаны уничтожили одиннадцать фашистских офицеров, несколько солдат, захватили автоматы, десяток пистолетов и... аккордеон.

За успешные боевые действия группа партизан, в их числе и Михаил Малышев, была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Вручить медали должен был депутат Верховного Совета СССР секретарь подпольного Ровенского обкома партии В. Бегма. Однако мероприятие это сорвалось...

Командование соединения поставило отряду Шитова задачу выбить из села Дзержинск фашистских карателей и, заняв его, перекрыть дорогу на Коростень отступающим гитлеровцам, которых атаковали другие отряды. Выслав за час до выступления эскадрон разведки, командир отряда ждал сообщений. Но посыльные задерживались, и Шитов дал приказание выступать, рассчитывал получить донесение на марше. Между тем разведчики попали в тяжелое положение. Достигнув села, Якушенко решил рискнуть: приказал атаковать противника. Партизаны ворвались в село и после короткого боя овладели им. Однако немцы быстро пришли в себя: увидели, что разведчиков немного, и контратаковали. Разведчики заняли круговую оборону.

По численности противник во много раз превосходил партизан. Фашисты упорно рвались вперед. Встреченные дружным огнем партизан, откатывались к лесу и снова шли в атаку. Замолк ручной пулемет на чердаке дома: погиб пулеметчик Василий Троянов. Через минуту по фашистам снова ударил «дегтярев» — за пулемет лег командир эскадрона. Более двадцати врагов уничтожил Якушенко, атака вновь захлебнулась. Но вражеские пулеметчики открыли ураганный огонь — головы не поднять. Под его прикрытием фашисты короткими перебежками подобрались к сараю напротив дома, где засел отважный командир с пулеметом.

Вскоре дом запылал. Из пламени и дыма по поднявшимся в атаку фашистам опять ударил пулемет. Он бил до тех пор, пока не запылала крыша. Политрук Миронов с силой прижал к земле Малышева, пытавшегося броситься на помощь командиру:

— Куда? Убьют! Принимай команду, Михаил! Надо кому-то вырваться из кольца — и к Шитову.

Малышев быстро оглядел остатки эскадрона. Погибли Александр Бандуров, Захар Губский, Михаил Кравец, Степан Никитенко, Григорий Сидорко. Тяжело ранены Семен Мартынов, Сергей Афанасьев, Григорий Харитоненко, боеприпасов осталось мало.

Малышев не успел отдать приказание: подбадривая себя криками, немцы снова пошли в атаку. На этот раз они подобрались совсем близко — около амбара рядом с горящим домом закипела рукопашная схватка. Силач Борисенко прикладом автомата крушил наседавших на него врагов. Малышев, прицелившись, выстрелил,— рухнул в снег вражеский солдат, бежавший на помощь своим. Борисенко, расшвыряв нападавших, бросился к сараю. Но ударила автоматная очередь и перебила ему ноги. Борисенко успел заползти под сарай и еще долго оттуда бил по врагам.

Наступило короткое затишье. Пользуясь им, Михаил подполз к Николаю Романовскому:

— Проберешься к сараю, где стоят наши кони. Как только начнется стрельба, скачи к лесу. Доложи командиру отряда о том, что здесь творится.

— Есть, товарищ командир!

Опять атака. В суматохе боя враги не заметили, как через плетень перемахнул всадник и галопом устремился к лесу.

Малышев приказал экономить патроны, бить только наверняка. Политрук Миронов подбадривал бойцов — продержаться еще немного, а там подоспеет помощь.

В двух километрах от села Романовский встретил на марше отряд. Доложив Шитову об обстановке, в которую попали разведчики, он потерял сознание, так как был ранен. Партизаны поспешили на выручку попавшим в беду товарищам. Отряд с ходу атаковал противника. Бой вспыхнул с новой силой. Лишь к вечеру фашисты покинули Дзержинск, потеряв более пятидесяти человек убитыми и еще больше ранеными.

Нелегко досталась победа и партизанам — четырнадцать человек погибло, десять было ранено. Не стало мужественного и отважного командира эскадрона разведки Якушенко. После этого боя командиром эскадрона был назначен Михаил Малышев.

Разведчики Малышева не знали ни дня отдыха — зорко следили за вражескими гарнизонами, завязывали связи с подпольщиками, получали от них не только сведения о противнике, но и оружие, боеприпасы, взрывчатку. Под Новоград-Волынском жители показали место, где при отступлении нашими войсками были оставлены авиационные бомбы. Партизаны начали вытапливать из них тол.

К весне 1943 года отряд Шитова развернулся в соединение. При его штабе началась подготовка диверсантов-подрывников. Желающих было больше чем достаточно. Обратился с просьбой перевести его в подрывники и Малышев, ссылаясь на то, что он уже имеет опыт борьбы с вражескими эшелонами. Однако командир и комиссар отказали: разведчики выполняли не менее сложные и ответственные задачи, чем их товарищи в группах подрывников.

Как-то ранним утром Михаил Малышев с группой разведчиков направился к Новоград-Волынскому, где предстояла встреча с подпольщиками. Пересекая дорогу Эмильчино — Городница, совершенно пустынную в это время, разведчики услыхали вдалеке гул автомобильных моторов. Машины шли со стороны Эмильчино. Малышев подал команду:

— Кутерин, Терешко! Ставьте мину. Огонь по команде!

Машин было две. Первая — грузовая, в ней сидели солдаты, за грузовой следовала легковая. Малышев несколько мгновений смотрел в бинокль на приближавшегося врага и протяжно свистнул:

— Черт его несет! Машина-то коменданта Городницы!

Разведчики не удивились тревоге командира: все знали, что шофером на машине коменданта работал подпольщик Николаенко. Велико, конечно, искушение уничтожить коменданта, но как быть с товарищем? Малышев скомандовал:

— Огонь только по первой машине!

Вот грузовик поравнялся с засадой. Прогремел взрыв, в машину полетели гранаты. Резко затормозила легковая. Малышев выскочил на дорогу, почти в упор через ветровое стекло выстрелил в коменданта. Встретившись с испуганным взглядом Николаенко, махнул ему рукой: «Гони!»

Николаенко благополучно доставил в Городницу тело коменданта и был награжден гитлеровцами. После этого он по-прежнему активно помогал партизанам.

Приближался первомайский праздник. Партизаны решили ознаменовать его диверсиями на Ковельском и Шепетовском узлах. Приняли участие в первомайских диверсиях и разведчики Малышева. Под станцией Сновидовичи эскадрон остановил вражеский эшелон, охрана была перебита из засады, паровоз выведен из строя. Затем разведчики подожгли вагоны.

Много сил приходилось затрачивать эскадрону Малышева при разведке железной дороги. Весной 1943 года немцы усилили охрану, установили вдоль полотна трехсотметровую запретную зону по обе стороны, на которой вырубили лес. Днем дорогу охраняли патрули, ночью охрана уходила в дзоты, всю ночь над полотном взлетали осветительные ракеты и промежутки между дзотами обстреливались из пулеметов. Поезда ходили в основном днем. Утром перед началом движения охрана тщательно осматривала полотно, затем шел контрольный паровоз, толкая перед собой платформы с балластом. Несмотря на все трудности, диверсанты, используя сведения разведчиков, пробирались к железной дороге и подрывали вражеские эшелоны.

Осенью 1943 года из соединения И. Шитова было выделено несколько отрядов, послуживших основой для создания нового партизанского соединения под командованием И. Е. Скубко. Командир роты подрывников из отряда Котлярова Н. Чеботарев возглавил в новом соединении партизанский отряд. Шитов вызвал Малышева.

— Ну как, Михаил Григорьевич, не передумал переквалифицироваться в подрывники?

— Нет, товарищ командир.

— Быть по-твоему. Принимай у Чеботарева роту.

— Спасибо за доверие, товарищ командир, постараюсь оправдать его.

Лучшими из лучших среди ветеранов соединения предстояло командовать ему. Подрывники хорошо знали Малышева и его разведчиков, с которыми не раз участвовали вместе в боях и операциях. Быстро наладились нужные взаимоотношения с подчиненными, с командиром отряда Т. И. Котляровым и комиссаром Б. Г. Шангиным.

И вот уже в штабной землянке Малышев инструктирует в присутствии Котлярова группу Николая Сычева, которая отправлялась за сто пятьдесят километров от лагеря на железную дорогу Коростень — Новоград-Волынский. А через несколько дней повел к Шепетовке группу он сам. Пять подрывников шли всю ночь. На рассвете сделали привал, в сумерки снова двинулись в путь. К утру подошли к лесному массиву в десяти километрах от железной дороги, вечером выступили к месту операции.

От подпольщиков были получены сведения о том, что на станцию Шепетовка прибыл бронепоезд, который в случае диверсии на железной дороге на всех парах спешил на выручку, открывая ураганный огонь из пушек и пулеметов по лесу. Обычно никакого вреда партизанам огонь «на авось» не приносил, но бронепоезд был заманчивой целью, и Малышев решил попытаться уничтожить его.

Командир роты под охраной товарищей заминировал полотно. Заняться бронепоездом было поручено опытному подрывнику Сунгуру Акаеву.

Вскоре послышался гул, тяжелое дыхание паровоза. Взрыв. Шедший на небольшой скорости состав — несколько вагонов с солдатами, три десятка платформ с автомашинами — почти не пострадал, только паровоз сошел с рельсов. Диверсанты дружно ударили из автоматов по вагонам и машинам, оттуда солдаты открыли беспорядочную стрельбу. В воздух взвились ракеты. И вот уже к месту диверсии летит вражеский бронепоезд. Фашисты торопятся, скорость бронепоезда большая — на этом и строил свои расчеты Малышев. Вражеский бронепоезд полетел под откос, подорвавшись на мине, установленной Сунгуром Акаевым.

Не раз после этого выходил на диверсии со своими подрывниками коммунист Михаил Малышев. И как ни хитри-

ли фашисты, чтобы не допустить диверсантов к железной дороге, ничего не помогало.

1 ноября 1943 года М. Г. Малышеву пришлось еще раз выдержать тяжелый бой в окружении. В селе Радзивиловичи роту со всех сторон обложили во много раз превосходящие силы националистов-бандеровцев. Попытка уничтожить партизан дорого обошлась бандитам, но в этом бою погиб замечательный подрывник — коммунист командир взвода Николай Сычев.

Рост боевого мастерства командира продолжался. К зиме 1944 года на счету роты Михаила Малышева было более двух десятков подорванных эшелонов. Это значит: не дошли до фронта и не обрушили на бойцов огонь и сталь десятки танков и орудий, выбыли из строя сотни вражеских солдат и офицеров.

Боевые подвиги командира роты были отмечены орденом Отечественной войны I-й степени.

В начале января 1944 года партизаны И. И. Шитова соединились с частями Красной Армии и вместе с ними участвовали в освобождении Житомирской области. Это были последние бои Михаила Малышева.

После расформирования соединения партизанский командир разведчиков и подрывников некоторое время служил в Красной Армии. Здесь и узнал он радостную весть о присвоении ему Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1945 года высокого звания Героя Советского Союза.

Вскоре после окончания войны старший лейтенант М. Г. Малышев по состоянию здоровья демобилизовался. Сейчас Михаил Григорьевич — персональный пенсионер, живет в селе Макарий Варнавинского района Горьковской области.

А. Щербаков

В ПЛАМЕНИ, В ПОРОХОВОМ ДЫМУ

(О Маркове Ф. Г.)

Группа «170-Б» в конце лета 1941 года получила задание отправиться в глубокий тыл противника для развертывания партизанского движения. Группу вел Федор Григорьевич Марков.

Приближались к линии фронта. По карте все совпадало — болото, за ним кустарник, просека в лесу, хутор. Шли гуськом вслед за командиром. Миновали просеку, неярко светящимся окошком впереди обозначился хутор. Все правильно. Вдруг тишина вздрогнула от громкого собачьего лая, немецкой речи, топота сапог на крыльце. Надо уходить. «Назад!» — пронеслось по цепочке. Передышку сделали тогда, когда замолк лай и ракеты перестали вырывать со злым шипением у ночи самое ценное, что она могла дать тем, кто шел за фронт,— темноту. Несколько человек отстало. Их ждали, а когда собрались все, решили переночевать в копне сена возле опушки. Дремали настороженно, неспокойно.

Потом все началось сызнова. Командир части, занимавшей в том районе оборону, дал взвод, чтобы проводить группу через линию фронта. Опять шли лесом, хлюпали болотной жижей, в полночь выбрались к реке и на лодках переправились на противоположный берег. И вновь наткнулись на врагов. Пока сопровождавший взвод вел с ними перестрелку, группа растворилась в ночном лесу. Линия фронта осталась за спиной.

В прифронтовой полосе, куда ни шагни,— гитлеровцы. Обозы, колонны автомашин, мотоциклы. Деревни, поселки забиты вражескими частями, туда лучше не показываться. На дорогах тоже небезопасно — останавливают, прощупывают презрительно-недоверчивыми взглядами, требуют документы. Марков старался не попадаться врагам на глаза. А когда все-таки случалось, объяснял, усиленно жестикулируя: «Домой идем, из тюрьмы, Советская власть капут!» Услыхав такое объяснение и видя, что путники направляются на запад, немцы обычно кивали головами, обменивались между собой короткими фразами, произносили «гут!» и отпускали. Тюремная версия пока действовала безотказно, но Марков все же не хотел искушать судьбу и вел группу в основном ночами.

Когда появлялась возможность встретиться с местными жителями, командир группы расспрашивал их о поведении оккупантов, о положении в захваченных районах. Рассказывали о жестокости врагов, иногда мимоходом — видно, опасались — говорили, что кто-то уже портит фашистам кровь — то подожжет машину, то выведет из строя линию связи. Такие сообщения Марков воспринимал как явное обнадеживающее предзнаменование успеха того дела, ради которого он отправился в тыл врага.

До родных краев оставалось недалеко. И все чаще в попутчики Маркову напрашивалось сомнение: правильным ли было его решение идти сюда, на родину. Ведь в Свенцянах и вокруг их его знают почти все, знают его прошлое, помнят, где он работал в предвоенные годы, найдутся, конечно, единомышленники, но обнаружатся и враги — не сорвут ли они его планы?! Да и потом, попробуй развернись в этакой дали от фронта, от Большой земли. С Центром связаться — пока и не думай, получить поддержку, помощь — пока и не мечтай... «Хлебнешь ты, Федор, горя, пока что-нибудь получится из твоей затеи; если, разумеется, не попадешь в гестаповский капкан — ведь партизан-

скому уму-разуму тебя никто не учил, а у фашистов для таких, как ты, специальные службы, вышколенные люди». И все-таки он правильно поступил, когда попросился именно в глубокий тыл. Кому, как не ему, поднимать народ против фашистов в Западной Белоруссии, он знает уклад здешней жизни, людей, местность, а школа, которую он прошел...

Двадцатилетним он вступил в Коммунистическую партию Западной Белоруссии. Сын крестьян, он сумел пробиться в Свенцянскую учительскую семинарию и юношей приобщился к революционной работе. Польские националисты, подручные Пилсудского всегда презирали «белорусское быдло», а всякую его попытку распрямиться, поднять голову, протестовать против насилия и унижения встречали жесточайшими репрессиями. В этом Федор убедился на собственном опыте.

Коммунистическая ячейка в Свенцянах вела пропаганду против панского владычества, против католических цепей, против притеснений белорусов, литовцев, евреев. Революционеров преследовали, карали страшной карой. В 1936 году дефензива схватила молодого бунтаря Федора Маркова. Предстоял суд, а пока — видно, для «приведения в чувство» — его отправили в лагерь в Березу Картузскую.

Березу Картузскую приравнивали к аду. Тут можно было перенести голод, но погибнуть от изощренных пыток, перенести пытки, но сойти с ума в карцере... Делалось все, чтобы сломить человеческую волю, уничтожить всякую способность — и физическую и духовную — сопротивляться.

Федор Марков прошел Березу Картузскую. Однако впереди ждали испытания не легче. Суд приговорил его за действия против польского государства, за сеяние смуты к шести годам тюремного заключения. Отбывал в Лукишской тюрьме в Вильно, где, подобно лагерному, свирепствовал каторжный режим. Марков выдержал. Больше того, он взялся за подпольную работу и возглавил вскоре Лукишскую коммуну политзаключенных.

Освобождение принес сентябрь 1939 года. Марков руководит Свенцянской партячейкой, районной партийной организацией, Свенцянским горсоветом. В сорок первом идет в Красную Армию и почти сразу же просит направить его в глубокий тыл немцев.

...Первые дни не сулили ничего хорошего. Марков убедился, что люди запуганы — на угрозы оккупанты не ску-

пились, что далеко не у всех есть уверенность в нашей победе и что гитлеровские администраторы и пропагандисты умело используют национальные разногласия, бытовавшие в панской Польше, сулят землю, свободу, процветание под покровительством Германской империи. Позднее-то все убедились в лживости этих посулов, а тогда, в начале войны, многие в западных районах приняли демагогию захватчиков за правду. Словом, начинать было сложнее сложного. Случалось так: Марков разыскивал знакомых, на которых, полагал, можно опереться, а те — одни в глаза, другие отвернувшись — спешили оборвать нелегкий разговор: «Ты ступай, Федор, от греха; я тебя не видел, не время сейчас встречаться».

Он уходил огорченный и злой. Но не успокаивался. Думал, искал.

— Спустим с рельсов вражеский эшелон — сразу кругом всколыхнутся, узнают, заговорят, почувствуют, что есть против оккупантов сила, и те, кто способен бороться,— а я не сомневаюсь, таких много — поймут: пора выступать. Марков говорил и видел, что Бронислав Кулевич готов с ним идти.

Они смастерили из лома лапу, наподобие той, что пользуются путейцы, и вышли на железную дорогу недалеко от Подбродья, намеревались вывести из строя рельсы. Однако вернулись ни с чем: лапа не годилась. Тогда сделали другую, из оси повозки. Эта оказалась коротка. Прикрепили ее к лому — сломалась. Бились до тех пор, пока Осип Васильев, железнодорожник, не принес им настоящую лапу и разводные ключи.

Серое небо навалилось на землю и сыпало то густым, то редким снегом. Тишина — до звона в ушах. Только слышны шаги лошади и поскрипывание саней. Федор и Бронислав молчат, всматриваются в метельную туманность, слушают тишину. Спокойно. Оккупантов тут никто еще не тревожил, поэтому они ведут себя беспечно, не очень заботятся об охране железной дороги, мостов, линий связи. Может быть, завтра все изменится, если Марков и Кулевич осуществят свой замысел...

Миновали Колтынянский переезд и возле высокого откоса остановились. Огляделись, быстро достали из саней лапу и ключи, принялись разбирать полотно. Разобрали, а место, где нарушили стальное постоянство рельсов, засыпали снежком. На обратном пути завернули в лес,

набрали дров и как ни в чем не бывало вернулись в деревню.

На следующий день народ в округе обсуждал известие о железнодорожном крушении за Колтынянским переездом. Причину никто не знал.

Оккупанты молчали. Скорее всего, предполагал Марков, они исключили возможность диверсии, поскольку до сих пор ни разу не обнаруживали попыток противодействовать их силе. Когда же некоторое время спустя свалился под откос еще один эшелон, спохватились, подняли на ноги карательную службу. До Маркова доходили вести: гитлеровцы проверяют деревни, поселки, хутора, берут под надзор всех подозрительных, проверяют документы на дорогах... И тут же он угодил в переделку сам.

— Федор!.. Федор! Вставай быстрее и спасайся!..

Марков открыл глаза, спросонок с трудом вспомнил, где находится.

— Спеши, спеши! — возле него стоял хозяин дома, на улице лаяли собаки.

— Что случилось?

— По дворам ходят, проверка или ищут кого-то.

Надевая на ходу полушубок, Федор отворил дверь на улицу, холод рванулся навстречу. Справа по улице слышались голоса, удары в дверь. Федор боком протиснулся наружу, прижался к стене; несколько шагов — и он за углом дома. Пригнувшись, кинулся к лесу. Вслед никто не стрелял, значит, не заметили. Когда до леса осталось метров семьдесят-восемьдесят, остановился, отдышался, еще раз оглянулся на деревню: «Хорошо, что скрылась луна... Теперь уж за ним не погонятся, не обнаружили бы утром следов — пострадает хозяин, приютивший его на ночь»... Собачий лай в деревне прекратился, видно, чужие уехали. Вернуться бы в блаженный уют не остывшей, наверное, еще постели. Нельзя рисковать. Нельзя! И он направился прямиком на знакомую лесную дорогу.

...В Лынтупах Федора Маркова разыскал неизвестный человек:

— Я из Вильнюса. Нас там целая группа командиров Красной Армии, из окружения, из плена. У нас подпольный центр действует. Но хочется выйти на простор. Мы же военные люди. Хочется вернуться в боевую атмосферу...

Прослышали, что вы тут партизанские костры разжигаете, и думаем, что будем друг другу полезны.

Толковали долго, подробно. Марков убедился, что посланец из Вильнюса свой и принес дельные предложения. Кадровые военные, армейская закалка, школа, дисциплина. Можно ли мечтать о лучшем составе отряда?! Стоит немедленно отправиться в Вильнюс, познакомиться там с руководителями группы, все обсудить и решить.

Вильнюс выглядел внешне покорным. Но лишь внешне. В конспиративных квартирах, на явках, на предприятиях зрела питаемая ненавистью решимость отвергнуть все то, что принесли с собой «освободители», отвергнуть борьбой— уничтожающей, беспощадной. Организация военных оказалась активной и бесстрашной. Марков удостоверился в том и другом, когда оказался и свидетелем и участником операции против жандармов. Операцию провели на Кальварийской улице. Убрали шестерых жандармов. Однако гитлеровцы спохватились, организовали погоню, облаву. Спасаясь от преследования, один из руководителей организации, Владимир Саулевич, выпрыгнул со второго этажа и вывихнул ногу. Марков успел спрятать его у знакомого поляка.

Гитлеровцы прочесывали квартал за кварталом, хватали всех, кого подозревали, запирали в тюрьму или увозили куда-то за город. Марков сумел вырваться, уйти в свои края. Саулевич, как только поправился, пришел к нему в Подбродье и привел с собой лучших из тех, кто просился в партизаны. К марту сорок второго года отряд Маркова был вполне боеспособным. В районе Лынтуп, Подбродья, Золова гитлеровцев снова караулила война.

...Вот-вот должны появиться машины, из-за которых Марков и его товарищи лежат тут в засаде. Ждут свенцянского гебитскомиссара Бэка и шефа виленской жандармерии Крыля. Ждут и подгоняют время, хочется быстрее избавиться от нервного напряжения, которое снимет бой. Машины! Команда Маркова: огонь!.. Все кончается необыкновенно быстро. Только потревоженные птицы никак не могут прийти в себя, а нежные запахи леса никак не пробьются сквозь чад горящих машин.

Убийство Бэка и Крыля взбесило гитлеровцев. Прежде создавалось впечатление, что они не очень верили в серьезность партизанской опасности в Литве и Западной Белоруссии, а теперь, будто оценив ее в полной мере, торопи-

лись предпринять все, вплоть до самых бесчеловечных, варварских способов расправы над виновными и невиновными, чтобы не дать этой опасности разрастись, обернуться непоправимой для них, оккупантов, бедой. Аресты, расстрелы, террор против целых деревень...

Марков делал все возможное, чтобы уберечь небольшой, но уже нашедший себя в создавшейся обстановке отряд. Кроме того, было очень важно определить, какой же тактики придерживаться: то ли воздержаться пока от активных действий — пусть фашисты подумают, что добились цели, и поутихнут; то ли усилить — пусть убедятся, что ни террор, ни блокады им не помогают и не помогут. И он снова пожалел, что нет возможности посоветоваться с Центром; трудно все принимать на себя, но по-другому пока нельзя.

Он обсуждал ситуацию с Владимиром Саулевичем и Григорием Шаповаловым, ближайшими своими помощниками. Спорили о тактике. Согласились, что свертывать борьбу не следует, даже на короткий срок.

Настала пора собирать силы в кулак.

Марков узнал, что неподалеку, в Поставском районе, тоже сложилась боевая группа. По его заданию с ней установили связь, договорились о совместных действиях, а вскоре объединились.

Эти совместные действия фашисты немедленно почувствовали. Днем подверглось разгрому управление в Клющанах, а ночью сгорел мост на перегоне Подбродье—Лынтупы. Не успели гитлеровцы опомниться, как партизаны сожгли еще мост и мельницу, а вывезенные оттуда муку и зерно раздали крестьянам.

Заполыхали склады с военным имуществом и продовольствием; имения, где пробовали обосноваться прежние, выброшенные в сентябре тридцать девятого, или новые, приехавшие из Германии хозяева. Крушениями обрывался путь поездов.

В сентябре 1942 года в отряд влилась еще одна группа, которую сформировали в Дуниловичском районе Григорий Крюков и Анатолий Судариков. Дело шло к созданию бригады. И в том же сорок втором она родилась. Первая Вилейская. Комбриг — Федор Марков.

Партизанская бригада. Теперь уже обширная зона, несколько административных районов находились под постоянным контролем. А насколько выросла сфера деятельно-

сти партизан! Выпуск листовок и агитация среди населения, «рельсовая война» и разложение войск противника, разведка во вражеских гарнизонах и диверсии... Установилась связь с Москвой, с Белорусским штабом партизанского движения.

Первую крупную операцию наметили на 2 октября 1942 года. Вражеский гарнизон в Слободе не давал житья окрестным деревням. На него и нацелили удар, чтобы еще раз дать понять, кто тут хозяева.

Партизаны появились в Слободе днем. Враги никак не рассчитывали, что их могут «потревожить» в такое время. Партизаны разгромили гарнизон и исчезли.

Марков расценивал вылазку в Слободу как своего рода репетицию. Дело в том, что комбригу пришлись по душе такие вот стремительные и дерзкие действия. Он видел в них особое преимущество партизанской тактики, а кроме того, именно они, подобные действия были его стихией, выходом, проявлением его лихой натуры.

1 ноября 1942 года в деревне Околодезь бригада принимала присягу. Подтянулись, приняли бравый вид партизаны, побрились; кто тертым кирпичом, кто золой начистили пряжки ремней; дегтем намазали ботинки, сапоги. Торжественно выходили по одному из строя и клялись не щадить жизни в борьбе с проклятым врагом, не опускать оружия, пока не очистят родную землю от фашистской мрази, не знать страха в смертельном бою, беречь святые законы ратного товарищества...

Марков смотрел, слушал боевых друзей, и чувство гордости за них переполняло его.

Оккупанты чувствовали прибавление партизанской силы в северо-западных районах Белоруссии, на себе испытывали растущую мощь ее ударов и делали все возможное, чтоб противодействовать им. Комбриг получал от разведки донесения: в Поставах гарнизон две тысячи человек, в Вилейке около восьмисот, а таких населенных пунктов, где по двести — двести пятьдесят — десятки. Вооружены хорошо.

Партизанскому комбригу, его штабу надо все время искать, маневрировать, не ослабляя давления на противника, и в то же время не допускать больших потерь в своих рядах. В штабе рассматривались самые различные варианты операций и в масштабе бригады, и несколькими отрядами, и одиночками. Активность в любой обстановке,

активность во всех формах борьбы: в атаках на гарнизоны, в засадах на дорогах, в разложении вражеских частей, в противодействии мероприятиям оккупационной администрации,— во всем этом комбриг был последователен и тверд.

Лучший способ доказать свои боевые возможности и силу в штабе посчитали такой: «насесть» на один гарнизон и постоянно держать его на «фронтовом режиме», в ежеминутном ожидании боя. Целесообразнее всего взять на мушку гарнизон Мяделя.

Мядель по своему расположению очень удобен как пункт, позволявший контролировать важную дорогу из Молодечно и Вилейки на Поставы, на Глубокое, на Вильнюс. Озера Нарочь и Мястро обеспечивали Мяделю естественную защиту, поэтому оккупанты были относительно спокойны, посадив в Мяделе сравнительно небольшой — около трехсот человек — гарнизон.

Марков послал на Мядель четыре группы. Одна шла прямо на гарнизон, три держали засаду на дороге, ведущей в Поставы. Партизаны перерезали телефонную связь и в шесть утра поднялись в атаку. Бой длился несколько часов. Только когда от Кобыльника показались бронемашины — видно, как-то из Мяделя все-таки сообщили о наступлении партизан,— Саулевич, руководивший группами на большаке, дал команду отходить. Отошла и группа, атаковавшая гарнизон.

Потом на Мядель наступали еще несколько раз. А с декабря 1943 года бригада блокировала Мядель и не снимала петлю блокады до тех пор, пока 4 июля 1944 года не подошли войска Красной Армии.

Выпадали на долю бригады и суровые испытания. О том свидетельствуют военные документы. 16 марта 1943 года уполномоченный ЦК КПБ П. Жукович доносил начальнику Белорусского штаба партизанского движения П. Калинину:

«Бригада тов. Маркова, действовавшая в Вилейской области, держала десять боев с немецкими гарнизонами, подвергалась двухкратной бомбардировке с воздуха, временно передислоцировалась в Бегомльский район. Боеприпасы совершенно израсходованы. Положение бригады очень тяжелое. Просьба срочно подбросить боеприпасов и вооружения...»

Первая Вилейская партизанская бригада прошла славный боевой путь. И когда Федор Григорьевич Марков, по-

лучив назначение на должность начальника военно-оперативного отдела партизанского центра Вилейской области, прощался с бойцами бригады, он видел, что они полны негаснущей веры в триумфальный исход той героической борьбы, в которой они уже доказали свою непобедимость, доказали как солдаты, как сыновья и дочери очень доброй и очень любящей свободу страны.

После войны Ф. Г. Марков мысленно не раз проходил тот путь — от линии фронта, через всю оккупированную Белоруссию в свои Свенцяны: путь, который он готовился пройти и когда вел подпольную работу в панской Польше, и когда сидел в концлагере и тюрьме, и когда помогал укрепиться Советской власти в Западной Белоруссии; путь, ради которого стоило жить.

Рыгор Нехай

КОММУНИСТ НА ПОСТУ

(О Мачульском Р. Н.)

Осенью 1940 года Минский обком партии направил в Плещеницкий район опытного партийного работника Романа Наумовича Мачульского. Коммунисты района избрали его первым секретарем райкома партии.

Зима и весна 1941 года прошли в напряженном труде. Район впервые справился с планом заготовок и вывозкой древесины, успешно подготовил и провел весеннюю посевную кампанию.

Роман Наумович понимал и любил сельское хозяйство. Уроженец села Кривоносы Стародорожского района Минской области, он воспитывался в трудовой крестьянской семье, где работали все и единственной кормилицей была земля-матушка.

В 1913 году в десять лет Роман Наумович остался без отца, старшим в семье. Но и в этих условиях мать старалась дать ему кое-какое образование. После окончания сельской школы он поступил в Глусское городское учили-

ще. Но окончить училище не удалось. Ко всем бедствиям прибавилась еще беда: в деревне Кривоносы случился большой пожар. Сгорел и дом Мачульских. Погорельцам в условиях империалистической войны, когда деревни были наводнены беженцами, пришлось совсем худо. В силу вступил неписаный закон сельской голытьбы — помогать друг другу, особенно погорельцам. Постепенно дела наладились, и после Октябрьской революции семья Мачульских зажила, как и все бывшие малоземельные семьи белорусских крестьян, получила землю, обстроилась. До призыва в Красную Армию в 1925 году сельский паренек Роман в лаптях, белой рубашке и штанах, сшитых из домотканого холста, жил в родной деревне, работал в хозяйстве родителей.

В двадцатых годах тысячи и тысячи белорусских юношей, в прошлом обездоленных лаптюжников, через службу в Красной Армии получили путевку в жизнь. После окончания полковой школы Роману Наумовичу было присвоено звание младшего командира. В армии он вступил в комсомол, а потом в члены ВКП(б).

Закалка, полученная в армии, пригодилась Роману Наумовичу в гражданской жизни. В сентябре 1928 года Гомельский окружком партии направил его в Речицкий район заведующим сельской избой-читальней — важным тогда очагом культуры на селе. Его избрали секретарем партийной организации сельсовета. Много пришлось потрудиться ему во время коллективизации сельского хозяйства. Но потребовались кадры для развивающейся промышленности по первому пятилетнему плану, и Роман Наумович поступил на курсы мастеров дубильно-экстрактовой промышленности в городе Вольске Саратовской области. Работать ему пришлось на Речицком дубильно-экстрактовом заводе мастером-бригадиром. Бригада его была всегда в числе передовых. Коммунист, член партбюро завода, а потом неосвобожденный секретарь партийной организации и председатель секции ИТР завода, он стал примером для рабочего коллектива, ударником первых пятилеток.

Тогда остро стоял вопрос о воспитании кадров. Романа Наумовича направили на учебу в Минскую высшую партийную школу пропагандистов при ЦК КП(б)Б. По окончании школы он получил направление на работу заведующим отделом пропаганды Гресского райкома партии Минской области. Так началась жизнь Романа Наумовича как пар-

тийного работника. Вскоре его избрали вторым секретарем Червенского райкома партии, где первым секретарем тогда работал его будущий соратник по партизанской борьбе Василий Иванович Козлов...

И вот Роман Наумович в Плещеницах, первый секретарь райкома партии. Успешно проведена посевная. Хорошие виды на урожай. Нужно основательно подготовиться к уборке. Секретарь в движении, едет из колхоза в колхоз, знакомится с делами на местах, советуется с активом, колхозниками, как лучше организовать уход за посевами, как без потерь убрать урожай.

* * *

22 июня 1941 года в Доме культуры собрались коммунисты района, чтобы обсудить вопрос: «Об итогах весеннего сева и задачах партийной организации района в дальнейшей борьбе за получение высокого урожая и подготовке к уборке». Доклад только начался, когда Роману Наумовичу подали записку: «Вас срочно вызывает к телефону обком партии».

— Наумыч,— послышался в трубке голос секретаря обкома партии Павла Бастуна.— Началась война. Немецкие фашисты напали на нашу Родину. По всей границе идут тяжелые бои. В Минск непрерывно поступают неутешительные сведения из Бреста, Гродно, Белостока...

Так для коммуниста Р. Н. Мачульского началась Великая Отечественная. С первых ее дней он возглавил подготовку людей в районе к борьбе с гитлеровскими захватчиками. А когда стал формироваться Минский подпольный обком партии для руководства борьбой в тылу врага, Р. Н. Мачульский вошел в его состав. 18 июля 1941 года обком был уже в пути на оккупированную территорию Минской области. Да, коммунисты остались на постах, вместе с народом в трудную для Родины годину!

В подпольный обком вошли: В. И. Козлов, Р. Н. Мачульский, А. Ф. Брагин, А. Г. Бондарь, И. А. Бельский, И. Д. Варвашеня и А. И. Степанова. Все это бывшие партийные и советские работники областных и районных организаций, которых хорошо знали в народе и которые сами знали почти всех местных людей.

С 20 июля 1941 года Минский подпольный обком начал действовать. И тут нужно внести некоторое уточнение

в слово «подпольный». Дело в том, что подпольный обком действовал открыто, не скрываясь от народа, а при каждой удобной возможности встречался с населением, с партийным и советским активом, проводил беседы о положении на фронтах, о задачах по борьбе с врагом на оккупированной территории, поставленных Коммунистической партией и Советским правительством. Именно в этом на первых порах заключалась главная цель и задача — возглавить массы, поднять их на борьбу с фашизмом.

Уже в деревне Заболотье Октябрьского района около членов обкома собралось почти все взрослое население. По рукам пошла «Правда» с речью И. В. Сталина от 3 июля 1941 года. До самого утра изучали колхозники указания партии. То же произошло потом в совхозе «Жалы», деревне Загалье Любанского района. Тут же устанавливала связь с местным активом, с командирами уже действующих партизанских отрядов. А потом начались боевые будни, когда члены обкома и связные начали проникать в самые отдаленные уголки Минщины, в город Минск, где всегда находили верных помощников, организаторов подпольной и партизанской борьбы.

Конечно, гитлеровцы слышали, что где-то на Минщине действует подпольный обком партии, но где именно, знать им было не дано: народ надежно охранял представителей партии от всяких неожиданностей. Иногда они располагались в селах, иногда на лесных базах, и патриоты всегда могли найти к ним дорогу, а для врагов место пребывания обкома было недоступным.

Постепенно были расставлены силы: Варвашеня и Брагин остались в Любанском районе; Степанова направилась в Слуцкий район; Козлов, Мачульский, Бельский и Бондарь ушли в Старобинский район, где предполагалось создать постоянную базу обкома. Подпольные райкомы партии уже действовали в Руденском, Червенском, Борисовском и других районах области.

По мере развертывания подпольной работы перед обкомом встало немало сложных вопросов. Гитлеровцы побывали еще не во всех деревнях, но в городах они уже успели создать комендатуры, жандармерию и полицию. Там, где останавливались вражеские воинские части, ремонтировалась военная техника, значит, там нужно было создавать крепкую подпольную сеть, диверсионные группы.

Указание об этом от обкома получили все командиры отрядов, партийный актив.

Во многих колхозах еще не успели убрать урожай, остался скот, сельскохозяйственная техника. Опять же, как быть? Обком дает указание: скот угонять в леса или раздавать населению, технику в разобранном виде зарывать в землю, урожай убирать, обмолачивать и прятать в укромных местах, чтобы создать продовольственную базу и для партизан, и для населения. Идет зима, и кормить людей чем-то нужно. Ставится также задача иметь в оккупационных учреждениях своих людей — информаторов, чтобы своевременно знать о всех мероприятиях оккупантов. И главное — доставать оружие, боеприпасы, создавать и укреплять партизанские отряды.

Так постепенно подпольный обком партии становился на оккупированной врагом территории хозяином положения, руководителем масс. В каждом районе создавались новые отряды. Они наносили удары по гитлеровским войскам, уничтожали мосты, железнодорожный и автотранспорт, нападали из засад на вражеские колонны. Когда в глубь Полесья из Старобина двинулась немецкая воинская часть, малочисленные отряды, не имея еще достаточных сил разгромить ее в открытом бою, начали бить ее из засад, волна за волной. Продвигаться ей к линии фронта пришлось с непрерывными боями и большими потерями.

Романа Наумовича, как бывшего секретаря Плещеницкого райкома партии, естественно, интересовал вопрос: как обстоят дела там, в его районе? По прямой до него из южных районов около двухсот километров. Но вот до обкома дошли вести и из Плещениц. Не подвел партийный и советский актив своего руководителя. С первых дней оккупации там был создан партизанский отряд, который сначала делал засады на дорогах Плещеницы — Минск, Плещеницы — Борисов, а потом решил напасть на Лепельский аэродром. 22 сентября партизаны разгромили комендантскую охрану, уничтожив около сорока гитлеровцев, сожгли два самолета и взорвали склад авиабомб.

Подобные операции проводились во всех районах области. Сами по себе они, казалось бы, были небольшими, но если взять каждую дорогу, каждый район и помножить на масштабы республики, то это было уже начало всенародной партизанской войны против фашистских захватчиков.

Подпольный обком постепенно распространял свое влияние на всю Минскую область. Члены обкома всегда были в движении, на заданиях. От них кроме организаторских способностей, умения говорить с народом требовалась еще и личная храбрость. Взяв с собой двух-трех автоматчиков, они уходили в отдаленные районы, проводили собрания, беседы, налаживали работу подполья, боевую деятельность отрядов.

В октябре 1941 года, когда обком располагался у Червоного озера, до него дошли сведения, что оккупанты особенно нагло ведут себя в Житковичском, Копаткевичском и Петриковском районах, примыкавших к железной дороге Брест — Гомель. Минский подпольный обком решил помочь населению этих районов организовать отпор врагу. Туда с небольшой группой партизан ушел член обкома Алексей Бондарь, а за ним и Роман Наумович Мачульский, который только что вернулся из-под Минска. Добравшись до деревни Осов, он с двумя партизанами услышал стрельбу в районе деревни Червоное озеро. Там в это время должна была находиться группа Бондаря.

— Наши попали в ловушку! Нужно помочь! — решил Мачульский.

И действительно, гитлеровцы прижимали партизан к болоту. Мачульский с товарищами ударили по врагам с тыла. Те растерялись, перестали преследовать группу Бондаря и вернулись в деревню. Вечером оккупанты собрали в клубе крестьян. Но в это время на улице послышалась стрельба. Это Мачульский, задержавшись в деревне, чтобы выяснить судьбу Бондаря, встретился с фашистскими патрулями и открыл по ним огонь. Враги оставили деревню. Утром партизаны вместе с крестьянами отыскали тяжелораненого Бондаря. Он лежал на болоте у стожка сена, истекая кровью и замерзая от холода. Жизнь его была спасена.

Сложным вопросом была подготовка к первой зиме. Где и как, не ослабляя боевых действий, провести ее? Некоторые даже предлагали уйти за линию фронта, а весной возвратиться на оккупированную зону. Обком партии решил этот вопрос иначе: несколькими хорошо вооруженными отрядами провести санный рейд, охватив многие районы Минской, Полесской, Пинской, Барановичской и Могилевской областей. Эта идея была блестяще осуществлена. В условиях зимнего бездорожья, когда вражеская техника

была привязана к хорошим дорогам, партизанам открывался широкий простор для маневра. На лошадях они могли проехать и по снежной целине, и лесной просекой, в любое время неожиданно напасть на вражеский гарнизон.

Для подготовки к рейду были привлечены все партизанские отряды зоны и местное население. Крестьяне приводили лошадей, готовили сбрую и сани. Женщины в деревнях шили теплую одежду, вязали варежки, шили рукавицы, чинили пальто и шубы. День рейда приближался. Еще накануне на заседании подпольного обкома партии было решено объединить все отряды и группы южных районов Минщины в одно соединение партизан Минской области. В. И. Козлов был утвержден командиром соединения, Р. Н. Мачульский — его заместителем по оперативной части (организация боевых действий и диверсионно-подрывная работа). Каждому члену обкома поручался отдельный участок работы.

И вот отряды, сосредоточенные в деревнях Загалье, Живунь, Старосек, в поселках совхоза «Жалы», двинулись в путь. Образовав две мощные колонны, они шли по своим маршрутам. Впереди — конные разведчики. За ними — санные обозы.

Обозы с хорошо вооруженными партизанами, растянувшиеся на много километров, проходя село за селом, вызывали восторг у населения. По окрестностям сразу же распространились слухи, что в Белоруссию через линию фронта прорвались части Красной Армии. Это было только на руку партизанам. Вражеские гарнизоны, услышав о приближении колонн, разбегались без боя. Партизаны обычно двигались ночью, день отводился на отдых, массовой работе среди населения. Нередко приходилось вступать в бои. Так были разгромлены гарнизоны в деревнях Долгое, Копацевичи, Посталы, в районных центрах Любань, Копаткевичи, Красная Слобода и других.

Роман Наумович, возглавлявший одну из колонн, в деревне Милевичи Пинской области встретил группу военных во главе с генералом. Это был Михаил Петрович Константинов, тяжело раненный в бою и попавший в окружение. Сформировав при помощи секретаря Гресского подпольного райкома партии Владимира Зайца отряд, он продолжал борьбу с гитлеровцами. Такие военные специалисты, как генерал Константинов, нужны были, и он остался в

соединении, пока не представилась возможность отправить его в Москву.

Рейд продолжался... В Барановичской области партизаны разгромили около десятка гарнизонов и, направляясь ближе к Слуцку, прошли через Несвиж и Городею, Дзержинский и Узденский районы, провели ряд операций в Гресском районе, но от штурма Слуцка, где стояли регулярные воинские части, отказались. И все же командир отряда Дунаев (Тарахович) с группой партизанских штурмовиков пробрался в город, снял охрану лагеря военнопленных и освободил наших бойцов. В ту же ночь при помощи подпольщиков был захвачен банк. Изъятые там деньги и ценности, награбленные гитлеровцами, пошли на строительство самолетов «Партизан Слуцка». Немало средств, собранных населением и захваченных в фашистских гарнизонах во время рейда, было сдано в Государственный банк СССР.

Главный же итог этого рейда заключался в том, что большая территория была очищена от врага, партизаны приобрели боевой опыт, закалились в боях, укрепилась связь с населением, подпольными райкомами, парторганизациями и группами, были созданы новые отряды. Значительно возрос авторитет партизанского движения.

В апреле отряды вернулись на свои базы в Любанский и Старобинский районы.

Шла весна 1942 года. Теперь вплотную встал вопрос о связи с Большой землей. Попытки послать связных через линию фронта в большинстве случаев оканчивались неудачей. Не дошли в партизанскую зону и многие посланцы Москвы. И все же непосредственная связь с Москвой, ЦК Компартии Белоруссии, Белорусским штабом партизанского движения была установлена.

В Минском подпольном обкоме партии и штабе соединения минских партизан появились радисты из Москвы. В радиограмме, полученной от ЦК КПБ, говорилось, что Центральный Комитет ВКП(б) внимательно следит за борьбой белорусских партизан, знает об их деятельности и в недалеком будущем в Москву будут вызваны руководители партизанского движения. Для приема советских самолетов на острове Зыслов был оборудован аэродром. Здесь и начали приземляться самолеты из Москвы. Первым же самолетом для отчета в ЦК ВКП(б) вылетел первый секретарь Минского подпольного обкома партии и командир

соединения минских партизан Василий Иванович Козлов. Командиром соединения и секретарем подпольного обкома остался Роман Наумович Мачульский.

* * *

Началась Сталинградская битва. Основное внимание партизан было направлено на парализацию вражеских коммуникаций. С этой целью Минский подпольный обком партии под руководством Р. Н. Мачульского разработал и осуществил одну из крупнейших операций под кодовым названием «Эхо на Полесье». На одном из заседаний подпольного обкома партии был рассмотрен план операции по подрыву 137-метрового железнодорожного моста через реку Птичь. Охрана моста занимала четыре дзота с пулеметами и противотанковыми пушками. Рядом находился гарнизон из 750 человек, связанный с крупными соседними гарнизонами. 30 октября 1942 года ЦК КП(б)Б сообщил, что предложение подпольного обкома одобрено, партизанам выслан самолет с необходимым грузом.

Отряды Макара Бумажкова и Дмитрия Гуляева должны были разрушить железнодорожное полотно западнее станции Птичь, бригада Федора Павловского — восточнее станции. Отряд Патрина отрезал дорогу гарнизону Копаткевич к железной дороге, а на отряды Далидовича и Розова возлагалась наиболее трудная задача — отрезать вражеский гарнизон от моста, чтобы остальные отряды могли уничтожить охрану, захватить и подорвать мост. Р. Н. Мачульский возглавил штурмовую и подрывную группы, в которой находились секретарь ЦК ЛКСМБ К. Т. Мазуров и работники штаба соединения.

Операция началась в шесть часов утра. Дело минирования и взрыва моста было поручено в основном минерам комсомольского отряда имени Гастелло, незадолго до этого прибывшего из Москвы.

Операция прошла успешно. На восемнадцать суток железная дорога Брест — Гомель была выведена из строя. О том, какую помощь оказали партизаны фронту, можно судить по таким данным: в сутки эта магистраль пропускала 25—30 эшелонов. Значит, противник не мог отправить к фронту за восемнадцать суток около 540 эшелонов с живой силой, техникой и боеприпасами. Легко представить, сколько нужно было бы сил и средств, чтобы унич-

тожить такое количество вражеских войск и техники в боях. Это только один из эпизодов борьбы на коммуникациях. Диверсии проводились каждый день и на разных железных и шоссейных дорогах.

Когда немцы начали налаживать движение по дороге, партизаны приступили к подготовке новой диверсии. На этот раз решено было подорвать железнодорожный мост на реке Бобрик. Он хотя и меньше птичского, но на восстановление его потребовалось бы около недели. К этому времени обком установил связь с Яном Налепкой, начальником штаба 101-го словацкого полка, охранявшего железную дорогу на этом участке.

Было начало декабря 1942 года. В ночь с 8 на 9 декабря в лесу намечалась встреча Мачульского, Мазурова, Бельского и других руководителей партизанского движения с Яном Налепкой с целью выяснить, какую позицию займут словацкие охранные войска во время проведения этой операции. Ян Налепка сожалел, что поздно узнал об этой операции, до которой оставалось только два часа, сожалел о том, что трудно будет чем-либо помочь партизанам, но все же обещал, что словаков на поле боя не будет. Это обещание было выполнено: словаки в бою не участвовали. С этого времени установился тесный контакт с подпольной организацией 101-го словацкого полка, а начальник штаба его Ян Налепка получил кличку капитан Репкин. Словаки все чаще начали переходить на сторону партизан, и вскоре в Минском и Полесском соединениях появились целые словацкие подразделения. Немцы, узнав о таких связях, перевели словацкий полк в район Ельска — Овруча, где Ян Налепка перешел в соединение украинских партизан А. Сабурова. Яну Налепке посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Следует отметить, что опыт работы среди словацких солдат пригодился Роману Наумовичу Мачульскому впоследствии, когда он стал командиром Борисовско-Бегомльской зоны на севере Минской области.

Смелые операции на железных дорогах и по разгрому вражеских гарнизонов привлекали все новых и новых людей в ряды народных борцов. Отряды росли и укреплялись. Перед обкомом партии встал вопрос о создании более крупных боевых единиц. На расширенном заседании обкома и было решено приступить к формированию партизанских бригад по три-четыре отряда в каждой. Во главе бригад

ставились самые смелые и мужественные командиры. Комиссарами же становились члены партии, обладавшие опытом организаторской работы, обычно секретари подпольных райкомов партии. Только в конце декабря 1942 и в январе 1943 года в южных районах Минской области было создано десять бригад. Личный состав соединения принял партизанскую присягу. Началась боевая учеба.

Роман Наумович Мачульский, возглавивший после отлета в Москву В. И. Козлова Минский подпольный обком партии и штаб соединения, успешно справился со своими задачами.

Стараясь очистить свои тылы от партизан, гитлеровское командование перебросило в Белоруссию несколько крупных воинских формирований, усилило полицию и жандармерию, увеличило число подразделений СД. 12 февраля 1943 года гитлеровцы начали генеральное наступление на Минскую партизанскую зону. Почти целый месяц шли тяжелые бои с карателями, которых поддерживали танки, артиллерия и авиация с Бобруйского аэродрома, но разгромить партизан не удалось. Напряженно работали в те дни Минский подпольный обком партии и штаб соединения во главе с Романом Наумовичем Мачульским. Координировались боевые действия партизанских бригад, эвакуировалось гражданское население в безопасные места, раненые, старики, женщины и дети отправлялись на Большую землю, а оттуда партизаны получали оружие, боеприпасы, медикаменты...

Не добившись успеха, оккупанты к концу марта вывели свои части из партизанской зоны. Окончилась вторая военная зима... Можно было подвести итоги боевых действий. За последние месяцы 1942 года и четыре месяца 1943 года партизанское соединение под руководством Р. Н. Мачульского уничтожило 241 вражеский эшелон с живой силой и военной техникой, взорвало 19 железнодорожных мостов, разрушило 29 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах, разгромило 10 крупных гарнизонов, уничтожило много гитлеровских солдат и офицеров.

В начале мая 1943 года Минский подпольный обком партии и штаб соединения приступили к разработке новых боевых операций и подготовке к весеннему севу, но в это время Роман Наумович тяжело заболел. С согласия ЦК КП(б)Б он передал дела Иосифу Александровичу Бельскому, а сам улетел в Москву в госпиталь. Было это 5 мая 1943 года.

Когда дела пошли на поправку, Роман Наумович поселился в небольшом номере гостиницы «Москва», но был под наблюдением врачей, которые еще не разрешали ему возвращаться за линию фронта, к партизанам. В это время на Минщину улетел Василий Иванович Козлов.

Роман Наумович, продолжая лечение, постоянно интересовался боевыми делами минских партизан. Ему передавали содержание боевых донесений народных борцов из вражеского тыла. Там шла напряженная борьба. Партизаны, стремясь помочь разгрому гитлеровцев на Курской дуге и приблизить день освобождения Белоруссии, усилили борьбу на вражеских коммуникациях. Проводили не отдельные диверсии, а выходили на разгром воинских эшелонов целыми отрядами и бригадами. Готовилась «рельсовая война»: одновременный удар по железным дорогам на всей территории Белоруссии.

Мачульский жил только одной мыслью: как бы скорее возвратиться к боевым друзьям. А тут еще неожиданная встреча — к нему в номер забежал Штефан Тучек, словак, один из первых перешедший на сторону партизан Минщины и славившийся как непревзойденный специалист по выплавке тола из снарядов и авиабомб. Он прилетел в Москву для участия во Всеславянском антифашистском митинге и ожидал выздоровления Романа Наумовича, чтобы вместе улететь в партизанское соединение. Вместе посмотрели салют в честь освобождения Орла и Белгорода, а потом Тучек, как бы извиняясь, сказал:

— Не обижайтесь, Роман Наумович. Я не полечу с вами в Белоруссию. Иду в чехословацкий корпус Людвика Свободы....

Тепло попрощались боевые друзья. Штефан Тучек погиб потом в боях за Киев.

* * *

19 августа 1943 года Р. Н. Мачульского срочно вызвал первый секретарь ЦК КП(б)Б и начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко.

— Ваша поездка в южные районы Минской области отменена,— сказал он.— Только что получено сообщение о переходе на сторону партизан бригады Гиль-Родионова, которая воевала на стороне врага. Вы, как секретарь обкома партии, возглавите партизанское движение на севере

Минщины. Вместе с вами в район Бегомля полетит секретарь ЦК КПб)Б Иван Петрович Ганенко. Разберитесь и доложите о возможности использования бригады Гиль-Родионова в составе Борисовско-Бегомльского соединения. Вылет через два часа.

Р. Н. Мачульский и И. П. Ганенко тщательно разобрались в этом сложном деле и доложили ЦК КП(б)Б и Центральному штабу партизанского движения. Так называемая «1-я русская национальная бригада» перестала существовать. И была создана 1-я антифашистская партизанская бригада (командир В. В. Гиль-Родионов, комиссар И. М. Тимчук).

Иногда задумываешься, какими качествами должен обладать партийный руководитель и партизанский командир, чтобы стать вожаком масс, чтобы люди ему верили и шли за ним в тяжелых условиях оккупации? Преданность делу? Личная храбрость? Да, несомненно. Очень важно еще любить людей, уметь понимать их и оценивать каждого по достоинству, быть готовым вместе со всеми делить все тяготы партизанской жизни, как говорят белорусы: «Что миру, то и бабиному сыну», то есть все пополам, поровну. Такими качествами и обладал Роман Наумович Мачульский. Поспеши он, например, прояви горячность при разборе дела Гиля-Родионова и личного состава двух его полков — могли бы быть ненужные жертвы. А благодаря правильному решению большинство из личного состава этих полков влилось в ряды Красной Армии, дошло до Берлина, многие вернулись домой с орденами и медалями.

Когда Р. Н. Мачульскому было поручено возглавить партизанское движение на севере Минщины (огромная зона: Бегомль, Борисов, Плещеницы, Логойск, Смолевичи, Крупки, Холопеничи, Заславль), он решил побывать в каждом районе, в каждой партизанской бригаде. Из бригады «Железняк» он направился в соседнюю бригаду — «Народные мстители».

— Может, лучше командиров и комиссаров сюда вызвать? — предложил комиссар бригады Манкович.— Такие поездки — рискованное дело.

— Не надо,— ответил Роман Наумович.— На месте виднее.

С двумя автоматчиками он отправился в путь. Все увидеть своими глазами, познакомиться с людьми — таковы были его правила.

Бригада «Народные мстители» состояла из 1200 человек. Командовал ею майор Василий Воронянский. Вместе с отдельным отрядом имени Калинина из трехсот партизан она контролировала Плещеницкий район. Мачульскому хотелось побыстрее узнать, что произошло здесь за два года оккупации, как боролись с врагом коммунисты и беспартийные советские активисты, с которыми пришлось работать в довоенное время.

С печалью узнал он о героической гибели многих подпольщиков и партизан...

О многочисленных примерах мужества и отваги партизан Мачульский узнал и в других северных районах Минщины. Побывав в бригадах, Роман Наумович вместе со своим штабом тщательно продумал меры по участию партизан Борисовско-Бегомльской зоны в осуществлении нового плана «рельсовой войны», разработанного ЦШПД под кодовым названием «Концерт». Бригады Дяди Коли и «Смерть фашизму» расположились в районе Жодино (теперь там Белорусский автозавод производит знаменитые БЕЛазы), 1-я антифашистская бригада вышла на перегон Минск — Смолевичи, а бригады «Народные мстители», «Железняк», «Штурмовая», отряды имени Калинина и Ворошилова — на железную дорогу Минск — Молодечно — Полоцк.

Перед этим на полную нагрузку работал Бегомльский аэродром. Каждую ночь прилетали советские самолеты. Обозы с грузами непрерывно тянулись с аэродрома в бригады и отряды. Начавшийся вечером 25 сентября партизанский «Концерт» на железных дорогах совпал с освобождением советскими войсками первого крупного населенного пункта Белоруссии — города Хотимска и не умолкал до полного изгнания врага с советской земли.

Начатый в сентябре партизанский «Концерт», как цепная реакция, не умолкал до дня освобождения. С железных дорог он перебросился в города и местечки, во вражеские гарнизоны, где партизаны и подпольщики уничтожали военные объекты, штабы и склады, живую силу. В Минске прогремели взрывы в столовой СД, когда она была полна посетителей, в авиационном штабе и столовой летного состава, а заминированные на железнодорожном узле эшелоны потерпели крушение в пути.

Большую работу провели партизаны Борисовско-Бегомльской зоны по выведению из строя подземного кабеля Бер-

лин — штаб группы армий «Центр». Сначала вырезались отдельные куски кабеля, но враги быстро восстанавливали связь. Тогда разведчики бригады «Смерть фашизму» добыли схему прокладки кабеля, и к концу года он был разрушен полностью.

— Фюрер замолчал! — радовались партизаны.

Конечно, все это делалось при помощи местного населения.

Борьба шла во имя жизни на земле, во имя спасения народа. Когда нависла угроза полного уничтожения населения Минска и других городов, партийные организации разработали ряд мероприятий по выводу его в партизанские зоны. Этим делом занимались сотни людей. Они снабжали население фиктивными пропусками, намечали наиболее безопасные маршруты, выделяли опытных проводников. В партизанских зонах для этих «беженцев» были созданы продовольственные базы, подготовлено жилье и охрана. А выводить к тому времени было куда: в основном освобожденная от оккупантов Борисовско-Бегомльская зона слилась с Полоцко-Лепельской зоной Витебской области.

Шесть тысяч квадратных километров Борисовско-Бегомльской зоны занимали бригады: «Железняк», «Народные мстители», Дяди Коли, «Штурмовая», «Смерть фашизму», имени Кирова, 1-я антифашистская, «Большевик», отряды имени Калинина, «Гвардеец», «За Родину», имени Ворошилова, имени Суворова, имени Калинина Смолевичского района. Более четырнадцати тысяч партизан удерживали 1088 населенных пунктов. Партизаны с местными жителями построили фортификационные укрепления по принципу круговой обороны. Не так-то легко было проникнуть оккупантам в укрепленный партизанский край. Через освобожденный районный центр Бегомль, где находился полевой аэродром, поддерживалась прочная связь с Москвой.

Наличие такой мощной группировки партизан на главных коммуникациях фашистской группы армий «Центр» немало беспокоило фашистское командование. Предвидя возможность весенне-летнего наступления Советской Армии на центральном участке фронта, ставка Гитлера дала указание командованию группы армий «Центр» и местным оккупационным властям любой ценой оттеснить партизан из прифронтовой полосы.

Карательная экспедиция под кодовым названием «Весенний праздник» началась 11 апреля 1944 года. Главный

удар наносился против партизан Полоцко-Лепельской зоны. Бои длились до 4 мая. Чтобы облегчить положение соседей, командование Борисовско-Бегомльской зоны развернуло широкое наступление на коммуникации врага, наладило массовые засады на железных и шоссейных дорогах, а бригада «Железняк» повела наступление в направлении Лепеля. В результате кольцо блокады было прорвано. Большинство бригад и отрядов Полоцко-Лепельской зоны перешло в Борисовско-Бегомльскую, а вместе с ними пришло также свыше десяти тысяч гражданского населения.

И в это тяжелое время партизаны заботились о завтрашнем дне. Штаб соединения, возглавляемый Р. Н. Мачульским, разослал всем секретарям подпольных райкомов партии, командирам и комиссарам бригад директиву о проведении весеннего сева. В деревни направлялись специальные команды, выделялись лошади и посевной материал. Партизанским мастерским и кузницам предлагалось принимать в ремонт сельхозинвентарь наравне с оружием. В селах, расположенных вблизи вражеских гарнизонов, рекомендовалось проводить сев ночью под охраной партизан. Каждый понимал, что день освобождения близок, урожай будет наш, советский, поэтому с воодушевлением брался за работу. Посевная в тылу врага была проведена успешно.

В то же время накал борьбы нарастал. Обстановка подсказывала, что на операции «Весенний праздник» гитлеровцы не остановятся, предпримут новые усилия для ликвидации партизанских соединений. Поэтому все бригады и отряды Борисовско-Бегомльской зоны были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Совершенствовались оборонительные рубежи, укреплялись населенные пункты, население обучалось военному делу. Бегомльский аэродром принимал самолеты с оружием и боеприпасами. Велась ближняя и дальняя разведка.

Оккупанты тщательно готовились к предстоящей карательной экспедиции. По данным разведки, для участия в ней привлекалось несколько дивизий из резерва группы армий «Центр»; дивизия бомбардировочной авиации; танковые и артиллерийские части; подразделения СС; пять охранных полков СД и другие формирования. Они уже начали занимать исходные позиции вдоль партизанской зоны.

В этой обстановке штаб партизанского соединения созвал совещание всех командиров и комиссаров бригад и отрядов зоны, чтобы подробно обсудить тактику предстоящих боевых действий. Она в основном сводилась к жесткой активной обороне, маневренности, нанесению ударов по наиболее уязвимым местам врага. Если же противник предпримет попытку углубиться в партизанскую зону, отряды и бригады по согласованию со штабом соединения должны прорываться в тыл карателям и там продолжать борьбу.

Утром 22 мая после артподготовки вражеские части перешли в наступление. Партизаны оказали ожесточенное сопротивление, и только к концу июня, когда каратели перешли в наступление со всех направлений, им удалось оттеснить часть бригад и отрядов в болота, расположенные вокруг озера Палик. Остальным бригадам и отрядам удалось прорваться в тыл противника.

В окружении на озере Палик остались бригады Дяди Коли, имени Кутузова, имени Пономаренко, имени Кирова, два отряда «Смерть фашизму» и несколько бригад Полоцко-Лепельской и Оршанско-Сенненской зон. Вместе с ними находился и штаб соединения во главе с Романом Наумовичем Мачульским. К 16 июня они оказались окруженными на небольшом участке заболоченной местности. От бомбежек, артиллерийского и минометного обстрела партизаны несли большие потери. Несколько снарядов и авиабомб разорвалось в расположении штаба соединения.

Считая, что партизаны окончательно разбиты, каратели приступили к проческе болота. Но навстречу им, словно из-под земли, подымались измученные голодом и жаждой народные борцы и наносили встречные удары. В это время Роману Наумовичу удалось вызвать советскую авиацию. Ночью по позициям противника был нанесен мощный бомбовый удар. Натиск карателей значительно ослаб. И наконец наступил долгожданный день 23 июня 1944 года, когда Белорусские фронты и 1-й Прибалтийский перешли в наступление. Положение окруженных партизан сразу изменилось. Части карателей оставляли свои позиции и пополняли поток бегущих фашистских войск. На их плечах к Березине прорвалась 35-я танковая бригада.

Во время этой последней карательной операции, длившейся тридцать семь дней, партизаны Борисовско-Бегомльского соединения отвлекли на себя десятки тысяч немецких

солдат и офицеров, большое количество техники, что содействовало успешному продвижению советских войск во время операции «Багратион», и в частности 3-го Белорусского фронта. От расстрелов и виселиц, от угона в фашистское рабство партизаны Борисовско-Бегомльской зоны спасли десятки тысяч советских людей.

Таков далеко не полный боевой итог самоотверженной борьбы народных борцов только северных районов Минской области. Уместно будет вспомнить, с чего началось здесь это могучее движение против иноземных захватчиков. Небольшая группа партийных работников Минской области, в том числе и бывший первый секретарь Плещеницкого райкома партии Роман Наумович Мачульский, в июле 1941 года перешла линию фронта для организации партизанского движения. Ни у кого из них не было достаточных военных знаний, опыта такой сложной и ответственной работы в тылу злого и коварного врага, имевшего разветвленные карательные органы и опыт по подавлению народного сопротивления во многих странах Западной Европы. И тем не менее, коммунисты, оставшись в тылу врага, создали огромную партизанскую армию, в которой сражались и молодые и старики, мужчины и женщины, рабочие и колхозники, представители советской интеллигенции, люди разных национальностей.

Советский народ разгромил врага, одержал великую победу. Значительный вклад в эту победу внес скромный человек, выходец из бедной крестьянской семьи, партийный работник, Герой Советского Союза полковник Роман Наумович Мачульский.

Михаил Андриасов

ИМЯ ЕГО ЖИВЕТ...

(О Морозове С. Г.)

Азовское море... Черно-свинцовое в пасмурные дни, серебряное — в солнечные. Бежит по берегу поезд. Пассажиры припадают к окнам, вглядываясь в морской простор. За дробным стуком колес людям не слышен шум волн. Но они шумят, шумят, не зная покоя... У него, у этого моря, своя жизнь, свои легенды, своя история. И если бы волны могли рассказывать — о, как много поведали бы они! Сколько памятного — горестного и героического — прокатилось по азовским берегам в минувшие века! Свидетелями какой жестокой и непримиримой борьбы довелось им быть! Каких смелых и благородных людей видели они!

...Поезд идет по низкому берегу Азова, и вдали, в сиреневом мареве, открывается тонкая и длинная стрела древнего Таганьего мыса. Чем ближе к нему, тем явственнее видна густая чаща заводских труб, высоких корпусов, над которыми плывут облака. Это

Таганрог, — город, основанный на Таганьем Рогу еще при Петре I.

В этом городе в годы Великой Отечественной войны действовала крупная подпольная молодежная организация, которой руководил секретарь горкома комсомола двадцатисемилетний коммунист Семен Морозов.

Работники областных архивов, краеведческих музеев, историки, литераторы, журналисты старательно разыскивают все, что проливает свет на правду о молодых подпольщиках Таганрога. Найденные документы, письма, листовки, дневники, записки героев, воспоминания их родственников и очевидцев, рассказы немногих оставшихся в живых участников подпольной организации постепенно, день за днем, все полнее рисуют боевые дела таганрогских комсомольцев.

* * *

Пожалуй, не только в Таганроге, но и по всему Тихому Дону Морозова чаще называют не Семеном, а Николаем. Нередко бывает и так: кто Николаем, кто Семеном. Почему же за ним закрепились два имени? По-разному объясняют. Одни так: Семен, мол, еще школьником прочитал книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». Она запала ему в душу, и захотел он называться именем писателя-солдата. Другие говорили, что с детских лет полюбился Морозову герой гражданской войны, командир прославленного Богунского полка Николай Щорс. Потому, мол, Морозов решил стать Николаем. Есть и третья версия: Морозов всю жизнь был Семеном, а на войне, став вожаком молодых таганрогских подпольщиков, принял конспиративную кличку — Николай...

Прошло много лет после гибели Морозова. И наконец выяснилось, что ни одно из трех предположений не соответствует действительности. На деле все было гораздо проще. Семен учился в таганрогской железнодорожной школе № 15. Избрали его секретарем школьной комсомольской организации. Среди членов комитета оказалось три Николая.

— Знаешь что, Семен, — решили эти трое, — ты у нас один на отличку. Стало быть, и тебе надо сделаться Николаем четвертым...

Так осталось за Семеном Морозовым это имя.

* * *

Когда началась война, Николая избрали первым секретарем горкома ВЛКСМ. Он потерял счет дням и ночам, не мог отличить их — такой напряженной стала жизнь, вся подчиненная нуждам фронта.

Как и все, кто был захвачен ураганным вихрем войны, Николай как-то сразу сделался старше. И это понятно. Ведь на его плечи тяжелым грузом легла ответственность за всю молодежь Таганрога. Он то появлялся на заводах — металлургическом, котельном, то со срочным делом мчался к железнодорожникам, а от них — к рабочим таганрогского порта. Оттуда — к студентам, к старшеклассникам...

— Сегодня надо сделать невозможное возможным! — говорил он юношам и девушкам, тем, кто заменил ушедших на фронт.

А фронт подходил все ближе. Фашистские армии приближались к городу...

Хмурым октябрьским днем над Таганрогом низко опустилось осеннее небо. Тоскливо выл порывистый ветер. Он с силой бил в оконные ставни, тревожно пробегал по крышам, пригоршнями разбрасывал опавшие листья. Издалека доносились раскаты артиллерии.

— Фашисты идут, — тревожно сказала худенькая, черноглазая Ирина Баева, обращаясь к подружке — белокурой девушке с длинными косами.

Луиза — так звали подругу — остановилась, повернула голову, прислушалась.

— Где-то совсем близко, — тихо ответила она.

Девушки торопливо пошли дальше. Около городского театра — толпа молодежи. Лица серьезные, озабоченные. Короткие, односложные фразы. Ирина на мгновение вспомнила, как собирались они здесь в недавние мирные дни, как было шумно и весело. И вот перед ней те же самые ребята. Но как изменились они за три месяца. Повзрослели. Будто годы прибавились.

— Ира!

Баева обернулась. Подошли Тася Доленко и Лена Пожидаева.

— Идемте вместе, девочки!

Людской поток внес стайку девчат в переполненный зрительный зал театра. Поднялся занавес. На огромном кумачовом полотнище слова: «Наше дело правое. Победа будет за нами!»

На сцене — стол, покрытый красной скатертью. За столом — смуглолицый юноша.

— Митинг молодежи города объявляю открытым.

Немногословны ораторы. Каждый говорил так, словно приносил присягу. Враг у ворот родного города. Все силы, всю страсть комсомольской юности на разгром захватчиков! Бороться до конца, бороться до победы! Не останавливаться ни перед какими жертвами. Под руководством великой партии Ленина молодежь отстоит свою жизнь, свое достоинство, честь и независимость Родины. Все для победы!

— Все для победы! — с этими словами на трибуну поднялся секретарь горкома комсомола.

— Друзья! — сильный голос Николая Морозова взволнованно звучал над залом. — Нам выпало тяжелое испытание. Испытание нашей преданности, нашей смелости. Никогда не одолеть фашистам нашу юность. Мы любим жизнь, нашу Родину, и во имя ее каждый готов идти на смерть. Враг — у стен родного города. Нелегко нам будет, друзья, но мы выстоим. Мы выстоим потому, что наша любовь к Родине сильнее фашистских танков! И еще: вспомните нашу мудрую русскую поговорку «Друзья познаются в беде». Наша комсомольская дружба поможет нам бить врага!..

Когда выходили из театра, было темно. Мрак окутывал город. «Наша любовь к Родине сильнее фашистских танков!» — повторила про себя Ирина, и перед ее глазами снова возник Николай Морозов. Вот он стоит на трибуне — страстное, решительное лицо, горящие глаза, падающие на лоб густые, упрямые кудри...

* * *

Танки фашистского генерала фон Клейста рвались к Таганрогу. Город эвакуировался.

Секретарь горкома партии Решетняк, как и другие городские руководители, не знавший в эти дни ни минуты отдыха, хриплым, сорвавшимся голосом отрывисто говорил вожаку таганрогских комсомольцев:

— Наши войска вынуждены оставить город, Коля. На элеваторе тонны зерна. Мы обязаны сделать все, чтобы ни грамма не перепало фашистам. Иди в порт. Организуй раздачу зерна населению. Хлеб должен остаться у наших людей. Ты понимаешь?

— Понимаю, товарищ Решетняк.

— У элеватора сейчас крутится немало подозрительных типов. Наведи там порядок. Руководи раздачей. Не допускай анархии... Понимаешь?

— Будет порядок, товарищ Решетняк.

— И вот что, Коля. Если немцы отрежут дорогу на Ростов, уходить будем последними, морем. Ясно?

— Ясно. Только... Знаете, товарищ Решетняк, я хотел бы с разрешения горкома партии остаться в городе. Для подпольной работы...

Глаза двух секретарей встретились.

— Ты все обдумал? — спросил Решетняк. — Фашисты — враги сильные, жестокие... Понимаешь, как тут будет нелегко? А ведь тебя в городе все знают.

— Я взвесил все. И не один раз, — отозвался Николай. — Хочу остаться!

— Вот что. Пока договоримся так: будешь действовать в зависимости от обстановки, — Решетняк крепко пожал руку Морозова и повторил: — В зависимости от обстановки! Запомни!

Два дня Николай не уходил из порта. Раздача зерна продолжалась и тогда, когда немецкие танки уже громыхали по булыжным мостовым таганрогских окраин.

Буквально в последние минуты Морозов вскочил на палубу старенького парохода «Ростов». Но уйти из Таганрога не удалось. На уходившие корабли и катера внезапно обрушились вражеские снаряды. Фашистские танки вышли к самому обрыву и с высокого берега безнаказанно расстреливали суда, на которых эвакуировалось гражданское население.

Снаряды насквозь прошили ветхие борта «Ростова», и пароход пошел ко дну. Николай с трудом выбрался на берег. Позже от людей узнал, что вместе с другими таганрожцами на сожженных и потопленных кораблях погибли Решетняк, заместитель председателя горсовета Рамазанов и другие ответственные работники Таганрога, уходившие из города на последних судах.

* * *

«Теперь решено, я остаюсь в городе, — твердо сказал себе Николай. — Даже если я перейду линию фронта, пробьюсь к своим, меня не возьмут в армию». Он подумал о правой руке, на которой не хватало трех пальцев. Он

лишился их еще мальчишкой, стреляя из самодельного пугача.

И Морозов остался. Первую ночь он провел на чердаке родного дома, стоявшего на самой дальней от центра окраине Таганрога. А потом переселился в землянку — еще в первые дни войны родители выкопали эту землянку в запущенном, глухом саду.

«Прежде всего надо собирать надежных ребят» — так определил свою задачу Николай. Многих городских парней и девчат он хорошо знал. Комсомольцы постарше почти все ушли в армию. За несколько лет до войны Морозов был пионервожатым. Многие пионеры теперь подросли, из них можно подобрать подходящих. Первым делом Морозов навестил семью старого рыбака Кузьмы Ивановича Турубарова. Дети рыбака — Раиса, Валентина и Петр — учились в той самой школе, где Николай был вожатым.

У Турубаровых его встретили как брата. В глазах — радость и тревога. Первые бессвязные вопросы. Потом Николай осторожно перевел разговор: что же, мол, будем делать дальше? Ребята поняли его с полуслова.

— Давай командуй, секретарь!

Порешили организовать у Турубаровых конспиративную квартиру. Установили пароль.

— Без меня ничего не предпринимать! — строго предупредил на прощание Морозов. — Пока будем накапливать силы, собирать оружие, присматриваться к врагу!

Скоро в маленьком рыбачьем домике у самого берега моря стали собираться юные подпольщики.

Однажды после очередной конспиративной встречи Николай темным ноябрьским вечером осторожно пробирался улицами к своей землянке. До сада оставалось несколько шагов. Вдруг на углу Морозов увидел автомобиль. Он стоял у обочины. Вокруг — никого... Неведомая сила потянула парня к этой маячившей во мгле грузовой машине. Тишина. Ни звука, ни голоса... Видимо, гитлеровцы зашли в одну из соседних хат.

Николай открыл дверцу грузовика. Прямо перед глазами, на водительском месте, — пистолет. Кровь клокочет так, что Николай ее слышит. «Спокойно, спокойно, но немедленно». Схватив парабеллум, он сунул его в карман плаща — и быстрей прочь. Холодные капли мелкого осеннего дождя жгли лицо, как кипятком.

Скорым шагом Николай повернул на перекрестке. И тут, точно из-под земли, выросла перед ним фигура немецкого офицера.

— Документы! — гортанный, ломаный русский язык.

Николай выхватил пистолет. Выстрел. Другой. Запрокинув голову, фашист повалился, как подкошенный...

Попетляв по окраинам, Николай добрался наконец до своей землянки. Облегченно прилег. Казалось, грудь не выдержит бешеных ударов сердца.

Дождь усилился. Николай ощупал стены: мокрые. Но он рад дождю. А вдруг фашисты примутся искать с собакой? «Иди, дождь, иди. Ты сейчас мой союзник. Иди, родной...» — улыбнулся Николай.

* * *

Ворвавшись в Таганрог, фашисты принесли с собой горе, смерть, сковали город, словно перевязали цепями улицы, дома. Город затаился, затих.

Произвол, убийства на улицах, во дворах, в домах, грабежи, насилия — такими стали будни родного города. В заводском Дворце культуры гитлеровцы устроили конюшню. Школы превратили в казармы. В той знаменитой, известной каждому таганрожцу школе, где учился Антон Павлович Чехов, обосновалось гестапо. Стены классов обагрены кровью патриотов... В детских яслях генерал Коррети разместил разведотдел своего штаба. Здесь тоже истязали мирных жителей. Каждый день с вокзала уходили поезда, набитые награбленным добром...

Однако новоявленные «хозяева» понимали, что под их ногами чужая земля. Она полна ярости, эта земля, ненавидит захватчиков, жжет их огнем.

По утрам то на одной, то на другой улице находили трупы вражеских солдат и офицеров. Невидимые руки наклеивали на стены призывы к сопротивлению, резали скаты фашистских машин, подсыпали песок в буксы паровозов и вагонов, бросали в склады оккупантов бутылки с горючей смесью...

На Большой земле уже знали о патриотических подвигах таганрожцев. Об их действиях сообщало Советское информбюро. В утреннем выпуске от 24 ноября 1941 года говорилось о том, что партизанами Таганрога уничтожен в порту фашистский склад военного снаряжения.

Тщетно гестаповцы рыскали по Таганрогу, бросали своих ищеек в подворотни, запугивали, обещали награды за поимку партизан. Патриоты были неуловимы.

17 октября танки фон Клейста вошли в Таганрог, а 11 ноября ортс-комендант майор Альберти уже отмечал в своем приказе: «Наблюдаются случаи актов саботажа на телефонной линии германских вооруженных сил. Есть подозрения, что эти повреждения совершают жители города Таганрога. Мною отдан приказ об аресте нескольких заложников, которые будут расстреляны».

В ответ на приказ ортс-коменданта патриоты взорвали и сожгли здание фашистской комендатуры.

Тогда на Базарной площади оккупанты построили виселицы. Силой согнали население и на глазах у всех казнили заложников. В толпе стояли Николай Морозов и Петр Турубаров.

Молодой парень в оборванном пиджаке, весь истерзанный и окровавленный, стоя с петлей на шее, крикнул, обращаясь к тем, кто стоял за цепью солдат и полицаев:

— Люди! Сопротивляйтесь! Бейте фашистскую сволочь! Красная Армия вернется!..

* * *

Николай и его друзья видели, что жители Таганрога не склонили своих голов. Но понимали: против фашистов борются одиночки, разрозненные группы.

— Нам надо объединяться, — говорил Морозов.

И в один из дней в доме Турубаровых юные подпольщики провели организационное собрание. Старый рыбак Кузьма Иванович как родного обнял Николая. Ему по душе был этот стройный парень, с волевым, мужественным лицом, с острыми, черными глазами.

— Пришла пора, когда каждый из нас должен дать родной стране клятву верности, — сказал Николай Морозов, открывая собрание. — Нас ждет суровая борьба. Все может случиться. Нужно быть готовым принять муки, а может, и умереть за свободу...

— Нужно составить текст клятвы,— сказал комсомолец Лева Костиков.

— У меня есть проект. Если не возражаете, я оглашу, — предложил Морозов.

— Читай!
— Тише, ребята...

Николай достал листок из ученической тетради, прочитал текст, который они набросали вдвоем с Турубаровым. Текст понравился. Обсудили его. Добавили кое-что. На окончательном варианте сошлись единодушно, и тогда Морозов первым произнес слова клятвы:

— Я, Николай Морозов, вступая в ряды борцов Советской власти против немецко-фашистских захватчиков, клянусь, что буду смел и бесстрашен, беспрекословно буду выполнять задания и приказы организации. Я скорее умру под пыткой, чем выдам тайну. Рука моя не дрогнет, истребляя подлых захватчиков, их технику и оружие. Всеми своими помыслами и действиями клянусь помогать родной Красной Армии. Вся моя жизнь принадлежит Родине, моему народу. И если я нарушу эту клятву, пусть моим черным уделом будут всеобщее презрение и смерть!

Стоя, слушали товарищи присягу Морозова. Когда он умолк, присягу принял Сережа Вайс. Сережу сменили Андрей Афонов, Петр Турубаров — все, кто находился в комнате.

В организацию вошло более двухсот юношей и девушек. Отряд комсомольцев, примерно в семьдесят человек, составлял ядро подполья. Кроме того, особые группы, подчиненные штабу организации, действовали на железной дороге, на заводах, в административных учреждениях оккупантов.

Прошло немного времени, и комсомольцы во главе с Юрием Лихоносом пустили под откос несколько фашистских эшелонов. На кожевенных заводах подпольщики уничтожили склады сырья. Смелый подвиг совершил Константин Афонов. Он уничтожил вертикально-шлифовальный станок, при помощи которого фашисты ремонтировали свои вышедшие из строя танки.

Мужественно действовала группа Сергея Вайса. Комсомольцы, работавшие в немецкой комендатуре и на бирже труда,— Нонна Трофимова, Тамара Карпенко, Елена Несветайлова и врач Нина Козубко — добывали фиктивные паспорта, пропуска и другие документы, благодаря которым тысячи горожан были спасены от угона на фашистскую каторгу. На железнодорожной станции Таганрог дважды взлетали на воздух вагоны с боеприпасами.

В городе все чаще стали появляться листовки со сводками Советского информбюро. «Вести с любимой Родины» — так назывались эти листовки. Их распространяли в сотнях экземпляров, тайно переносили из дома в дом. И под каждой сводкой — призывные слова:

«Родные таганрожцы! Не склоняйте головы перед жестоким врагом! Сопротивляйтесь! Всегда помните: любые ваши патриотические подвиги — большие или малые — будут подрывать вражеский тыл, и этим вы окажете помощь родной Красной Армии, ускорите ее приход!»

Бесился, стучал по столу бургомистр Таганрога Дитер. Из кожи лез подлый изменник — начальник полиции Стоянов. А сделать ничего не могли — комсомольцы были неуловимы.

Подполье изо дня в день росло. В организацию уже вошли целые семьи — Афоновы, Турубаровы, Баевы...

Братья Афоновы были членами штаба отряда. По решению штаба они поступили уборщиками на завод. И начались на заводе «чудеса». За несколько дней из строя вышли десятки тягачей и автомашин: Афоновы обливали моторы азотной кислотой.

* * *

Николай Морозов принимал участие в самых сложных и ответственных боевых операциях. Под его руководством группа комсомольцев совершила дерзкий вооруженный налет на полицию в поселке Маяковка, освободила большую группу пленных красноармейцев, снабдила их оружием и переправила через фронт. Во время боя патриоты захватили четыре ручных пулемета, ящик гранат, много винтовок.

В ночь под Новый год Морозов повел группу подпольщиков в пригородное село Бессергеновка. Налет на вражеский гарнизон начался в тот момент, когда ничего не подозревавшие враги отмечали новогодний праздник... Для них эта ночь стала последней. И фашистские солдаты, и их прислужники — полицаи были уничтожены. Автоматы, пистолеты, три мешка с крупой, несколько ящиков масла достались Морозову и его ребятам.

Ранней весной связные Морозова доставили свежий номер «Правды», в котором рассказывалось о действиях таганрогского подполья. В номере от 28 марта 1942 года «Правда» писала: «Ни на один час не затихает борьба в

оккупированном Таганроге. Ни днем ни ночью таганрожцы не дают покоя ненавистному врагу, держат его в состоянии постоянного напряжения и страха».

В который раз фашистский комендант города издавал устрашающие приказы:

«Большевистская подрывная работа в городе Таганроге за последнее время усилилась. Германские военные власти строго предупреждают...»

И снова угрозы: «...большевистские агенты будут расстреляны».

Но удары подпольщиков нарастали. Среди бела дня в мае сорок второго года в самом центре Таганрога — в парке культуры и отдыха — был взорван склад с боеприпасами. В июне на перегоне Марцево — Кошкино сброшен под откос воинский эшелон противника.

Под особым контролем Морозов держал железнодорожное депо. Отсюда на службу фашистам должны были выходить отремонтированные паровозы. В депо, как уже говорилось, действовала группа одного из самых отчаянных подпольщиков — Юрия Лихоноса.

— Ни одного паровоза врагу! — говорил Николай Лихоносу.

— Ни одного, товарищ пионервожатый,— улыбался в ответ Юрий, бывший пионер дружины Николая.

Однажды в депо поступил срочный приказ: отремонтировать паровоз. Ребята принялись за дело. Гитлеровец, начальник депо, доволен. И двух часов не прошло, а уже все было готово. Пылала топка. Возле ребят, наблюдая за их действиями, шагал солдат. Едва он отдалился, Юрий подал сигнал:

— Песок в буксы!

Хлопцы принялись засыпать песок... Вдруг из-за соседнего паровоза вышел офицер и решительно зашагал к ребятам. На ходу вытащил парабеллум... Видимо, он заподозрил неладное. К счастью, солдат оказался в этот момент на другой стороне. Кувалда тяжко обрушилась на вражеского офицера. Труп сожгли в топке.

* * *

Подпольщики разоблачили предателя — агента гестапо. Заочным судом он был приговорен к смертной казни.

— Приговор приведу в исполнение я,— объявил Морозов.

— Мы решительно возражаем! — запротестовал Сергей Вайс.

— В таком случае я просто приказываю партизану Морозову выполнить это задание! — разгорячился Николай.

— Это называется злоупотреблением служебным положением, товарищ Морозов,— рассмеялся Юрий Пазон.

Морозов ничего не ответил, задумался. Потом сказал:

— Пусть штаб решит, кому выполнить это поручение.

Штаб определил: Вайсу и Пазону. Переодевшись в гитлеровскую форму, комсомольцы ночью постучались в окно дома, где жил предатель.

— Кто там? — испуганно раздалось за дверью.

— Полиция.

В открытой двери показалась фигура мужчины.

— Что угодно?

— Нам необходимо срочно уточнить некоторые ваши сообщения,— сказал Пазон.

— Сию минуточку,— с готовностью ответил предатель и стал быстро одеваться. Вышли на улицу, свернули в переулок. В ночной темноте раздался глухой выстрел...

Группа Сергея Вайса уничтожила часовых у котельного завода и подожгла большой склад горючего. Сергей сам убил фельдфебеля, завладел его документами и оружием. Гитлеровцы спешно бросили на завод гестаповцев, но подпольщики как в воду канули.

Ночью на крыше крупного вражеского гаража Александр Афонов установил фонарь. В следующую ночь над городом появились советские бомбардировщики.

В тот же момент фонарь вспыхнул, призывно замигал. Наши летчики разбомбили гараж, уничтожили тридцать вражеских машин.

Наступил февраль 1943 года. Красная Армия освободила Ростов. Бои шли недалеко от Таганрога. Штаб молодых партизан разработал план вооруженного восстания в городе, выступил с обращением к населению города.

«Братья! — говорилось в обращении.— Каждый из вас должен содействовать наступающей Красной Армии, помогать ей. Вооружайтесь, готовьтесь к решительной борьбе. Пулемет, винтовка, штык, лопата, лом, молоток — все должно быть у каждого наготове. Не допускайте взрыва фашистами заводов: народное добро должно быть сохранено. Устраивайте на улицах и переездах завалы, чтобы задержать вражеские машины, уничтожайте, бейте врага! Не до-

пускайте взрывов депо, станции. Организуйте всеми возможными мерами крушения вражеских поездов. Дорогие товарищи таганрожцы! За оружие и в бой с ненавистным врагом!»

И вот, когда освобождение было уже совсем близко, гестаповцы арестовали Николая Морозова и группу его товарищей. Как враги напали на след подпольщиков, кто выдал их? Это пока неизвестно.

Известно другое: страшным пыткам подвергли враги юных патриотов, загоняли под ногти гвозди, били железными шомполами, но они держались стойко. Морозова пытали день и ночь. Зажимали голову в стальные тиски, истязали жгутами из телефонной проволоки. Секретарь горкома не проронил ни слова.

В камере он говорил товарищам:

— Наше молчание убивает фашистов.

А с Миуса уже катился ободряющий, близкий гул советской артиллерии. Красная Армия приближалась...

Обессиленный пытками Николай смотрел в окно, радовался солнцу и тихо говорил:

— Эх, теперь бы на море, ребята!..

Он любил море. И увидел его в последний раз 23 февраля — в день Красной Армии, когда, обнявшись со своими верными друзьями, стоял на берегу под фашистскими автоматами.

Николай улыбнулся, задумчиво оглядел родные просторы и, прежде чем прогремели фашистские автоматы, громко крикнул:

— Мы умираем, но мы победители! А ваш конец близок! Да здравствует коммунизм!

— Всех не перестреляете, сволочи! — бросила в лицо врагам Рая Турубарова.

Так же мужественно приняли смерть Валентина Турубарова, Лев Костиков, Спиридон Щетинин, Иван Верейтинов... Таганрогской организации подпольщиков был нанесен тяжкий урон, но она продолжала борьбу. Ее возглавил Константин Афонов. Но и ему не суждено было дожить до освобождения.

В июне фашисты арестовали и расстреляли Константина Афонова, Сергея Вайса и других подпольщиков. Но организация, созданная Николаем Морозовым, продолжала борьбу.

Во главе ее стали Юрий Лихонос и Андрей Афонов. Подпольщики-комсомольцы бились с фашистами до самого

вступления в Таганрог частей Красной Армии в августе 1943 года. Они оказали активную помощь освободителям города. Разминировали депо, железнодорожную станцию, сохранили в целости электростанцию на металлургическом заводе...

В таганрогской подпольной организации были сотни юных патриотов. Сто семнадцать из них пали под пулями фашистских палачей.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1965 года Семену Григорьевичу Морозову за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

На стене таганрогской школы № 16 установлена мемориальная доска: «В школе № 16 с 1934 г. по 1936 г. работал старшим пионервожатым и учителем Герой Советского Союза С. Г. Морозов (1914—1943) — организатор комсомольского подполья в г. Таганроге в годы Великой Отечественной войны».

При открытии доски ученик школы Александр Заворин прочитал отрывок из поэмы ростовского поэта Ашота Гарнакерьяна, посвященной Семену Морозову:

...Этот город, где ты сражался,
За который под пули шел,
В грозных битвах врагу не сдался,
Краше прежнего он расцвел.
Перед нами живой и пламенный,
Ты незримо встаешь, Семен,
Из-за этих строений каменных,
Труб высоких, огней, знамен,
Из-за этих садов цветущих,
Гидростанций, дающих свет.
Ты сегодня среди живущих —
В списке мертвых такого нет!

Это верно! В списке мертвых Семена — Николая Морозова нет. Не зря на таганрогском комбайновом заводе рабочие бригады коммунистического труда, которую возглавляет Герой Социалистического Труда Ким Федорович Селютин, зачислили Морозова в свою бригаду. Он, как и прежде,— на переднем крае.

Николай Масолов

ЧЕКАН ДУШИ

(О Никитине И. Н.)

На дворе ярко грело солнце. В окна весело стучала весенняя капель. А в школьном флигеле бушевала буря... Альберт Оя, секретарь комсомольской ячейки школы, с трудом сдерживал накал страстей. Вопрос об исключении из организации сына кулака перерос обычные рамки. Сбивчиво, горячо говорили ребята о том, чем жила в те дни гдовская деревня,— о коллективизации. И своего соученика клеймили позором не за происхождение. Исключенный из комсомола девятиклассник помог кулацким подпевалам сорвать собрание по созданию колхоза.

— Оценку случившемуся вы дали правильную,— сказала, подводя итоги дебатам, представитель уездного комитета партии Кушина,— но и самим действовать следует по-большевистски, смелее нужно вторгаться в жизнь своих односельчан. Вот, к примеру, ты, Никитин,— обратилась она к семикласснику, принятому в начале собрания в комсо-

мол,— смог бы, когда потребуется, поехать в деревню и помочь в организации колхоза?

Со скамьи поднялся невысокий коренастый паренек. На его веснушчатом лице вспыхнула озорная улыбка:

— Почему, когда потребуется? Могу хоть сейчас.

Утром следующего дня ученик гдовской школы-девятилетки Иван Никитин восседал на санях-возке. Лошадью правил Семен Матвеевич — отец закадычного друга Никитина Володи Зайцева. Путь их лежал в глухую деревушку Сырой Лес.

Шла весна 1930 года...

«Действовать по-большевистски...»

Гдовщина... Озеро Чудское... Былинный край. Здесь, как у моря Балтийского, что ни скала, что ни бухта — то легенда о мужестве и отваге людей русских. И реки здесь под стать суровому озеру. Упрямо раздвигают они лесные чащобы, а по весне наперекор ветрам выносят талые воды на луговины к кряжистым дубам-одиночкам, к подножию курганов, облысевших от древности.

Спят курганы — немые свидетели тех времен, когда «бысть ту сеча зла и велика немцем и чуди, и трус от копей ломление и звук от мечного сечения...». Тихо. Лишь изредка прошелестит орешник, и, легко ступая, поднимется на косогор медведь. Остановится, чутко слушая надречную тишину. Осторожно спустится к реке на водопой...

Никитин с детства пропитался озерным духом, вволю наслушался лесных шорохов и вздохов, когда пас скот у богатеев. Красота родного края была по душе подростку, а то, что связано с его историей, стало гордостью юности Ивана.

Выдавался свободный часок, и бежали трое неразлучных приятелей — Иван Никитин, Владимир Зайцев, Иван Краев — в старую крепость искать экспонаты для краеведческого музея. Добирались и до рыбаков, чьи невода нет-нет, да и выволакивали из озерных глубин куски позеленевших кольчуг, а то и шлемы незадачливых завоевателей — тевтонских псов-рыцарей.

Но еще больше привлекали ребят романтические легенды-были о днях гражданской войны на берегах Гдовки и

Плюссы. Допоздна засиживались друзья у директора школы коммуниста Филиппова, слушая рассказы о «железном Яке» — большевике Фабрициусе, о Молохове, Никитине, Богданове и других героях борьбы с бандами Булак-Балаховича и прочей белогвардейской нечистью.

Хорошим наставником дружной тройки был и отец Володи Зайцева. В ту поездку, когда Иван и Семен Матвеевич добирались до Сырого Леса, немало интересного и важного услышал молодой комсомолец из уст участника революционных событий в Москве, одного из первых организаторов коммун в Петроградской губернии.

— Вот мой Володька и ты, Ванюшка,— неторопливо рассуждал, подгоняя лошадь, Зайцев,— искренне и горячо в спорах-разговорах обещаете: придет час и грудью встанете на защиту Родины. Мы, ваши отцы, верим: так и будет. Но Советской власти, партии нашей большевистской бойцы сейчас нужны. В деревне ледолом-ледоход, что те на Чудском, громыхает. Тут зевать не приходится. Везде нужно свой глаз иметь. К примеру, есть ныне боевой пост самый наиважнейший.

— Какой такой пост? — встрепенулся Никитин.

— Счетовод в колхозе.

— Счетовод? Тю-ю,— присвистнул Иван,— смеешься, дядя Семен?

— Наипервейший человек в колхозе, главный помощник председателя — вот кто теперь счетовод, а ты — «тю-ю». Он и планы составлять помогает правлению, и учет трудодней ведет. Созрели хлеба на полях молодого колхоза. От кого зависит выдача людям первого заработка? От него — от счетовода. Ведь это он аванс на трудодни рассчитывает. А счетоводов у нас — кот наплакал. Вот и подсовывают кулаки своих грамотеев,— Зайцев посмотрел в густо подсиненное небо и неожиданно громко произнес: — А весна так и прет, так и прет,— и уже тише и строже добавил: — Действовать по-большевистски нужно, Ванюшка.

Может, тогда в дороге, может, днем позже, когда до утра в сизом махорочном дыму шумел крестьянский сход,— сказать трудно, но решение у Никитина созрело твердое, и осенью того же года в Черневе появился счетовод-комсомолец. Не сразу привык Никитин к уважительному «Иван Никитич». Не сразу и его, рыжеволосого озорного шестнадцатилетнего паренька, признали на селе «главным финансистом». Но, признав, одни полюбили за неподкупность и тру-

долюбие, другие возненавидели за смелое вмешательство в деревенский «ледоход».

В двадцать лет Ивана Никитина избрали председателем сельского Совета. Дел было невпроворот. Пахота, сев, уборка — строгое испытание для еще не окрепших колхозов. А жизнь не без крутовертей — то церковники где-то верх взяли, то в клубе, воспользовавшись слабостью комсомольского актива, хулиганы драку учинили. До всего доходили руки председателя. И на собрании молодежном, и в поле у трактора, и на гулянке, и в горячей беседе с глазу на глаз слышалось его задорное:

— А ну, попробуем сами все наладить.

И пробовали. И налаживали. Расцветала новая жизнь на гдовских нивах. Радостно было на душе у Ивана. К его слову прислушивались не только ровесники, но и люди старшего поколения.

— С огоньком работает парень,— говорил о Никитине секретарь партийной ячейки Ефим Антонович Шкаликов, большевик с дней Великого Октября.

— И весело, и легко,— добавлял его друг Михаил Иванович Агапов, в прошлом моряк-балтиец, защищавший республику Советов на фронтах гражданской войны.

А тут подоспело Ивану в армию идти. Служил Никитин в 48-м стрелковом полку. Служил, как и работал, ревностно, с большой охотой. Военная служба ответила на многие вопросы, теснившиеся в голове, обострила чувство бдительности, вооружила специальными знаниями. Вернулся в родные края молодой гдович младшим командиром и с мечтой об учебе. Но не успел, как говорится, шинели снять, загремела канонада на Карельском перешейке. Никитин стал в боевой строй. Воевать ему довелось в составе 104-го противотанкового артиллерийского полка. Воевал недолго, но лихо — был лучшим пулеметчиком в части...

Когда на конференции объявили об избрании секретарем райкома комсомола военрука Быковщинской школы Ивана Никитина, в зале раздались аплодисменты. Горячо аплодировал и сидевший в президиуме первый секретарь Гдовского РК ВКП(б) Товий Яковлевич Печатников.

— Молодцы ребята! — говорил он председателю райисполкома Гаврилову.— Лучшего помощника нам не сыщешь. Район знает прекрасно. Авторитет — позавидуешь. Образования, правда, маловато, но жаден до знаний. Энергичен. Напорист. И порох нюхал, а это может пригодиться.

Делегаты конференции, окружив вновь избранного секретаря, шумно вываливались из клубного здания на улицу. Зазвенела песня.

Земля дышала прохладой. Пахло зацветавшей березой. Шла весна 1941 года...

За нивы гдовские

И трех месяцев не прошло после этого, а пороховой дым уже перехлестнул советскую границу. В начале второй недели разразившейся войны во фронтовых сводках замелькало и «псковское направление».

В эти трагические дни Гдовский райком партии стал подлинным штабом обороны. Новыми гранями заблистал организаторский талант его первого секретаря. В юные годы рабочий, затем вожак уездного комсомола, военный моряк, парторг ЦК ВКП(б) на оборонном заводе, Печатников сумел сплотить вокруг районного комитета сильный актив. По его зову и примеру тысячи невоеннообязанных гдовичей взяли в руки винтовки, кирки и лопаты: одни стали бойцами истребительного батальона, другие — строителями оборонительных сооружений.

Во всех этих делах Иван Никитин был правой рукой Печатникова. Ранним утром 24 июня, выбрав момент, когда в кабинете секретаря они остались вдвоем, Иван спросил:

— А когда же мне в путь собираться, Товий Яковлевич?

— В какой такой путь? — недоуменно посмотрел на Никитина Печатников.

— На фронт. Я же как-никак заместитель политрука.

— А я, между прочим, батальонный комиссар,— строго отрезал Печатников.

— Ну, попал на фронт? — иронически спросил друга Владимир Зайцев, когда Никитин забежал к нему рассказать о нагоняе от Печатникова. Зайцев работал в райкоме партии и уже успел получить нахлобучку за такой же вопрос.

— И не говори,— махнул рукой Иван.— Я уже на лестнице был, а он мне вдогонку еще раз: «Мобилизация, мобилизация — вот о чем ты должен думать все двадцать четыре часа в сутки».

Сказал. Улыбнулся. И исчез. С той поры редко кто видел комсомольского вожака в райкоме.

В Ленинграде, в архиве Института истории партии, хранится характеристика Ленинградского обкома комсомола на Ивана Никитича Никитина. Есть в ней такие слова: «Товарищ Никитин сумел мобилизовать всю комсомольскую организацию Гдовского района в ряды Красной Армии, партизанских отрядов и диверсионных групп, действующих в тылу врага».

...Небо изнемогало от жары. Солнце, казалось, растопило даже пшеничное поле, превратив его в зеркальную гладь янтарного моря. Тенью и прохладой манили к себе купы деревьев у дороги. Но в этот знойный июльский полдень на гдовском большаке не было ни одного путника. Лишь со стороны Пскова чернели какие-то медленно движущиеся предметы. Издали они походили на огромные утюги.

— Танки! — крикнул, стараясь не выдать волнения, Никитин, лежавший в наспех вырытом окопчике у крайнего дерева.

— Сейчас покажутся и автомашины с солдатами. Огонь без команды не открывать,— предупредил бойцов из истребительного батальона лейтенант-пограничник. Он с группой красноармейцев, уже побывавших в боях, занимал позицию с противоположной стороны дороги.

В этот миг у одного из «утюгов» сверкнул пламень. В воздухе страшно громыхнуло и оборвалось сухим треском. Так начался бой на южных подступах к Гдову.

Фашисты наступали на город основными силами от поселка Чернево. Немало их двигалось псковской дорогой. Обороняли гдовские рубежи сильно потрепанные полки 118-й стрелковой дивизии, ленинградские ополченцы, местный истребительный батальон и сводный отряд, собранный из отступающих группами и застрявших по тем или иным причинам в городе красноармейцев, моряков, пограничников.

Товарищи Никитина — и обстрелянные, и принимавшие боевое крещение — точно выполнили приказ лейтенанта: встретили врага в упор. Дружный гранатный бросок вздыбил передний танк, а длинная очередь никитинского пулемета прижала к земле первую цепь гитлеровцев.

— За Родину! За нивы гдовские! — поднял в атаку комиссар.

Фашисты встретили атакующих плотным автоматным огнем...

Неравный бой у деревень Великие Луги, Гривы, Брагино, Сельцы, Мазиха продолжался и на следующие сутки, но сопротивление оборонявшихся слабело с каждым часом. И вот Иван, метнув свою последнюю гранату, пополз в кустарник, откуда, прикрывая отход бойцов, метко бил по гитлеровцам из трофейного автомата лейтенант-пограничник... На четверо суток удалось задержать продвижение фашистских войск к Ленинграду на берегах Гдовки и Плюссы. Срок небольшой, но в то тяжелое время весьма важный.

Гитлеровцы вошли в оставленный горящий Гдов в ночь на 17 июля 1941 года. Утром того же дня в двадцати пяти километрах от города, в угодьях Волчеостровской лесной дачи, состоялось первое заседание подпольного райкома партии. Обсуждался один вопрос: развертывание партизанского движения на оккупированной территории.

Той же ночью на гдовской земле начали зажигаться партизанские костры. Два отряда и пять групп партизан вышли на смертный бой с оккупантами. Загремели выстрелы из засад на дорогах, запылали деревянные мосты. Полетел под откос и первый вражеский эшелон на железнодорожной магистрали Гдов — Ленинград.

В отряде бывшего заведующего военным отделом райкома партии Ивана Илларионовича Кошелева было немало храбрых людей, показавших себя еще в тяжелых боях на подступах к Гдову. Но командир очень обрадовался, когда увидел у партизанского костра Ивана Никитина.

— Где пропадал, комсомол? — спросил он, крепко пожимая ему руку.— Видел, как ты метал гранаты по наседавшим фашистам под Мазихой. Знал, что жив остался. А потом куда-то запропал.

Лицо Никитина расплылось в какой-то мягкой и немного лукавой улыбке:

— Был в роли спички, Иван Илларионович.

— Что-то не пойму.

— А что тут не понять. От спички огонь возникает. Вот я и побывал в тех местах, где надо его разжечь.

Кошелев усмехнулся:

— Красиво объяснил.

— Это не я. Товий Яковлевич так сказал, посылая на задание...

Поздним вечером 4 июля Печатников, оставшись с глазу на глаз с Никитиным, доверительно говорил:

— Сегодня был звонок из Пскова. Сообщили, что бои идут за Остров. Дела, Иван, как видишь, нерадостные. Все, что могли для мобилизации, мы сделали. И твои ребята были в этом деле первыми помощниками райкома. Теперь предстоит другое. Речь товарища Сталина ты, конечно, слышал?

— И слышал, и уже прочел не один раз.

— Ну так вот, все, что он о партизанских действиях сказал, будет нашей с тобой задачей с завтрашнего дня. Понял?

Никитин с тревогой посмотрел на секретаря райкома:

— Неужели у Пскова не задержат?

— Ты воевал, Иван,— уклончиво ответил Печатников,— всякое может случиться на первых порах. Нужно подумать о том, кого оставить, если мы...

— Мне кажется,— перебил Никитин.

— Пусть тебе не кажется,— жестко обрезал Печатников,— а завтра поутру отправляйся в Заплюсье. Передай наш разговор Агапову и Шкаликову. Они быстро поймут, что к чему. И прошу,— секретарь райкома вновь говорил ровно и мягко,— настрой свою гвардию, особенно девушек, на борьбу в родных местах. Из самых надежных создай небольшие боевые группы. Пусть все пока будет в тайне, но так, чтобы спичку поднести и... Действуй осторожно. Береженого коня и зверь обходит.

Добрую неделю после того разговора колесил Никитин по району. Переговорил по душам со многими парнями, которые по разным причинам не попали в действующую армию, девчатами, подростками. Это были беседы не из легких: все рвались на фронт, да и не укладывалась в горячие головы установка оставаться на оккупированной территории, жить бок о бок с врагами и... улыбаться им, коль потребуется. Вот тут-то и сказался авторитет настоящего молодежного вожака, завоеванный годами работы на Гдовщине. Ивану верили. Так создавалась сеть подполья, сделавшая Заплюсье одним из опаснейших районов в тылу фашистских армий группы «Север».

И после боя под Мазихой, о котором напомнил Никитину при встрече командир партизанского отряда, Иван побы-

вал за Плюссой. Счетовод щепецкого колхоза Ваня Зимарев по состоянию своего здоровья не был призван в армию. Ему и поручил Никитин руководство самой крупной подпольной организацией. Знал он Зимарева как преданного, энергичного парня, хотя внешне тот был и медлителен. Поначалу Зимарев не соглашался:

— Не смогу я, Иван, дело вести. Первого же фашиста, как увижу, из ружья уложу.

— Сможешь,— жестко обрезал Никитин, как некогда и его Печатников.— Это не просьба, а приказ райкома партии. Давай-ка лучше подумаем о твоих будущих помощниках, о связных, о конспирации. Слыхал небось такое слово?

Проговорили всю ночь. Прощаясь, Зимарев сказал:

— Передай Товию Яковлевичу: не подведу райком. А тебе,— голос его дрогнул,— спасибо за то, что своего сердца частицу мне оставил. Забудь мои слова «не смогу». Все смогу, все вынесу, Иван. Честное комсомольское...

И он сделал все, что смог. Более года в самый тяжелый период оккупации в селе Щепец смело действовала группа молодых подпольщиков, возглавляемая... старостой Иваном Зимаревым. Лишь в конце 1942 года агентам тайной полевой полиции удалось найти против молодого «ревностного» служаки «новому порядку» улики. Зимарев был арестован и повешен в Гдове. К его виселице фашисты прибили доску с надписью: «Казнен за связь с партизанами и оказание помощи Печатникову».

А самому Никитину довелось партизанить немного — всего лишь 25 дней. Каждый из них был полон мужественных поступков, смелых дел. Бывший редактор подпольной газеты «Гдовский колхозник» Владимир Сажин писал в своих воспоминаниях:

«Иван Никитин не пропускал ни одной боевой операции отряда. Особенно отличился он 8 августа, когда на шоссе Гдов — Чернево мы подбили грузовик, набитый до отказа солдатами. Часть из них осталась в строю, и нашей маленькой группе досталось бы туго, если бы не Ванюшка. Он первым выскочил на дорогу и почти в упор застрелил пулеметчика, обосновавшегося в кювете».

Проживающий ныне в городе Изборске Иван Николаевич Гаврилов, бывший член Гдовского подпольного райкома ВКП(б) и командир отделения в отряде Кошелева, рассказывает:

«Бывало диву даешься, как поспевал Никитин всюду. В полночь вернется с ребятами из засады, а в полдень появляется в отряде из какой-либо деревушки, куда только что фашисты наведывались. Спрашиваю: «Куда на утре бегал?» Одернет военную гимнастерку, с которой никогда не расставался, подтянется весь и шутливо доложит: «У меня на зорьке свидание было назначено с любимой». Ценные сведения добывали «любимые» Никитина. Жаль, что рации у нас в те дни не было — не все разведанное попадало в штабы Красной Армии».

После первого боевого выхода (Никитин с товарищами взорвал тогда Костяной мост через речку Черму) Иван попросил у командира отряда разрешение создать молодежную группу истребителей. Кошелев согласился. В группу Никитина вошли ученики средней школы Александр Гордеев, Леонид Зайцев, Анатолий Писуков, курсант военного училища Яков Малков, молодые учителя Аня Акинфова и Иван Прокофьев. Группа хорошо действовала из засад. Появлялись истребители перед немецкими машинами внезапно, словно из-под земли вырастали, стреляли в упор, забрасывали автомобили гранатами на предельно короткой дистанции и быстро исчезали в густом утреннем тумане.

15 августа 1941 года было ветрено и пасмурно. Никитин, вернувшись из разведки, рассказывал Кошелеву:

— С трудом перебрался через реку. Ветряга такие волны вздыбил, словно на Чудском. Гневается Плюсса,— и вдруг, перейдя на официальный тон, предложил: — А засаду, товарищ командир, следует устроить вблизи нижнего брода...

Вечером того же дня группа Никитина вышла для диверсии на шоссе Гдов — Ляды. Подошли к Плюссе. Переправились через брод. Впереди в густоте наступившей ночи стыло поле. Иван хорошо знал эти места и точно вывел товарищей к месту засады. Укрылись под деревьями. Ветер стих. Утром на шоссе показались две автомашины. В кузовах сидели вооруженные гитлеровцы. Никитин сильно метнул гранату. Одновременно партизаны дали залп из винтовок. Одна из машин перевернулась, другая же резко притормозила, и солдаты, соскочив на землю, стали поливать придорожные кусты автоматным огнем. В их сторону полетели гранаты, и они поспешно отползли к уцелевшей машине.

Одно дело сделано. Можно перемахнуть на другой участок дороги. Но что это? Откуда взялся броневик на шоссе и еще автомобили? Никитин дал команду отходить. Гитлеровцы настойчиво преследовали группу. До спасительной реки оставалось немного. Никитин крикнул:

— Врассыпную, хлопцы! Быстрее к лесу. Я прикрою.

Иван спрятался за песчаным бугром и открыл прицельный огонь. Трое солдат упали и больше не поднялись. Преследователи залегли, и их пули, как осы, облепили бугор смельчака. Оглянувшись, он увидел: товарищи уже в лесу. Вскочил. Метнулся в сторону за куст. Еще резкий бросок тела в примятый танком окоп. И вот уже вражеские пули зло впиваются в сосны. «Ну, кажется, повезло»,— подумал Никитин, вытер пот с лица и осторожно выглянул из-за дерева. Гитлеровцы рассаживались по машинам.

Закинув за плечо карабин, Иван быстро зашагал по тропе сквозь строй сосен с густым подлеском из вереска. Вскоре впереди показалась луговина с копнами сена. Левее отсвечивал песком второй брод, за которым должны были собраться бойцы. От воды струилось тепло, как от парного молока. Никитин, не разуваясь, перешел реку, остановился, чтобы крикнуть товарищам, и... замертво упал на прибрежный куст. Выстрела он не услышал. Сидевший в засаде в копне сена враг стрелял метко. Пуля вошла в спину и пробила сердце, горячее, преданное, бесстрашное...

Тело Никитина товарищи привезли на телеге в Щепец. Хоронили открыто, с воинскими почестями. В суровом молчании стояли у гроба партизаны отряда Кошелева, бойцы Щепецкой группы самообороны во главе со Шкаликовым. Горько плакали женщины. Окаменевший от горя, застыл у могилы друга Зимарев. Глаза его сухо горели...

— Прощай, Ванюша,— голос Ефима Шкаликова дрогнул,— прощай, товарищ наш дорогой по делам нашим родным — советским, по борьбе нашей непримиримой с врагом лютым. Пусть земля Щепса будет тебе пухом. Смерть фашистам!

Точно бор в ненастье, колыхнулась толпа, выдохнула:

— Смерть!

Кто-то крикнул:

— Самолет!

Над деревней в небе появился немецкий бомбардировщик. Шел он низко, по-видимому, возвращался с бомбежки. Никто не шелохнулся в толпе.

— Огонь! — яростно скомандовал Шкаликов.

Десятки рук взметнулись к небу. Раздался залп-салют. Фашистский летчик резко бросил машину вверх...

* * *

Прошло семь месяцев, и миллионы советских людей узнали об отваге и геройстве вожака гдовских комсомольцев. 9 апреля 1942 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза трем ленинградским партизанам, трем молодым патриотам — разведчице-лужанке Антонине Васильевне Петровой, пулеметчику 2-й партизанской бригады Михаилу Семеновичу Харченко и Ивану Никитичу Никитину. Газета «Известия» посвятила мужеству бойцов незримого фронта Ленинграда передовую статью. Она писала:

«Трое героев, чьи подвиги увенчаны страной, не одиночки. Нет, они являются кровью от крови, плотью от плоти всего партизанского движения, всего нашего народа. Непобедим народ, рождающий таких сынов и дочерей!

Пройдут годы, страна залечит раны, нанесенные войной, вновь засияет голубое, чистое советское небо над всей нашей землей. По улицам освобожденных советских городов потекут торжественные майские и октябрьские демонстрации. И в первых рядах демонстрантов мы увидим тех, кто дрался за честь и независимость Родины, дрался и побеждал врага. Мы увидим портреты тех, кто отдал жизнь свою в борьбе с фашистскими захватчиками, кто пролил кровь за нашу победу, за свободу и счастье Отчизны».

* * *

С Владимиром Семеновичем Зайцевым, приехавшим из Москвы, первым секретарем Гдовского райкома КПСС Альбертом Ивановичем Спроге и местными рыбаками мы стоим на берегу Плюссы, затопившей все окрест. Попасть в Щепец и другие деревни Заплюсья можно в эти апрельские дни только на вертолете или на лодках. В ожидании последних мы слушаем рассказ Зайцева. Говорит он неторопливо, сдерживая волнение:

— Мне ведь довелось зимовать тогда вместе с Печатниковым в этих краях. Лихое было время — каратели почти в каждой деревне. Но жители Заплюсья не склонили головы

перед врагом. Зимой удалось сорвать почти все экономические мероприятия оккупантов. И первыми помощниками райкома партии в организации саботажа, диверсий были подпольные ячейки, созданные Никитиным. В глухозимье, в пургу, в ночь шли с нашими листовками по деревням Зина Березина, Майя Агапова, Дуся Чернова, Анатолий Власов, младший брат Ивана Зимарева — Петр и другие молодые патриоты. Они многих от ареста, в том числе и мать мою, спасли: сфабриковали подложные документы на другие фамилии. А отца гитлеровцы повесили в Щепце,— Зайцев глубоко вздохнул и как-то виновато пояснил рыбакам: — Вот еду поклониться еще раз месту, где мужественно принял он смерть свою.

Уже когда подошли лодки, Владимир Семенович неожиданно сказал:

— Отец любил Ванюшку. Часто вспоминал, как возил его в Сырой Лес с первым партийным поручением.

Великий мудрец Востока Саади говорил о счастье тех, кто, прожив жизнь, «оставил потомкам чекан души своей». В таком бессмертии гдовского коммуниста Ивана Никитина мы еще раз убедились, побывав в Щепце, в Быковщинской школе, носящей его имя, в деревнях на берегах Плюссы, Чудского озера и в других местах былинного края.

Чекан души Ивана Никитина помогает жить и трудиться тысячам юношей и девушек, имя которых — поколение.

Ким Закалюк

ПАРТИЗАНСКИЙ АВТОГРАФ

(Об Орлове Н. С.)

Николая Орлова, двадцатилетнего паренька из-под Ленинграда, к партизанам привели жестокие испытания первых дней войны.

29-й отдельный разрушительно-восстановительный батальон отходил по охваченным пламенем дорогам, пока не попал в окружение. Нет! Просто так бойцы не склонили головы. До последнего патрона бились с ненавистным врагом. Потом — плен. Истерзанных и окровавленных уцелевших советских воинов гитлеровцы бросили в лагерь — скотный двор, обнесенный тремя рядами колючей проволоки.

Ночью над концлагерем ни на минуту не гаснут прожекторы. Вместе со своим однополчанином Иваном Гришиным Орлов решил предпринять, казалось бы, невозможное. Под покровом ночного ливня смельчаки пытались бежать. Вот она, желанная воля. Но счастье было непродолжительным: их поймали и поместили в уносся-

щийся на запад эшелон. И снова побег. Теперь — из бешено мчащейся тюрьмы на колесах...

Двое беглецов очутились на хуторе Воздвиженский, что на Сумщине, неподалеку от райцентра Середина-Буда. Здесь их приютил местный житель Яков Петрович Ганжа. Он же сообщил, что в селе уже есть немало подобных беглецов, пообещал познакомить.

— Живет у соседа капитан, — рассказывал Яков Петрович. — Кудояром зовется. Сильный человек. Надо с ним повстречаться.

Через несколько дней Ганжа отвел их в дом, в котором скрывался капитан. Поначалу разговора не получилось. Обе стороны вели себя с недоверием, настороженно. Лишь после того, как Фома Трофимович Кудояр убедился, что беглецы заслуживают доверия, он сообщил, что в соседнем селе скрывается Иван Филиппович Федоров, который до войны был начальником районного отдела НКВД в здешних местах.

Потом Николай Орлов и Иван Гришин познакомились с Егором Кузьминым, Папиным и Михаилом Дегтяревым. Сообща решили пробиваться к партизанам, слух о которых уже ходил в округе. Сборы смельчаков не могли остаться незамеченными в селе, где каждый человек был на виду. Это насторожило старосту, и без того напуганного тем, что в его селе собралось так много красноармейцев. Опасаясь за свою голову, он поспешил в немецкую комендатуру. Там, поблагодарив старосту за усердие, пообещали на другой же день прислать карателей за бунтовщиками. Своей радостью староста, как только возвратился домой, поделился с писарем. А тот... рассказал все Кудояру. Ночью друзья, прихватив имевшееся у них оружие и подводу из общественного хозяйства, двинулись в лес.

К утру семерка беглецов прибыла в расположение партизанского отряда имени Ворошилова. Он стоял в селе Марчехина-Буда. Потом их путь лежал в Хинельские леса, в которых «квартировал» Ямпольский отряд. Передохнув некоторое время, группа Федорова перешла в Брянский лес. Остановились в деревне Василевке. Здесь Иван Филиппович Федоров начал формировать свой самостоятельный Серединобудский отряд, из которого впоследствии вырос прославившийся в боях отряд «За Родину»...

Орлов остановился в хате у одной женщины. С первых дней Николай привязался к ее двенадцатилетнему сыниш-

ке, который чем-то напоминал ему родной дом, младших братьев. Вскоре они подружились. И вот как-то мальчик рассказал Николаю о том, что, когда он пас в лесу корову, видел в одном месте много патронов. Одну обойму даже с собой принес.

— Где она? — не скрывая волнения, спросил Николай. — Тащи сюда скорей.

И вот в руках у Орлова обойма немецких патронов, новеньких, но успевших потускнеть.

— И говоришь, много их там?

— Несколько ящиков.

Вечером паренек притащил откуда-то две пары лыж и санки. Николай взял самодельные маскировочные халаты для себя и для мальчика, и они, крадучись, вышли из дому.

Лесной «арсенал» оказался действительно богатым. В нем были не только патроны, но и противотанковые мины, тол и взрыватели, которым Николай особенно обрадовался: еще в армии ему приходилось иметь дело со взрывчаткой.

Нелегкой была обратная дорога, шли, проваливаясь по колено в снег. Совершенно обессиленные добрались до хаты, где остановился Федоров.

— Ай да молодцы! Да это же целое богатство! Где раздобыли? — обрадовался Иван Филиппович.

Николай рассказал подробности.

— Ну что ж, — подумав, сказал Федоров. — Патроны передадим пулеметчикам, а то они у нас сидят на голодном пайке. А взрывчатку храни. Скоро пригодится!

Через несколько месяцев с Большой земли в Серединобудский отряд пришел приказ создавать диверсионные группы и из лесов выходить на дороги и железнодорожные магистрали. Вот когда пригодилась Орлову трофейная взрывчатка.

Однажды его вызвал командир отряда.

— Ты рассказывал, что изучал подрывное дело,— по обыкновению без обиняков сказал Федоров. — Так вот, сформируй-ка у нас диверсионную группу. Отбери по своему усмотрению человек двадцать смелых ребят и начинай действовать! Думаю, тебе диверсии будут по плечу и по характеру!

Приказ о создании диверсионной группы объявили перед строем. Желающим предложили обращаться к Орлову. Первым записался к нему в группу молодой парнишка по

имени Петр Скрыпаль. Подрывниками стали также Степан Коваленко, Карпо Гончаров, Николай Певнев, Георгий Петрусев, Мозолев, Поляков и другие отважные ребята. Политруком утвердили Михаила Дегтярева.

Прежде чем разрешить занятия в этой необычной лесной школе, Федоров решил проверить: достаточно ли подготовлен сам учитель. Орлов избрал оригинальный способ подтверждения своих знаний. Предложил командиру стать за широким дубом, а сам подошел к массивному пню и заложил меж корнями деревянную коробку, начиненную трофейными толовыми шашками. Установил взрыватель. К чеке привязал длинный шнур и, спрятавшись за деревом, дернул. Грянул взрыв. На месте пня образовалась воронка, а куски пня разбросало далеко вокруг.

— Молодец, — улыбнулся Федоров, оглядев результаты взрыва. — Знаешь свое дело. Вот и обучи этому ребят.

Вечером Орлов приступил к занятиям. Вначале создал свою «чертову кухню». Это была работа не из веселых. Здесь выплавляли взрывчатку из неразорвавшихся мин и снарядов. Работа опасная.

Однажды едва не случилась беда. Николай объяснял будущим минерам устройство упрощенного взрывателя. В левой руке он держал корпус взрывателя с ввернутым в него капсюлем-детонатором. А пальцами правой осторожно оттянул ударник. И вдруг — нелепая случайность. Освобожденная от нажима пружины, выпала чека. Сидевшие вокруг бойцы сразу даже не сообразили, что произошло. А у Николая, как говорят, душа ушла в пятки. Но он не растерялся, до посинения зажал пальцами ударник и спокойно приказал сидевшему рядом Певневу поднять чеку и вставить ее на место.

Когда опасность миновала, Николай разжал обессилевшие пальцы, скрутил цигарку, с жадностью затянулся и объявил перерыв. После нескольких жадных затяжек сказал:

— Вот чего стоит в нашем деле ошибка... Еще мгновение — остался бы я без руки...

Этот случай послужил для всех предметным уроком хладнокровия и спокойствия, какими должен обладать минер. Ни единого необдуманного движения не может позволить себе подрывник. Иначе — взрыв, гибель...

Диверсионная группа к выполнению заданий была готова в конце июля 1943 года.

Первую успешную диверсию Орлов и его товарищи совершили зимой 1943 года. Это был дальний и трудный боевой рейд диверсионной группы. Шли с обозом, на двух санях везли взрывчатку и боеприпасы. Кроме Орлова были еще Певнев, Гончаров, Коваленко, Петрусев и Поляков. Когда позади осталось километров пятьдесят, диверсионная группа вышла к железной дороге между Рокитне и Сновидовичами. Стоял трескучий мороз. В высоком небе сияли звезды. Под валенками похрустывал снег.

— Ох, и ноченька же, — балагурили диверсанты, — совсем, как у Гоголя. Разве только ведьмы на помеле не хватает!

— Не спешите. Будет вам и ведьма, будет и помело. Всему свое время, — шутил Орлов.

Командир был доволен, что у ребят хорошее настроение. Это немаловажное условие успеха...

Лошадей оставили в лесу. Выставили охрану. Остальные, взяв мины, двинулись к железнодорожному полотну. Мину решили заложить в трубу, что проходила под насыпью, — и маскировка хорошая, и, если взрыв удастся, крушение будет основательным. Стараясь не шуметь, выдолбили ямку и заложили мину. Начали маскировать. И вдруг, словно кто-то кувалдой забарабанил по шпалам: «бух, бух, бух».

Орлов вздрогнул, огляделся. «Что это?»

— Патруль!

— Всем долой с насыпи!

— Кто тут о ведьме тосковал — вот она, — чуть слышно усмехнулся Степан Коваленко.

Тяжело стуча сапогами, патруль прошагал мимо. И сразу же в предрассветных сумерках прозвучал долгий, протяжный крик паровоза. Поезд!

Отправив всех подальше в кусты, что росли вдоль насыпи, Орлов приготовился. Вот поезд рядом — и он рванул шнур.

Огромной силы взрыв всколыхнул землю. Паровоз встал на дыбы и покатился вниз. Вагоны горой громоздились друг на друга. Лязг, грохот, свист осколков, уцелевшие гитлеровцы открыли беспорядочную стрельбу. В ответ ударили партизанские пулеметы и автоматы...

В начале сорок третьего с Большой земли во вражеский тыл прибыл первый секретарь Ровенского обкома КП(б) Украины Василий Андреевич Бегма. Решением Централь-

ного Комитета партии В. А. Бегма был утвержден секретарем Ровенского подпольного обкома, в распоряжение которого перешел партизанский отряд «За Родину», входивший ранее в соединение А. Н. Сабурова. С боевой, политической и организаторской деятельностью этого отряда самым тесным образом связано развитие партизанской войны на ровенской земле.

Итак, с боями прошагав по вражескому тылу от Сумщины до Ровенщины, отряд «За Родину» расположился на новом месте, в густых лесах неподалеку от города Сарны. Началось строительство партизанского лагеря. Впрочем, в стройке пришлось участвовать не всем. Вскоре после прибытия диверсанты Орлова двинулись в очередной поход.

Был в отряде весельчак парень — поляк Загзыл. Он здорово умел ходить на руках. За это прозвали его акробатом. Отец Загзыла работал путевым обходчиком на перегоне Сарны—Антоновка. Парнишка часто наведывался домой и каждый раз приносил важные сведения о том, что делается на железной дороге. Однажды после очередной встречи с отцом «акробат» возвратился в страшном возбуждении и кинулся к командиру:

— Отец велел передать: скоро должен пройти большой эшелон. Тянут сразу два паровоза... И всюду тому эшелону зеленая улица...

Взорвать такой поезд — очень заманчиво, конечно. Но как? Вдоль всей дороги стояли посты. От разъезда к разъезду ходили патрульные. Да и спрятаться негде: местность открытая. Единственное место, где могли бы укрыться партизаны, — дом путевого обходчика. Рискованно... Но другого способа нет. Надо спешить. К рассвету Орлов, Петрусев, Гончаров, Поляков и Певнев верхом на конях доехали до сторожки. Дорогу показывал Загзыл. Лошадей завели в сарай, а сами вошли в дом. Здесь их уже поджидал обходчик.

— Всю свою жизнь отдал я охране этой дороги. Не то что каждую гайку, каждую песчинку своими руками перебрал. А вот теперь этими же руками указываю вам на нее. Взрывайте, родимые сынки. Да хранит вас матка боска...

— Вот она, наша матка боска, надежная. — Коваленко показал на тяжелый заряд.

Этот балагур никак не мог удержаться от шутки. Сделав ему знак, чтобы помолчал, Орлов начал расспрашивать

путейца об ожидаемом поезде. Ему хотелось действовать наверняка. Будет до смерти жаль, если труд подрывников и мина, на которую не пожалели взрывчатки, пропадут впустую.

Старик заверил: эшелон пойдет «той, що треба...».

Целый день партизаны молча просидели в домике. Мимо с грохотом и шумом проносились составы. «Лишь бы тот поезд не прошел! — сверлило в голове Орлова. — Лишь бы дождаться ночи, поставить мину!»

Стемнело. Прямо против сторожки заложили мину. Пока работали, старый Загзыл находился на своем посту. О лучшей охране нечего было и мечтать. Наконец все готово. Теперь задержка только за эшелоном. На сей раз он не заставил себя ждать. Длинной, черной змеей медленно прополз состав мимо. Все ближе и ближе к месту, где установлена мина.

— Контакт! — крикнул Орлов и крутнул подрывную машинку.

Раскололось небо. Один взрыв заглушали десятки более мощных. Огненный столб взвился там, где еще мгновение назад пыхтел на подъеме паровоз. Старый путеец оказался прав — поезд действительно был стоящий в полном смысле этого слова. Вагоны были битком набиты снарядами и минами, патронами. Все это взрывалось, грохотало, вздымало огненные языки. Черные клубы едкого дыма застилали всю округу. Радостные, взволнованные возвращались хлопцы Орлова на партизанскую стоянку. А Загзыл, по праву чувствуя себя героем дня, готов был от счастья весь путь до лагеря пройти на руках!

Но не все операции завершались столь удачно. Ведь не зря говорят: «Минер ошибается только раз». Однажды партизанам пришлось уходить от крупных карательных сил. Чтобы задержать врага, командир приказал заминировать дорогу, по который отходил отряд. Это дело поручили Петру Скрипалю и Певневу. Вырыв ямку на пути следования вражеской колонны, партизаны уложили в нее артиллерийский снаряд, пристроили к нему взрыватель нажимного действия. Скрипаль стал засыпать мину землей — и вдруг раздался взрыв. Певнева отбросило в сторону, и он остался невредим. А Петра изрешетило осколками... Пять дней боролись врачи за жизнь товарища. Но спасти его так и не удалось. Погиб Петр Скрипаль — отважный человек и большой друг Орлова...

После тяжелых новогодних боев 1943 года отряд с боями вырвался из окружения и ушел в Лельчицкий район Белоруссии.

По дороге Николай Орлов получил приказ И. Ф. Федорова разведать село Рубеж, через которое пролегал маршрут. Вперед был послан взвод под командованием Симоненко. Когда на рассвете Симоненко приблизился к селу, их встретил шквальный огонь. Несколько бойцов оказались ранены. Симоненко был вынужден отойти. Тогда Федоров приказал ввести в бой весь батальон и выбить врага. Оккупанты отступили, и отряд беспрепятственно двинулся дальше по заранее намеченному маршруту.

В пылу боя никто не заметил, куда девался взвод Симоненко, первый столкнувшийся с врагом... Несколько дней Федоров и сам Орлов посылали разведчиков, пытаясь отыскать товарищей. Безрезультатно. И не знал Орлов, какую роль сыграет в его жизни это происшествие...

Взвод Симоненко долго блуждал по лесам в поисках отряда. Ведь маршрут сохранялся в глубочайшей тайне. Кроме самого Федорова, его никто не знал. Лишь через месяц, встретившись с соединением С. А. Ковпака, совершавшим рейд от Путивля до Карпат, и сдав раненых, Симоненко наконец выяснил, где находится отряд Федорова.

Двигаясь навстречу своим, группа Симоненко остановилась на отдых в селе Михелевичи Петриковского района. И здесь, в этом белорусском селе, повстречали партизаны девушку по имени Нина Красюк. Родом она была из соседнего села Оголичи. Гитлеровцы сожгли его. Это была месть карателей непокоренному селу, часто прятавшему у себя партизан. Люди разбрелись кто куда. Нину приютили в Михелевичах.

Красюков в округе давно считали «красными». Отец их, в прошлом председатель колхоза, эвакуировался на восток. Двадцатилетний брат ушел в партизаны. В доме с матерью остались семнадцатилетняя Нина и две ее младшие сестренки Галя и Броня.

Узнав историю этой семьи, Симоненко предложил Нине уйти с ними.

— Понимаешь, дивчино, у нас раненые, а ухаживать за ними некому. Так что давай к нам, в партизаны.

И Нина согласилась. На Мерлинских хуторах Симоненко наконец догнал своих. К этому времени Орлов был уже назначен командиром отдельной диверсионной группы, в

которой насчитывалось около пятидесяти бойцов. Но по-прежнему в свободные минуты Николай наведывался в свою третью роту. Там-то он и повстречал Нину. И, сказать по совести, эта встреча участила его визиты в третью роту. «Король диверсантов», как в шутку величали в отряде Николая, не остался незамеченным.

Однажды Николай предложил девушке:

— Пойдем, Нина, с нами, подрывниками. Жизнь у нас веселая — не заскучаешь!

— Вот так мы и посватались, — смеется Николай Сергеевич, вспоминая те далекие дни, когда в пламени войны загорелась в его сердце светлая любовь.

С медицинской сумкой через плечо, пистолетом и гранатой за поясом прошла Нина весь трудный путь вместе с Николаем Орловым. Стали они мужем и женой. Правда, свадебному путешествию молодоженов могли бы позавидовать только по-настоящему сильные духом люди. Дорогой ценой доставался им каждый прожитый вместе день. Зато любовь, закаленная в горниле войны, и сейчас крепка так же, как и в то далекое партизанское время.

Особенно запомнился период августовского рейда партизанских диверсантов по вражеским тылам. Это было уже в районе легендарного Бреста. Три смелые операции одну за другой провели диверсанты Орлова за четыре августовские ночи. Враги не досчитались сотен солдат. Было уничтожено много техники и боеприпасов. Но и гитлеровцам удалось напасть на след партизан. С Орловым тогда было всего семеро бойцов и Нина, неотступно следовавшая за мужем, куда бы он ни пошел. Путь к отступлению оставался один — только через непроходимое болото. Пришлось бросить повозки, взвалить на себя тяжелую ношу и брести по пояс в воде гнилыми топями, ведя на поводу лошадей. Трудное это было испытание.

— Ну вот, Нина, и конец нашим мучениям, — подбадривал Николай, заметив, что вдалеке показалась, наконец, черная полоска леса,— а ты у меня молодчина, настоящий солдат.

Но радость Орлова оказалась преждевременной. Не успели мокрые, измученные люди коснуться ногой твердого грунта, как из чащи на них обрушился огненный шквал. На опушке партизан ждала засада.

Едва отбились измученные тяжелым походом партизаны. В этой схватке они лишились двух боевых друзей.

Одного из них, Трачука, раненного в ногу, бандиты захватили и зверски замучили. А сраженного пулей Роганова партизаны унесли с собой и похоронили в лесу под Саморами. Тогда же поклялись друзья отомстить за гибель боевых побратимов.

Отряд стоял под Морочно, группа Орлова находилась на хуторе. Вокруг все спокойно. Партизаны отдыхали. И вдруг — тревога. Мальчишка-связной, посланный подпольщиками, передал, что большая колонна фашистов движется из Пинска на Морочно. Орлов приказал связному скакать в штаб отряда и предупредить Федорова о приближении карателей. Следом отправил и все хозяйство группы на двух подводах. А сам вместе со своими бойцами остался на месте, чтобы подготовить «встречу» непрошеным гостям.

Вырыв глубокую яму на дороге, Орлов заложил в нее заряд взрывчатки. Потом установил мину и привязал к чеке взрывателя бечевку. Другой конец бечевки привязали к оглобле, вертикально воткнутой в землю. На оглобле — дощечка с соответствующей надписью... Подготовив триумфальную встречу карателям, партизаны ушли.

Расчет Орлова оказался верным. Как только головная повозка, на которой ехал начальник карательной экспедиции, приблизилась к вывеске, офицер заинтересовался, что на ней написано. Послали за переводчиком. Разобрав написанное, переводчик что-то пробормотал. Гитлеровец крикнул на него, и тот прочитал надпись по-немецки:

«Смерть немецким оккупантам! Орлов».

— А доннер веттер! — крикнул офицер и что было силы рванул оглоблю...

Грянул взрыв, и каратели остались без командира и нескольких солдат.

Это был не единственный случай встречи оккупантов с автографом Орлова. В одном месте гитлеровцы на подходах к железной дороге заминировали лесные тропы. Но подпольщики предупредили Орлова об этом. И он, в свою очередь, решил перехитрить преследователей. Диверсанты обошли мины, взорвали эшелон, а на обратном пути поставили за собой столбик с надписью: «Орлов». И снова немцы клюнули на приманку. Обломок этой доски они долго предъявляли в окрестных селах, предлагали большие деньги тем, кто укажет, где находится дерзкий диверсант.

А в другой раз партизаны вывесили красный флаг в Старой Рафаловке. Несколько дней никто не решался снять

его. А когда приехали гитлеровцы и полезли за флагом на каланчу, раздался взрыв — алый стяг был заминирован.

В феврале сорок четвертого Николай Орлов со своими товарищами готовился к боевой операции на железной дороге. У будки стрелочника он заметил людей в незнакомой форме. На белых полушубках зеленели погоны. На меховых шапках блестели красные звездочки.

«Что это? Неужели померещилось?..» И что было силы крикнул:

— Наши! Братцы, да ведь это наши!..

А еще через мгновение, не скрывая слез радости, лесные братья сжимали в своих объятьях воинов Красной Армии...

* * *

На пенсии сейчас Николай Сергеевич Орлов, но и сегодня он в гуще жизни. Вместе с молодыми следопытами ходит в походы, разыскивает героев, создает летопись партизанских дел, выступает у пионерских костров. А дома его ждут боевая подруга Нина Адамовна, две дочери и сын. Награды Родины рассказывают детям о подвигах отца и матери. На груди Орлова в праздничные дни рядом с Золотой Звездой Героя Советского Союза сияют два ордена Ленина, медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени и другие боевые отличия.

Николай Масолов

БОГАТЫРСКАЯ ХВАТКА

(О Плохом В. П.)

В апреле 1944 года газета «Ленинградский партизан» вышла последний раз. В ней был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями большой группы партизан. Четырнадцати человекам — храбрейшим из храбрых — присваивалось звание Героя Советского Союза. Одним из них был Василий Павлович Плохой.

В этой же газете на последней полосе был напечатан портрет бравого парня с автоматом в руках. А рядом — частушка:

Хлестко Вася фрицев крошит
По фамилии Плохой.
Он для нас очень хороший,
А для немцев — ой, ой, ой!

Частушка не преувеличивала заслуг лихого партизана. Скупо, но точно о его геройстве свидетельствуют документы. Вот выдержка из наградного листа:

«Тов. Плохой 2.9.43 г. находился со своим отрядом в засаде на шоссейной дороге Карамышево — Псков. Благо-

даря правильной организации засады уничтожил 3 грузовые и 1 легковую автомашины. В бою истреблено 37 солдат и офицеров. 8 солдат и унтер-офицер взяты в плен. Захвачена ценная почта 6-й зенитной дивизии вместе с курьером. По захваченной почте и через пленных установлены организация, дислокация и районы прикрытия 6-й зенитной дивизии. Также установлено место передислокации тылов 16-й армии...»

А вот данные, характеризующие боевую деятельность отряда Василия Плохого в дни, когда советские войска готовились к операции «Нева-2» — к разгрому фашистских войск под Ленинградом.

«...Уничтожены 71 вагон с живой силой, 134 вагона с разным военным имуществом, взорвано 2.779 ж. д. рельсов, уничтожено 83 автомашины, 2 пушки и танк... Отряд тов. Плохого разгромил четыре крупных вражеских гарнизона, уничтожил несколько десятков километров телефонно-телеграфной связи...»

Не было крупной операции отряда или бригады, в которой не участвовал бы Василий Плохой лично. В критические моменты боя он всегда первым поднимался в контратаку. Однажды, ворвавшись в расположение гитлеровцев, Василий, расстреляв всю обойму пистолета, кинулся на вражеского пулеметчика с голыми руками. Тот наутек. Плохой догнал его, вырвал пулемет и, размахивая им, как дубиной, бросился в гущу боя.

Был и такой случай. Стоял отряд в селе Козлове Калининской области. Рядом в деревнях фашистов не было. Василий решил сходить в одну деревню, порасспросить жителей, побывавших в районном центре, поделиться новостями о положении на фронте. Зашел в дом, где обычно по воскресеньям собиралась молодежь. Сидят, разговаривают, вдруг одна из девушек воскликнула:

— Ой! Немцы!

Улыбнулся в ответ Василий — пугаешь, дескать, партизана, но смотрит — побелела девушка. Глянул в окно — по огороду, по протоптанной в глубоком снегу тропе, к дому приближаются семеро гитлеровцев. Тут уж не до шуток. Вынул пистолет, прикрылся дверью в сенях. Вошли фашисты в помещение, не заметили. Плохой — во двор. А на него солдат с автоматом. Василий выстрелил первым. Дорога свободна. Метнулся за сарай, а оттуда трое. Навалились, выбили пистолет из рук. Один фашист уселся верхом.

Сидит, торжествует, автоматом помахивает. Двое других пошли за веревкой — в штабе за пленного партизана особая награда.

Лежит Василий в глубоком снегу, задыхается. Вдруг что-то в бок кольнуло. «Так это штык к брючному ремню пристегнутый». Радостно забилось сердце. Протиснул руку к нему... и всадил в гитлеровца снизу. Да так, что и вытащить не смог.

Вскочил. А на улице десятки подвод. Обоз фашистский. Раздумывать было некогда. Перескочил через одни сани, вторые. Ошарашенно глядели возницы-солдаты на окровавленного человека, несущегося к лесу. Потом загалдели, кинулись к оружию, но партизана уже укрыл спасительный лес...

«Богатырской хватки человек», — говорили о Плохом товарищи. Кто шутя, кто всерьез предлагал:

— Сменил бы ты фамилию, Василий. На Бесстрашный, что ли.

— А еще лучше на Грозный.

Отшучивался Плохой:

— Не в фамилии дело. Да и, во-первых, я не Иван, а Василий. Во-вторых, один Иван Грозный среди нашего брата есть. Вторым уже быть не хочу.

Действительно, фамилия одного из командиров отряда ленинградских партизан была Грозный. И звали его Иваном.

* * *

Первые командные навыки Василий Плохой получил в армии. В июне 1941-го он командовал взводом. Воевал. Отступал. На станции Медынь его вызвали в штаб. Долго и обстоятельно беседовали о родных, настроении, довоенной жизни. В конце беседы незнакомый полковник неожиданно произнес:

— Не хотите ли остаться на оккупированной территории?

Василий аж взвился:

— Как остаться? Зачем?

Полковник успокаивающе положил руку на плечо:

— Ну, ну... Очень просто. Решить и остаться. Не одному, конечно, а с верными людьми. Партизанить. Помогать армии с тыла. Дело это добровольное...

— Если так — согласен...

Краткосрочные курсы (научился подрывному делу, читать карту) — и вот уже старший сержант Плохой, командир группы 5-го особого партизанского отряда, шагает ночью по земле, оккупированной фашистами. Задача: выйти для диверсий к дороге Плоскошь — Торопец.

Неблизок и нелегок путь. Небо — сплошной темный брезент. Дождь. А идут партизаны по болотистому лесу.

Ступает Василий в холодную воду, а мысли его далеко... В родном селе, что под Харьковом, пройдут бывало вот такие дожди — разольется озеро у горелого леса. А потом, когда малость подсохнет, надолго остаются большие и глубокие лужи. А в них караси. Раздолье мальчишкам-рыбакам.

Воспоминания детства вытесняют из головы жгучий вопрос: как-то там сейчас в Верхнем Бишкине? Живы ли родные? Каждый день задает его себе Василий. А кто ответит? На украинской земле, как и здесь, злобствуют, зверствуют фашисты. «Ну погодите. Доберусь. Рассчитаюсь за все», — чуть ли не вслух произносит бывший столяр харьковского завода «Большевик», бывший моторист-авиатор, ставший советским партизаном...

Неудачной была первая засада. Командир наблюдателей не выставил. Вот и ударили партизаны по пешей разведке, а не по машинам, что ей вслед двигались. А из них солдаты с автоматами, как горох, посыпались. Пришлось отходить. И все же Плохой отличился в том первом своем партизанском бою. Первый уничтоженный оккупант, занесенный на боевой счет отряда, был сражен меткой пулей Василия.

Потом были и удачные засады, диверсии, короткие бои. Отряду удалось подорвать два крупных склада с боеприпасами, в пяти километрах от города Торопца спустить под откос вражеский эшелон. Группа Плохого уничтожила мост через реку поселка Плоскошь. Солидный был мост: около сорока метров в длину.

В поселке стоял гарнизон. Когда раздались взрывы, поднялся переполох. Старший из гитлеровцев, решив, что против них действует десант советских войск, отдал приказ покинуть поселок.

А Плохой не растерялся. Поняв, что группу никто не преследует, повернул к месту диверсии. Партизаны прикатили на мост бочку бензина и довершили начатое дело: сожгли все, что горело.

Случилось раз втроем принять бой. Гитлеровцы, по-видимому фуражиры, свернули с шоссе к одному из хуторов. Об этом узнал Плохой. С ним были пулеметчик Николай Филиппов и разведчица из местных жителей Нина Васильева.

— Что будем делать, друзья? — спросил Василий. — Немцы-то обязательно вернутся на шоссе.

— Как что? — недоуменно переспросил Филиппов. — Вестимо, драться.

— Конечно! — подтвердила Васильева.

Через несколько минут на дороге громоздился огромный валун. За ним расположился со своим «дегтярем» Плохой. Филиппов, тоже с пулеметом, замаскировался на противоположном склоне ложбины с расчетом открыть огонь по хвосту колонны. Разведчице Василий приказал укрыться в стороне — с одним наганом в бой ввязываться до поры до времени не следовало.

Прошло полчаса. Показались машины. Увидев препятствие, остановились. Из кабины переднего грузовика вылезли шофер и офицер. Последний, чертыхаясь, направился к валуну. Плохой привстал, прицелился и... осечка. Мгновенно оттянул затвор... то же самое. Фашисты, заметив человека за камнем, стали выскакивать из фургонов.

Туго пришлось бы Плохому, если бы не Филиппов. Поняв, что с командирским пулеметом что-то случилось, он, не ожидая установленного сигнала, открыл огонь по гитлеровцам с тыла. Солдаты залегли.

Метко разил врага молодой партизан. Расстрелял шесть дисков. Полтора десятка фуражиров-грабителей навечно распластались на снегу. Но не уберегся Николай: привстал на какой-то миг и упал сраженный насмерть.

Гитлеровцы поднялись, но тут заработал пулемет Плохого. Бросились в сторону, к кустам, но оттуда тоже выстрелы. То храбро вступила в бой Васильева. Не разобравшись в обстановке, солдаты повернули вспять и вновь залегли за машинами, а потом и вовсе ретировались...

Вьюжной новогодней ночью разведчики 5-го особого партизанского отряда встретились с разведчиками 4-й ударной армии Северо-Западного фронта. В январе 1942 года войска этого фронта перешли в наступление. Вскоре они освободили города Андреаполь, Торопец, поселки Пено, Плоскошь, десятки других населенных пунктов.

Внесли свою лепту в эту победу Василий Плохой и его

боевые товарищи. Все дни наступления войск фронта из отряда в армейские штабы одна за другой летели радиограммы с ценнейшей разведывательной информацией.

* * *

После кратковременного отдыха — снова в бой. Теперь в партизанском крае Ленинградской области. Летом 1942 года командование охранных войск тыла 16-й немецкой армии предприняло против партизан третью, а вслед за нею четвертую по счету карательные экспедиции. В дело пошли танки и самолеты. Край был в огненном кольце: гремели взрывы, полыхали пожары. Колодцы да обгорелые печи оставались на месте непокоренных деревень.

Партизаны геройски дрались за каждую пядь свободной земли. Сержант Плохой в те дни командовал ротой. Был ранен. Всего за время войны на «счет» Василия записано шесть ранений, но тогда... Переправили тогда его самолетом на Большую землю полуслепым, полуглухим.

Лечащий врач в Осташковском госпитале, осмотрев Плохого, безапелляционно определил: «Выживет, но воевать больше не придется. Инвалид».

А он не только выжил, но и вернулся в боевой строй. В районе Пскова принял участие в операциях «Рельсовая война» и «Концерт». Это в те горячие дни у партизанских костров распевались частушки:

Мы, ребята, партизаны,
Любим скромные дела:
Ежедневно на «Варшавке»
Кувыркаем поезда.

И тут не было преувеличения. Ленинградские партизаны ежедневно обрушивали удары на стратегически важную магистраль врага. Экстренные меры — подвоз рельсов с недействовавших веток, вырубка леса у полотна, минирование подходов к нему — не спасли положения. Гитлер снял с поста коменданта охранных войск тыла 18-й немецкой армии генерала Кнута. Но и новый комендант генерал-лейтенант фон Гинкель не смог навести порядок. «Концерты» ленинградских партизан продолжались. Командование фашистских армий группы «Север» вынуждено было на оккупированной территории Ленинградской области на каждые сто километров железнодорожного пути держать полк, а в некоторых местах до двух полков охранных войск.

Осенью 1943 года на священную борьбу с оккупантами подымались и стар и млад. Сформированная в начале октября 7-я ленинградская партизанская бригада (коммунист Василий Плохой стал в ней командиром отряда) выросла за один месяц в пять раз. Плохой в бригаде был признанным мастером «кувырканья» поездов и лихих засад. В политдонесении Ленинградскому штабу партизанского движения в день 26-й годовщины Великого Октября командир бригады отмечал: «Лучший отряд бригады — 1-й (командир отряда тов. Плохой В. П., комиссар тов. Патрушев Н. В.)...»

Одной из последних операций, в которой отличился отряд Плохого, был взрыв большого железнодорожного моста у станции Торошино. Охранялся он круглосуточно и имел сильное огневое прикрытие. Возле реки в землю был врыт танк, ставший надежным дотом, и находились четыре пулеметные установки. Подходы к мосту гитлеровцы заминировали. В поселке и на станции кроме охраны размещались подразделения полевых войск.

И все же партизаны 7-й бригады выполнили приказ штаба, помогли наступавшим войскам Ленинградского фронта. Три отряда бригады, ведя гранатный бой и отсекая пулеметным огнем охрану от основных сил Торошинского гарнизона, проложили дорогу к мосту подрывникам. Грохнул взрыв. Была повреждена одна из ферм.

— Мало, — сказал Плохому начальник штаба бригады Кармалев.

Новые группы подрывников метнулись к мосту. А накал боя нарастал. Со стороны Пскова к врагу спешило подкрепление. Но вот еще рвануло. Мост качнулся и рухнул.

Случилось это 18 января 1944 года, когда советские войска под Ленинградом наступали по всему фронту.

* * *

После войны, окончив Высшую офицерскую автомобильную школу, Герой Советского Союза Василий Павлович Плохой выбрал себе неспокойную должность инспектора ГАИ. Поселился в Ленинграде. Застать его дома трудно, но, когда вместе с мокрым балтийским ветром стучится в дома ленинградцев осень, старые раны ноют. И тогда Василий Павлович домосед и... прекрасный рассказчик.

Побывайте в такое время у него, и вы услышите немало партизанских былей, ставших легендами.

М. Фортус

ГЕРОЙ ДВУХ НАРОДОВ

(О Порике В. В.)

Василий Порик — сын украинского хлебороба. 14 января 1941 года ему исполнилось двадцать лет. Родина его — село Соломирка Хмельницкого района Винницкой области.

Семья Пориков была многочисленной: дети рождались, болели, умирали, в живых остались кроме Василия сестры Анна, Надежда и Лидия, брат Павел. Ребята с детских лет начинали помогать родителям в крестьянском хозяйстве.

Василий пошел в школу восьми лет. Впоследствии его учительница Нина Ивановна Соколова вспоминала: «Вася был толковым учеником, умным и старательным, но резвым и даже несколько горячим и вспыльчивым... Занимался Вася в школе с большим чувством долга, с огромной любовью и уважением относился к книге, увлекался рассказами о героях гражданской войны... Выделялся Порик среди ребят своей организованностью и умением вер-

ходить... Едва раздавался звонок на перерыв, как Вася преображался: он первым выбегал на улицу... И школьный двор заполнялся шумом и криками; здесь шла «война», ребята подражали Чапаеву, Буденному, Ворошилову. В эти минуты лицо Васи Порика становилось серьезным, глаза горели огнем, ведь он был «за командира»... И дружил Вася с такими же смельчаками, каким был сам...»

После семилетки Василий поступил в сельскохозяйственный техникум и учился хорошо. Ему хотелось быть агрономом, но желание не сбылось, вернее, появилось другое желание. Международная обстановка в конце тридцатых годов стала очень сложной, нависла угроза войны, и Василий решил учиться военному делу, чтобы быть готовым к защите Советской Родины.

В личном деле будущего лейтенанта Красной Армии сохранился листок с лаконичными строками: «Прошу Бобринецкий райвоенкомат направить меня в военное училище. Василий Порик. 4 апреля 1939 года...»

Тем временем события в Европе принимали все более грозный характер. Гитлеровская Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война. Услышав сообщение о том, что войска Красной Армии перешли границу в целях освобождения Западной Белоруссии и Западной Украины, курсант Одесского военного пехотного училища Василий Порик с горечью сказал товарищу: «Поздновато мы родились с тобой, Ваня, и поздновато поступили в училище. Там, на западе, наши братья уже воюют, защищая нашу честь и освобождая наших братьев, а мы только еще будем учиться воевать...»

В училище Василия Порика назначили командиром отделения. 6 ноября 1939 года он принял присягу. И пошли дни напряженной учебы.

В марте 1940 года второй батальон одесского училища перевели в Ахтырку под Харьков, где на его базе было создано Харьковское военное пехотное училище. И здесь курсант Порик учился с таким же рвением, как раньше. Редактор многотиражной газеты училища «Советский патриот» подполковник Т. Шпирный рассказывает: «...Василий Порик был гордостью комсомольской организации училища... Его страсть к военным наукам была видна всем... 3-й взвод, которым он командовал, неоднократно отличался на занятиях и в походах, его ставили в пример остальным, и он считался лучшим курсантом училища. Недаром за

год пребывания в училище старший сержант Василий Порик имел 43 поощрения по приказам, и в том числе был сфотографирован перед развернутым знаменем училища. Все лето 1940 года его портрет не сходил с Доски почета Чугуевских летних лагерей... Он был привлечен нами к работе в газете и стал ее постоянным военкором...»

9 июня 1941 года Василий Порик был принят кандидатом в члены КПСС. На другой день в Доме офицеров чугуевских лагерей состоялся торжественный выпуск курсантов харьковского училища, по окончании которого присваивалось звание лейтенанта. В аттестации лейтенанта Порика записано, что он годен к занятию должности командира взвода или помощника командира роты и что он отличный стрелок. На выпускном вечере присутствовал отец Порика — Василий Карпович. Начальник и комиссар училища поблагодарили его за хорошее воспитание сына.

* * *

Зима 1942 года шла на убыль. Полк, в котором служил Василий Порик, вместе с другими частями уже несколько суток держал оборону между Изюмом и Барвенково. Фашисты усиленно напирали. Наши воины медленно отходили к реке Северный Донец.

Неожиданно ударила оттепель. Вода надо льдом поднялась выше колен. Во многих местах лед дал трещины. Переправы подверглись жестокой бомбардировке авиации и артобстрелу врага. Снабжение наших войск резко ухудшилось. А боеприпасы кончались. Тогда лучшие роты полка получили приказ контратаковать противника, отвлечь и задержать его хотя бы на короткое время, чтобы дать возможность главным силам дивизии переправиться на другой берег, привести себя в порядок, создать новый оборонительный рубеж и возобновить боевые действия.

Рота Порика внезапным ударом заставила фашистов откатиться на исходные позиции. Завязался ожесточенный рукопашный бой. В разгар схватки к гитлеровцам подошло подкрепление. Танки окружили атаковавшую роту. Советские воины дрались до последнего патрона. Но силы оказались неравными. Рота таяла на глазах. О прорыве танкового кольца нечего было и думать. Однако воины Порика сопротивлялись до утра...

...Измученный, голодный, спасаясь от преследований полевой жандармерии, Василий Порик пробирался в родные

края. Там, в знакомых местах в лесах Винниццщины, он надеялся отыскать партизан или подпольщиков. Не может быть, думал Василий, чтобы их там не было.

Когда же он добрел до отчего дома, то не успел обогреться, отдохнуть и прийти в себя, как нагрянула беда. Над всей Винницкой областью разразилась фашистская гроза — «тотальные облавы». По всем деревням и селам, по лесам и перелескам днем и ночью рыскали гитлеровские ищейки, фельджандармы, гестапо. Одна облава следовала за другой.

Невдомек было Василию Порику, что пришел он домой как раз в ту самую лихую пору, когда гитлеровские каратели «очищали от подозрительных элементов» весь тот район, где достраивалась ставка Гитлера. Сколько погибло ни в чем не повинных советских людей!

Не удалось спрятаться от гитлеровской своры и Василию Порику. Его схватили, продержали больше месяца вместе с сотнями других арестованных в бывшем загоне для скота, а потом впихнули в теплушку эшелона № 3 для «восточных рабочих», сформированного на станции Браилов. 19 июля 1942 года эшелон тронулся на запад. В ту же теплушку попали и другие бывшие воины — Константин Орлов, Александр Черкасов, Марк Слободинский, Александр Зайцев, Иван Федорук, Василий Адоньев, Борис Шапин, Иван Болотов, Алексей Сбитнев. В теплушке оказались и не служившие в армии Василий Колесник, Тодор Тындык, Василий Доценко и другие.

В городке Хемнице в распределительном лагере на всех «восточных рабочих» были составлены учетные карточки, каждый получил свой номер, и эшелон двинулся дальше. Остановился он на станции Энен-Лиетар департамента Па-де-Кале во Франции.

Разгрузка, построение, пересчет. И пестрая колонна в грязной, истасканной одежде, в рваной обуви и босиком потянулась к первому лагерю для советских людей на французской земле — Бомон-ан-Артуа.

Уже в пути группа советских военнопленных сговорилась не сдаваться врагу, начать сопротивление, как только это станет возможным. Несколько узников выпросили разрешение у начальства лагеря поселиться вместе. Так, в комнате № 11 второго барака собрались: Слободинский, Адоньев, Шапин, Шурыгин, Сбитнев, Черкасов, Орлов, Крылов, Зайцев, Бойко, Федорук и другие.

А Порик? Еще в эшелоне гитлеровская охрана обратила

Ромашин М. П.

Синичкин Ф. М.

Тимчук И. М.

Урбанавичус Б. В.

Федоров Н. П.

Филипских Е. Ф.

внимание на физически крепкого, коренастого рыжего парня с командирскими ухватками. Сыграла свою роль берлинская инструкция, по которой требовалось назначить «самоуправление» по лагерю из самих заключенных. Порику и предложили пост лагер-капо, то есть старшего лагерного полицейского.

Василий смекнул, что положение старшины лагеря предоставит ему целый ряд преимуществ в будущем. Он понимал также, что, приняв предложение лагерной администрации, первое время вызовет к себе недоверие, даже ненависть товарищей...

Подпольная антифашистская организация, получившая название «Группа советских патриотов», уже действовала в лагере. Борис Шапин, один из участников «Группы», вспоминает: «В лагере Василий Порик сначала работал на шахте 6-бис компании Дурж. Поначалу могло показаться, что работает он старательно, норму выполняет, однако вскоре после назначения его старшиной лагеря все стали замечать, что Порик ведет себя по отношению к узникам далеко не так, как можно было бы ожидать от настоящего прислужника гитлеровцев; новый старшина делал поблажки и послабления в работе больным и особенно истощенным; выдавал дополнительное питание, лишнюю порцию эрзац-хлеба или лишнюю миску похлебки совсем не в зависимости от выполненной работы; обеспечивал лечение в «ревире» (примитивном санпункте) наиболее честным парням; выдавал пропуска на выход из лагеря в город не тем «восточным рабочим», которые «отличились на трудовом фронте», а совсем другим...

Как-то произошел еще такой неожиданный случай. Через некоторое время после своего назначения лагер-капо явился Порик в нашу 11-ю комнату и со своей полуиронической, полудобродушной улыбочкой вдруг предлагает: «Ну, давайте вместе подбирать полицаев». Надо сказать, что впоследствии мы убедились, что роль старшего полицейского Василий Порик играл великолепно: и кричал, и ругался, и, случалось, бегал с дубинкой, загоняя узников на «богослужение». Но ни одного, даже небольшого, нечестного поступка он не совершил, а о том, что позднее содействовал нам в развертывании нашей борьбы против гитлеровцев, и говорить не приходится...»

Вот тогда и было принято решение «Группы советских патриотов» привлечь Василия Порика к подпольной антифа-

шистской борьбе. Проверить окончательно его патриотические настроения было поручено члену «Группы» Василию Адоньеву. В один из осенних дней 1943 года Василий Порик обнаружил в кармане своей куртки листовку и записку. В листовке говорилось о последних успехах на фронте Красной Армии, сообщалось о действиях французских партизан и намечались задачи для советских людей — узников лагерей. А в записке прямо ставился вопрос: думает ли Порик о том, как и с чем он вернется на родину, думает ли бороться с врагом?

Василий к тому времени уже догадывался об участии советских людей во французском Сопротивлении. Он несказанно обрадовался записке.

Несомненно, что привлечение лагер-капо к антифашистской подпольной деятельности узников «Бомона» сулило им очень многое. Руководители «Группы» получили возможность почти открыто собираться в комнате Порика под предлогом занятий в группе художественной самодеятельности, либо подготовки к спортивным соревнованиям. Теперь подпольщики могли свободно обмениваться мнениями, обсуждать ближайшие задачи, разрабатывать планы саботажа и диверсий.

В комнате Порика был оборудован специальный тайник, в котором хранились листовки и воззвания, орудия и инструменты диверсий, взрывчатка, оружие и боеприпасы. Старшина лагеря не только сам проводил занятия по военному делу с людьми, не имевшими военной подготовки, но помогал и «военным инструкторам». Василий всемерно облегчал вынос из лагеря оружия и боеприпасов, выдавал пропуска на выход прежде всего участникам саботажа и диверсий.

Руководство «Группы советских патриотов» приняло решение создать внутри лагеря партизанский отряд. В него вошли Василий Адоньев, Василий Колесник, Михаил Бойко, Петр Охотный, Василий Доценко, Борис Кондратюк, Алексей Крылов, Степан Кондратюк, Алексей Тимошенко и связная Галина Томченко. Командование отрядом возложили на Порика.

Где и как действовали лагерные партизаны? На первых порах они оставались в лагере, выходили на работу в шахты. Но когда наступала ночь, партизаны через потайной лаз или пользуясь пропусками, выданными Пориком, покидали лагерь и вместе с французскими патриотами участво-

вали в диверсиях. Насколько это было трудно и рискованно для пленных, говорить не приходится.

Гитлеровцам долгое время и в голову не приходило, что те, которые пускают под откос поезда с углем, продовольствием или их солдатами, нападают на военные грузовики, поджигают склады с боеприпасами и амуницией, портят линии связи,— это лагерные партизаны, что все эти действия — дело рук именно тех людей, которых они кормят и которых сами охраняют.

Партизаны Василия Порика установили тесное взаимодействие с французскими братьями по оружию под командованием Шарля Дюкенуа, по кличке Фреде, местного коммуниста. 1 сентября 1943 года они открыли свой партизанский счет: в этот день был пущен под откос состав с углем на железной дороге Бомон—Париж; а 3, 6, 8 и 13 сентября совершили поджоги зерна; 17 сентября пустили под откос немецкий эшелон на участке Фреван — Дуллян и перерезали телефонно-телеграфный кабель...

Начальник немецкой военно-оккупационной администрации при окружной оберфельдкомендатуре № 670 в г. Лилль был так сильно встревожен этими дерзкими действиями партизан, что 28 сентября 1943 года созвал у себя совещание всех префектов полиции Северного военного округа (в него входило пять департаментов Франции). На этом совещании было принято решение: направить в города Аррас и Фреван дополнительные отряды полиции и жандармерии, специально обученные для поимки подпольщиков и партизан на железных дорогах и шоссе.

Однако никакие полицейские меры не могли остановить и помешать активным действиям сопротивленцев. Наоборот, с каждым днем эти действия становились все активней и серьезней.

Много раз Порик выручал активистов. Бежавшие из лагеря с помощью старшины Михаил Бойко, Иван Федорук, Алексей Крылов и другие создавали на воле небольшие отряды и продолжали совместно с «бомонцами» борьбу.

В лаконичной сводке о деятельности лагерных партизан за три месяца говорится: «К концу 1943 года на счету у них числилось: 13 пущенных под откос эшелонов; 170 разбитых вагонов и платформ, из которых 48 с танками и артиллерийскими орудиями; 5 уничтоженных воинских складов; 30 перехваченных в пути и уничтоженных военных грузовиков с людьми..; срезанный и попорченный телефон-

но-телеграфный кабель исчисляется километрами, в том числе и 80-ти жильный особый прямой провод гитлеровцев...»

Один из вражеских эшелонов был пущен под откос бомонскими партизанами под командованием Василия Порика в подарок Родине ко дню 26-й годовщины Октября в ночь на 7 ноября 1943 года.

Как видно из этих коротких сведений, лагерные партизаны скрупулезно выполняли инструкции Коммунистической партии Франции и руководства Сопротивлением — не допустить вывоза зерна, угля, руды и других товаров, в которых испытывала все большую нужду гитлеровская армия и военная промышленность Германии; они не давали гитлеровцам «отдохнуть от ужасов восточного фронта в спокойной Франции».

Не забывали лагерные партизаны и о саботаже на тех угольных шахтах, где работали узники «Бомона». Так, за январь и февраль 1944 года в результате саботажа ими было не додано от тридцати до пятидесяти процентов угля. И никакие штрафы, снижения в категории питания, карцеры не меняли положения. «...Люди, невзирая на репрессии, еще с большей силой проводят саботаж...» — вспоминает Василий Адоньев.

Так успешно партизанская борьба не могла продолжаться долго. Заподозрив неладное в лагере, гестаповцы зашевелились. Предупрежденные Пориком, активисты бежали из лагеря. Угроза нависла и над самим лагер-капо. К Порику потекли слухи о готовящемся аресте.

И вот ранним утром в середине марта 1944 года Василий Порик заявил начальству, что пойдет проверить, как работают люди на шахтах... Ушел... и не вернулся, прихватив с собой все, что еще оставалось невынесенным из тайника в его комнате.

Василий Порик со своими верными товарищами совершил налет на колонну гилеровцев в 200 человек. В ожесточенном и скоротечном бою враги потеряли 30 человек убитыми, более 30 было ранено.

В ночь на 25 апреля 1944 года партизаны во главе с Василием Пориком и Михаилом Бойко (всего 20 человек) напали на лагерь «восточных рабов» и проделали следующее: обезоружили, раздели и заперли в карцер охрану из бельгийских фашистов; захватили 8 винтовок, 3 пистолета и 4 ящика патронов; забрали 10 тысяч пачек сигарет,

7 комплектов военного обмундирования, продукты питания, пишущую машинку, теплые одеяла; разбили бюро лагеря и уничтожили всю документацию... Из лагеря ушли с партизанами 36 человек.

Хотя операция проводилась с большой осторожностью, кто-то все-таки предупредил ближайший пост гитлеровской полиции. Поэтому, когда партизаны покидали лагерь, их встретил усиленный патруль.

Степан Кондратюк первым заметил гитлеровцев, открыл огонь и сразил трех фашистов. С остальными завязалась перестрелка. Воспользовавшись темнотой, партизаны несколько оторвались от преследователей. Василий Порик распорядился, чтобы бойцы уходили в предусмотренные заранее укрытия, а сам с двумя товарищами остался в засаде. Гитлеровцы не решились преследовать партизан. Василий оглядел поле боя — нет ли убитых или раненых, затем с Василием Колесником, Василием Доценко и подошедшим к ним связным из отряда Александра Ткаченко отправился в путь.

Светало. Времени для отхода в более спокойное место не было. И Порик решил зайти в ближайший горняцкий поселок Дрокур к семье добрых друзей-патриотов поляков Рене Ревьяко. Не желая долго подвергать опасности эту семью, Василий послал на разведку Василия Доценко, восемнадцатилетнего паренька, который наткнулся на фашистов. На рассвете враги окружили квартал, в одном из домов которого прятались партизаны. У Порика был автомат, у Колесника — пистолет. Завязался неравный бой. Вскоре связной из отряда Ткаченко сдался в плен. Вот как описывают эту схватку французские патриоты-очевидцы:

«Бой двух отважных партизан длился около трех часов. Каждый метр, каждый шаг, каждая ступень лестницы того дома, где засели советские партизаны, стали могилой для многих гитлеровцев. Очевидцы никак не хотели верить, что огонь из автомата в течение трех часов мог вести только один из оставшихся в живых партизан. Он стрелял то из одного окна, то из другого, то с первого этажа, то со второго. Потом очередь автомата раздалась с чердака и замолкла...»

А вот как вспоминает об этом бое соратник Василия Порика французский партизан Гастон Оффр: «Фашисты быстро убрали своих убитых, подобрали раненых и продолжали наседать, не обращая внимания на свои потери,— им

был дан строжайший приказ захватить отважного партизана только живым. А когда автомат замолчал, то обрадованные гитлеровцы бросились к лестнице, но не тут-то было — в них полетели пустые бутылки, куски кирпича, черепица. Василий был дважды ранен, но, воспользовавшись минутой замешательства противника, быстро перебежал по крыше в соседний домик и исчез. Мы страшно обрадовались, но тут какая-то женщина показала гитлеровцам, где скрывается советский партизан. Раздались пулеметные очереди и израненный парень, весь в крови, свалился с крыши прямо на улицу...»

Порика схватили, отвезли в военный госпиталь Сент-Катерин в Аррасе. Врачи нашли четыре ранения: в бедро, руку и плечи. Приковали к кровати. Явился начальник гестапо Арраса:

— Ты коммунист, специально присланный для работы?

— Да! Я коммунист, присланный для работы!

— Ты террорист?

— Нет! Я советский патриот!

Пятьдесят ударов шомполами по израненному телу с требованием отвечать на новые вопросы. Но партизан молчал. Удары сыпались один за другим. Порик молчал...

Ночью он нашел в себе силы сломать замок на оковах, добраться до окна. Однако разломать решетки уже не смог, свалился, потеряв сознание. Так его и нашли утром гестаповцы. Новые побои и новые пытки. Партизан молчал.

Вечером 26 апреля Порика увезли в крепость Сен-Никез, заключили в одиночку для смертников. Мучили неперевязанные, кровоточащие раны, голод и жажда. Опять допросы, избиения и пытки. Надежды на побег никакой: часовой у дверей камеры, охрана по всему коридору, вокруг тюрьмы две стены в семь-восемь метров высотой и часовые с собаками. Узнику осталось до казни всего сорок восемь часов.

«...Ночью мне удалось вытащить гвоздь из стены у окна длиной в 7—9 сантиметров. При помощи гвоздя я расковал правую, здоровую руку и после этого лежал и кричал фашисту, который стоял у дверей, чтобы он дал мне воды, он не обращал внимания... Но я кричал все «дай воды!» Фашистская морда раздобрился и зашел ко мне в камеру. Он поинтересовался моей раной на ноге, нагнулся посмотреть. Я моментально гвоздем ударил бандита в голову, за-

крыл ему рот и его же кинжалом перерезал ему глотку и моментально положил на свое место и накрыл одеялом. После этого закрыл дверь на ключ и перешел в другую камеру.

Другие фашистские охранники смотрели через щель в двери моей камеры и все думали, что «русский бандит» спит, а я гвоздем и кинжалом уже продолбил в стене себе щель для побега. Вопрос с камерой был решен.

Второй вопрос был — форсировать две высокие стены. Где та сила и воля у меня брались, не могу себе представить, но за 2—3 минуты я оторвал железо, загнул крючок, порвал рубаху, кальсоны, одеяло, посвязывал все это — и вот инструмент готов. Начал я вылазить из камеры... Кровь лилась со всего...

Я моментально забросил крючок на первую стену и очутился наверху... Ночь была холодная, я в трусах; спустился с первой стены и моментально очутился на другой. Когда я с нее спускался, у меня случилась авария, одеяло оборвалось, и мне пришлось метров 6—7 лететь до низу».

Василий упал в яму с казненными узниками.

Французский патриот и соратник Порика Гастон Оффр со слов Василия вспоминает: «Обессиленный и безвольный, он лежал под страшной стеной, как будто бы исчерпав все, на что способен был человек. Но окровавленные волосы, оказавшиеся в его руках, и известь, которая обжигала его открытые раны, напомнили ему о том, где он и что оказался пока еще живым в той страшной яме, куда гестаповцы сбрасывали тела казненных. Беспощадная, смертельная ненависть к фашистам — вот та сила, которая вернула ему сознание и волю к жизни, вот та сила, что подняла его изуродованное тело — но тело солдата...»

В изорванных трусах, босой, измазанный известью и весь окровавленный — таким брел Василий почти наугад. По земле стлался густой предрассветный туман, и, хотя стоял май, парень дрожал от холода, его знобило и лихорадило. Вдали показался одинокий домик. Василий постучал в калитку — надо же узнать дорогу. Старая крестьянка, открывшая дверцу, отшатнулась от него, как от исчадия ада, и мигом захлопнула калитку.

Едва передвигая ноги, Василий побрел дальше. Уже начинал брезжить рассвет, разрывая клубы тумана. Надо было спешить, пока в крепости еще не хватились. Но как трудно идти босиком, как болит раненое бедро, какими

тяжелыми стали разбитые плечи, как нестерпимо мозжит содранная кожа.

Неожиданно из тумана показалась небольшая ферма. Хозяин, видимо, только что поднялся и вышел из дома на низенькое крыльцо, у него в руках ведра с дымящейся горячей водой — он собирался доить коров. Порик толкнул калитку, вошел в палисадник и направился прямо к хозяину. Француз понял все без слов. Он кивнул головой в сторону Сен-Никеза и тихо спросил: «Ты оттуда?» Порик подтвердил догадку старика.

Дали горячей воды, чтобы промыть раны и умыться. Бинтом послужила старая чистая простыня. Парное молоко хорошо подкрепило силы. В теплоте опрятного человеческого жилья Порика сразу стало клонить ко сну. Надев на него поношенные холщовые брюки, чистую фланелевую рубашку и сандалии, старик хозяин дотащил его до сеновала.

— Поспи до вечера,— сказал он дружелюбно.

Душистое мягкое сено, как когда-то у себя дома в Соломирке... Василий мгновенно уснул.

...Почти десять часов потребовалось Порику, чтобы пройти восемнадцать километров до Энен-Лиетара. На рассвете он постучал в домик шахтера-партизана и боевого друга Гастона Оффр.

«Василий буквально упал на руки мне и моей жене Эмилии,— рассказывает Гастон.— А в это время уже беспрерывно выли сирены, крупные отряды гестаповцев с собаками рыскали по всей округе, обшаривая каждый куст и сарай, с вечера горели прожекторы».

На другой день супруги Оффр вызвали к себе Даниэля — руководителя боевыми действиями партизан в округе Аррас — майора Жермэна Лоэз. Он тут же привел доктора Рузэ. По мнению врача, раненому требовалась срочная операция, иначе... Еще через день с помощью патриотки и мужественной женщины — владелицы небольшого гаража Сильвии Бодар — Порик был доставлен в госпиталь Сент-Барб в Фукьер-ле-Лянс.

Главный хирург госпиталя доктор Андрэ Люже уже был предупрежден, и все было готово к этой ранней операции. Узнай гитлеровцы об этой тайной операции, все ее участники не остались бы в живых. Но доктор Люже, которого гитлеровцы с лета 1942 года привлекли к осмотру советских военнопленных в лагерях, насмотрелся там на такие

ужасы, что без всяких колебаний оказывал помощь французским и советским партизанам.

Доктор извлек несколько пуль, которые он назвал «поистине золотыми пулями», ведь за голову Василия Порика гитлеровцы предлагали огромные деньги. После операции Василий стал быстро поправляться. Этому не в малой степени способствовал очень внимательный уход семьи Оффр.

...Через три недели после побега с еще не зажившими ранами Василий перешел в поселок Греней на квартиру жены шахтера Жанны Камюс. И сразу же включился в работу. Жанна Камюс вспоминает: «Прибыв к нам, Базиль (так французы называли Василия) и минуты не сидел без дела. Однажды он нас сильно напугал, когда, выйдя вечером на партизанскую работу с нашим товарищем Сержем (это вторая кличка Жермэна Лоэз), оказался задержанным немецким патрулем. Только необычайное хладнокровие, смекалка и отвага Базиля спасли его и на этот раз от нового ареста. Оказывается, он показал гитлеровцам свое фальшивое удостоверение на имя горняка-поляка и «справку от врача», что он освобожден от работы в связи с несчастным случаем на шахте. Базиль всегда говорил, что, как командир отряда, он обязан своим личным примером и дисциплиной поднимать боевой дух партизан...»

Дни командира сводного партизанского отряда были заполнены до отказа. После арестов и провалов многие партизанские группы распались. Их надо было переформировать, пополнять: одни требовали указаний, другие нуждались в командирах, третьи просили оружие, продовольствие... Массу времени забирали посещения конспиративных квартир, совещания с руководителями политической и боевой работы среди французских патриотов Пьером (Андре Пьераром) и Даниэлем, на которых обсуждались очередные задачи совместной борьбы, планы налетов на гитлеровские комендатуры или полицейские посты.

Наступил июнь 1944 года. Диверсии и налеты советских партизан и французских патриотов участились. Василий Порик, казалось, не чувствовал усталости. Товарищи не раз спрашивали его, когда он спит. Улыбаясь, Василий отвечал: «На ходу. Иду и сплю».

В течение июня 1944 года партизаны освободили из лагерей свыше 1500 человек.

В связи с высадкой союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 года и началом их продвижения по северным районам

Франции 25 июня советскими партизанами было принято решение о приближении центрального руководства к местам наиболее активных боев, в результате чего был создан «штаб руководства советскими партизанами на Севере Франции, в который вошли: т. Павел (Марк Слободинский) — военный и политический руководитель; т. Василий (Порик) — заместитель; т. Юзеф (Калиниченко) — заместитель; т. Петр (Лисицын) — делегат связи; т. Алексей (Кочетков) — работник по разложению «власовцев» и т. Борис (Шапин) — учет и связь...».

Боевые действия советских партизан продолжались.

Приближался день национального праздника французского народа — 155-я годовщина падения Бастилии. Французские патриоты и подпольщики все годы оккупации отмечали этот день, несмотря на гитлеровский террор.

Готовились к этому дню и советские партизаны. Василий Порик предложил французским друзьям, чтобы советские партизаны приняли участие не только в параде, но и взяли бы на себя обязанности охранять мирное население.

Торжества в городе Букени прошли хорошо. Отсюда партизанский отряд в том же составе направился в Сен-ан-Гоэль, где у памятника жертвам первой мировой войны собралось все население этого шахтерского городка.

В хорошем настроении покинул Порик митинг. Он торопился на конспиративную квартиру госпожи Туанетт, где его ждали французские друзья, которым он должен был передать свое праздничное приветствие. «Дорогие товарищи! — говорилось в нем.— Разрешите мне от имени советских патриотов, борющихся во Франции, передать вам в день вашего национального праздника свой боевой партизанский привет! Мы, советские патриоты, не отстаем от нашей Советской Родины и по примеру нашей любимой Красной Армии совместно с французскими патриотами били, бьем и будем бить фашистов до конца.

Мы бьемся за Советскую Родину и за свободу всех национальностей во всем мире. Мы просим французский народ помочь нам и тем самым ускорить победу над фашизмом. Да здравствует свободная Франция! Да здравствуют французские и советские патриоты! Да здравствует красный фронт! Смерть фашистским собакам!..»

Василий Порик выехал на велосипеде по проселочной дороге Грен-эй — Льевен. Он подъезжал к поселку Лоэз-ан-Гоэль со стороны улицы Де-Вье-Минер. Занятый своими

мыслями, Василий не заметил группу подозрительных «рабочих», которые шатались без дела в этот утренний час. Не успел он достичь развилки дорог, как эти здоровые и молодые парни набросились на него, свалили с велосипеда и окружили плотным кольцом. Скрутив Порику руки и надев наручники, гестаповцы (это были именно они) втолкнули его в подготовленный военный грузовик и повезли в Аррас.

«...Мы вспоминаем,— рассказывали шахтеры-патриоты из Бильи-Монтиньи, Дрокура, Льевена, Гренэй и других горняцких поселков, боровшиеся совместно с Василием,— о том благоговении и любви, с которыми относились советские партизаны к своему вожаку. Они нам говорили о его необычайной прямоте, принципиальности, справедливости, чуткости и удивительном мужестве и отваге... Когда после гибели Базиля нам удалось отыскать документы Порика, то все были поражены тем, с какой исключительной тщательностью Базиль вел денежные дела. Вся денежная отчетность подпольной партизанской кассы велась им с точностью до одного сантима...»

«...Я могу смело утверждать,— говорил Фернанд Арс, франтирер и журналист,— что лейтенант Базиль, офицер Красной Армии, служил для нас примером упорства и непримиримости в той борьбе, которую мы вели против поработителей. Наш дорогой товарищ и незабываемый друг пал смертью героя во имя того, чтобы жила Франция...»

Василия Порика расстреляли 22 июля 1944 года. Ему исполнилось тогда 24 года. Ежегодно в первое воскресенье ноября в Аррасе проводится всенародное паломничество, митинг и возложение венков у мемориальных досок на стене крепости Сен-Никез над «траншеей расстрелянных». Впоследствии прах всех погибших был перенесен на кладбище Энен-Лиетара. Здесь воздвигнут величественный гранитный монумент народному герою Франции и Герою Советского Союза — Василию Порику.

С. Тельнюк

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЗРЫВ

(О Резуто Д. М.)

— Да что там рассказывать? Ей-богу, я не рассказчик. Биографию рассказывать, что ли? Ну, родился в тринадцатом, за год до первой мировой. Учился. Работал. Служил в армии... Да нет, в армии подвигов не совершал. Почему обязательно подвиги? Делал все, как все...

Он улыбается застенчиво, улыбается больше глазами. Тогда они весело блестят, наверное, ему вспоминается что-то интересное...

— Да это я о своем... Просто вспомнил... Но это совсем не героическое. Так себе. Даже грустное.

* * *

Их было трое: лейтенант Максим Авдеев, старший лейтенант Антон Сидорченко и он, младший лейтенант Дмитрий Резуто. Был и четвертый, но он не пришел. Решили выходить без него. Почему не пришел четвертый? Дмитрий все время думал об этом. Испугался и решил пересидеть оккупацию в Киеве? Или

встретился с подпольщиками? Так почему он ничего не сказал товарищам? Или... А что «или»? Ждали человека, а он не пришел. А договаривались — выйдем в семь. Не явился. Ждать нельзя. Все может быть.

Они пошли по заснеженной проселочной дороге. Четвертый не пришел... А жаль... Вчетвером все-таки как-то веселее. Они не знали, что четвертый опоздал на полчаса, бросился их догонять и тут же попался в руки гестапо. Оттуда он уже не вернулся...

Холодно. Снежок похрустывает под ногами. Они идут молча. А о чем, собственно, говорить? Все уже переговорили. Главное добраться до Черниговских лесов, а они потом переходят в Брянские, а там и до линии фронта рукой подать. Вот перейдут они эту линию и снова будут технарить на аэродромах, как раньше.

Их последний аэродром — в Борисполе, под самым Киевом. У Дмитрия до сих пор перед глазами те страшные картины, которые довелось тогда увидеть. Черные дымы над столицей Украины. Для кого-то это была столица одной из союзных республик, а для Дмитрия — родной город, где он родился, вырос, где гонял с пацанами мяч по Демиевке. Оттуда, где дымы, он пошел в армию. Сколько мечтал — вот дадут отпуск, махну домой, к бате, к маме, пройдусь по Демиевке, чтобы девчонки заглядывались и краснели, на Крещатик выйду — себя показать и на людей поглядеть...

И вот он почти дома, а к отцу забежать нельзя. Некогда. Работа. Тяжелая военная работа...

Улетали последние самолеты. Забирали все необходимое. Места было мало. Самолетов тоже мало.

— Ребята,— сказал командир, и на глазах его появились слезы.— Не можем мы всех взять. Некуда. Вот даже на плоскостях попривязывались. Не подниму...

— Знаем,— хмуро ответили ребята.— Знаем, что тут уже говорить? Только что нам делать?

— Хлопцы, хлопцы... Может, пешком из котла этого выберетесь? А?..

И вот они идут. Где-то недалеко плещется Днепр, черный, настороженный, хмурый. Ему холодно, а он течет, не желая обрастать льдом. А переплыть нельзя — через минуту судороги схватят и пойдешь на дно раков кормить. Лодку бы... А где ее достанешь? Наверное, все на том

берегу. Ведь не одна тысяча наших солдат прорывается из окружения.

Шаг за шагом, шаг за шагом... Сколько их, этих шагов, нужно для того, чтобы дойти до полыхающей огнем полосы, которую называют линией фронта?..

Сидорченко остановился.

— Что там?

— Да ничего. Вот копна. Может, заночуем? Уже утро скоро...

Утром переправились через Днепр. Теперь шли лесами и подмерзшими болотами. Шли трудно и долго. Прошло уже три недели, месяц прошел, а они шли и шли.

Бывало и так, что по нескольку дней подряд шли голодными. Продрогшие, сидели под сосной и жевали зерно, захваченное ими на какой-то мельнице. Тогда что-то бурчало в желудке, тогда клонило ко сну, а надо было идти дальше, идти вперед, к линии фронта, к нашим...

Под Новозыбковом, голодные и продрогшие, зашли на один хутор. Попросили молока. И не заметили, как одна девчонка, а в избушке их было несколько, потихоньку выскочила на улицу.

Сидели, пили молоко, заедая черствым, но таким вкусным хлебом, и вдруг загремели, открываясь, двери, и в комнату вошли вооруженные люди — кто в немецкой, кто в венгерской, а кто в неизвестно какой форме.

— Руки вверх!

И Резуто, и Сидорченко, и Авдеев подняли руки. Сопротивляться бесполезно.

Неужели попались? Что-то подсказывало Дмитрию, что это не оккупанты и не полицаи... Кто же?!

Дмитрию завязали глаза.

— Пошли!

Их вели долго. Ветви хлестали по лицу, больно царапали щеки. Будто колючая проволока.

Рядом шли, спотыкаясь о кочки, и его товарищи. Им тоже, наверное, завязали глаза. О чем они думают? О смерти?

Так ведь на смерть с завязанными глазами так далеко не водят. Если бы на смерть, то давно бы их перестреляли возле избушки.

Послышался какой-то шум. Чьи-то голоса впереди. Потом земля стала уходить из-под ног. Ступеньки, что ли. Пахну́ло теплом. Послышался простуженный голос:

— Товарищ командир! Мы тут троих на хуторе застукали. Вроде бы то наши... Окруженцы...

Ну, наконец-то, кажется, попали к своим...

* * *

Он устало улыбнулся. О чем-то подумал.

— Вы говорите — подвиги! Дело не в этом. Не только в этом. Вот у нас в отряде были герои — это да! Николай Никитич Попудренко, например, перед глазами стоит как живой. Вот о нем можно рассказывать и рассказывать. А я — что? Рядовой партизан соединения Федорова Алексея Федоровича... Ходил на задания. Потом начал обучаться минному делу. Подорвал пятнадцать эшелонов, потом стал командовать группой подрывников. Опять подрывали эшелоны. Ну, там еще мосты, автомашины, военные объекты... Но это разве подвиги? Это — просто дело... Ну, как это сказать?..

Он посмотрел на свои руки, большие руки рабочего человека. Он перевернул ими не одну тонну земли...

* * *

Итак, Резуто стал подрывником...

Дмитрий Миронович аккуратно засыпал мину, замаскировал и, таща за собой землю, пополз назад. Надо эту землю отнести на сто пятьдесят метров в сторону. Главное — чтобы никаких следов не было. Иначе завтра утром мину обнаружат и взорвут.

...Ну вот, кажется, все. Теперь нужно идти назад, в отряд.

Над полотном то и дело взлетают ракеты. Трассирующие пули прошивают осеннюю мглу. Ничего, стреляй! А мина уже аккуратненько лежит под полотном. Двое суток пройдет — и ахнет здесь какой-нибудь вражеский поезд.

Еще раз вспомнил каждый, самый мелкий эпизод установки этой мины. Нет, беспокоиться нечего. Все в порядке.

Шли лесом, не пригибаясь. Сухая листва шуршала под ногами. А Дмитрий Резуто улыбался сам себе. Вспомнилось, как первую мину закладывал. Все прошло нормально. Но после этого несколько дней дрожали руки. Мину он заложил быстро, хоть на полотне и казалось, что время тянется бесконечно долго. Так же, как и сегодня, беззвучно

взрывались в небе ракеты, так же, как и сегодня, татакал из дзота пулемет, прошивая ночь трассирками. Так же, как и сегодня, Дмитрий Миронович уложил на ощупь мину. Потом он замаскировал ее, потом отнес землю, а потом решил идти в отряд. И тут вспомнил, что мину он заложил не так. Собственно говоря, не вспомнил, а подумал об этом. Он остановился и прошептал ребятам:

— Надо проверить еще раз. Кажется, я ошибся.

Подрывник ошибается раз в жизни. Эту истину знали все. И если Резуто действительно ошибся, то ошибку ему уже не поправить. Его не хотели пускать, отговаривали. Но он пошел проверять.

Найти замаскированную мину, да еще ночью,— это очень трудно. Но он нашел и начал аккуратненько откапывать. Он знал, что если враг ее и обнаружит, то не откопает. А откопает — взорвется. А вот он, Резуто, должен откопать и не взорваться...

Он лежал на полотне, холодный пот лился по лицу, а он, почти не дыша, делал свое дело. По малюсенькому камешку вынимал из-под рельса. Главное, не зацепить тот камешек. А как его не зацепить в темноте? Он не считал ни минут, ни часов, он лежал и аккуратно вынимал камешек за камешком. Во рту давно пересохло, хотелось пить, но это потом, когда он сделает все, что полагается...

Мина не взорвалась. Нет, Дмитрий поставил ее правильно. И напрасно он возвращался на полотно. А может, и не напрасно. Может, одна эта ночь дала ему столько, сколько не дала ни одна спецшкола.

Теперь мину нужно засыпать и замаскировать. Спешить не надо. Самое страшное позади, но и впереди немало страшного. Все может случиться... Нет, об этом тоже не надо думать. Думать можно и нужно только о деле.

...Он сошел с полотна, не обращая внимания на стрельбу и ракеты.

Все равно враги стреляют вслепую и его не видят. А он сделал свое дело. Пусть стреляют, сколько им захочется. Главное — мина установлена, и скоро поезд с боеприпасами, продовольствием, с живой силой полетит под откос. Вот что главное.

И вот тогда почувствовал, что у него дрожат руки. Наверное, не от страха, от страха дрожали бы на полотне. Это нервное перенапряжение. Нужно хорошо выспаться. Успокоиться.

Фролов Н. М.

Хомченовский В. А.

Царюк В. З.

Чекалин А. П.

Шевырев А. И.

Щербина В. В.

Дмитрий шел в лагерь и думал, что вот он сейчас завалится на свою постель и проспит целый день до вечера. А вечером снова пойдет на линию Ковель—Сарны.

О, эта линия. По ней целыми днями шли вражеские эшелоны — на фронт и с фронта. А ночами здесь хозяйничали партизаны. Это была жестокая невидимая война на уничтожение. Оккупанты знали — эта линия должна работать, иначе придется посылать поезда по другой ветке на открытой местности, но там поезда становятся легкой добычей советских бомбардировщиков и штурмовиков. А партизаны тоже знали — эту линию нужно вывести из строя, закрыть движение в этом лесном массиве, пусть вражеские поезда идут вкруговую.

Война продолжалась не один день и не один месяц. Оккупанты бросали большие силы на охрану дороги. Но взрывы гремели здесь каждый день.

Пятнадцать вражеских эшелонов пустил под откос партизан-подрывник Дмитрий Резуто. Пятнадцать раз только на его участке фашисты вынуждены были на много дней прерывать железнодорожное сообщение, очищать путь от обломков вагонов и паровозов, ремонтировать рельсы и насыпь. А сколько танков и орудий не дошло до фронта, а сколько бензина и нефти сгорело на этих путях, а сколько снарядов взорвалось в этих лесах — тех снарядов, которые нужны были гитлеровцам на фронте!

Пятнадцать эшелонов... Был и шестнадцатый. Это — бронепоезд.

Он две недели не давал житья партизанам, грохоча по путям, стреляя во все стороны. Радиус действия орудий бронепоезда до пятнадцати километров. А тут, с другой стороны, каратели нажимают.

Две недели подрывники ничего не могли сделать.

Командир партизанского соединения А. Ф. Федоров дал приказ: любой ценой вывести из действия вражеский бронепоезд.

Дмитрий Резуто и его товарищи перебрали в уме все варианты. Но все эти варианты не годились. Линия тщательно охранялась. Среди белого дня подложить мину? Об этом нечего и думать. А если ночью? На минах, заложенных ночью, взрывались днем другие поезда, а бронепоезд шел уже после них и оставался невредимым...

И тогда нашелся еще один вариант. Дерзкий вариант. Рискованный. Но ничего другого не придумали...

Дмитрий и его товарищи подобрались почти к самому полотну. На дерево посадили наблюдателя, чтобы дал знать, когда покажется бронепоезд. А Дмитрий, держа в руках полупудовую мину с механическим взрывателем «ВПФ», приготовился к броску на полотно.

— Идет!

Хорошо. Вот только покажется из-за поворота и тогда...

И вот он показался — грохочущая, стальная махина, изрыгающая на полном ходу смерть во все стороны.

Дмитрий вылетел на полотно. Пули просвистели над ним. Поезд был совсем близко. Резуто оказался в так называемой «мертвой зоне». Он успел положить мину на полотно у рельса и выскочил почти из-под колес внезапно затормозившего бронепоезда. Успел пробежать какой-нибудь десяток метров, как сзади его подхватила взрывная волна и подбросила...

Очнулся на руках товарищей. Они тащили его по лесу, а сзади гремел всеми своими орудиями раненый немецкий бронепоезд.

— А он-таки стреляет, черт,— скорчился, как от боли, Дмитрий.

— Ничего, долго не постреляет. Паровоз полетел под откос, без колес остался.

Да, мина сделала свое дело. Бронепоезд надолго вышел из строя. Оккупантам пришлось убрать его с участка Резуто. Они отправили бронепоезд на ремонт. В этих местах он больше не появлялся.

Битва на рельсах продолжалась.

Битва эта была упорной. Партизаны надолго оседлали линию Ковель — Сарны, и никакая сила не могла их согнать с нее.

* * *

Фашистское командование на станции Маневичи неистовствовало. Вот уже несколько дней не работает линия. Отремонтируют в одном месте, а поезд летит под откос в другом. На станции скопилось столько эшелонов с оружием, боеприпасами и горючим, что одного хорошего налета советской авиации будет достаточно, чтобы началось настоящее пекло.

— Неслыханное нахальство,— с возмущением говорили гитлеровские офицеры на этой станции.— Партизаны под-

ложили мину не в лесу, а прямо на станции, под семафором... Поезд подошел к станции — взрыв.

— Ну и... остались без семафора?

— Если бы только без семафора. Поезд разбился вдребезги.

Еще один разговор:

— Пошли наши с собаками-ищейками. Собака нашла тол, рыть начала. Саперы давай раскапывать полотно...

— Нашли что-нибудь?

— Ничего не нашли. Партизаны накрошили толу на полкилометра. Не будешь же все полотно переворачивать!.. А потом шел эшелон — и под откос на полном ходу. Мина была на сто метров ближе.

Или еще такой разговор:

— Снова несчастье. Партизаны несколько раз закапывали под шпалами то флягу, то кусок пня. Наши прислали саперов, останавливали все движение и разминировали. А там — ерунда. А вчера тоже нашли одну флягу. Солдаты сбежались к ней, смеются.

— Нашли над чем смеяться... Наши эшелоны идти не могут, а они смеются.

— И я говорю, что не следовало смеяться. Фляга была соединена с миной. Они за эту флягу, а она как двинет! Двенадцать солдат фюрера там полегло.

...А вечером на станцию, перегруженную эшелонами, налетели советские бомбардировщики. И началось то, о чем враги даже боялись подумать. Советские бомбы рвались среди цистерн с горючим, пламя перекинулось на вагоны с боеприпасами, и загремело так, что партизанам в лесу закладывало уши.

Железнодорожная линия Ковель — Сарны надолго вышла из строя.

Неувядаемой славой покрыли себя в те дни наши подрывники. И среди них — молодой киевлянин Дмитрий Резуто. Родина высоко оценила подвиги Дмитрия и его товарищей-подрывников. Дмитрию Резуто, Владимиру Павлову, Федору Кравченко, Всеволоду Клокову и другим подрывникам было присвоено высокое звание Героев Советского Союза.

Но Указ Президиума Верховного Совета СССР был подписан в мае 1945 года, когда Дмитрий был в горах Чехословакии. Сюда забросила его трудная военная судьба еще в 1944 году.

* * *

— Когда мы соединились с нашими войсками, меня и еще некоторых товарищей отправили на курсы готовиться к новому делу,— рассказывал Дмитрий Резуто.— Там мы прошли соответствующий курс наук и в конце августа сорок четвертого года выбросились в Словакии... Воевали. А потом — 2 мая сорок пятого года соединились с нашими войсками. Вот и все.

Сейчас от Киева до Братиславы — рукой подать. Сел в самолет в Бориспольском аэропорту — и через час-полтора садишься на гостеприимной словацкой земле.

А в сорок четвертом году Дмитрий летел туда более семи часов. Летели, делая громадный крюк, чтобы обойти истребители и зенитки. Летели над Черным морем, над Болгарией, над Адриатикой, а потом повернули на северо-восток, к Словакии, где должно было начаться всенародное восстание против фашистских захватчиков.

Их было восемнадцать: четверо советских людей (Резуто, комиссар Клоков, доктор Тараканов, наш радист с рацией) и четырнадцать словаков. Курс — Банска-Бистрица, центр будущего восстания.

И вот под крыльями — Словакия. Дмитрий прильнул к иллюминатору. Где-то здесь, внизу, под облаками, напряженно замерла многострадальная словацкая земля. Ни огонька. И вдруг вдалеке показалось море огней. И рядом, внизу,— костры, опознавательные знаки для выброски. Это уже началось восстание!

— Пора прыгать!

Открылась дверца. Холодный, но уже пахнущий теплом земли воздух ворвался внутрь самолета. Вот прыгнул один, другой, третий... Пора прыгать и тебе, Дмитрий. Он подошел к дверке, непроизвольным движением поправил парашют и шагнул в пустоту...

Партизанское соединение имени Яна Жижки и соединение имени Суворова. Как будто снова ожили непобедимые сыны двух народов, и вот теперь вели они свои полки на врагов.

В партизанском соединении имени Суворова, которым командовал Дмитрий Резуто, были представители двадцати двух национальностей. Словаки, чехи, русские, украинцы, англичане, американцы, итальянцы, французы, венгры, болгары, немцы-антифашисты, сербы... Сюда шли все, кто не-

навидел фашизм, все, кто хотел внести свою лепту в дело победы над врагом.

Его боевые товарищи — Квитинский и Клоков — живут в столице Советской Украины. Их часто встречает Дмитрий Миронович — и тогда начинаются воспоминания...

Вспоминается, как загорелись костры на горах вокруг Банской-Бистрицы и как началось Словацкое народное восстание. Могучие волны народного гнева обрушились на гитлеровцев, и уже ничто не могло их остановить...

Много дорог пересекла его, Дмитрия, жизненная дорога. В той же Словакии он чуть-чуть с глазу на глаз не говорил с самим Тисо, президентом, фашистским холуем и диктатором.

Однажды партизаны Дмитрия Резуто налетели в Бановцы над Бебравой. Диктатор как раз помолился, решил переночевать, а утром уехать в Братиславу. Среди ночи налетели партизаны.

Тисо удалось тогда удрать на немецком танке. Но партизаны, не поймав Тисо, захватили его летнюю резиденцию в Матяшицах. Весь архив Тисо, дипломатическая переписка, секретные циркуляры — все это попало в руки партизан. Даже его личная машина попала к партизанам вместе с шофером. Дмитрий Резуто полгода разъезжал в ней по крутым словацким дорогам...

А еще вспоминается, как словацкие и советские подрывники охотились за «Фау-2». Эти самолеты-снаряды хорошо запомнила Англия. Фашисты запускали их через Ла-Манш, надеясь этим сломить решимость англичан бороться против фашистской Германии. «Фау-2», как правило, не поражали военных объектов, они падали на густонаселенные районы Британских островов, неся смерть и страшные разрушения. Так вот, Резуто и его товарищам удалось узнать, что фашисты изготовляют некоторые очень важные детали этих «фау» в Словакии, в горах, на подземных заводах, недалеко от города Тренчин. И началась беспримерная охота за «фау». Немцы перевозили их в пассажирских поездах или же в санитарных вагонах. Пускать под откос такие поезда нельзя — погибнет очень много людей. Приходилось действовать иначе: налетать на станции и уничтожать детали «фау» там же. Или отцеплять вагоны. Или умудряться взрывать только те, где перевозились детали самолетов-снарядов. Очень большую помощь в этом деле оказывали словаки-подпольщики и местное население.

Война против «фау» длилась долго. И в том, что гитлеровская бомбардировка Англии в конечном счете провалилась,— доля труда словацких партизан и подпольщиков.

Гитлер и его генералы бросили огромные силы, чтобы подавить Словацкое восстание. Но ничего не помогло. Даже после того, как фашистам удалось выбить восставших из городов и загнать их в горы, война продолжалась. А с востока все ближе и ближе надвигалась неудержимая лавина Красной Армии.

Тогда фюрер послал в Чехословакию своего обер-диверсанта Отто Скорцени, того самого Скорцени, который умудрился спасти находившегося под арестом Муссолини.

Но здесь, в горах Моравии, Скорцени и его отборный отряд потерпели сокрушительное поражение. Ему не только не удалось разгромить соединение имени Суворова, но ему пришлось удирать, чтобы спасти свою жизнь.

Весной 1945 года, когда советские войска мощной лавиной двигались на запад, когда Берлин задыхался в стальных тисках советских фронтов, гитлеровское командование решило через перевал по специально построенной стратегической дороге провести остатки фашистских войск с их техникой в Баварию.

Партизаны получили приказ — любой ценой закупорить эту дорогу.

Задание было, пожалуй, самым трудным. К дороге не подобраться. Ее, последнюю надежду на спасение, охраняют тысячи вооруженных до зубов гитлеровских вояк. По этой дороге должны пройти танки и орудия, машины с живой силой.

По крутым скалам карабкались партизаны. И вот она, верхняя точка перевала. А внизу узкой серой змеей тянется дорога, по которой вот-вот пойдут гитлеровские части...

С высоты дорога кажется узкой, тоненькой, как ленточка. А танки и автомашины — как спичечные коробки. Вот они поднимаются все выше и выше, натужно гудя. В предрассветной тишине сюда, наверх, доносится гул моторов.

Разве могли предполагать гитлеровцы, что партизаны и здесь перехитрят их, что они смогут втащить на скалу не только пулеметы, но и ящики с толом?!

А они смогли!

— Начали! — послышалась команда. И тяжелые ящики с толом полетели под колеса автомобилей, под гусеницы вражеских танков.

Страшные взрывы огласили горы.

А громадная колонна фашистских машин, танков, тягачей с орудиями шла и шла, напирала на искореженные танки и автомобили... А сверху летели гранаты, ящики с толом, летели пули, обломки скал.

Это был страшный бой. Вся колонна остановилась. Теперь она пылала, тяжелые машины вместе с десятками солдат срывались в пропасть и разлетались на мелкие куски. Летели в пропасть танки и орудия, истошными предсмертными воплями оглашали скалы и горы гитлеровские солдаты и офицеры, а им на головы летела и летела смерть...

Черный дым поднимался над скалами, за которыми залегли партизаны. А уже снизу громом гремело тысячеустое «ура!» — это регулярные части Красной Армии и 1-го Чехословацкого корпуса шли сюда...

Был второй день мая 1945 года. В этот день пал Берлин. Это за несколько сот километров отсюда. А здесь Дмитрий Резуто и его друзья-товарищи, плача от радости, обнимали своих, родных, советских людей в серых шинелях и касках.

А через неделю окончилась война.

Был тогда Дмитрию тридцать один год.

* * *

Есть на Украине песня о летах прошедших. «Запрягайте коні, коні, коні воронії, та й поїдем доганяти літа молодії...»

Грустная песня. Когда Дмитрию был тридцать один год, он не вспоминал ее. А сейчас нет-нет, да и вспомнит. Вспомнит и взгрустнет. Как-никак, а ему сейчас уже за шестьдесят перевалило.

Прошумела молодость... Прекрасная, огнекрылая, героическая...

«Та й поїдем доганяти літа молодії...»

Они всегда с ним, его лета. Молодые лета. И сердце пошаливает, и седина в чубе, но он молод. Он славно прожил свою молодость, ему не стыдно и за годы, которые он прожил потом. Они тоже прекрасны. Его могучим рукам, рукам труженика, пришлось немало поработать. И он еще поработает. Крепко поработает...

П. Акулов

НИ ШАГУ НАЗАД!

(О Романове П. М.)

Партизанские шалаши размещались неподалеку от села Кончани, что на Витебщине. В один из октябрьских дней 1942 года к этим шалашам направились двое: высокий плечистый мужчина и небольшого роста женщина.

— Гляньте-ка, братцы, Зина Соболевская кого-то ведет,— говорил пожилой бородатый партизан.

Все обернулись. Незнакомый мужчина между тем подошел к шалашам, поздоровался.

— Кто ваш командир? — спросил он.

Командира отряда «Сибиряк» на месте не оказалось. Еще с утра он уехал для связи с другой группой партизан. На месте был секретарь партийной организации Дмитрий Павлович Падалец. Он поднялся навстречу незнакомому. Худощавый, костистый и такой же рослый, плечо в плечо. Человек протянул Падальцу руку.

— Романов Павел Минаевич, назначен секретарем

Бешенковичского подпольного райкома партии. Прибыл из-за линии фронта...

— Очень хорошо! — сказал Падалец и добавил: — Рады видеть вас в родных местах...

Все, кто был поблизости, стали собираться вокруг Романова. Павел Минаевич был доволен, что наконец-то добрался до своих, и, несмотря на усталость, старался казаться бодрым. Пробираясь в Бешенковичский район, куда его назначил Витебский подпольный обком партии, Романов мысленно старался представить себе, какая будет встреча с людьми, которые должны стать его боевыми друзьями. Он торопился к ним, потому что считал, в это трудное время его место именно там, где идет жестокая война не на жизнь, а на смерть. И вот он пришел, встреча состоялась, простая, но по-своему волнующая. На него смотрели десятки глаз. Казалось, каждый спрашивал: «Не томи, рассказывай, что там за линией фронта?»

— Привез вам самые лучшие пожелания в успехе нашего общего дела,— глуховатым голосом начал Романов...

— Спасибо на добром слове,— ответил ему уже немолодой партизан, стоявший поблизости, закручивая в газету махорку.— Ты скажи-ка нам, дорогой секретарь, когда мы все за ум возьмемся, да начнем немца выпроваживать с нашей земли? Аль так уж и силен он, стервец?

Павел Минаевич окинул пытливым взором собравшихся. А партизаны все подходили и подходили, круг людей разрастался все шире и шире.

— Прямо скажу, пока несладко нам, товарищи... Идут тяжелые бои на Волге, на Северном Кавказе, фашисты рвутся к Грозному... Но не будем падать духом. Час расплаты придет.

Романов смолк. Молчали и люди, кто-то громко, тягостно вздохнул.

— Никто из нас и не сомневается в этом, только поскорей бы,— обронил все тот же пожилой партизан.

— Силы наши растут и крепнут,— громче обычного продолжал Павел Минаевич. Немного помолчал и вдруг спросил: — А как у вас тут дела, товарищи?

— Да вот, воюем, как можем,— ответил Падалец.— Вчера на пути сюда из Чановской дачи разбили восемь немецких машин, захватили кое-какое оружие, патроны...

Романов слушал внимательно, слегка наклонив голову к говорившему. Когда наступила тишина, спросил:

— Дмитрий Павлович, встречались ли с другими отрядами?

— Не приходилось...

— А много ли их здесь?

— Да, есть, точно не знаю.

— Надо собирать силы, объединяться, вовлекать в борьбу новых людей. Борьба будет тяжелой. Чем больше нас будет, тем мощней наши удары.

Павел Минаевич говорил неторопливо, спокойно. Был он одет в потертую солдатскую шинель, из-под военной фуражки выбивалась русая прядь волос, которую он нет-нет да и поправлял, будто отдавал честь.

Витебский подпольный обком партии поставил перед ним задачу — объединить разрозненные группы партизан, поднять дисциплину, активизировать боевые действия в Бешенковичском районе Витебской области.

— Ну, что же, товарищи, на этом пока закончим наш разговор,— заключил Романов.— Еще наговоримся и навоюемся.

— Еще один вопросик, можно? — поднял руку пожилой партизан.

— Прошу, прошу,— Павел Минаевич наклонил голову вперед.

— Вы сами из каких краев будете?

— Родился в 1905 году в Гомеле, в семье рабочего. Трудился кузнецом, буровым мастером, котельщиком. Трудился вроде неплохо. Избирался председателем завкома гомельского завода «Пролетарий». Затем был директором торфозавода в городе Добруше, секретарем Добрушского райкома партии. Вот коротко и вся жизнь моя. Что еще добавить? Женат, имею сына.

— Все ясно, довольно,— раздались голоса.

— Если довольно, поставим точку.

Павел Минаевич взял под руку секретаря парторганизации, и они пошли в сторону от шалашей. Надо было познакомиться с делами поближе. Дмитрий Павлович подробно обрисовал положение в отряде, рассказал о людях. Потом речь зашла о том, какие по соседству есть партизанские отряды и группы.

Вечером были разосланы гонцы в разные стороны, а уже через два дня в селе Кончани Городокского района состоялась встреча партизан отрядов «Сибиряк», имени Чапаева и имени Котовского. Почти в одно время появились на ули-

цах села вооруженные люди, одетые пестро и разношерстно: кто в шинелях и пилотках, кто в обычной гражданской одежде. Однако у всех за плечами висели автоматы и винтовки. Были среди партизан солдаты, сержанты, офицеры Красной Армии, вышедшие из окружения, партийные и советские работники, колхозники, рабочие, мужчины, женщины, юноши и девушки.

В одном из домов на главной улице Кончан впервые собралось бюро подпольного Бешенковичского райкома партии. Оно обсудило вопрос об усилении борьбы с фашистскими оккупантами. Заседанием вначале руководил уполномоченный Витебского обкома партии Кирилл Петрович Божанок. Плотный, невысокого роста, он говорил громко, словно на большом собрании, энергично жестикулируя.

В противоположность Божанку Романов держался спокойно, больше слушал, изредка вставлял короткие реплики. По рекомендации обкома Павла Минаевича избрали первым секретарем подпольного райкома, вторым — Дмитрия Павловича Падальца. Секретарем подпольного райкома комсомола рекомендовали Екатерину Шестакову.

Итак, главная забота — объединение сил, создание партизанской бригады. Накануне в отрядах прошли бурные собрания. Люди рвались в бой. Все до одного высказались за объединение. Кирилл Петрович Божанок предложил командиром бригады назначить Павла Минаевича Романова, комиссаром — Дмитрия Павловича Падальца, начальником штаба — Михаила Афанасьевича Дадеркина; бригаде присвоить наименование «За Советскую Белоруссию».

На другой день утром на улице села Кончани, недалеко от того дома, где заседал подпольный райком партии, выстроились партизанские отряды. Сначала утро было серое, туманное, но скоро тучи поредели, и первые лучи солнца опустились на землю. В небе на большой высоте то и дело раздавался басовитый гул моторов. Однако теперь мало кто прислушивался к нему. Теперь не группа партизан, а вон сколько — человек триста, не меньше. И от этого на душе становилось светлее, каждый понимал: вместе они — сила! Конечно, у партизан еще не хватало винтовок, автоматов, патронов, но в груди у каждого клокотал вулкан ненависти. Не беда, что сегодня мало оружия, завтра будет больше...

Вдоль партизанского строя прошелся легкой походкой Михаил Дадеркин. Выровнял строй, скомандовал: «Смирно!»

Появились Божанок, Романов и Падалец. Божанок прочитал приказ. Павел Минаевич радостным взором окинул строй и сказал:

— Отныне в смертельную схватку с врагом вступает наша бригада «За Советскую Белоруссию». Поклянемся же, товарищи, в верности Советской Родине, Коммунистической партии и Советскому правительству!..

— Клянемся! Клянемся! — гремело над партизанским строем и могучим эхом отдавалось где-то в лесу за Кончанами.

Партизаны бригады «За Советскую Белоруссию» под руководством Романова развернули активные боевые действия. На участке Витебск — Залучье они минировали шоссейные дороги, взрывали железнодорожное полотно, пускали под откос вражеские эшелоны. Уже в первые месяцы боевых действий бригада разбила вражеские гарнизоны в деревнях Зароново, Заходы, Островляны, Козиново, Смольки. Здесь была создана партизанская зона.

От Павла Минаевича потребовалось не только знание военного дела, но и талант организатора, пропагандиста и агитатора. Он вникал во все вопросы жизни обширной зоны, поднимал людей на борьбу с врагом. Помимо напряженной постоянной работы по руководству бригадой Романов занимался вопросами мобилизации населения в Красную Армию, отправкой людей за линию фронта. Постоянно уделял внимание разведке, которая добывала ценнейшие сведения о гарнизонах оккупантов в Городке, Витебске, Сиротине и других местах, подвергавшихся усиленным бомбардировкам советской авиации.

После первых же боев у деревень Козиново и Сокорово Павел Минаевич понял, как много ему с комиссаром предстоит сделать по обучению и воспитанию партизан, укреплению дисциплины в отрядах.

Романов работал без устали. Он непрерывно повышал свои командирские знания, внимательно анализировал обстановку, изучал данные разведки, искал встречи с врагом в наиболее выгодной для партизан обстановке. Сколько раз он склонялся над картой, и его красный карандаш то и дело задерживался на деревне Гаи, что стояла на шоссе в нескольких километрах от железной дороги. «Оккупанты не случайно так цепко держатся за Гаи,— думал Павел Минаевич.— Гарнизон охраняет железную и шоссейную дороги, по которым день и ночь на восток движутся фашист-

ские войска. Но с ходу этот гарнизон не возьмешь. Нужно как следует подготовиться. Что ни говори, а земляные укрепления, подступы минированы».

Романов долго разглядывал местность на карте. Потом вызвал начальника штаба и выслушал его мнение.

— Так что же, Михаил Афанасьевич, решение одно: разгромить гарнизон во что бы то ни стало.

— Другого не может быть,— подтвердил Дадеркин.

Мартовской ночью сорок третьего года партизаны, обойдя вражеский заслон, выдвинулись на исходный рубеж. Комбриг уточнил задачу и отдал устный приказ.

Отряд имени Чапаева обошел гарнизон с севера, зайдя ему в тыл; группа автоматчиков Пьянкова подошла вплотную к деревне и оттуда подала сигнал для атаки.

И люди ринулись вперед.

Как только отряд имени Чапаева с группой автоматчиков ворвался на улицы деревни, комбриг ввел в бой свои основные силы. И сам с автоматом пошел в атаку.

Гитлеровцы стреляли из домов, с чердаков, из окопов, предпринимали контратаки. Партизаны подавляли один очаг сопротивления за другим. К утру фашистский гарнизон перестал существовать.

Победа была нелегкой. И все же Павел Минаевич заметил, как много дала она людям. Дело не только в больших трофеях. Главное заключалось в другом. Ничто так не поднимает и не окрыляет воинов, как трудная победа. Романов видел это по одухотворенным лицам людей, которые, несмотря на бессонную ночь, не ложились спать, ходили возбужденные и радостные.

На одной из улиц комбриг с комиссаром встретили группу девушек бригады.

— Посмотри, Дмитрий Павлович, какой у них боевой вид,— залюбовался Романов.— Словно старые заправские солдаты...

Впереди шла Катя Шестакова, секретарь подпольного райкома комсомола, смугловатая, чернобровая девушка с карабином на плече.

— И вы были в ночном бою? — спросил Павел Минаевич.

— А чем мы хуже других? — улыбнулась Катя. Она еще не совсем поправилась после воспаления легких, лицо ее осунулось, но большие черные глаза по-прежнему искрились молодостью и задором. Романов вспомнил, как он

навещал больную Катю и она в бреду все требовала свой карабин.

Шестакова вдруг всплеснула руками:

— Ой, Павел Минаевич, что мы сейчас видели!..

— Что же?

— Кусок красного полотна!..— девушка немного замялась, словно боясь, что Романов не поймет и не разделит ее восторга.— Так приятно видеть красное... Мы ведь давно не видели наше советское знамя...

Павел Минаевич откашлялся в кулак и, нахмурив брови, проговорил:

— Постой, постой, дорогая моя дивчина, красный материал, говоришь? А ну-ка несите его сюда!..

И когда две девушки, запыхавшиеся, взволнованные, возвратились с куском кумача, Павел Минаевич тотчас же развернул полотно.

— Как думаешь, комиссар, выйдет из этого репса знамя нашей бригады?

— Непременно выйдет!

— Ну, вот и решили: знамя бригады! — заключил комбриг.— Тебе, Катюша, вышить на знамени слова: «За нашу Советскую Белоруссию!» И надо бы портрет Ильича...

Екатерина Шестакова с комсомолками, счастливые, побежали выполнять поручение комбрига, а Романов с Падальцом направились в штаб.

У штаба их встретил начальник разведки Андрей Сухушин, бывший сержант, один из организаторов отряда «Сибиряк». Комбриг всегда был уверен в нем, знал, что не подведет.

— Что нам нового принесла разведка? — спросил Романов, улыбнувшись Сухушину.

По укоренившейся армейской привычке Сухушин, щелкнув каблуками и отдав честь, доложил:

— Немцы, силою до пехотного батальона, движутся в направлении реки Улла...

— Это и есть та грозная сила, которой они пугают нас в листовках? — перебил Сухушина Павел Минаевич и, не дожидаясь ответа, задал новый вопрос:

— Какие приданные и поддерживающие средства?

— Ничего, кроме обычного стрелкового вооружения.

Комбриг вошел в дом. В комнате за столом сидели, склонившись над картой, начштаба Дадеркин и писарь Маруся Павлова, старательно переписывавшая какие-то бумаги.

— Сухушина встретили? — спросил начштаба.

Романов молча кивнул головой и, пододвинув к себе карту, сел за стол. Некоторое время он знакомился с изменениями в обстановке.

— Как думаете, когда батальон противника достигнет реки Улла?

— Не раньше, чем часа через два,— ответил Дадеркин.

— Отряды предупреждены?

— Так точно!..

— Прикажите поставить на колокольню пулемет,— сказал Павел Минаевич и направился к выходу.

— Мы с комиссаром будем в отряде имени Котовского... Об изменениях в обстановке доложите...

На берегу реки шли спешные работы. Командир отряда Александр Ильин, высокий, худой, с почерневшим от бессонницы лицом, встретил комбрига и комиссара. Втроем пошли вдоль берега Уллы, осматривая рубеж обороны.

— Плохо маскируетесь,— строго заметил Романов. — Людей надо беречь.

Ильин не раз слышал от Романова эти слова. Да, он любил людей, постоянно заботился о них, ценил в них мужество, партизанскую сметку, искренне огорчался, когда они гибли из-за неумения воевать, и не терпел, если это случалось по нераспорядительности командиров.

Гитлеровцы появились на противоположном берегу Уллы раньше, чем это ожидалось. Они двигались осторожно, предполагая, что правый берег занят партизанами. Павел Минаевич из-за бугра наблюдал, как фашисты передвигаются короткими перебежками, накапливаясь правее деревни, откуда, видимо, готовились форсировать Уллу.

Партизаны молчали. И вдруг над вражеским берегом повисла зеленая ракета. В тот же миг лавина свинца обрушилась на отряд имени Котовского. Пули пролетали над головами партизан с холодным свистом, срезали ветки и листья, впивались в стволы деревьев. Захлопали минометы и где-то сзади, за партизанскими окопами в лесу стали рваться мины.

Командир отряда Ильин хотел открыть ответный огонь, но Романов велел подождать. Он не упускал из виду врагов, укрывшихся в лесу. Небольшими группами они подбегали к реке, тянули с берега лодки, плотики, торопливо садились и отчаливали. И как только фашистский десант достиг середины реки, Романов подал Ильину знак.

Партизаны открыли огонь. Между правым и левым берегами Уллы начался ожесточенный огневой поединок. Продолжался он недолго. Фашисты, потеряв много убитыми и ранеными, отказались от форсирования реки на этом участке, снова укрылись в лесу. Вражеский огонь резко ослабел.

Павел Минаевич предугадывал, что гитлеровцы попытаются прорвать оборону где-нибудь на другом участке. Он повернулся, разыскивая взглядом своего адъютанта. Николай Лосягин был тут.

— Скачи в отряд имени Чапаева, предупреди, к ним сейчас кинутся гитлеровцы!..

Среднего роста, широколицый, шустрый Лосягин вскочил на коня и вихрем помчался вдоль берега. Часа через полтора он возвратился с тревожной вестью: гитлеровцы теснят отряд имени Чапаева.

— Вы, Дмитрий Павлович, остаетесь здесь, я — к чапаевцам,— на ходу бросил Романов.

На участке, обороняемом отрядом имени Чапаева, был особенно силен натиск захватчиков. Местами борьба переходила в рукопашную схватку. В какое-то мгновение под напором превосходящих сил врага дрогнула партизанская оборона. Павел Минаевич бросился вперед, увлекая за собой чапаевцев. И вот уже отбиты окопы, гитлеровцы отступили, теряя убитых и раненых.

...В сентябре 1943 года перед бригадой была поставлена задача — парализовать движение на участке железной дороги Полоцк — Молодечно, где гитлеровцы усиленно перебрасывали свои войска и технику на восточный фронт. Павел Минаевич поставил на обсуждение бюро райкома широкий план «рельсовой войны». По обыкновению он выслушивал мнение товарищей, а потом выбирал самое верное.

Было решено подорвать железнодорожный путь в районе станции Кульчаи. Фашисты усиленно охраняли свои коммуникации. В Кульчаях стоял их гарнизон, который надо было блокировать, иначе трудно пробиться к железной дороге. Для этой цели Романов выделил особые группы. И когда начались диверсии на железной дороге, партизаны открыли по гарнизону сильный огонь. Одна группа расчистила пути подхода к железнодорожному полотну и заняла оборону. Закипела работа. Подрывники в разных местах закладывали заряды, поджигали шнур... Гремели взрывы то тут, то там. Движение на участке Полоцк — Молодечно надолго прекратилось.

— Неплохой «концерт»,— сказал Павел Минаевич комиссару.

...В редкие часы затишья у Павла Минаевича оставалось немного времени дочитать начатую книгу, подумать о семье, поговорить с Дмитрием Павловичем. Они почти всегда останавливались в одном доме. Судьба свела и подружила этих двоих, внешне чем-то схожих людей. В эвакуации в Пензенской области жили их семьи, и хоть редко, но все же в партизанскую зону приходили письма.

— Заждалась моя Вера Павловна,— говорил Павел Минаевич.— Да и Леньке уже пошел шестой год... Чего доброго, не признает...

Наступил январь 1944 года. Гитлеровцев били и на фронте, и в тылу, что называется, в хвост и в гриву. Рядом с бригадой «За Советскую Белоруссию» сражались другие партизанские соединения. Все чаще партизаны наносили совместные удары по врагу.

Шестого января 1944 года гитлеровцы начали широкое наступление. Бои развернулись и на участке, обороняемом бригадой «За Советскую Белоруссию». Гитлеровцы пытались с ходу выбить отряд имени Чапаева из укреплений и выйти во фланг бригаде. Безуспешно. Чапаевцы держались стойко. Три дня шел ожесточенный бой. Рубежи переходили из рук в руки. Тогда фашистское командование попробовало взломать оборону на участке, оборонявшемся отрядом имени Лазо. И здесь вражеские атаки не увенчались успехом. Захватчики решили ударить по центру обороны, чтобы раздробить силы бригады и уничтожить ее по частям.

Романов подтянул резервы и перешел в контрнаступление. Отряды имени Котовского, имени Чапаева атаковали врагов в деревнях Худяково и Дубровка. Отряд «Сибиряк» окружил и уничтожил гитлеровцев в деревне Ягодки. Удары партизанских бригад вынудили немцев прекратить наступление.

Романов понимал, что фашисты не откажутся от своего плана подавить партизанское движение на Витебщине. На своем участке он старательно разработал схему обороны, день и ночь строил укрепления. Комбриг готовил людей к предстоящим тяжелым боям.

В середине апреля 1944 года превосходящие силы гитлеровцев при поддержке танков, артиллерии и авиации начали новое наступление на партизанскую зону Ушачского

района. На участке обороны бригады «За Советскую Белоруссию» оккупанты сосредоточили до дивизии. Около месяца бригада вела упорные бои, отступая и переходя в контрнаступление. В это тяжелое время Романов сильно осунулся, только глубоко запавшие глаза лихорадочно блестели.

Под натиском врага партизаны оставили деревню Заручевье. Романов — туда.

— Ни шагу назад! Только вперед! — слышался его звонкий голос.

С новой силой народные борцы бросились на фашистов, стреляли в упор, били прикладами и неудержимо рвались вперед.

Жаркие схватки завязывались на улицах деревень. Гитлеровцы стремились сомкнуть кольцо окружения, день и ночь обстреливали и бомбили леса, населенные пункты... Партизаны не сдавались. Романов вновь и вновь бросал поредевшие отряды в контратаки. Спасение бригады он видел в одном — в прорыве огненного кольца вражеского окружения.

Только вперед! Сквозь шум боя гремело могучее партизанское «ура!». И кольцо было прорвано.

Комбриг Романов получил приказ — прикрыть тылы выходящих из окружения партизанских сил, не дать врагу вновь сомкнуть кольцо. Романов стоял насмерть со своими боевыми товарищами на небольшом, простреливаемом со всех сторон огненном пятачке, отражая атаки врага...

Немного не дожил Павел Минаевич Романов до желанной победы. Родина посмертно удостоила его высшей награды — звания Героя Советского Союза.

Ф. Костин

ЕСТЬ УЛИЦА В БРЯНСКЕ...

(О Ромашине М. П.)

Налет партизан на гарнизон станции Батагово оказался настолько внезапным, что организовать сколько-нибудь серьезное сопротивление гитлеровцы не смогли. Вражеские солдаты и офицеры, располагавшиеся в четырех вагонах-теплушках, были уничтожены. Выведены из строя аппараты телеграфно-телефонной связи. Взорван железнодорожный мост. Партизаны потерь не имели. Лишь пятеро слегка обморозились, пока лежали в снегу, ожидая сигнала к атаке.

— Удача! — радостно, но еще боясь поверить в нее, ликовал командир отряда Михаил Ромашин.

Победа! Первая большая победа после неудач и сомнений. Не замечая жгучего холода январской ночи, Ромашин стоял в распахнутом полушубке среди развороченных путей, весь еще во власти пережитого.

Вот только что в лесу, подступившему к самой станции, полз он вместе с товарищами

по сухому колючему снегу, стараясь не издать ни малейшего шороха. Шуршание снега, треск сломанного сучка и нечаянный лязг оружия казались громом, заставляли тревожно замирать сердце.

Ближе, ближе теплушки. Молчаливо поблескивают серебром их заснеженные крыши. Сжалось сердце в кулак, каждый нерв как натянутая струна. Мелькнула тревожная мысль: «А может, нас ждет засада. Может, вражеские пулеметчики уже заметили ползущих партизан и ждут, когда они поднимутся, чтоб открыть огонь? Нет, не может быть!»

Послышался шум приближающегося поезда.

— Прозоров, Харитонов, быстро к станции! — скомандовал Ромашин.

Подрывники вскочили и тут же бесшумно исчезли в сумраке ночи: грохот поезда скрадывал их шаги...

Сотрясая землю, мимо проплыли платформы, груженные танками. Снова стало тихо.

— Пулеметы на месте,— шепотом доложил подползший к Ромашину начальник штаба отряда Писарев.— Чего там мешкают Прозоров и Харитонов?..

Не успел подумать — раскатились по лесу взрывы.

— Огонь! — закричал Ромашин.

Из дверей, из разбитых окон теплушек ринулись фашисты. И тут же падали, сраженные партизанскими пулями. Те, кто уцелел, палили наугад, не причиняя партизанам вреда.

Вместе со всеми Ромашин кинулся в атаку. У станционного здания, лицом к лицу столкнулся с выскочившим из-за угла офицером. Гитлеровец первым выстрелил из пистолета. Мимо! Зато точной была очередь командирского автомата. Недаром же еще в полковой школе Ромашин считался лучшим ворошиловским стрелком!

В морозной мгле громыхнул страшный взрыв. Это комиссар Николай Курнявцев и партизан Сергей Лапшин подорвали мост, поставив последнюю победную точку в операции.

Возвращались в лагерь шумно, с шутками и разговорами. В штабной землянке, сидя с комиссаром у пылающей печурки, Ромашин сказал:

— Мы сегодня уничтожили врагов столько, сколько партизан в нашем отряде. И еще ударим не раз!.. Верно, комиссар?

— А как же, повоюем, Михаил Петрович! И воевать с каждым днем будем лучше,— отозвался Курнявцев.— Но это не все: завтра о том, что было на станции, пойдет молва гулять из села в село, по всей округе. Народ встрепенется, приободрится!..

— Надо сделать так, чтобы об этом побольше людей узнало,— сказал Ромашин.— Готовь листовку! Уверен, пойдет к нам пополнение.

Ромашин умолк, задумался. Прошло три месяца, а как изменились, как выросли люди. Обстрелялись, привыкли к лесной жизни. Словом, стали настоящими партизанами.

Ромашину вспомнилась первая попытка устроить засаду в октябре сорок первого.

Место засады облюбовали заранее в лесу, под Кульневом. Заранее обговорили, кому и где занять позицию, установили сигналы. Шли уверенные, что сейчас зададут врагу перцу... Не спешили. Времени до рассвета было достаточно. До места оставалось около километра, как вдруг — ослепительная вспышка ракеты, и почти одновременно загрохотал пулемет... Этот нежданный огонь посеял панику.

— Ложись! — крикнул Ромашин.

Но люди не услышали его, ринулись бежать, торопясь поскорее выйти из-под огня... Лежа на земле, Ромашин лихорадочно соображал: где же сидит вражеская засада? Очереди гремят над самым ухом, а вспышек выстрелов не видать... Что за чертовщина?

Тут только будущий комбриг сообразил, что стреляют-то из села Малое Полпино, которое они обходили по пути. А здесь в лесу хлопают разрывные пули!

— Нас заметили с колокольни, когда мы пересекали поле,— догадался Ромашин.

Стрельба стихла. Так же неожиданно, как и началась. Ромашин поднял голову и огляделся вокруг. Никого. Встал, осторожно ступая, двинулся в глубь леса, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Потом начал тихонько посвистывать. Никто не отзывался... Наконец навстречу Ромашину из-за дерева вышел боец Писарев.

— Где наши? — спросил Ромашин, делая вид, что не замечает смущенного вида Писарева. Тот молча развел руками.

Ромашин разозлился.

— От первых случайных выстрелов разбежались, как зайцы! — сказал он.— Как же дальше воевать?

Молча шагали Ромашин и Писарев по угрюмому лесу, постепенно собирая людей. За это время Михаил Петрович успел многое передумать.

Нет, неудача не смутила его. Он был уверен: придет время, накопится боевой опыт, и дело пойдет...

Это ничего, что сегодня получилась осечка. Все еще впереди...

Родился Михаил в пригородной деревне Крыловке в год первой русской революции в семье рабочего Брянского рельсопрокатного завода Петра Сазонтовича Ромашина. Детей в семье шестеро — три брата и три сестры. В год Октябрьской революции Михаил окончил сельскую школу. В девятнадцатом стал рабочим Брянской канатной фабрики. В двадцать третьем вступил в комсомол... В двадцать шестом призвали в Красную Армию. Служил, можно сказать, на родине — в Карачеве.

В Карачеве же в жизни Ромашина произошло два важнейших события: в двадцать восьмом его приняли в партию. В двадцать девятом Михаил женился. В тридцатом коммуниста Ромашина направили в счет двадцати пяти тысяч рабочих на коллективизацию в Новозыбковский район. Дважды стреляли в него кулаки.

Потом Ромашин окончил совпартшколу, и его избрали парторгом Брянской электростанции поселка Белые Берега. А через год, в тридцать девятом,— секретарем по кадрам Брянского райкома партии. На этом посту и застала Ромашина Великая Отечественная. Тогда ему было тридцать пять лет. Все, чем он жил, о чем думал, мечтал, чему радовался и печалился,— все перевернула война.

Кто мог предполагать, что через месяц с небольшим люди в Брянске будут прислушиваться к грозному гулу приближающегося фронта? Но прошла неделя, другая. Все тревожнее становились сводки. Все чаще и ожесточеннее гитлеровцы бомбили Брянск...

В один из августовских дней на заседании бюро первый секретарь райкома Козявкин прочитал директиву Орловского обкома партии о создании партизанских отрядов на случай вынужденного отхода Красной Армии. Тут же, на бюро, решили создать в районе три партизанских отряда по пятьдесят человек каждый. Командиром одного из них был назначен директор Брянской электростанции Тюкин.

В начале сентября, когда фронт гремел совсем рядом, секретарь райкома вызвал Ромашина:

— Решил предложить тебе возглавить партизанский отряд вместо Тюкина. Подал заявление директор, просит освободить по болезни... Ты как? Или хочешь подумать?

— А о чем думать? Воевать надо. Сам собирался проситься на фронт,— сказал Ромашин.

— Раз так,— повеселел Козявкин,— оформим твое назначение официально, решением бюро. И сообщим об этом в Орловский обком партии. А пока отправляйся в Белые Берега, принимай командование истребительным батальоном. Личный состав батальона — коммунисты вашей электростанции и торфяного предприятия в Пальцо — твой резерв. Из них и подбирай себе партизанский отряд.

Легко сказать — подобрать будущих партизан. Конечно, Ромашин знал многих людей и в истребительном батальоне, и на электростанции, и на торфяном предприятии. И все-таки он понимал, что для такого дела нужны иные, отличные от мирных времен мерки. Вражеский тыл, неведомый, незнакомый, а потому и страшный, отпугивал людей...

После первой неудачи, о которой я уже рассказал, коекак отыскав товарищей в холодном осеннем лесу, Ромашин устроил общее собрание, чтобы в открытую поговорить, как воевать дальше. Уселись на поляне. Лица у всех хмурые, озабоченные, настроение тяжелое. Кое-кто поговаривал о бессмысленности партизанской войны... Рассуждения на первый взгляд были логичны. Огромная армия отступает, а что может сделать горстка плохо вооруженных людей? К тому же людей не военных, не умеющих как следует обращаться с оружием. В первой же схватке всех перебьют... «А не перебьют — подохнем с голоду. Надо уходить, пока еще можно проскочить к своим! На фронте хоть какую-нибудь пользу принесем...»

Михаил Петрович знал о том, что среди партизан имеют хождение такого рода настроения. Поэтому, разобрав причины неудачи и доказав, что этого могло и не быть, если бы партизаны и, конечно, он сам действовали по-другому, он так заключил выступление:

— Трусость, как и предательство, должны сурово наказываться. Впредь так и будет. Разговоры об уходе за линию фронта я также буду рассматривать как дезертирство. Наш фронт здесь! Мы выполняем волю партии. Кто хочет уходить — пусть уходит. Сегодня никого задерживать не буду. Каждый партизан должен быть уверен в товарище...

Так кто хочет уходить? — он медленно повел взглядом по рядам.

Из отряда ушло несколько человек. С Ромашиным остались двадцать три бойца. Двадцать мужчин и три женщины. Эта-то небольшая группа смельчаков и положила начало партизанскому соединению, бригаде имени Щорса.

Ливень начинается с капли, река — с ручейка, а горный обвал — с падения одного-единственного камешка. Так и партизанское движение в Брянских лесах. Из небольших партизанских групп выросла огромная шестидесятитысячная партизанская армия. Началась всенародная война с захватчиками. В огне этой войны нашли свой бесславный конец тысячи фашистских оккупантов.

Ромашин часто бывал в селах. Рассказывал жителям о положении на фронтах. Подбирал подходящих людей, организовывал подпольные ячейки... Его узнавали, приветствовали и встречали как самого дорогого гостя. Показывали развешанные в селах приказы, в которых говорилось: «За выдачу или поимку командира партизанского отряда Ромашина будет выдана награда — тысяча рублей, дом, две коровы и две лошади».

«Ишь, гады, нашим же добром обещают расплатиться за предательство»,— говорили сельские жители. Отряд быстро рос и к середине 1942 года насчитывал свыше трехсот бойцов. Его удары по врагу становились день ото дня сокрушительнее. Партизаны оседлали вражеские коммуникации — шоссе и железные дороги.

Комиссар Курнявцев, инженер-подрывник Лапшин и партизаны Машков, Купреев и Семенюков взорвали первый эшелон с танками и автомашинами на магистрали Брянск — Орел. Через месяц на этой же дороге отряд из засады обстрелял эшелон с живой силой противника. В Карачеве из вагонов этого эшелона выгрузили десятки мертвых гитлеровских солдат. Особенно удачной была операция на Полпинской железнодорожной ветке, проведенная в марте сорок второго года партизанами двух брянских отрядов: городского и районного.

Протянувшись на десятки километров в глубь леса, хозяйственная железная дорога эта приобрела для врага важное значение, как кратчайший путь к одному из участков фронта. И, кроме того, вдоль нее расположились большие

склады древесины, которую враг готовил для отправки в Германию. Гитлеровцы восстановили железнодорожный мост через реку Велимью. Но по приказанию Ромашина он был взорван. На восстановление этой дороги была брошена специализированная гитлеровская железнодорожная рота и подразделение охранников. В этот момент в городской отряд поступила радиограмма командования Брянского фронта с приказанием воспрепятствовать восстановлению Полпинской железнодорожной ветки.

Брянский районный отряд не имел радиосвязи с Большой землей, и поэтому новый командир городского отряда Михаил Ильич Дука, сменивший погибшего Кравцова, секретаря Брянского горкома партии, пригласил Ромашина к себе и ознакомил с радиограммой фронта. Дука предложил провести совместную операцию по уничтожению вражеской железнодорожной роты.

Разведчица городского отряда Валентина Сафронова доставила в отряд сведения о том, что 8 марта вражеская железнодорожная рота проследует по восстановленному участку ветки к месту работ.

Ромашин и Дука выделили по сорок партизан. Залегли с двух сторон железнодорожного полотна, с тем чтобы взять поезд под перекрестный обстрел. Подрывники городского отряда Максим Оскретков и Сергей Лапшин должны были взорвать паровоз. Группа городского отряда, располагая крупнокалиберным, тремя станковыми и десятью ручными пулеметами, расположилась на возвышенном месте, с большим кругозором обстрела. Там же расположился и командный пункт. Бойцы же районного отряда, вооруженные более легким оружием, залегли в мелколесье с противоположной стороны.

Показался медленно идущий поезд. Впереди двигались платформы с баластом и инструментом, затем вагоны с солдатами, а уж потом паровоз. Ударил взрыв мины, заложенной подрывниками, но взорванными оказались лишь передние платформы. Паровоз остался невредимым и мог бы уйти из-под обстрела, если б крупнокалиберный пулемет горожан не прошил его котлы и цилиндры.

Плотный огонь партизан наглухо закупорил немцев в вагонах. Сопротивление оказала лишь небольшая группа охраны, находившаяся на тендере паровоза. От ее пуль пали в бою командир взвода Федор Разумович, политрук Петр

Асеев и пятеро других бойцов-пулеметчиков городского отряда. Отряд Ромашина потерь не имел.

В этой операции было уничтожено двести тридцать семь фашистских солдат и офицеров. Шестьдесят четыре сдались в плен. Покончив с гитлеровской железнодорожной ротой, партизаны взорвали все мосты и трубы. Полпинская ветка была окончательно выведена из строя.

Возвращаясь с операции, Ромашин завернул в гости к соседям. Уже собираясь уходить после допроса военнопленных и составления совместной радиограммы штабу фронта, он сказал Дуке:

— Как видишь, тезка, союз рабочих и крестьян нашел сегодня хорошее подтверждение. Нам и дальше надо держаться вместе!

Высокий, статный Дука подошел к Ромашину и крепко пожал ему руку:

— Согласен! Рабочий класс всегда, как родному брату, помогал крестьянству. Но сегодня его представители просят поделиться провизией. Наслышан, что не в пример нам живете вы богато.

Ромашин не возражал, обещал помочь. И помог, прислав две свиные туши. А через два дня отрядам снова пришлось вести совместный бой с фашистскими карателями, явившимися в лес посчитаться за операцию на Полпинской ветке.

Гитлеровцы вначале напали на городской отряд. Партизанам этого отряда пришлось бы туго, но сработали мины, установленные подрывниками на лесных дорогах. Взрывы охладили пыл наступающих гитлеровцев. К тому же и Ромашин, быстро оценив обстановку, ударил карателям в тыл. Оставив много убитых, враг отступил из леса и учинил дикую расправу над жителями окрестных деревень.

В Брянском партизанском крае есть много сел с судьбою чешской Лидице.

Одной из таких деревень, жители которой были расстреляны фашистскими карателями, стала деревня Бежань под Брянском.

Ромашин много раз бывал в бежаньском колхозе «Воздухофлот», помнил его энергичного председателя Моторова. И вот нет деревни. Сожжена дотла. В тлеющем колхозном сарае партизаны обнаружили обугленные тела ее обитателей.

По дороге Ромашину рассказали, что партизаны городского отряда подобрали среди трупов семилетнюю израненную девочку, чудом оставшуюся в живых. Потом оказалось, уцелел еще тринадцатилетний мальчик Володя Глушенков. Спас его дедушка, шепнув: «Падай, внучек, и не шевелись. Я тебя и прикрою».

Пелагея Гафыкина тоже избежала смерти, уйдя накануне на поиски пропитания детям. А вернувшись, увидела только пепел от дома да нашла среди убитых мертвые тела старушки матери и пятерых своих детей. Старшей — Ане шел тринадцатый, а младшему — Гене не исполнилось еще и годика.

Марфу Костикову и ее троих детей в этот же день расстреляли в числе заложников у деревни Бугры. Фашистский офицер вырвал из ее рук трехмесячного сынишку, бросил на землю и пристрелил. Потом он разрядил парабеллум в Марфу. Пролежав в снегу с вечера до утра без сознания, она очнулась и с простреленным легким поползла. Подобрали ее знакомые и спрятали, хотя за это им грозила смерть.

Тяжелые бои с вдесятеро превосходящими силами врага выдержали партизаны 4 и 12 мая 1942 года. А через три дня ушли в Дятьковский партизанский край.

Накануне перехода Ромашину вместе с начальником штаба Писаревым и парторгом Тихоненковым удалось избежать, казалось бы, неминуемой гибели. В поселке Стеклянная Радица они попали в засаду. Возможно, гитлеровцы кем-то из предателей были оповещены о том, что Ромашин и его товарищи прибудут в поселок. В перестрелке погибли партизаны Алексей Гонченков и Иван Лесин. Ромашин, Писарев и Тихоненков, отстреливаясь из автоматов, пользуясь темнотой, ушли от преследования.

В Дятьковском партизанском крае отряду Ромашина отдыхать долго не пришлось. Через две недели гитлеровцы бросили сюда большие силы с авиацией и артиллерией. Партизаны выдержали кровопролитные схватки. Особенно тяжелыми они были для отряда Ромашина 13 и 17 июня. Оторвавшись от преследования карателей и совершив большой переход, отряд перебрался в южную часть Брянских лесов.

Автор этого очерка хорошо помнит этот тяжелый переход. Каждодневные бои с наседающими карателями измотали, истощили силы партизан. На исходе были боепри-

пасы и продукты. До последнего бились партизанские группы прикрытия, пока отряды уходили, отрывались от преследователей. Сутками, безостановочно, через топи болот и непролазные заросли, с оружием и ранеными шли партизаны...

Летом 1942 года Ромашин побывал в Москве. Хотя Михаила Петровича Ромашина давно нет в живых, сохранился его рассказ, опубликованный в сборнике «Брянские партизаны».

«В жизни каждого человека есть события,— пишет Ромашин,— которые всего дороже ему и о которых он не может вспоминать и рассказывать без волнения. Таким самым памятным для меня событием останется на всю жизнь посещение Москвы в августе сурового 1942 года.

В столице собралось 13 командиров партизанских отрядов... Узнаем, что нас ждет в Кремле товарищ Ворошилов. Два часа длилась беседа с выдающимся легендарным советским полководцем.

Уже одна эта встреча прибавила нам сил... Но впереди нас ожидала еще бо́льшая радость.

— Не буду вас задерживать,— сказал нам, многозначительно улыбаясь, Клемент Ефремович.— Вам придется побывать еще на одном приеме...»

Далее М. П. Ромашин рассказал о беседе И. В. Сталина с партизанами.

«Вошли в кабинет. Навстречу нам поднялся товарищ Сталин. Приветливо улыбнулся, каждому подал руку. Вел себя просто, усадил, предложил закурить и сам, сломав две папиросы, набил трубку. Вскоре каждый из нас почувствовал себя свободно, и между товарищем Сталиным и нами завязалась непринужденная беседа. В ней участвовали и товарищ Молотов, и товарищ Ворошилов. Товарищ Сталин подробно расспрашивал о жизни партизан, об условиях, в которых находится население районов, временно захваченных оккупантами... В заключение беседы, длившейся около трех часов, Иосиф Виссарионович спросил нас, не нуждается ли кто-нибудь в отдыхе и лечении. Мы, поблагодарив, сказали о своем желании возвратиться в отряды... На следующий день Михаил Иванович Калинин вручил нам награды».

С этого времени на груди Михаила Ромашина засияла Золотая Звезда Героя Советского Союза. Кроме него в этот день Золотую Звезду Героя из рук Михаила Ивановича Ка-

линина получили партизанские командиры М. И. Дука, С. А. Ковпак, А. Н. Сабуров.

...По приезде из Ставки новый командующий Центральным фронтом генерал армии Рокоссовский приказал собрать Военный совет.

Рокоссовский только что вернулся с переднего края. За сгоревшей деревней Елизаветино, в одиннадцати километрах от городка, он видел солдат, окопавшихся в снегу в открытом поле. Уже несколько дней они головы поднять не могли. Значит, немцы закрепились.

Комбат с усталым лицом в ответ на вопрос, как чувствуют себя люди, сказал ему:

— Выдохлись, товарищ генерал армии, измотались солдаты. Людей мало. Из батальона и роты не соберешь!

«Да, комбат прав. Надо переходить к обороне. Но дугу не мешало бы выправить»,— размышлял Рокоссовский, глядя на карту. Раздумья его прервал П. К. Пономаренко, вошедший в комнату.

— Что случилось? — недовольно спросил Рокоссовский. Но, увидев за спиной Пономаренко секретаря Орловского обкома партии Матвеева, улыбнулся.

— А, дорогой гость! Здравствуй, Александр Павлович! Рад и очень хотел видеть тебя,— сказал командующий, крепко, от души пожимая руку Матвееву.

— Спасибо, Константин Константинович. Узнал, что тебя назначили сюда, и решил поинтересоваться: готовиться нам к посевной на той стороне?

Одно время К. К. Рокоссовский командовал Брянским фронтом, членом Военного совета которого и одновременно начальником Брянского штаба партизанского движения был Матвеев. И вот фронт, которым командует Константин Константинович, опять проходит по территории Орловской области.

— Сеять на той стороне нынешней весной не придется,— сказал командующий,— но озимые, пожалуй, поднять сумеешь... А пока у меня к тебе вопрос: не смогут ли партизаны свалить вот этот мост через Десну, у Выгоничей?.. Голубой мост... Доброе дело было бы. А? Как ты думаешь, в состоянии партизаны справиться с такой задачей?

— Думаю, справятся,— отозвался Пономаренко.

— Согласен! — присоединился Матвеев.— Сегодня же отправлю радиограмму.

Радиограмма, подписанная начальником штаба, гласила: «Матвеев приказал: бригаде Щорса — 800 человек совместно с бригадой Ворошилова № 1 — 425 человек, командованием Ромашина взорвать железнодорожный мост через реку Десна районе Выгоничи — 2.3.43 г. Гоголюк».

...В народной партизанской войне было немало ярких, смелых операций, но взрыв Выгонического моста, осуществленный брянскими партизанами под общим командованием Ромашина, занимает особое место. Об этом 14 марта 1943 года сообщало Совинформбюро, не раз писали участники события.

Операция заинтересовала своей значительностью и мастерством исполнения многих военных историков. Вот свидетельство врага, бывшего начальника транспортного управления группы армий «Центр» Г. Теске. В статье «Военное значение транспорта» Теске писал: «Действия партизан были согласованы по времени и пространству с операциями русских войск на фронте. В марте 1943 года крупный партизанский отряд взорвал железнодорожный мост важнейшей стратегической дороги в самом центре немецкой ударной группировки, готовящейся к наступлению на Курск».

Ромашин немедленно выехал в расположение бригады «Смерть немецким оккупантам».

Было решено, что в операции будут участвовать три отряда бригады имени Щорса и по одному отряду численностью сто пятьдесят—двести человек каждый из бригад имени Кравцова, «Смерть немецким оккупантам» и имени Ворошилова № 1.

Какими сведениями необходимо располагать об обороне моста?

— Нужно немедленно взять «языка»,— решил Ромашин.— А для расчета зарядов, для определения схемы минирования позовем железнодорожников из брянского городского отряда имени Кравцова. Им-то хорошо известен Голубой мост!

Возвратившись в штаб бригады, Ромашин немедленно поручил разведку моста и добычу «языка» командиру отряда имени 26 бакинских комиссаров Тарасову. Одновременно по его указанию были созданы две группы подрывников по двадцать человек. Возглавили каждую из них инженер Сергей Лапшин и военехник Николай Аржакин.

В лесу из жердей и бревен соорудили макет моста. Начались тренировки. Партизаны отрабатывали захват сооружения, укладку взрывчатки под фермы. В считанные минуты требовалось уложить не менее восьмисот килограммов! Само собой, и срок предстоящей операции, и объект нападения сохранялись в глубокой тайне...

Вскоре разведчики привели двух «языков» — немецкого солдата из батальона, охранявшего Голубой мост, и полицейского.

Ромашин послал связного в бригаду имени Кравцова за переводчиком, а сам приступил к допросу полицейского. «Языки» оказались покладистыми, рассказали все, что знали.

Гарнизон, охранявший мост, насчитывал около двухсот человек. В окружающих населенных пунктах располагалось еще около тысячи. Фронт обороны моста направлен в сторону леса. Вот почему Ромашин решил нападать на мост с противоположной, безлесной, луговой стороны двумя группами захвата по сто двадцать человек, возглавляемыми командирами отрядов Писаревым и Ильиным. Одновременно с действиями основных групп наносила удар по железной дороге в районе Палужья отвлекающая группа бригады имени Кравцова, с тем чтобы сковать гарнизон этой станции, а главное, взорвать и перерезать железную дорогу, чтобы не допустить переброску подкреплений и бронепоезда из Брянска.

Бригада имени Ворошилова № 1, которой командовал Покровский, наносила еще один отвлекающий удар по станции Выгоничи и поселку Кресты, а также обстреливала и сковывала вражеский гарнизон в деревне Лопушь.

Бригада «Смерть немецким оккупантам» выделила резервную группу в двести пятьдесят человек с задачей обеспечить безопасный проход и возвращение назад через железную дорогу основных групп захвата.

...В полночь по болоту подошли к полотну железной дороги. Из будок охраны слышен злобный лай овчарок... Первой через пути переправилась разведка. Вслед двинулись подводы со взрывчаткой... и тут же застряли в глубоком мокром снегу. Началась возня. Предательски затрещали сучья. Из будок бешено застрочили пулеметы гитлеровцев, начался минометный обстрел.

— Тол взять на плечи,— приказал Ромашин командиру группы подрывников Матюхину.

Через насыпь перебрались без потерь. Враг успокоился: с этой стороны никто не ждал партизан. В километре от моста, у командного пункта, еще раз уточнили дальнейший план действий. Атакующие группы скрылись в темноте. Ромашин посмотрел на часы и сказал стоявшим рядом Власову и Курнявцеву:

— Опаздываем. Что случилось у Писарева и Ильина? Может, заблудились? Так мост, вот он, рукой подать.

А в это время автоматчики группы захвата во главе с начальником штаба районного отряда Косолаповым карабкались по откосам обледенелой насыпи. За ними — подрывники Матюхина, нагруженные толом. К двум часовым на мосту подобрались вплотную. Один был убит, другой успел выпустить две красные ракеты. Они и стали непредвиденным сигналом для общей атаки партизан на мост. По команде Писарева в дзоты, землянки и казармы полетели гранаты. Гитлеровцы устремились в траншеи, но там их встретили, расстреливая в упор, бойцы второй группы под командованием Ильина. Через двадцать шесть минут раздался мощный взрыв. Одна ферма, ломая лед, тяжело осела в воду, другая повисла над рекой.

— Есть! Мост взорван! — закричал Ромашин.— Ура!

Кругом гремел бой. Доносились орудийные выстрелы и пулеметная стрельба со стороны Выгоничей, Крестов, Лопуши, Палужья. Там дрались отвлекающие группы.

А Ромашин обнимал разгоряченных схваткой Писарева, Тарасова, Ильина:

— Живы! Молодцы!

Писарев доложил об уничтожении гарнизона, о том, что захвачено в плен 12 гитлеровцев. Доложил и о потерях — 10 партизан было убито и 39 ранено...

Еле передвигая ноги от усталости, но счастливые, шли партизаны по утреннему лесу, освещенному ярким мартовским солнцем...

Для Михаила Петровича Ромашина операция «Голубой мост» была последней на его партизанской тропе.

Получив приказ Матвеева о явке в штаб партизанского движения Брянского фронта, он еще не знал, что Центральный Комитет партии утвердил его в должности председателя Орловского облисполкома. Попрощаться забегали многие, но последними провожали старые друзья: Писарев, Курнявцев, Тихоненков, Резников. Думали, ненадолго...

Взревев моторами, подскакивая на ухабах, самолет, увозивший Ромашина, оторвался от земли, и поплыли, удаляясь, сигнальные костры и темные затаившиеся Брянские леса. Не мог предположить М. П. Ромашин что в последний раз видит дорогого друга — бесстрашного, горячего комиссара Николая Георгиевича Курнявцева. Окруженный врагами, не желая попасть в их руки живым, последнюю пулю послал комиссар в себя...

* * *

Прошли годы. Разросся, похорошел мой родной Брянск. Залечил раны... Но в названиях улиц, площадей, предприятий и школ город хранит свою славную партизанскую историю. Есть в Брянске и улица Ромашина, в начале этой улицы на большом светлом доме — надпись на мраморной доске: «Улица названа в 1965 году именем активного участника партизанского движения на Брянщине, командира партизанской бригады, Героя Советского Союза — Ромашина Михаила Петровича».

С. Аслёзов

ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА...

(О Синичкине Ф. М.)

Капитан Федор Синичкин опустился на колени, отвел в сторону еловые ветви, разгреб прелую листву. Облегченно вздохнул. Тайник остался неприкосновенным. Достав сверток, Федор осторожно развернул его. Заалела обложка партбилета, тут же лежали орден Красной Звезды, медаль «XX лет РККА», командирское удостоверение.

Во время отступления Федор Синичкин зарыл документы в лесу. Теперь же, убедившись в бесплодности своих попыток пробраться на восток, он вернулся за ними в Налибокскую пущу, в те самые места, где ему пришлось драться с фашистами.

Положив документы в карман, Синичкин прикрепил к гимнастерке свои награды. Куском дерна закрыл тайник. Встал, отряхнул с одежды прилипшие листья и пошел в глубину леса. Там его ждали люди.

* * *

Летом сорок первого года в непроходимых лесах Нали-

бокской пущи было немало советских солдат и командиров. С августа сорок первого года находился в лесу и Федор Синичкин. Оказавшись на оккупированной территории, советские воины остались верными присяге. Объединились в боевые группы, чтобы бороться с врагом.

Федор вступил в одну из таких групп. А вскоре по деревням распространилась молва о капитане, который в открытую носит свои боевые награды. Капитан, говорили сведущие люди, прилетел из Москвы, спрыгнул с парашютом и теперь поднимает народ на борьбу с врагом. Федор слушал эти рассказы и не опровергал их. Пусть говорят. Иной раз и людская молва работает на победу. В лес уходили партийные и советские активисты, красноармейцы, командиры, искали встречи с таинственным капитаном. Группа разрасталась и наконец была преобразована в партизанский отряд...

Партизанская война особенная. Партизанскому командиру требуется талант. Федор Синичкин таким талантом обладал. Он сразу понял, в чем ключ к партизанской тактике... Из засады пять-шесть партизан могли справиться со взводом противника. Два-три смелых подрывника пускали под откос и превращали в груду лома целый эшелон, следующий на фронт.

Партизаны вооружены слабее врага. Их оружие — нежданный налет, засада. Ночь — их родная мать... А главное — каждый шаг партизан должен быть для врага неразрешимой загадкой...

В Налибокскую пущу для организации и дальнейшего развертывания партизанского движения прибыли посланцы с Большой земли. В короткое время они создали ОСПО — особое соединение партизанских отрядов.

В конце сорок второго Синичкина вызвали в штаб.

— Вот что, капитан Синичкин,— поднялся навстречу ему командир соединения,— пойдешь в Липичанскую пущу. Там есть несколько отрядов, объединишь их в бригаду. Командиром бригады назначаю тебя. Ясно?

— Так точно, товарищ командир! Когда прикажете выходить? — вытянулся Синичкин.

— Чем скорей, тем лучше! С тобой пойдет мой заместитель майор Василевич. Провожатый — представитель липичанских партизан младший политрук Шубин. Вот он, знакомься...— командир соединения кивнул в сторону незнакомого Синичкину партизана.

В Липичанской пуще Федор Синичкин прежде всего объехал отряды, познакомился с командирами и бойцами. Затем собрал командиров, объявил им решение командования ОСПО и зачитал приказ. Второй параграф этого приказа гласил: «В целях объединения партизанских сил для борьбы с германским фашизмом и совместной обороны из отрядов Булата, Ванюхина, Макарова, Александрова, Шкрума создаю бригаду. Бригаде присвоить название «Ленинская бригада»».

* * *

Федор Михайлович Синичкин часто вспоминал грозный 1919 год...

К Петрограду рвались полки Юденича. «Революция в опасности! Все на защиту Петрограда!» — призывали плакаты со стен. Восемнадцатилетний Федор Синичкин вступил добровольцем в Красную Армию и принял участие в обороне Питера.

В двадцать первом, когда в Кронштадте вспыхнул белогвардейский мятеж, Федор Синичкин вместе с делегатами X съезда партии шел по льду залива, штурмовал кронштадтские укрепления... В 1926-м он стал коммунистом... Навсегда врезались в его память ленинские слова: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...» Потому-то свою жизнь Федор решил связать с Красной Армией. Он поступил в Ленинградское пехотное училище и окончил его. Служил в разных гарнизонах...

22 июня сорок первого года застало капитана Синичкина в Белоруссии, на самой границе. Тогда он командовал отдельным автомобильным батальоном. Теперь — командир партизанской «Ленинской бригады». В ее рядах насчитывалось более восьмисот бойцов. У партизан — танкетка, бронемашина, пушки, минометы, пулеметы, автоматы, винтовки.

«Да ведь это же сила! — восхищенно думал о бригаде Федор Михайлович.— Если правильно командовать, враг сразу почувствует мощь наших ударов!»

Между тем обстановка вокруг пущи, в которой стояла бригада, все более и более осложнялась. Разведка доносила, что на соседних станциях разгружаются войска. На шоссе отмечалось усиленное движение вражеских автоколонн. Ясно — гитлеровцы что-то затевают.

«Ну и что? — размышлял комбриг.— Дадим бой... Надо попробовать на что мы способны!»

Вскоре после того, как был прочитан первый приказ по бригаде, Синичкин прибыл в роту Булата. Едва партизаны выстроились на лесной дороге, раздался топот копыт. На взмыленной лошади к Синичкину подскакал связной.

— Товарищ комбриг! На тракте Слоним — Деретчино колонна противника! — срывающимся от волнения голосом доложил он.

— Ты что кричишь? — спокойно спросил Синичкин.— Немцев не видал?.. Сколько там их?

— Человек с триста!..— ответил связной.

Оценив обстановку, комбриг приказал взводу, усиленному танкеткой, ударить по вражеской колонне с тыла.

Водитель Александр Валетов мигом очутился в своей боевой машине. Взревел мотор, лязгнули гусеницы, разбрызгивая снег и грязь, танкетка помчалась по дороге. Вот в смотровых щелях появилась деревня, а в ней, на улице,— семь автомашин. В хвосте — «опель» с офицерами. Врагу и в голову не приходило, что их нагоняет партизанский танк! Валетов увеличил скорость. Удар! Под гусеницами заскрежетал металл, раздались вопли. Пулеметчик открыл огонь по грузовикам. Валетов смял еще одну машину, проутюжил улицу гусеницами... Гитлеровцы перепрыгивали через борта, жались к хатам, к заборам... А из лесу уже шел в атаку партизанский взвод.

Завязался бой... Однако замешательство врага длилось недолго. Придя в себя и видя, что партизан немного, каратели осмелели. Их огонь становился все плотней. Партизаны отошли к лесу...

Оккупанты принялись наводить в селе «новый порядок», срывая злобу на мирных жителях. Их согнали на окраину деревни и заставили лечь лицом к земле... Обреченные люди уже прощались с жизнью, как вдруг грянули пулеметные очереди: Синичкин ввел в бой свои главные силы. По приказу комбрига партизаны, поддержанные бронемашиной, поднялись в атаку. Они выбили карателей из деревни и несколько километров преследовали их... Вряд ли пришлось кому-нибудь из этих трехсот фашистов выбраться из переделки, если бы к ним не подошло подкрепление — около шестидесяти автомашин с солдатами. Выгрузившись, они обрушились на фланги партизанских позиций.

«Хотят взять в клещи»,— склонившись над картой, определил Синичкин.

— Занять оборону по берегу Щары! — приказал комбриг.— Не пустим врага в лес!

Бой разгорался, становился все более ожесточенным. У гитлеровцев — несколько танков, батарея тяжелых орудий, переправочные средства. Вот враг приготовился форсировать реку, спустил на воду надувные лодки.

— Бить по лодкам! — пробежала команда.

И лодки не смогли отойти от берега. Меняя позиции, партизанская артиллерия вела непрерывный огонь.

Но силы были неравны. На исходе третьих суток боя в штаб вошел перевязанный окровавленными бинтами связной.

— Враг форсировал Щару! Булат отходит!

Комбриг понимал: более держать оборону нет смысла. Враг, обладающий резервами, рано или поздно одержит верх... Да и не партизанское это дело — бить в лоб. Надо обмануть врага, отходить в Грабский лес, где находится штаб бригады, отходить с боями, изматывая противника.

16 декабря Синичкин собрал командиров. Вместе с ними прибыли и комиссары отрядов.

Комбриг прошелся по землянке, затем остановился и долгим, изучающим взглядом, словно впервые видел этих людей, посмотрел на каждого. Исхудавшие, осунувшиеся от бессонницы лица. Но эти люди готовы биться с врагом до последнего.

«С такими можно в огонь и воду!» — подумал комбриг. От этой мысли у него потеплело на душе. Помолчав, он заговорил:

— Тактический замысел противника нам ясен, товарищи... Каратели хотят сбросить нас в Щару и Неман.

Синичкин снова посмотрел на своих подчиненных, стараясь понять, как они восприняли его сообщение. Все сидели спокойно. Один из командиров пробасил:

— Бабка еще надвое сказала — пусть попробуют.

— Одним словом, в целях сохранения сил приказываю: разделить бригаду на две группы, вывести ее из-под ударов противника. Прошу к карте! — Федор Михайлович жестом подозвал собравшихся к столу.

Водя карандашом, комбриг объяснял свой замысел. Отряды «Орлянский» и «Ворошиловский» под командованием майора Василевича отходят в направлении Налибокской

пущи. А отряды 3649 и Александрова прорываются к Пинским болотам. Их поведет сам комбриг.

Глухой декабрьской ночью бригада двинулась на прорыв. Шел снег вперемешку с дождем. Стояла напряженная тишина. Шли тропами, не отмеченными ни на каких картах. И почти без выстрела миновали линию вражеской обороны. Правда, когда бригада уже почти миновала кольцо, позади раздался собачий лай. Это каратели с овчарками преследовали партизан... Но было уже поздно. Комбриг приказал развернуть арьергард, и в коротком бою преследователи были смяты.

В боях с партизанами каратели потеряли более тысячи убитых и около четырехсот раненых. В бригаде же во время блокады погибло восемь партизан и лишь трое ранено.

Так и не достигнув цели, гитлеровцы убрались восвояси из Липичанской пущи.

Отряды вернулись к местам своих стоянок.

В душе Федора Михайловича — светлый праздник. Испытание боем бригада выдержала!

* * *

Под сенью высоких сосен стучат топоры, визжат пилы. Свежие стружки пахнут смолой. Партизанские строители сооружают землянки.

«Тут будет кухня, здесь — баня!» — комбриг по-хозяйски проходит по лагерю. Разные картины возникают перед его глазами. Вернувшись с задания, партизаны с шутками и смехом парятся в баньке, хлещут друг друга пахучими березовыми вениками. Силой и бодростью наливаются молодые тела, хоть и в болотах, в снегах живут, никакая хворь не берет.

В лагере строят портняжную и сапожную мастерские, парикмахерскую, госпиталь. Сам старый солдат, комбриг стремится облегчить суровый быт лесных бойцов...

Но главная забота Синичкина — боевая готовность.

— Дисциплина — мать победы! — нередко повторял он и твердой рукой наводил в бригаде армейские порядки, искоренял всякие «штатские» вольности.

Комбриг отменил выборность командиров. Теперь все они, начиная от командиров отрядов и кончая командирами отделений, назначались приказами. Всем, кто имел звания, комбриг приказал носить знаки различия. В бригаде

созданы партийная и комсомольская организации, назначен комиссар — кадровый армейский политработник Григорий Васильевич Макаров. В лагере налажен размеренный армейский быт. По вечерам выстраивался развод караулов. А днем шли боевые и политические занятия.

В партизанской жизни тоже произошли изменения. Каждому отряду комбриг выделил зону боевых действий, закрепил участки железных и шоссейных дорог. Создал группы минеров, организовал изучение подрывного дела. Особое внимание комбриг уделял разведке. В каждом отряде появились взводы конных и отделения пеших разведчиков.

В городах и местечках, в которых стоят вражеские гарнизоны, у командования бригады появились свои люди, созданы подпольные группы. Теперь Синичкин осведомлен обо всех намерениях врага. Немало важных сведений, добытых подпольщиками, партизанские радисты передают через фронт, командованию Красной Армии.

Самый крупный отряд № 3649 Федор Михайлович переименовывает в отряд «Победа», а «Орлянский» получает название «Борьба». Вскоре Синичкин установил связь с отрядами «Искра», «Балтиец», «Первомайский», которые тоже вошли в состав «Ленинской бригады». К маю сорок третьего бригада насчитывает шесть отрядов — более двух тысяч бойцов.

Для гитлеровцев «Ленинская бригада» стала сущим бедствием. Операции проводились одна за другой. Рвали «железку», мосты, валили столбы линейной связи. Ни один солдат в соседних вражеских гарнизонах не мог спокойно спать. Все лесные дороги находились под контролем партизан. В окрестных селах стояли партизанские заставы.

По сути дела, в зоне действия «Ленинской бригады» была восстановлена Советская власть. В марте 1943 года был создан Барановичский подпольный обком партии, а чуть позже — Шучинский межрайонный центр. «Ленинская бригада» поступила в его подчинение.

В «Ленинскую бригаду» приехал уполномоченный ЦК КП(б)Б и БШПД по Шучинскому межрайцентру С. П. Шупеня. Синичкин доложил ему о боевых действиях бригады.

— Молодцы! — похвалил партизан Степан Петрович.— Ваша помощь фронту ощутима!

Затем, улыбнувшись, сказал:

— Ну что ж, Федор Михайлович, поднял на ноги бригаду... А теперь берись-ка за другую.

— Других-то вроде нету,— насторожился Синичкин.

— Нету — так будут! На-ка почитай! — и Степан Петрович достал приказ межрайцентра.

Синичкин читал и глазам не верил: ему приказано выделить отряды «Искра», «Балтиец», «Октябрьский» и создать из них новую бригаду. Ее командиром назначался он, капитан Синичкин. Противоречивые чувства охватили Федора Михайловича. С одной стороны, он радовался тому, что будет еще одна бригада и, следовательно, возрастет сила ударов по врагу. И в то же время жаль расставаться с боевыми друзьями... Ведь сколько дорог пройдено вместе... Но приказ есть приказ.

Тепло попрощавшись с товарищами, Синичкин отправился к новому месту назначения. В короткое время он организовал новую бригаду. К концу сорок третьего она насчитывала восемьсот человек.

Как и в «Ленинской бригаде», Синичкин потребовал от партизан прежде всего активных боевых действий, учил их тому, как нужно воевать в тылу врага. И бойцы бригады имени Кирова — так назвали новое формирование — умело и дерзко били врага.

На станции Новоельня группа партизан из отряда «Октябрьский» под командованием Петра Снетко захватила маневровый паровоз. Высадив машинистов, Снетко разогнал паровоз и направил его на стоящий на станции воинский эшелон, а сам выпрыгнул. С огромной скоростью паровоз врезался в состав. Грянули взрывы. Семнадцать вагонов с боевой техникой и оружием превратились в груду искореженного металла.

В начале декабря сорок третьего года Синичкин доложил межрайцентру о том, как выполнил приказ. Бригада создана, ведет активные боевые действия. Только в сентябре—октябре 1943 года кировцы спустили под откос 26 вражеских эшелонов, уничтожили много гитлеровцев, взорвали более 20 железнодорожных и шоссейных мостов, около 500 рельсов. Федору Михайловичу разрешили вернуться в «Ленинскую бригаду».

И вот Синичкин снова с боевыми друзьями. Снова под его руководством штаб бригады разрабатывает план очередной операции. На этот раз решено уничтожить крупный, сильно укрепленный вражеский гарнизон в Руде Яворской. Здесь у гитлеровцев служат насильно завербованные местные жители. Это-то обстоятельство и решил использовать

Синичкин. По его заданию разведчики установили связь с насильно мобилизованными людьми. Выяснилось, что они горят желанием помочь партизанам и давно ушли бы в лес, но немцы пригрозили уничтожить их семьи. Житель Руды Яворской Николай Кулецкий сообщил о численности, вооружении, укреплениях гарнизона, о том, где расположены огневые точки и как враг несет охрану. Как сообщил Кулецкий, гитлеровцы уходят ночевать в дзоты и в подземные бункера.

— В земле захотели сховаться! Но мы и оттуда их выкурим,— усмехнулся комбриг.— Надо создать штурмовые группы — на каждый бункер по одной. А чтобы нам крови меньше пролить...— тут комбриг посмотрел на начальника штаба Шубина, обдумывая мысль.— Передайте Кулецкому, в караул пусть поставит своих.

В ночь на 19 марта 1944 года штурмовые группы скрытно вышли на исходный рубеж, на старое кладбище, неподалеку от Руды Яворской. В три часа пополуночи среди покосившихся крестов показался человек. Его тихонько окликнули. Это был Николай Кулецкий.

— Часовые — наши! — шепнул он Шубину, назначенному руководить штурмом Руды Яворской.

Миновав посты, партизаны бесшумно вошли в гарнизон. Группа под командованием В. Битько окружила бункер, в котором находились гитлеровцы. По его сигналу партизаны через печную трубу забросали бункер гранатами. Живым не вышел ни один враг.

Второй бункер штурмовала группа Шубина. Сильный огонь прижал партизан к земле. Из амбразуры строчил ручной пулемет. Шубин поднялся с гранатой. В тот же миг пуля ранила его. Но начальник штаба, превозмогая боль, все-таки метнул гранату. Прямо перед амбразурой полыхнуло пламя. Вражеский пулемет захлебнулся и смолк. Партизаны ворвались в бункер, завязалась рукопашная схватка. И вот уже несколько солдат противника рухнули мертвыми.

Остальные бункера сдались без боя. Партизаны захватили богатые трофеи, уничтожили около трех десятков вражеских солдат. А Николай Кулецкий и его товарищи стали с той ночи партизанами.

В начале июня 1944 года Синичкину снова пришлось расстаться с «Ленинской бригадой». На этот раз навсегда. Его вызвали в Москву, в Центральный штаб партизанского

движения. Уже без него партизаны встретились с наступающими частями Красной Армии.

Действуя в глубоком тылу гитлеровцев, «Ленинская бригада» нанесла им серьезный урон и послужила основой для создания еще четырех партизанских бригад. Она контролировала шесть районов Барановичской области. К довоенным наградам комбрига Федора Михайловича Синичкина добавились Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина.

В 1962 году Федор Михайлович умер. У него остались двое детей. Дочь, Екатерина Федоровна, вместе с матерью, Анной Ивановной, живет и работает в небольшом белорусском городке Слониме, в тех самых местах, где сражалась «Ленинская бригада». Сын, Михаил Федорович, служит в Советской Армии, подполковник, танкист. А в белорусских селах, там, где некогда начиналась война и пролегали пути «Ленинской бригады», и по сей день рассказывают о ее боевых делах и о славном комбриге — капитане Ф. М. Синичкине.

О. Симонова

КОММУНИСТ ЖИВЕТ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

(О Тимчуке И. М.)

Героя Советского Союза Ивана Матвеевича Тимчука я знаю много лет. Мы познакомились с ним в 1943 году на оккупированной фашистами Витебщине. В то время его назначили комиссаром 1-й антифашистской партизанской бригады. Обстановка была очень сложной. Враг бросал против партизан танки, самолеты, пушки. Над людьми нависла смертельная опасность. Нужно было быстро находить решение, чтобы выиграть бой или вывести с наименьшими потерями партизан из фашистского окружения. Иван Матвеевич умел это делать. В самые опасные минуты в его глазах не было ни тени страха, голос звучал спокойно, твердо.

Во время войны, особенно в сорок третьем и сорок четвертом годах, на Витебщине вовсю пылало пламя партизанской борьбы, и карательные экспедиции снаряжались фашистами против партизан одна за другой. Бригада Алексея Данукалова держала с

1-й антифашистской локтевую связь. Участки, которые отстаивали партизаны от натиска фашистских оккупантов, находились рядом. Я не раз слышала приказы и распоряжения комиссара бригады Ивана Матвеевича Тимчука. Они были кратки, до предела ясны. Комиссар действовал энергично, решительно. Бойцы беспрекословно выполняли его распоряжения. Они уважали и любили этого молчаливого, очень скромного человека, который не бросал на ветер лишних слов.

Узнала я также о заслугах Ивана Матвеевича в годы гражданской войны, и мне хочется поподробней рассказать о его большой, интересной жизни.

* * *

Село Грушка Тулмачского района Ивано-Франковской области считается одним из красивейших мест. Оно раскинулось в предгорье Карпат, на правом берегу Днестра. Здесь, в помещичьем имении Тудоривка, в 1901 году в семье машиниста винокуренного завода Матвея Тимчука родился первенец. Его назвали Иваном. За первым ребенком рождались один за другим братья и сестры. Всего в семье Матвея Тимчука было ни мало ни много — восемь ртов. А как прокормить такую ораву, когда Матвей, работая на помещика, получал в месяц всего три пуда хлеба и пять рублей медяками.

Стукнуло Ивану тринадцать лет, и отец сказал ему:

— Трудно мне. Сам видишь, как трудно. В помещичьем имении работу предлагают. Иди, начинай...

И пошел Ваня чернорабочим. В тринадцать лет с утра до вечера трудился и зарабатывал двенадцать с половиной копеек в день. В 1914 году грянула империалистическая война. Отца забрали в солдаты. Шли годы. Подрастали сестры и братья Ивана и тоже уходили на сторону зарабатывать кусок хлеба. В 1917 году Иван покинул родное село и подался на Мелитопольщину искать хлеба и счастья. Батрачил у кулаков.

Когда началась гражданская война, вместе со своим другом, тоже батраком, Сашей Королевым вступил Иван в ряды Красной Армии. Вскинули они на плечи винтовки и пошли вместе с другими добывать своему народу свободу и землю.

Летом девятнадцатого года Иван Тимчук уже командовал отделением разведки. Не раз пуля и штык белогвар-

дейцев выводили его из строя. Лечился в госпиталях. Выздоравливал и снова шел бить врагов Советской власти. 37-й полк 7-й Самарской кавалерийской дивизии, в котором служил Тимчук, громил белогвардейцев, засевших в Крыму, форсировал Сиваш, уничтожал банды Махно, Тютюнника и других врагов Советской власти.

Фронтовая жизнь закалила Ивана Тимчука. Сколько раз, вскинув над головой отточенный клинок, мчался он со своими однополчанами на врага, не раз выходил из окружения, добывал «языка».

Думал навсегда связать свою жизнь с Красной Армией. Уже окончил саперные курсы, а затем Смоленское военно-политическое училище. В 1924 году вступил в ряды Коммунистической партии, а через два года из-за болезни демобилизовался. Считал, что с армией покончено, что никогда уже ему не придется в руки взять оружие, не предполагал, что опыт, приобретенный на фронтах гражданской войны, и знания, полученные в военно-политическом училище, ему здорово пригодятся.

...После освобождения Западной Белоруссии от панской Польши Иван Матвеевич руководил в Молодечненской области зверосовхозом. Это было крупное предприятие, в котором разводили серебристо-черных лисиц. Оно давало чистой прибыли в год около двух миллионов рублей.

В то памятное для всех советских людей воскресенье в июне сорок первого Иван Матвеевич собирался поехать в Минск, чтобы в понедельник утром решить ряд неотложных дел. Нужно было закупить для рабочих и служащих совхоза путевки в дома отдыха и санатории, книги для библиотеки, киноаппарат совхозному кинотеатру. Но уехать не пришлось: в двенадцать дня рабочие и служащие совхоза с суровыми, полными решимости лицами слушали по радио речь В. М. Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз.

24 июня из райкома пришло распоряжение эвакуировать семьи, а на другой день в расположении зверосовхоза появились фашисты.

Иван Матвеевич вскочил на коня. Он решил добраться до Крайской погранзаставы, чтобы оттуда пойти на фронт. Одет был в полувоенную форму, за спиной — карабин, на поясе — наган. Скакал к границе, торопился. Скорее к своим, на фронт, в бой...

На погранзаставе Ивана Матвеевича задержали и от-

правили в райком партии к первому секретарю Плещеницкого райкома партии Р. Н. Мачульскому. Но в то время они друг друга не знали.

— Некогда мне с ним возиться,— махнул рукой Мачульский,— отправьте в милицию.

Работники милиции ничего подозрительного в личности Тимчука не установили, и его снова послали в райком. Во дворе Мачульский раздавал оружие. Люди, получив винтовки, тут же уходили. Увидев Тимчука, Мачульский с недоумением пожал плечами.

— Опять ты здесь? Чего тебе надо?

— Верните мне оружие,— сказал Иван Матвеевич,— я не понимаю, почему вы мне не доверяете?

Всегда молчаливый, сдержанный, Тимчук чуть было не вспылил, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в это время к ним не подошел только что приехавший в Плещеницы председатель Логойского райисполкома Зайцев. Он хорошо знал Ивана Матвеевича и радостно его приветствовал.

— Ну и отлично,— с облегчением вздохнул Мачульский,— не обижайся. Война. Граница рядом. Каждый новый человек для нас — загадка.

В первых числах июля Иван Матвеевич с партийными и советскими работниками ушел в Холопеничи. Здесь поступило распоряжение создавать подпольные группы из коммунистов и отправлять их для организации партизанского движения за линию фронта. Из тридцати коммунистов трое решили податься в Логойский район: инструктор Логойского райкома партии Иван Станкевич, член бюро райкома партии Петр Кузнецов и Иван Тимчук. Перед группой была поставлена задача — пробиться в тыл врага, связаться с коммунистами, поднимать народ на борьбу с фашизмом.

Ночь, перед тем как перейти линию фронта, провели на сеновале. На рассвете их подняла длинная пулеметная очередь, разрывы снарядов. Мимо сарая, в котором Тимчук и его товарищи провели свою последнюю ночь на свободной советской территории, промчались упряжки с сорокапятимиллиметровыми пушками. На опушке леса их установили и начали обстреливать гитлеровцев.

Трое коммунистов, не ожидая, когда фашисты войдут в город, углубились в лес. Линию фронта переходить не пришлось.

* * *

Лесная глушь. Сюда, в лес Логойского района, Тимчука и Кузнецова привел Иван Станкевич. В ближайших деревнях живут свои люди. Узнав, что Логойский райком партии обосновался теперь в лесу, что он будет работать в глубоком подполье, люди охотно согласились стать живыми «письмами», обойти все окрестные деревни, сообщить коммунистам, оставшимся в оккупации, что 12 июля 1941 года в лесу, недалеко от деревни Ляды, состоится первое нелегальное партийное собрание.

Собралось немного — одиннадцать. Но, учитывая обстановку, можно было примириться пока с таким количеством. К этому времени в районе уже действовала фашистская полевая комендатура. В волостях гитлеровцы создавали полицейские участки. Везде на видных местах висели фашистские объявления: за убийство немецкого солдата расстреляют пятьдесят человек, за порчу связи пострадает столько же, за хранение оружия тоже смерть.

Население не выходило из своих домов. Большинство мужчин на регистрацию не явилось. В такой обстановке связаться с остальными коммунистами, конечно, было нелегко.

Собрание открыл Иван Станкевич.

— С вами будет говорить,— сказал он,— участник гражданской войны, коммунист с 1924 года Иван Матвеевич Тимчук.

Тимчук говорил просто, коротко и ясно. Он передал указания партии и правительства об организации партизанской борьбы в тылу врага. Ни сам Иван Матвеевич, ни его товарищи даже не предполагали, какую огромную роль для развития их общего дела сыграет это немногочисленное первое подпольное партийное собрание. Расходясь по деревням и селам, коммунисты знали теперь, что надо делать.

К осени сорок первого года в районе действовало уже несколько партизанских групп, объединяя более сотни бойцов, которыми командовали попавшие в окружение командиры Красной Армии. Упорство, волю, активность, смелость и настойчивость проявляли и сами организаторы — Тимчук, Станкевич, Кузнецов. Они смело шли от деревни к деревне, от одной группы к другой на связь с подпольщиками, по нескольку дней жили под чужими фамилиями.

Как-то раз пробирались по лесу. В карманах — листовки. Их сбросили советские летчики. Повстречались с трактористом Василием Козичем. Бросился он обнимать Ивана Матвеевича, смеясь от радости, восклицал:

— Вот так встреча, вот так радость!.. Пошли ко мне. Обносились вы, оборвались. Одену, обую, накормлю и в баньке попаритесь.

Да, конечно, это была счастливая встреча. С Василием Козичем Тимчук когда-то работал в совхозе «Большевик» Минского района. Козич жил недалеко. Его дом стоял немного в стороне от деревни Боровляны.

— А ты чего тут делаешь? — спросил Козича Иван Матвеевич.

— Оружие закапывал,— кивнул в сторону Козич.— Две винтовки. Недалеко грузовая машина стоит. В ней — обмундирование. Надо к рукам прибрать. Нашим пригодится.

С этого дня дом Козича стал для Станкевича, Тимчука и Кузнецова явочной квартирой. Здесь они узнали, что в Минске осталось много коммунистов. Некоторые объединились в подпольные группы. На квартире Козича Иван Матвеевич и его друзья встретились с заведующим Минским райземотделом С. Зайцевым и директором лесхоза С. Омельянюком, а также с их товарищами В. Жудро, В. Омельянюком.

В ноябре сорок первого года в Минске на квартире Владимира Степановича Омельянюка коммунисты-подпольщики Тимчук, Зайцев, Жудро, Макаренко собрались, чтобы обсудить вопрос о дальнейшем развитии партизанского движения. Дело в том, что небольшие группы партизан были плохо вооружены и не могли причинить фашистским гарнизонам большого вреда. На совещании решили: мелкие группы объединить в один партизанский отряд под командованием майора В. Т. Воронянского — отряд Дяди Васи. Комиссаром отряда утвердили А. Макаренко, а руководство партийной организацией и подпольными группами Логойского района возложили на И. М. Тимчука.

В марте сорок второго года в отряде Воронянского насчитывалось уже более трехсот бойцов. Люди были хорошо вооружены. Боеприпасов заготовили также достаточно. На одном из партийных собраний решили проводить крупные боевые операции.

За короткое время партизаны отряда ликвидировали полицейские участки в селе Белоручье, в деревнях Корень,

Слобода и Янушковичи, в Крайске и других населенных пунктах. В конце марта удачно провели несколько боевых операций. Расскажу подробно о двух.

Группу в пятнадцать человек повел к железной дороге секретарь партийной организации отряда, руководитель подпольных групп Иван Матвеевич Тимчук.

Группа в своем большинстве состояла из минских рабочих и железнодорожников. Ночью тайными тропками они подошли к станции Княгинин. В те дни стояли сильные, необычные для того времени морозы. Выставив из шести человек заслоны, Иван Матвеевич с остальными поднялся на железнодорожное полотно. Начали развинчивать гайки, вынимать костыли и «расшивать» путь. Два раза пришлось бросать работы, чтобы пропустить поезда. Но вот отвернули последний болт, отодвинули рельс в сторону, прикрепили его костылями к шпале и быстро отошли. Все очень волновались. В любое время мог появиться фашистский патруль и обнаружить повреждение. К счастью, ждать пришлось недолго. Со стороны станции раздался глухой гудок паровоза. Быстро сняли боковое охранение и приготовились к бою.

Замелькали огоньки. Поезд шел примерно пятьдесят-шестьдесят километров в час. Он с двойной тягой: впереди и сзади по паровозу. Состав смешанный: теплушки и товарные вагоны. Освещенный луной, эшелон был хорошо виден партизанам. Вот он уже у разобранных рельсов. Раздался страшный треск, перевернулся паровоз. Передние вагоны вздыбились и на глазах разлетелись в щепки...

Когда партизаны пришли в лагерь, они узнали еще об одной удачной операции. В местечке Хотенчицы группа партизан во главе с командиром первой роты Антоном Кердуным разгромила заготовительную корпусную базу и взяла в плен гитлеровского обер-лейтенанта. Партизаны привезли в лагерь около пятисот пудов мяса, ветчины и колбасы, три мешка белой муки, пригнали несколько десятков голов скота...

Оккупанты всполошились. В ближайших от Руднянского леса деревнях гитлеровцы поставили гарнизоны. Связные то и дело доносили, что в отряд засылаются фашистские шпионы. Начались провалы в минском подполье. В это время в Минск ушел комиссар отряда А. Макаренко, чтобы предупредить подпольщиков о появившемся у них провокаторе. Он успешно справился со своей задачей, но на одной

из явочных квартир вместе с Василием Жудро попал в засаду. Фашисты их убили.

На плечи Ивана Матвеевича легла еще одна обязанность. Он становится комиссаром отряда. Обстановка усложнилась. Оккупанты окружили лес и на всех выходах из него устроили засады.

— Надо уходить,— сказал Ивану Матвеевичу командир отряда Воронянский.— Надо прорваться.

— Не будем терять людей,— предложил Воронянскому комиссар,— попробуем ночью проскочить мимо вражеских постов по разлившейся реке. Она затопила луга. Там не очень глубоко. Думаю, что нам это удастся.

Так и сделали. Нагрузившись остатками продовольствия, партизаны в два часа ночи покинули базу. Пять километров брели по затопленным местам, к трем часам дня находились от лагеря в двенадцати километрах. В это время гитлеровцы ворвались в лес, но нашли лишь опустевшие землянки...

Триста вооруженных партизан — не иголка в стоге сена. Они не могли пройти так, чтобы их никто не заметил. Опять ночью совещались командир и комиссар отряда. Высокий, худощавый Василий Трофимович Воронянский, кадровый офицер, был под стать комиссару, такой же спокойный, выдержанный, всегда подтянутый. Вырос он на Полтавщине и часто вполголоса напевал украинские песни.

— Будем маневрировать,— решил он,— ударим с ходу по фашистам и уйдем.

С этого дня отряд почти все время находился на марше. По пути громил вражеские гарнизоны, устраивал засады, пускал под откос железнодорожные эшелоны.

В начале мая разведка отряда встретилась в деревне Заречье Плещеницкого района с вооруженными незнакомыми людьми. Это оказалась спецгруппа полковника Станислава Алексеевича Ваупшасова (Градова). Группа имела рацию. Значит, можно связаться с Большой землей. Партизаны радовались.

Воронянский и Тимчук сообщили Центральному Комитету Коммунистической партии Белоруссии о существовании отряда и его боевых делах. В тот же день получили ответ за подписью Петра Захаровича Калинина. В нем говорилось, что командиром отряда утверждается В. Т. Воронянский, комиссаром — И. М. Тимчук, начальником штаба — П. А. Серегин. Отряду присваивается имя «Мститель».

В его составе к этому времени насчитывалось более четырехсот бойцов, а среди них почти сто пятьдесят коммунистов.

Два дня длилось открытое партийное собрание отряда с участием в нем группы Станислава Ваупшасова. Суровые лица партизан освещались радостной улыбкой, когда они в полнейшей тишине на лесной поляне слушали неторопливые рассказы о жизни советского тыла, о людях, которые трудились, не считаясь со временем, чтобы обеспечить нужды фронта, о родной Москве, о том, какой отпор получает гитлеровская армия на фронтах Отечественной войны.

А как был рад Иван Матвеевич. Он знал силу слова, понимал, как нужен этот рассказ о Москве, о жизни советских людей, о фронте партизанам, измотанным постоянными стычками с фашистами, оторванным от родной земли. Многие партизаны не знали, где и как живут их родные. Рассказ Градова, словно животворная струя, поднимал настроение бойцов...

Партизаны группами уходили на боевые задания. Они действовали в северной части Минской и восточной части Молодечненской области, устраивали засады, взрывали машины на дорогах, пускали под откос вражеские эшелоны.

В штабе отряда кипела работа. Десятки связных приходили с донесениями, получали новые указания, уходили обратно.

Тимчук часто встречался с коммунистами и комсомольцами, которые руководили в селах подпольными организациями. Принимал и направлял в Минск связных, диверсантов, разведчиков, выезжал на переговоры с лицами, служившими в фашистских учреждениях, подбирал политработников в отряды, выезжал в парторганизации других отрядов.

К этому времени в отряде начала действовать первая лесная подпольная типография. В ней печатались сводки Совинформбюро и листовки, которые распространялись в Минске и среди населения сел и деревень.

* * *

Никогда не забудется бой под Валентиновом...

Партийная организация отряда «Мститель» договорилась с партизанами С. А. Ваупшасова провести межотряд-

ную партийную конференцию, которая открылась 15 июля 1942 года. В ней приняли участие более ста коммунистов — представители партизанских отрядов и групп Логойского, Червенского, Смолевичского, Плещеницкого, Куренецкого, Ильянского районов. Конференция длилась три дня. Коммунисты обменивались опытом проведения боевых операций, обсуждали вопросы развития партизанского движения, организации подпольных групп, широкого охвата населения политико-массовой разъяснительной работой, строгого соблюдения революционной законности.

В полночь из-за линии фронта прилетели советские самолеты и сбросили мешки с оружием, боеприпасами и медикаментами. В одном из мешков оказались журналы и газеты. Все это заметно подняло настроение участников конференции. Оружие решили распределить по отрядам поровну, как только закончится конференция.

На третий день конференции около двенадцати дня прибежали постовые и сообщили, что десятка три грузовых автомашин с гитлеровцами остановились у хутора Валентиново. Через несколько минут — новое сообщение:

— Фашисты строем идут к лесу.

В лагере в это время находилось примерно около двухсот партизан. Остальные разошлись на боевые операции. Вооружены были также и участники конференции. Всего насчитывалось триста с лишним человек. А фашистов шло на партизан гораздо больше. Но уходить некуда. На всех выходах гитлеровцы оставили свои заслоны.

— Иван Матвеевич,— отвел в сторону Воронянский комиссара,— твое мнение?

— Надо драться,— сказал комиссар,— организуем засады. Пропустим фашистов и возьмем в клещи... Они ведь не знают еще, что такое партизаны в лесу.

— В ружье! — скомандовал командир.

Партизанам быстро раздали сброшенное самолетом оружие и боеприпасы. В это время на конференцию прибыл еще и отряд «Борьба», которым командовал старший лейтенант Сергей Долганов.

Начальник штаба отряда «Мститель» вместе с комиссаром и командиром организовали засаду в виде подковы. Отряд Воронянского занял левый фланг, «Борьба» — правый. Участники конференции — в центре «подковы». Все замаскировались: кто в кустах, кто спрятался за толстые

стволы деревьев, большие камни, а некоторые забрались на деревья.

Было около трех часов жаркого июльского дня. Фашисты шли цепью. На всех — черная форма. На фуражках — устрашающие белые черепа. Эта же эмблема смерти сверкала и на рукавах жандармских мундиров. Они шли твердым шагом, с непроницаемыми лицами, не подозревая, что смерть, которой угрожали другим, уже стояла возле них.

Иван Матвеевич и Воронянский лежали рядом. Тимчук смотрел на офицера, который вел своих подчиненных в бой на партизан. Он шагал впереди своих солдат.

— Сигналь, Вася,— подсказал комиссар,— пора!..

Воронянский поднял маузер, прицелился в офицера и выпустил в него почти всю обойму. Фашист упал.

Что тут началось! Со всех сторон на гитлеровцев посыпался град пуль. Василий Манников, сидя на елке, разил врагов из ручного пулемета, Андрей Волынец, замаскировавшись в кустах, косил фашистов из «максима». В первые же минуты боя партизаны уничтожили более ста гитлеровцев, остальные каратели, прижимаясь к земле, поползли назад. За сорок пять минут боя фашистский карательный батальон был уничтожен.

На второй день бойцы отряда «Мститель» провожали гостей. Перед тем как расстаться, решили прослушать сводку Совинформбюро:

«Партизаны отряда, действующие в Минской области, разгромили фашистский карательный отряд...»

Все с благодарностью посмотрели на Станислава Ваупшасова. Это он сообщил на Большую землю по рации о партизанской победе.

Стало известно, что большое количество карателей собралось около хутора Валентиново. Решили рассредоточиться. Группа Градова ушла по своему маршруту, а отряд «Мститель» отправился на старые, обжитые места в Руднянский лес. К концу июля отряд значительно вырос. В нем насчитывалось уже около шестисот партизан. Они совершали дерзкие налеты на гарнизоны противника. И как только ни охраняли враги железнодорожное полотно, эшелоны один за другим летели под откос. На шоссейных дорогах то и дело подрывались вражеские машины. К августу сорок второго года в деревнях уже не стояли вражеские гарнизоны. Партизаны загнали их в районные центры.

Боевые дела логойских партизан стали известны Центральному Комитету КП(б)Б. Начальник отдела кадров Белорусского штаба партизанского движения подполковник Виталий Романов писал: «...группой отрядов, где комиссаром тов. Тимчук, пущен под откос 21 эшелон с живой силой и техникой противника, взорвано 27 мостов на магистрали и шоссейных дорогах... истреблено 17 немецких офицеров, около 500 немецких солдат...»

Росло и ширилось партизанское движение за счет резервов, созданных подпольными организациями. Много работать приходилось комиссару отряда и секретарю Логойского подпольного райкома партии Ивану Матвеевичу Тимчуку.

Основная база, где подпольный комитет проводил свои заседания, располагалась в лесу, на границе Логойского и Плещеницкого районов, на берегу озера Дикое. Подходы к землянкам знали только члены райкома, комиссары и командиры отрядов. Путь проходил через топкое болото, по кладкам, которые тот, кто шел, убирал и прятал в камышах. На берегу озера были вырыты три добротные землянки.

Иван Матвеевич жил в землянке вместе с членами райкома Афанасием Фурсом, Макаром Бубаром, Павлом Марцинкевичем. Вторую землянку занимала подпольная редакция с типографией. В ней жили редактор Иван Муравицкий и корреспондент Бронислав Сосновский. Вместе со своей сестрой Сабиной Сосновский под руководством Тимчука сумел наладить выпуск подпольных газет и листовок.

В третьей землянке расположились радистки. Три Веры и одна Дуся. А потом к ним пришли еще три. Радистками руководил капитан Иван Рыбаков. Райком партии имел через рации связь с Большой землей и с подпольными организациями Минска, Молодечно, Вильнюса.

Иван Матвеевич редко ночевал в землянке. Основным местом для его встреч с людьми была мельница возле деревни Рудня. Здесь работал мельник Петр Кукс с женой и дочерью. К нему приходили люди, называли пароль:

— Нельзя ли у вас купить пудик хлеба?

— Немного есть,— отвечал мельник и вел связных в заднюю комнату своего дома.

В начале 1943 года Тимчука освободили от должности комиссара отряда «Мститель», так как слишком много времени требовалось для организации подпольной партийной работы.

* * *

Это было в конце августа 1943 года. В землянку, где Иван Матвеевич проводил очередное заседание подпольного райкома, вошла радистка.

— Вам радиограмма из Центрального штаба партизанского движения,— сказала девушка Тимчуку.

Ивана Матвеевича вызывали в Москву. Затем пришла еще радиограмма, в которой в Москву вызывались также Василий Трофимович Воронянский, Алексей Михайлович Захаров, Дмитрий Ильич Кеймах и еще несколько человек. Две недели на аэродроме ожидали самолет. А когда он прилетел и все пассажиры уже сидели в нем, опять прибежала радистка. Она протянула Ивану Матвеевичу еще одну радиограмму. В ней говорилось о том, чтобы Тимчук от полета в Москву воздержался.

На другой день Иван Матвеевич Тимчук получил назначение комиссаром 1-й антифашистской бригады. На новом месте от прибывших в бригаду из-за линии фронта он узнал печальную весть. Самолет, на котором полетели в Москву его боевые друзья, был сбит фашистами между Витебском и Полоцком. В этот день Иван Матвеевич не мог ни работать, ни спать, ни есть. Погибли боевые товарищи. С ними начиналась партизанская тропа. И как много они сделали для того, чтобы она превратилась в широкую дорогу...

Работая комиссаром бригады, И. М. Тимчук за короткое время сумел сплотить и мобилизовать личный состав на выполнение боевых задач по разгрому оккупантов. В боях и засадах партизаны бригады уничтожили много фашистских солдат и офицеров, а также изменников Родины, вывели из строя не менее двадцати пяти километров железной дороги, подорвали восемь эшелонов противника, более двадцати броневиков, около сотни автомашин.

...Три года И. М. Тимчук провел в тылу врага, где каждый день его жизни был пронизан одной мыслью — сделать как можно больше для освобождения Родины. Советское правительство и Коммунистическая партия высоко оценили мужество и героизм Ивана Матвеевича. 1 января 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

В. Ванькович

КОГДА ЛИТВУ ТЫ ЛЮБИШЬ

(Об Урбанавичусе Б. В.)

Красная гвоздика

Солнце клонилось к закату. Над небольшим городком Швенченисом плыли редкие облака. Был тихий осенний вечер. На тротуарах и у подъездов домов, на главной площади толпились люди. На лицах многих из них — глубокая скорбь. Внезапно тишину нарушил возглас:

— Веду-у-ут!..

В окружении охранников человек шел спокойно, с гордо поднятой головой. Он был молод, среднего роста, светловолос. У поворота, где особенно тесно стояли мужчины и женщины, кто-то из толпы протянул арестованному красную гвоздику. Он схватил ее и, не замедляя шага, воткнул в лацкан пиджака, приветливо помахал рукой. Шествие замыкали две телеги. На первой — полулежал человек, с лицом, еще хранившим следы недавних жестоких пыток. На второй — стояли два гроба из неотесанных досок. С центральной улицы эта процессия

свернула в переулок, а вскоре путь ей преградила кладбищенская стена.

Могила еще не была готова, но офицер конвоя отделился от группы судебных чиновников и, растягивая слова, начал читать приговор. Дойдя до последней строчки, он оторвал взгляд от бумаги и, делая ударение на каждом слоге, произнес: «Расстрелять!»

Первым подошел к яме молодой человек, на груди которого ярко пламенела гвоздика. Он отстранил жандарма, пытавшегося завязать ему глаза, окинул смелым взглядом солдат, толпу людей и громко крикнул:

— Да здравствует Коммунистическая партия! Мы погибаем за светлое будущее рабочих и крестьян!

Грянул ружейный залп. За ним второй. Люди стояли, опустив головы. Кто-то громко плакал, кто-то всхлипывал.

Жандармы сели на телеги и, делая вид, будто вокруг нет ни души, отправились в обратный путь. На кладбище снова наступила обычная тишина.

Бронюс вцепился в отцовские домотканые штаны и с ужасом глядел в его мокрые от слез глаза. Для мальчишки было непонятно, почему убили людей? Почему никто не защитил их?..

Винцас Урбанавичус долго стоял у свежей могилы, затем поднял сына на руки и, прижав к груди, широко зашагал к дому. А когда над Швенченисом сгустились сумерки, квартиру Урбанавичусов заполнили незнакомые люди. Из обрывков фраз, долетевших до мальчишки, он узнал, что расстрелянные два человека были их друзьями, мужественными и храбрыми.

Шли годы. За это время мальчишеская память сохранила не так уж много. Но тот день в начале двадцатых годов, когда польские жандармы расстреляли двух коммунистов, ясно и отчетливо стоял перед глазами Бронюса. Теперь ему было уже известно, что это были за люди, за что они боролись. Рано испытав голод и нужду, юноша с ненавистью смотрел на окружающий его мир. Бронюсу не было и восьми лет, когда его отдали в пастухи.

Шесть лет батрачил Бронюс у кулаков. За эти годы перенес немало тяжкого, унизительного. Каждый день надо было думать, как бы избежать побоев. Спал рядом со скотом, вместе со слезами глотал куски, что бросали хозяева.

Одно утешало мальчишку — вера в будущее. Отец не раз говорил, что голоду и нужде придет конец, наступит

день, когда люди прогонят богачей, кулаков-мироедов, и народ вздохнет свободно...

И мечта эта сбылась!

Летом 1940 года литовский народ сверг ненавистный буржуазный режим и вошел в дружную семью братских советских республик. Радость этих дней была велика. И Бронисловас Урбанавичус с жаром включился в строительство новой жизни. Вступил в комсомол, начал работать в Швенченисе, затем переехал в Вильнюс, где и застала его Великая Отечественная война.

Когда Литву ты любишь...

Этот небольшой городок на берегу великой русской реки Волги хорошо знаком трудящимся Неманского края. Здесь в час нависшей над страной угрозы встретились лучшие сыны Литвы, чтобы, собравшись вместе, грудью встать на защиту Отчизны. В декабре 1941 года началось формирование 16-й Литовской стрелковой дивизии. В ее рядах проходил подготовку и Бронисловас Урбанавичус. Учился он старательно, но молодой воин сильно скучал по родному краю. Покидая столицу молодой республики, он поклялся вернуться в Вильнюс только с победой.

В те дни воины дивизии распевали песню народного литовского поэта Людаса Гиры:

Когда Литву ты любишь,
Спеши в отряд, сосед,
В сраженье за свободу
Для трусов места нет.

С некоторых пор Бронисловас Урбанавичус стал настойчиво проситься в отряд, рвался туда, где под фашистским сапогом стонал родной народ. Наконец просьба солдата была уважена. С присущей ему энергией он взялся за изучение партизанского подрывного дела. И когда начал собираться первый отряд для действий в Литве, курсант немедленно подал рапорт, чтобы отправили и его в тыл врага. Начальник школы С. Малинаускас внимательно выслушал Бронисловаса и отказал. Он всячески старался утешить воина.

— Придет и твой черед, Бронюс. Вот подготовишь одну группу и махнешь через фронт.

Однако работа вдали от передовой никак не устраивала Урбанавичуса. Прошло немало времени, прежде чем сбылась мечта комсомольца.

Весна 1943 года. Воспрянув от зимнего сна, земля благоухала. Цвели сады, на полях поднималась поросль озимых. Вот мимо окон вагона проплыла березовая роща. Стройные деревья уже оделись в листву. Их бирюзовые ветви раскачивал ветер, и Брониславасу казалось, что они посылают партизану прощальный привет. Война не коснулась этих мест, но ее дыхание чувствовалось во всем. На станциях пассажирский поезд часто обгоняли эшелоны с военной техникой, на полях трудились подростки, старики и женщины.

Враг давно уже был отброшен от Москвы, столица жила привычной размеренной жизнью. Лишь белые бумажные полоски, наклеенные на стекла окон, да большое количество военных на улицах говорили о том, что там, на западе, идут сражения. Брониславас долго ходил по улицам, жадно всматривался в черты незнакомого города, стараясь навсегда сохранить в своем сердце полюбившуюся Москву.

В Москве быстро пролетели дни. Получив оружие, литовские партизаны собрались на аэродроме. В ожидании самолетов томительно тянулось время. Наконец последовала команда приготовиться к посадке. Группа из тридцати шести человек построилась на зеленом поле. Короткие напутствия представителей штаба партизанского движения, друзей, и патриоты, разделившись на две группы, заняли места в планерах.

Взревели моторы самолета. Планер, в котором находился Брониславас со своими товарищами, вздрогнул и заскользил по ночной росе. Партизаны, тесно прижавшись друг к другу, молчали. Тусклая лампочка едва освещала сосредоточенные лица...

Через некоторое время под крылом замелькали всполохи орудийных разрывов, огненные нити трассирующих пуль бесшумно потянулись в темное, ночное небо. С высоты было отчетливо видно направление ударов. Такой предстала линия фронта перед воздушным десантом.

Неожиданно тишину нарушил звонкий голос Марите Мельникайте. На высоте нескольких сот метров поплыла торжественная мелодия песни-клятвы «Священная война». Постепенно голоса слились в единый хор.

Песня лилась в поднебесье. Но вот пилот планера подал

знак. И снова наступила тишина. Первые лучи солнца легли на белорусскую землю. Под крылом проплыло небольшое озеро, излучина реки. Это был пункт посадки. Планер плавно начал приземляться. И вот он уже, словно спотыкаясь, подпрыгнул несколько раз и застыл у опушки леса.

Здравствуй, партизанская земля!

В родном краю

Партизанский аэродром находился в лесном массиве треугольника Невель—Россоны—Усачи. Не успели десантники встать на землю, как оказались в объятиях белорусских друзей. Каждый из них спешил задать вопрос:

— Давно из Москвы? Привезли свежие газеты?

Хозяева приняли литовцев как братьев.

Немного отдохнув, отряд направился в Литву. Путь оказался нелегким — предстояло пройти около трехсот километров по оккупированной земле. Группу повел Стасис Апивала и два белорусских партизана-проводника. Первая встреча с врагом, первые потери произошли при переправе через Западную Двину. И хотя бой был скоротечным, он многому научил партизан.

Наконец литовцы достигли своей цели — Казянских лесов. Огромный массив давно стал родным домом для бригад имени Ворошилова, имени Жукова, «Спартак»! Теперь здесь организовалась литовская бригада «Жальгирис». 16 июня 1943 года был создан партизанский отряд «Вильнюс», который возглавил Стасис Апивала, друг Бронисловаса Урбанавичуса. И снова в поход, на этот раз в Адутишские леса, находящиеся близ Швенчениса.

Группа подрывников под командованием Б. Урбанавичуса быстро освоилась в новой обстановке. В лагере с большой симпатией относились к подрывникам. Слово «подрывник» в отряде звучало для всех как синоним мужества, находчивости и смекалки.

На первое задание Бронисловас вышел с группой подрывников. Бойцы под покровом ночи достигли железнодорожного полотна и стали внимательно прислушиваться к голосам гитлеровцев, доносившимся из бункера. Вот железная дверь распахнулась, и в проеме появились два фашиста. Они взошли на полотно и направились в сторону

партизан. Урбанавичус и Владас Бовшис прильнули к мокрой земле. Вдруг по кустам ударила автоматная очередь. Мелькнула мысль, что их заметили, но патруль прошел мимо. Постовые просто давали знать, что железная дорога охраняется. Шаги утихли. Партизаны взобрались на полотно, и через несколько минут мина лежала под рельсом.

Скоро со стороны Вильнюса послышался грохот состава. Партизаны, затаив дыхание, ждали взрыва. Но поезд миновал заминированный участок дороги. Бронисловас с досадой посмотрел в сторону удаляющегося эшелона, приказал товарищам ждать, поднялся с земли, бросился к заминированному месту. Почему нет взрыва? Через три-четыре минуты он вернулся.

— Не пропадать же добру, — сказал Бронисловас, неся тяжелый заряд тола. — Придется перейти на взрыватели натяжного действия. Батарейка оказалась слабой, и мина не сработала, — с сожалением заключил Урбанавичус.

В дальнейшем дело пошло лучше. Чаще и чаще взлетали на воздух вражеские эшелоны, мосты, линии связи. И во всем этом угадывался «почерк» Бронисловаса Урбанавичуса. Однако командир подрывников был не доволен своей работой. Уж слишком часто, по его мнению, безнаказанно проскакивали поезда по линии Вильнюс—Ленинград. Посоветовавшись с командиром отряда и начальником штаба, он решил организовать несколько мелких диверсионных групп и одновременно ударить по врагу на большом участке дороги.

Охотников нашлось немало. Отряд усилил разведывательную работу. Ежедневно в штаб стекались сведения о дислокации фашистских войск, охране важных объектов. Прошло менее двух недель, и партизаны стали собираться в путь.

Раннее утро. В землянке идет совещание, обсуждается приказ Литовского штаба партизанского движения — всем отрядам приступить к подрыву железных дорог, мостов, шоссе. Б. Урбанавичус обращается к присутствующим:

— Товарищи, мы договорились с руководством бригады белорусских партизан «Спартак» о том, что наш отряд займет железнодорожный участок Дукштас—Игналина и Поставы—Адутишкес. Пора действовать. Думаю, что подрывники успешно выполнят поставленную задачу. Предлагаю сегодня же выступить.

Тихий вечер. Лучи солнца уже коснулись верхушек сосен, прохладная тьма окутывала лес. В лагере оживление: минеры готовились в путь. Бойцы проверяли оружие, приводили в порядок снаряжение, запасались патронами и взрывчаткой.

Прозвучал сигнал на поверку. Люди построились, командир обратился к участникам операции:

— Партизаны! Вскоре мы приступим к выполнению боевого задания. Красная Армия громит оккупантов на всех фронтах. Диверсиями в тылу врага мы поможем нашим братьям по оружию, приблизим час долгожданной победы. Смерть фашистским оккупантам!

Группа, которой руководил Бронисловас Урбанавичус, вышла на линию Поставы—Адутишкес. Бойцы расположились вдоль участка, замаскировались. Ночь была темной. Кругом тихо. Лишь со стороны Поставы иногда доносился короткий гудок паровоза. Внезапно послышался шум. Громыхая колесами на стыках рельсов, мимо партизан промчалась дрезина с двумя платформами. Два прожектора на ходу шарили по кромке леса, пытались лучами заглянуть в глубь кустов, росших на другой стороне железнодорожного полотна.

— Все идет по плану. Связной не ошибся. На станции действительно эшелон с живой силой. Дрезина — это разведка, — шепнул соседу Бронисловас.

Тишина длилась около часа. Затем вновь послышался шум, дрезина возвращалась на станцию. Теперь она двигалась медленно.

Наступили томительные минуты. Считанные минуты — время для установки мины. Дважды прозвучал голос коростеля — это был сигнал к началу операции.

Каждая минута кажется долгим часом. Четыре заряда поставил сам Урбанавичус. Оттолкнулся от рельсов, быстро дополз до канавы, где притаились товарищи. Почти в тот же миг из-за поворота вынырнула громада эшелона. Паровоз бросал под колеса пригоршни искр. Вот он поравнялся с залегшими партизанами. Грохот потряс землю, ввысь взметнулось огромное пламя. Металлический скрежет, крики раненых, взрывы наполнили воздух.

Партизаны спешно углубились в лес. Уже отойдя на значительное расстояние от места катастрофы, они услышали новые взрывы. Что же это могло быть? Позже разведка донесла, что машинист второго поезда, шедшего с

обратной стороны, не заметил взорванного эшелона и врезался в груду металла. Редкая удача. Одной миной партизаны уничтожили два эшелона! Под обломками вагонов нашли себе могилу сотни фашистов, следовавших на фронт и в тыл. Немало было уничтожено и военной техники.

Партии рядовой

Однажды, вернувшись с боевого задания, Урбанавичус обратился к комиссару отряда Вацловасу Минкявичюсу:

— Товарищ комиссар! Давно мне не дает покоя одна мысль... Идя в бой, я много раз себе говорил: ну, теперь докажи, достоин ли ты того, о чем думаешь... А вернувшись, припоминал, как вел себя в трудные минуты. И должен признаться, испытывал чувство радости — в бою не проявил трусости, не колебался...

Комиссар внимательно слушал партизана.

— А теперь хочу вас спросить: достоин ли я быть в рядах Коммунистической партии?

— Боевые дела твоей группы мне хорошо известны, товарищ Урбанавичус. Знаю также, что ты комсомолец и всегда твердо выполнял приказы партии. Да, ты достоин быть в рядах партии. Я сам дам тебе рекомендацию, — ответил комиссар и крепко пожал руку Бронисловасу.

...Собрание первичной партийной организации отряда «Вильнюс» проходило в саду выжженной гитлеровцами деревни. Собрались все коммунисты отряда.

Первым выступил комиссар партизанской бригады «Жальгирис» Домас Рочюс. Он сказал, что борьба советского народа развертывается со все большей силой. Немецких фашистов гонят из пределов нашей Родины. Видя свой неизбежный крах, оккупанты сопротивляются с яростью загнанного зверя, убивают, грабят.

— Мы знаем, — продолжал он, — что фашисты сосредоточивают силы для решающей схватки с партизанами. Нас ждет трудная борьба. Бронисловас Урбанавичус — наш боевой друг, командир диверсионной группы. Строгий, требовательный, но отзывчивый, смелый, и этой смелостью вдохновляет всех нас. Рекомендую принять его в ряды славной Коммунистической партии и вполне уверен, что он высокое звание коммуниста с честью оправдает перед нашей Родиной и народом.

После выступления других коммунистов слово взял комиссар отряда «Вильнюс» В. Минкявичюс. Он дал высокую оценку боевым действиям группы, которой руководит Урбанавичус.

Собрание единодушно проголосовало за храброго воина-партизана.

— Товарищ Урбанавичус, — заключил комиссар, — вы приняты в ряды Коммунистической партии. Поздравляю вас! Желаю вам еще лучших боевых успехов в борьбе с фашистскими захватчиками.

И опять потекли боевые дни. Партизанские связные и разведчики сообщили о большой опасности, грозящей партизанам в лесах. Гитлеровцы лихорадочно укрепляли свои гарнизоны. В Поставы, Вилзы, Казяны, Адутишкес прибыли крупные подразделения фашистских войск. Враг готовился к блокаде Казянских лесов. Северный подпольный обком КП Литвы, возглавляемый Матеюсом Шумаускасом, и командование бригады «Жальгирис» приняли решение: вывести партизанские группы в глубь Литвы и там продолжать борьбу. Б. Урбанавичус возглавил группу из четырнадцати человек и ушел в сторону Вильнюса.

Спустя четыре дня после ухода партизан из Казянских лесов гитлеровцы начали наступление. Они окружили Казянский район и около трех недель штурмовали лес, стреляли из орудий, минометов, бомбили с воздуха. И хотя отряды понесли значительный урон, партизанская республика жила.

Группа Б. Урбанавичуса одну за другой проводит удачные диверсии. В середине сентября на воздух взлетел эшелон с горючим, следовавший на фронт, а двумя днями раньше партизаны спилили десятки телеграфных столбов, лишив гитлеровцев связи со Швенченисом. Через некоторое время подрывники уничтожили машины и подожгли готовый к отправке торф.

В ночь на 22 сентября партизаны установили несколько мин на шоссе, ведущем в Швенченис. Утром раздался первый взрыв, который разнес легковую автомашину. В ней находились офицеры войск СС. Они направлялись из Вильнюса в Казянские леса для проверки операции против партизан. На других минах подорвались грузовики с провиантом и боеприпасами.

Утром 26 сентября из Швенчениса выехали пять грузовых машин с автоматчиками. Колонна остановилась у

деревни Мадзюны, недалеко от того места, где взорвалась легковая машина с офицерами СС. Согнав крестьян на выгон, они объявили им, что здесь будет казнен человек, минировавший дорогу. Позже крестьяне рассказали, что в одной машине немцы привезли человека, одетого по-рабочему, говорившего по-литовски. Его руки были связаны колючей проволокой, лицо от побоев опухло и было в кровоподтеках. Он был повешен возле дороги, у старых берез. На груди казненного палачи прикрепили фанерную доску с надписью на немецком и литовском языках:

«Я здесь минировал и был сурово наказан немецкими властями».

Узнав о замученном фашистами человеке, партизаны пришли на место казни. Сняв головные уборы, они молча застыли у виселицы. Тишину нарушил Ю. Норейка:

— Пусть фашистские бандиты будут прокляты навеки! — и, обращаясь к Б. Урбанавичусу, добавил: — Товарищ командир, в каком месте будем ставить мину? Я руками вырою для нее яму.

В ту ночь на дороге, недалеко от виселицы, партизаны вытащили из земли три булыжника и, вырыв яму, положили четырехкилограммовый заряд. Еще несколько таких же «подарков» было приготовлено фашистам в других местах шоссе. На рассвете на мине у виселицы разлетелась на куски грузовая машина с фашистами, ехавшими из Вильнюса в Швенченис. Из Швенчениса прибыла другая машина, подобрала трупы и раненых и поспешно увезла. Вторая и третья мины взорвались в этот же день. Их жертвами стали еще два фашистских грузовика. Оккупанты на несколько дней прервали движение по этой дороге.

В конце сентября группа отошла на тридцать километров к востоку и стала тщательно готовить новый удар по оккупантам. Было решено взорвать Швенченскую электростанцию, которая снабжала энергией ряд предприятий, работавших для нужд вражеского фронта. Б. Урбанавичус отобрал самых надежных партизан — Ю. Норейку, Виктора Иванова, Янкеля Натковича, Александра Мокроусова, Изота Лемешева и брата Болеславаса Урбанавичуса. О том, что творится в Швенченисе, как охраняется электростанция, о порядке смены караулов гарнизона и постах патрулей в городе партизан точно информировали связные.

В начале октября группа расположилась недалеко от Швенчениса. Еще раз обсудили план, распределили обязан-

ности. К вечеру поднялся сильный ветер, пошел дождь. Лучшей погоды партизанам не надо. К полуночи скрытно подошли к электростанции, обнесенной колючей проволокой, а по углам двора чернели глазницы дотов. Часового у входа в здание почему-то не было. Несколько движений ножницами — и проход сделан. Урбанавичус вместе с друзьями проник во двор. Дверь электростанции тихо скрипнула, и партизаны оказались внутри здания. Работающие дизели заглушали шаги. Увидев незнакомых людей, механики словно приросли к земле. Урбанавичус молча указал на дверь, и один из механиков сказал, что там находится охрана. Партизан рванул на себя дверь и ворвался в караульное помещение. Два фашиста попытались вскинуть автоматы, но не успели. Третий поднял руки, косясь взглядом на телефонную трубку, которую зажал в кулаке. Но она молчала — партизаны заранее обрезали провода.

Заложить взрывчатку под котлы и генераторы натренированным рукам было простым делом. Урбанавичус поднес спичку к бикфордову шнуру. Никогда так не волновался партизан, как в ту минуту. Ему казалось, что он лишает себя чего-то очень дорогого. Ведь электростанция, построенная за недолгое время существования Советской власти в Литве, питала током его родной город.

Через пять минут группа, захватив механиков, покинула здание электростанции. Во дворе было по-прежнему тихо. Партизаны, словно тени, проскользнули в проделанный проход и скрылись в темноте. Оглушительный взрыв потряс землю.

Пламя с каждой минутой становилось все выше и ярче. Гитлеровцы открыли стрельбу, но партизан и след простыл.

Приближалась годовщина Великого Октября. Этот праздник литовские партизаны решили отметить массированным ударом по важнейшим коммуникациям врага. Урбанавичус с группой подрывников получил задание произвести ряд диверсий близ Швенченеля. Сборы были недолги. Погрузив на подводу взрывчатку, партизаны с наступившими сумерками тронулись в путь.

Гитлеровцы, напуганные всенародной борьбой, старались держаться поближе к крупным гарнизонам. Однако и здесь их настигала карающая рука партизан. Охрана объектов менее значимых возлагалась на буржуазных националистов и полицаев. Вот с такой группой и столкнулись подрывники, отправляясь на задание. Трудно сказать,

чем бы закончилась эта встреча, не прояви хладнокровие и выдержку их командир.

Лесными дорогами партизаны быстро приближались к намеченной цели. Урбанавичус ехал на передней телеге. Лошадь миновала мелкий кустарник, свернула направо и... остановилась как вкопанная. Впереди нее чернел длинный ряд повозок. Возле них с оружием в руках толпились люди. «Немцы», — мелькнула мысль у Бронисловаса. Но тут же понял, что это полицаи. Чтобы как-то выиграть время и дать знать своим немного отставшим друзьям, Урбанавичус спокойно слез с телеги, закинул за плечи автомат и громко крикнул:

— Что, не узнаете? Соседи мы, из Видз. Везем Швенченеляйскому гарнизону продукты.

— А кто у вас начальник? — последовал вопрос.

Бронисловас не торопился с ответом. Он спокойно расстегнул полушубок, вынул клочок бумаги и так же громко ответил:

— Я начальник.

И медленно направился в сторону врагов. От группы отделился офицер и, держа оружие наизготовку, пошел навстречу.

— А люди твои? — все еще не доверяя, спросил старший полицай Урбанавичуса.

Бронисловас громко ответил:

— Мои! Смотри, какие орлы! — и обнял за плечи двух подошедших партизан.

Спокойствие командира подрывников, по-видимому, рассеяло сомнение офицера. Он повернулся к своим людям. Это и решило его судьбу. Сраженный, он рухнул на землю. Полицаи бросились в стороны. Но из-за стволов деревьев послышались крики:

— Бросай оружие!

Все произошло за считанные минуты.

Партизанам достались богатые трофеи. Помимо оружия на пяти повозках лежали патроны, много продуктов. Непредвиденная встреча отложила операцию на один день.

В ночь с 6 на 7 ноября группа Урбанавичуса достигла назначенного пункта. Партизаны залегли в нескольких десятках метров от насыпи, внимательно прислушались. Они знали, что гитлеровцы не осмелятся спуститься с железнодорожного полотна. Накануне выпал небольшой снег, подрывники были одеты в белые халаты. Вот прошел один

поезд, второй. Урбанавичус легко мог определить по звуку перестука колес и «дыханию» паровоза, идет порожняк или вагоны груженые.

Сейчас проскочили эшелоны-порожняки. Вдруг Бронисловас насторожился, прильнул к земле. Сомнений быть не могло — приближался тяжелый состав. Когда партизаны отходили от полотна, они еще раз убедились в этом.

Мина сработала под паровозом. Эшелон был гружен боеприпасами и техникой. Взрывы следовали один за другим.

...В начале марта группа партизан во главе с командиром отряда имени Костаса Калинаускаса Эдвардасом Балейнисом попала в окружение. В неравном бою с гитлеровцами и буржуазными националистами многие бойцы погибли. Пал смертью героя и командир.

По решению Северного подпольного обкома КП Литвы Бронисловас Урбанавичус принял командование отрядом. Возглавив отряд, Урбанавичус с жаром приступил к работе. Уже к концу месяца отряд совершил две крупные диверсии на железнодорожном участке Пабраде—Швенченеляй—Игналина.

Близился час освобождения Литвы от фашистских оккупантов. Командование партизанским движением решило помешать гитлеровцам вывозить народное добро, не дать возможности вражеским войскам подбрасывать свежие силы на фронт. В июне фашисты могли пользоваться лишь железной дорогой, связывающей Вильнюс с Даугавпилсом. Нужно было лишить и этой возможности врага. Объединив свои силы, литовские партизаны под командованием Матеюса Шумаускаса с честью справились с поставленной задачей. Они не только перерезали полотно, но и заняли железнодорожную станцию Игналина. Фашисты при поддержке танков пытались выбить партизан из города, но терпели неудачу за неудачей. Это был первый литовский город, освобожденный партизанами. И когда советские войска вступили на его улицы, над Игналиной гордо развевалось красное знамя. Одним из первых встретил воинов-освободителей партизанский отряд имени Костаса Калинаускаса.

Еще много жарких боев с ненавистным врагом провел партизанский отряд, руководимый Урбанавичусом. Но самым памятным остался бой за столицу Советской Литвы. 13 июля Вильнюс был освобожден. С гордо поднятой головой прошли народные бойцы по улицам города.

* * *

Каждый год в день праздника Победы близ Швенчениса собирается молодежь. Недалеко от города она своими руками насыпала Курган Славы. У его подножия — обелиск. На граните высечены слова благодарности за подвиг отцов и старших братьев, которые в час нависшей угрозы над Родиной не склонили головы перед врагом.

Каждый год сюда приезжает Бронисловас Урбанавичус. Приезжает, чтобы почтить память воинов и партизан, отдавших жизни при освобождении Неманского края. Во всей округе, пожалуй, не сыщешь такого человека, который не знал бы своего земляка — Героя Советского Союза Бронисловаса Урбанавичуса, мужественного сына Советской Литвы.

Не забывает Б. Урбанавичус и той могилы, где покоятся два молодых коммуниста, мужество которых оставило глубокий след в его памяти с детских лет. Это память сердца, а она хранится вечно.

П. Папонин

ПО ЗАКОНУ ВЕРНОСТИ

(О Федорове Н. П.)

Перенесемся мысленно в те, казалось бы, недавние, но уже ставшие историей годы... По утрам с нетерпением ожидали мы тогда первые фронтовые сводки, последние известия Совинформбюро. В одной из передач в сентябре 1943 года сообщалось, что партизанские отряды Белоруссии нанесли ряд серьезных ударов по врагу. А через несколько дней стало известно, что вместе со взрывами на железных дорогах произошел взрыв в Минске, в резиденции рейхскомиссара всей Белоруссии, гаулейтера СС Кубе. Этот взрыв свидетельствовал о том, что народ Белоруссии живет и борется.

О смелой партизанской операции рассказано в записках, повестях, в широко известном кинофильме «Часы остановились в полночь». Одним из руководителей этой операции был майор Николай Петрович Федоров, артиллерист и разведчик, Герой Советского Союза. Человек с открытым и располагающим лицом, с лу-

чистыми пытливыми глазами. Он прожил недолгую, но яркую жизнь и пал на поле брани, когда ему не было и тридцати лет.

В одном из глубинных районов Ленинградской области, словно остров в зеленом лесном океане, расположилась в кольце вековых сосен небольшая деревенька Кайвакса. В ней среди трудолюбивых крестьян проходил первую школу жизни юный пионер, а затем и комсомолец Коля Федоров. От отца и в школе узнал он, что неподалеку от их родной деревни родилась Красная Армия и приняла первый бой с солдатами армии кайзера Вильгельма, за которой стоял один из самых жадных и наглых хищников, имя которому империализм.

Пришел день, когда Коля Федоров, окончив военное артиллерийское училище, сел в поезд, который пробегает от пункта отправления до пункта назначения самый протяженный железнодорожный путь на планете, в поезд Москва — Владивосток. Место назначения молодого офицера — город, носящий славное имя одного из русских землепроходцев, — Хабаровск.

«Прибыл для прохождения дальнейшей службы», — рапортует он в Хабаровске командиру 181-го артиллерийского полка. В этом полку прошел Федоров путь от командира взвода до помощника начальника штаба полка.

Май сорокового года. Печатая шаг, идет офицер Федоров по брусчатке Красной площади в Москве, в шеренгах батальонов первомайского парада, в рядах той колонны, которая неизменно вот уже много лет первой проходит перед мавзолеем. Он идет под знаменем Военной академии имени М. В. Фрунзе.

* * *

Великая Отечественная война. Николай Федоров с первых ее дней на фронте. В декабре 1942 года его, помощника начальника армейской разведки, вызвали в Москву, в разведуправление.

— Капитан Федоров прибыл!

На груди у капитана — орден Красной Звезды.

— А звездочка у вас, капитан, видать, свеженькая.

— Награжден осенью за разведывательные выходы в тылы врага.

— Вот с этим, с действиями в тылу врага, связан и ваш вызов. Нужны хорошо подготовленные в военном отношении офицеры для Белоруссии.

— Готов выехать в любую минуту.

— Учтите, дело это абсолютно добровольное. С ответом можете не спешить.

Собеседник подводит Федорова к карте, рассказывает о партизанских буднях. Речь идет о земле, которая в ряду первых приняла на себя удары фашистской орды. Белоруссия... Федоров смотрит на вынутые из сейфа партизанские листовки и фото, захваченные у пленных. На снимках — трупы зверски замученных советских людей. А рядом — фашистские офицеры, с удовлетворением взирающие на дело рук своих. Может ли быть что-либо страшнее этого аккуратного и педантичного садизма...

Федоров не медлит с ответом. Он готов к выполнению задания.

— Вот и договорились. Теперь обратимся к району ваших предстоящих действий.

Большой кружок — Минск. Недалеко от него отмеченный красным другой, покрупнее — Логойская зона.

— Отряд Дяди Димы. Сами понимаете, Товарищ Эн — это, так сказать, его партизанский псевдоним. Введу в курс... Еще в сентябре сорок первого года транспортные самолеты сбросили в окрестностях Лепеля отряд полковника Линькова. Сейчас сам он на юге республики. Под Минском же действует довольно крупная группа лейтенанта Кеймаха — Дяди Димы. Она имеет явную тенденцию к увеличению. Нет сомнений, что под началом Кеймаха скоро будет целое соединение. Следовательно, ему не обойтись без зама, должным образом подготовленного в оперативном отношении.

— Сделаю, что смогу.

— Первейшая ваша задача — разведка. Глубокая, всесторонняя, проникающая во все норы, вплоть до дворца Кубе и его штабов. И эта разведка должна работать не только на ваши, так сказать, местные нужды, но и в интересах нашего Главного командования. Для этого нужно множить связи с подпольщиками Минска. Они-то и помогут проникнуть в резиденцию Кубе, которого нужно уничтожить во что бы то ни стало.

За зверства на белорусской земле фон Кубе был приговорен советским народом к смерти. Приговор нужно было

привести в исполнение. Подготовка этой операции и возлагалась на Николая Федорова.

— Казнить Кубе в его же логове, — сказал в заключение собеседник, — значит продемонстрировать, что мы остаемся хозяевами на своей земле.

* * *

Три недолгих и вместе с тем бесконечных часа на вдавленном металлическом сиденье самолета. А после самолета деревенская подвода доставила Федорова и его помощников — переводчика Тимофея Зверькова, радистку Надежду Носкову и разведчика Хренова — на базу отряда Кеймаха. И вот уже Федоров греется партизанским чайком и отвечает на вопросы обступивших его людей... И о том, до какого времени могут морочить нас со вторым фронтом союзнички; и в какие часы играют московские театры; и что делают зрители, если воздушная тревога; и не разбомбили ли Кремль, как уверяли на днях писаки Геббельса?

Федоров отвечает, снова и снова оглядывает слушателей: требовательных, огрубевших и, как он убедился впоследствии, отважных патриотов Советской Родины.

Н. П. Федоров с головой окунулся в беспокойную лесную жизнь. От женщины, которая согласилась подвезти его до деревни Ходакевичи, Федоров узнал, что гитлеровские гарнизоны покинули села по всей округе, только вдоль железных дорог стоят да по городам, а леса у железной дороги повырубили, партизан опасаются. Не знали покоя гитлеровцы на линиях Вильно—Минск, Молодечно—Полоцк. Отряд Кеймаха — Федорова был неутомим, изобретателен в организации диверсий, бесстрашен в огневых схватках с врагом. Каждый день рация передавала в Центр важные донесения.

...Из Минска было доставлено письмо, в котором полковник вермахта Шмидт с нескрываемым раздражением информировал военную комендатуру о действиях партизан:

«Партизанское движение достигло в текущем году особенно сильных размеров, объясняется это такими прогнозами:

а) нестабильным положением фронта на востоке. На этом основании развернута агитация о неминуемом пора-

жении германской армии и призыв пополнять ряды партизанщины. Листки и газеты с такой агитацией, попавшие к нам, были ранее отправлены вам; б) массовая принудительная отправка в Германию на работу. Население не желает ехать и потому бежит в лес; в) еще более сильный толчок дала карательная экспедиция января месяца и последующие походы, особенно войск СС, выполнявших приказ фюрера от 13 ноября 1941 года за № 418 о беспощадной борьбе с партизанщиной. Мною, как руководителем всех операций, было предложено не считаться с населением в местах действий партизан, что и выполнялось. На это мероприятие крестьяне ответили массовым уходом в партизаны целыми селениями; г) районы и места, где находились партизаны в большом количестве, по-прежнему занимаются ими. Особенно поражены Кличевский, Осиповичский и Глусский районы; д) обнищание населения вследствие угона скота по вашим требованиям, с одной стороны, и партизанами, с другой стороны. Это порождает массовое недовольство, в результате которого люди уходят в лес; е) большим основанием для ухода в лес является и страх перед тем, что за родственников, находящихся в партизанах, их могут тоже при чистке арестовать и сослать в лагеря; ж) самым сильным толчком для ухода в лес является, надо считать, активная деятельность партизан. В период, когда они сильно нападают на железные дороги и минируют успешно шоссе и дороги, ведут успешные бои с мелкими подразделениями наших войск, начинается массовый уход населения даже из города...»

Федоров читал это письмо, сопоставлял со словами женщины и другими данными, и в нем крепла уверенность в нашей победе. Он даже поймал себя на том, что в час вечернего обхода постов несколько раз повторил вслух: «Поражение германской армии неминуемо...», «Уход в партизаны целыми семьями...»

Как же готовилась операция по уничтожению гитлеровского наместника в Белоруссии Вильгельма Кубе?

На явку из Минска прибыла женщина, самого что ни на есть гражданского и отнюдь не партизанского обличья.

— Черная, — назвалась прибывшая.

— Мария Осипова,— понизив голос, ответил Федоров, затем громче: — Здравствуйте, есть о чем потолковать.

Черная стала рассказывать. Из ее сообщений вставали два Минска: один тот, каким видели и хотели бы видеть его фашисты, как бы закованный в огромные кандалы с увенчавшей их свастикой, и другой, наш, советский Минск, не сломленный, не покорившийся. Хорошо взялись за дело подпольщики... Не в отдельных селах, а в сотнях их подлинной властью снова стали партия да Советы. Отсюда идет снабжение партизан. Сюда стекаются загодя оповещенные перед очередным вызовом на биржи труда парни с девчатами. Прибывшая передает Федорову копии гитлеровских донесений о партизанах: нужно выделить не меньше чем дивизию с приданными ей танками и артиллерией для начала «тотального разгрома партизанщины».

— Теперь уже гитлеровцы проводят так мобилизацию: не полагаются на вызовы, посылают по домашним адресам солдат с овчарками. Застают же одних дедов с бабками. За одну ночь наши всех уже предупредят и в партизанскую зону уведут.

Она сообщает Федорову много других сведений о многотрудных и опасных делах подпольщиков Минска.

После беседы с Марией Осиповой Федоров вплотную занялся подготовкой операции. Нужны были люди, которые приведут приговор в исполнение.

* * *

В лагере отряда Киймаха шли своим чередом боевые будни, были спущены один за другим под откос еще несколько эшелонов. Вывешивались сводки с фронтов. Партизанский край готовился к зиме.

И вот долгожданное: «Порядок! Есть у нас рука в доме этого аспида Кубе».

Мария Осипова немногословна: Елена Мазаник работает горничной в семье Кубе, она и берется. Для верности требует связать ее с руководителем операции. Сама она отлучиться из города не может ни на шаг. Предлагает прислать сестру свою, Валюшку, просит доверять, как ей самой...

Вот они уже втроем рисуют схему... Квадрат — особняк гаулейтера. Точки — посты охраны. Пунктир — маршруты движения машины. Час за часом незримые, не знающие сна глаза следят за каждым шагом Кубе, и Федоров при свете похожей на желудь автомобильной лампочки сводит воедино то, что сообщает ему подпольный Минск.

Еще и еще раз Федоров проверяет и себя, и всех тех, к кому тянулись нити из затерянной в лесу землянки. Нити, что вели в офицерские казино гитлеровцев и комнаты прислуги, в кабинеты тех, кто почитал себя властителем этой земли, и тех, кто служил им, но уже — это твердо знал Федоров — держал в своих руках их судьбу.

От Осиповой он узнал, что горничная Елена своим трудолюбием, аккуратностью, послушанием снискала хорошее расположение самой фрау наместницы. Но как обстоит с родными Мазаник? Не забыть бы загодя, до казни Кубе, вывезти их всех из деревушки Масиковщина, иначе на них обрушатся первые репрессии.

Теперь техника... Перебрали несколько вариантов. Может, подорвать в пути автомашину? Но Кубе то и дело меняет маршруты, и знают их только его личные охранники. Может, подсыпать сильнодействующий яд в продукты? Но Федорову известно, что первыми обедают дети, значит, и этот вариант отпадает.

— Мина, — предложил на партизанской оперативке Федоров.— Магнитная мина, которую горничная заложит в постель. На этом, —сказал он, подумав, — участие Мазаник в операции будет закончено. Она быстренько скроется в условленное место, сменит одежду и на машине прибудет к нам, в партизанский лес.

Федоров еще раз провел карандашом по плану операции, обвел жирным стрелу, устремленную на квадрат резиденции. Поставил сбоку, где пишется легенда к карте: «02.00, 23.IX».

— Надо предусмотреть все меры, позволяющие избежать потерь кого-либо из людей, участвующих в операции, — он поднялся. Испытующе и успокаивающе взглянул в глаза Осиповой. Она ответила ему серьезным взглядом. — Наступает последний акт. Надеюсь, все будет хорошо. Главное для вас, Мария Борисовна, благополучно возвратиться в Минск и конечно же вернуться к нам вместе с девчатами.

Мины — на дне деревенской корзины. Поверх переложенные ветками и листьями ягоды. Теперь побольше улыбок и беззаботности каждому встречному полицаю и жандарму...

Мина —в руках Елены Мазаник.

«Ахтунг! Ахтунг!..» Из уличных репродукторов звучат фанфары вермахтовского марша да голос диктора. Утро

занялось. Утро последнего дня гитлеровского проконсула, который благодушно улыбается, ощущая осторожное прикосновение руки парикмахера и освежающую струю французского одеколона. При встрече он небрежным кивком отвечает Елене на глубокий поклон. Ему и в голову не приходит, что в руках безропотной служанки не только поднос, но и его судьба.

А день идет, размеренный, осенний, с прелой листвой на дорожках, по которым совершает утренний моцион Кубе.

Борьба вступила в решающую фазу. Мария поставила мину на боевой взвод.

— Успеха тебе, Леночка!

Та молча кивает.

— Встречаемся, как уговорились, в сквере, теперь иди!

...Когда наступила ночь, все трое — Елена и Валя Мазаник, Мария Осипова — уже пили чай в землянке Федорова. Мина сработала. Зазвонили телефоны, помчались по городу машины. Звоните! Мчитесь! Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Кубе казнен.

* * *

Федоров не знал еще, что в его личном деле прибавились две по-военному лаконичные строки: «В борьбе с немецкими оккупантами проявил мужество, стойкость, умение и преданность Родине».

Осторожно идет он по ночному лесу на один из партизанских аэродромов.

...Самолет выруливает на просеку. Вот уже оглушительно взревели двигатели, на какие-то минуты прижало к металлическим, накопившим за ночь холод сиденьям, и транспортная машина набирает высоту. Федоров видит сквозь иллюминаторы сверкнувший внизу пунктир костров.

Ночь плывет под фюзеляжем. Федоров откидывается к стенке с чувством человека, который наконец-то после долгих, бесконечно долгих месяцев напряжения может позволить себе, говоря по-спортивному, расслабиться.

Вспышки мертвенного, холодного света ракет по небу. И зарницы взрывов на земле. Это — партизаны. Их почерк. Их работа.

Линия фронта возникает в прожекторах, поднявшихся, подобно распарывающим темноту мечам. Прошел между

ссутулившимися людьми бортмеханик. В распахнувшейся внутренней дверце тенью на фоне разрывов возникла фигура пилота над штурвалом. Самолет закладывает вираж и резко идет на снижение, уклоняясь от встречи с беспокойно ерзающими лучами прожекторов.

Так вот какой ты стала, Москва! Для нас ты была все эти годы не просто географической точкой, кружком в междуречье Оки и Волги. Твое имя звучит, как боевой клич, реет над партизанскими лесами, как знамя!

В Москве в ожидании приема у начальника Федоров листает сводки Совинформбюро. Они цитируют донесения гитлеровских командиров о массированных операциях белорусских партизан...

Разговор в штабе был коротким.

— Готовы ли снова отправиться в тыл? — спросил начальник.

— Да.

— Тогда потолкуем перед тем, как вам готовиться. Вы отправитесь на этот раз на Украину. Под Ковелем примете отряд, которым командует сейчас капитан Тихонов. А на том этапе войны, в который мы вступаем, именно этому отряду и будут поставлены главным образом разведывательные задачи. Вам же здесь, Федоров, опыта не занимать.

— Еще раз подтверждаю полную свою готовность.

— Нацеливаю вас теперь на то, что после знакомства с личным составом надо будет готовиться к новому рейду по тылам. Цель ваша — город Люблин. Это уже на территории Польши.

* * *

Декабрь, белые заснеженные равнины. Снова ночь и ночной полет. Кивок пилоту, холод распахнувшегося люка и резкий рывок строп под наполняющимся куполом парашюта. Ветер так и рвет в стороны, словно задался целью заставить тебя потерять эти три сигнальных костра во мгле ночи.

И вот уже двуколка и поскрипывающий снежок под колесами, и плечо капитана Тихонова, который встречал его. Едут молча — таков уж неписаный закон партизанский: приглядись, разберись, тогда уже начинай обмен мнениями.

Из леса выехали на поле. Облака разошлись, открыв луну. «В данной ситуации она нам ни к чему», — подумалось Федорову. И словно в подтверждение своим мыслям он увидел двигавшуюся на них тень. Она изгибалась на горбах дороги, подобно гигантской гусенице.

— Немецкий обоз, — самым деловым тоном доложил ездовой.

Тихонов огляделся:

— Попытаться проскочить? — вопросительно обернулся он к Федорову.

— Самым правильным будет. Ежели повернем, непременно недоброе заподозрят, мотоциклистов вдогон пошлют. Огня не открывать. Приготовим гранаты. Кидать по очереди. А пока, дорогой, гони!

Все взяли в каждую руку по гранате. Пара гнедых рванула так, что только искры посыпались из-под колес. Двуколка с ходу пролетела половину немецкого обоза, когда по команде Федорова одна за другой, гулко отдаваясь в тишине ночи, разорвались гранаты.

Резкий поворот в лес — и только теперь защелкали беспорядочные выстрелы...

Зима уже навела свои ледяные переправы, заснежила леса, когда недели за две до нового, 1944 года в лесу под Ковелем Федоров созвал начальников подразделений.

— Подготовка к рейду на Люблин закончена. Назначаю выступать в ночь на 18 декабря. Все уже информированы о том, что марш будет не из легких. Предстоит форсировать такой укрепленный водный рубеж, как Западный Буг. Напоминаю и о том, что надо не только выйти на новый плацдарм, но и серьезно разведать все, что касается расположенных на пути следования неприятельских группировок.

— Порядок следования?

— Двумя компактными колоннами: одну возглавляет Тихонов, другую — я. Еще раз напоминаю самым строжайшим образом: в пути категорически запрещаю ввязываться в столкновения с немцами. Мы должны просочиться сквозь их боевые порядки.

— Товарищ командир, но такого не может быть, чтобы не повстречали мы дозоров, да и каких-то отдельных людей.

— Таких без шума брать живыми, допрашивать, сводить воедино показания, чтоб мы давали командованию надежные сведения.

— Понятно!

Почти два месяца партизаны добирались до Западного Буга. Здесь затаились.

Поляки Бжегож и Янек, словаки Василь и Станислав помогли установить связи с Армией Людовой. В ее рядах действовали коммунисты, парни, бежавшие из варшавского гетто.

— Военным я решил стать давно, — признался как-то Федоров своему боевому заместителю капитану Тихонову. — Но теперь и дипломатом пришлось заделаться. Давай-ка получше познакомимся с местностью.

Они растянули на дощатом столике карту. Латинские буквы. Название «Войсковица». Здесь они и обосновались. Это уже на ближних подступах к Люблину. Разведка первой выступила к этому населенному пункту. Еще один бросок.

Федоров допоздна работал над оперативными планами. В полуоткрытую дверь хаты ветер дышал тем влажным, теплым, с запахами проснувшейся земли дыханием, которое несет весна.

17 апреля 1944 года в отряд прибежал связной.

— Беда, панове, товарищи! В деревню ворвались каратели, идут от хаты до хаты, режут старых и малых, палят дома.

Федоров поднял по тревоге тридцать своих конников. Добрые кони мигом домчали их до села. Каратели были застигнуты врасплох. Они знали, что им не ждать пощады от партизан, и отбивались с отчаянием обреченных. Дело уже клонилось к закату, когда умолкли автоматные очереди, бой закончился полным разгромом фашистов.

Но с восточной окраины раздался треск мотоциклов и грузовиков. На подмогу карателям подоспел батальон, охватывая кольцом деревню. Можно, конечно, принять бой. Но отряд завершает свою разведывательную операцию, а потери, неизбежные в бою, обескровят его. Нет! Федоров подзывает Тихонова:

— Немедля отходить к лесу. Боя не принимать.

— А ты-то куда?

— Приказываю отводить отряд. Твое дело — сохранить людей.

Вместе с тремя бойцами он повернул коня в ту сторону, где у машин стояли офицеры. Когда же гитлеровцы осла-

били огонь, Федоров дал шенкеля и круто повернул к лесу, в котором уже скрылись партизаны.

До опушки оставалось метров сто семьдесят... И вдруг Николай дернулся, взмахнул головой и лег на спину лошади...

* * *

Молча стояли партизаны у могилы своего командира. Они знали, что лучшим венком ему будут их новые дела, те цветы и нивы, что поднимутся на освобожденной земле.

И скапливались в штабах фронтов переданные из немецких тылов сводки. С помощью партизан были собраны данные о фашистских гарнизонах, линиях обороны, аэродромах.

Вот уже федоровцы вступили на землю Чехословакии... День победы они встретили вместе с гражданами освобожденной Моравской Остравы.

Жизнь человека измеряется не прожитыми годами, а его делами.

Николай Петрович Федоров жил по закону верности своей Советской Родине и сделал для нее все, что мог.

С. Аслёзов

ИЗ ИСКРЫ — ПЛАМЯ!

(О Филипских Е. Ф.)

Ровно гудят моторы. И вдруг этот гул становится угрожающим, прерывистым, перерастает в тонкий, пронзительный визг. Гремят оглушительные взрывы. Фашистские пикировщики бомбят находящийся вблизи от западной границы белорусский город Лида. Артиллерийский полк, в котором старший политрук Евгений Филипских служит пропагандистом, поднят по тревоге.

— В нашем тылу гитлеровский десант. Бери людей, старший политрук, и любой ценой держи шоссе. Иначе не прорвемся, — приказывает Евгению Филипских командир.

— Есть, товарищ полковник! — отвечает он.

В течение двух часов его бойцы сражаются с фашистами. По шоссе стремительно проходит артиллерийский полк.

Вскипают жаркие схватки. Личным примером, горячим большевистским словом Филипских вдохновляет бой-

цов на ратный подвиг. А когда надо — он сам встает к орудию и прямой наводкой бьет по немецко-фашистским танкам...

* * *

Дороги отступления привели Евгения в деревню Бобы Пуховичского района Минской области. Здесь он познакомился с пограничниками — младшими сержантами Сергеем Мальцевым и Виктором Красильниковым, рядовым Михаилом Мелеховым. Вскоре Филипских и его новые друзья ушли из деревни. По совету местного жителя, ветеринарного врача Трофима Николаевича Боешко, обосновались в Щучковом урочище. Там, в пойме реки Свислочь, среди болот, возвышался небольшой островок, поросший лесом. Построили землянку, замаскировали ее дерном, кустарником. Когда работу окончили, Евгений поздравил друзей с началом партизанской жизни.

— А теперь организационно оформим нашу группу, изберем командира, клятву дадим, — как о деле, давно решенном, сказал Филипских.

— Это нужно записать на бумаге, — предложил Виктор Красильников, — определить задачи. И пусть этот документ будет уставом в нашей партизанской жизни на первое время.

Тут же появились школьная тетрадка, карандаш. Четким почерком Евгений писал: «Несмотря на отступление частей Красной Армии, несмотря на то, что находимся в тылу врага, мы твердо уверены в победе нашего народа над зарвавшимся врагом. До последней минуты нашей жизни мы остаемся верными великому делу нашей партии, нашему народу». Филипских поставил точку, посмотрел на друзей.

— Точно сказано! — выразил мнение всех Сергей Мальцев. — Давай дальше, Женя!

Далее излагались задачи группы — взрывать железные дороги, склады, мосты, уничтожать живую силу врага. А закончили документ следующими словами: «В случае, если кто-нибудь из нас изменит указанному уговору, он, как изменник, подлежит уничтожению».

Документ подписал каждый из присутствующих. Командиром группы избрали старшего политрука Евгения Федоровича Филипских.

Был на исходе сентябрь сорок первого года. Гитлеровские войска вели бои на дальних подступах к Москве. Группа Филипских состояла всего из четырех человек...

* * *

Снежные бураны вровень с землей замели их лесное жилище. Лишь над трубой тонкой струйкой вьется дымок. Отсюда, из леса, смельчаки торят тропки в Пуховичи, Марьину Горку, окрестные деревни и села. Филипских и его товарищи ищут и находят людей, готовых бороться с врагом, собирают оружие, ведут разведку. В деревне Городень Матвей Линник держит в подвале приемник, слушает советскую столицу. В белорусские леса доходит радостная весть о разгроме гитлеровских войск под Москвой.

Обозленные оккупанты усиливают репрессии, жгут, грабят, насилуют, убивают. По лесам и деревням шныряют каратели, вылавливают советских воинов, оставшихся в тылу врага.

— Нужно уходить дальше, в леса, никакой черт нас там не найдет,— предлагает один из партизан.

— Нет, хлопцы, останемся здесь! — возражает командир и начинает объяснять обстановку. В Пуховичах — зенитно-артиллерийская школа, аэродром, большой армейский госпиталь. По территории района проходят железные и шоссейные дороги, много мостов. Тут есть где разгуляться партизанам!

— Нас пока мало... Мы всего лишь искорка. Но из искры возгорится пламя! Пламя партизанской войны! — убежденно говорит Евгений.— Будем переходить к активным боевым действиям!

Кадровый военный, он прекрасно понимал, что в открытом, встречном бою регулярные части врага, вооруженные танками, артиллерией, сильнее партизан. Нужно избрать другую тактику, а именно бить врага по наиболее уязвимым местам. Эти места — мосты через реки, железные дороги. Вдоль всего полотна часовых не расставишь... Именно тут партизаны смогут добиться ощутимых результатов. И Филипских разрабатывает план первой диверсии.

В ночь на 4 мая 1942 года Евгений повел свою маленькую группу партизан на железную дорогу Минск — Бобруйск. Взрывчатки не было. Решили действовать по-другому — разбирать путь. Казалось бы, дело нехитрое. Но

чем отвернуть гайки, выдернуть костыли? Где взять инструмент? Выход нашелся. Партизаны совершили налет на будку путевого обходчика, захватили железнодорожные гаечные ключи и другой инструмент. С этим «оружием» и отправились на операцию.

Выждав, когда немецкий патруль скроется вдали, партизаны выскочили на полотно. Выставили наблюдателей, остальные быстро принялись за дело.

Филипских всем телом налег на рукоятку гаечного ключа. Еще одно усилие, гайка скрипнула, поддалась, повернулась и, как по маслу, сошла с резьбы. Мальцев, Красильников, Мелехов, Боешко ломами поддели рельс, поднатужились.

— Навались! — охрипшим от волнения голосом скомандовал Филипских, с силой пригибая лом книзу. Взвизгивая, костыли нехотя вылезали из деревянных шпал. Разобрали путь, концы рельсов сдвинули в сторону.

— Командир, а ты часом не железнодорожник? — поинтересовался один из новеньких, когда, окончив дело, партизаны отходили от полотна.

— Угу! Потомственный, — ответил Филипских.

При этих словах Евгению вспомнился отец, Федор Никитич, донецкий машинист. Иногда отец спал целыми днями, а к вечеру уходил из дома или заявлялся среди ночи, пропахший машинным маслом, каменным углем, дымом, и мать подавала ему еду на стол. Все зависело от расписания, когда и куда вести отцу состав. Несколько раз Федор Никитич брал сына в рейсы. Запомнилось, как в топке клокочет пламя, как он, привстав на ящик, выглядывает в узкое окошко. Встречный ветер бьет в лицо, обдает запахом дыма. Мимо проносятся зеленые огни семафоров, станции, полустанки, поля... Ревет паровозный гудок. Скорость и сила движения пленили маленького Женьку.

И когда семилетка осталась позади, Евгений пошел в железнодорожное училище. Работал кочегаром на паровозе, затем учился в железнодорожном техникуме. Окончил, стал машинистом, мастером по ремонту подвижного состава. Потом воинская служба и снова учеба на вечернем отделении горного института в Сталино. В тридцать девятом вступил в партию. Окончить институт не пришлось — по партийному набору в том же году пошел на политработу в Красную Армию. Полученные в молодости трудовая закалка, рабочая хватка пригодились и здесь, в тылу врага.

Правда, Филипских не ожидал, что ему придется стать разрушителем железных дорог. Но ничего не поделаешь — война! И отец, будь он рядом, одобрил бы сегодняшнюю операцию. Отец! Где он? Чем занимается? Их родной город Волноваха захватили гитлеровцы.

Мысли Евгения прервал паровозный гудок. Что будет? Заметят или нет разобранный путь? Укрывшись в лесу, партизаны наблюдали за железной дорогой.

Поезд шел на высокой скорости. Вот состав приблизился к месту диверсии, вильнул в сторону и... пошел под откос! Из паровозной трубы вылетел сноп искр, взвилось облако пара, через секунду долетели лязг и грохот. Паровоз и двадцать семь вагонов с углем и обмундированием бесполезным хламом громоздились под насыпью...

И началось! На восьмой день после первой операции партизаны под командой Филипских опять разобрали путь. На этот раз уничтожили паровоз и семь вагонов. Почти двенадцать часов понадобилось оккупантам, чтобы восстановить движение.

Диверсии на железной дороге следовали одна за другой. Партизаны устраивали засады на фашистов. Оккупанты забеспокоились, поняли, что здесь действует крепкая группа, управляемая твердой рукой. В окрестных деревнях появились объявления: тот, кто доставит немецким военным властям большевистского комиссара Филипских, будет щедро вознагражден.

Партизаны берегли своего командира. Но беда все-таки пришла.

В одну из летних лунных ночей, когда все кругом дышало красотой и покоем и, казалось, ничто не напоминало о войне, о смертельной опасности, таящейся за каждым кустом, Евгений со своими неразлучными друзьями — Мальцевым, Красильниковым и Мелеховым — отправился в деревню Блужский Бор на конспиративную встречу со связной Яниной Станкевич.

Едва партизаны постучали в окно, как из-за гумна выскочили фашисты. Ночную тишину прорезал резкий крик:

— Хальт! Хенде хох!

— Засада! Хлопцы, к реке! Я вас прикрою! — приказал Филипских, выхватывая пистолет и посылая пулю за пулей в сторону врагов. Метнул гранату Красильников. Партизаны бросились под обрыв.

— Где командир? — первым опомнился Мальцев.

...Отстреливаясь, Евгений отходил к реке, к месту переправы. Вдруг сильный толчок бросил его лицом в дорожную пыль. Что-то горячее, липкое заливало грудь, спину. «Кровь!» — сообразил Филипских. Преодолевая боль, Евгений подполз к речному обрыву и, теряя сознание, кубарем полетел вниз. Там его и подобрали друзья, принесли в землянку. А на утро пришел врач Трофим Николаевич Боешко.

— На сантиметр бы выше — и в сердце, — хмуро проговорил он, осмотрев Евгения. Боешко обмыл раны, присыпал красным стрептоцидом, забинтовал.

— Будет жить! — ободрил он партизан.

И действительно, воля к жизни, молодость, здоровый организм брали свое. Раны затянулись. Через три недели Филипских повел свою группу на новую диверсию.

Жизнь в лесном лагере шла своим чередом. Однажды под вечер среди землянок вместе с партизаном Грантом Аробяном появилась группа неизвестных, хорошо вооруженных людей с огромными рюкзаками за плечами.

— Кто такие? — строго спросил Филипских.

— Говорят, из-за линии фронта, товарищ командир. Потребовали к вам проводить, — доложил Аробян.

— Документы!

Невысокий мужчина лет сорока перочинным ножом отпорол подкладку пиджака, осторожно извлек шелковый лоскуток и подал его Филипских.

— Родные вы наши! — прочитав удостоверение, воскликнул Евгений и начал обнимать незнакомцев. — Наконец-то весточка из Москвы!

Все прошли в командирскую землянку. Командир группы Василий Яковлевич Шклярик рассказывал потрясающие новости. Там, на Большой земле, создан Центральный штаб партизанского движения. Им руководит первый секретарь ЦК КП(б)Б генерал-лейтенант П. К. Пономаренко. Штаб каждый день засылает в тыл противника специальные группы с заданием поднимать народ на борьбу с оккупантами. Вот и они прошли более шестисот километров по вражеским тылам, прежде чем достигли Пуховичских лесов. До войны Василий Яковлевич находился в Белоруссии на советской работе. Теперь он прислан сюда секретарем Пуховичского подпольного райкома партии.

— Будем вместе фашистов бить! — протянул руку Филипских.

— А я и не сомневаюсь, — Василий Яковлевич крепко сжал ладонь Евгения.

— Мы принесли вам московские гостинцы, — Василий Яковлевич и его товарищи поставили на стол объемистые мешки и принялись извлекать их содержимое. На столе росла горка из толовых шашек, взрывателей магнитных мин, ценившихся партизанами на вес золота. Затем Шклярик достал пачку московских газет, листовок. Филипских с жадностью набросился на них. Давно он не держал в руках «Правду», «Известия», «Комсомолку», «Красную звезду»...

«Фронтовики» (так партизаны окрестили своих новых товарищей, пришедших из-за линии фронта) быстро влились в дружную семью отряда. На другой же день после их прихода Филипских повел группу подрывников в район разъезда Блужа. Убедившись в отсутствии патрулей, партизаны быстро заминировали полотно, поставили взрыватель. Замаскировав следы своей работы, укрылись в ближайшем лесу — хотелось увидеть результаты взрыва.

Издали долетел гул тяжелого состава. Томительно тянулись минуты ожидания. Наконец под колесами полыхнул огонь, и Филипских увидел, как паровоз повалился набок. Поднялись на дыбы вагоны, полезли один на другой. Бешеный грохот ударил в опушку леса. Над головами партизан, срезая ветви, просвистели осколки. Оказалось, что в эшелоне были вагоны с минами и снарядами...

Гром партизанских взрывов звонким эхом пронесся по всей округе. В лес, к Филипских, потянулся народ. Группа росла. Вскоре после прихода «фронтовиков» в ней насчитывалось более ста бойцов. По решению Минского подпольного межрайкома партии группа Филипских была преобразована в партизанский отряд. Бойцы дали ему символическое название — «Пламя». И в самом деле, по всей Минщине разгоралось пламя партизанской борьбы. Отряд вошел в бригаду «За Родину», которой командовал майор А. К. Флегонтов.

В своем отряде Филипских организовал курсы подрывников. Занятия проводили командиры взводов, наиболее умелые подрывники и сам командир отряда. Он щедро делился боевым опытом. А его Евгению не занимать — к тому времени он пустил под откос девять вражеских эшелонов. Бывало иногда, группа возвращалась, не выполнив задания. Филипских посылал ее снова и снова, до тех пор

пока она не пускала под откос вражеский эшелон. А если требовалось показать пример, Филипских формировал спецгруппы из командиров и лично вел их на боевую операцию. Эти группы, несмотря на все трудности, взрывали гитлеровские составы, доказывая тем самым, что невыполнимых заданий нет.

* * *

Отряд постоянно расширял круг своих боевых действий. Внимание Филипских привлек мост через реку Талька у станции Талька. Торчит, проклятый, как бельмо на глазу, а по нему один за другим идут на восток фашистские эшелоны. «Мост надо взорвать!» — решил Филипских.

— Позовите ко мне Мальцева,— сказал он адъютанту.

Через несколько минут Сергей Мальцев был уже в командирской землянке.

— Садись, Сергей,— показал на скамью Филипских и дружески посмотрел ему в глаза.

К Мальцеву Евгений испытывал особое расположение, прямо-таки нежность. Ведь вместе с Сергеем, вместе с Виктором Красильниковым и Михаилом Мелеховым он начинал организацию отряда. Сергей и Виктор спасли ему жизнь, когда он был тяжело ранен во время неудачного похода в Блужский Бор. Этого не забыть... Мальцев возглавляет отрядную разведку. На самые тяжелые и ответственные задания посылает его командир. Его и Красильникова. И всегда они с честью выполняют любое задание.

— Пойдешь разведать Тальковский мост,— сказал командир.— Возьми с собой Красильникова. Трех дней тебе хватит?

— Думаю, хватит.

— С подпольщиками свяжись, не забудь...

Разведчики исползали всю местность вокруг моста, собирая сведения о противнике. Затем по заданию Мальцева подпольщики со станции Талька — Иван Петровский, Галя Бирилло, Зина Акульчик — уточнили и перепроверили ранее полученные сведения....

— Н-да, это тебе не фунт изюма съесть,— задумчиво протянул Филипских, изучая схему вражеских укреплений, составленную Мальцевым и Красильниковым.— Повсюду доты, блиндажи, проволочные заграждения. Охрана вооружена пулеметами, автоматическими пушками. Силен гарнизон! Одному отряду с ним, пожалуй, не справиться...

Ладно, попросим Тихомирова помочь. У него и артиллерия есть... Ну, а сколько тола нужно, чтобы эту махину сковырнуть? Как по-твоему? — обратился Филипских к Сергею Мальцеву.

— А по совести сказать, не знаю... Но не меньше ста килограммов.

— Проверим! — Филипских принялся за расчеты.

Вот когда пригодилась инженерная подготовка, полученная в горном институте, в котором Евгений учился перед войной.

— Нужно сто пятьдесят килограммов,— окончив расчеты, сказал Филипских и выразительно посмотрел на Мальцева.— Соображаешь?

— Добудем, товарищ командир! — поняв этот взгляд как приказ, твердо заверил начальник разведки.

В окрестных лесах и болотах партизаны насобирали три повозки мин, неразорвавшихся снарядов и авиабомб. Днем и ночью в отрядной мастерской выплавляли из них тол, пока не добыли необходимое количество взрывчатки. Тем временем в разработку операции включился и Владимир Тихомиров — командир соседнего отряда. Вместе с Филипских они наметили направление главного удара.

В ночь с 7 на 8 октября сорок второго года партизаны вышли на исходный рубеж и изготовились к атаке. Филипских расположил свой командный пункт на высоком берегу реки. Ровно в двадцать четыре ноль-ноль в черное осеннее небо, рассыпая ослепительные брызги, взвилась красная ракета. И в тот же миг ночную тишину разорвал шквал огня. Били партизанские пушки, пулеметы, строчили автоматы. Партизаны поднялись в атаку.

Часть гитлеровцев кинулась бежать. Но те, кто похладнокровней, открыли бешеный огонь. Атака захлебнулась. Партизаны залегли...

— Под насыпью мертвое пространство! Там враг не достанет! — крикнул Филипских, как будто его могли услышать в грохоте стрельбы.— Вперед! — и ринулся с командного пункта.

Вот он уже в партизанской цепи. Встал в рост. Крикнул:

— Ура! За мной! — и бросился на крутую насыпь. Вслед за командиром устремились остальные партизаны.

Тут же на полотно выбрались подрывники во главе с комиссаром отряда Василием Шкляриком, тяжело нагруженные толом.

Подрывники с боем прорвались к мосту. Приставив лестницы, минеры заложили заряды, соединили их детонирующим шнуром.

— Все назад! — скомандовал Филипских и протянул руку к подрывнику Максиму Тарикову: — Спички!

Чиркнул — огонек испуганно метнулся и тут же погас. Тогда Филипских чиркнул сразу тремя спичками. Бикфордов шнур зашипел, задымил, дымок побежал все дальше и дальше, к зарядам. Филипских и Тариков со всех ног бросились прочь от моста.

Взрывная волна догнала их, тяжело толкнула в спины. Двадцатипятиметровый мост рухнул в реку. Железная дорога Минск — Бобруйск бездействовала в течение десяти дней.

А в отряд радио принесло радостную весть: за успешно проведенную операцию Е. Филипских и комиссар отряда В. Шклярик были награждены орденами Красного Знамени. Правительственные награды получили и другие партизаны, отличившиеся в бою за Тальковский мост.

За Филипских и его отрядом закрепилась слава смелых, удачливых подрывников. Когда в марте 1943 года в бою погиб командир бригады «За Родину» майор А. К. Флегонтов, Евгения назначили комбригом. И снова он водил партизан по тылам врага. Продолжал интересоваться и делами своего родного отряда, который к тому времени успешно провел шестьдесят пять боевых операций, пустил под откос тридцать семь вражеских эшелонов, уничтожил около трехсот вагонов. Отряд рос. В нем насчитывалось уже двести пятьдесят человек. Учитывая все это, Минский подпольный межрайком партии 5 июня 1943 года решил преобразовать отряд «Пламя» в самостоятельную бригаду. Командиром назначили Е. Филипских, его заместителем — В. Красильникова, комиссаром — И. Шершнева, начальником штаба — М. Тарикова. Предстояли новые сложные боевые операции. Филипских вызвали на Большую землю. И вот самолет несет комбрига через линию фронта.

* * *

...В штабе партизанского движения Белоруссии Евгения Филипских встретили радушно. Он сделал обстоятельный доклад о боевых действиях в тылу врага, о перспективах

дальнейшего развития партизанской борьбы. Выделение его отряда в самостоятельную бригаду руководство штаба одобрило. Но Филипских догадывался, что в Москву его вызвали не только для отчета. Вскоре это предположение оправдалось...

Ставка Верховного Главнокомандующего, Генеральный штаб разрабатывали план разгрома фашистских войск на Орловско-Курской дуге. Свой вклад в эту операцию должны были внести и партизаны. Еще до начала Курской битвы начальник ЦШПД, первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, вызвал к себе начальника БШПД П. З. Калинина и напомнил ему, что наряду с «охотой» за эшелонами нужно переходить к разрушению железнодорожного полотна.

24 июня 1943 года состоялось заседание бюро ЦК КП(б)Б. Обсуждался один вопрос: о разрушении железнодорожных коммуникаций. С сообщением выступил П. К. Пономаренко.

— Задача состоит в том, чтобы за короткий период подорвать как можно больше железнодорожных путей,— подчеркнул Пантелеймон Кондратьевич.

В специально принятом постановлении предполагалось взорвать свыше ста тысяч рельсов.

Приподнятое радостное чувство испытывал Филипских, когда перед ним поставили задачу участвовать в «рельсовой войне». Были у него и люди, и оружие, вот только взрывчатки не хватало.

— К вам пойдут самолеты с толом. Подбросим и оружие,— сказали комбригу, выслушав его просьбу.

Филипских уже был готов вылететь в бригаду, когда из-за линии фронта пришло тревожное сообщение: стремясь обезопасить свой тыл на время летней кампании, гитлеровцы предприняли крупную карательную экспедицию против партизан. Бригада «Пламя» ведет жестокие бои с фашистами. Посадочная площадка — в руках врага.

Комбриг верил, что его товарищи с честью выйдут из выпавшего на их долю тяжелого испытания. В бригаде — храбрые бойцы, прекрасные командиры. А пока, пользуясь непредвиденной задержкой, Евгений навел справки о своем отце. И вот что он узнал. Оставшись на оккупированной территории, старый машинист Федор Никитич Филипских организовал в своем родном городе Волновахе партизанский отряд и стал его командиром. Но кто-то выдал отца.

Гитлеровцы схватили его и расстреляли в числе других тридцати восьми партизан.

«Я отомщу за тебя, отец!» — поклялся Филипских. С нетерпением он ждал, когда сможет снова вернуться за линию фронта.

Понеся большие потери, каратели отступили. В штаб пришла шифровка, сообщавшая, что партизанские аэродромы восстановлены и могут принять самолеты с Большой земли.

И вот Евгений снова в кругу своих боевых друзей. Его обнимают до хруста в костях. Комбриг пускает по кругу коробку московского «Казбека». С удовольствием затягиваются партизаны ароматным дымком. На глазах у всех из самолета выгружают новенькие автоматы, патроны, ящики с толом, медикаменты, соль, спички, табак, московские газеты. Захватив раненых и детей, самолет уходит на Большую землю.

Филипских выслушивает доклад начальника штаба Тарикова, оставшегося за него. Во время блокады бригада успешно маневрировала, сумела выйти из-под удара и напасть на врагов там, где они меньше всего ожидали. Большую роль сыграла хорошо поставленная разведка и связь с местным населением. Партизанам регулярно сообщали о каждом шаге и намерениях карателей.

— Молодцы! — похвалил своих подчиненных комбриг.— А теперь слушайте меня... Нужно устроить врагу «ночной концерт»! — и Филипских рассказал о задуманной в Москве операции «рельсовая война».

Выполняя приказ комбрига, к железной дороге Пуховичи — Талька пошли разведчики. Вдоль полотна гитлеровцы понастроили блиндажи, дзоты, протянули ряды колючей проволоки, надеясь укрыться от партизан. Зоркие глаза разведчиков подмечали все. Точные сведения были получены о каждой огневой точке противника. Как ни мудрили фашисты, партизанская разведка разгадала их секреты.

Комбриг от души поблагодарил разведчиков И. Марцинюка, Б. Петровского, П. Галиевского, К. Жука и других за точные сведения. На основе их Филипских, начштаба М. Тариков, командиры отрядов разработали план захвата и уничтожения железнодорожного полотна.

В ночь на 3 августа 1943 года партизаны вышли на исходные позиции. Филипских поступали доклады о готовности отрядов к штурму. Евгений посмотрел на часы. Све-

тящаяся стрелка приближалась к одиннадцати. Пора! По команде комбрига в небо взвилась зеленая ракета.

Партизаны дружно ударили из винтовок, автоматов, минометов. Ударила и единственная партизанская пушка. Бригады ринулись в атаку. Они штурмовали полотно в районе блок-поста № 1. На его левом фланге вел бой отряд имени Чапаева, на правом — отряды «Победа» и «Слава». Гитлеровцы бешено сопротивлялись. После часового боя партизаны ворвались на полотно. Оккупанты вели фланговый огонь. Прижимаясь к рельсам, партизаны ставили на стыках толовые шашки.

Задымили бикфордовы шнуры, и партизаны, отстреливаясь, начали организованно отходить от полотна. Раздались взрывы. Удивленные гитлеровцы прекратили стрельбу. Создалось такое впечатление, будто началась артиллерийская канонада. В воздухе со свистом проносились куски рельсов, обломки шпал.

Со станции Пуховичи и Талька спешили гитлеровские вспомогательные поезда. Но партизаны, словно призраки, растаяли в ночном лесу.

5 августа 1943 года Филипских сообщил в Москву:

«Пономаренко, Калинину, Эйдинову. Выполняя Ваш приказ о нанесении массированного удара по коммуникациям противника... личный состав партизанской бригады «Пламя»... с честью выполнил поставленную перед ним боевую задачу...»

Тут же приводились результаты операции — подорвано тысяча пятьсот десять рельсов, убито десять гитлеровцев. Движение приостановлено на десять дней. Свои потери — погибло два и ранено шесть человек.

На подрыв железных дорог вышли и другие партизанские бригады и отряды. По всей Белоруссии гремели взрывы. В те дни на всей оккупированной территории бушевала «рельсовая война». Грохот ее взрывов сливался с гулом советских орудий на Курской дуге и первым праздничным салютом в честь победителей в Москве.

* * *

Новый, 1944 год Евгений Филипских встретил в звании полковника. Офицерские звания получили замкомбрига Виктор Красильников, начштаба Максим Тариков и другие партизанские вожаки.

Наступали горячие весна и лето 1944 года. В советских штабах разрабатывался план операции «Багратион», готовился разгром гитлеровских войск в Белоруссии. Как и в дни Курской битвы, партизанам приказали провести новую операцию по массовому подрыву рельсов под кодовым названием «Весенний концерт». С большим напряжением заработал «воздушный мост» Москва — партизанский край.

На аэродроме бригады «Пламя» один за другим приземляются самолеты с толом, бикфордовым шнуром, оружием, боеприпасами. Филипских и его бойцы от души благодарят летчиков Ф. Фетисова, А. Мочалова, Г. Гуркина, Н. Кобтурмана и других за помощь, дарят им личное оружие, заносят в списки почетных партизан.

Коротки июньские ночи. Едва погаснет вечерняя заря, а на востоке уже брезжит рассвет. Вот в такую светлую ночь на 21 июня 1944 года бригада «Пламя» в полном составе вышла к железной дороге Минск — Осиповичи. Фашисты встретили партизан огнем. В ответ заработали партизанские минометы. Штурмовые группы забрасывали гранатами дзоты, блиндажи, траншеи.

Сквозь шум боя долетели гудки паровоза.

— Эшелон с танками! — доложили Филипских.

— Хорошо! — возбужденно воскликнул он.— Отрезать! Не пропустить!

Под пулями врага минеры поползли к железной дороге. Прошло несколько минут, и над полотном прогремели взрывы. Минометчики и бронебойщики повели беглый огонь по эшелону с танками. Рыжие языки пламени запрыгали с платформы на платформу, охватывая бронированные машины.

Вдруг в шуме боя Филипских услышал перестук колес, тревожные гудки.

— Кто еще пожаловал в гости?

— Бронепоезд! Да не один, а два!

Приземистые, покрытые зелено-черными разводами бронепоезда осторожно ползли по рельсам. Временами вспыхивали прожектора, обшаривая полотно.

— Взорвать путь! Огонь по бронепоездам! — приказал комбриг.

И снова перед самым носом бронированных махин вздымаются взрывы. Бронепоезда остановились, открыли бешеный огонь. Но партизаны уже покинули полотно, отходят

к лесу. Задача выполнена. Уничтожено двести рельсов, подожжен эшелон с танками. Потери — трое раненых.

В первых числах июля бригада «Пламя» соединилась с наступающими частями Красной Армии. Встреча была радостной и волнующей. Партизаны и солдаты обнимались, целовались, обменивались подарками, фотографировались на память. В те дни Филипских издал приказ: «Боевые мои товарищи! — говорилось в нем.— Поздравляю вас с большим праздником — воссоединением с нашими братьями, славной и непобедимой Красной Армией. И пусть этот день, за который мы дрались и проливали свою кровь три года, будет для нас лучшей и светлейшей памятью на всю жизнь».

Заканчивался приказ следующими словами: «Где бы из вас кто ни работал — на фабрике или заводе, в колхозе, в рядах славных красных воинов — быть такими же верными, честными и самоотверженными, какими вы были до настоящего времени. Вздымайте славу патриотов все выше и выше, несите нашу победу все дальше и дальше!»

Вместе с солдатами партизаны штурмовали Марьину Горку и Пуховичи. А оттуда пошли на Минск, добивать врага...

Последний приказ за № 52 Филипских отдал 1 сентября 1944 года. В нем всего несколько строк. Это, пожалуй, самый короткий приказ за все время существования бригады. Комбриг закончил тот приказ так: «...последнюю сего числа полагать расформированной». И подписал: Герой Советского Союза полковник Филипских. Это высокое звание присвоено ему 15 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные в боях с гитлеровскими захватчиками.

В. Неретин

КЛЯТВУ СДЕРЖАЛ

(О Фролове Н. М.)

На дневку партизанский отряд расположился в лесу. После ночного боя люди отдыхали. Одни, забравшись в заросли кустарника, спали, другие приводили в порядок одежду, третьи чистили оружие. Мало ли дел у бойца-партизана...

День клонится к вечеру. Командир отряда Макар Андреевич Кожухарь сидит на пне и сосредоточенно смотрит на топографическую карту. Делает какие-то пометки цветными карандашами. Отвлекся, задумался. К нему подошел комиссар отряда Дручин.

— Макар Андреевич, большой костер будем разводить сегодня? Новых людей к присяге приводить надо.

— Будем, Анисим Гаврилович, обязательно будем,— Макар посмотрел на часы.— У вас все готово?

— Да.

С разных сторон подходят люди. Командиры взводов, отделений, групп докладывают Кожухарю о количестве прибывших. Иван Герасимо-

вич Скороходов, начальник штаба отряда, ведет учет. Раздалась команда:

— Ста-а-ано-о-ови-и-ись!

Бойцы построились в две шеренги. Пожалуй, нет в жизни такой пестроты, какую можно увидеть в партизанском отряде, когда он в сборе. В одном строю мужчины и женщины. Бородатые старики стоят рядом с подростками. Одеты по-разному: стеганые ватники, пиджаки, кожанки, пальто, кителя, френчи, гимнастерки. Оружие тоже разных систем и образцов: пистолеты, автоматы, винтовки, карабины, ручные пулеметы, гранаты.

Горит костер. В строю стоят недавно прибывшие в отряд бойцы. Перед ними — Макар Кожухарь. Он говорит людям о долге перед Родиной, целях и задачах отряда.

В первом ряду строя стоит невысокий восемнадцатилетний юноша. На нем — офицерский китель. Широкие штаны заправлены в кирзовые сапоги. На груди — автомат. Тонкая талия туго перехвачена ремнем, на котором висят гранаты. За спиной — тяжелый вещевой мешок с боеприпасами.

Это Коля Фролов. В отряде он около недели. Все для него здесь ново и необычно: и тревожная обстановка в лесу, и этот костер, и суровые, сосредоточенные люди.

Кожухарь развернул перед собой присягу. Медленно, четко, делая большие паузы, начал читать. Строй повторял за ним:

— Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического советского народа, клянусь...

Кажется, и лес приумолк, прислушиваясь к необычному хору людей. Только легкий ветерок изредка пробегает по верхушкам деревьев.

— За сожженные города и села, за смерть женщин и детей, за пытки и издевательства над моим народом я клянусь...

Все жилки напряжены у Коли. Он принимает присягу вместе с товарищами, с которыми может завтра же пойдет в бой.

* * *

Несколько дней Коля Фролов ходил под впечатлением принятой присяги. Голову сверлили врезавшиеся в память слова: «...я клянусь мстить врагу жестоко и беспощадно. Кровь за кровь, смерть за смерть...»

Как же он, крестьянский парень с Тамбовщины, попал в ряды партизан? С чего все началось? Он мысленно оглядывается назад. Заново переживает недалекое прошлое. Перед глазами мелькают лица, разматывается клубок событий.

...Перед войной два старших брата Фроловых — Василий и Иван — уже служили в Красной Армии. Отец давно умер. За хозяина в доме был шестнадцатилетний Николай. Он в первые же дни войны не раз ходил в райком комсомола и военкомат, просился на фронт. Но возращался к матери, Лукерье Степановне, со словами: «Не берут, говорят, что молод».

Только в середине 1942 года из Ржаксинского райкома комсомола пришло письмо. Николай Фролов приглашался на беседу к секретарю. Кроме того, в письме советовали «взять с собой пару чистого белья и запас продуктов на три дня».

Фролова в райкоме долго не задержали, отправили в Тамбов, а оттуда — в Москву. Там поступил он в школу, которая готовила специалистов для партизанских отрядов.

Учеба закончилась в январе 1943 года. Коля стал разведчиком-подрывником. Его зачислили в резерв штаба партизанского движения. Там познакомился он с Макаром Кожухарем. Полюбил его Коля за житейскую мудрость, спокойный и рассудительный характер. Кожухарю тоже приглянулся шустрый паренек.

Вскоре в резерве скомплектовали группу организаторов из семи человек во главе с Кожухарем. Ее готовили к заброске в тыл врага для создания молдавского партизанского отряда. Когда группа выезжала на аэродром, Коля пришел попрощаться с товарищами. Жалко ему было расставаться с Кожухарем, с которым так близко сошелся.

— Не горюй, Коля! — Макар обнял юношу.— Наверняка в мой отряд попадешь.

Благополучная высадка группы Кожухаря обрадовала всех в резерве. Сразу же начался подбор специалистов для нового отряда. Занарядили необходимое на первый случай количество оружия. Было выделено два самолета: пассажирский и грузовой. Коле Фролову приказали сопровождать груз.

Ночью самолеты поднялись в воздух. На большой высоте пересекли линию фронта. Через круглое окошко Коля увидел горящие на земле костры — условный сигнал. Сначала сбросили груз, а потом второй пилот сказал Фролову:

— Ну, парень, теперь твоя очередь, ни пуха ни пера тебе!

Коля поправил висевший за плечами парашют. Подошел к двери. Тугая струя воздуха ударила в лицо...

И вот он в партизанском отряде, где командиром Макар Андреевич Кожухарь. Вместе с ним Николай.

* * *

Группа во главе с Кожухарем высадилась 13 марта 1943 года в Полесской области Белоруссии, где действовало партизанское соединение генерал-майора Сабурова. Группа прошла у сабуровцев боевую практику: партизаны ходили в разведку и засады, участвовали в налетах на небольшие гарнизоны противника.

После этого можно было приступать к выполнению главной задачи — двигаться к Молдавии. Кожухарь молдаванин. Его родина — село Маловатое Дубоссарского района. И он считал своим долгом поднимать молдаван на борьбу с фашистскими захватчиками.

Наметив маршрут движения, Кожухарь пошел посоветоваться с Сабуровым. Генерал внимательно выслушал, улыбнулся:

— В Молдавию тянет?

— Потому и тянет, что задачу выполнять надо.

Сабуровцы тепло проводили гостей: выделили десять опытных, хорошо обученных и вооруженных бойцов во главе с командиром роты Анисимовым, снабдили людей двухнедельным запасом продовольствия.

— Счастливого пути,— прощаясь с Кожухарем, сказал генерал.— Пойдете по маршруту, сами поймете, что к чему.

Так в Лельчицких лесах зародился партизанский отряд, получивший имя славного сына молдавского народа, легендарного героя гражданской войны Григория Ивановича Котовского.

Отряд быстро рос. Ко времени высадки Николая Фролова котовцы насчитывали в своих рядах около трехсот человек. Это были в основном необученные люди, среди них к тому же подростки и женщины. Надежной опорой Кожухаря в обучении и воспитании партизан являлись Николай Фролов и другие специалисты, присланные из Москвы, и закаленные сабуровские бойцы. Были созданы партийная и комсомольская организации.

Подрывники получили от командира отряда первое боевое задание: выйти к полотну железной дороги и пустить под откос вражеский эшелон. В группу Фролова вошли: Николай Тушинский, Михаил Витковский, Митрофан Гудков, Иван Жаборовский и пятнадцатилетний Леня Юшкевич.

Расстояние до железной дороги около пятнадцати километров. Шли ночью. У полотна залегли. Справа, метрах в шестидесяти — семидесяти, заметили силуэт часового. Слева на таком же расстоянии ходил второй часовой.

— Снимать часовых не будем. Шуму наделаем много,— сказал Николай товарищам.— Попробуем между ними проползти.

Так и решили. Выставили охранение. К полотну поползли командир группы и Николай Тушинский. Бесшумно карабкались они вверх по насыпи. Вот и рельсы. Заработали, как кроты, делая подкоп между шпалами. Стоит чуть-чуть стукнуть по рельсу — все пропало. Охрана — рядом.

Подкоп сделан. Мина поставлена.

— Давай капсюль,— сказал Фролов помощнику.

Тушинский протянул, но от волнения уронил. Попробуй, найти в темноте. Фролов еле сдержался от негодования. Поезд вот-вот должен подойти. Наспех пристроил запал от гранаты «Ф-1». Может сработает.

Отползли назад. Ждут. Поезд промчался на всех парах. Заложенная мина не взорвалась. Боевое задание не выполнено. Но этого не должно быть! Фролов приказал всем лежать на месте. Сам вновь пополз к дороге. Надо же выяснить, в чем дело.

Обшарили все карманы — капсюль нашелся. Дождались следующего поезда. Опять что-то не так — взрыва не было. Как же возвращаться в отряд? Что сказать командиру?

В третий раз пополз к полотну. Разрядил мину и забрал ее с собой. До рассвета группа пряталась в лесу.

— Пока не выполним задание, в отряд не вернемся,— решительно объявил Фролов.

Брови его сурово нахмурились. Все видели, переубеждать командира безнадежно. К тому же сами понимали, что боевое задание надо выполнить.

Весь день бродили по лесу. Нашли ручку от противотанковой гранаты. Фролов вскрыл ее ножом, извлек запал. Рискнуть?

Дождались ночи. Фролов пополз к полотну один. Сделал подкоп, заложил мину под рельс, вставил запал.

Прислушался. Рельсы гудят. Значит, идет поезд. Вскочил, побежал. А поезд — вот он, рядом. Грянул взрыв. Николая тяжело ударило взрывной волной. Пересиливая боль, добежал до товарищей. Враги открыли беспорядочную стрельбу. Темная ночь скрыла смельчаков.

Перед рассветом партизаны решили посмотреть на результаты своей работы. Вражеский эшелон пошел под откос. Много гитлеровских солдат и офицеров было уничтожено.

Группа подрывников возвратилась в отряд благополучно. Фролов не утаил, подробно рассказал, с какими приключениями выполнялось первое боевое задание.

Таково было боевое крещение Николая Фролова. Потом дела пошли лучше. От задания к заданию совершенствовалось мастерство подрывника-диверсанта.

* * *

Центральный Комитет Компартии Молдавии направил через линию фронта еще несколько групп организаторов. Созданные отряды были сведены в 1-е Молдавское партизанское соединение. Командиром его назначили полковника Василия Андреевича Андреева, комиссаром — секретаря ЦК Компартии Молдавии Ивана Ивановича Алешина. Кожухарь стал первым заместителем командира соединения. Фролов возглавил диверсионно-разведывательную группу в отряде имени Лазо, который выделился из отряда имени Котовского. Молодежь избрала Николая секретарем комсомольской организации.

В диверсиях на стальных магистралях наиболее полно проявились боевые и моральные качества Николая Фролова. Комсомолец имел пытливый и расчетливый ум, крепкие нервы и выносливые мускулы, в его груди билось горячее сердце патриота. Фролов стал уважаемым человеком в коллективе.

Придет он с боевого задания — и к молодежи. Рассказывает, как диверсия прошла, кто в бою отличился. Послушает рассказы товарищей. Глядишь, а речь идет уже о долге перед Родиной, о комсомольской чести.

В отряде насчитывалось около тридцати комсомольцев. Как обеспечить их передовую роль в бою? Фролов воздействовал на людей личным примером. Смело брался за вы-

полнение самых ответственных и опасных заданий. Комсомольцы шли за своим вожаком, равнялись на него, подражали ему.

Однажды партизаны заметили, что установленные мины срабатывают, а эшелоны остаются целыми. «В чем дело?» — задумались подрывники. Проследили. Оказалось, фашисты впереди локомотива ставят платформы с балластом. Под тяжестью первой платформы мина срабатывает, машинист останавливает состав. Путь быстро восстанавливается ремонтной бригадой, и поезд следует дальше.

Но не зря Николай Фролов изучал в школе минноподрывное дело.

— На хитрость врага ответим своей хитростью,— сказал товарищам.— Будем взрывать шнуром. Платформу пропустим, а под паровозом «рванем».

Руководимая Николаем Фроловым диверсионно-разведывательная группа быстро перестроилась. Не было ни одного случая срыва. В докладной записке, посланной в Украинский штаб партизанского движения и ЦК Компартии Молдавии, командование соединения наряду с другими сведениями сообщило следующее:

«В ночь на 4.9.43 г. группа подрывников в составе Фролова (командир группы), Колодина, Витковского, Чуткова, Лосеня на ж. д. Шепетовка — Славута (3 *км* зап. Шепетовки) пустила под откос эшелон противника с живой силой, двигавшийся на восток. Разбиты паровоз, 14 вагонов. Убито до 350 гитлеровцев.

...В ночь на 19.9.43 г. диверсионная группа в составе Фролова (командир группы), Витковского, Юшкевича на ж. д. Шепетовка — Славута (участок Славута—Цветоха) пустила под откос эшелон противника с живой силой, шедший на восток. Разбиты паровоз, 11 вагонов, убито 175 немцев...»

В боевой практике Николая Фролова имел место поистине редкий случай. Произошел он не при счастливом стечении обстоятельств, а благодаря высокому боевому мастерству, находчивости и смелости диверсанта-подрывника.

Магистраль Шепетовка — Славута работала с большим напряжением. После каждой диверсии фашисты восстанавливали полотно, пропуская поезда один за другим. Командир партизанского соединения В. А. Андреев вызвал к себе Фролова, развернул перед ним карту. На ней карандашом был обведен район Шепетовка — Славута.

— Хоть и далеко ушли мы от этой линии,— сказал Василий Андреевич, скользнув мизинцем по красному овалу,— все же пробраться туда надо. Хорошо бы пустить под откос парочку эшелонов. Но действовать следует как можно осторожнее. Дорога усиленно охраняется.

На следующий день Николай Фролов во главе группы из двенадцати человек тронулся в путь. Шли в основном ночью.

Достигнув намеченного разъезда, партизаны изучили режим движения эшелонов, порядок охраны дороги, расположение огневых точек, подступы к полотну. Ночью близко подходили к насыпи, днем углублялись в лес, забирались на высокие деревья и наблюдали.

— Хорошо бы, хлопцы, заминировать сразу две колеи,— высказался Николай.

— Хорошо бы,— ответил Витковский,— но как? Видел какая охрана? Не подступишься.

Что делать? Фролов задумался. И выход нашел. Разделил подчиненных на две группы. Одной руководил сам, другую поручил Витковскому. Договорились о месте и времени установки мин.

По первоначальной задумке группа Фролова должна была снять часового, а группа Витковского скрытно пройти между постами — расстояние достаточное, да и охранники не ждут такой дерзости. Однако с вечера пошел дождь. Небо заволокло тучами. Темь, хоть глаза выколи. Фашистские часовые укрылись от дождя плащ-палатками.

Николай решил часового не снимать. Подрывники незаметно подползли к полотну дороги, осторожно сделали проход в проволочном заграждении, проползли между часовыми и заминировали колею.

Фролов привязал шнур к чеке, вставил взрыватель и, осторожно расправляя шнур, отполз в укрытие. Здесь и стал ждать. Товарищи вели наблюдение.

Николай беспокоился за Витковского. Как у него дела? Все ли хорошо? Послал человека. Вернувшись, партизан доложил:

— У них все в порядке. Мина заложена. Тоже ждут поезда.

Во второй половине ночи услышали отдаленный звук движущегося эшелона. По какой колее он идет? Напрягли слух и зрение. Звук постепенно нарастал. Стало ясно — поезд движется с запада. Вскоре замерцали огоньки на про-

тивоположной стороне. Идет встречный. Эшелоны быстро сближались. И вот она, долгожданная минута. Затаив дыхание, Фролов с силой дернул за шнур. Взрыв! Через две минуты окрестность огласилась новым взрывом. Сработала мина Витковского. Потом выяснилось: один эшелон шел с живой силой, другой — с зерном и различным имуществом, награбленным в нашей стране.

Задание командира соединения было выполнено!

* * *

22 ноября 1943 года в партизанском соединении состоялась первая комсомольская конференция. В Городницком лесу, в большой, специально оборудованной землянке, делегаты подвели итоги боевой деятельности, наметили и обсудили насущные задачи комсомольских организаций партизанских отрядов.

Немногословными были речи. В прениях по основному вопросу выступило двенадцать человек. Каждый говорил о самом главном: сражаться за Родину, не щадя сил и самой жизни, беспощадно уничтожать фашистскую нечисть.

Богатый боевой счет был к этому времени у делегата Николая Фролова: десять вражеских эшелонов с живой силой и боевой техникой пустил он под откос. Только в ноябре, до открытия конференции, на участке железной дороги Шепетовка — Славута он подорвал пять фашистских поездов. Скупо и протокольно кратко, но весомо и неопровержимо донесла до нас оперативная сводка штаба соединения самоотверженный подвиг молодого партизана.

«...10.11.43 г. в 19.00 диверсионная группа в количестве 11 человек (командир группы т. Фролов) на ж. д. Славута — Шепетовка пустила под откос воинский эшелон с живой силой, следовавший на восток. Разбиты паровоз, 5 вагонов, убито 75 немцев.

11.11.43 г. в 20.45 этой же группой на ж. д. Славута—Шепетовка (4 *км* восточнее Славуты) пущен под откос эшелон со снаряжением и живой силой. Разбиты паровоз, 10 вагонов, убито 120 немецких солдат и офицеров.

13.11.43 г. Разбиты паровоз, 11 вагонов, убито 160 немецких солдат и офицеров.

14.11.43 г... Разбиты паровоз, 10 вагонов, 24 мотоцикла, подорвано 300 000 винтовочных патронов.

16.11.43 г... Разбиты паровоз, 9 вагонов, убито 180 солдат и офицеров врага, много ранено».

Выступавшие на конференции ставили в пример боевую деятельность Николая Фролова, мужественного, смелого, искусного подрывника-диверсанта.

Выработанная на комсомольской конференции резолюция прозвучала словно клятва. «Мы заверяем нашу Коммунистическую партию и Советское правительство,— писали делегаты от имени всей молодежи,— что будем действовать так, чтобы оправдать великое звание красного партизана — народного мстителя».

Комсомольцев, показавших образцы храбрости, отваги и воинского умения в боях с фашистскими захватчиками, избрали в комитет комсомола соединения. Этой чести удостоился и Николай Фролов. А командир соединения, отмечая в приказе боевые заслуги Фролова, выдвинул его на должность заместителя командира отряда по минноподрывному делу. В начале 1944 года Николай был назначен помощником комиссара партизанской бригады по комсомольской работе.

Фролов бесстрашно дрался с фашистами при переходе железной и шоссейной дорог Тернополь — Подволочийск. Три пехотных батальона противника разгромили партизаны в районе хутора Белая Корчма.

Основные силы партизанского соединения 4 марта 1944 года встретились в районе Лановцев с наступавшими частями Красной Армии.

Славный боевой путь соединения, его отрядов и групп дальней разведки проложен в глубоком тылу врага по территории десяти областей страны. На этом пути с боем было занято пятьдесят пять населенных пунктов, уничтожено много фашистских солдат и офицеров.

Николай Фролов внес весомый вклад в общие успехи соединения. Четырнадцать вражеских эшелонов пустил он под откос. На местах катастроф нашли себе могилу сотни гитлеровцев, мертвым грузом осталась лежать многочисленная боевая техника.

Николай Фролов сдержал клятву, которую он дал советскому народу, вступая в ряды партизан.

* * *

...Просторный Георгиевский зал Кремля заполнен людьми. Неожиданно раздались аплодисменты. В зал вошли Михаил Иванович Калинин и Николай Михайлович Швер-

ник. Они остановились перед собравшимися. В седых, почти белых усах и бороде Михаила Ивановича прячется еле заметная улыбка. Справа от него — стол с наградами, орденскими книжками и грамотами. Аплодисменты утихли. Все услышали голос Шверника:

— Сегодня у вас знаменательный день. Вам вручит боевые награды Михаил Иванович Калинин.

Николай Михайлович начал читать Указы Президиума Верховного Совета Союза ССР о присвоении звания Героя Советского Союза. Золотая Звезда вручается одному, другому, третьему...

— Фролов Николай Михайлович,— негромко и спокойно вызывает Шверник.

И хотя Николай ждал эту минуту, ему показалось, что она наступила внезапно. В груди учащенно забилось сердце. Подошел к столику. Михаил Иванович взглянул на партизана, и его седые, аккуратно подстриженные усы шевельнулись, задвигались морщины на щеках, лицо озарилось улыбкой. Вручив Фролову наградные документы, Калинин прикрепил к его груди орден Ленина и Золотую Звезду.

В Москве Фролов гостил недолго. Выехал в Киев. Начальник Украинского штаба партизанского движения Строкач вручил ему медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Остальные дни отпуска Николай провел у матери Лукерьи Степановны в селе Отхожем на Тамбовщине.

В Молдавию возвращался через Москву. Сидел в вагоне и вспоминал все, что видел и пережил за последний год. Три республики с партизанами прошел. Разных людей на оккупированной территории встречал. В гущу народной жизни, как говорится, с головой окунулся. Поведать бы об этом Михаилу Ивановичу. «Всесоюзному старосте» все надо знать.

В Москве сделал остановку. Пошел в приемную Президиума Верховного Совета СССР. Сказал, с какой целью идет к Калинину. Попросили подождать. Ответ пришел положительный.

С замиранием сердца вошел Николай в приемную. Михаил Иванович встал из-за стола, пожал ему руку и предложил сесть.

— Запомнил вас, товарищ Фролов,— правой рукой Калинин обхватил седую бородку.

— Я, Михаил Иванович, вот по какому вопросу...

— Дойдем и до вашего вопроса,— мягко остановил его Михаил Иванович.— Откуда приехали?

— С Тамбовщины.

— Как там люди живут?

Николай поделился своими впечатлениями о жизни колхозников родного села. На память пришли все заранее обдуманные слова и фразы. А потом речь зашла о путях-дорогах молдавских партизан, о думах и чаяниях советских людей, находившихся в оккупации. Калинин вышел из-за стола, прошелся по кабинету, мягко ступая по ворсу толстого ковра. Остановился около Фролова, что-то переспросил, задал несколько вопросов.

— Хорошо,— сказал он, когда Николай полностью высказался.— Из Москвы куда поедете?

— В Молдавию, к друзьям-партизанам.

— У вас какое образование?

— Семилетку не успел закончить.

— Маловато. Учиться надо, Коля,— по-отцовски ласково назвал его Калинин.— Поезжайте в Молдавию и приступайте к учебе.

...Николай Фролов выполнил совет Калинина, наверстал упущенное. Получил среднее образование. Затем окончил исторический факультет Кишиневского государственного университета.

В столице Молдавии по улице Армянской стоит двухэтажный дом. У входа вывеска:

«Кишиневская
русская сменная
средняя школа № 2»

Вот уже двадцать лет Николай Михайлович Фролов бессменный директор этой школы.

С. Аслёзов

ВЗРЫВ НА РАССВЕТЕ

(О Хомченовском В. А.)

Третий час длится наш разговор. Занятый партийными и государственными делами, Петр Миронович Машеров нашел время, чтобы встретиться со мной и рассказать о своем боевом друге Володе Хомченовском.

Володя погиб в декабре 1942 года. Ему присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

— Я любил его,— говорит Петр Миронович.— Это был человек сильной, духовно богатой, кристально чистой, мужественной натуры. Когда Володя погиб, мы все тяжело переживали. Казалось, его некем заменить,— Петр Миронович прикрывает лицо руками, так, наверное, лучше припоминать былое, недолго молчит, а потом глуховатым голосом, с какой-то особой, внутренней силой повторяет: — Я любил Володю...

Взволнованно, вспоминая мельчайшие подробности, рассказывает Петр Миронович о друге своей боевой молодости. Чтобы я лучше понял, ярче

представил события тех огненных лет, он рисует на листке бумаги схемы боевых операций, в которых участвовал Володя, снимает со стены карту Белоруссии, и, расстелив ее на столе, показывает места, где сражались партизаны. Любовно говорит о чертах характера Володи, его привычках, наклонностях, его душевной мягкости в отношениях с друзьями и о его суровой непримиримости к врагам. Образ получается яркий... Слушаю внимательно, стараюсь запомнить каждое слово...

В то же время чудится мне, будто за столом у Петра Мироновича собрались боевые друзья Володи... В кресле напротив сидит элегантный, очень милый, с мягкой, застенчивой улыбкой Андрей Иванович Петраков — ведущий инженер одного из московских проектных институтов, сугубо мирный, штатский человек. И кто бы мог подумать, что в годы войны Петраков командовал партизанской бригадой. Рядом с ним — напористый, энергичный Георгий Иванович Казарцев, бывший руководитель бригадной разведки. Он и ныне на переднем крае борьбы со всем тем, что мешает нашему народу,— заместитель министра внутренних дел республики, генерал-майор.

Дальше — Лев Алексеевич Волкович, старший преподаватель Витебского пединститута. Он был комсоргом отряда, в котором воевал Хомченовский. Тут же Виктор Савельевич Езутов — секретарь парткома совхоза «Островно» Бешенковичского района Витебской области. В годы войны — рядовой партизан... Я как бы слышу их голоса. Боевые соратники Володи! Многими штрихами они дополняют его портрет...

Каким же ты был, Володя Хомченовский, если светлая память о тебе и по сей день живет в сердцах твоих боевых друзей?

* * *

На стене висела большая географическая карта европейской части Советского Союза. Прочитав в газете сводку Совинформбюро, Володя Хомченовский передвинул к Полоцку красную нитку, обозначавшую линию фронта. Сурово сошлись брови — неужели война докатится и до родных мест? Но может быть, остановят. Вон сколько войск идет к линии фронта!

Действительно, в окнах дребезжали стекла от грохота проходящей техники. Вздымая облака пыли, проно-

сились танки, гусеничные тягачи тянули тяжелые гаубицы.

Бойцы шли бодрые, в невыгоревшем еще обмундировании, с новенькими, поблескивавшими от масла винтовками, готовые к схватке с врагом. Гремела песня:

Пусть ярость благородная
вскипает как волна!
Идет война народная,
священная война!

Слова и мотив песни обжигали душу...

Войска прошли. По ночам на западе полыхали зарницы, доносились орудийные раскаты. Под Полоцком кипели упорные бои.

Однажды под утро раздался тревожный стук:

— Наши отходят!

Володя выскочил на улицу. Армия отступала. Пропыленные гимнастерки потемнели от пота. У многих бинты в бурых пятнах крови. Бойцы шли, понурив головы, избегая смотреть в лица жителей.

Потом появились гитлеровцы. Начались страшные дни. По окрестным селам и деревням рыскали отряды карателей — ловили скрывавшихся бойцов и командиров, партийных и советских работников, коммунистов и комсомольцев. Оккупанты грабили, жгли, насиловали, убивали — устанавливали «новый» порядок.

Далекой казалась довоенная жизнь. Володя вспоминает и видит себя школьником, пионером, комсомольцем. Окончена средняя школа. Впереди — сотни дорог, выбирай любую! Он решает стать педагогом, воспитателем подрастающего поколения. Сданы вступительные экзамены в Оршанский учительский институт. Окончен первый курс. Володя и дальше хотел бы учиться на дневном отделении, но семейные обстоятельства не позволили. Нужно было помогать матери, и он устроился преподавателем русского языка и литературы в Соколищенскую семилетнюю школу. В институте перевелся на заочное отделение.

Учительствовать пришлось всего год — началась война...

«Что делать?» — такого вопроса для Володи Хомченовского не существовало. Надо бороться с врагами. Окрестные леса он знал как никто другой — пусти с завязанными глазами, придет в назначенное место. Еще мальчишкой всю

округу исходил пешком и на лыжах. А потом, когда был учителем, водил ребят в походы по родному краю. И теперь, отправляясь в лес, он всякий раз возвращался с находками: винтовками, пистолетами, гранатами, патронами. А однажды нашел ручной пулемет. В глухом лесу, в только ему известном месте сделал тайник. Осмотрев свой клад, подумал: «Скоро пригодится».

И правда, через несколько дней на шоссе Клястицы — Полоцк Володя обстрелял из ручного пулемета вражескую автоколонну. Спустя некоторое время опять устроил засаду и не раз в одиночку «охотился» за оккупантами. Но он понимал — один в поле не воин. Нужны соратники по борьбе. И Володя начал прощупывать настроение молодежи, своих вчерашних учеников. С первых встреч стало ясно: у ребят настроение боевое, так и рвутся в схватку с врагом. От души порадовался. Значит, то, чему он учил, принесло плоды.

Так начала свое существование подпольная комсомольско-молодежная группа в деревне Пироги, где жил Володя. В нее пока входило всего шесть человек. Своим руководителем они избрали Владимира Хомченовского.

— Собирайте оружие, выявляйте людей, готовых активно бороться с фашистами,— сказал на первом сборе Владимир.— А теперь расходитесь. По одному...

Сам он ушел последним. Под ногами шуршали опавшие листья, вызывая грусть. Противоречивые чувства владели Володей. С одной стороны, он радовался: как-никак сделан первый шаг в борьбе с оккупантами, создана подпольная группа. Есть оружие. С другой... Их всего шесть... Маленькая, ничтожная капля во враждебном океане фашистского тыла... Да, это так. Но они не одиноки. В соседних деревнях столько парней и девчат! Вспомнились довоенные комсомольские собрания, жаркие диспуты о месте в жизни, о том, что делать, когда над Родиной грянет военная гроза. И вот этот суровый час наступил... Ведь не сидят же они, его товарищи, сложа руки! Да и наверняка кто-то оставлен для руководства подпольем и партизанской борьбой. Говорят, в Соколище есть один человек...

* * *

На берегу реки стояла старая водяная мельница. Скрипнув, дверь отворилась, Володя переступил порог. Со скамьи поднялся человек, одетый в крестьянскую рубаху и полот-

няные порты, обросший густой бородой. Володя вгляделся. Да ведь это же их земляк, коммунист с восемнадцатого года, председатель Глубокского райисполкома Павел Антонович Куксенок! Он еще голосовал за него, когда проходили выборы в Верховный Совет Белоруссии... Хомченовский хотел назвать его по имени-отчеству, но Куксенок опередил его.

— Мельник я тутошний,— пробасил он, подавая руку.

Володя все понял, ни о чем не стал спрашивать, но удивился тому, как это его земляк сумел перевоплотиться, даже говорить стал по-другому!

— Народ на борьбу надо подымать,— выслушав Хомченовского, сказал Павел Антонович.— Перво-наперво люди должны знать правду о фронте. Фашисты-то трубят — Ленинград окружили. Москву взяли. Брехня все это! На-ка, почитай! — Павел Антонович достал из кармана листовку.

С волнением Володя развернул листок папиросной бумаги. Строчки прыгали, расплывались. Но все же прочел: Красная Армия бьет ненавистного врага.

— Возьми с собой. Размножь. Пусть люди правду-матку знают! — сказал на прощанье Павел Антонович.

Не раз посещал Володя старую мельницу. После встреч с Павлом Антоновичем он всегда испытывал прилив душевных сил. Но вскоре эти встречи прекратились. Оккупанты напали на след Куксенка...

Ничего не подозревающий Павел Антонович шел на встречу с одним из своих связников. Вдруг к нему подскочили гитлеровцы, заломили руки, повели к дому местного полицая. Один остался сторожить Куксенка, другой побежал докладывать начальству. Павел Антонович понял, что произошло. Видимо, пробил его последний час. Лучше смерть, чем пытки, чем позор плена. Ведь что может получиться? Гитлеровцы побреют, приоденут, сфотографируют, а потом разбросают по всей Белоруссии листовки с его портретом, в которых напишут, что депутат Верховного Совета республики, член партии с восемнадцатого года Павел Куксенок перешел на сторону германских властей. Его доброе имя используют в грязных целях. На такие провокации фашисты мастера.

Павел Антонович зорко следил за охранником. Фашист подошел к крыльцу, ожидая, когда вернется солдат, посланный с докладом. Пора! Павел Антонович сильно уда-

рил по шее охранника, стоявшего к нему спиной. Охнув, солдат свалился.

Перекинувшись через плетень, Куксенок по глубокому снегу побежал к чернеющему вдали спасительному лесу. Еще немного — и он свободен!

Очнувшись, охранник открыл огонь. На звуки выстрелов из дома выскочили остальные... Вокруг Павла Антоновича вздымались снежные фонтанчики от пуль. Вдруг что-то горячее, липкое заструилось по телу, Куксенок упал. Сознание гасло, силы покидали некогда могучее тело. Наступила тишина. Сверкая под лучами холодного декабрьского солнца, кружились снежинки. Оседая на лице Павла Антоновича, они не таяли...

«Такого человека не уберегли!» — Володя до боли сжал виски руками. Перед глазами стоял живой, с виду суровый, неприступный, а на самом деле чуткий и отзывчивый человек. Что сказать ребятам? Ведь на вечер объявлен сбор...

Пришли все. Володя оглядел товарищей. Ребята сидели притихшие, понурив головы. Видно, каждый из них всем сердцем воспринял тяжелую утрату...

— Прошу почтить память Павла Антоновича вставанием,— негромко произнес Хомченовский.

Все встали. Воцарилась тишина.

— Садитесь,— попросил Володя. Помолчал, обдумывая слова, которые он должен сказать.— Гибель Павла Антоновича — первая потеря из наших рядов. Но унывать мы не можем. Надо продолжать борьбу. Победа не придет сама. Ее надо завоевать...

Молодые подпольщики стали еще более усиленно готовиться к активной борьбе с врагом. Они продолжали собирать оружие, следили за продвижением фашистских войск, распространяли листовки. И уже не один, а вместе с другом, подпольщиком Володей Машарским, Хомченовский не раз устраивал возле шоссе засады на оккупантов. Лежа в снегу с ручным пулеметом, поджидая одиночные машины, парни мечтали о тех днях, когда они станут настоящими партизанами. И все же Хомченовский был недоволен. «Мало мы делаем, мало! — мысленно упрекал он себя.— Не научились... Эх, был бы жив Павел Антонович!» Раньше, встречаясь с Куксенком, Володя обсуждал свои планы, выслушивал советы... А теперь один... Один руководит пироговской группой, один принимает решения. Верны ли они?

Ответственности Володя не боится. Но ему нужна связь, нужны материалы для листовок. Некому передать разведывательные сведения, собранные подпольщиками. Грош им цена, если они не поступят вовремя в распоряжение советского командования.

Володя перебирал знакомых... Надя и Таня Булановы... Сестры... Да как он мог их забыть?! Они учились в одной школе, а Таня Буланова стала учительницей. Живут сестры в Клястицах, в небольшом местечке, всего в нескольких километрах от Пирогов. Завтра же надо сходить к ним!

Приняв решение, Володя успокоился, повеселел.

На другое утро Хомченовский отправился в Клястицы. Надя и Таня встретили его как самого близкого человека. Еще бы! Столько времени не виделись! Вспомнили довоенную жизнь, школьных друзей. Оказалось, кое-кто из общих знакомых проживает здесь, в Клястицах. Например, его школьный друг Володя Войцехович, Борис Рубо, еще несколько комсомольцев.

— Ну и что же вы собираетесь делать? — глядя в упор на сестер, спросил Володя.

— Да так, кое-что,— пожала плечами Надя, опустив глаза. Таня спросила:

— А ты сам-то что сделал?

— Скоро услышите. Фашистов буду бить! — напрямую заявил Володя.— Мне связь нужна. У вас тут бойкое место. Наверняка кто-то остался...

Сестры переглянулись. Володя понял — попал в самую точку. Надя нагнулась к нему и, хотя в комнате, кроме них, никого не было, зашептала в самое ухо:

— Есть тут у нас один человек...

— Ведите меня к нему...

— Ишь какой скорый! — усмехнулась Надя.— А может быть, он не захочет?

— Неужели вы мне не верите?

— Мы-то верим! Да только сам знаешь...

— Ах, конспирация! — улыбнулся Володя. Тут же согнал с лица улыбку. Девчата правы. Что ж, придется подождать.

А через несколько дней Володе передали — его ждут. И он снова отправился в Клястицы. Здесь, на квартире комсомольца Бориса Рубо, он встретил неизвестного ему человека.

— Знакомьтесь — Володя Щуцкий,— представил Борис.

— Тезки, значит,— улыбаясь, Хомченовский крепко пожал руку. Разговорились. Оказалось, Щуцкий пришел из райцентра Россоны. Убедившись, что Володя свой человек, Хомченовский рассказал ему о пироговской подпольной группе.

— Мне нужна связь,— в заключение разговора попросил Хомченовский.

— Думаю, ты ее получишь,— ответил Щуцкий.

Вскоре Хомченовскому передали, что в райцентре его ждут.

В назначенный день Хомченовский пришел в Россоны. Покружив по улицам и убедившись, что за ним никто не следит, Володя подошел к дому, в котором была назначена встреча. Дверь открыл высокий, стройный парень примерно года на три-четыре постарше его.

— Хомченовский,— назвал себя Володя.

— Петр Машеров,— представился хозяин квартиры. Они пожали друг другу руки. Машеров помог гостю раздеться, а затем провел в комнатку, сплошь заставленную книгами.

— Слышал о вас. Рад познакомиться,— Петр пригласил Володю к столу.— Расскажите, пожалуйста, сколько человек в вашей группе?

— Шестеро. Хлопцы надежные.

— Оружие есть?

— Шесть ручных пулеметов. И еще винтовки.

— Ого! По пулемету на брата! Молодец! — похвалил Машеров.

Петр пристально всматривался в нового знакомого и проникался к нему уважением. Так бывает только в юности — или неприязнь с первого взгляда, или горячая, преданная дружба до конца.

По давней учительской привычке Петр Машеров подмечал все новые и новые черты во внешности Володи. Продолговатое лицо не совсем правильно, но обаятельно. Особенно поражали большие темно-серые глаза. Прямой взгляд их внушал доверие. Одет опрятно, чисто выбрит. Темно-русые волосы аккуратно подстрижены. Словом, во всем облике Хомченовского чувствовалась подтянутость. «Подпольщик и должен быть таким,— подумал Петр.— Неряха непременно подведет».

Машеров не ошибся в Хомченовском. Впоследствии Володя станет в его отряде начальником разведки. Петр

будет давать ему самые ответственные задания. Они станут друзьями, соратниками по жестокой борьбе с гитлеровцами...

Но все это будет потом, а сейчас молодые люди выяснили, что у них много общих знакомых, а теперь еще и общее дело — борьба с гитлеровскими оккупантами.

— Оружие у тебя есть,— продолжал начатый разговор Машеров (они сразу перешли на «ты»),— что думаешь делать?

— Хоть сейчас готов уйти в лес партизанить! — воскликнул Володя.

— Верно! — поддержал его Петр.— Нужно организовать партизанский отряд. Ребята рвутся в бой. Весной уходим в лес! — как о деле, давно решенном, сказал Машеров.

Петр знал, что говорит. Он уже приобрел опыт вооруженной борьбы с фашистами. В начале войны Машеров состоял в истребительном батальоне, созданном в Россонском районе по указанию ЦК КП(б)Б и Витебского обкома партии, участвовал в боях с гитлеровцами. Теперь он организовывал комсомольско-молодежное подполье в Россонском районе. В райцентре было создано руководящее ядро. Подпольные группы появились в Альбрехтове, Юховичах, Клястицах и других деревнях и местечках района. Особо доверенные члены подпольных ячеек поддерживали связь с руководящим центром в Россонах.

Петр инструктировал Володю.

— В назначенное время мы придем в Пироги, тебя и твоих ребят «арестуем» — предатели, мол, чтоб враг не трогал ваших родных. Пока же собирай оружие, распространяй листовки, подбирай верных людей. И вот тебе первое боевое задание: в Клястицах оккупанты пытаются вести вербовку в лагере военнопленных. Собираются сформировать подразделение для борьбы с партизанами... Поработай-ка в лагере, помоги пленникам найти дорогу в лес... Понял? Ну, давай прощаться!

Петр встал. Хомченовский с чувством пожал ему руку. Он был очень доволен этой встречей. Отныне он и его товарищи не одиноки...

* * *

Вскоре Хомченовскому и его другу Войцеховичу удалось познакомиться с новоявленными вражескими «солдатами», навербованными гитлеровцами в лагере военноплен-

ных. Оказалось, большинство из них согласилось служить врагу, чтобы вырваться из концлагеря, в котором их ждала верная гибель.

— В их отряд вступили, потому что легче бежать в лес, к партизанам,— сказал один из них на первой же встрече.— Если можете, помогите...

— Ладно,— отозвался Хомченовский.— Но с условием: уничтожьте гитлеровских командиров, захватите оружие. Это и будет проверкой! Есть у тебя на примете надежные ребята?

— Да почитай все рвутся в бега!

— И все-таки будь осторожен. Прощупай каждого, прежде чем посвящать в свои планы. Но и подготовки не откладывай. Как только дадим сигнал — сразу в ружье!

— Будет сделано,— в хмурых глазах пленного засветился огонек надежды.

Хомченовский и его друзья усилили подпольную работу. Создавались новые тайники оружия. Подпольщики готовились к уходу в лес. Связные сообщили: апрельской ночью 1942 года П. Машеров увел своих товарищей в лес. Скоро придут и за нами. Со дня на день Володя ждал Машерова, но он все не приходил. «В чем дело? Что случилось?» — волновался Хомченовский.

Не дождавшись, Володя поднял по тревоге своих ребят и повел в условное место. В лесной чаще они обнаружили партизанский лагерь. Горели костры, повсюду виднелись шалаши, сооруженные из еловых ветвей.

— Где Петр? — первым делом спросил Володя.

— Там,— показал незнакомый парень,— раненый он...

Нагнувшись, Володя вошел в штабной шалаш. В полусумраке на подстилке из ветвей увидел Машерова.

— Что с тобой?

— Володя, друг! Проходи, садись! — Петр приподнялся, протянул руку.— Да пустяки, царапина... Скоро заживет!

И Машеров рассказал о первом боевом крещении партизан. Его группа направлялась в Клястицы, оттуда собирались зайти и за группой Хомченовского. Когда партизаны пересекали шоссе, послышался шум моторов. Фашисты! Решили напасть, испытать себя в бою. Когда два грузовика с гитлеровцами приблизились, партизаны открыли огонь, поднялись в атаку и в несколько минут покончили с врагом. Среди убитых оказался гауптман дретуньской

полевой жандармерии. В портфеле гауптмана партизаны обнаружили списки, в которых значились их фамилии. Так вот куда спешили гитлеровцы!

— Как видишь, мы их опередили,— закончил Машеров.— Собирались с нами расправиться, а вместо этого сами попали в ловушку! — И тут же Петр спросил Володю:

— Как задание? Встречался с пленными?

— Все в порядке. Ждут сигнала!

— Хорошо. Денек-другой осмотрись и отправляйся за ними. Нам нужны люди.

Вошла девушка с санитарной сумкой, принялась за перевязку. Чтоб не мешать, Володя тихонько удалился из шалаша.

Через несколько дней Хомченовский привел в лес большую группу бывших пленных. Выполняя его задание, они перебили гитлеровскую охрану, захватили оружие. Словом, Володя привел с собой во всех отношениях боеспособное пополнение.

Жизнь в партизанском лагере постепенно входила в колею. Командиром партизаны избрали П. М. Машерова, для конспирации стали называть его Дубняком. Заместителем командира по разведке назначили Володю Хомченовского. Ему дали кличку Ворон. Отряду присвоили имя Николая Щорса.

С первых же дней существования отряда дубняковцы, как именовали себя партизаны, начали проводить одну операцию за другой. С полной отдачей сил работала разведка.

Однажды, вернувшись из очередного поиска, Хомченовский доложил командиру отряда, что под Полоцком оккупанты вовсю пользуются Шивошинским мостом. Мост деревянный, его можно сжечь. По приказу командира один из взводов отправился на диверсию. Вместе с ним пошел и Хомченовский со своими разведчиками.

Приближались к шоссе Полоцк — Клястицы. Впереди показался мост через небольшую речушку. Здесь предстояло пересечь шоссе. Партизаны залегли в зарослях ивняка, осмотрелись: на шоссе — никого.

— Ступай за остальными, живей! — приказал Хомченовский одному из разведчиков.

Едва разведчик скрылся из глаз, послышался шум мотора. Показалась легковая машина. Она шла осторожно, объезжая выбоины. В открытом окне поблескивал генеральский погон.

Володя мигом сообразил, какая добыча идет в руки.

— Бей! — крикнул он пулеметчику.

Тот приподнялся, но из машины грянул выстрел, и пулеметчик ткнулся лицом в землю. Володя выхватил пулемет, ударил по врагу.

Машина дернулась, осела на прошитых очередью скатах, но все-таки продолжала двигаться вперед. Гитлеровцы надеялись удрать. Подбежали товарищи. Мимо Володи на дорогу выскочил Василий Россомахин, метнул гранату и тут же упал, сраженный пулей. Но его граната достигла цели. Грянул взрыв. Машина дернулась и стала. Гитлеровцы — два офицера и генерал — выскочили, пригибаясь, побежали к кювету. Тем временем из-за поворота показался грузовик с отставшей охраной. Из кузова грузовика по кустам ударили очереди. Партизаны тоже не остались в долгу, открыли ураганный огонь. Грузовик остановился.

«Неужели уйдут?» — Володя следил за кюветом, в котором укрылся генерал и офицеры. «Выкурить» их оттуда не удавалось. Они упорно отстреливались. На помощь начальству ползли солдаты. Как быть? Решение пришло мгновенно...

— Прикрой огнем! — крикнул Хомченовский, передавая пулемет кому-то из партизан. Схватив свою самозарядку, он, пригнувшись, побежал вдоль речушки к мосту.

— Ворон, куда ты? Убьют! — кричали ему вслед. Но Хомченовский не слушал. В несколько прыжков он достиг моста, проскочил под ним и вышел во фланг засевшим в кювете гитлеровцам. Вот где они!

Занятые перестрелкой, генерал и офицеры не заметили Хомченовского. Зато он хорошо их видел.

Вдруг генерал повернул голову в сторону Володи. Глаза его округлились от страха. Хомченовский нажал спуск «СВТ». Грохнул выстрел. Генерал сполз на дно кювета. Еще выстрелы один за другим, и генеральские спутники замерли навсегда.

Теперь — к машине! Там наверняка что-то есть. Пули свистели над головой, но Хомченовский выскочил на шоссе. Рванул дверцу — на сиденье портфель. Володя схватил его, ринулся к своим.

— Отход! — закричал командир взвода.

Выйдя из боя, партизаны поспешили назад, в лагерь.

— Поздравляю, Володя! Важную птицу ты подстрелил! — сказал Дубняк, ознакомившись с содержимым гене-

ральского портфеля. Документы, которые вез генерал, оказались настолько ценными, что командир отряда тотчас же приказал Хомченовскому отправляться за линию фронта и доставить документы в штаб 4-й ударной армии.

— Заодно расскажи, как мы тут воюем... Передай, что нам позарез нужна радиосвязь с Большой землей. Пусть пришлют кадровых военных — командирами. Нужны взрывчатка, мины, свежие агитматериалы,— напутствовал Петр Хомченовского.— Счастливой дороги! И поскорей возвращайся!

Отобрав семерку самых надежных партизан, Володя двинулся к фронту. И это задание он выполнил. Назад Хомченовский и его спутники вернулись с новенькими автоматами, вещевыми мешками, под самую завязку набитыми толом и свежими московскими газетами.

* * *

Готовясь к новому походу, Хомченовский сидел в землянке, чистил «СВТ».

— Оружие любит ласку, чистку и смазку. И тогда оно никогда не подведет,— балагурил Володя со своими разведчиками.

Настроение у него было отличное. Да и как не радоваться! Немного времени прошло со дня возвращения из-за линии фронта, а Большая земля уже откликнулась на просьбу партизан. В июне сорок второго года к дубняковцам прибыл отряд особого назначения под командованием капитана Андрея Петракова. Выполняя приказ штаба Калининского фронта и Витебского обкома партии, Петраков установил связь с командирами партизанских отрядов, действующих на севере Витебщины.

Хомченовский присутствовал на том совещании... В памяти крепко засел бурный разговор о том, как лучше, крепче бить врага. Для этого решили объединить все отряды в бригаду. Ее командиром назначили А. Петракова, комиссаром — А. Романова. Бригаде присвоили имя Рокоссовского. Партизаны усилили удары по врагу.

Однажды Хомченовского вызвал Петрович — старший лейтенант Георгий Казарцев, замкомбрига по разведке. Вместе с Петраковым он пришел с Большой земли.

«Интересно, зачем я понадобился?» — подумал Хомченовский, вставая. Подойдя к осколку зеркальца, вмазан-

ному в стенку землянки, Володя застегнул воротничок гимнастерки, одернул ее сзади, поправил фуражку. Даже здесь, в суровых условиях лесного лагеря, Володя оставался верен себе. Он следил за своей внешностью, каждый день брился, подшивал свежий подворотничок.

Когда Хомченовский вошел в землянку Казарцева, все разведчики были в сборе. С ними Ворон уже успел подружиться — не раз вместе ходили на задания. За столом, рядом с командиром, сидел москвич Дима Веселов. С ним Казарцев воевал с первых дней войны. В декабре сорок первого, во время наступления наших войск под Калинином, Казарцев был ранен, и Веселов вынес его из самого пекла. С тех пор они не разлучались. Вот и в спецотряд вместе пришли. Справа от Казарцева — два Николая — Щуплецов и Ефимов. Тоже надежные парни...

«Большой сбор. Видно, дело предстоит серьезное»,— подумал Хомченовский, занимая место за столом.

Казарцев развернул карту-полукилометровку и, посмотрев на Хомченовского, спросил:

— Мост через Дриссу знаешь?

— Знаю.

— Комбриг приказал взорвать...

— Орешек крепкий...

— Все равно надо взорвать!

Разведчики молчали. Все понимали, что такое мост через Дриссу. Взорви этот мост — и железная дорога здесь замрет надолго. На станциях создадутся пробки. Будет где разгуляться советским бомбардировщикам! Недаром штаб партизанского движения не раз запрашивал: нет ли возможности уничтожить мост через Дриссу?..

— Одним словом, сначала разведка,— помолчав, продолжал Казарцев.— Проверить оружие, снаряжение... Да смотрите, чтоб в пути ничего не стукнуло, не брякнуло... А сейчас всем спать, выступим на рассвете. Постой,— остановил он Володю.— Ты задержись, есть дело.

Когда все вышли, Казарцев обвел на карте район, прилегающий к мосту.

— У тебя тут найдутся свои люди?

— Найдутся, товарищ старший лейтенант.

— Надежные... Чтоб можно было положиться?

— Можете не сомневаться. А что от них потребуется?

— Надо прощупать мост. Понял?

— Понял. И такой человек найдется. Все в точности выяснит.

— Хорошо. Смотри, никому ни слова. А сейчас — отдыхай...

* * *

Казарцев радовался, что взял Володю в разведку. В каждой деревне у него были верные друзья. Разведчики находили у них надежный приют и узнавали о положении в ближайших гарнизонах врага.

На подступах к мосту оккупанты вырубили кустарник. От опушки леса разведчикам пришлось ползти. Впереди полз сам Казарцев, слева — Хомченовский, справа — Дима Веселов. За ними, немного отставая, ползли Щуплецов и Ефимов — тыловое прикрытие группы. Высокая трава скрывала партизан.

До моста оставалось метров триста, когда вдруг застрочил пулемет. Над головами партизан просвистели пули.

— Неужели обнаружили? — прошептал Казарцев.

— Непохоже,— отозвался Хомченовский.— Смотрите, часовой как ни в чем не бывало расхаживает.

И верно: свинцовая струя сдвинулась вправо, потом влево. Постреляв еще немного, пулемет смолк.

— Для профилактики шпарят,— усмехнулся Хомченовский.— На всякий случай!

Послышался гудок. На мост вполз очередной состав. Теперь разведчики были ближе и отчетливо видели накрытые брезентом танки и автомашины на платформах. Из вагонов высовывались солдаты, что-то кричали, махали часовому пилотками. Вскоре прошел еще один поезд. За ним еще... Составы следовали один за другим, примерно каждые тридцать—сорок минут Дриссу пересекал эшелон. И в каждом — двадцать—тридцать вагонов. Железная дорога работала вовсю.

Лежа близ моста, разведчики наблюдали за всем, что около него происходило. Они увидели проволочные заграждения и траншеи, из которых торчали стволы пулеметов, определили ширину реки и длину моста, отметили, что часовые у моста менялись через каждые два часа. Неподалеку от насыпи виднелось караульное помещение, приземистое, с узкими окнами-бойницами. А чуть подальше — небольшой дом. Из окон доносились звуки губной гармоники.

«А это казарма»,— Хомченовский нарисовал в своем блокноте еще один квадратик.

В пять часов вечера производился развод караула. Разведчики насчитали в строю двадцать солдат.

— Человек семьдесят в охране, не меньше,— подвел итог Казарцев.

Разведчики вернулись в лес, отошли поглубже в чащу.

— Все, что мы узнали, надо перепроверить,— сказал Казарцев Володе.

На другой день Хомченовский побывал в соседнем хуторе, в котором жила связная-подпольщица Дуся. Он знал ее еще с сорок первого года.

Дуся не раз ходила к мосту, носила яйца и молоко, меняла на хлеб. По просьбе Володи она в тот же день опять побывала у охранников. Через сутки Хомченовский с Казарцевым и Веселовым снова пришли на хутор. Дуся подтвердила, что всего охранников около семи десятков, указала места, где у них установлены пулеметы и пушки.

— Ну, спасибо, Дуся,— Казарцев крепко пожал подпольщице руку.— От партизан и от армии нашей спасибо!

На основании данных разведки, которые были несколько раз перепроверены и оказались весьма точными, комбриг Петраков и комиссар Романов вместе с командирами отрядов разработали план операции.

Августовской ночью, перед рассветом, колонна партизан подошла к мосту. Хомченовский и другие разведчики шли впереди. От реки наползал густой туман. Пользуясь его прикрытием, партизаны занимали исходные рубежи, стараясь как можно ближе подойти к насыпи. Командир бригады лично проверил, где расположилась батарея, разослал связных.

И вдруг слева и справа в нескольких километрах от моста послышались взрывы. Это группы прикрытия рвали на флангах железнодорожное полотно, валили телеграфные столбы. Взрывы раздались раньше условленного времени, партизаны еще только сосредоточивались на штурмовых рубежах. Вспугнутые взрывами, охранники открыли сильный огонь. Это сразу усложнило обстановку. И тогда в дело вступила партизанская батарея, Петраков решил впервые применить ее в бою за мост. Пушки сразу ударили по дзотам, по караульному помещению, по казарме. Из окон и дверей начали выскакивать фашисты. Они бежали к дзотам. Но навстречу им, по насыпи, на бегу стреляя из авто-

матов и ручных пулеметов, уже неслись партизаны отрядов имени Щорса и имени Сергея Моисеенко. В первых рядах атакующих бежал Хомченовский. Партизаны расстреливали гитлеровцев, кололи их штыками, сбрасывали в реку ударами прикладов.

А внизу, по плечи в воде, уже возились подрывники. Они привязывали к опоре моста плот со взрывчаткой. Вот командир подрывной группы Петр Мандрыкин поднял ракетницу. В небо взвилась красная ракета — сигнал отхода подрывникам.

— Отходи-и! Поджиг-а-ю! — закричал Мандрыкин.

Возле опоры повисла тоненькая, чуть приметная полоска дыма. С командного пункта взвились еще две ракеты — сигнал к общему отходу. Мандрыкин и его подрывники бросились прочь.

Володя Хомченовский, отбежав подальше, укрылся за деревом. Рядом, запыхавшиеся, возбужденные, легли его товарищи-разведчики. Все смотрели на мост. Ну...

Взметнулся огромный клуб дыма, прорезанный багровыми молниями. Дрогнула земля. С неба посыпались куски рельсов, обломки шпал, камни. А когда рассеялся дым, партизаны увидели, что средняя опора будто обрублена, а пролетные строения моста рухнули концами в воду... Вокруг них бурлила и пенилась река, унося мертвые тела гитлеровцев. Лишь двум фашистам удалось спастись. У партизан был убит один человек и ранены двое...

Семнадцать дней бездействовала эта важнейшая железная дорога. Взрыв моста в то памятное утро причинил много хлопот фашистскому командованию. Немало эшелонов пришлось направить кружным путем, что задерживало переброску подкреплений и военных грузов.

Результаты взрыва моста через Дриссу сказались и в другом — в расширении партизанской борьбы на севере Витебской области. Партизаны увидели, какие поистине грандиозные боевые дела они могут вершить в глубоком тылу врага, какую большую помощь оказать советским войскам.

К осени 1942 года партизаны разгромили вражеские гарнизоны в Россонах, Клястицах, Соколище. На севере Витебской области образовался обширный партизанский край... Отсюда партизаны совершали смелые рейды по тылам врага. В этих рейдах не раз участвовал и герой нашего очерка — Володя Хомченовский...

* * *

Наступила зима. Снежные сугробы перекрыли тропки-дорожки, затрудняя вылазки партизан. И тогда командир отряда П. Машеров предложил создать боевые группы лыжников-диверсантов.

Дубняковцы собирались под Полоцк взрывать вражеские поезда. Как всегда, Хомченовский был спокоен и весел, проверил оружие, аккуратно уложил тол в вещевой мешок.

Хмурым декабрьским утром 1942 года П. М. Машеров повел на задание отряд из тридцати лыжников. Чтобы сберечь силы, к границам партизанской зоны ехали на лошадях. На передних санях — Хомченовский со своими разведчиками. Отдохнув перед походом, партизаны чувствовали себя прекрасно.

Вот и Вальковщина — деревня на выходе из партизанской зоны. Санный обоз уже втягивался в узкий проулок, когда Володя заметил людей. Кто бы это мог быть? Партизаны из соседнего отряда? Что-то не похоже. Неужто чужаки? Вдруг ударили автоматные очереди и рассеяли все сомнения — фашистская ловушка! Одновременно другая группа карателей обрушилась на партизан с фланга. Отряд залег, открыл ответный огонь...

— Отход! — закричал Хомченовский.

Нельзя было терять ни минуты. Отстреливаясь, партизаны пятились назад. Осмотревшись, Володя заметил старый амбар.

— За мной! — приказал Хомченовский разведчику Морозову.

Заняв выгодную позицию, смельчаки открыли прицельный огонь. Каратели также усилили огонь. Глухо вскрикнул сраженный Морозов. Острую боль почувствовал Володя. Под рубашкой струилась кровь.

— Ворон ранен! — пронеслось по рядам партизан.

Сердце у Машерова защемило нестерпимой болью.

— За мной! — крикнул он.

Партизаны рванулись за ним, чтобы спасти Володю. Но силы были слишком неравны: горстка храбрецов против пятисот вооруженных до зубов карателей. Пулеметным ливнем враг отбил яростную атаку партизан.

Володя Хомченовский лежал на снегу, истекая кровью. Экономя патроны, короткими, меткими очередями сдержи-

вал бешеный натиск карателей. Оглянулся, увидел партизан, залегших в снегу. Собравшись с силами, приподнялся, махнул рукой в сторону спасительного леса, громко крикнул:

— Уходите! Уходите! Прикрою огнем!

Бывают обстоятельства, когда нужно сознательно пойти на смерть... К Володе со всех сторон ползли фашисты... Теряя сознание, он посылал в них пулю за пулей....

С наступлением темноты каратели снялись и ушли. Ночью партизаны подобрали тела своих боевых друзей. На подступах к позиции Хомченовского лежало два десятка вражеских трупов. Ворон недешево отдал свою жизнь...

Погибших доставили в Ровное Поле, где базировался щорсовский отряд. На Володю Хомченовского страшно было смотреть — так надругались враги над его телом.

...В апреле 1944 года партизаны бригады имени Рокоссовского отмечали двухлетие со дня создания отряда имени Щорса, положившего начало партизанскому движению в Россонском районе. По этому поводу командование бригады издало специальный приказ. В нем подводились итоги боевой деятельности отряда и отмечались особо отличившиеся бойцы и командиры.

Есть в этом приказе и такие строки: «Свято будет чтиться память героев отряда — братьев Гигелевых — Николая и Петра, Владимира Хомченовского, Ивана Малахова, Бориса Рубо и других, погибших смертью храбрых в борьбе с немецкими захватчиками. Их жизнь и сама смерть будут служить для нас замечательным примером уменья, выдержки и самоотверженности».

В дни празднования двадцатилетия победы советского народа в Великой Отечественной войне Владимиру Хомченовскому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

С. Аслёзов

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ

(О Царюке В. З.)

Читальный зал партархива института истории партии при ЦК КПБ в Минске. Тишину здесь лишь изредка нарушает шорох переворачиваемых страниц. Вот уж который день я хожу сюда и знакомлюсь с материалами о революционной и боевой деятельности Героя Советского Союза Владимира Зеноновича Царюка. Однажды, подавая документы, сотрудница партархива сказала мне:

— Вон за тем столиком сидит Царюк...

Я обернулся... Действительно, за вторым столом в среднем ряду сидел Александр Владимирович Царюк. Когда я учился в Белорусском университете, он читал студентам лекции по истории партии. Но какое отношение Александр Владимирович имеет к Герою Советского Союза Царюку? Может быть, родственник? Но об этом он никогда не говорил студентам. «Вероятно, однофамилец, ведь Царюков в Белоруссии—

как в России Ивановых»,— подумалось. И все же нужно выяснить... Подойдя к Александру Владимировичу и поздоровавшись, я поинтересовался, кем ему приходится бывший партизанский командир...

— Это мой отец,— ответил Александр Владимирович.

...Просторная, светлая квартира Царюков. Широкий обеденный стол завален фотографиями, письмами, пожелтевшими вырезками из газет. Слушаю негромкие, спокойные голоса Александра Владимировича и его жены Ирины Осиповны... Передо мной открывается судьба необычная, героическая — судьба человека, всю свою жизнь боровшегося за Советскую власть...

* * *

Партизанская землянка... Мечется огонек самодельной коптилки. На столе — небогатый ужин: картошка в мундире, кусок сала, горстка серой соли, каравай ржаного хлеба. Шура сидит рядом с отцом, заглядывает ему в глаза... Редко удается бывать вместе. Отец — секретарь Столбцовского подпольного межрайкома партии, командир партизанского соединения, полковник. А Шура, девятнадцатилетний парень,— рядовой партизан.

— Прогоним фашистов, города восстановим, села,— задумчиво говорит отец, очищая картошку.— Задымят заводы. Тракторы пойдут по полям. Школы, институты откроем. Ученье, брат,— свет. Замечательная жизнь настанет!— мечтает Владимир Зенонович.

Шура любит, когда в затишье между боями отец ведет разговоры с молодыми партизанами. Несмотря на занятость, командир находит время побеседовать с молодежью, заботится о ней, хочет, чтобы и тут, в глубоком тылу врага, ребята учились, росли настоящими советскими гражданами. В партизанской бригаде «Комсомолец» открыта школа. Здесь даже создан пионерский отряд. Владимир Зенонович следит за работой школы, помогает ей всем необходимым...

...Кончилась война. Выполняя волю отца, Шура учится. Барановичское педучилище, исторический факультет Белорусского госуниверситета. Затем аспирантура. И вот Александр Владимирович готовится к защите диссертации кандидата исторических наук. Сын профессионального революционера, он избирает темой своей работы «Революци-

онно-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1918—1939 годах». Изучая документы, Александр Владимирович обстоятельно расспрашивает отца, беседует с его друзьями, которые вместе с ним боролись за Советскую власть. И тогда оживают сухие слова архивных документов. И кажется, с их страниц дует горячий ветер истории...

* * *

Шуре не было еще и трех лет, когда арестовали Владимира Зеноновича. Арестовали вместе с его товарищами — Семеном Носом и Павлом Железняковичем — по подозрению в убийстве провокатора Кузьмы. Заодно прихватили и деда — за то, что не донес на сына.

Собственно, рано или поздно это должно было случиться. Польская дефензива (охранка) давно шла по следам Владимира Зеноновича. Крестьянин-бедняк, он с юношеских лет стал на путь борьбы с угнетателями. Это у него в крови: с детства узнал, что такое гнет... Еще мальцом стерег панские стада. А в родной хате — бедность, нищета, нужда... Позже, уже после войны, Владимир Зенонович пишет в автобиографии: «Все «богатство» моего отца составляла земля, которой было менее одной десятины. Сколько я помню, отец с утра до ночи, не зная ни минуты покоя, ходил вокруг этой десятины, трудился, не чувствуя усталости, но никак не мог выйти из нужды...»

Октябрьская революция, гражданская война, словно вихрь, подхватывают парня из западнобелорусского села. Он борется за трудовой народ, становится красноармейцем, а затем политруком роты 72-го стрелкового полка.

По Рижскому мирному договору 1921 года западные области Белоруссии отходят к панской Польше. Владимир Царюк возвращается в родные края. А там — прежние порядки. Крестьяне гнут спины на панов. Бывший политрук с головой уходит в революционную работу, создает подпольные кружки, ведет агитацию за восстановление Советской власти в западных областях Белоруссии. Царюк вступает в ряды подпольной Коммунистической партии Западной Белоруссии. Молодой коммунист и его товарищи создают двадцать пять подпольных кружков. Царюка избирают секретарем Мирского подпольного райкома КПЗБ.

И вот арест и приговор к пожизненному заключению. Тюремщики хотят сломить волю Владимира Зеноновича,

унизить его человеческое достоинство, втоптать его в грязь. Но он не сдается. Оставшиеся на воле товарищи передают в тюрьму по листочкам «Капитал» К. Маркса, работы В. И. Ленина, историю ВКП(б). Владимир Зенонович с жадностью изучает эти труды, черпает в них стойкость, уверенность, волю к жизни.

...Идет двенадцатый год заключения. Один день, как две капли воды, похож на другой. С воли приходят короткие весточки. Выпустили отца — Шуриного деда. Но вернувшись домой, он скоро умер — сказались тюремные пытки.

В тюрьме судьба сводит Владимира с Сергеем Притыцким. И хотя Владимир почти на двенадцать лет старше Сергея, он проникается огромным уважением к своему молодому другу.

Владимир хорошо помнит обстоятельства, приведшие Сергея в тюрьму. Во время суда Притыцкий выстрелил в провокатора, выдавшего многих коммунистов. Жандармы всадили в Сергея девятнадцать пуль. Его вылечили, а затем отдали под суд, чтобы приговорить к смертной казни через повешение. Трудящиеся Советского Союза, Западной Белоруссии, Польши и других государств выступили в защиту молодого революционера. Смертную казнь заменили пожизненным заключением...

Вторая мировая война застает Царюка в тюрьме небольшого городка Раввичи, находящегося в нескольких километрах от польско-германской границы. Гремит орудийная канонада, охранники разбегаются. Политзаключенные выламывают двери — и воля! Но радоваться рано. Чтобы не привлекать внимания своим изможденным видом, арестантской одеждой, беглецы разделяются на небольшие группы. Владимир Царюк, Павел Железнякович и еще несколько товарищей уходят на восток, к советской границе. Через несколько дней они встречаются с частями Красной Армии, пришедшей на помощь трудящимся Западной Белоруссии.

...Шура хорошо помнит то время. Ликующий радостный народ заполняет улицы, тепло и сердечно встречает советских воинов. Вместе со своими товарищами Шура едет в местечко Турец. Тут он видит, как, пропуская колонну танков, останавливается легковая открытая машина и из нее выходит невысокий худой человек. Что-то дрогнуло в душе Шуры, когда увидел он этого человека...

— Откуль вы, хлопцы? — спрашивает приезжий, подходя к смущенным ребятам.

— Из Большой Обрины.

— А хто з вас Царюка ведает? Якога паны на всю жизнь в тюрьму сховали?

— То ж мой батька,— невольно вырывается у Шуры.

Жадным взглядом он всматривается в лицо незнакомца, боится поверить в осенившую его догадку. А приезжий широко разводит руки, бросается к Шуре, крепко сжимает в объятиях.

— Шурка! Хлопчик мой родный! Это я, твой батька! Якой же ты стал большой!

Шура трется щекой о небритый отцовский подбородок и молчит... Спазма перехватила горло.

Владимир Зенонович усаживает ребят в машину, и они едут домой.

Говорят, молва впереди человека бежит. Не успевает Владимир Зенонович и порог переступить, как в хату набивается полно народу. Приход Красной Армии, возвращение Царюка, казалось, до основания перевернули привычный уклад деревенской жизни.

— Ты, скажи, Володя, теперь и у нас Советская власть навсегда? — допытываются мужики.

— Можете не сомневаться, навсегда!

— А як с землицей? — спрашивают о самом сокровенном.

— Землица-то? Наша она. Нам и владеть землей!..

— Дай-то боже! — вздыхают крестьяне.

— Не боже, а Советская власть! — смеется Царюк.

Через несколько дней Владимира Зеноновича вызывают в Столбцы. Налаживается новая жизнь, и ему, как коммунисту, приходится много работать. Землю, отобранную у панов, передают крестьянам. Повсюду открываются школы, больницы. Вскоре земляки выбирают Царюка депутатом Народного собрания, которое принимает декларацию об установлении Советской власти в Западной Белоруссии. Верховный Совет СССР удовлетворяет просьбу трудящихся Западной Белоруссии о включении ее в состав Союза Советских Социалистических Республик. Происходят выборы в органы Советской власти. Владимира Зеноновича избирают депутатом Верховного Совета БССР и председателем Столбцовского райисполкома. Впереди столько планов!

Но сбыться им не суждено — война. Владимир Зеноно-

вич покидает город, с отходящими частями Красной Армии прорывается через горящий мост на восточный берег Немана. Семья остается на оккупированной территории. Осенью сорок второго Шура уходит в партизанский отряд. В это время его отец служит в Белорусском штабе партизанского движения.

Напряженная работа! В глубокий тыл врага засылаются организаторы партизанской борьбы, разведывательные и диверсионные группы, радисты. Друг Царюка — Сергей Притыцкий, с которым он живет в одном номере гостиницы «Москва», учит искусству борьбы в подполье, правилам конспирации и многому другому, что может пригодиться в фашистском тылу. В обязанности же Владимира Зеноновича входит боевое обеспечение подготовленных групп. Он добывает оружие, боеприпасы, взрывчатку, радиостанции, питание к ним.

Но сам Царюк видит себя там, в глубоком тылу противника, в родном краю. Он знает местные условия, знает людей, наконец, у него богатый опыт работы в подполье. Во вражеский тыл уходят его соратники по прежней борьбе — Павел Железнякович, Вера Хоружая... Несколько раз просится и он — не пускают, берегут... А для чего? Но он непременно добьется своего.

По делам службы Царюка вызывает начальник Центрального штаба партизанского движения, первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко. Окончив доклад, Владимир Зенонович просит разрешения обратиться по личному вопросу.

— Слушаю вас,— Пантелеймон Кондратьевич дружелюбно смотрит на несколько смущенного Царюка.

— Дайте боевое задание! Пошлите меня во вражеский тыл! — просит Владимир Зенонович.

— Мне понятно ваше стремление,— говорит Пономаренко.— Но ведь у вас возраст, да и здоровье, насколько мне известно, подорвано тюрьмой.

— При чем тут здоровье, когда душа болит! — с горечью произносит Царюк.

Он излагает свою точку зрения. Пантелеймон Кондратьевич с уважением смотрит на Владимира Зеноновича. Он его знает еще по довоенным годам. Умные, с крестьянской хитринкой глаза, простое лицо, натруженные руки, мудрые суждения. Пожалуй, он прав. Надежные люди, организаторы нужны до зарезу.

— Что ж, убедили... Готовьтесь! Пойдете с группой Платона,— Пономаренко встает из-за стола и крепко пожимает руку Владимиру Зеноновичу.

* * *

Зима 1943 года. Сидя в землянке, Шура Царюк усердно чистит свою винтовку. Вдруг дверь отворяется, и в землянку входит молоденький партизан. Это приятель Шуры, Петя Богуш, из соседнего отряда имени Чапаева.

— Шура, ходи сюда! — заговорщицки улыбается Петя.

— Чего тебе?

— Пойдем, узнаешь! Радостную весточку принес!

— Да не тяни ты, говори!

— Батька твой с Большой земли прибыл!

Шура как встал, так и замер в радостном изумлении. Значит, правильно говорил Павел Железнякович, переброшенный к ним из-за линии фронта еще осенью сорок второго года: «Жди! Скоро отец придет!» И вот — пришел.

Через пару дней Шура в отряде имени Чапаева встречается с отцом. Здесь, в самом центре Налибокской пущи, обосновался центр барановичских партизан. Отец пришел вместе с Платоном. Под этой кличкой скрывался генерал-майор Василий Ефимович Чернышев, командир Барановичского соединения партизан, уполномоченный ЦШПД и ЦК КП(б)Б, он же секретарь Барановичского подпольного обкома партии. Владимир Зенонович назначен его помощником.

Прибывшие из-за линии фронта товарищи сразу же приступают к изучению обстановки. Вместе с Шурой и еще несколькими партизанами Владимир Зенонович отправляется в поездку по отрядам и окрестным селам. Облачившись в крестьянский кожушок, Царюк-старший сидит в широких розвальнях. Родные, знакомые места! Здесь прошла юность Владимира Зеноновича, здесь он работал в предвоенные годы. Он хорошо знает местных жителей, и они знают его. Шуре приятно видеть, с каким уважением встречают в деревнях его отца. Со всеми он находит общий язык. И сельчане, несмотря на возраст, называют его запросто — Володей...

Но встречи бывают не только приятные. Однажды Владимир Зенонович встретил крепкого, полного сил и здоровья человека. Зашел к нему в хату.

— Ты ведаешь, кто я такой? — спрашивает Царюк, проходя в хату и садясь на скамью.

— Ведаю,— хмуро отзывается хозяин.— Володька Царюк, хто ж еще.

— Точно! Ты за меня голосовал, когда были выборы в Верховный Совет?

— Голосовал.

— Советская власть тебе землю дала?

— Ну, дала...

— И коней дала?

— И коней...

— И деток твоих малых обула, одела и в школу послала?

— Да, так есть... А як же!

— А чего же ты на печи отсиживаешься, в партизаны не идешь? Как ты людям в очи посмотришь, когда наша родная Красная Армия придет? А она придет! Чул небось, як фашистов под Сталинградом разгромили? А может, ты с бошами снюхался?

— Да что ты, Володя! — как ужаленный, подскакивает хозяин.— Да я зараз готов! Я и винтовку припас!

— Вот, братка, это другой разговор! Надо Красной Армии помогать. Ну, бувай!.. До встречи в лесу! — заканчивает разговор Владимир Зенонович, прощаясь с хозяином хаты...

Возвратившись из поездки, Царюк-старший первым долгом отправился с докладом к командиру соединения.

— Ну? Какие новости привез? — нетерпеливо спрашивает Чернышев.

— Разные, Василий Ефимович.

Царюк не спеша раздевается, присаживается к столу и приступает к докладу. Говорит обстоятельно: где был, что видел, с кем встречался, о чем говорил. Чернышев слушает с вниманием. Царюк — его правая рука, его глаза и уши. Он в совершенстве владеет белорусским, русским и польским языками. Его природный ум и сметка помогают выбрать правильное направление деятельности подпольного обкома.

— Готовьте донесение в Центр,— выслушав Царюка, говорит Чернышев.— И давайте-ка подумаем над нашими ближайшими задачами...

Подпольному обкому приходится работать в сложных условиях. Если в восточных областях республики партизан-

ское движение развернулось вширь и вглубь, то здесь оно только начинается. К моменту прибытия Чернышева и Царюка в области действовало всего восемь или десять партизанских отрядов. Да и они малочисленны, слабо организованы. Боевая деятельность тоже оставляет желать много лучшего. Причины: Советская власть в Западной Белоруссии не просуществовала и двух лет, как фашисты напали на Советский Союз. Тут действует националистическое охвостье, прислуживающее оккупантам.

Однако Владимир Зенонович уже убедился в том, что все старания гитлеровцев напрасны. Большинство его земляков верны Советской власти. Они ждут призыва, сигнала, чтобы активно, с оружием в руках вступить в борьбу с ненавистными оккупантами. Нужно дать этот сигнал. Нужны умелые организаторы, смелые люди, умеющие повести за собой других.

— Перво-наперво требуется наладить пропаганду. Людям необходимо знать правду,— Владимир Зенонович выкладывает Чернышеву свои соображения. В глубине души Царюка живет агитатор, пропагандист.

— И немедленно,— соглашается Чернышев.— Попросим Москву вместе с оружием и боеприпасами прислать бумагу, шрифты, печатные машины.

И вот в расположение подпольного обкома партии один за другим прибывают транспортные самолеты с Большой земли. Вместе с автоматами, патронами, взрывчаткой они доставляют портативные типографии.

Владимир Зенонович тем временем подбирает коммунистов, советских и комсомольских работников, активистов, оставшихся в тылу врага. Создаются подпольные райкомы партии. Через месяц-полтора после прибытия из Москвы Платон, Царюк и их товарищи создают в Барановичской области двадцать шесть подпольных райкомов партии. Подпольный горком организован в самих Барановичах. Всего в подполье действует около четырех тысяч коммунистов.

Партизанские типографии выпускают газеты, плакаты, листовки. Владимир Зенонович пишет письмо-обращение, которое называется так: «Слово депутата Верховного Совета БССР к своим избирателям». Его печатают в подпольной типографии, а затем партизанские агитаторы разносят по селам и деревням, обсуждают с населением. Владимир Зенонович призывает своих земляков подняться на решительную борьбу с врагами.

Этот призыв находит отклик в сердцах. Население идет в партизаны. Создаются новые отряды и бригады. Народные борцы усиливают мощь своих ударов по гитлеровским оккупантам...

Александр Царюк рассказал автору этих строк об одной операции, которой руководил его отец.

...Разведчики сообщили: в гарнизоне местечка Мир отдыхают и проходят подготовку гитлеровские летчики. Подпольный Барановичский обком партии принял решение разгромить вражеский гарнизон. Разработать план операции и возглавить ее поручили Владимиру Зеноновичу.

Как всегда, Владимир Зенонович начинает подготовку к предстоящему делу со всей обстоятельностью. Что ни ночь, к местечку отправляются группы разведчиков. Царюк сам выезжает на встречи со связными, от которых тянутся нити к мирским подпольщикам. При этом Царюк умеет сделать так, что ни единая живая душа ведать не ведает, что готовится партизанский налет. Строжайшая конспирация — первый закон, который Царюк усвоил еще в юности...

Наконец собраны все необходимые сведения. Быть может, даже сам начальник гитлеровского гарнизона не знает о своих подчиненных столько, сколько известно Владимиру Зеноновичу. Где квартируют гарнизонные офицеры, куда ходят в гости, чем занимаются на досуге, как относятся к службе — все это Царюк знает в подробностях. И конечно, известны ему и численность гарнизона, и его вооружение, и где находятся доты, дзоты, блиндажи, проволочные заграждения, минные поля, каков порядок смены караулов, маршруты движения патрулей.

«Крепкий орешек,— Владимир Зенонович наносит на карту условные обозначения укреплений.— Придется основательно повозиться...»

— Владимир Зенонович, получено донесение от Любы и Катюши! — в землянку входит помощник Царюка по разведке Александр Степченко.

— Давай-ка сюда! — Владимир Зенонович пробегает взглядом небольшую записку.

Связные Мария Бычко (Люба) и Нонна Карпович (Катюша) по его заданию работают во вражеском гарнизоне. И вот от них очень важное сообщение — пароль на сегодняшнюю ночь. Это последний штрих в плане подготовки операции...

— Ай да девчата! Ай да молодцы! Пароль раздобыли! — восхищенно восклицает Царюк.— Теперь-то мы им покажем, что партизаны воюют не числом, а умением! — и Владимир Зенонович лукаво подмигивает Александру Степченко.

Кое-где еще лежит ноздреватый, почерневший снег. Под ногами хрустит ледок подмерзших луж. В ночь на 18 апреля 1943 года партизаны плотным кольцом окружают вражеский гарнизон.

Из отрядов «Комсомолец» и имени Воронова выделяются группы автоматчиков. На них — немецкая форма, в руках — трофейное оружие. Строем они приближаются к передовым постам.

— Хальт! Вер ист да?! — раздается в темноте.

— Не видишь — свои! — отвечают партизаны по-немецки.

— Пароль?

— Райзгоф! — называют смельчаки пароль, добытый связными.

— Проходите!

Короткая рукопашная, без единого выстрела,— часовые уничтожены. На командный пункт Царюку доносят об успешном выполнении первой части операции. Ударные группы скрытно входят в местечко.

— Огонь! — командует Царюк.

В окна зданий летят гранаты. Хлещут пулеметные и автоматные очереди. Гитлеровцы выпрыгивают на улицу, но тут же валятся, скошенные пулями. А вот вступает в дело и партизанская артиллерия.

К Царюку на командный пункт то и дело прибывают связные с донесениями о ходе боя. Среди них и Шура Царюк. Он связной отряда «Комсомолец». К утру гарнизон разгромлен полностью. Захватив богатые трофеи, партизаны уходят в лес.

В. З. Царюка назначают секретарем Столбцовского подпольного межрайкома партии и командиром партизанского соединения Столбцовской зоны. В его подчинении находятся пять подпольных райкомов партии, две партизанские бригады и несколько отрядов. Для населения выпускаются газеты, регулярно печатаются листовки, сводки Совинформбюро.

Напуганные все возрастающим партизанским движением, гитлеровцы принимают свои контрмеры. Царюку сооб-

щают: в Столбцы фашисты согнали около двух тысяч молодых крестьян, заперли их в казармы. По замыслу оккупантов, они должны вступить в так называемую «Белорусскую краевую оборону», формируемую гитлеровцами.

— Мы еще посмотрим, на чьей стороне эти хлопцы,— усмехается Царюк, прочитав донесение.

Из подпольщиков и партизан Царюк отбирает около восьмидесяти агитаторов-коммунистов и комсомольцев. Партизанские посланцы пробираются в Столбцы, а потом и в казармы. Крестьянские парни прислушиваются к их словам. И скоро почти все разбегаются. Многие отправляются в партизанские отряды. Словом, затея оккупантов с треском провалилась.

Вскоре Царюк получает сообщение о том, что фашисты концентрируют свои войска вблизи Налибокской пущи. На станциях разгружаются эсэсовцы, части полевой жандармерии. Противник предпринимает внезапные налеты на партизанские лагеря, устраивает засады. Вражеские агенты, подготовленные школами абвера, рыщут вокруг пущи, пытаются пролезть в партизанские ряды...

Но подпольный обком партии, межрайцентры, райкомы, командование отрядов и бригад тоже готовят «гостинцы» для встречи врага. Партизаны усиливают разведку на дальних подступах к пуще, добывают «языков», разоблачают вражеских агентов. В гитлеровских гарнизонах действуют агитаторы, которые ведут работу по разложению вражеских формирований. Усиливаются диверсии, удары по небольшим группам противника, устраиваются завалы и засады на лесных дорогах. Все отряды приведены в боевую готовность. Для каждой бригады выделен район действий. Ни один отряд не имеет права отойти без приказа.

13 июня 1943 года гитлеровцы начинают наступать с четырех сторон на район Налибокской пущи, где находятся главные силы партизан. Эту свою крупнейшую карательную операцию фашисты закодировали названием «Герман», очевидно, в честь Германа Геринга. Руководят ею важные птицы — генерал-майор фон Готтберг и особоуполномоченный Гитлера по борьбе с партизанами генерал фон Бах. Вражеский штаб находится в Новогрудке.

Над пущей висят бомбардировщики. Партизанские лагеря подвергаются обстрелу артиллерии. По лесным дорогам ползут танки, идут каратели. Лесные тропы обшаривают специальные команды солдат с овчарками на поводках.

С каждым днем положение становится тяжелее. Партизанам трудно противостоять многочисленным регулярным войскам. В то же время — как уйдешь, как бросишь лесные лагеря, в которых живут партизанские семьи, находятся госпитали.

На третий или четвертый день блокады Царюк неподалеку от деревни Рудня собирает партизанских командиров, членов межрайцентра, секретарей райкомов партии. Вопрос один: что предпринять? Как действовать в сложившихся условиях?

Сколько людей — столько и мнений. Одни предлагают прорываться из пущи, другие — принять бой. Владимир Зенонович внимательно слушает каждого. Он — руководитель, он в ответе за вверенных ему бойцов. И сейчас именно ему нужно принять верное решение, сохранить партизанские силы и в то же время нанести удар по врагу.

Страсти утихают. Все смотрят на Царюка. Он начинает говорить. Каждое его слово взвешено, обдумано. Прорываться из пущи рискованно. Гитлеровцы только и ждут этого, чтобы разгромить партизанские колонны в пути. Держать оборону у лагерей тоже нельзя. У фашистов — превосходство в силах, в оружии, в резервах. Остается одно — рассредоточиться, чтоб отряды могли свободно маневрировать и, сообразуясь с обстановкой, со всех сторон бить карателей. Это — приказ...

Почти целый месяц идет ожесточенная борьба на границе лесных массивов, на берегах Немана, Березы и Сулы.

Народные борцы действуют смело и дерзко. На пути в Ивенец партизаны захватили штаб полковника-карателя Дирлевангера, и план операции «Герман» оказывается в руках Царюка. Партизаны в строгом соответствии с этим планом маневрируют, устраивают засады в самых неожиданных для врага местах... Потеряв немало людей и боевой техники, каратели убираются восвояси.

Но Гитлеру в Берлин идет сообщение о «победе» над партизанами. В нем, в частности, говорится: «Все партизаны уничтожены, командующий партизанами, в прошлом крупный партработник Платон, с группой своих приближенных прорвался из окружения на танках, но был настигнут нашими доблестными войсками СС и убит».

Узнав об этом донесении, Платон и его соратники от души посмеялись.

По окрестным деревням фашисты разбросали с самолетов листовки, в которых говорилось, что с «лесными бандитами покончено». А партизаны в это время живые и невредимые выходили из леса!

— Сыночки наши родные! А мы уж и в живых не чаяли вас побачить! — причитали женщины, подавая партизанам крынки с молоком и хлеб.

Наступает 1944 год — год изгнания гитлеровских оккупантов из пределов Советского Союза. Красная Армия ведет победоносные бои. Помогая ей, партизаны усиливают мощь своих ударов по врагу. В Столбцовском районе, как и в других районах Западной Белоруссии, партизанское движение растет вширь и вглубь. По приказу Царюка отряды преобразуются в бригады. И вот в его соединении действуют уже пять бригад — «Комсомолец», имени 1 Мая, имени двадцатипятилетия БССР, имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, имени Суворова. Особый казачий отряд развернут в отдельный кавалерийский дивизион. Это тысячи хорошо вооруженных бойцов, прошедших суровую школу борьбы с оккупантами. Они громят гитлеровские гарнизоны, взрывают железнодорожные и шоссейные мосты, пускают под откос воинские эшелоны, срывают строительство оборонительных объектов, которые пытаются сооружать фашисты.

Владимир Зенонович разрабатывает план удара по вражеским коммуникациям.

В ночь на 20 июня 1944 года соединение Царюка вступает в «рельсовую войну». Разрушать полотно партизанам помогает и население окрестных деревень. В ту июньскую ночь тысячи рельсов взлетают на воздух. На станциях скапливаются вражеские эшелоны. Вызванные партизанами, сюда прилетают советские бомбардировщики. Фашистские танки, пушки, машины, самолеты превращаются в груду обгоревшего, искореженного металла.

Приближение скорого освобождения чувствуется во всем. Однажды Царюк получает предписание собрать в один лагерь всех партизан-поляков с оружием и питанием. Как ни старались буржуазные националисты посеять рознь между поляками и белорусами, польская молодежь охотно вступала в отряды советских партизан и с оружием в руках боролась за независимость своей Родины. Теперь предстояло передать их представителю польской армии. «Значит, близится час освобождения и Польши»,— думает Влади-

мир Зенонович. И совсем светло и радостно становится у него на душе, когда он узнает, что его друг и соратник по подпольной борьбе Сергей Притыцкий назначен начальником штаба польских партизан.

В первых числах июля 1944 года партизаны Царюка соединяются с наступающими частями Красной Армии.

А вскоре начальник Белорусского штаба партизанского движения П. З. Калинин подписывает представление на присвоение В. З. Царюку звания Героя Советского Союза.

«В марте 1943 года,— сказано в представлении,— ЦК КП(б)Б направил В. З. Царюка в тыл противника в Барановичскую область для организации партизанского движения и создания подпольных партийных организаций. Находясь в тылу противника, тов. Царюк в Столбцовском и Мирском районах из разрозненных групп создал партизанские отряды, объединив в бригады численностью до 2500 человек. Партизанские бригады под руководством тов. Царюка нанесли противнику следующие потери: пустили под откос 555 воинских эшелонов с живой силой и техникой, разбито и повреждено 531 паровоз, 3263 вагона и платформы, убито 33773 и ранено 13949 гитлеровцев, взорвано 325 автомашин, уничтожено 646 железнодорожных мостов». Это весомый вклад барановичских партизан в дело разгрома гитлеровских оккупантов.

В 1944 году Царюку В. З. Президиум Верховного Совета СССР присваивает звание Героя Советского Союза.

* * *

В последние годы жизни Владимир Зенонович работал заместителем председателя Барановичского облисполкома. Но тяжелая болезнь подточила его здоровье. И в январе 1957 года Владимира Зеноновича не стало.

Земляки свято чтут память В. З. Царюка. Его имя носит один из колхозов в Корелическом районе. Именем Царюка названа и одна из улиц в Барановичах.

В. Вирен
Н. Шумаков

ИЗ ПЛЕМЕНИ НЕПОКОРЕННЫХ

(О Чекалине А. П.)

Ровная, как футбольное поле, лужайка возле речки Вырки — излюбленное место для ребячьих игр. Колхозники, возвращаясь с работы в родное село Песковатское, всегда легко могли определить, какую картину последний раз смотрели ребята. Если впереди ватаги бежал паренек с фанерным щитом, крича: «Кто к нам с мечом пришел, от меча и погибнет!» — значит, в сельском клубе шел «Александр Невский». А когда на пригорке виден был силуэт мальчика в накинутом в виде бурки пальто, значит, смотрели «Чапаева». Но кого бы ни изображали ребята, душою всех мальчишеских игр и затей был Саша Чекалин.

Все это происходило, естественно, без ущемления интересов и вкусов товарищей по школе. Ибо Саша пользовался большим авторитетом не только у ребят, но и в среде учителей. Его отличали сметливость и любознательность.

Взаимовыручка, дружеская помощь — эти черты также были присущи характеру Саши Чекалина. Три года подряд он шефствовал над товарищем по классу Володей Кузнецовым, которому трудно давались и математика, и русский язык. И тот успешно учился, переходя из класса в класс. Сашу интересовало многое: и радиотехника, и биология, и военное дело. Любил он бывать в ночном, в лесу и на реке.

В пятнадцать лет Саша носил на груди значки «Ворошиловский стрелок», «ПВХО» и «ГТО», имел собственноручно собранный радиоприемник, самозабвенно любил природу, даже знал латинские названия многих луговых трав и цветов... Пожалуй, справедливо товарищи прозвали его неугомонным. А в семье он прочно «завоевал» себе имя — непоседа. Отец, например, придя с работы и не застав сына дома, спрашивал:

— А где Саша-непоседа?

* * *

В воскресенье день выдался солнечный, тихий. Саша пристроился у подоконника и налаживал радиоприемник. Через окно он видел широкий, заросший травой двор, где бегали куры и важно расхаживал соседский козел.

— Ну, прямо как в деревне, — подумал Саша. — А еще город, районный центр...

Три года назад Надежду Самойловну Чекалину назначили на ответственную должность в небольшой районный городок Лихвин Тульской области. Сюда из Песковатского переехала и вся семья.

Павел Николаевич Чекалин, отец Саши, работал слесарем, он был большим мастером своего дела. От него Саша перенял любовь к труду.

Город стоит на холме, внизу протекает широкая Ока. В центре — несколько каменных строений, остальные дома деревянные. Славится Лихвин садами. Весной, когда дует ветерок, в воздухе, словно снег, летают лепестки яблонь и вишен...

Саша вышел на улицу и полез на березу укреплять антенну. Пристроив металлический стержень к толстому суку, он вернулся в комнату и снова взялся за приемник.

«Вот и наступили каникулы, — подумал Саша. — В понедельник махну в Песковатское. И ребята ждут, и папа

тоже, недаром же отпуск подгадал к моим каникулам... Возится небось на своей пасеке...»

И тут вдруг приемник подал голос. Саша насторожился. Слова какие-то необычно взволнованные: «...без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы и подвергли...»

Чекалин не стал дослушивать и выбежал на улицу.

— Витька, война! — крикнул он младшему брату и бросился к школе. По дороге догнал педагога Николая Ивановича Виноградова. Тот уже знал страшную новость.

В школе собрались все учителя и ученики-старшеклассники. Состоялся митинг...

* * *

Саша Чекалин обратился в военкомат с просьбой зачислить его в истребительный отряд. Разумеется, ему отказали. Молод. Саша обиделся, но унывать не стал. Кое-кого он знал из тех, кто принимал участие в формировании ополчения. К ним-то Чекалин и решил обратиться. Тут ему повезло.

Юный ополченец отлично стрелял, хорошо знал все виды стрелкового оружия. Как говорится, на лету схватывал уроки военного дела, чем и обратил на себя внимание командиров. Чекалина часто ставили в пример другим.

Однажды Саша зашел к командиру истребительного отряда. Тот одобрительно посмотрел на значки Чекалина и спросил:

— А верхом ездить умеешь?

— Конечно, — ответил Саша.

— Добро! Зачислю тебя в конный истребительный отряд.

Теперь Александра редко можно было увидеть в городе. Вместе с другими кавалеристами он выезжал в лес вылавливать диверсантов.

Своего коня Саша Чекалин назвал Пыжиком. Лошадь была низкорослая, уже не молодая, но очень выносливая. Чекалин своего Пыжика очень любил. Доставал для него корм, а иногда урывал из своего пайка кусочек хлеба или сахара. Пыжик отвечал ему взаимностью: выполнял все его команды.

Партийные, советские органы и командование истребительного отряда понимали, что с фашизмом борьба предстоит долгая и трудная. В лесу стали строить землянки.

Саша Чекалин принимал в этом горячее участие. Вот здесь-то и пригодились его трудовые навыки. Он и плотничал, и столярничал, и слесарил.

В октябре гитлеровцы начали большое наступление. Фронт стремительно приближался к Лихвину. Как-то раз Саша, приехав из отряда домой, сказал матери:

— Собери меня как следует. Я, наверное, уеду на всю зиму.

Мать достала теплое белье, валенки. Дала три буханки хлеба.

Началась новая полоса в жизни Александра Чекалина.

* * *

Стоянка партизанского отряда находилась в самой глуши Уланского леса, смыкавшегося с брянскими лесными массивами. В отряде Чекалин встретил много знакомых — одни прибыли сюда из Песковатского, другие — из Лихвина. Александр был самым молодым из всех партизан. Ему исполнилось шестнадцать лет. Все его любили. Командир отряда Дмитрий Тетерчев относился к нему, как к сыну.

Сначала Саша выполнял легкие поручения: наладил радиоприемник, записывал сводки Советского информбюро, носил воду, собирал дрова для костра. Потом задания стали потруднее. Однажды Чекалину и его приятелю Алеше Ильичеву поручили выяснить, сколько оккупантов находится в Песковатском, и заодно раздобыть оружие, в котором партизаны очень нуждались.

Юные разведчики прошли вечером по селу, потом заглянули к Сашиным родственникам и остались у них ночевать. Те рассказали обо всем, что знали о расположении и продвижении вражеских войск.

Ночью вместе со старостой в дом вошли гитлеровцы. Старший, ефрейтор, оставил двух солдат на ночлег. Те разделись и улеглись на лавке. Саша, услышав храп, тихо слез с печки. За ним — Алеша. Хотели прикончить «гостей» и забрать оружие, да стало жаль стариков хозяев: фашисты обязательно бы на них выместили свою злобу.

Утром юные разведчики вернулись в отряд. Тетерчев, выслушав донесение, спросил:

— Ну, а оружие достали?

Юноши опустили головы.

— Не повезло... — пытался оправдаться Ильичев.

— Завтра оружие будет! — уверенно заявил Чекалин.

— Хорошо, доставайте. Нам оно необходимо, — сказал командир.

На следующий день Александр ушел и возвратился с трофейным оружием и обмундированием.

—Все сразу не мог принести, еще четыре автомата и восемь гранат я спрятал в лесу.

На вопрос, где и как он раздобыл столько оружия, юный партизан ответил:

— Приказано — достал! Вот и все.

А дело происходило так. От землянок Саша направился к железнодорожной станции, где в свое время он приметил немецких охранников. Идти нужно было километров десять. Саша медленно пробирался через ельник и болото. Остановившись под кряжистым деревом, оглядел местность. Что-то очень знакомое. Ну конечно, прошлой весной он был здесь. Стоял перед этой поляной, напряженно вглядываясь в серо-розовое небо, чтобы не прозевать вальдшнепа.

И тут Саша явственно услышал треск веток. Он быстро нырнул в ельник и залег. Лес впереди просматривался хорошо — березы и осины давно сбросили свой наряд. Саша увидел людей, идущих в колонне по одному. Немцы! Десять человек. Надо подпустить их как можно ближе. Партизан выложил на мох гранаты и взял наизготовку полуавтомат.

Фашисты двигались медленно. Перед ними внезапно пробежал заяц. Идущий впереди фашист схватился за оружие, потом плюнул и бросил вдогонку зверьку палку.

Ближе, ближе. Осталось метров двадцать пять, не больше. Саша поднялся и бросил подряд одну за другой гранаты. Маленький осколок резанул ему ухо. Шестеро немцев остались лежать на поляне, остальные побежали. Спокойно, словно на стрельбище, целясь под «яблочко», Саша уложил еще трех оккупантов. Десятый гитлеровец удрал. Чекалин осторожно вышел на поляну, собрал трофеи.

Так был выполнен приказ командира...

* * *

В потертом пиджачке и в таких же видавших виды штанах Чекалин шагал по берегу Вырки. Он шел на встречу со связным, чтобы получить новые разведсведения. А связным был его отец.

Вот и небольшой обрыв, с которого в половодье он палил из ружья в щук, а летом на самодельном плоту вместе со своими друзьями «форсировал» реку.

Изба бабушки стояла на краю села. Еще издалека он услышал кудахтанье кур и гоготанье гусей. Оказывается, в избу нагрянули оккупанты и расправлялись с «курками», «гусками», готовясь к обеду. Павел Николаевич сидел на бревнах и вязал из березовых веток метлу. Он мрачно поглядывал на вояк, которые потрошили птицу. Вдруг хлопнула калитка, и во двор как ни в чем не бывало вошел Саша.

— Здорово, папаня!

Отец поднялся навстречу сыну, а бабушка при виде внука перепугалась. Немцы же не обратили никакого внимания на подростка. Саша спокойно поздоровался с бабушкой и прошел в избу. Павел Николаевич понял, что сыну нужны сведения, которые подготовлены для пересылки в партизанский отряд.

Саша выпил из крынки молока, задвинул пеструю занавеску, лег на лавку около печки и притворился спящим.

Тем временем фашисты принесли фляги с водкой, вскрыли консервы и сели за стол, где уже стояли две тарелки со сваренными вкрутую яйцами, тут же лежали сало и каравай хлеба, жареные гусь и курица. Изрядно выпив, солдаты оживленно болтали.

Саша немного понимал по-немецки, и кое-что ему удалось разобрать: ночью на одной из улиц Лихвина партизаны убили патрульных, на шоссе, возле леса, взорвалась автомашина с боеприпасами, во многих деревнях появились на дверях и заборах большевистские листовки.

Услышанное радовало Сашу, вызывало чувство гордости от того, что в боевых делах партизан и он принимал участие.

После обеда оккупанты куда-то ушли.

Саша поднялся, сел на лавку. Подошел отец. Бабушка, убирая со стола посуду, упрекнула внука за то, что он не вовремя пришел в село, так как немцы ищут партизан, чтобы расправиться с ними. Затем она вышла в сени.

Павел Николаевич вполголоса стал передавать сыну необходимые партизанам сведения. Вдруг раздался резкий стук в дверь. В комнату вошли два фашиста. Третий остался стоять на дворе, охраняя выходы из дома.

— Ты кто есть? — ткнул пальцем в Сашу унтер-офицер.

— Чекалин Саша...

— А ты? — и указал на Павла Николаевича.

— Его отец. Чекалин.

— Вы оба арестованы!

...Холодная осенняя грязь чавкает под ногами, ее комья попадают в широкие раструбы фашистских сапог. Солдаты ругаются и злобно толкают прикладами автоматов отца и сына. Стиснув зубы от ненависти, шагают Чекалины посреди конвоиров-оккупантов.

— Папа, папа... сшибай одного, а я другого, — шепчет отцу Саша.

Но Павел Николаевич понимает, что он со «своим» фашистом справится, а вот сын не сможет осилить здоровенного рыжего солдата.

Допрос начал обер-лейтенант:

— Партизан? Где лесная хата? Где отряд?

— Ничего мы не знаем! — ответил Чекалин-старший. Мы из деревни никуда не уходили, всю жизнь здесь живем...

— Партизан! — уверенно и торжествующе сказал еще раз офицер. — Теперь вам капут! Совсем капут! — и он провел тыльной стороной правой руки по своей шее. — А сейчас — увести.

Чекалиных посадили в погреб. Загремел засов.

— Кто-то меня увидел и донес, — сказал Саша.

Павел Николаевич на ощупь нашел кучу пустых мешков и расстелил их.

— Давай-ка, сын, спать, силы еще пригодятся, утро вечера мудренее, — ответил отец.

...Стук кованых сапог разбудил их.

— Вставай, пошли!

На улице чуть брезжил рассвет. Приблизились к школе.

«Неужели будут расстреливать?» — подумал Саша и вопросительно посмотрел на отца. Тот угадал мысль сына, пожал плечами.

Из школы вышли солдаты и остановились у двери. За ними показались люди в рваных гимнастерках, в обмотках без ботинок, с кровавыми пятнами на одежде и лицах.

Все арестованные, в том числе и Чекалины, были отданы в распоряжение шеф-повара для работы на кухне. Притащили несколько мешков с картофелем и заставили

арестованных чистить. Человек с рукой на перевязи сообщил партизанам, что все они попали в плен, выходя из окружения.

Павел Николаевич и Саша сидели на земле у дровяного сарая. За сараем — камыши, ручей, кустарники, а дальше — лес.

Отец и сын переглянулись и шмыгнули за сарай. Прислушались: тихо. И изо всех сил бросились к лесу. Через некоторое время послышались выстрелы. Оглянувшись, они увидели фигуры в шинелях зеленовато-мышиного цвета.

— Спохватились, да поздно, — усмехнулся Чекалин-старший. — Ищи ветра в поле...

Когда опасность миновала, отец сказал:

— Ну, Саша, теперь и мне придется в партизанский отряд подаваться. В село больше нет пути...

* * *

Юный Чекалин еще несколько раз ходил в разведку, дважды — за оружием. Но ему очень хотелось принять участие в настоящем бою. Тетерчев говорил Чекалину:

— Успеешь еще, Сашок, пока ты в разведке больше нужен. Вот будет случай...

Такой случай представился в конце октября. По дороге, ведущей из Перемышля в Лихвин, разведчики обнаружили движущуюся вражескую автоколонну. Группа партизан во главе с Тетерчевым затаилась в заросшем молодым ивняком кювете.

Автомашины, заполненные солдатами, проходили одна за другой. Командир понимал: затевать стрельбу с такой массой врагов равносильно самоубийству. Не лучше ли ударить по хвосту колонны? Скорость движения довольно большая, пока впереди идущие разберутся, в чем дело, несколько задних машин можно уничтожить. Но тут случилось непредвиденное. Одна из машин вдруг остановилась, преградив дорогу мотоциклу и еще двум грузовикам. Колонна между тем продолжала движение.

Чтобы устранить неисправность в моторе, водителю понадобилось минут двенадцать—пятнадцать. За это время колонна скрылась за поворотом.

Партизаны выжидали. Дело в том, что эти три грузовика и мотоцикл остановились от них не менее чем в ста метрах. Конечно, рассчитывать на точность стрельбы не

приходилось. «Ударим, когда машины будут напротив нас», — подумал командир.

Офицер, сидевший на мотоцикле, дал сигнал, взревели моторы, и грузовики тронулись.

Как только они достигли места, где залегли партизаны, загремели взрывы гранат, затрещали автоматные очереди.

Некоторые из солдат успели занять оборону и начали отстреливаться. Бой был коротким. Несколько фашистов, выскочивших из машин, попали под огонь Сашиного полуавтомата.

Партизаны быстро собрали трофеи — оружие, патроны, гранаты — и скрылись в лесу.

* * *

...Мост через Оку охранялся усиленным отрядом гитлеровцев, и партизаны решили подорвать рельсы в километре от реки. Операция была крайне важной и опасной. С отрядом отправились командир Тетерчев и комиссар Макеев.

Тщательно замаскировавшись у опушки леса, партизаны стали ждать поезда. Скоро два часа. Все замерзли. День был хоть и бесснежный, но по-зимнему холодный.

Наконец послышались голоса и стук молоточков по рельсам. Это шли осмотрщики.

— Этих пропустить! — приказал Тетерчев. — Пусть доложат на станции, что все в порядке.

Снова беспокойное ожидание. Послышался глухой ритмичный звук.

— Приготовились! — скомандовал Тетерчев, а через несколько минут сказал: — Отставить! Пропустить дрезину.

Когда дрезина скрылась из глаз, все партизаны высыпали на полотно. Сбросили пальто, шапки и принялись за работу. Впереди поставили мины, а для страховки (мало ли что бывает) разобрали еще и рельсы.

Вдруг Макеев поднял руку.

— Внимание! Внимание! Убрать одежду и шапки! Ложись вдоль насыпи!

Показалась группа хорошо вооруженных фашистов. Они тщательно проверяли путь. Когда оккупанты поравнялись с местом засады, партизаны открыли огонь. Гитлеровцы бросились в сторону леса, по пути оставляя мертвых. До леса никто из них не добрался. Но один из фашистов за-

таился в канаве и ожидал удобного момента. В это время прозвучал выстрел. Все повернули головы: стрелял Саша Чекалин. Опустив полуавтомат, Чекалин направился к кусту можжевельника. С ним пошли и другие бойцы. За можжевельником, в канаве, лежал убитый ефрейтор. А рядом — несколько гранат, похожих на бутылки.

— Да, — сказал Тетерчев, — опоздай Саша на минуту, многие из нас были бы на том свете.

Издалека послышался гудок паровоза. Быстро закончив приготовления и убрав трупы с насыпи, партизаны побежали к лесу.

Получилось так, что локомотив пролетел по инерции через поврежденные рельсы вперед, а взрыв раздался с опозданием, поезд как бы разорвало на две половины. Однако и та и другая рухнули под откос.

* * *

Саша лежал в землянке, накрытый пальто и трофейной плащ-палаткой. Его знобило, голова была горячая, все тело ныло.

«Вот некстати эта болезнь, — думал юный партизан, — люди ходят на задание, а я...»

В землянку вошел Макеев.

— Не спишь? Как себя чувствуешь?

— Ничего, товарищ комиссар! Через два дня встану в строй!

Комиссар покачал головой:

— Этим делом, Саша, не шутят. Тебе надо побыть в тепле и не два дня, а больше... Мы решили послать тебя в Мышбор. Ты же хорошо знаешь учительницу Музалевскую? Вот у нее и отлежишься, отдохнешь...

— Как это так запросто, без боевого задания?

— Успокойся. Задание получишь. Кое-что надо будет уточнить по дороге, да и в самой деревне. Ну, а заодно и подлечишься.

Саша медленно поднялся, надел пальто, затянув его покрепче ремнем, взял гранаты и полуавтомат.

— Иди сейчас к командиру, он тебе подробнее объяснит задание, — проговорил Макеев, помогая Саше выбраться из землянки.

...Чекалин добрался до Мышбора к вечеру и, как было условлено, предварительно зашел к связному. Тот сообщил,

что Музалевская арестована и отправлена в Лихвин, сейчас в деревне очень много фашистов, лучше будет, если Саша уйдет в другое место. Юный партизан решил отправиться в свое село Песковатское.

Вот и бугор, на котором стоит низенький, обмазанный глиной домик Чекалиных, окна и двери крест-накрест забиты досками. Мать и брат Виктор в эвакуации, бабушка у родственников за несколько десятков километров от Песковатского.

Оторвав доски, Саша открыл дверь и вошел в избу. Пахнуло затхлостью и сыростью. Нащупал висящую на гвозде лампу, к счастью, сохранился и керосин, зажег фитиль, тщательно завесил окна.

Обнаружив два полена и сломав табуретку, затопил печь. На дворе темно, дождь — вряд ли кто заметит дымок из трубы. Развел огонь, лег на печь и накрылся цветным, сшитым из лоскутков одеялом, под которым спал еще в детстве.

Ветер гудел в окнах, проникая через разбитые стекла. И сквозь этот шум послышался легкий стук. Саша слез с печи и, сжимая полуавтомат, подошел к окну.

— Саша! Открой! Это мы...

Голос показался знакомым.

— Егор, ты? — тихо спросил Чекалин.

— Я, я и Левка со мной...

Чекалин отодвинул засов и пропустил своих бывших одноклассников.

— Как же вы узнали, что я здесь?

— Да это Егорка заметил и за мной зашел, — сказал Лева Виноградов.

— Саша! В селе есть немцы, опасно...

Чекалин помолчал, а затем спросил:

— Где же Сергей?

— Аверин сейчас придет. Соображает насчет харчей...

Вскоре послышался условный свист. Сергей принес ломоть хлеба, бутылку молока и два яйца. Потом Егор сбегал домой и притащил кипятку и меду.

— О, так вы меня быстро на ноги поставите, — улыбнулся Чекалин.

Ребята рассказали Александру о последних новостях, о гитлеровских злодеяниях в селе.

— Ничего, скоро палачи поплатятся своей шкурой. Недалек тот денек! — сказал Саша.

Поздно ночью ребята разошлись по домам. Саша, укутавшись в одеяло, заснул на теплых кирпичах разогретой печки...

* * *

Леве Виноградову ночью не спалось. Чуть забрезжил свет, он оделся и вышел на улицу. На дворе стоял легкий морозец, покрывший серебристым инеем деревья, хаты, жухлую траву.

Мальчик взял топор и направился к сараю за дровами. Заслышав позади голоса, оглянулся. На другой стороне улицы шагали фашисты, а среди них трусил какой-то человечек в полушубке. Виноградов насчитал двенадцать солдат. «Ого, — подумал он, — куда это они направляются? А кто же этот человечек, не староста ли Авдюхин? Кажись, он. Предатель. Интересно, за кем они? Может, за Чекалиным?»

Лева не ошибся. Немцы подошли к чекалинской избе, окружили ее. Изготовившись к стрельбе, староста крикнул:

— Чекалин, выходи! Мы знаем, что ты здесь!

Изба «молчала». Тогда фашисты дали несколько автоматных очередей по окнам и двери. И на это им никто не ответил. Трое гитлеровцев подбежали к двери и стали вышибать ее прикладами. Внезапно распахнулось окно, наружу выпрыгнул Саша и сразу же метнул гранату. Враги брякнулись на землю, но граната не взорвалась. Однако выигранных секунд хватило Чекалину на то, чтобы скрыться за домом и устремиться к реке. Не рассчитал Саша своих сил — трое рослых фашистов настигли его, связали руки...

В тот же день Чекалина отправили под стражей в Лихвин, где находилась фашистская комендатура. И вот он уже стоит перед офицером.

— Говори, где партизаны? — кричал фашист.

— Я ничего не знаю! — ответил Чекалин.

— Так я напомню тебе: ты — партизан, комсомолец, мать твоя коммунистка, отец...

— Я все равно ничего не скажу, — перебил юноша.

— Не скажешь, так заставим.

Двое солдат схватили Сашу, потащили в соседнюю комнату...

После пыток Сашу снова ввели к коменданту.

— Ну что? — спросил офицер. — Это ведь только ягодки, а эти самые... как их... блюмен...— комендант посмотрел на переводчика.

— Цветочки... — подсказал тот.

— Да, ягодки еще впереди... Так говорит ваша русская пословица?

— Нет, не так! — крикнул Саша и, быстро схватив со стола массивную чернильницу, бросил ее в лицо офицеру.

Ударами кулаков и прикладов Чекалина сбили с ног и начали топтать. А затем, связав Сашу, искололи ноги штыками...

— Повесить! — прорычал комендант.

Избитого юношу выволокли наружу и бросили в сарай с каменным полом. Там он пролежал без сознания до самого утра.

6 ноября 1941 года Александра Чекалина повели на казнь. Когда Саша шел к виселице, на снегу оставались кровавые следы, валенки были полны крови.

...Вот площадь, родная школа. Фашисты согнали сюда людей. Фанерную дощечку с надписью «Такой конец ждет всех партизан» Чекалин снял с себя и отбросил в сторону. А когда ему стали вязать руки и надевать петлю на шею, звенящим, будоражившим души голосом запел «Интернационал».

По щекам согнанных на казнь людей катились слезы, мужчины плакали молча, женщины в голос... Подвиг Саши Чекалина породил у односельчан новую волну ненависти к гитлеровским захватчикам, которая толкнула десятки людей в ряды народных борцов, с оружием в руках заменивших казненного комсомольца...

27 ноября 1941 года Красная Армия освободила Лихвин. О подвиге юного партизана узнала вся Советская страна. Сашу Чекалина торжественно похоронили тут же на площади, которая теперь носит его имя.

Был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Александру Павловичу Чекалину звания Героя Советского Союза посмертно.

С каждым годом цветет и хорошеет Советская Отчизна — такой хотел ее видеть Саша Чекалин, бесстрашный воин из племени непокоренных.

А. Стась

ОПЕРАЦИЯ «КАВЭСКАДРОН»

(О Шевыреве А. И.)

— Когда-то ты, Саша, мечтал: посадить бы человек полтораста на коней да и ударить аж до самого Чернигова... Не забыл?

— Было такое дело, — улыбнулся Шевырев. — А что?

Коломиец, оглянувшись, взял его за рукав кожанки.

— А то, что в самом деле можно у нас в отряде конную группу создать, удобный случай подвернулся.

— На случае далеко не ускачешь, лошади нужны.

— Вот об этом я и говорю. Коней могу предложить. Да еще каких! Рысаков чистых кровей. Не веришь? Напрасно. Хочешь — покажу. Отсюда, из лесу, идти недалеко.

Шевырев хмыкнул и насторожился. Он уже привык к тому, что его заветная мечта вызывает в отряде усмешки. Над планами Саши организовать свою партизанскую конницу ребята часто подтрунивали, а самые острые на язык, особенно хлопцы из Кобыжчи, из взвода Миши

Дешко, говорили, что, дескать, хоть и служил он в армии сержантом кавалерии, но конником стал по ошибке — в военкомате кто-то принял его за донского казака по причине проживания Саши в Донбассе.

Однако на этот раз Коломиец не шутил. Он рассказал, что до войны работал в Бобровице на государственном конезаводе. Когда отступали наши, лошадей вывезти не успели. Теперь бобровицкие подпольщики передают: немецкий комендант района приказал отправить всех коней в Германию. Остановка только за вагонами.

Глаза у Шевырева сузились.

— И много там лошадок?

— Лошадок... Этим лошадкам нет цены. Сколько их осталось, точно сказать не могу, но, наверное, не меньше сотни.

— Так это же настоящий клад для нас! Понимаешь?

— Я-то понимаю. Но сейчас в Бобровице расположился итальянский полк. Потрепанный, правда, полк, и люди в нем немцев не так чтобы уж очень уважали, а как поведут себя, если доведется нам с ними встретиться, черт их знает... Да еще неизвестно, что у нас в штабе скажут про такую операцию.

Шевырев стал убеждать товарища.

— Мне ж не надо много бойцов на такое дело. Ну десять, пятнадцать человек. Неужто не дадут? Вырвем твоих рысаков у коменданта, даю слово, вырвем!

— Что ты меня агитируешь? Ты все это в штабе скажи. Но учти, не так просто угнать косяк лошадей вообще, тем более если это придется проделать едва ли не под окнами гитлеровской комендатуры... И не десять человек нужно, а не меньше тридцати, и таких, которые к коням привыкшие. Потолкуем с ребятами, охотники увести коней, конечно, найдутся. Я первый пойду. Словом, давай к начальству, веди переговоры.

В штабе отряда конезавод в Бобровице вызвал интерес. Шевыреву дали разрешение на операцию. Но тоже посоветовали: «Добровольцев объявится много, а ты отбирай людей построже. Кто из взвода Дешко изъявит желание, не отказывай, там хлопцы все больше сельские, из колхозов, к лошадям подход знают».

— Уж я отберу кого надо, будьте спокойны! — заверил Саша, сияя, как именинник.

Весть о готовящейся операции Шевырева в миг разнеслась по отделениям и взводам. Желающих «записаться в кавалерию» оказалось больше, чем надо. Словно генерал, которому поручили формировать по меньшей мере дивизию, похаживал Саша Шевырев по партизанскому лагерю. За ним тенями ходили добровольцы, по-приятельски похлопывали Сашу по плечу, и каждый старался обратить на себя его внимание. Стоило Шевыреву потянуться к карману — ему предупредительно подносили кисеты с самосадом, не успевал Саша свернуть цигарку — со всех сторон вспыхивали огоньки зажигалок и «катюш». А он был строг и неподкупен. Хлопцев допрашивал долго и придирчиво, отвергал безжалостно.

— Нет, не подходишь!

— Чем я, по-твоему, хуже других? Да я, знаешь...

— Знаю. Ходишь в обмотках.

— Ну и что?

— Больше ничего. Сапоги сначала добудь.

Костя Ляпков старался держаться поближе к Шевыреву и заискивал перед ним.

— Правильно! Тоже мне верховой... Ну какой из тебя кавалерист? Чудак человек. Надо же понимать — обмотки коню бока натирают.

— Так говоришь, коня знаешь? — наконец повернулся Шевырев к Ляпкову.

— Что за вопрос! Я ж с детства...

— Сам-то откуда?

Костя чуть-чуть увял.

— Причем тут биография? Ленинградец я.

— Где же ты джигитовал, на Невском проспекте, что ли?

На лице Кости — отчаянная решимость.

— Вы, должно быть, в Ленинграде не были. Ипподромчик у нас знаете какой? Ого! Выедем, бывало, подравняемся, кони под нами и не шелохнутся. И тут — команда. Справа, по одному, рысью! Арш-арш! Ша-ши-кии!.. — закатив глаза, срывающимся голосом взвизгнул вдруг Костя и тут же осекся, поймав на себе подозрительный взгляд Шевырева. Сообразив, что переборщил, ленинградец мигом сориентировался и виновато заулыбался. — Малость приврал я, братцы, какие там шашки. Обычный кавалерийский кружок был, так сказать, юные ворошиловские всадники... Но почерпнули мы там дай бог каждому!

Миша Чиж, Алеша Рог, Паша Жусубеков снисходительно наблюдали за суетней кандидатов в конники. Этим партизанам было незачем волноваться. Мог ли вообще без них существовать в отряде эскадрон. Их принадлежность к будущей семье кавалеристов признали без всяких оговорок и сомнений. Теперь все, на кого пал выбор Шевырева, присоединялись к ним, пополняя группу, а «забракованные» с независимым видом старались побыстрее затеряться среди партизан.

К ночи отряд добровольцев был готов отправиться в Бобровицу. Шевырев попросил подвезти хлопцев до села Макаровка, а оттуда до места намечаемой операции рукой подать.

Над лесом всплыла луна, в морозном воздухе искрились голубые снежинки. Молодежь шумно усаживалась в сани, поплотнее запахивая плохо согревавшие, еще сохранявшие чужой запах немецкие шинели. Ездовые замахали кнутами. Заскрипели полозья.

Несколько километров трое саней с партизанами двигались вдоль опушки леса. Слева белела степь. На открытом просторе гулял свежий ветер, курилась поземка. Миновав клубящееся туманом Белое болото, сани выехали на твердый, накатанный шлях, что пролегал на Макаровку. Кони пошли веселее, шибче.

В полночь остановились в сосновой роще, у оврага. Ездовые предложили ждать на всякий случай партизан до конца операции, но Шевырев приказал им возвращаться в лагерь. Пеший «эскадрон» проскользнул через полотно железной дороги. Построившись по двое, партизаны огородами вошли в Бобровицу.

Пробирались боковыми улочками. Почти все были одеты в трофейное, только несколько человек, в том числе Шевырев и самый старший в группе — Коломиец, оставались в своем обычном наряде. Как бы помогая партизанам, небо заслонила серая мгла, притушила серебристое сияние луны. Стало темнее и спокойнее.

Почти возле самых конюшен навстречу попались двое с винтовками.

— Полицаи! — тихо сказал Коломиец.

Полицейские сошли с дороги в снег, пропуская партизан. Должно быть приняв Шевырева за проводника-полицая, один спросил.

— Куда идете?

— А тебе какое дело? Проваливай! — не повышая голоса, посоветовал Шевырев, скользя пальцами по деревянной кобуре маузера.

Промолчав, те двое побрели своей дорогой.

Приземистые строения конюшен темнели в глубине просторного двора. От конюшен несло запахом сена, навоза, за стенами слышалось глухое пофыркивание лошадей. В небольшой пристройке, из тех, где обычно отдыхают конюхи, над дверью красноватым квадратом светилось окошко, над крышей курился дымок.

Партизан окружало обманчивое безмолвие ночи. Смерть бродила рядом. Она стучала задубевшими на морозе сапогами немецких патрулей, притаилась в казарме гарнизона гитлеровцев, проносилась по рельсам недалекой железной дороги в вагонах, переполненных фашистами. За забором, где начинались хаты, спали солдаты итальянского полка. Как оказалось, солдаты этого полка были и тут, в трех шагах от партизан.

Двери пристройки распахнулись настежь. В жарко натопленное помещение хлынул пар. Несколько разутых, взлохмаченных, с соломенной трухой на мундирах солдат лежало вповалку возле печки. На стене висел зажженный фонарь. Разбуженные ворвавшимся холодом, солдаты подняли головы и с ужасом увидели невысокого плечистого парня в кожаной тужурке. Он стоял на пороге и целился в них из маузера, а его левая рука, отведенная в сторону, сжимала гранату. Из-за спины парня, из клубов пара появились, как призраки, люди в немецких шинелях с русскими лицами. На солдат глядели черные глазки их винтовок и автоматов.

Итальянцы вскочили и загалдели, быстро, все сразу, тыкая пальцами в угол, где лежали их карабины.

— Итальяно нет война. Мы ехать дом, Сицилия. Стрелять нет-нет, — лопотал маленький узкоплечий солдат в куцом кительке с оборванными пуговицами. — Итальяно нейтралитет. Дуче Муссолини — плохо, фашисто — плохо, руссо партизан — карашо...

Он тараторил, не умолкая, по-видимому, боясь, что, как только перестанет говорить, партизаны начнут стрелять. И пытался улыбаться, прижимая к груди сухие давно немытые руки.

Шевырев опустил маузер, сунул в карман гранату.

— Фу ты, дьявол. Дохлые они, что ли...

Он не знал — и если бы даже узнал, не поверил бы, — что с этими больными дизентерией солдатами их товарищи, тоже солдаты, не захотели ночевать в одной хате, выгнали их на улицу, и они нашли себе пристанище в каморке возле конюшен, где была печка и крыша над головой. Для Шевырева это были враги, но странные, не похожие на тех, которых он привык видеть за месяцы партизанской жизни. Таких врагов он встретил первый раз. Их поведение обескуражило Сашу.

— Стало быть, домой едете, и Муссолини вам уже не нравится? Какого же вы лешего поперлись сюда, к нам? Эх вы, господа-синьоры... Ну ладно. Что же с ними делать будем? А ну их к черту. Сидите тихо, синьоры, не то — пух-пух и ваших нет. Прощай тогда Сицилия.

Солдаты как будто и вправду поняли, что говорит им партизан в кожаной куртке, дружно закивали головами, жестами показывая, что их ничто, кроме теплой печки, не интересует и хотят они только одного — остаться в живых.

Шевырев кивнул Алеше Рогу.

— Собери их карабины.

Несколько минут спустя партизаны были в конюшнях. Почуяв рядом людей, лошади заволновались. Они звенели удилами, вскидывали головы, всхрапывали, эти ухоженные, диковатые, не знавшие упряжки рысаки.

У Шевырева глаза разбежались. Он не мог отвести взгляда от стройного красавца коня белой масти с тонкими мускулистыми ногами. Конь стоял неподвижно, как изваяние, выгнув дугой крутую шею. Прижатые уши и тревожный блеск в глазах говорили о том, что такому нужен настоящий седок.

Коломиец, как только шагнул через порог конюшни, удивленно ахнул и побежал в дальний конец помещения. Свистнул на бегу, остановился в трех шагах от серого в яблоках рысака, освещенного неярким светом фонаря «летучая мышь», подвешенного к потолку.

Заслышав свист, конь встрепенулся, вздрогнул телом, под его широкой грудью затрещала деревянная загородка. Рвясь с привязи, рысак тянулся к человеку, смотрел на него большими, умными, подернутыми поволокой глазами и дрожал бархатистой губой, как будто хотел заговорить. Руки Коломийца обхватили голову коня. Он гладил ее ладонями, сорвал с головы шапку, стал протирать влажные трепетные ноздри рысака, приговаривая:

— Орел, Орлик, Орлюша... Вот видишь, мы и встретились. Соскучился? Что же ты, дорогой, а? Ну, ну, не надо... Что же ты?

А Орел ткнулся теплыми мягкими губами в небритую щеку партизана, прикрыл глаза, потом положил голову на плечо Коломийца и радостно тихо заржал.

Шевырев, отводя взгляд, сказал:

— Ты смотри, как дитя...

— Я ж в Бобровице жокеем работал. Орла сам учил, поил и кормил из рук, объезжал. Мы с ним и в Москве побывали. На рысистых бегах Орел взял призовую медаль, про нас с ним даже в «Правде» напечатали,— торопливо рассказывал Коломиец, отвязывая коня.

Остальным партизанам приходилось туго. Норовистые жеребцы не давались в руки, метались в стойлах, норовя схватить зубами людей. Приглушенные сердитые окрики заглушались звоном цепей, ржанием, стуком копыт. Шевырев с трудом справлялся с приглянувшимся ему белым конем. И не удивился, когда мимо него гнедой рослый жеребец на конце повода проволок Костю Ляпкова.

— Под уздцы держи его, под уздцы! — крикнул вдогонку Коломиец, видя растерянное лицо парня.

В этот миг гнедой тряхнул ленинградца о косяк дверей, вырвался и пошел по двору, приплясывая, боком, почуяв волю. Ляпков мертвой хваткой уцепился за гриву и беспомощно сучил ногами в прохудившихся ботинках, силясь взобраться на коня, но гнедой не хотел признавать такого хозяина и легким движением, как бы играя, сбросил его в снег. Костя вприпрыжку пустился за ним, не выпуская повод.

— Ну, трепач, погоди же! Ты что делаешь?! — гаркнул Шевырев, гарцуя по двору на своем Белом. — Павел, да помоги ему, чего смотришь!

Жусубеков верхом бросился гнедому наперерез. Костя изловчился, обеими руками схватился за уздечку, потянул к фургону упиравшегося коня, намереваясь взобраться на него с колеса.

— Твоя такой лошадь надо? — вращая глазами, шипел Жусубеков с коня, подтягивая Костю за шиворот вверх. — Ходи крайний конюшня, там смирный конь стоит, один хребет да кожа. Выбирай там лошадь!

— Разве ж это лошадь? Это же черт неугомонный...

Стой, стой, ради бога, животное ты эдакое, связался с тобой на свою голову! Стой!..

Но конь, фыркнув, взвился вдруг на дыбы. Костя покатился кубарем на землю и с неожиданной проворностью мигом юркнул под фургон...

Добрая половина жеребцов, вырвавшись из рук партизан, заметалась между конюшнями. Бойцы суматошно забегали, гоняясь за лошадьми и мешая один другому. В руке Шевырева замелькала нагайка, он вертелся по двору, хрипло кричал:

— Погоню всех пешком! Поклонцев, хватай тех двоих! Вяжи поводья! Передай Свешникову, слышишь! Чиж, Кабанец, сюда! Выводи быстрее. Да не путайся ты под ногами, Ляпков! Подсади его, Жусубеков!..

Кое-как порядок был восстановлен. С полсотни коней удалось согнать в табун. Повалив забор, громыхнув по доскам, верховой отряд вырвался на улицы села. Из-под копыт летели комья снега. Промелькнули хаты, колодцы, деревья. Начиналась степь. Где-то сзади, на окраине Бобровицы, стукнул выстрел, другой.

Ляпков упал с коня. Осадив на скаку Белого, Шевырев наклонился к нему.

— Костя, тебя ранило?

— Да нет, не удержался...

Дважды Костю подсаживали на гнедого, а он, проскакав с версту, снова валился в снег. Упав третий раз, замотал головой, взмолился:

— Братцы, не надо. Я лучше так, бегом за вами...

— Дай сюда карабин, держись покрепче за гриву, не заваливайся набок. Еще километра три и пойдем тише. Терпи!..

Отъехав подальше от железнодорожного полотна, партизаны пустили коней шагом. Поклонцев вдруг повернул к Володе Богданову смеющееся лицо, кивнул на его коня.

— Володька, отчего он прыгает под тобой? Все ты отстаешь, мы уже боялись, как бы не заблудился.

С ними поравнялся Коломиец. Глянул, схватился за живот.

— Ой, не могу... Так он же у него спутанный!

Дружный хохот покатился над степью. Соскочив на землю, чертыхаясь, Богданов стал освобождать передние ноги лошади от веревочных пут. Через минуту он догнал товарищей, беззлобно сказал:

— Ожили, герои, зубы скалите? А давно вас жеребцы за собой волочили по двору? Только у меня был полный порядок! Спутанный, он что? Стоял как миленький. Если на спутанном скакал, то теперь я на нем с кем хочешь могу потягаться.

Позади возник отдаленный топот.

— Неужто погоня?

Шевырев схватился за кобуру. Партизаны поспешно срывали винтовки и автоматы.

— Спокойно, ребята. Это нас беглые жеребчики догоняют. Они от гурта не отстанут, привыкли вместе.

Лошади без седоков, обгоняя друг друга, закружились около отряда, норовя вклиниться в строй. Белый, как под Шевыревым, конь с храпом налетел на Павла Свешникова, сшиб его вместе с жеребцом, рванул зубами лошадь Жусупбекова. Едва его отогнали прочь, он опять ринулся, как бешеный, в смешавшуюся толпой группу всадников. Закружились разъяренные животные. Озверевший конь сделал новый заход, устремившись на Шевырева. Саша вскинул маузер. Жеребец споткнулся на скаку, с размаху тяжело рухнул на дорогу. Сухой треск выстрела охладил мечущихся рысаков. Они пустились за отрядом всадников, толкаясь горячими боками...

* * *

Влажная, пригретая солнцем земля дышала легким парком. Кое-где еще лежали серые ноздреватые пятна последнего снега. Мягкий, почти теплый весенний ветерок приятно обдувал лицо. Шевырев расстегнул кожанку, сунул папаху за пояс. Натянул поводья, придерживая коня.

Впереди лежала Лосиновка. Сквозь деревья хорошо просматривались крайние хаты. Был ясный тихий день, щебетали птицы, над крышами домов курились утренние дымки. Казалось, ничего не напоминает о войне, о том, что на этой оживающей, пробуждающейся земле льется кровь и ветер вдруг может донести гарь недалеких пожарищ.

Взмахом руки Шевырев подозвал Коломийца и Дмитриенко. Они подъехали молча, тоже внимательно и настороженно вглядываясь в открывшуюся взору панораму сельской околицы. Надвигая папаху поглубже, Шевырев показал нагайкой на дорогу. Отрывисто проговорил:

— Значит так, одним рывком — к центру. Ты, Георгий,

спешиваешься возле школы и держишь фашистов огнем пулемета. В школу не суйся, твое дело не дать им выйти из казармы. И точка. Понял?

Дмитриенко кивнул, снял из-за спины свою «СВТ», закинул ремень за шею. Коломиец вернулся к эскадрону. Партизаны уже в седлах растянулись вдоль жидкой придорожной посадки.

Вот так, среди бела дня, они могли и не рисковать, могли бы оставить Лосиновку в стороне, проскользнуть мимо нее. Как-никак районный центр, с комендатурой, с небольшим, но все же гарнизоном, расположенным в здании школы. Но в чем же тогда смысл рейда партизанского эскадрона, ежели станут они тайком пробираться степью да балками, не решаясь «побеспокоить» врага? Нет, вовсе не ради того, чтобы двигаться в ночной темноте украдкой, вел Саша Шевырев своих конников стоверстным походом по районам Черниговщины, захваченной оккупантами.

— Впе-е-р-р-ед!..

Белый рванулся, вынес Шевырева из посадки. За спиной Саша слышал тяжелый топот. Пальцы сжимали рукоять маузера. Плетни, бревенчатые стены, деревья садов стремительно летели навстречу. Партизаны вырвались из переулка. Группа конников во главе с Дмитриенко, отделившись, круто завернула влево и поскакала к школе, а эскадрон, не останавливаясь, мчался широкой центральной улицей села к площади.

...Выстрелы возле школы смолкли. Над Лосиновкой в нескольких местах поднимался дым. Топот копыт партизанского эскадрона затихал вдали.

И снова — степь, перелески, молчаливые села, хутора. Дневные и ночные переходы. Короткие стычки с гитлеровцами. Разбегающиеся полицаи, старосты, всякая нечисть. И молодые сельские ребята, хватающие за стремя, умоляюще, с надеждой глядящие в глаза Шевырева.

— Товарищ командир, возьмите к себе! Как отца родного просим, возьмите. Фашисты хаты палят, людей вешают, в неметчину угоняют... У нас и кони есть. Возьмите...

— Ладно. С оружием умеете обращаться? Так и быть, пристраивайтесь... Но смотрите, если кто струсит, пеняйте на себя. Эй, товарищ Коломиец, выдай новичкам винтовки из трофеев!

Пополняясь в пути людьми, делая замысловатые зигзаги, то и дело меняя направление, эскадрон продолжал

колесить по районам, все дальше продвигался в сторону Нежина.

Замысел командования отряда «За Родину!» был не сложен. Ранней весной 1943 года партизанский отряд, насчитывавший семьсот бойцов и все еще не имевший связи с Большой землей, тремя группами вышел из лесов Бобровицкого района и начал рейд по территории полустепной юго-восточной Черниговщины, с тем чтобы со временем вновь сойтись в намеченном пункте — в селе Кукшин.

Группа, которой командовал молодой партизан из села Кобыжча Михаил Дешко, направилась в обход Нежина справа. Вторую группу повел командир отряда капитан Иван Бовкун. Третья группа, наиболее мобильная, кавалеристы Шевырева, как было намечено, должна преодолеть самый длинный отрезок пути к Кукшину, огибая Нежин справа. Шевырев знал, что его конникам доведется пробиваться густонаселенным краем, двигаться почти по открытой местности, на виду у гитлеровских гарнизонов. К тому же перед ними пролегали железные дороги на участках Киев — Бахмач и Яготин — Кобыжча. Все решали быстрота, маневр и неожиданные удары. И Шевырев, нигде надолго не задерживаясь, уже оставил позади Бобровицкий, Носовский, Куликовский районы. Обгоняя эскадрон, по селам катилась молва: какая-то советская кавалерийская часть прорвалась через линию фронта и нагоняет страх на фашистов, частью той командует-де старый казак, генерал, не сегодня-завтра он повернет на Чернигов.

А «генерал», которому недавно стукнуло двадцать пять, слыша об этом, хмурился, чтобы скрыть смущение. Не очень хотелось ему признавать, что друзья-партизаны, подтрунивавшие над ним, если правду говорить, попали в самую точку. Хотя Саша действительно начал войну в седле и даже носил сержантские угольники и эмблему кавалерии в петлицах, но в «казаках» и впрямь оказался по воле фантазии какого-то армейского писаря, посчитавшего город Краснодон, откуда Шевырев был родом, тем привольным красным Доном, где люди с малолетства становятся лихими наездниками.

До службы в армии Шевыреву ни разу не приходилось садиться верхом на коня. Учился он в горно-ремесленном, потом работал на шахте... Папаха, кожанка, нагайка — все это для партизанского командира вроде б и обычное. А если откровенно, то и вовсе не случаен такой набор обмун-

дирования: были ведь книги о гражданской войне, а сколько раз ребята шахтерского города ходили на «Чапаева». Но маузер в деревянной коробке, он уже не книжный, тяжесть его стала привычной руке, и пули, что свистят каждый день, настоящие и разят насмерть. И те вот закоптелые черные дымари, которые вдали виднеются, тоже не кино — страшная действительность. Там хутор был, жили люди, а немцы все сожгли дотла, одни дымари да печи торчат у перелеска.

Белый прядет ушами, вздрагивает кожей на загривке. Волнуется. Умный конь. Раньше седока чует опасность. Шевырев снова выдергивает из-за пояса папаху. Так и есть. Два всадника из передового дозора скачут эскадрону навстречу.

— В низине вражеский обоз. Двенадцать фургонов. И шесть верховых, кажется, мадьяры.

Папаха надвинута на брови. Поводья — в левой руке, маузер — в правой. Шевырев машет маузером в направлении холма.

— Пулемет — туда! Отсекать их от лесочка. Эскад-р-о-о-н, за мной!

Мадьяры, потеряв одного всадника, успевают скрыться в неширокой полосе лесочка. Немцы-обозники мечутся, беспорядочно отстреливаются. Партизанский пулемет прижимает их к земле. Падают в упряжках лошади, бьются в постромках. Несколько фургонов, свернув в сторону, увязли колесами в песке. Карабины и сабли конников довершают дело.

* * *

Вторая половина мая 1943 года была для Шевырева временем новых испытаний. Он партизанил с первых дней, как только фашисты захватили Черниговщину. В таких переделках бывал, что сам потом удивлялся, как это он уцелел. Однажды Сашу и четырех его товарищей гитлеровцы днем застукали в хате, живыми взять хотели. Партизаны выскочили во двор, под пули, и отбились гранатами.

В другой раз Шевырев на сельской улице столкнулся с немцами лицом к лицу. Их было трое... Тут уж верх берет тот, у кого нервы покрепче. Гитлеровцы опешили, не успели даже сорвать с плеч винтовки. Шевырев расстрелял

их почти в упор... Некоторые люди, узнав Сашу ближе, полагали, что с таким отчаянным характером ему не сносить головы. Но где та грань, которая бы четко разделила: вот смелость человека, а вот вроде бы бесшабашная удаль? Ее, эту рассудительную грань, провести трудно, а порой и невозможно. Если враг вокруг и неизвестно, за каким поворотом, на какой тропе возникнет он перед тобой, то в таких ситуациях у труса во сто крат больше шансов погибнуть, чем у храбреца. Саша Шевырев всегда шел на опасность грудью, о собственной жизни, конечно, думал, но уже потом, после. А вообще-то был он тогда самому себе голова...

Теперь же, этими погожими майскими днями, Шевырев, быть может, впервые по-настоящему испытывал чувство большой тревоги. Потому что угроза нависла не над ним одним, над сотнями людей, которые были его друзьями, товарищами и в то же время — его подчиненными. Пятьсот партизан, батальон, которым теперь командовал Александр Шевырев, оказался зажатым в кольце карателей.

Отряд «За Родину!» сильно вырос, в нем уже насчитывалось около полутора тысяч бойцов. Три партизанских батальона контролировали несколько районов на стыке Черниговской и Киевской областей. Они разрушили, взорвали десятки мостов, уничтожили много железнодорожных эшелонов, фашистских гарнизонов и прочих осиных гнезд.

Оккупанты были вынуждены подтянуть в зону боевых действий партизан крупные войсковые и охранно-полицейские части. Под натиском эсэсовцев, двух мадьярских полков и многочисленных жандармских спецкоманд партизаны, отбиваясь, отходили в сторону лесного края, что раскинулся между Десной и Припятью. На дорогах появились вражеские танки, из пушек обстреливали перелески. Не жалели снарядов и немецкие батареи, приданные карателям. В небе проносились самолеты, корректировали огонь, засыпали мелкими бомбами подозрительные места.

Батальон Шевырева маневрировал и пока что продвигался без потерь. На третьи сутки утомительного марша рассвет настиг партизан в голой степи, неподалеку от Олишевки. Рядом виднелась небольшая дубрава, километр в ширину, меньше километра в длину. Шевырев приказал занимать здесь круговую оборону. Он шел на риск сознательно, рассудив, что каратели, возможно, и не станут

искать в такой малой роще целый партизанский батальон.

Вначале так оно и было. Появилась колонна гитлеровцев, прошла мимо. Затем проехали машины с солдатами. Через час со стороны Олишевки показались мадьяры, их было немного, человек восемнадцать. Эти, по-видимому, решили прочесать рощу. С ними покончили быстро. Но стрельба сказала все — партизаны себя обнаружили.

Теперь уже все зависело от того, как быстро гитлеровцы подбросят под Олишевку силы покрупнее. Какое-то время было выиграно, однако до ночи еще было далеко.

Часам к одиннадцати дня вокруг островка из зарослей и деревьев загрохотало. Цепи гитлеровцев надвигались с юга, с запада, с севера и востока. Батальон встретил их огнем пулеметов, автоматов, винтовок. Каратели не ожидали такого сильного отпора и кое-где попятились. Но к ним прибывали все новые подразделения. Дубрава простреливалась насквозь, разрывные пули секли ветки, кромсали кору, не давали поднять голову. Шевырев, пригибаясь, перебегал от одной группы партизан к другой. В отделениях уже были убитые, девушки-партизанки оттаскивали раненых за деревья.

Вскочив на Белого, Шевырев напролом через кустарник поскакал на противоположную опушку рощи. Пуля обожгла ногу, сапог был полон крови, а он, стиснув зубы, хлестал коня. Увидел: между деревьями шла рукопашная, дрались прикладами, ножами, разряжали обоймы пистолетов. Каратели прорвались в заросли. Бросив повод, Шевырев стрелял с обеих рук: в одной — маузер, в другой — наган. И вдруг почувствовал, что падает с седла. Последним усилием выдернул из стремени пробитую пулей ногу и потерял сознание...

Открыл глаза, над ним склонилось лицо девушки. Галя Данилко, Галка... Рядом грохотали выстрелы.

— Отогнали их, — всхлипывая, проговорила Галя. — Лежи, лежи, дай стащить сапог...

— Да разрежь его к чертовой матери! — он протянул девушке нож, но тут же сам, подтянув онемевшую ногу, распорол голенище. — Затягивай потуже. И не реви...

Опираясь на подобранный карабин, Шевырев поковылял на близкие выстрелы.

До позднего вечера каратели штурмовали дубраву, предпринимали атаку за атакой. Вдоль опушки, вокруг

рощи лежали убитые гитлеровцы, стонали раненые, по полю носились лошади без седоков.

Под покровом ночи, уложив на повозки своих раненых и убитых, батальон пошел на прорыв, смял заставы карателей, захватил по пути направлявшийся к врагу обоз с боеприпасами и исчез в неизвестном направлении...

* * *

Партизанские батальоны собрались за Десной в лесах. Расположились в нескольких селах. Стали прибывать связные из-под Нежина и из самого города. Они приносили известия о передвижении карателей, двигавшихся по следам партизан в сторону междуречья. На железнодорожных станциях выгружались регулярные части вермахта, на перегонах курсировали бронепоезда. Немецкие самолеты рыскали над лесом, между Десной и Припятью. Фашисты готовились к новым карательным операциям.

* * *

В одной из радиограмм, полученных из Украинского штаба партизанского движения за подписью генерала Строкача, высказывалось предположение, что гитлеровцы будут перебрасывать по Днепру военные грузы. Генерал просил сообщить о передвижении барж и речных транспортных судов в районе Чернобыля.

В штабе соединения перед Шевыревым развернули карту.

— Вот куда придется тебе идти. Больше ста километров. Детали продумай сам, Александр Иванович. Тебе не впервой.

Теперь Шевырева величали по батюшке. Командир 1-го партизанского полка. Полк не эскадрон, даже не батальон, это две с половиной тысячи вооруженного народа, свой штаб, своя радиосвязь, своя разведка, свое хозяйство. Но если предстоит ответственное дело, особо рискованная операция, Шевырев, как и прежде, папаху до бровей — и «Пошли, ребята!».

Вот и теперь, оставив за себя начальника штаба, опытного военного, полковника, Шевырев взял батальон лейтенанта Петра Дударя и отправился в район, указанный начальником УШПД. Генерал Тимофей Строкач в своих

радиограммах никогда не приказывал, но его «прошу» всегда воспринималось партизанами как призыв к немедленным действиям. Шевырев спешил. Старался даже на этот раз не ввязываться в стычки с фашистскими гарнизонами, хотя без этого не обошлось. Пройти «тихо» между Нежином и Черниговом было просто невозможно. Батальон перебрался через Десну на рыбачьих лодках и плотах и вышел в устье Припяти, на Днепр.

Полноводная река казалась пустынной, безлюдной. Ни пароходов, ни барж. Двое суток ожидания — и все так же тихо, спокойно. Однако по многим признакам Шевырев определил, что на противоположном правом берегу что-то происходит. Там было оживленное движение машин, время от времени появлялись группы людей, похоже, что местные жители, крестьяне из сел. Иногда тянулись вереницы подвод, груженных лесом...

Ночью на Правобережье поплыли разведчики. Возвратились благополучно с важной новостью. Оказалось, речной транспорт гитлеровцев не доходил до места, где расположился батальон. Баржи и суда разгружались в Чернобыле. Вся чернобыльская пристань превращена в огромный склад боеприпасов. Там накопились тысячи тонн снарядов, мин, колючей проволоки. А движение на том берегу — это производятся земляные работы, немцы гонят на побережье народ, заставляют рыть окопы, строить блиндажи.

Сопоставив все данные, партизаны сделали волнующее открытие. Гитлер-то лихорадочно готовит оборонительный рубеж! Видать, плохи у фашистов дела, чувствуют они, что не удержаться им на Левобережной Украине.

В эфир ушла краткая шифровка. Следующей же ночью зарокотали советские бомбардировщики. Партизаны наблюдали, как в стороне Чернобыля в небо поднималось зарево. Бомбовый удар с воздуха обрушился на пристань, на склады, на стоявшие у берега баржи. Грохот не смолкал до утра — взрывались штабеля снарядов и мин. Днем в тихом безветрии над Днепром повисла черная пелена дыма.

Разглядывая в бинокль правый берег, Шевырев не знал, что пройдет не так уж много времени и весь его полк проделает тот же путь, что и батальон Дударя. 1-й партизанский полк соединения «За Родину!» выйдет на песчаные отмели и совместно с вырвавшимся далеко вперед подразделением фронтовиков-армейцев на лодках, на плотах, на бочках, бревнах ринется в воды, подернутые завесой ту-

мана, и форсирует Днепр. На прибрежной полосе партизаны захватят несколько километров оборонительных укреплений этого самого «днепровского неприступного вала», на который гитлеровцы возлагали столько надежд. И когда вслед за первым пойдет и второй полк партизан, переплывет реку и займет построенные фашистами окопы и блиндажи по соседству с батальонами Шевырева, тогда немецкое командование поймет, что разработанный им план длительной обороны на мощном водном рубеже нарушен вопреки всем военным правилам ведения войны. Там, где противника еще не должно было быть, он появится внезапно.

Гитлеровские генералы умели составлять схемы, они, конечно, рассчитали время подхода регулярных советских войск к Днепру. Но в их расчетах не учитывалось еще одно войско — народ, сражавшийся за свободу на оккупированной земле. Фашисты станут лихорадочно бросать на партизан авиацию, танки, пехоту, но так и не смогут опрокинуть их. Партизанам отступать некуда — за спиной Днепр. Им не надо объяснять, что если они продержатся, не дадут гитлеровцам закрепиться на берегу, то войска Красной Армии без остановки, с ходу переправятся на Правобережье и с этого плацдарма будут развивать наступление дальше, на запад.

Выстоят партизаны, не дрогнут... А еще придет момент, когда многим покажется — все, прощайся с жизнью. Это когда стрелки-пэтээровцы не смогут остановить лавину вражеских танков. Нарастающий рев их моторов запомнится Шевыреву надолго. И в эти тяжкие минуты позади, на левом берегу, ударит артиллерия. Снаряды с воем пронесутся над водой, над вжавшимися в песок партизанами, фонтаны взрывов накроют ревущие, плюющие огнем немецкие танки. То раздадутся залпы подошедших к Днепру советских самоходок.

* * *

Морозным зимним днем, первым днем Нового, 1944 года, Шевырев приехал в Киев по вызову Украинского штаба партизанского движения. Немолодой худощавый полковник жестом пригласил его сесть.

— Ну, Александр Иванович, снимай-ка свою партизанскую кожанку, спрячь пока что папаху и облачайся, брат, в серую шинель. Вот твое назначение — штаб партизанского

движения при Военном совете 1-го Украинского фронта. Будешь служить у маршала Конева. Вопросы есть, капитан?

— Сержант, товарищ полковник.

— Был сержант, а теперь капитан. Цепляй к погонам звездочки и — во Львов. А дырочку на гимнастерке, выше других, наверно, уже подготовил? Поздравляю, от всей души!

— За погоны — спасибо. А насчет дырочки, что-то не улавливаю, товарищ полковник.

— Да ты что, в самом деле не знаешь? Сегодня утром Указ передавали, Героя присвоили тебе...

В тот же день самолет уносил Героя Советского Союза капитана Александра Ивановича Шевырева на запад.

Еще шла война...

А. Бринский,
Герой Советского Союза

БОРОДАЧ

(О Щербине В. В.)

Имя Василия Васильевича Щербины можно смело поставить в один ряд с прославленными именами разведчиков. Мне приходилось работать вместе с Щербиной в тылу врага. Мы звали его Василием Васильевичем или Бородачом.

Шел июль 1941 года. Наш партизанский отряд располагался в районе Лукомольского озера, на границе Минской и Витебской областей. Мы тогда открыто занимали две деревни, расположенные рядом,— Гурец и Симоновичи, составляя как бы советский гарнизон на территории, занятой фашистами.

На колокольне Гурецкой церкви установили пулемет, там же устроили наблюдательный пункт. У дорог вырыли окопы, регулярно выставляли караулы, заняв, как обычная воинская часть, круговую оборону. В Гурецкой школе расположился штаб.

Однажды, ясным июльским утром, чуть только на-

чало светать, в штаб явился партизан из сторожевого охранения.

— Товарищ командир, там хлопцы на окраине Гурца задержали одного подозрительного.

— Ну что же, давайте сюда,— ответил я.

Привели молодого широкоплечего мужчину в красноармейской форме с плащ-палаткой, переброшенной через плечо. Он не стал дожидаться, пока его спросят, а сразу же, переступив порог, вытянувшись, отрапортовал:

— Старший лейтенант Щербина Василий Васильевич, прислан по спецзаданию для работы в тылу врага.

Несколько секунд мы молча разглядывали друг друга. Хоть мои товарищи и недоверчиво отнеслись к задержанному, но мне он понравился сразу. Скуластое лицо у него было открытое, смелое, взгляд прямой.

Молчание прервал командир отряда Нелюбов.

— Говоришь, прислали для работы, так почему же не работаешь? Где твои люди?

— Люди?.. Нет у меня людей. Погибли. Вот я и пришел к вам.

Он вздохнул и виновато улыбнулся.

— Садитесь, рассказывайте о себе.

Бросив на скамью плащ-палатку, попросил закурить. Я подал ему кисет с махоркой, он торопливо свернул цигарку и с жадностью затянулся. О себе рассказал, что родился в 1914 году в Донбассе, на станции Никитовка, что отец его шахтер, умер в 1921 году, оставив троих детей. Сам Василий окончил фабзавуч, работал слесарем на шахте Узловая. Состоял в комсомоле, с 1939 года член Коммунистической партии. В Красной Армии с 1934 года, окончил Одесское военное училище с отличием, там же оставили командиром курсантского взвода, а затем назначили заместителем командира роты, досрочно присвоив звание старшего лейтенанта. Потом учился в спецшколе, не твердо, но владеет английским языком. Женат, жену зовут Марией Спиридоновной, есть двухлетний сын Эдуард.

По его словам, три человека, переброшенные вместе с ним через линию фронта, погибли. Он некоторое время скитался в поисках встречи с партизанами. Около Полоцка у него есть верные люди, там собрано им и спрятано оружие, боеприпасы в расчете на то, что все это пригодится или ему, если он сам организует группу, или партизанам, если он их встретит.

Хоть все, что он рассказал, и походило на правду, и сам он внушал доверие, но убедиться в правоте его слов было необходимо. Решили: пусть он вместе с одним из наших партизан отправится к Полоцку и доставит в отряд спрятанное оружие. А это более сотни километров только в один конец. Задача не из легких.

Договорились с председателем Гурецкого колхоза. Он выдал им справки, которые свидетельствовали, что колхозники Василий Щербина и Саша Литвяков отправляются в район Полоцка за лошадьми, уведенными из деревни во время отхода Красной Армии. Переодели обоих в гражданское платье, и они на пароконной повозке укатили.

Прошло более десяти дней, и в половине августа, грохоча по пыльной дороге, в Гурецкую околицу въехала телега, нагруженная соломой. Наши путешественники шли рядом, понукая усталых лошадей. Они были голодны и веселы. Все эти дни Щербина не брился и стал настоящим бородачом. Густая черная борода обложила его лицо. Да и на веснушчатом лице Литвякова появились довольно длинные, но не густые рыжеватые волосы.

— Принимайте оружие!—кивнул Щербина на телегу.— Задание выполнили.

Под соломой оказались два разобранных станковых пулемета, ручной пулемет, несколько винтовок, патроны, гранаты.

Вот что они рассказали о своей поездке. Проехали километров двадцать. Лошади устали, потому что взяли в колхозе самых слабосильных. В одной из деревень заехали прямо на колхозный двор и заменили этих кляч на пару хороших лошадей.

Литвяков хотел было ехать глухими дорогами, чтобы не встречаться с немцами. Но Щербина остановил его.

— Двум смертям не бывать, сворачивай, поехали на большак, там надежней.

Саша Литвяков с удивлением смотрел на Василия Васильевича и почти шепотом произнес:

— Там же немцы?.. А у нас липа, а не документы!

— Ничего. По большаку гораздо безопаснее. Трогай. Пристроимся к какой-нибудь немецкой колонне. А насчет документов, друг мой, у разведчиков, как правило, они липовые...

И верно: выехали на большак — сплошное движение фашистов. Они пристроились в хвост артиллерийской

колонны, и никто документов у них не проверил. И только, когда свернула колонна в сторону, какой-то офицер поинтересовался документами, посмотрел, повертел, вряд ли что понял и вернул, крикнув: «Пошел! Вайтер!»

До места добрались благополучно, никто больше не останавливал. Литвяков остался с лошадьми, а Щербина ушел в Полоцк к знакомым узнать обстановку. Вернулся, погрузили оружие, замаскировали и опять поехали по большаку. Воз тяжелый, лошади еле ноги передвигают. Страшно. А вдруг немцы догадаются, что в соломе не может быть такой тяжести...

Однажды нашим путешественникам пришлось основательно перетрухнуть. Остановились в деревне, чтобы отдохнуть, перекусить. Только Литвяков выпряг лошадей и бросил сена, а Василий Васильевич направился в хату, а ко двору в это время завернули две машины. Вышли из них немцы. Одни прошли в хату, другие остались во дворе. Щербина спокойно поприветствовал их, попросил закурить так же спокойно, затем подошел к повозке, поправил солому и громко крикнул Литвякову:

— Запрягай, а то пан староста ждет.

Литвяков быстро запрягает лошадей, выезжает на улицу, лошади упрямятся — не отдохнули, пить хотят, день жаркий. А немцы в спину смотрят, кто знает, что им придет в голову. Щербина посмеивается.

— Что, Саша, струсил? Ничего, брат, двум смертям не бывать. У меня самого кошки на душе скребут. Но вида не подавай. Держи нервы в руках.

* * *

Человек не всегда открывается сразу, иногда очень трудно найти ключ к его сердцу. Щербина был из тех людей, которые не любят играть в тайну. По-солдатски прямой, честный, отчаянно смелый, преданный, он весь отдался борьбе с врагом и этого же требовал от других. Казалось, что ему даже непонятно, как в такое трудное для Родины время можно думать о чем-либо другом.

Преданностью делу, жизнерадостностью он быстро завоевал не только всеобщее уважение, но и любовь партизан. Его назначили заместителем командира отряда. Живой, вечно беспокойный характер Щербины настраивал всех особенно по-боевому, заражал энергией.

Привезенными из-под Полоцка пулеметами стали обстреливать низко летающие немецкие самолеты. Один самолет подбили, он упал недалеко от Черей.

Щербина, разъезжая по селам, завязывал связи с подпольщиками, посылал надежных людей с целью разведки в Борисов, Оршу, Лепель, Чашники, Холопеничи, в Лукомль. Мы вместе побывали в ряде населенных пунктов, чтобы создать там подпольные организации. На дорогах Борисов — Лепель, Бегомль — Лепель он с группой партизан подбил несколько немецких машин. До этого группы гитлеровцев свободно ездили по деревням и безнаказанно грабили население. Партизаны под командой Щербины отучили их появляться в районе, где действовал наш отряд.

Однажды команда карателей прибыла в деревню Острова-Лепельские и на ночлег остановилась в школе, с тем чтобы утром начать облаву на партизан. Ночью группа партизан во главе с Василием Васильевичем подобралась к школе. Часового сняли, фашистов забросали гранатами. Облаву сорвали. Гитлеровцы погрузили убитых на машины и возвратились в Лепель.

Особенно много внимания Щербина уделял разведке. Мне не раз приходилось быть свидетелем, как он готовит разведчиков, прежде чем послать их на задание. Он говорил, что́ нужно узнать или добыть, как это делать, чтобы не вызвать подозрение врагов, учил обращать внимание на свое поведение, одежду, походку, объяснял, как себя вести при встрече с немцами, полицейскими, как кому из них показывать документы, как отвечать на вопросы.

Помню, как Василий Васильевич наставлял учительницу Ольгу Гук. Она сидела за столом и делала заметки в тетради, а он ходил по комнате и перечислял правила поведения разведчика. Ольга Гук внимательно слушала, но вдруг поднялась и решительно заявила:

— Нет, Василий Васильевич, ничего из меня не получится, не сумею выполнить вашего задания.

— Уверяю, что получится,— начал убеждать ее Щербина.— Вы умеете владеть своими чувствами, а это главное, разбираетесь в людях, знаете, кому что сказать, кому моргнуть, а если надо, и всхлипнуть.

Учительница с успехом выполнила задание, доставила нужные сведения.

Как-то посылая в Лукомль пожилую вдову Соколовскую из Симоновичей, он сказал мне:

— Неграмотная, но знает, что нужно нам, а глаза, а память — на редкость.

Соколовская была говорлива и упряма, из тех, за которыми всегда остается последнее слово, которые всегда поставят на своем. Берет она корзину с рыбой или с яичками и идет куда-нибудь в Лукомль, Черею, Чашники, будто бы на базар или в гости. Везде у нее знакомые, со всеми надо поговорить, разузнать, рассказать, посочувствовать. Она умела навести собеседника на нужную тему, уловить самое важное, необходимое, передать кому надо записку. Много полезного сделала она для партизан...

Бывало выслушает Василий Васильевич разведчика, расспросит о всех подробностях, запишет себе в тетрадь и затем, глядя в нее, долго раздумывает.

Однажды подошел к нему, спрашиваю:

— Чего задумался, двум смертям не бывать?

— Знаете, этой ночью приснилась жена с сыном. Первый раз с начала войны.

— Большой сынишка?

— Два года.

Он жадно начал курить и замолчал. Это был первый случай, когда он заговорил о семье. Бросив папиросу, поднялся и со вздохом протяжно произнес:

— Эх, коло млына, коло броду. Там Мария брала воду...

Неожиданно спросил, есть ли у меня дети. Я ответил, что трое.

— Где они?

— Не знаю.

— Да... Пойдем к озеру, к рыбакам...

Как-то вернувшись из Орши, связная рассказывала, что там видела, что узнала, что слышала. Говорила о страшном советском оружии, которым была обстреляна станция Орша (это был залп батареи реактивных минометов капитана Флерова).

Мы внимательно слушали ее, а Василий Васильевич все записывал в общую тетрадь. Когда связная ушла, он хлопнул ладонью по тетради.

— Вот это да!.. Ценнейшие сведения! Что значит разведка!

— Что ты будешь делать с этими сведениями? Солить их,— пошутил Нелюбов.

— Перешлю нашим.

На чем, на волах... радиостанции-то нет. А какая цена этим сведениям, если они попадут к нашим на полгода с опозданием?

Щербина доказывал, что даже с опозданием эти сведения нужны. Продолжая рассылать связных, аккуратно записывал принесенные ими сведения в свою тетрадь.

Однажды по собранным сведениям Щербина разработал план налета партизан на районный центр Минской области Холопеничи, где было больше батальона фашистов, не предполагавших, что тут могут появиться партизаны.

Партизаны, переодетые в обычную крестьянскую одежду, целым обозом едут на базар. Оружие спрятано в сене. Неподалеку от Холопеничей остановили лошадей и незаметно огородами, дворами пробрались к центру, к школе,— там расположились гитлеровцы. Ничего не подозревая, скинув мундиры и без оружия, немцы выстроились в очередь за обедом. Дымила походная кухня, звенели котелки.

Вдруг загрохотали автоматы, пулеметы, стреляли из-за хат, с огородов. Испуганные немцы хлынули было в школьный сад, но и там засвистели пули. Какой-то офицер выскочил на крыльцо школы, размахивая пистолетом, но его никто не слушал, впрочем, его тут же скосила очередь партизанского автомата. Растерявшиеся фашисты бросились по дороге на Крупки, но и там их тоже встретили пули.

К вечеру партизаны возвратились без потерь. Василий Васильевич, довольный, записал в тетрадь, что немцы увезли на двух машинах убитых и раненых. Среди убитых оказался и комендант местечка.

Узнав, что зимой рабочие Гурецкого рыбхоза взрывали лед на озере при помощи тола, Щербина решил найти тол для диверсий на железной дороге. Ему удалось собрать около десяти килограммов. У одного партизана, из бывших саперов, нашлись взрыватели. Решили идти на самую близкую железную дорогу Борисов — Орша, по прямой около пятидесяти километров, правда, никто дороги не знал и карты не было.

В поисках проводника обратились к учительницам Гурецкой школы, жившим рядом с нашим штабом. Они к нам привыкли, да и мы к ним. Сочувствуя нам, они охотно выполняли поручения, ходили на связь, в разведку в ближайшие города, села. Одна из них, Ольга Гук, согласилась проводить группу партизан на железную дорогу.

С трудом добрались до магистрали Минск—Москва, надо было ее перейти, а по ней все время сновали взад и

вперед машины, тянулись обозы, топали фашистские части. Пришлось около суток пролежать голодными, без воды в кустах. Только под утро добрались к железнодорожной линии, подложили мину, на которой и подорвался воинский эшелон с танками.

Фашистов встревожили действия партизан. В одно из сентябрьских воскресений рано утром они нагрянули в Гурец и Симоновичи. В короткой схватке с ними погиб командир отряда Иван Васильевич Нелюбов. Большую часть отряда Щербина увел в Деряжинский лес и стал командиром отдельного отряда, другая часть присоединилась к 1-му Белорусскому разведывательному отряду под командой Григория Матвеевича Линькова.

Руководя отрядом, Щербина провел ряд операций, но особенно удачная была в Гороховском лесу, где он подстерег большую колонну фашистов на узкой гати. Партизаны заранее расположились по обе стороны дороги. Пропустив разведку, они неожиданно открыли огонь по главным силам. Расстояние было небольшое, колонна плотная, почти все пули попадали в цель. Пока фашисты опомнились, развернулись, на дороге лежало много убитых и раненых.

В начале ноября 1941 года гитлеровцы бросили против наших отрядов большие силы. После боя возле хутора Нешково мы вынуждены были отступить в глубь леса Белорусского государственного заповедника. Каратели закрыли выходы, заняли все деревни и были уверены, что мы с голоду погибнем в Березинских болотах. Но мы разбили отряды на группы, чтобы фашисты разбросали свои силы. Первым удалось вырваться из окружения отрядам Басманова, Щербины и Кеймаха. Мы с Линьковым оставались в «блокаде». Немцы трезвонили, что отряды Бати (так называли Г. М. Линькова) уничтожены. Вскоре мы тоже вышли из окружения и направились в Ковалевичские леса. Все наши попытки связаться с отрядами Щербины, Кеймаха и Басманова не увенчались успехом. Позднее мы узнали, что они направились к линии фронта. Но какова их судьба, мы ничего не знали.

Вторая половина марта. По твердому хрустящему насту партизаны отправлялись на боевые задания. Одни шли на встречу с подпольщиками, другие сидели в засадах, третьи вели наблюдения за большаками, по которым усилилось движение танков, артиллерии, автотранспорта.

Каждый день возвращались партизаны, докладывали, и я по опыту Василия Васильевича Щербины записывал все в тетрадь, с болью сердца смотрел на эти сведения, понимая их важность для фронта, а передать на Большую землю не мог.

27 марта нам сообщили, что по деревням вокруг нашего лагеря бродят какие-то парашютисты, разыскивают отряд Бати. На другой день около полудня троих неизвестных вооруженных людей видели на дороге из Ковалевич в Забоенье. Нам показалось это странным. Оккупанты не ходят мелкими группами по таким дорогам. Я выслал новую разведку. В три часа дня, во время обеда, прибежал человек из охранения и доложил:

— На нашей тропе показались трое неизвестных.

Неизвестными оказались В. В. Щербина, Д. И. Keймах и Семен Климашев.

Если Кеймаха мы сразу узнали, то Щербину нелегко было с первого взгляда признать. В десантке и в шапке-ушанке он казался выше, а широкая черная борода закрывала всю его грудь и придавала лицу какое-то совсем новое для него выражение, будто бы Василий Васильевич сделался цыганом.

Появление гостей с Большой земли явилось большой радостью для партизан. Не успели наши десантники переступить порог землянки, как Василий Васильевич, обращаясь ко мне, сказал:

— Дайте нам что-нибудь поесть, а то голодные, как волки зимой.

Кеймах посмеялся.

— Узнаете обжору?

— Узнаем,— говорим.— По Гурецкому отряду знаем его аппетит.

Во время обеда Щербина рассказывал, как он с отрядом добрался до линии фронта, присоединился к частям Красной Армии во время освобождения города Опачек, как потом в Москву добрался и принес командованию известие, что мы живы, боремся и ждем связи.

Вот они и прилетели к нам, с оружием, боеприпасами, почти полтонной взрывчатки, множеством мин и самое главное — с радиостанцией. Теперь мы сможем не только слушать сводки Совинформбюро, но и сами будем посылать радиограммы на Большую землю. Все «подарки» эти лежат прямо в лесу, где-то между Нешковым и Островами,

и сторожат их только двое парашютистов — радист Николай Золочевский и разведчик Каждан. Надо немедленно выручать их и увозить груз, потому что там поблизости немецкие гарнизоны. О десантниках фашистам уже известно. Щербина в одной деревне слыхал, что женщины собираются в лес, искать парашютный шелк.

Десантникам даже отдохнуть не дали. Сразу же после обеда полсотни партизан построились, готовые к выступлению. Нам предстояло пройти за ночь километров пятьдесят.

Выступили мы, когда солнышко еще висело над лесом, снег был мокрый. К ночи дорога стала твердой, и под ногами предательски поскрипывало. Поэтому пришлось идти при сильном охранении и с большой осторожностью, некоторые населенные пункты обходили лесом.

На другой день в трущобах Белорусского государственного заповедника мы встретились с теми двумя десантниками, которые стерегли груз. Вместе с ними собрали громоздкие и тяжелые мешки, разбросанные по лесу. Но как их доставить на базу? Нужны подводы. Где достать лошадей и сани? В Терешках — немцы, в Островах-Лепельских — немцы, а вместо Нешково остались одни угли.

— Придется рисковать,— говорит Щербина.

Обсудили разные варианты. Решили, что лошадей придется брать только в Терешках. Потому что там есть у нас знакомые, надежные люди. Лес вплотную подходит к огородам, легко вести наблюдение и в случае неудачи быстро скрыться в лесу.

Когда стемнело, мой помощник Саша Перевышко с небольшой группой подобрался к Терешкам. Немцы расположились в школе, по улице ходит караул. Вот караульные удалились в другой конец улицы, партизаны бросились в знакомые хаты:

— Запрягай!.. Быстро! Выручай!

Когда караульные опять проскрипели сапогами мимо этих хат и удалились, четверо саней выехали со двора без хозяев и свернули на лесную дорогу.

...Пока пригнали сани, пока грузили да выбирались из лесных трущоб на дорогу, уже рассвело. Ехать надлежало опять мимо Терешек, левее деревни лишь метров на двести. И вот мы видим, как в прозрачном утреннем воздухе поднимается над трубами дым, женщины идут к колодцу. На улице несколько машин стоит, да и сами немцы то и дело

мелькают среди домов. А вот и патруль показался, с автоматами наизготовку.

Мы с Щербиной — впереди, за нами — Давид Ильич Киймах, Саша Перевышко с группой автоматчиков и двумя пулеметами — сзади, замыкающие. Все в готовности к бою. Мы ясно видим фашистов, они видят нас. Мы продолжаем идти, ждем стрельбы, криков. Слышу голос Щербины:

— Двум смертям не бывать. Пусть фашисты видят, что мы не боимся их.

Гитлеровцы в нерешительности стоят... Каждый из нас с минуты на минуту ожидает нападения, и каждый надеется, что эта нерешительность и медлительность врагов позволят нам пройти еще несколько десятков метров... Еще... Еще... Напряжение нарастает, но никто из нас не разрешает себе ускорить неторопливый шаг. И по виду все мы спокойны. Может быть, это наше пусть кажущееся спокойствие, эта будничная неторопливость и заставили немцев растеряться?

Вот уже голова нашей колонны, миновав открытое место, вступает под ветви деревьев. А за ней и сани одни за другими, и наконец тыловое охранение вошли в лес. И только тогда раздаются первые выстрелы. Мы не ответили. Преследовать нас в лесу фашисты не решились. Груз был спасен.

В полдень мы были в лагере отряда Ермоленко. Радист Николай Золочевский тут же сел настраивать рацию, а Василий Васильевич составил радиограмму в Москву о встрече с нами и благополучной доставке груза.

Вскоре прибыл начальник нашего центра Григорий Матвеевич Линьков. Сразу приступили к уяснению задачи. На длинном дощатом столе развернули карту, иссеченную черными линиями.

— Вот пути, на которых держится фашистская армия,— говорит Щербина.— Вот наш с вами фронт.

— Что же мы можем сделать? — недоумевает Саша Перевышко.

— Парализовать их. Видите эти узлы — Крулевщизна и Молодечно? По ним идет снабжение гитлеровской армии под Ленинградом. Мы должны задержать грузы и резервы, идущие к Ленинграду.

Начальник центра Григорий Матвеевич Линьков улыбается.

— Я вижу у вас на карте все железнодорожные узлы Белоруссии.

— Даже часть западных областей Украины прихватил, но это на будущее.— Щербина лукаво щурится на карту и разглаживает свою смолистую бороду.

С прибытием Василия Щербины и Давида Кеймаха боевая деятельность наших отрядов получает новое направление: главный упор на диверсии и разведку. Основным нашим оружием становилась взрывчатка. Надо было научить партизан пользоваться подрывными средствами, изучить мины, уметь их применить, знать тактику подрывника.

Вместе со своими помощниками-инструкторами Щербина занялся подготовкой подрывников. В отрядах возникли своеобразные «курсы подрывников». Занятия, как правило, носили практический характер. Отлично знал подрывное дело Щербина.

Весна вступила в свои права, деревья распустились, кругом зеленело. Наступила долгожданная «черная тропа», когда каждый кустик ночевать пустит.

Первый отряд подрывников под командой Куклинова направили к Полоцку, на железную дорогу Полоцк — Витебск. Вслед за первым отрядом Щербина, Кеймах и Черкасов повели подрывников к железнодорожным узлам Крулевщизна и Молодечно. Вскоре туда был направлен еще отряд под командой капитана Ермоленко.

Я повел партизан на дорогу Борисов — Орша.

Щербина выбрал место в лесу для отряда в двадцати—двадцати пяти километрах от железной дороги, где остался Давид Ильич Кеймах, сам с Черкасовым и двенадцатью подрывниками отправился на первую диверсию.

Двигались лесными дорогами, ночью, стараясь далеко обходить населенные пункты.

До железнодорожного полотна оставалось менее километра. На рассвете партизаны замаскировались в кустарнике на опушке леса. Недалеко был хутор, ходили люди, слышались их разговоры. С опушки хорошо просматривалась железная дорога. Видно было, как через каждые пятнадцать — двадцать минут проносятся поезда.

— Спешат к Ленинграду, сволочи,— ворчит Черкасов.

— Вот и смекните: в сутки проходит до девяноста составов. Остановите хоть на сутки и только на одной дороге — сколько не довезут к фронту солдат, боеприпасов, продовольствия,— говорит Щербина и что-то записывает в тетрадь.

День был жарким, хотелось и есть, и пить, но ничего не было, кроме махорки.

— Следующий раз запасусь куском хлеба,— сказал Черкасов.

— Это верно, у подрывника всегда должен быть неприкосновенный запас в кармане,— заключил Щербина.

Еще засветло Щербина распределил обязанности, кто будет минировать, кто охранять справа, слева, кто прикрывать в случае преследования. Наметил пути подхода, отхода, место сбора, пароль.

Солнце скрылось за лесом, сумерки покрыли землю, партизаны пробрались к намеченным местам. Щербина, Гавриков и Куликов подползли к насыпи. Быстро заложили мину под рельсы, замаскировали, перебросили проводки и стали отползать назад. Уже отчетливо были слышны голоса и стук приближающихся немцев-охранников. Они шли по насыпи, громко разговаривая и методично выпуская очереди в ночную тьму.

— Отгоняют страх от себя,— тихо сказал Василий Васильевич.

Партизаны собрались на опушке леса. Все взволнованно ждали, как произойдет взрыв, что будет с эшелоном.

Ждать пришлось недолго.

Послышался ритмичный гул, блеснули яркие лучи света. Затаив дыхание, мы ждали взрыва.

...Паровоз повалился с насыпи и потащил за собой вагоны. Пожилой партизан Иван Бондарь, сняв шапку, сказал:

— Слава богу, вышло, как надо.

— Начало хорошее,— одобрил и Щербина.— Теперь пошли!

Партизаны радовались, словно дети, жали друг другу руки. Забыли, что смертельно устали и что около двух суток ничего не ели. Взрыв придал им силы.

Утром на привале Щербина произвел детальный разбор ночной диверсии. Потом стало известно: дорога простояла двенадцать часов.

За первую полсвину мая 1942 года подрывники под командой Щербины пустили под откос четырнадцать воинских эшелонов. Могло быть значительно больше, но не все мины взрывались из-за плохого качества батареек от карманных фонарей.

Прошло два месяца, настало время подвести итоги сделанного и наметить задачи на дальнейшее. И вот мы остановились около деревни Янушкевичи, что севернее Минска. Тут должна была состояться встреча Щербины с Keймахом. Первым прибыл Кеймах, Щербина, наш Бородач, явился с комиссарами трех крупных отрядов: «Мститель», «Борьба» и «Дядя Вася». Оказалось, что Василий Васильевич, находясь в новом районе, установил контакты с местными партизанскими отрядами, поделился с ними опытом своей работы. Партизаны этих отрядов, тогда еще не имевшие связи с Большой землей, с завистью смотрели на людей Бородача, имеющих свою радиостанцию и взрывчатку. Им же приходилось только развинчивать рельсы, смазывать их мылом, делать подкопы, ставить завалы, башмаки. «Шуму много, а толку мало» — так с досадой говорили они.

Щербина поделился с партизанами взрывчаткой, но у него самого было, как говорят, в обрез. Поэтому он и привел представителей этих отрядов, чтобы договориться о более основательной помощи. Решили, что все отряды выделят по десять человек, которых наш старый партизан — политрук Купцов Василий Михайлович из Марийской автономной республики — поведет под Лепель, на старую базу, где остался наш отряд под командой Ермолкевича, и возьмет там взрывчатку и мины.

Расстояние из Налибокской Пущи до Лепельских лесов изрядное, но это был единственный выход. Надо было пройти сотни километров по тылам врага, только бы добыть оружие для борьбы.

Проводив гостей, Щербина опять развернул свою пятикилометровку, прикрепил ее к стволу огромного дуба и доложил о проведенных боевых операциях. Под конец доклада он предложил оставить под Минском его и Кеймаха, чтобы создать там две базы. Одну — в лесах между Плещеницей и Лагойском, с задачей нарушать движение на железнодорожных узлах Крулевщизны, Минск и Молодечно. Другую — в Налибокской Пуще, южнее города Воложина, с задачей проводить диверсии на участках железных дорог Молодечно — Минск, Лида — Молодечно, Барановичи — Минск. Первую группу возглавил Кеймах, другую — Щербина.

В новом районе Василий Васильевич развернул исключительно энергичную деятельность. Он был неутомим. Готовил подрывников и разведчиков, встречался с подполь-

щиками, выступал в деревнях перед крестьянами, рассказывал им о положении на фронтах, призывал людей к борьбе с немецкими захватчиками. Сам водил партизан на диверсии, в засады. Бывая в местных партизанских отрядах, помогал им в развертывании диверсионной и разведывательной работы, делился взрывчаткой, оружием...

Щербина, Бородач, пользовался большим уважением среди партизан и населения, о нем ходили легенды. Чего только не делали гитлеровцы, чтобы расправиться с «бородатым капитаном»! Засылали своих агентов, устраивали засады, облавы — все безуспешно.

Против партизан, находившихся в Налибокской Пуще, Вильгельм Кубе, ставленник Гитлера в Белоруссии, послал кроме карательных частей и шуцмановских батальонов 2-ю мехдивизию СС при поддержке артиллерии и авиации. Нелегко пришлось партизанам. Но они устояли, прорвали блокаду и продолжали борьбу с оккупантами.

После этой «налибокской блокады» московский Центр поздравил Василия Васильевича Щербину с присвоением ему воинского звания майора. А 23 сентября 1942 года при осмотре новых мин произошел внезапный взрыв, в результате которого погибли Василий Васильевич Щербина и командир отряда Кузнецов. Да, подрывник ошибается только один раз.

Не стало нашего Бородача.

В январе 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные отвагу и геройство Василию Васильевичу Щербине посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Его героизм, как и мужество всех советских партизан, вошел славной страницей в историю борьбы нашего народа за свободу и независимость социалистической Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

Отзывы и пожелания просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., 7, Политиздат, редакция литературы по истории советского общества.

Л 93 **Люди легенд.** Очерки о партизанах и подпольщиках — Героях Советского Союза. Вып. 5. М., Политиздат, 1975.

511 с. с ил.

Пятым выпуском «Люди легенд» завершается издание книг о партизанах и подпольщиках — Героях Советского Союза. Вышедшие ранее 1-й в 1965 г., 2-й — в 1966 г., 3-й — в 1968 г. и 4-й — в 1971 г. хорошо приняты читателями.

Двумстам тридцати шести Героям Советского Союза посвящены книги «Люди легенд». В них показано, что героическая борьба этих замечательных людей, их боевых товарищей против фашистских захватчиков по ту сторону фронта представляет собой всенародный подвиг, совершенный под руководством нашей партии во имя того, чтобы отстоять Советскую Родину, помочь Красной Армии приблизить день великой Победы.

Л $\frac{10604-223}{079(02)-75}$ 239—74 9(С)277

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. Ф. Торопов*

Младший редактор *И. А. Дегтярева*

Художник *В. И. Терещенко*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

Подписано в печать с матриц 28 января 1975 г. Формат $60\times84^1/_{16}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 30,69. Учетно-изд. л. 27,85. Тираж 100 тыс. экз. А 00011. Заказ № 4268. Цена 1 р. 18 к.

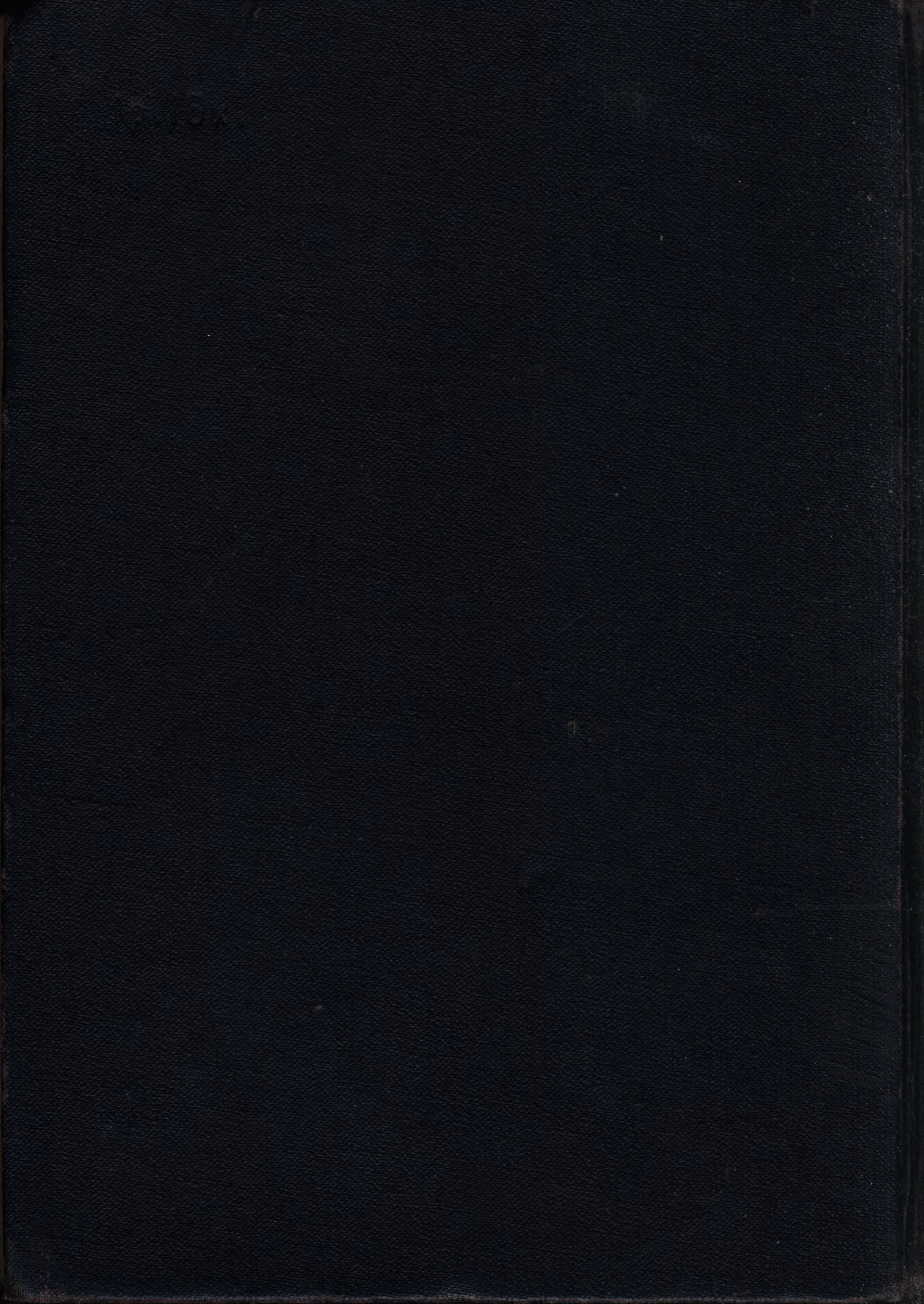
Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набрано и сматрицировано в комбинате печати издательства «Радянська Україна», Киев-47, Брест-Литовский проспект, 94.

Отпечатано с матриц в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

ЛЮДИ ЛЕГЕНД

Выпуск пятый